

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ
ПАРОДИЯ

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ
ПАРОДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 0

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ ПАРОДИЯ

(XVIII – НАЧАЛО XX В.)

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. А. Морозова*

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ ПАРОДИЯ

1

А. И. Герцен в «Былом и думах» запечатлел живой портрет своего друга Энгельсона, обладавшего незаурядным комическим талантом. Он представлял все на свете, манеры и облик различных людей, но лучшею его ролью был Николай I, которого Энгельсон «дейтельно ненавидел». Он брал стул, садился на него верхом и показывал, как царь «сурово подъезжал к выстроенному корпусу». Это Николай на смотру. «Он сердится и, поворачивая лошадь, говорит корпусному командиру: «Скверно». Корпусной с благоговением выслушивает, глядит вслед Николаю и потом, понижая голос и задыхаясь от бешенства, шепчет дивизионному генералу: «Вы, ваше превосходительство, кажется, заняты чем-то другим, а не службой». . . Дивизионный генерал краснеет, краснеет и бросается на первого попавшегося полковника. . . Так от одного чина до другого с неуловимо верными нюансами императорское «скверно» доходит до вахмистра, которого эскадронный командир ругает по-площадному и который, ничего не говоря, эфесом сабли тычет изо всей силы в бок флангового солдата, ничего не сделавшего».¹ Эти едкие сатирические сценки представляют собой мимическую пародию, выросшую из бытового передразнивания и получившую социальную остроту.

Пародирование иногда рождается шутивным расположением духа и без особой сатирической направленности. Среди товарищей Пушкина по лицу был М. Л. Яковлев, который «паясил», изображая

---

¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 10. М. — Л., 1956, стр. 339—340.

кого угодно и что угодно, в том числе «восковую персону» и «петербургское наводнение». Понятие пародийности шире понятия литературной пародии. Возможно пародийное описание исторических событий, быта, претенциозной обстановки, наружности людей, их характеров и поведения в сатирическом или юмористическом произведении, которое само по себе не является пародией.

Необходимым условием для возникновения пародийности является наличие «второго плана» — контрастирующего фона. Эффект пародирования заключается в отчетливо ощущаемом сопоставлении с пародируемым. Наличие «второго плана» само по себе еще не создает пародийности. Ощущение «второго плана» неизбежно при всяком подражании, стилизации. Для возникновения пародии нужно определенное отношение к этому «второму плану» — скептическое, ироническое, дружественно насмешливое, шутовское или саркастическое, — то или иное, но непременно контрастирующее с оригиналом, нарушающее, а нередко разрушающее привычное восприятие.

Всякая пародия является подражанием, следованием за оригиналом. Однако далеко не всякое подражание, в том числе и комическое, будет пародией. Там, где комическое подражание следует лишь общим чертам оригинала, ограничивается его тематикой или продолжает и развивает его в том же направлении, наполняя его новым материалом, оно остается в ряду подражаний, не лишенных черт пародийности, но не становится пародией.

Пародия может заключать в себе различную направленность или даже совмещать несколько направленностей. Пародия на стиль или жанр переходит на идейное содержание и нападает на него под забралом пародирования художественных средств. Однако разоблачение одной тематики или идейной сущности произведения без обращения к его художественным средствам не будет еще пародией. Такие произведения должны быть отнесены к памфлету и другим сатирическим и публицистическим жанрам. Поэтому необходимо отличать литературную пародию от литературной сатиры, не пользующейся средствами пародийного воспроизведения художественных особенностей пародируемого оригинала.

Можно выделить следующие основные разновидности литературной пародии: 1. Юмористическая или шуточная пародия. Отличается ослабленной направленностью по отношению ко «второму плану», что сближает ее с комической стилизацией; может быть не лишена критицизма. К юмористической пародии примыкают и некоторые виды шуточной поэзии с чертами пародийности, а также автопародии. 2. Сатирическая пародия. Отличается отчетливой направленностью против пародируемого объекта. Занимает враждебную или резко

критическую позицию по отношению к оригиналу. Нападает на идейную и эстетическую сущность произведения пародируемого автора или целого направления. 3. Пародическое использование. Изменяет свою направленность, обращая ее на внелитературные цели. Направленность против используемого (пародируемого) оригинала либо вовсе отсутствует (пародии на классиков и писателей далекого прошлого), либо сочетается с внелитературной. Пародические использования можно, в свою очередь, разделить на сатирические, служащие общественно-публицистическим целям, и юмористические.¹

Отсутствие или наличие сатирической направленности само по себе не определяет общественного значения пародии, а лишь указывает на определенную жанровую ее разновидность. Сатирическое нападение может вестись и с прогрессивных и с реакционных позиций. Было бы неверно рассматривать пародию только как обличительный жанр — прогрессивный, так сказать, по самой своей природе, игнорируя историческое существование консервативно-охранительной, реакционной пародии. Эти же соображения относятся и к юмористической пародии. Конечно, по своему общественному значению юмористическая пародия занимает более скромное место по сравнению с сатирической, однако их нельзя противопоставлять друг другу.²

Литературная пародия, сатирическая и отчасти юмористическая, в отличие от пародических использований, является одной из форм художественной критики. Пародия вырастает из критики и продолжает ее средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого. Это — предметная критика. Раздраженный и насмешливый критик, наряду с логическими доводами, переходит на пародию. Приведение к абсурду художественных средств разбираемого автора является своеобразным критическим доказательством.

---

¹ Подробнее определение жанра дано в нашей статье «Пародия как литературный жанр (К теории пародии)». — «Русская литература», 1960, № 1, стр. 48—77.

² Такое противопоставление предлагает П. Н. Берков, который различает две разновидности «реакционной пародии»: «во-первых, направленную против передовых явлений в литературе... и, во-вторых, пародию „развлекательную“, ставящую своей целью не сатирическое осмеяние каких-либо отрицательных явлений в литературе, а создание якобы смешных произведений путем шаржирования» (П. Н. Берков. Из истории русской пародии XVII—XX вв. — «Вопросы советской литературы», т. 5. Л., 1957, стр. 236). Эта классификация ошибочна, так как тогда пришлось бы отнести к реакционной поэзии всю шуточную пародию, в том числе и «Югельского барона» М. Ю. Лермонтова, и другие подобные же произведения.

В основе сатирической литературной пародии лежит неприятие пародируемого произведения, его идейного содержания и стиля (в целом или в существенных чертах). Дружественная пародия ориентируется на юмор, но способна переходить в сатиру. Одна негодует и дискредитирует, другая шутивно и благожелательно указывает на промахи и заблуждения. Сатирическая пародия прибегает к наиболее острым и разрушительным средствам переосмысления пародируемого оригинала. Главнейшие ее средства — утрировка и гиперболизация образного строя, доведение его до абсурда, нагромождение поэтических шаблонов, обычно не связанных между собой или противоречащих друг другу, нарочитая подстановка или подмена традиционных тем и мотивов (например, в лирике) неожиданными прозаизмами.

Пародия зависит от пародируемого объекта. Она, как и всякое другое произведение искусства, отражает действительность. Только действительностью для нее является само искусство. Поэтому пародию можно определить как искусство второго отражения, т. е. как отражение отражения. Но пародия не просто отражает, а преломляет и «искажает». Характер этого «искажения» определяется позицией пародиста и объективным содержанием произведения, которое иногда и приобретает решающее значение. Этим, как нам кажется, объясняется и то, на первый взгляд странное, обстоятельство, что пародисты, принадлежащие к различным и даже антагонистическим общественно-политическим и литературным лагерям, обращаясь к одним и тем же произведениям, обнаруживают почти одинаковый «угол преломления», пародируют одни и те же характерные черты стиля и творческой манеры. Пародии А. Е. Измайлова в «Благонамеренном», пародии Н. Полевого в «Новом живописце» и пародии, инспирированные Гречем и Булгариным в «Альдебаране», нападали на одни и те же произведения поэтов пушкинского круга. Эти пародии не только отмечают одни и те же черты пародируемых произведений, но и близки по манере пародирования. Значит ли это, что Полевой и Булгарин перекликались уже в то время и общественно-политически или социально? Полагаем, что нет. Пародисты подмечали объективно существовавшие характерные особенности стиля и жанров, хотя источники и причины их отрицательного отношения к пародируемым явлениям были различны.

Сатирическая пародия вторгается в литературную борьбу и становится одним из ее средств. Пародист стремится лишить эстетической ценности неприемлемое для него литературное произведение (за которым нередко скрывается целое направление). Пародия выступает не только против отживающих или скороспелых литератур-

ных течений. Она указывает на слабости и незрелость побеждающих и сильных направлений. Пародия способна надолго дискредитировать и значительных поэтов, в особенности если их творчество не отвечает требованиям общественного развития.

Острее всего пародия воспринимается современниками и воздействует на их вкусы и литературные симпатии. Пародии не проходили бесследно и для пародируемых авторов. В. Петров под влиянием пародий переработал «Оду на великолепный карусель» (1766). Д. И. Хвостов при переиздании своих басен устранил как раз те, что вызывали насмешки арзамасцев. Даже такой самодовольный поэт, как Бенедиктов, оказался чувствительным к уколам пародистов. М. П. Розенгейм после рецензий Добролюбова и пародии Минаева «Дуэт» не включил в издание своих «Стихотворений» 1864 года «Современную думу». Что же касается К. К. Случевского, то под напором критики, поддержанной пародистами, он надолго замолк.

Исторически воспринимаемая пародия почти всегда ослаблена. Все же мы знаем немало случаев, когда пародия напоминает нам о поэтах, а иногда даже подменяет их подлинный облик. Пародии арзамасцев и Пушкина донесли до нас имя графа Хвостова, пародия Добролюбова сохранила имя Розенгейма. Пользовавшийся громкой популярностью Бенедиктов поддерживает ее теперь главным образом с помощью Козьмы Пруткова. В кривом зеркале пародии отражаются не только отдельные литературные явления, но и историко-литературный процесс. История пародии — это как бы вывороченная наизнанку история литературы. Поэтому наибольшей популярностью у пародистов пользуются не замечательные поэты, а шумные и претенциозные герои литературной моды. По успеху у пародистов, по пародийной славе наиболее заметными поэтами оказываются не Пушкин, Лермонтов или Тютчев, а Е. Ростопчина, В. Бенедиктов, В. Крестовский, М. Розенгейм. Нынешний читатель старой литературной пародии уступает ее современникам в остроте, силе и свежести восприятия. Пародия уже не задевает его непосредственно и меньше смешит. Историческое восприятие, как и восприятие пародии ее современниками, связано с узнаванием пародированного оригинала. Но это узнавание осложнено всем последующим литературным опытом. Новый читатель соотносит пародию с предшествовавшей литературной историей и с литературными и общественными явлениями своего времени. Ему подчас трудно переключиться на восприятие современников и стать на точку зрения пародиста. Если у читателя смутное представление о пародируемом произведении, авторе или стиле, если «второй план» для него сбивчив и неясен,

то он подпадает под влияние пародиста и воспринимает «оригинал» только под углом зрения пародии. Это приводит к печальным последствиям. Встречаются люди, которые, не представляя себе подлинного характера и исторического значения деятельности В. К. Тредиаковского, приписывают ему застрявшие в памяти стихи, даже не подозревая, что это поздняя пародия:

Императрикс Екатерина, о!
Поехала в Царское Село. . .

Историческое восприятие пародии требует некоторой тренировки и литературных познаний. Возникает необходимость ретроспективного восприятия литературных явлений. Но вместе с тем пародия как бы переносит нас в атмосферу минувшей литературной борьбы, заставляет почувствовать былую новизну и своеобразие произведений далекого и недавнего прошлого, указывает на непригодность старых средств художественного мышления для выражения нового общественного содержания. Пародия встречает гримасой рождение новых литературных форм. Но еще чаще она провожает насмешливым свистом отжившие произведения эпигонов. Пародия не столько убивает, сколько добывает прежде всего то, что уже подточено самим временем. Пародии «встречают сочувствие, читаются с удовольствием и означают, что то, на что они намекают, уже не пользуется особенным сочувствием публики».¹

2

Русская литературная пародия начала свое существование с острых и совершенных образцов. Зачинателем и мастером ее был А. П. Сумароков. Запальчивый, мнительный, озлобленный, желчно-наблюдательный и нетерпимо раздражительный по натуре, Сумароков был прирожденным пародистом. Его противниками были горячий до бешенства М. В. Ломоносов и тонко-язвительный, болезненно обидчивый В. К. Тредиаковский. Пародийная борьба переплеталась с личными нападками довольно грубого свойства (упоминания Бахуса и т. д.).

В литературной борьбе XVIII века сталкивались и скрещивались различные традиции и влияния. Шло интенсивное усвоение новых литературных форм и жанров на русской почве. Старая литературная традиция XVII века не была просто отвергнута, а продолжала воздей-

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 595.

ствовать на литературное сознание, побуждая к деятельной переработке чужеземных образцов. Происходило взаимопроникновение и совмещение разных стилевых тенденций. Это было время новаторства и экспериментов, теоретических поисков и практических попыток, далеко не всегда совпадавших друг с другом. Свое существование отстаивали не столько сложившиеся, сколько формирующиеся стили, осознававшие себя и как бы закалявшиеся в литературной борьбе. Это обстоятельство придавало особую действенность пародии, которой подчас приписывали преувеличенное значение. На пародию переходили и пародией завершались многие теоретические споры и критические рассуждения. Для «века разума» самым убедительным было доказать нелепость своего противника. Критика обращалась к пародии, пытаясь воочию показать абсурдность отвергаемой художественной концепции или поэтической практики. Пародия захватила самые различные области. Пародировали не только слог, но и ритм, отдельные неудачные рифмы и обороты речи, даже орфографию, весьма неустойчивую и только вырабатывавшуюся в то время. Пародийная борьба велась с большим знанием дела. Пародия XVIII века отличалась целеустремленностью, меткостью и острым завершением, которое Тредиаковский называл «шилце» (*pointe*). Пародия гротескно перерабатывала наиболее характерные особенности стиля и авторской манеры, неприемлемые для пародиста.

Литературная пародия XVIII века появилась в составе комедии-памфлета и служила одним из средств сатирического осмеяния персонажей. В комедии Сумарокова «Тресотиниус» два ученых педанта, в которых современники без труда узнавали шаржированные образы Тредиаковского и Ломоносова, спорят между собой о том, какая графическая форма более всего приличествует букве «т». Общий пародийно-издевательский фон облегчает и введение пародии и усиливает ее действие. Карикатурная фигура пародируемого автора является мотивировкой для ввода пародии. В уста Тресотиниуса и вложена пародия на любовную лирику Тредиаковского. Пародируются обычные для Тредиаковского упреки в гордости и умильные просьбы явить милость любви из сострадания к его мукам. Пародия подчеркивает и характерные для Тредиаковского смещение просторечия и архаики («драго», «завсегда», «исподтиха»), тавтологические эпитеты.

Пародия, вложенная в уста Тресотиниуса, представляла собой не столько гротескную переработку и гиперболизацию стиля с нарочитым его обесмысливанием (как в пародиях того же Сумарокова на Ломоносова), а являлась скорее стилизацией манеры Тредиаковского. Пародийность же достигалась проведением стилистических

приемов Тредиаковского на фоне комедии, где курьезная фигура автора (театральные средства), реплики действующих лиц (которые служат формой оценки), стилевое несовпадение разговорного языка комедии и «песенки» Тресотиниуса создают условия для пародийного осмысления текста. В таком контексте умеренная стилизация, даже подлинные стихи осмеиваемого поэта могут прозвучать как пародия.

Сатирические нападки и пародии Сумарокова немало содействовали дискредитации Тредиаковского как поэта и человека в недоброжелательном к нему придворном кругу, охотно издевавшимся над незащитным ученым, не лишенным смешных черточек чудака и педанта. Впоследствии насмешки над Тредиаковским служили удобным поводом для дискредитации политических суждений, про- скальзывавших в «Тилемахиде». ¹

Наиболее ожесточенная полемика в 1750-х годах велась вокруг одического стиля Ломоносова. «Разумные» критические доводы и стремление привести к абсурду поэтические средства противника завершались пародированием. Основанный в 1759 году Сумароковым журнал «Трудолюбивая пчела» кишел нападками на Ломоносова. Сумароков проводит противопоставление неискушенной, искренней, изъясняющей свое «природное чувство» поэзии холодно и расчетливо «бредящему» поэту. В статье «О неестественности» Сумароков описывает увиденные из окна похороны посадского, за гробом которого шла вдова и причитала. Ее вели под руки, хотя она шла бодро «и на всем пути некоторой туфли от вязкости грязи с ноги не сронила» и «не вышла ни разу из каданса». «Пришли мне от сего зрелища на ум, — продолжает Сумароков, — те стихотворцы, которые, следуя единым только правилам, а иногда и единому желанию ползти на Геликон, нимало не входя в страсть и ничего того, что им предлежит, не ощущая, пишут только то, что им скажет умствование или невежество, не спрашиваясь с сердцем или паче не имея удобства подражать естества простоте». ²

Стремление Сумарокова к простоте, естественности и непринужденности поэтической речи, сближению ее с разговорной приводило к столкновению с торжественным одическим стилем Ломоносова. Ломоносовская важность и пристрастие к грандиозным образам для него лишь «пухлость» и «надутость», риторическая взволнованность

---

¹ Екатерина II в журнале «Всякая всячина», а также на своих вечерах в Эрмитаже стремилась превратить в посмеище «Тилемахиду» Тредиаковского, чтобы опорочить нежелательную ей книгу, со- державшую выпады против деспотизма (А. С. Орлов. «Тилемахиде» В. К. Тредиаковского. — «XVIII век», вып. 1, 1938, стр. 24—25).

² «Трудолюбивая пчела», 1759, апрель, стр. 239—240.

и смелость метафорического мышления — сумбур и неясность. «Пропади такое великолепие, в котором нет ясности», — писал Сумароков в статье «К неммысленным рифмоторцам».¹ Критические суждения Сумароков сопровождает пародированием. В майской книжке «Трудолюбивой пчелы» (1759) помещены традиционные для литературы XVIII века «Разговоры мертвых» (в подражание Лукиану). В одном из них Медик справляется у Стихотворца, какие он видит сны. «Стихотворец: «Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и протчее тому подобное». Затем он сообщает: «Приснилось мне, будто я сын Тартара и земли, и что я, лежа под Етною, ворочаюсь и не могу выдраться, и будто мне Юпитер приговаривает: не трогай неба, не трогай неба! Конечно, это знаменовало то, чтоб я к небу не приискивал рифмы, потому что я вить не прямой Енцелад был». Медик: «Тягостные это сны». Стихотворец: «Иногда вижу я и наяву мечтания: кажется мне иногда, будто я Икар и подлетел близко к солнцу; когда растаяли мои крылья, в море упал. Иногда кажется мне, что я Фаетон и свержен с огненной колесницы. А иногда думается мне, что я прекрасная финикийская царевна и еду на корове». Медик: «Стихотворцы не все на парнасском ездят коне: не один ты, многие ваши братья на коровах ездят».² В «Разговоре» пародийно осмысливается пристрастие Ломоносова к гигантским образам, которым он придает стремительное движение. Осмеиваются (с соблюдением ломоносовской орфографии) и отдельные частности ломоносовских од: «готфска Фаетонта» (в Оде 1742 года), гигант Энцелад (упоминаемый в Оде 1750 года):

Мрачил вселенну Енцелад,
Ревет над Етною, рыдая,
И телом наполняет ад...

Отсюда недалеко до создания самостоятельной пародии на одическую тематику и стиль Ломоносова в форме оды. В «Трудолюбивой пчеле» (1759, октябрь) появляется «Дифирамв», в котором личные выпады и намеки чередуются с издевкой над стилем и лексикой Ломоносова:

На Севере я вижу полдень,
У Колы Флору на лугах...

Ломоносов, получивший к тому времени большую власть в Академии наук, от имени президента К. Разумовского распоря-

¹ «Трудолюбивая пчела», 1759, декабрь, стр. 764.

² «Трудолюбивая пчела», 1759, май, стр. 303—305.

дился: «Его сиятельство вздорных од вносить не приказал, что велеть исполнить Барсову».¹ Записка эта составлена не позднее 15 ноября 1759 года. С тех пор стихотворные пародии в «Трудолюбивой пчеле», печатавшейся в Академической типографии, не появлялись, а в конце года журнал и вовсе прекратил свое существование, и, по-видимому, не по воле издателей. «Вздорные оды», то ли так названные самим Сумароковым, то ли получившие это наименование от Ломоносова, увидели свет только после смерти и пародиста и пародируемого в собрании сочинений Сумарокова, изданном в 1781 году Н. И. Новиковым.

Во «Вздорных одах» Сумароков осмеивал «громокипящий» одический стиль Ломоносова, его приукрашенность, пристрастие к разящим метафорам и сравнениям. Сумароков нападал на все, что было у Ломоносова от барочной пышности и старинного велеречия. Он пародировал и комически осмыслял весь строй ломоносовских од: лирический приступ, описание взлета и парения восторженной души поэта, напряженность изложения, нарушающую порой логическую упорядоченность речи, перелеты от одного мотива к другому, нагромождение тропов и фигур, предметно непредставимых образов:

Превыше звезд, луны и солнца,
В восторге возлетаю нынь...
Корабль шумящими горами
Подъемлется на небеса;
Там громы в громы ударяют
И не целуют тишины...

Обычная для ломоносовских од картина грандиозного столкновения стихий доводится до абсурда с помощью нелепых сочетаний, а отчасти комической реализацией словесных образов и метафорических построений Ломоносова (Борей «в твердь разит» китов). Сумароков последовательно осуждает и приводит к нелепости свойственные Ломоносову смысловые сдвиги, использование им метафорических возможностей слова в непривычном одическом контексте. Метафора вводится немотивированно и затем развертывается как нелепость, т. е. за ней не стоит никакого ряда сближающихся ассоциаций, которые дают возможность вторичного метафорического употребления, как у Ломоносова (например, улей — «восковая келья»). У Сумарокова алогические построения: «Пучины топчет

---

¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9. М.—Л., 1955, стр. 404. А. Барсов — корректор Академической типографии.

пирамид». Поэтическая лексика Сумарокова стремилась к моносемантизму (закреплению за словом постоянного значения). Он органически был чужд смелой игре метафорическими значениями слова, раскрывающимися в неожиданных контекстах. Сумарокова возмущали своей «нелепостью» даже такие эпитеты, как «пламенные звуки» или «прохладные тени»: «Тени не прохладные, разве охлаждающие или прохлаждающие», — писал Сумароков. С этих позиций ему кажутся верхом нелепости стихи Ломоносова в описании битвы (Ода 1742 года):

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой. . .

Через семнадцать лет после написания этих стихов Сумароков припоминает их Ломоносову в «третьей вздорной оде»:

Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед. . .

Обращение к грозным силам природы, величественные пейзажи севера, исполинские горы, шумные реки, вечные льды — весь этот поэтический «реквизит» претит Сумарокову, равно как и эмоциональная приподнятость, ораторский пафос и риторические формулы Ломоносова — постоянные восклицания, вопрошания, возгласы, обращения. Все это обесмысливается и предается осмеянию. Вместо страстного обращения к молодому поколению (в Оде 1750 года):

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокий лес. . .
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет. . . —

выступает фигура самодовольного и превознесшегося поэта, который вещает о самом себе:

Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину;
Возникни, муза, и греми!

После прекращения «Трудолюбивой пчелы» пародийные нападки на Ломоносова продолжал М. М. Херасков, вкрапывая их в литературный материал журнала «Полезное увеселение». В статье «Путе-

шествие Разума» повествуется, как Разум, «прохаживаясь по свету», зашел на «парнасскую богадельню, где покоились «немогущие сочинения». В одной горнице Разум узрел «сидящую за столом оду, которая движением всех своих членов доказывала, что она великую работу имеет». Разум полюбопытствовал, чем она занята, и получил ответ: «Теперь я полечу в Эфир, после побываю в Луне; отсюда мне должно спуститься в преисподнюю, испугать Цербера, смутить Фурий; после уйти, подняться к облакам, зажечь молнию, ударить громом, потрясти Олимп, отсюда стремглав слететь и не ушибиться...» Характерно, что подобные выпады ведутся с позиций рационализма. Образный строй Ломоносова был во многом чужд рационалистической эстетике классицизма, что и вызывало нападки на него. Выпад против «парения» и титанических образов од Ломоносова сопровождается пародированием его трагедии. В другой горнице Разум увидел перед собой стоящую на коленях героиню. «В руке ее был кинжал, который над своей грудью держала и с жалостью вопила:

Тиран ты, не отец; не человек ты — зверь;
Отдай любовника, иль я умру теперь...

Эпитафия, сопровождавшая Разум, поясняет: «Это одна лидийская царевна, она при жизни своей ни с кем не любивалась и вышла замуж без всякой страсти; но после ее смерти, спустя лет с 1000, один разумный сочинитель, вызвав из преисподней дух ее, натвердил ей, будто она крайне влюблена в какого-то персидского царевича, которого отец послал куда-то будто на войну, где его жестоко ранили; она весть сию услышала, а сочинитель приказал ей заколоться, ежели отец любовника ее не велит ему домой возвратиться; о том-то она рыдает, но скоро, думаю, обрадуется: это, кажется, ее любовник с войны возвращается; о! какое приятное будет у них свидание! Только она сие окончила, любовница опять прежнюю просьбу повторять начала; но подъятую с кинжалом руку схватил приезжий любовник, и, радостно с нею обнявшись, пошли в храм обвенчаться...»¹

Нет никакого сомнения, что здесь пародируется не классическая трагедия вообще, а «Тамира и Селим» Ломоносова. Пародируются вымышленные персонажи этой трагедии: багдадский царевич Селим, которого любит дочь крымского царя Тамира, обещанная своим отцом в супружество Мамаю, упреки отцу и монологи Тамиры. В конце трагедии Тамира хочет заколоться: «Ты умер для меня; я следую

¹ «Полезное увеселение», 1760, ч. 1, № 14, стр. 137—150.

тебе», но подоспевший вовремя Селим, схватив ее за руку и вырвав кинжал, восклицает: «Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!» Это яркий пример включения пародии в журнальную сатиру, вскоре получивший применение в русской сатирической журналистике второй половины XVIII века. Следует заметить, что пародировались обычно не отдельные произведения, а общий стиль и тематика писателя, а также излюбленные им жанры. Приведение к абсурду бурного ломоносовского стиля давалось сравнительно легко и вызывало значительный комический эффект, тогда как нивелированный и нейтрализованный стиль Сумарокова представлял для этого меньшие возможности. Пародирование Сумарокова его противниками выражалось в нападках на неправильное словоупотребление (эпиграмма-пародия Ломоносова «Женился Блез...», пародирование Тредиаковским «Хорева») или в эпиграмматических пародиях, переходящих в пасквиль личного характера (у Ф. Эмина). Включение пародий в эпиграмматические жанры было вообще характерной чертой литературной пародии XVIII века.

3

Заметное место в истории пародии XVIII века принадлежало сочинениям поэта и академического переводчика Ивана Баркова (1732—1768).¹ Творчество Баркова пародийно противостояло и сознательно противопоставлялось им «высокой литературе». Излюбленные и традиционные жанры классицизма, в первую очередь ода и трагедия, были использованы им в глумливых целях. Барков в тривиальных выражениях воспевал Петра III:

Ликуй, Россия, восплеши!
С весельем юные и стары
Приять щедрот обильны дары
Потщитесь к трону притещи.
Крепка и щедра вдруг десница
И всё исполнит без препон...²

---

¹ Уже с конца XVIII века Баркову стали приписывать многочисленные произведения, получившие наименование «барковщины». Впоследствии, помимо действительно принадлежавших ему «срамных сочинений», Баркову также приписывали множество различных вещей, в том числе непристойную переработку «Горя от ума», т. е. комедии, появившейся через полстолетия после его смерти.

² «Ода на всерадостный день рожества его величества... государя Петра Федоровича». Соч. Иваном Барковым. СПб., 1762.

Но ему, несомненно, претила эта официальная одическая буафория, и он буквально втоптывает ее в грязь в своих пародиях. Он пародировал стиль и образный строй хвалебной оды. «Срамные оды» Баркова — грандиозное гротескное снижение высокой одической поэзии XVIII века. Непосредственным их адресом являлась классическая ода ломоносовского стиля, которая служила образцом и для самого Баркова при сочинении им «должностных од». Барков от лично владел одическими штампами. Он употреблял смелые и разительные сравнения и метафоры, вспоминал античных богов и деяния древности, используя все это самым неуместным образом. Пользуясь традиционными художественными средствами «высокого штиля», Барков производит подмену одического героя весьма низменными предметами, вдобавок называемыми своими собственными «площадными» именами, что неизбежно вызывало комический эффект. Вот начало одной из самых непристойных од Баркова:

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать...

Это прямо из Ломоносова, и притом из его «духовной оды» — «Преложение псалма 145»:

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, воссылать...

В пятой строфе у Баркова — упоминание о «псалме»:

Почто мя смертны забывают,
Почто в псалмах не прославляют,
Почто я так на свете мал...

Барков пародирует и мотивы прославления геройских подвигов:

Коликих ты достоин од!
Ни рвы, ни камни, ни вершины,
Ни адска челюсть, ни стремнины
Сдержать не могут твой поход.²

---

¹ Рукоп. отд. Института русской литературы Академии наук СССР. Сочинения Баркова. Дальнейшее цитируется по этой рукописи (второй половины XVIII века).

² Ср. у Ломоносова в «Оде на взятие Хотина» (1739):

Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
... Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.

Другая ода Баркова пародирует традиционное обращение к императрице. Он называет свой «предмет» — «всеобщая людей отрада» и «веселостей всех мать» и продолжает:

Начало жизней и прохлада,
Тебя хочу я прославлять!
Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт.¹

Пускается в ход мифология:

Куда лишь взор ни обратится,
Трехглавый Цербер устрашится,
Оставит храбрость Геркулес;
Плутон во аде с бороною,
Нептун в пучине с остроугою
Не учинят таких чудес...²

Барков пародирует даже привычные для Ломоносова «натур-философские» обобщения и примеры. В «Оде Приапу» он умудряется использовать теорию Ломоносова о процессах в верхних слоях атмосферы («Пары вверху над нами трутся»).

Если у Ломоносова в Оде 1747 года («Царей и царств земных отрада...»):

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где, густостью животным тесны,
Стоят глубокие леса!

То у Баркова:

Животные, что обитают
В земле, в морях, в лесах везде,
Они нам правду подтверждают...

---

¹ Восхваление «доброт и щедрот» Елизаветы было постоянным атрибутом ломоносовских од, посвященных «дщери Петра». В Оде 1742 года («Какой приятный Зефир веет...»): «За многие твои доброты И к подданным твои щедроты...» В Оде 1750 года («Какую радость ощущая?...»): «Елисаветиным добротам Везде подобна красота».

² Ср. в Оде 1747 года у Ломоносова: «И с трепетом Нептун чудился», «Плутон в расселинах мятется». Во второй «вздорной оде» Сумарокова: «Тремя Цербер гортаньми лаает... Дерется с Гидрой Геркулес».

Барков пародирует традиционное обращение к музам:

Парнасских девок презираю!
Не к ним теперь мой дух лежит.
Я Феба здесь не призываю. . .

Он обращается к своему вдохновителю Приапу: «Взволнуй мне кровь витийским жаром!» Барков не только снижает одический стиль, воспевая «низкие» предметы, но и переносит действие своих од в низкую социальную среду («Ода кулашному бойцу», «Ода Фомину понедельнику», «Описание утренней зари»). Если у Ломоносова в Оде 1746 года («На верьх Парнасских гор прекрасный. . .»):

О день блаженный, день избранный
Для счастья полночных стран! —

то в «Оде Фомину понедельнику» у Баркова:

О день сладчайший, день избранный!
Тебя посадские все чтут.

В оде «Описание утренней зари» Барков переносит события на скромный чердак, где происходит потасовка с участием ревнивого мужа. Бурлеское начало пародирует торжественный зачин ломоносовской Оды 1748 года («Заря багряною рукою. . .»). У Баркова:

Уже заря багряный путь
Открыла дремлющим зеницам;
Прохладный ветер начал дуть
Под юбки бабам и девицам. . .

Ломоносовские выражения служат для описания кабацкой обстановки и кабацких нравов:

Что бьет за страшный шум в мой слух?
Чердак, подклеть и спальня воет. . .

Барков сознательно ориентируется на простонародную аудиторию, выступая как продолжатель вымирающих в XVIII веке скоморохов. В «Оде кулашному бойцу» он даже называет типичный для скоморохов смычковый народный инструмент — трехструнный «гудок»:

Гудок на лиру принимаю,
В кабак входя, не на Парнас.
Кричу и глотку раздираю,
С бурлаками взнося мой глас.
Ударьте в бубны, барабаны,
Удалы добры молодцы,
В торелки, лошки и стаканы,
Фабришны славные певцы.
Трух-рух сыра земля с горами,
Трехнись синё морё. . .

Главное отличие пародий Баркова от «вздорных од» Сумарокова состоит в том, что они не приводят к абсурду художественные средства и образный строй ломоносовской оды, а лишь травестируют их содержание, перенося его в другую среду.¹ Оды Баркова могли восприниматься и как бурлеск. Этим, возможно, объясняется терпимое отношение к ним самого Ломоносова. Автор «Гимна бороде» не мог особенно гневаться на такое применение его одического стиля. Мы не располагаем ни одним свидетельством, что Ломоносов высказывал какое-либо недовольство Барковым, которому он всегда покровительствовал. Другое дело Сумароков, постоянно жаловавшийся на Баркова и негодовавший на его пародии.² Но и пародии Баркова на Сумарокова были другого рода.

Драматические стихотворные пародии Баркова — это нападение на трагедию классицизма, на ее типические традиционные положения, способы психологической характеристики героев, изображение их страстей и переживаний. Сюжеты этих пародий Баркова, которыми «подменены» традиционные сюжеты трагедии классицизма, не только непристойны, но и разработаны в плане гротеска. Одна

---

¹ Ср. уже приведенное использование образа зари у Баркова и подчеркнутую абсурдность пародийного тропа у Сумарокова в третьей «вздорной оде»:

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета. . .

² 22 апреля 1759 года, жалуясь на цензора Н. И. Попова и попутно задевая Ломоносова, Сумароков писал: «Не первый пьяница меня уже из ученых пьяниц обидит. Есть еще такой же Барков и другие, о которых Академия не меньше меня известна» (К. С. Веселовский. Несколько материалов для истории Академии наук. — «Записки Академии наук», приложение к т. 73, № 2, 1893, стр. 68).

из них подана в духе «высокого» классицизма — трагедия в доме тирана, другая уже включает анекдотические и бытовые черты, а третья снабжена подзаголовком «комическая опера» и носит характер буффонады. Особенно интересна первая. По традиции XVIII века героям даны условные имена (типа Прекраса или с восточным оттенком — типа Заисан в трагедии Ломоносова «Тамира и Селим»), но образованные таким образом, что воспроизведение их в печати невозможно. По имени одного из героев и названа вся трагедия. Это владетельный князь, который пошел войной на своего родного брата, отнял у него престол, заточил в темницу и похитил невесту, воспылав к ней страстью. Но, увы, несмотря на все усилия, он не может вкусить плод своей победы. Под влиянием внезапного гнева слабавольный князь даже грозит казнить своего брата и соперника. Но мольбы несчастной невесты заставляют его воскликнуть:

Не бось, княжна, не бось! Я столь свиреп не буду
И с братом ближнего родства не позабуду!
Когда в сражении он в плен ко мне попал,
Я жизнь его всегда священной считал,
И воевал я с ним лишь за тебя одну. . .

В действие вступают коварный наперсник князя, который нашептывает ему недобрые мысли, и преданная наперсница невесты, пытающаяся ее утешить. Но княжна безутешна. Напоминание о возлюбленном терзает ее еще больше:

Почто любовь к нему ты тщишься умножать. . .
Дай волю в храмине мне слезы лить спокойно,
Иду о милом в ней восплакать я достойно. . .

Второе действие происходит в темнице, где в цепях томится брат тирана. Он клянет свирепого узурпатора и упрекает его в бессмысленной жестокости:

Подобно на́ сене как лютый пес лежит
И сена брать на корм с свирепостью претит,
Так точно ты, лишив меня княжны любезной,
Не пользуешься сам. . .

В темницу приходит княжна и сообщает, что она все еще непорочна. Страсть ее обуравает, и она с упреком спрашивает своего любов-

ника: «Пошто дражайшие минуты упускаешь?..» Но тут является незадачливый узурпатор. Ревность и гнев его непомерны. Он восклицает:

Погибни ты, злодей! Когда ты столько дерзок,
Пускай навеки я княжне пребуду мерзок...

Пленника уводят. Слабодушного узурпатора снова посещают сомнения, которыми он делится со своим наперсником:

Но как явлюся я пред светом в сей вине?
С младенчества всегда он друг считался мне.

Наперсник оказывается тонким знатоком человеческой души:

Не будь, о государь! в рассудке столько слаб!
Послушайся меня, хотя я твой и раб...

Наперсник внушает ему, что, если он «сил своих лишился», «то было от того, что брата ты страшился». «Коль скоро же на смерть его ты осудишь», то вся беда пройдет. Слабовольный властитель говорит наперснику:

Всегда я на твои советы полагался;
Последую и в сем я слову твоему,
И смерть определяю я брату своему.

Действие третье происходит в покоях князя. Княжна упрекает его в напрасном убийстве. Является вестник. Следует описание невероятных событий. Узник оказывается обладателем столь же страшного орудия, которым его хотели казнить:

На воинов он с ним внезапно нападает
И в нос и в рыло их нещадно поражает.
Подобно как орел бессильных гонит птиц...

Последняя сцена — примирение братьев. Раскаявшийся тиран говорит брату:

Когда уже то так, что ты остался жив,
То будь, любезный брат, вовеки ты счастлив!¹

---

¹ Ср. конец трагедий А. П. Сумарокова «Семира», слова Ростислава:

Скончай печальны дни, в которы мы терпели,
И сделай, чтоб сердца в любви без слов кипели.

Он только просит брата побережной обращаться с молодой княжной. Но задорная княжна предлагает откинуть все страхи и опасения и в заключение говорит:

Для друга милого я рада всё терпеть!
Да я ж скажу тебе при сем неложно,
Что кашу маслом ввек испортить невозможно!

В пародии Баркова трагический пафос беспощадно снижается и развенчивается. Классическая трагедия с ее династическими распрями, семейными конфликтами и риторическими страстями пародирована превосходно. Кабацкая непристойность противопоставлена ходульному благородству высокой трагедии. Историческое значение пародий Баркова несомненно. Его издевка над жанрами классицизма (у него есть не только «срамные оды» и трагедии, но также элегии, идиллии и т. д.) была реакцией демократических слоев на классицизм с его условным реквизитом, с его служением идеалам абсолютистской монархии. Барков вводил в свои произведения просторечие и пользовался народным языком, который создавал резкий контраст с архаическим стилем и с «славенщизной», присутствовавшей в том роде поэзии, который Ломоносов относил к высокому стилю, категорически запрещая вносить в него «подлые слова».

4

Последней яркой вспышкой пародийной борьбы в середине XVIII века можно считать «Дифирамв Пегасу», выпущенный в 1766 году Сумароковым отдельной брошюрой. Поводом для написания пародии послужила ода Василия Петрова «На великолепный карусель», как назывались тогда костюмированные конные ристания, состоявшиеся летом того же года в Петербурге перед Зимним дворцом. Безвестный учитель риторики и греческого языка в Московской славяно-греко-латинской академии, узнавший об этом празднике из газет, поспешил откликнуться высокотожественной одой, в которой явно подражал Ломоносову. Далеким от двора стихотворец, возможно, и не подозревал о холодной враждебности императрицы к своему вдохновителю. Но равнодушная к поэзии Екатерина II, которой претил не столько стиль Ломоносова, сколько его личность, была не прочь обзавестись одическим поэтом такого же громкого звучания. Петров был замечен, пожалован золотой табакеркою и

быстро пошел в гору, выдвинувшись на роль официального поэта нового царствования.

Выдвижение Петрова было полной неожиданностью для поэтов сумароковской школы, считавших, что одический стиль Ломоносова сошел в могилу вместе с его носителем. Петров не только шел в разрез с традициями, насаждавшимися сумароковцами, воскресив образный строй и синтаксическую затрудненность ломоносовской оды, но и откровенно пользовался излюбленными ломоносовскими выражениями и эпитетами и даже, не то с вызывающей дерзостью, не то с простодушием эпигона, употребил давно осмеянную ломоносовскую рифму: Россия — Индия.

В оде Петрова Сумароков и увидел прежде всего знакомые черты ломоносовского стиля. В первых строфах «Дифирамба Пегасу» пародируются «пиндарщина», «парение», титанические образы и аллегорические фигуры, заимствованные из античной литературы, — Плутон, Гигант, стонущий под Этной, затем — удары грома, «бурные ноги», «эфирные брега» — все атрибуты ломоносовских од, издавна пародировавшиеся Сумароковым. Но «Дифирамб Пегасу», в отличие от «вздорных од», является не только общестилевой собирательной пародией, но и последовательно пародирует конкретное произведение — «Оду на великолепный карусель». Если у Петрова:

Убором дорогим покрыты,
Дают мах кони грив на ветр;
Бразды их пеною облиты,
Встает прах вихрем из-под бедр;
На них подвижники избранны
Несутся в путь, песком усталый,
И кровь в предсердии кипит. . . —

то в «Дифирамбе Пегасу»:

Пегасу лавры соплетаю,
С предсердьем напрягая ум. . .

Если у Петрова:

Герой, во блеск славян одяен,
О, как мой дух к себе влечет!
Коль храбр и чуден вождь индеян,
Коль бодро в подвиге течет!

В пародии:

Чудится Пор, герой индейн,
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот¹

Сумароков не только пародировал одические штампы ломоносовской школы, но и выработал свои штампы пародии. Он привычно пародировал одни и те же черты одического стиля, прибегая к одним и тем же приемам. Он не увидел накопления новых качеств в одическом стиле Петрова, отличавших его от Ломоносова,— большей логической упорядоченности, рассудочности и дидактичности, сочетавшейся со стремлением к живописности, смешение выпренности с будничностью, отвлеченной громкости с осязаемой конкретностью, подготовлявшие одическую лирику Державина. Это обстоятельство и позволило Петрову «внять» критическим нападкам пародистов. Подготавливая в 1782 году собрание сочинений, В. Петров переработал оду «На великолепный карусель», стремясь к большей отчетливости выражения поэтической мысли, однако сохранив свое прежнее стремление к барочной живописности образного строя.² В четвертой строфе он убрал жестоко осмеянные «предсердия» и «вихрь», взывающий «из-под бедр», но не только сохранил, но и усилил динамизм и экспрессию живописного описания конных состязаний. Это первый в истории русской литературы случай, когда пародия воздействовала на пародируемого и заставила его внести изменения в свое произведение, разумеется не повлияв серьезно на общее развитие его стиля.

---

¹ Удары Сумарокова поддержали сатирические журналы «Труть» и «Смесь». «Смесь», высмеивая некоего учителя, который «обучал риторике не знаю в каком-то монастыре», утверждала, что он «рассудок презирает», приводя в качестве доказательства, что в его стихах «в предсердии кипит и кровь» и т. д. («Смесь», 1769, лист 15, стр. 119). В 1772 году в журнале «Вечера» также повторялись упреки Петрову, что он «гремит без разума». См. Г. А. Гуковский. Из истории русской оды XVIII века.— «Поэтика», вып. 3, 1927, стр. 129—147.

² Г. А. Гуковский заметил, что наличие в «Дифирамве Пегасу» и в статьях в сатирических журналах «Труть» и «Смесь» одинаковых пародийных выпадов, не находящихся прямых аналогий в «Оде на карусель» Петрова в Собрании соч. 1782 года, «наводит на мысль о том, что мы знаем оду Петрова во второй редакции, уже исправленной, может быть, на основании пародии» (указ. статья, стр. 144). Это предположение подтвердилось. В настоящее время обнаружена первая редакция «Оды на карусель», изданная Петровым отдельной брошюрой в 1766 году (экземпляр Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Этот текст воспроизведен в сборнике «Поэты XVIII века», «Библиотека поэта», Малая серия, т. 1. Л., 1958, стр. 355—363).

Те черты русского барочного великолепия и риторической приукрашенности, которые вошли в творчество Петрова и были усвоены им органически, остались неизменными, представляя собой дальнейшую модификацию высокого одического стиля.

Во второй половине XVIII века пародийная борьба несколько затихла, однако общая тенденция к пародийному снижению «высокого штиля» и культивирующих его жанров, в первую очередь оды, продолжала расти. Получает распространение шуточная и сатирическая ода, снижающая одическую поэзию. Этой новой жанровой разновидности пародии свойственно сознательное противопоставление старому жанру оды:

Строй, кто хочет, громку лиру,
Чтоб казаться в высоте:
Я налажу песню миру
По-солдатски, на гудке.¹

Так начинает свою «Гудошную песнь» Николай Николев. Точно так же и неизвестный автор литературно-театральной сатиры на Аблесимова, написанной в 1781 году в форме оды, начинает с декларации:

Подай мне, муза, балалайку,
Хочу я оду отодрать. . .

В первом случае — ориентация на народность языка и стиля, хотя и носящая искусственный характер; во втором — скорее высмеивание этой народности в «Мельнике» Аблесимова. Но в том и другом случае традиционный жанр оды разрабатывается на «низком» бытовом материале. Высокий одический стиль либо вытесняется новой лексикой, либо приходит с ней в комическое столкновение. Пародирование самого стиля не только расплывается до общих, едва уловимых признаков, но иногда теряет конкретный пародийный адрес. Так было с обращением к полузабытому Тредиаковскому Н. П. Николева. Им была написана «Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1796 года декабря 6 дня, сочиненная от лица некоего древнего российского пииты», которая, кроме отдельных вкраплений архаической лексики, по его мнению свойственной Тредиаковскому, не заключала в себе ничего, отражающего стиль или метрический строй этого поэта:

---

¹ «Русские солдаты, гудошная песнь на случай взятия Очакова». — Н. П. Николев. Творения, ч. 4, М., 1797, стр. 21.

Ну же, о Музе! вспрянь из-под бездны,
Где ты гнездишься двадесят лет:
Пой громогласно песни любезны,
Буди к России быстрой полет.
Лишь проглагодал — дух оперился,
Стража бесовска! брызь от меня!
Русс филологус сам прибодрился;
Вот уж Пегаса шпорит коня!¹

Николев исходил из весьма приблизительного представления о своем стилистическом «втором плане». Имя Третьяковского служит ему лишь мотивировкой для создания шуточной оды. В этих случаях мы имеем дело не с пародированием одического стиля, а с использованием жанра оды в новом (сниженном, комическом) плане. Наполнение шуточной и сатирической оды низким материалом отчасти сближает этот жанр с барковской одой, а отчасти роднит ее с травестированной поэзией. Однако корни этой сатирической оды, как указывал Б. В. Томашевский, «старше поэзии наизнанку».² В свою очередь русская травестированная поэзия и ирои-комическая поэма включают в себя явственные элементы литературной пародии на высокие стили и жанры. Так, например, поэма В. Майкова, травестируя «Энеиду» Вергилия, вместе с тем содержит черты пародии на переложение В. Петрова (поэма «Эней», 1770 года).

Рано начинается пародирование и жанра элегии, развивавшегося в рамках «среднего штиля». Уже в 1763 году в «Свободных часах» появляется острая пародия, сочиненная переводчиком Михаилом Пермским, а в 1796 году пародия М. И. Попова на элегию: «Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне...» Пародируется в них не столько самый стиль элегий, сколько элегические мотивы — тоски, уныния и жалоб, любовного томления и мук. Все это в первой пародии переносится в весьма прозаическую сферу (расстройство желудка и беспокойство от блох), а во второй доводится до абсурдного преувеличения эмоциональное состояние влюбленного, наполняющего своей «жалостью» «дремучие леса, кустарники и рощи». М. И. Попов пародирует штампы элегий или, как он выражается, «частое повторение речей», которые он и собрал «в кучу». Характерно, что пародируются не отдельные произведения, а жанр в целом.

К концу XVIII века русская поэзия накопила уже большой запас образов, метафор, сравнений, привычных рифм, поэтических инто-

¹ Н. П. Николев. Творения, ч. 4, стр. 2.

² «Ирои-комическая поэма», под ред. Б. В. Томашевского. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1933, стр. 251.

национальных ходов. По мере накопления художественных средств, уже не адекватных изменившемуся мироощущению различных социальных групп и не отвечающих характеру новой действительности, а значит и непригодных в старой форме для ее отражения, возникают объективные предпосылки не только к пародированию этих отживших форм, но и их пародическому использованию. Происходит осложнение жанра пародии либо в сторону шуточного осмысления знакомых и привычных средств художественного выражения, либо в целях общественной сатиры и политического памфлета. Выступивший на рубеже XVIII—XIX веков поэт-сатирик С. Н. Марин оставил нам образцы обоих родов: «На рождение молодого грека» (шуточное использование оды Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока») и острый сатирический памфлет на Павла I, построенный на сатирическом использовании «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова. Марин, который стал впоследствии членом шишковской «Беседы», не покушался на Ломоносова и на его одический стиль, хотя некоторые литературные старожилы и воспринимали произведение Марина как дерзкую пародию на самого Ломоносова, о чем забавно рассказывает в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков. По стопам Марина пошел П. Н. Семенов, использовав в сатирических целях оду Державина «Бог». Литературная пародия, осложненная общественной сатирой, стала входить в жизнь, хотя еще долго (до 60-х годов XIX века) носила эпизодический характер.

5

Начало XIX века было ознаменовано ожесточенной литературной и общественной борьбой шишковистов и карамзинистов, позднее — «Беседы» и «Арзамаса». Людям, воспитанным в старых литературных традициях, новый стиль карамзинистов казался совершенной нелепостью, а его манерная простота производила впечатление вычурности. Известный натуралист Н. Я. Озерецковский, который вовсе не был ретроградом, просто недоумевал, читая Карамзина. С. Н. Глинка сохранил в своих воспоминаниях характерный эпизод: «Видя, с каким жаром читали мы «Письма русского путешественника», он <Озерецковский> однажды заставил меня прочесть вслух письмо о горах альпийских. Я начал читать. Озерецковский, по обыкновению своему, расхаживал по комнате, и, когда я кончил чтение, подобно восторженной пифии, он угрюмо и отрывисто сказал: „Ну, что это такое? Пышный, вычурный слог, мыльный пузырь, надутый ветром. Кольни булавкой — ветер вылетит и останется пустота

Я сам был на Альпах, но не видал того сумбура, который забрел в это письмо»¹.

Восприятие литературного произведения как нелепости является отличной предпосылкой для пародии. Однако стиль карамзинистов казался таким его противникам, как А. С. Шишков, слишком большой опасностью для русской национальной культуры, чтобы ограничиваться пародией. По-видимому, Шишков не придавал этому роду оружия серьезного значения, хотя и не отказывался от него. Пародирование он включал как один из полемических приемов в общий строй своих критических рассуждений и доказательств. Пародируя стиль карамзинистов, Шишков прежде всего высмеивал «новомодные слова», заимствованные из чужих языков, замечая, что среди них уже появились «обветшалые иностранные слова, как например, *авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сии прогнаны уже из большого света и переселились к купцам и купчихам». Особенно его раздражали неологизмы: «Вместо *будущее время* говорят *будущность*; вместо *настоящее время* — *настоящность*». А потому «надеяться должно, что словесность наша время от времени будет еще более процветать. Например, вместо *прошедшее время* станут писать *прошедшность*, вместо *человеческое жилище*, по подобию с голубятнею, *человечатня*, вместо *березовое* или *дубовое дерево*, по подобию с телятиною, *березятина, дубовятина*... О! мы становимся великими изобретателями слов!»²

С точки зрения Шишкова, слог карамзинистов, невзирая на все украшения и неологизмы, беден и невыразителен. В конце книги Шишков помещает письмо, якобы полученное от одного из своих противников. Письмо пародирует речевые штампы и образ мыслей приверженца новейшей литературы, невежественного и самоуверенного барича-галломана, немного смахивающего на старинного петиметра сатирических журналов: «Государь мой! Я читал рассуждение ваше о старом и новом слоге. Какую странность взяли вы себе за предмет? Видно, что вы человек без всякого вкуса <...> Вы смешны! Вы без всякой модификации глупой господин! Вы не имеете никакой моральности; мысли ваши, как у молодого ребенка, совсем не развиты; вас надобно снова воспитать. Какая идея защищать *аще* и *бяще!* Ха, ха, ха!» (стр. 439—441). Здесь что ни слово, то галлицизм или неологизм, только что введенный в русский язык. Но Шишков этим не ограничивается. Он заставляет своего мнимого корреспон-

¹ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895, стр. 99.

² А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 24.— Дальнейшие ссылки в тексте приводятся по этому изданию.

дента привести образчик старого стиля — знаменитое описание соловья в «Риторике» Ломоносова со своими комментариями: «Вот оно: «Коль великого удивления сие достойно! В толь маленьком горлышке нежной птички толикое напряжение и сила голоса! Ибо когда, вызван теплотою вешнего дня, взлетает на ветвь высокого дерева внезапно, то голос без отдыху напрягает, то различно перебирает, то ударяет с отрывом, то крутит кверху и книзу, то вдруг приятную песнь произносит, и между сильным возвышением урчит нежно, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет, утомленно, стремительно, густо, тонко, резко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно». Как можно эту галиматию хвалить? К чему весь этот вербляж?» Новые писатели, которые «начинают вводить вкус в русский язык», изъяснили бы ту же самую идею другими словами: «„Как занимательно поет Филомела: сколько в голосе ее трогательных оттенков и варьяций!“ Ну не лучше ли это всего сборища глупых вербов его: урчит, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет и прочее? Одно слово *оттенки* всех их заменяет. Драгоценное слово, изобретенное самим Гением, ты ко всему пригодно! Оттенки моего сердца, оттенки моего ума, оттенки моей памяти, и даже можно сказать: оттенки моей жены, оттенки моего табаку!» (стр. 442—444).

Сопоставление подлинного отрывка из «Риторике» Ломоносова и его пародийного «перевода» на язык карамзинистов обнажает существенные особенности обоих борющихся течений. Традиционное представление о Шишкове и его сторонниках только как о людях, насаждавших дремучую «славенщизну», страдает односторонностью, отчасти созданною оценками и суждениями торжествовавшего направления «ума и вкуса». Еще Ф. Вигель с ироническим удивлением отмечал в своих записках, что в языке Шаховского «никогда славянского ничего не было, но Шишков охотно прощал ему, как сильному и полезному союзнику». Но тут и прощать-то было нечего. Шишков вовсе не настаивал на том, чтобы литературный язык целиком состоял из церковнославянских речений. Напротив, он считал особым искусством «уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, как *рыкать, рычать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слога и сохраняя всю важность оногo». А жанры, в которых упражнялся Шаховской, — от комедии до эпиграммы, — согласно ломоносовскому учению о штиле, которого придерживались и шишковисты, и не требовали применения высоких славянских речений. «Славенщизна» была здесь неуместна и звучала бы пародийно, чем и пользовались противники Шижкова в шуточных дружеских посланиях, эпиграммах и других камерных жанрах.

Сторонники Шишкова стояли на позициях жанровой стилистики и жанрового лексического отбора. Д. И. Хвостов писал свои «Послания» вполне вразумительным и чистым русским языком. «Язык скотов» в его баснях, над которыми так издевались карамзинисты, был простонароден и в этом отношении ближе к языку Крылова, нежели язык апологов у карамзинистов, боявшихся грубых слов. Крылов пародирует бессмыслицу и алогизм построения притчей Хвостова, их наивный и притянутый за волосы морализм, а не его язык или стиль. Сторонники Шишкова в низких жанрах открывали широкую дорогу просторечию, которого чурались и чуждались карамзинисты. Карамзинисты не отвергали «высокого штиля», но видели его не в особом отборе лексики, а в уснащенности его украшениями и фигурами, что вело к развитию перифрастического стиля. Это-то и пародировал Шишков: «Мы думаем быть Оссианами и Стернами, когда, рассуждая о играющем младенце, вместо: «Как приятно смотреть на твою молодость», говорим: «Коль наставительно взирать на тебя в раскрывающейся весне твоей!» <...> Вместо: «окна заиндевели» — «свирепая старлица разрисовала стекла». Вместо: «Машенька и Петруша, премилые дети, тут же с нами сидят и играют» — «Лолота и Фанфан, благороднейшая чета, гармонируют нам». <...> Вместо: «Деревенским девкам навстречу идут цыганки», — «Пестрые толпы сельских оред сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит» (стр. 58—59). Манерность искусственного слога карамзинистов схвачена пародистом верно. Шишков пародировал языковую практику и стилистику карамзинизма в своих критических работах, но самостоятельных пародий он не писал. Другие, близкие к нему писатели вводили пародию в комедию («Новый Стерн» и «Липецкие воды» А. А. Шаховского) или делали пародийные выпады в больших стихотворных сатирах («Послания» Д. Горчакова, ироническая поэма Шаховского «Расхищенные шубы»).

В лагере противников Шишкова к нему и к его теориям установилось отношение насмешливого превосходства. Полемизируя с Шишковым, карамзинисты пародировали не столько его слог, сколько его доводы и рассуждения. В 1811 году Д. В. Дашков, впоследствии член «Арзамаса», выпустил брошюру «О легчайшем способе возражать на критики», в которой он разбирает возражения, сделанные ему в особом «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии св. писания» Шишкова. В этом «Присовокуплении» содержался недвусмысленный намек на «старание» карамзинистов «ум и сердце каждого отвлек от нравоучительных духовных книг, отвратить от слов, от языка, от разума оных и привязать к одним светским писаниям, где столько расставлено сетей к помрачению ума и уловле-

нию невинности». Дашков с ожесточением нападает на Шишкова и его приверженцев, которые «привыкли думать, что ничему не должно учиться, кроме славено-российского языка, и пстому гнушаются чтением хороших писателей как своих, так и чужестранных». Дашков высмеивал самую логику рассуждений Шишкова, основанных на наивных этимологических догадках. Древний ум, по утверждению Шишкова, желая назвать какую-либо видимую вещь, разбирал ее качества и, «ежели примечал в ней круглость, то для составления имени ее выбирал и буквы, такой же образ имеющие: око!» «Прекрасно! — восклицал Дашков.— Поэтому буква «о» есть несомненный признак круглости во всех словах, где только она находится: отчего же нет ее в названии круга и шара, фигур самых круглейших?.. Ужели славянин, умевший столь искусно рассуждать при составлении языка своего, забыл при названии своих образов (prototypes) круглости любимую свою систему?»

Приведение к абсурду мыслей противника — шаг на пути к пародии. Карамзинисты осмеивали Шишкова и его приверженцев в стихотворных памфлетах, сатирических посланиях и эпиграммах. Пародийность вкрапливалась во множество камерных жанров, развивавшихся в литературных салонах начала века, принимала бытовые формы. Осуждение «славенщизны» осуществлялось «на ходу», с помощью пародийных цитат и сатирических выпадов против изолированных элементов старого стиля. Особенно повезло отдельным словам, излюбленным «беседчиками», и потому казавшимися особенно смешными и нелепыми: «се», «егда», «седающий» и т. д. В послании В. Л. Пушкина к Жуковскому Балдус (А. С. Шишков) «вопнет... велегласно»:

О братие мои, зову на помощь вас,
Ударим на него, и первый буду аз...
И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить!

Однако ни карамзинисты в период дискуссий 1800-х годов, ни позднее арзамасцы не создали обобщенной пародии на творчество архаистов. Характерно в этом отношении, что знаменитый в истории литературы «Певец в беседе славянороссов» К. Н. Батюшкова (1813) представлял собой цикл эпиграмм на сторонников Шишкова, но не пародировал их стиль. Более того, основой для «Певца» служит не произведение архаистов, а пародическое использование «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

В период существования «Арзамаса» (1815—1817 годы) борьба с архаистами достигла высшего напряжения. «Арзамас» был

литературно-бытовым обществом, самой формой своей организацией пародировавший официальную торжественность «Беседы». Шумные застольные сборища с шутовским церемониалом посвящения в члены, прозвищами, заимствованными из баллад Жуковского, со своим летоисчислением «от Липецкого потопа» (года появления комедии Шаховского «Липецкие воды») и «Видения» (т. е. «Видения на берегах Леты» Батюшкова), с обязательными «похвальными словами» в честь усопших и похороненных (при жизни!) членов «Беседы» — все это носило пародийный характер и было уснащено веселыми намеками и литературными реминисценциями. Тяжеловесная архаика «Беседы» переносилась в арзамасский шуточный быт. Члены «Беседы» были преисполнены сознанием важности, едва ли не государственного значения своего дела. Они разрабатывали высокие ораторские жанры: оду, героическую эпопею, лиро-эпические гимны, описательную поэзию. Они любили торжественную декламацию. В «Арзамасе» все это было выворочено наизнанку и предано осмеянию. «Арзамас» культивировал камерные литературные жанры: дружеские послания, пересыпанные насмешками над «Беседой», колкие эпиграммы, буриме и т. п.

Смешение элементов архаической ораторской приподнятости и «славенщизны» с интимной шутливостью дружеского кружка само по себе создавало комическую фантазмагорию и предрасполагало к буффонаде. В одной из своих речей Светлана (т. е. Жуковский) с мнимой серьезностью пародирует риторическое великолепие «Беседы», не пощадив мимоходом даже известную речь Феофана Прокоповича над гробом Петра Великого: «Водрузив перед самым гробом развесистую рябину, — описывает Светлана мнимые похороны Хвостова друзьями и сродниками из «Беседы», — важный осел, зацепившийся за ветку ее длинными ушами, висит и крепко лапами за дерево хватается, и перед ним безмолвное собрание всех скотов, в первый раз исторгшихся на волю из нераскупленного издания избранных притчей. Все безмолвны. Оратор начинает: «Что делаем, скоты? Кого погребаем?» О друзья мои, более сего оратор сказать не мог. Сильное слово его как молния поразило всех предстоящих». Однако ни пародийные речи арзамасцев, ни шуточные протоколы этого общества, часть которых была написана гекзаметром тем же Жуковским, не были сами по себе пародиями в жанровом отношении. Для «Арзамаса» характерны не отдельные пародии, а общая пародийная атмосфера. Арзамасцы были склонны к гротескно-пародийной переработке литературного материала противника. Крылатое выражение Жуковского, сохраненное Дашковым в письме его к Вя-

зёмскому — «арзамасская критика должна ехать верхом на Галиматье», — прекрасно передает это устремление.

Эта Галиматья с большой буквы была не только средством или гротескным завершением литературной полемики, но до известной степени и самоцелью. Имя графа Хвостова не сходило с уст арзамасцев не потому, что это был серьезный противник, заслуживавший стольких разоблачительных усилий, а потому, что он был смешон. Одно упоминание Хвостова вызывало прилив веселья и настраивало на шуточный лад. Его «притчи» воспринимались сами как пародии. И написанные «в подражание» им «арзамасские притчи» были не только пародиями, но и шуточным творчеством à la Хвостов, своеобразной «игрой в Хвостова». В «Арзамасе» произошло как бы овеществление словесных литературных масок; одной из таких масок и был граф Хвостов. «Слабость» арзамасцев к его творчеству питалась теми же источниками, которые породили впоследствии Козьму Пруткову. Надо заметить, что сам Хвостов, отличавшийся большим добродушием, болезненно чувствовал уколы арзамасцев и даже пытался по мере сил усовершенствовать свои творения. В издании басен Хвостова 1816 года и позднейших исчезли многие обороты, приведенные в речи Светланы, а некоторые басни и вовсе были исключены из нового издания («Хвастливая лягушка», «Собака без ушей», «Эмпедокл и туфли» и др.).¹ Критика «Арзамаса» для него не прошла бесследно.

Но и критика в адрес карамзинизма приносила свои плоды. Атаки Шишкова, при всей своей реакционной подоплеке, заставляли задумываться. Перифрастический стиль Карамзина приедался и не отвечал быстро возрастающим требованиям общественной жизни. Процесс разложения карамзинизма и сентиментализма шел быстро. Уже в 1801 году из среды «Дружеского литературного общества» выходит «Описание бракосочетания г-на К<арамзина>», написанное Андреем Кайсаровым. В этом сочинении дружественная шутовость незаметно переходит в откровенную пародию на условно-сентиментальный стиль.² Появляется все больше и больше сатирических произведений и пародий, нападающих как на эпигонов одического стиля, так и на слезливо-сентиментальную поэзию. «Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе» Панкратия Сумарокова, появившаяся в 1802 году, служит прекрасным образцом такой пародии. Панкратий Сумароков демонстративно выступает как против нелепой «пин-

¹ М. С. Боровкова - Майкова. Вводная статья в кн. «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, стр. 53—54.

² Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, стр. 65—66.

дарщины», так и против новейших «жалостных картин» сентименталистов. В кружке «Харьковского Демокрита» (1816) В. Маслович, И. Срезневский и А. Нахимов пародируют и оду, и элегию.

Ведя шумную борьбу против «Беседы», «Арзамас» под сурдинку пересматривал и позиции карамзинизма. Сама организация «Арзамаса» отразила значительную эволюцию карамзинизма. В прозрачный эстетизм Карамзина вторглись бурлеск и буффонада. Потешной книгой арзамасцев были не только «Притчи» графа Хвостова, но и «Утехи меланхолии. Российское сочинение А. Ф. М.» (М., 1802), и редко кто из них не смеялся над слезливым стихотворцем князем Шаликовым и не сочинял на него эпиграммы. Такие фигуры, как Шаликов, самим своим существованием дискредитировали сентиментализм. Сластолюбивый вздыхатель и черствый эгоист, Шаликов был сам по себе злой карикатурой на чувствительного барина-крепостника. Эпиграмма «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...», написанная сообща Пушкиным и Баратынским, пародирует литературный облик слезливого поэта, его стилистику, да, пожалуй, и компрометирует излюбленные им жанры.

«Плачевные стихотворцы» быстро вышли из моды. Но стиль, принесенный сентименталистами, пройдя через горнило романтизма, сохранил нивелирующие тенденции «среднего штиля», по самой своей природе наиболее предрасположенного к банальности.

Этот стиль и усвоили эпигоны 30-х годов. Только потомки Шаликова теперь уже облеклись в псевдоромантические доспехи.

6

Двадцатые годы XIX века были ознаменованы стремительным развитием русской поэтической культуры. Шли напряженные поиски новых средств художественного выражения. В творчестве Пушкина была осуществлена концентрация всех живых сил русского литературного языка. Существующие литературные жанры трансформировались, отношение к ним менялось. Никогда еще так быстро не изживали себя, не утрачивали своего значения не только старые, одряхлевшие жанры и стили. Новизна так же быстро снашивалась, как и старина. Найденные и выработанные творческими усилиями незаурядных поэтов художественные средства, образы, эпитеты, метафоры становились общим достоянием и превращались в литературные штампы, пока окончательно не обесмысливались толпой эпигонов.

Наплыв подражательных элегий, вызвавший резкую отповедь В. К. Кюхельбекера в его статье «О направлении нашей поэзии,

особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», 1824), высмеивал в следующем году Пушкин в стихотворении «Соловей и кукушка»:

Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

Нет никакого сомнения, что здесь имелись в виду не старые элегии докарамзинского и карамзинского периода, а новейшие. Пушкин и близкие к нему поэты преодолевали инерцию жанра и стиля и, освобождаясь от нее, шли вперед.

Консервативно-охранительная пародия выхватывала из произведений Дельвига, Баратынского, Кюхельбекера, Языкова отдельные банальные мотивы в излюбленных ими жанрах, прежде всего в дружеских стихотворных посланиях и элегиях. Особенно подчеркивались гедонистические мотивы: «звон чаш», «кипящие лобзания и сладострастье нег», как например, в пародиях журнала «Благонамеренный». Нападки издателя этого журнала А. Е. Измайлова на молодую поэзию носили беспринципный характер. Измайлов, сперва охотно печатавший Дельвига и Баратынского, принялся их желчно ругать, как только они отвернулись от него. При этом чисто коммерческие соображения побуждали его расхваливать произведения графа Хвостова и занимавшегося драматургией купца Ганичева (выписывавших по 50 экземпляров «Благонамеренного»). Вокруг «Благонамеренного» сгруппировались эпигоны классицизма и сентиментализма, сообща нападавшие на «новейший романтизм». Среди них оказался и Н. Ф. Остолопов, в молодости примыкавший к поэтам-радищевцам. Деятельным критиком этой группы, а вместе с тем и пародистом был князь Н. А. Цертелев, писавший под псевдонимом Житель Васильевского острова. Его отметил Пушкин в письме к Кюхельбекеру (по поводу его «Шекспировских духов»): «Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простительно Цертелеву, а не тебе» (письмо от 1—6 декабря 1825 года).

В статье «Новая школа словесности» Н. А. Цертелев иронически перечислял главнейшие красоты и отличительные особенности русской романтической поэзии: «таинственное или глубокое, дивное или невероятное, и наивное или питическая нагота». Первое (по старой школе — «бестолковое») — это «род умственного тумана или мглы, скрывающей от читателя смысл сочинения». Писатель, желающий достичь этого, должен избегать ясности, ненавидеть и страшиться здравого смысла, «перескакивать с одного предмета на другой», «не договаривать начатого», опутывать простые понятия «столь искусно, чтобы заставить читателя угадывать, что хотел сказать сочинитель»,

и, наконец, «утончая» свои мысли, «не дорожить грамматикой». Тогда он будет «таинственным». В качестве примера приводятся стихи П. А. Вяземского «Я получил сей дар, наследник Аполлона...» Сочинитель, желающий блистать красотами «дивного или невероятного» (по старой школе — «вздорного»), «должен поступать подобно живописцу гротесков, который с умыслом отступает от природы и нарушает единство рисунка: все видимое и невидимое, истинное и ложное должно быть помещено в его произведении». В качестве примера «противуестественности изображения» приводятся стихи Баратынского «Душа стеснилася тоскою, я грустно онемел». Н. Цертелев с негодованием замечает, что в опере, поэме и трагедии появляются приведения и чудовища, что в посланиях можно встретить «душу, отлученную от жизни, слушающую лепет источника», или «кonia, взвивающегося над могилою». «Голуби могут у него быть с зубами, яблоки с ушами, звезды с глазами, а прелестные девушки с воздушными перстами», — говорит он о поэте-романтике.¹ Это восприятие новой поэзии как нелепости Цертелев закрепил в цикле едких и не лишенных меткости пародий «Немногое для многих». Он осмеивает традиционные мотивы романтиков, и прежде всего Жуковского, поэзию намеков, трудно выразимых словами душевных состояний, общения с нездешним миром и предчувствий.

Представители передовой поэзии 1820-х годов, как правило, не вступали в пародийную борьбу. Поэты пушкинского круга предпочитали эпиграмму, виртуозными мастерами которой были Вяземский и Баратынский. Пародии, возникавшие в этой поэтической среде, чаще всего представляли собой шуточные использования, как например, пародия Дельвига «До рассвета поднявшись, извозчика взял Александр Ефимыч с Песков...» (это произведение эпиграмматически направлено против А. Е. Измайлова, но пародически использует балладу Жуковского «Смальгольмский барон»). В отдельных случаях появлялись и дружественные пародии, направленные против своих единомышленников, как «Ода графу Хвостову» Пушкина, в которой он, пользуясь готовой пародийной маской графа-графомана, высмеивает обращение к архаистическому стилю Кюхельбекера и Рылеева, искавших выразительных средств для создания высокого пафоса гражданской поэзии. Пушкинская пародия указывала на ограниченность средств одического стиля и на опасность риторической выпренности. Пушкин пародировал как бы мимоходом, создавая грациозные пародии-миниатюры: «Скажи-ка, дедушка...» (на

---

¹ Житель Васильевского острова. Новая школа словесности. — «Благонамеренный», ч. 21, 1823, № 6, стр. 430—438.

В. А. Жуковского) и др. Законченные в жанровом отношении пародии не занимают в его творчестве значительного места. Для него существеннее общая атмосфера пародийного снижения, возникающая в его произведениях и придающая им ироническую легкость. В «Евгении Онегине» пародируется и самый жанр романа, его построение, привычные ситуации и положения, шаблонные мотивы. На ироническом использовании банальных мотивов построен и портрет Ольги, наделенный чертами пародии:

Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан —
Всё в Ольге. . . но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Пародийные интонации переходили у Пушкина в своеобразное самопародирование, которое свидетельствовало о преодолении инерции и освобождении от романтической традиции с ее отрешенностью от реальной действительности. «Младые восторги» Ленского отражают состояние поэтической мысли в конце десятих годов:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы. . .

Стихи Ленского пародийны.¹ Они иронически стилизованы Пушкиным, заимствовавшим начальный стих элегии «Куда, куда вы удалились. . .» у бесцветного поэта Перевошикова. Следующий стих перефразирует «Падение листьев» Мильвуа в переводе М. В. Милонова:

Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!

---

¹ Пародийность стихов Ленского и иронические «заимствования» Пушкина установлены в ряде исследований: В. В. Гиппиус. К вопросу о пушкинских «плагиатах». — «Пушкин и его современники», вып. 38—39. Л., 1930; С. Савченко. Элегии Ленского и французские элегии. — «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926; Ю. Г. Оксман. Легенда о стихах Ленского. — «Пушкин и его современники», вып. 28. Л., 1928; Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 225—231; Б. В. Томашевский. Стих и язык. М. — Л., 1959, стр. 448.

Все остальное — поэтические шаблоны, разбредшиеся по русской лирике 1810—1820-х годов. Пародийность стихов Ленского связана со всей тканью романа, поддержана его контекстом. Пушкин тщательно подготавливает пародийно-ироническое восприятие этих стихов, описывая процесс их написания. Ленский

Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. . .

Следует элегия Ленского, наполненная тривиальными, поэтически неточными, отвлеченными, книжными образами романтизма: «стрелой пронзенный», «блеснет завтра луч денницы», «таинственная сень», «золотые дни», «в глубокой тьме таится», «прав судьбы закон», «взор напрасно ловит» (день), «ранняя урна».¹

Так он писал *темно и вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)

Образ Ленского иронически проецирован на русскую романтическую поэзию в ее различных аспектах, от туманного романтизма Жуковского до сбивчивых и неоформившихся порывов романтической гражданственности. Шаблоны романтической поэзии обрели свою вторую, ироническую жизнь и стали средством психологической и литературной характеристики поэта-дилетанта, наивно пользующегося для выражения своих чувств чужими, готовыми поэтическими средствами. Наличие этой иронической подосновы, как в «Евгении Онегине», так и в других произведениях Пушкина,— одна из причин неудачи пародий на него. Пушкин не поддавался пародированию не только потому, что совершенные произведения трудно пародировать, но и потому, что они сами были не лишены пародийности. Перепародировать же эту пародийность было не под силу никому.

Литературная пародия 30-х годов разбилась о творчество Пушкина. Изредка неуклюже пародировались отдельные черты пушкинской манеры, некоторые привычные выражения и шаблоны, как

---

¹ Вне иронического контекста романа пародийность становится малоощутимой. Этим и объясняется, что впоследствии под влиянием оперы, где ария Ленского дана вне такого контекста, сложилась традиция непародийного восприятия этой элегии.

например, в посредственном «отрывке», подписанном «Х. Тростин» («Галатей», 1830, № 26):

Где вы, красотки молодые,
Полувоздушные, живые,
Богини неги и страстей,
Мои кумиры прежних дней...

Во что вырождались пародии на Пушкина, может свидетельствовать пародия некоего А. Мартынова, напечатанная в реакционном журнале «Маяк» в 1843 году. Рецензируя посмертное издание стихотворений Пушкина, Мартынов не может простить ему ни иронической легкости, ни пародийных отступлений в «Евгении Онегине». Насмешки над обыкновением классиков делать вступления и обращения к музе кажутся ему профанацией самой поэзии, чем-то вроде «гудошничества» старых бурлесков XVIII века. Прочитывая известные стихи Пушкина:

Да, кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд...—

Мартынов от раздражения и негодования переходит к пародии: «Нетак, Александр Сергеевич, не так оканчиваются романы прозостихотворные или, иначе сказать, смехотворные! а вот как:

Еще прибавим два-три слова:
«Я негодяя молодого
Доселе пел, и вот конец.
Подай хоть елевой венец
Гудошнику, кокетка Муза!
Я, признаюсь, и вкось и вкрив
Вилял, зато рассказ игрив,
Насилу с плеч стрелась обуза!»

Пародии пушкинского времени, и в особенности на самого Пушкина, часто были всего лишь подражаниями, поверхностно усвоившими легкий и шуточный стиль «романтической болтовни». «Пушкин,— писал критик «Атеней»,— облегчил стихосложение, умел на самые

---

¹ А. Мартынов. Обзор стихотворений А. Пушкина, помещенных в Полном собрании сочинений его.— «Маяк», 1843, кн. 9, май, стр. 32.

обыкновенные предметы набросить свет поэзии; и тотчас явились мелочные подражатели, заговорили о пунше, о картах, о блинах, явились Московские пленники, Киргизские пленники, с черно-голубыми очами, и множество всякой всячины».¹ Критик разбирал брошюрку «Московский пленник. Повесть в стихах. Сочинение Ф. С<оловьева>». Он даже не мог с уверенностью решить, что же такое перед ним — пародия или неудачное подражание «Кавказскому пленнику». «Кажется, это не пародия, потому что автор хочет быть иногда самостоятельным, говорит будто серьезно, старается блеснуть мыслью, счастливым сравнением, не шутя, — словом, хочет будто дать собственную цену сочинению своему, а не относительную, как он в карикатурном виде представляет тот или другой стих Пушкина». Но, с другой стороны, «Московский пленник — проигравшийся пьяница, какой-то Калужанин, который от долгов спасается на тройке лихих, — не может быть не шуткою».²

Пародирование «Евгения Онегина» осуществлялось путем снижения темы и подмены героя более «низким» персонажем, внесением нарочитого и подчеркнутого «плебейства». Вот как описано воспитание героя в пародии неизвестного «Отрывок из поэмы „Иван Алексеевич, или Новый Евгений Онегин“» (напечатан в 1829 году в «Галатее»):

...Я жертвой старых был преданий,
Что двух за битого дают:
Шесть дней, бывало, не секут,
А по субботам секли в бане.
Резон мне сказывали тот,
Чтоб не проказничал вперед!

Перенося действие в иную бытовую среду (чаще всего захудалого дворянства), комически переосмысляя отдельные мотивы «Евгения Онегина», многочисленные подражания приобретали налет пародийности, не становясь, однако, от этого пародиями.³

¹ «Атеней», 1829, № 21, стр. 317—318.

² Там же, стр. 316.

³ Подражания и пародии стали появляться задолго до выхода в свет последней главы пушкинского романа (1832), когда еще не был известен полностью его сюжет. Они ограничивались описанием юности героя и первых любовных встреч. Герои этих подражаний — чаще всего бодрые москвичи или провинциалы, студенты и гусары, не богатые и не родовитые, но напускающие на себя великосветскую хандру и почти всегда пишущие стихи. См. Ив. Н. Розанов. Ранние подражания «Евгению Онегину». — «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», т. 2. М.—Л., 1939, стр. 213—239.

В начале 1828 года в Москве, в типографии С. Селивановского вышла маленькая книжечка в серенькой обложке с рамкой: «Евгений Вельской. Роман в стихах. Первая глава». В 1829 году появилась такая же книжечка, содержащая вторую и третью главы, и, наконец, в «Полярной звезде на 1832 год» отрывок из четвертой главы. Внешний вид, формат, даже бумага копировали отдельное издание «Евгения Онегина», выходявшее тетрадами. Не лишено интереса, что до выхода отдельным изданием «Евгений Вельской», как и роман Пушкина, печатался «в отрывках» во второстепенных московских альманахах — «Венке граций» на 1829 год, а позднее в «Улыбке весны» (1832). Имелась в виду довольно широко задуманная мистификация или пародийная проделка. Автор, имя которого до сих пор не установлено, и сам не скрывал своих намерений. Если первая глава «Евгения Онегина» начиналась «Разговором книгопродавца с поэтом», то «Евгений Вельской» открывался «Разговором автора с книгопродавцем», где автор с напускной развязностью заявлял:

«Евгений», Пушкина поэма,
Книгопродавцам не наклад,
А у меня ведь та же тема —
И, следственно, — такой же клад.

Он отдает должную дань уважения Пушкину, но прямо заявляет о своем желании его пародировать:

Стихи прекрасны, слог живой,
И это-то стихотворенье
Я пародировать хочу. . .

Но пародии не получилось, хотя автор старательно копировал не только внешний вид издания «Евгения Онегина», но и пушкинскую манеру. Герой «Евгения Вельского» заметно снижен по сравнению с пушкинским. Это, как и в других подражаниях «Онегину», не столичный усталый денди, привезший в глушь свою хандру, а молодой провинциал, возросший в тамбовском имении, а потом получивший воспитание в самом Тамбове, и даже у француза:

Евгений мой четыре года
Жил в пансионе у Дюкло:
Тамбов ведь тоже не село.

Наконец он едет искать счастья в Москву, поступает в университет, где «постиг законов дух и не боялся мыслить вслух» и «настоящий

нехристь стал». Автор «Евгения Вельского» пытается даже перенять пародийные интонации Пушкина и его приемы обнажения условности литературной формы:

Так, залетев за облака,
Орел смеется свысока
Усилям слабого стрелка!
Так иногда... Но для сравненья
Я, позабывшись, согрешил
И стих пятнадцатый вклеил
В строфу мою. Прошу прощенья!

Или игра банальными сравнениями в пятой строфе третьей главы:

Ты пребогатое сравненье
Для всех унылых героинь,
Затейливое украшеньё
Лугов, лесов, долин, пустынь;
А сколько видов ей: кровава,
Томна, печальна, величава,
Скромна, задумчива, бледна,
Подчас глупа, подчас красна,
Подчас отрада в грустной доле,
Ну словом, бедную луну,
Хотя всё ту же и одну,
Мы все коверкаем по воле,
И каждый автор, как портной,
Дает ей цвет свой и покрой.

Здесь явный пародийный выпад против Пушкина, тотчас же зло-
радно отмеченный в «Северном Меркурии»: «Каков Вельской! этим
он намекает на знаменитого своего современника: „Как эта *глупая*
луна на этом *глупом* небосклоне“». ¹ Интересно отношение самого
Пушкина к этому произведению. В рецензии на VII главу «Онегина»
газета «Северная пчела» поторопилась уколоть Пушкина сравнением
с «Вельским», заметив, что эта глава «испещрена такими стихами
и балагурством, что в сравнении с ними даже «Евгений Вельской»
кажется чем-то похожим на дело» (1830, № 35). В проекте предис-
ловия к последним главам «Евгения Онегина» Пушкин привел этот
выпад против него и тотчас же сделал сноску: «Прошу извинения
у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту гру-

---

¹ «Северный Меркурий», 1830, № 58, 14 мая, стр. 231.

бость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если найдут Евгения Онегина ниже Евгения Вельского». В этой же рецензии мы встречаем и самостоятельную попытку пародировать «Онегина»:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка;
Конец седьмой главе — и точка.

Пушкин и к этому месту сделал ироническое примечание: «Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает».

Задуманный как пародия, «Евгений Вельской» растекся в претенциозное подражание. В этой вялой пародии нет озорства и дерзости полежаевского «Сашки», пародийно противопоставляемого пушкинской теме «молодого дворянина». «Евгений Вельской» лишен направленности против пушкинского стиля. Панибратский тон («Евгений мой Был точно малый с головой») и вульгаризация еще не создают пародии. Это скорее вариация на пушкинские мотивы, хотя некоторые современники склонны были воспринимать это подражание как пародию. Н. А. Полевой сочувственно встретил «Евгения Вельского», но объявил пародией не на «Евгения Онегина», а на его неудачных подражателей: «„Евгений Вельской“, вероятно, написан для шутки: автор хотел в смешном виде представить охоту подражать, делающую столько зла нашим стихотворцам; иначе кто же не шутя решится писать поэму, в которой название, расположение, все до смешной точности скопировано с «Онегина?» ... Словом — такого подражания мы доньше не видали, не слыхивали, и довольно посмеялись, читав, как автор передражливает Пушкина в выражениях и оборотах слов... Автор поступил прекрасно может быть, не всякий решится подражать „Онегину“».¹

Эта оценка отвечает пониманию пародии самого Полевого и его практике. Н. А. Полевой был самым значительным пародистом 30-х годов. Его пародии представляли собой хорошо осознанное нападение на русскую дворянскую поэзию и преследовали серьезные цели. Полевой не вполне владел слогом пародируемых им поэтов, он не

---

¹ «Московский телеграф», 1828, № 9, стр. 125—126.

всегда умел достаточно тонко имитировать индивидуальные черты стиля. Это и позволило Пушкину пренебрежительно отозваться о нем: «Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных в одном из московских журналов». Но это несправедливо: узнать себя в пародиях Полевого можно было без труда. Полевой искусно пародировал элегические мотивы грусти и разочарования в пародийной элегии «Разуверение», «апологи» и подражания русской народной песне Дельвига, «Стансы» Шевырева и др. Пародии Полевого были обращены не столько на стиль, сколько на тематику и излюбленные жанры «литературных аристократов», продолжавших традицию поэзии светских салонов,— альбомные стихи, дружеские послания, экспромты и эпиграммы, а также печатание отрывков из больших, возможно еще и не написанных, произведений, в соответствии с романтическим принципом незавершенности и непосредственности поэтического творчества. Нащупывая пути к развитию сатирической пародии, Н. Полевой не стремился к подчеркнутому комизму. Его пародии построены на прозаизации интимно-камерной поэзии. «Мы будем поэты в прозе, прозаики в стихах, ибо поэтам закон не писан»,— писал он в предисловии к пародийному альманahu «Поэтическая чепуха, или Отрывки из нового альманаха „Литературное зеркало“».

Трудность пародирования поэтов пушкинского времени состояла не только в том, что их произведения имели значительную художественную ценность, но и в особенностях их стиля. И не случайно сам Полевой к своему пародийному альманahu поставил такой эпиграф:

Они, как пол лошений, гладки:

На мысли не споткнешься в них.

Но дело было, разумеется, не в недостатке мыслей, а в «нейтральном», гармоническом стиле поэзии Пушкина и большинства его современников, прошедшем через карамзинскую реформу и избавившемся как от преувеличений и варваристических шероховатостей карамзинизма, так и от архаической «славенщизны». Этот стиль давал мало поводов пародистам для утрировки и гротескно-комического переосмысления. Полевому не за что было уцепиться. Воспроизводя особенности пародируемых произведений, пародия его сама становилась «приглаженной». Тот же Полевой с большим успехом пародировал повести Гоголя.¹

¹ Отрывок из гумористически-шутливой повести.— «Сын отечества», 1839, № 1. См. В. Виноградов. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1926, стр. 21—100.

Полевой стремился придать своим пародиям силу и убедительность критического доказательства. В рецензии на книжку «Пиигическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма», вышедшую в Москве в 1829 году и представляющую собой пародию на шаблоны «старой школы», Полевой писал: «Давно не являлось у нас шутки столь остроумной! Убеждать в какой-нибудь нелепости, глупости всего вернее сатирую. Как прикажете доказать нашим стихотворцам, что их ахи и охи в романсах, элегиях, песенках суть пустяки? Разборами, спорами, исследованиями? Г-н М. нашел лучшее средство. Он составил рифменный Калейдоакустикон, по которому тотчас можно составить романс, песню, элегию, и эти произведения будут, право, не хуже сотни тех, коими загружаются наши журналы, альманахи и — что греха таить! — собрания образцовых сочинений: смысла нет, рифма есть, и — довольно».¹ Полевой считал подобные пародии, представлявшие собой механический набор поэтических штампов, действенным критическим средством. «Подобные насмешки, может быть, всего скорее, всего легче покажут различие стихотворства от поэзии. Произведения истинного таланта никогда и никто не смешает с пустоцветами стихотворства пошлого и ничтожного».

«Разборное» произведение, складывающееся и раскладывающееся при помощи нехитрых комбинаций готовых штампов, представляло собой пародию, по самому своему конструктивному принципу не требующую гротескной переработки, преувеличения или переосмысления этих штампов. Эти принципы и применил Полевой. Блеклость и некомичность пародий Полевого, по-видимому, были результатом своего рода принципиальной установки. Полевой отказывался от гротескной разработки пародируемого материала там, где это не было подсказано самой поэтикой пародируемого произведения. Он хотел показать пустоту и бессодержательность отвергаемых им произведений, оставив их «почти» такими же, какими они были на самом деле. Он подставлял сатирическое зеркало, но не хотел, чтобы его упрекнули в том, что зеркало кривое и показывает все в искаженном и преувеличенном виде. Он мог гордиться, что одна из его пародий была принята всерьез. Это пародии-имитации. Цель их — критическая оценка и сатирическая демонстрация ничтожества

---

¹ «Московский телеграф», 1830, № 1, стр. 94—96. «Калейдоакустикон» представлял собой набор готовых музыкальных фраз-штампов, с помощью которых можно было составлять бесчисленное множество банальных вальсов. См. примечание к пародии «Калейдостихон».

(с его точки зрения) целого литературного направления, бесплодности дворянской культуры.

Полевой охотно объединял свои пародии в циклы, предлагая читателям то пародийный альманах «Литературное зеркало», то пародийную литературную газету «Трудолюбивый муравей». Он не только высмеивал моду на альманахи, но и стремился охватить в едином комплексе идейно-художественный материал «Литературной газеты» и альманахов типа «Северные цветы». В предисловии к «Отрывкам из собрания отрывков», помещенном в «Литературном зеркале», Полевой писал: «Мы представим точные подражания самым модным, самым *знаменитым* поэтам в тех родах, коими они угодили другим и прославились: палочные эпиграммы, лихие песни, летанье *куда-то*, ревушие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания древним, безнадежность, тоска, отчаяние, лень, пьянство смертное в поэзии, чертовщина в прозаических сказках и романах, итальянская приторность рифм, восточные краски — все это, и вся прелесть, ознаменовывающая поэтов и прозаиков немецкой, французской, итальянской школ, существование коих в России проявлено и доказано новейшими нашими критиками, будут нами вполне представляемы».

Каждая пародия воспринимается в общем пародийном ряду как «отрывок из собрания отрывков». Благодаря этому она становится не только пародией на отдельное произведение того или иного поэта, а расширяет свою направленность против самого жанра и целого литературного течения. Попадая в общий контекст пародийного альманаха, отдельные произведения без резко подчеркнутого комизма усиливали свою пародийность. Едва намеченные иронические стилизации, умышленные прозаизмы звучали пародийно.

Прозаизируя и упрощая поэзию пушкинского периода, вдобавок отказавшись от гротескной переработки пародируемого материала, Н. Полевой становился пресным. Его пародии не столько дискредитировали враждебную ему дворянскую поэзию, сколько выставляли его самого критическим резонером, раздражающим и неубедительным. Полевой размахнулся слишком широко. Вышедшие из социально враждебного ему лагеря поэты создавали значительные художественные ценности. Все же пародии Полевого сыграли положительную роль, указывая на узость и идейное обеднение дворянской поэзии после разгрома декабристов, на опасность измельчания и эпигонства. В 40-х годах, после смерти Пушкина, в обстановке все усиливающегося полицейского гнета и политической реакции,

в лагерь которой переметнулся и сам Полевой, русская поэзия подтвердила его печальные прогнозы.

Критические оценки, которые давал своими пародиями Полевой, во многом совпадают с позднейшими суждениями Белинского, как например, в статье «Русская литература в 1844 году»: «Песни Дельвига были песнями *барина*, пропетыми будто бы на мужицкий лад».¹ Это высказывание вполне отвечает пародии Полевого «Зимний вечер», где и выступает русский барин и его «седой Оссиан», т. е. попросту дядька, которого он заставляет петь народные песни, чтобы затем перепеть их на свой лад. Пародия Полевого на Языкова, написанная в 1831 году, высмеивавшая характерные мотивы его дружеских посланий — удалого разгула, «беспечной лени»:

Скажи, товарищ удалой,
Где делись ночи гулевые...—

также отвечает оценке поэзии Языкова Белинским в той же статье. Белинский, резко выступавший против Полевого, перешедшего после разгрома «Московского телеграфа» в правительственный лагерь, однако с сочувствием вспоминал его пародии 30-х годов и ссылаясь на них: «Прочтите в «Новом живописце общества и литературы» г. Полевого сцены из трагедии «Стенька Разин»,— писал он в своей статье «Русская литература в 1844 году»,— и сравните их с любыми сценами, например, из «Ермака» г. Хомякова: вы увидите, что способность владеть таким же стихом, каким владеет г. Хомяков, не имеет ничего общего с талантом поэзии, с даром творчества. Стихи «Разина» ничем не хуже стихов «Ермака», можно даже подумать, что те и другие писаны одним и тем же лицом».² Белинский сравнивает сетования «идеальной русской девы XVII века», которые он называет «чувствительным романсом», с «романтической песней» донского казака в пародии Полевого. Ядовитое сравнение подлинных стихов с заведомой пародией разоблачало художественную фальшь, книжную надуманность и костюмированную историю в стихах. А в 1842 году Белинский в памфлете на Шевырева «Педант» воспользовался пародийным именем Картофелин, придуманным еще Полевым. Он собирался включить в свой памфлет полностью и пародию на Шевырева «Рим» из «Нового живописца», но этому воспротивилась цензура, о чем Белинский

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 453.

² Там же, стр. 462.

очень сожалел. В письме к Боткину (14 марта 1842 года) он писал: «А статейка была недурна, да цензурный комитет выкинул все об Италии и стихи Полевого — злую пародию на стихи Шевырки».¹ Так общественно-политический памфлет Белинского сомкнулся с пародией Полевого.

7

После гибели Лермонтова русская поэзия переживала состояние застоя. «Властителями дум» все более становятся вульгаризаторы романтизма (Бенедиктов) и поэты из круга участников «Библиотеки для чтения», выразившие, как заметил в 1842 году Белинский, «крайность внешнего блеска и кажущейся силы искусства, чуждой действительного содержания, а следовательно, и действительной жизненности».² В стихотворных драмах Кукольника клокотали придуманные страсти. Подражательность и дилетантизм стали признаком времени. Подражали не только пушкинскому стиху, усвоенному с обманчивой легкостью, но и Бенедиктову. Мих. Дмитриев писал в «Москвитянине»:

Гордый конь мой посильнее
Будет вашего коня;
Сильный кит мой посмелее
Медной груди корабля!³

Или он же в мнимо-философическом стихотворении «Символ»:

Солнце скрылось; идут тучи,
Прах взвился под небеса,
Зароптал ручей гремучий,
Лес завыл: идет гроза!
Так дано тебе, сын праха,
Зреть что будет в том, что есть:
В чувстве радости и страха
Буквы тайные прочесты!⁴

Оскудение русской поэзии, продолжавшееся до середины 50-х годов, поддерживалось и усугублялось политической реакцией. От-

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1956, стр. 82.

² Там же, т. 6. М., 1955, стр. 493.

³ «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 8—9.

⁴ Там же, № 7, стр. 44.

дельные поэтические успехи, как например, выступление молодого Некрасова, уже в 1846 году написавшего «Тройку», в этом отношении не могли идти в счет, так как они буквально тонули в потоке эпигоновских произведений.

Характеризуя этот период, Н. А. Добролюбов писал: «Немного можно насчитать стихотворений из того времени, которые бы не составляли более или менее красивого перифраза пушкинских мотивов или же попыток в гейневском роде, а сущность поэзии Гейне, по понятиям тогдашних стихотворцев, состояла в том, чтобы сказать с рифмами какую-нибудь бессвязицу о тоске, любви и ветре». Это положение дел «думали исправить критикой и насмешкой». Появились пародии Нового поэта. Однако, продолжает Добролюбов, «пустота содержания в лирике дошла до того, что превосходила всякую пародию. И что хуже всего, ясно было, что причина этой пустоты кроется гораздо глубже, нежели в литературных талантах и воззрениях того или другого автора: она скрывалась в том, что в самой жизни как будто замерло или затанцось все, на что мог бы могучим и живым звуком отозваться поэт».¹

Эта характеристика не только определяет обстановку, в которой протекала деятельность Нового поэта, но в известной мере и направление его пародийного творчества. Новый поэт — пародийная маска бесцветного подражателя и дилетанта, созданная И. И. Панаевым. Новый поэт сформировался как самостоятельная фигура не сразу. Его предшественниками были различные эпизодически появлявшиеся фигуры поэтов-дилетантов и неудачников в романах, повестях и фельетонах. В повести А. Ф. Вельтмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841) осмеяна поэзия эпигонов и дилетантов, процветавшая в светских салонах, с довольно откровенным намеком на шумное появление В. Бенедиктова. Юнец из провинции Ордынин, в силу чисто водевильных обстоятельств (соперничество двух столичных «домашних гениев» — поэта и прозаика — из-за невесты), становится на несколько дней знаменитостью. Он не работает над стихами, а «вараксаёт» их, лежа на диване. Он подражает всем понемногу, на кого воцарилась мода. У него есть целая поэма — «вот как у Ламартина», различные стишки, составленные из романтических штампов, — и лирические, и на «кавказские темы».

Первым предвестником Нового поэта были небольшие пародийки в сатирической повести И. И. Панаева «Тля» («Отечествен-

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 594.

ные записки», 1843, № 2). В этой повести говорится об «умножающейся в России пагубной страсти сочинять». Эпигонская поэзия перепевала готовые литературные мотивы. Она была оторвана от действительности и лишена непосредственного эмоционального содержания. Она была не только подражательна, но и банальна. Отсюда один шаг до пародийной установки на банальность. Этот шаг и сделал Новый поэт. Его пародии выросли из иронической демонстрации поэтической бессодержательности произведений эпигонов и дилетантов.

«Современник» охотно цитировал «перлы» дилетантской поэзии и рецензировал книги графоманов и неудачников — курьезный перевод «Фауста» Овчинникова, вышедший в Риге, «Жезл правоты» Афанасия Анаевского (СПб., 1852) или нелепую анонимную поэму «Пальто». Такие произведения сами по себе, помимо воли и намерений автора, производили комическое впечатление, воспринимались пародийно. В рецензии на «Поэтические эскизы» — альманах, выпущенный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым в 1850 году, — И. С. Тургенев писал: «... Стихи г. Познякова не только не плохи — это в своем роде превосходные, великолепные стихи. Юмор в них так и кипит, комизм сверкает в каждом слове». В качестве примера приведены такие бесподобные строки:

С Л Ы Х А Л И Л Ь В Ы ?

Слыхали ль вы, что соловей,
Который душу мне возвысил —
Он не поет среди ветвей —
Он пел — и в то же время мыслил? ¹

Чтение таких произведений само по себе доставляло ироническое удовольствие. На этой закваске и поднялся Новый поэт. Новый поэт — безличен и лишен творческой энергии. Он способен мыслить лишь штампами. Он вял, бесцветен и беспомощен по самой своей природе. «Сознавая свой талант, — писал с приличествующей скромностью Новый поэт, — я не считаю, однако, себя гением; в моих поэтических произведениях вы, конечно, не найдете ничего нового, резко самобытного, но зато в них вы услышите родные, знакомые вам звуки, и эти задумчивые аккорды души, и эту беззвучную музыкальность чувства... и все, чем вы так восхищаетесь

---

¹ И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 11. М., 1956, стр. 106, 108.

отдельно в новейших поэтических талантах».¹ Новый поэт настойчиво уверял, что таких стихотворцев, как он, «может расплодиться очень много, особенно если журналы будут поощрять их».² Предисловие к отдельному изданию «Собрания стихотворений Нового поэта» (1855) содержит собирательную «автобиографию» такого поэта. «Страсть к стихотворству развилась во мне с ранних лет. Я начал писать стихи на двенадцатом году». Следуют намеки на Языкова и Бенедиктова: «Я воспевал сначала разгул юности, вакхические сходки, херес бархатный и чудно-маслянистый и

...напиток свой, народный —
Простое, пенное, чистейшее, без трав,

потом различал *чуждых и азиатских дев*, пропитанных *мускусом, с косами, которые бились до пят воронеными каскадами*. Затем следовал недвусмысленный намек на Н. Кукольника: «Я сделался горд и начал замышлять колоссальные драматические фантазии, чтобы окончательно убить всю предшествующую литературу». Но скоро все это было забыто и отвергнуто. «Тогда-то, увы! я понял вполне, что непрочность моих успехов и наконец равнодушие к моим последним произведениям — заключаются во мне самом; что публику и век обвинять в этом равнодушии не за что; что я никогда не имел искры поэтического таланта, а только писал более или менее звучные, гладкие и громкие стихи, что одна внешняя, даже шегольская форма в художественных произведениях, без внутреннего содержания — ровно ничего не значит; что внутреннее содержание дается убеждением и мыслию, которых у меня не было; что громкий стих, не согретый изнутри, не звучащий убеждением, не проникнутый мыслию, не освещенный вдохновением, поражает только ухо, а не душу. Сознав все это, я вдруг почувствовал озлобление к своим творениям и начал писать на них пародии. Вот как объясняется появление *Нового поэта*».

Новый поэт отказался от гротескного развития пародии. Его многочисленные «творения» на первый взгляд кажутся расплывчатыми подражаниями, которые ускользают от обвинения в банальности, объявив себя пародиями. Но их принял как пародии и направил против вырождающейся, безыдейной, бесцветной, худосочной и дилетантской поэзии боевой «Современник». Важно было не утрировать «дикость» содержания, а показать его полное отсутствие.

---

¹ «Современник», 1850, № 4, стр. 221.

² Там же, стр. 219.

Гротескная разработка пародии была в данном случае не нужна. Все дело было не в «нелепости», а в изжитости и банальности. Утрировать, собственно, было нечего. Пародии на произведения такого рода строились не на обнаженном комизме, а на ироническом прочтении.

На Нового поэта сложился взгляд как на пародиста слабого и беспомощного.¹ Однако сама «бесцветность» пародий Нового поэта была своеобразной установкой пародиста. От Н. Полевого до М. Михайлова и И. Панаева пародия довольствовалась иронической стилизацией. Таким образом, здесь дело не в бесталанности того или иного пародиста, а в целом историческом направлении в развитии пародии. Новый поэт дискредитировал не тем, что преувеличивал, а тем, что был до отвратительности похож на тех, кого он пародировал. И пародии Нового поэта достигали своей цели. Они дискредитировали эпигонскую дворянскую поэзию 40-х годов. Они делали невозможным для дилетантов и подражателей держаться на художественном уровне стихотворений Нового поэта, заранее объявленных и провозглашенных пародией. Это прекрасно понимали в кругу «Современника».

В рецензии на литературный альманах «Заздравный фиял» (1851) «Современник» приводит стихи Н. Хвоцинской:

Из-за облака месяц всплывает,
В обнаженных ветвях ветер шумит,
Что-то сердце и жжет и ласкает,
Кто-то тихо душе говорит...

«И еще четыре такие же стиха сверху и четыре снизу — вот и все стихотворение, принадлежащее к тому роду, в котором *Что-то* и *Кто-то* неизбежны, как нуль в арифметике, к роду неопределенному и ложному, прозванному у нас гейневским и убитому Новым поэтом».² Poleмическое преувеличение не лишает это утверждение истинности. Действенность пародий Нового поэта подтверждают его противники. Его пародии раздражали и бесили задетых им поэтов

¹ Для Б. Я. Бухштаба «художественная слабость» пародий Панаева даже послужила одним из доводов в пользу атрибуции стихотворения «Ревность» (в альманахе «Первое апреля», 1846) Н. А. Некрасову (Б. Я. Бухштаб. Н. А. Некрасов в стихотворениях Нового поэта. — «Некрасовский сборник», т. 2. М.—Л., 1956).

² «Современник», 1852, № 1, стр. 31. Речь идет, конечно, о мелко-травчатых подражаниях лирике Гейне, оторванных от его политической поэзии. См. А. В. Федоров. Русский Гейне. — Сборник «Русская поэзия XIX века». Л., 1929.

и их единомышленников. «Отечественные записки», где когда-то началась деятельность Нового поэта, писали с возмущением: «Не считаем нужным распространяться о стихотворениях «Нового поэта» — пародиях на произведения известных и полуизвестных стихотворцев. Правда, некоторые из них столько же удачны, сколько другие неудачны, но нас более всего отталкивает неудержимая охота смеяться даже над такими литературными произведениями, которые должны бы возбуждать наше уважение и благодарную память. В таком случае мы не можем смеяться, а переходим к чувству совершенно противоположному».¹

Мистифицирующее ироническое подражание не могло долго удовлетворять пародиста и читателя. Нужно было больше соли и перца, насмешки и злости. Пародия, чтобы сохранить свое право на существование, должна была стать веселее. Она повзрослела и приобрела житейскую и литературную мудрость в лице Козьмы Прутков. Козьма Прутков был творческой находкой, отвечавшей назревшей потребности обновления литературной пародии.

Пародии Нового поэта были как бы продолжением критических оценок и характеристик В. Г. Белинского. У них были одни и те же «любимые коньки» — Кукольник и Бенедиктов, вождь реакционных славянофилов А. С. Хомяков и перешедший в его стан одряхлевший Языков. Для разоблачения «узорочных миражей» поэзии Бенедиктова было недостаточно ее раскритиковать. Необходимо было ее еще и высмеять, лишить «обольстительности», которой она пленяла неопытные и наивные души. Тут уместна была пародия. В 1856 году в связи с выходом трехтомного собрания сочинений Бенедиктова Н. Г. Чернышевский писал: «Решительно не видишь, чем стихотворения его отличаются от пародий, на них написанных».² Н. А. Некрасов не только печатал пародии Нового поэта в «Современнике». Он давал свои произведения для помещения в фельетонах Нового поэта и выступал под его именем. Произведения Некрасова сливались с творчеством Нового поэта, так что впоследствии их даже трудно было выделить из общей массы панаевских пародий. Однако здесь следует говорить не о соавторстве под одним псевдонимом, а о единстве художественных позиций и критических оценок, что и вызвало это содружество.

---

¹ «Отечественные записки», 1850, № 12, стр. 135—136. Эти слова противоречат утверждению Ю. Н. Тынянова, что пародии Панаева надо относить к числу некомических (см. предисловие Ю. Тынянова к сборнику «Мнимая поэзия». М.—Л., 1931, стр. 6).

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1947, стр. 603.

Пародии Нового поэта достигали большой литературной и социальной обобщенности. Пародия «Сельская тишина» (1853) направлена на второстепенного поэта М. Стаховича, печатавшего в «Москвитянине» идиллии о прелестях деревенской жизни. Новый поэт вскрывает реакционный социальный смысл, помещичий характер подобных идиллий — благоденствие за счет якобы так же довольных жизнью, счастливых «добрых мужичков»:

Жить в сельской тишине — какое наслажденье,
Имея так, как я, доходное именье. . .

Социальная направленность этих пародий несомненно значительней и серьезней, чем непосредственно литературная. И конечно, не случайно, что конкретный пародийный адрес — стихи Стаховича — оставался нераскрытым. Тенденции к социальной сатире вносятся в самый облик Нового поэта, который складывается в определенную сатирическую маску, хотя и несколько бледную. Уже в 1847 году Новый поэт, появившись в «Современнике», иронически заявляет о своей благонадежности и высказывает неодобрение тем лицам, которые посягают на славу Державина, Карамзина и Ломоносова, ставших к тому времени знаменем староверов. Благовоспитанная благонадежность Нового поэта предваряет бескомпромиссную благонамеренность Козьмы Пруткова и оголтелую преданность Михаила Бурбонова.

8

В ноябрьской книге «Современника» за 1851 год в статье «Заметки Нового поэта о русской журналистике» вниманию читателей были предложены три басни: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки». «Эти басни,— замечает Новый поэт,— заставили меня очень смеяться, чего я желаю от души и вам, мой читатель». Кем они были написаны, не сообщалось. Прошло больше года, и в январской книжке «Современника» за 1853 год снова безымянно появилась еще одна басня такого же типа: «Стан и голос». Это были несомненные пародии, но на кого и на что? Неужели только на бездарные «Басни» реакционного поэта Константина Масальского, вышедшие в том же 1851 году и уже вызвавшие множество насмешек в печати? За этими баснями, их лукавой бессмыслицей и неподражаемой оригинальностью угадывался и намечался какой-то образ. И он появился. В 1854 году в «Современнике» (с февраля) был открыт новый юмористический

отдел «Литературный ералаш», где впервые встретилось имя Козьмы Пруткова.

Козьма Прутков возник как пародийная литературная маска, как фигура одного из многих поэтов-неудачников и дилетантов, под стать Новому поэту. Их имена в «Современнике» часто становятся рядом. Поиронизировав в критическом фельетоне по поводу последних стихотворений Н. Ф. Щербины, критик «Ералаша» (И. И. Панаев) пишет: «Г. Прутков и Новый поэт каждый в свою очередь могут воскликнуть <вслед за Щербиной.— А. М.>:

Но того, что недостойно,
Я искусству не даю...»

Во втором выпуске «Ералаша» фельетон на театральную тему «Литературные гномы и знаменитая артистка» был снабжен характерным посвящением: «Памяти Александра Анфимовича Орлова и живым литературным славам, превыше всех стоящим,— Козьме Пруткову и Новому поэту». Сопоставление это не случайно. А. А. Орлов писал всерьез и гордился своим творчеством, поддержанным ироническими похвалами Пушкина, воспринимавшего его в пародийном плане. При создании Козьмы Пруткова был полностью использован эффект непреднамеренного комизма и неумышленной пародии. Впоследствии Алексей Жемчужников назвал «музу Пруткова» «вдохновенно-бессознательной и всегда убежденной в важности своего значения».¹ Сам Прутков не считал свои произведения пародиями. Он искренне возмущался, когда так думали. Создателями этого образа были братья Жемчужниковы — Алексей Михайлович (1821—1908), Владимир Михайлович (1830—1884), отчасти Александр Михайлович (1826—1896), а также Алексей Константинович Толстой. Имеются сведения, что некоторое участие в этом коллективном творчестве приняли П. П. Ершов и А. Н. Аммосов.

Козьма Прутков скоро совершенно затмил своего собрата — Нового поэта. В его творчестве все ярче проступает его индивидуальное своеобразие. Новый поэт держался в тени. Можно сказать, что он почти сознавал свое ничтожество. Козьма Прутков сам преподносит и навязывает себя читателю. Новый поэт — скромная посредственность, Козьма Прутков — агрессивная бездарность. Он преисполнен сознанием своего величия и значительности. Он — поэт

---

¹ А. М. Жемчужников. Происхождение псевдонима «Козьма Прутков». — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 20, 22 апреля.

божьей милостью. В № 2 «Ералаша» помещены стихи Пруткова «К толпе»:

Толпа, раздайся ж! прочь! довольно насмеяться!
Тебе ль познать Пруткова дар.

Прутков выставлен на поругание и осмеяние толпы, но, по его представлениям, он разделяет судьбу всех непонятых великих поэтов. Вульгарно-романтическое противопоставление поэта толпе доведено до гротеска. На его устах «спокойная улыбка», «в груди — змея». Но Козьма не только гордый и разочарованный байронический поэт с чертами демонизма и отчаяния. В минуту слабости он признается, что он, в сущности, добродушен:

В поэте ты видишь презренье и злобу;
На вид он угрюмый, больной, неуклюж;
Но ты загляни хоть любому в утробу, —
Душой он предобрый и телом предуж.

И он с полным правом написал слабеющей рукой в предсмертном стихотворении:

Мне до могилы два-три шага...
Прости, мой стих! и ты, перо!
И ты, о писчая бумага,
На коей сеял я добро!..
Уж я — потухшая лампадка
Иль опрокинутая лодка!

В одном из «посмертных изданий» произведений Пруткова какой-то педант исправил «неудачную» рифму в конце строфы, чем вызвал справедливый протест Алексея Жемчужникова, который в декабре 1893 года писал М. М. Стасюлевичу, осуществлявшему издание: «Вместо «иль опрокинутая лодка» напечатано «иль опрокинутая кадка». Конечно, кадка и лампадка рифмуют, между тем как лодка и лампадка — не рифмы; но ведь *лодка* потому и хороша, что она — не рифма. Прутков принял ее за рифму потому, что он в это время уже угасал».¹ Эта удивительная по тонкости и художественной законченности деталь говорит о филигранной работе над образом, сообщившей ему цельность и выразительность.

---

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 4. СПб., 1912, стр. 376.

Эта творческая работа продолжалась в течение всей литературной жизни Прутков. «Нравственный и умственный образ К. Пруtkова», утверждал в письме к А. Н. Пыпину В. М. Жемчужников, сложился «не вдруг, а постепенно, как бы сам собою, и лишь потом дополнялся и дорисовывался нами сознательно. Кое-что из вошедшего в творения Козьмы Пруtkова было написано даже ранее представления нами, в своих головах, единого творца — литератора, типического, самодовольного, тупого, добродушного и благонамеренного. Сначала просто писалось от веселости и без заботы о сохранении в написанном какой-либо общей черты, кроме веселости и насмешки».¹

Они начали с комедии «Фантазия» на сцене Александринского театра, поставленной 8 января 1851 года как обыкновенный водевиль. Пьеса, авторы которой укрылись за скромными инициалами «У и Z», была построена по глупейшей, типично водевильной схеме: бестолковые женихи суматошно разыскивают пропавшую болонку богатой старухи, которая обещала в награду нашедшему руку своей воспитанницы. Театральный критик А. Р. Кугель, пытавшийся в начале XX века осуществить на сцене драматические опыты Козьмы Пруtkова, писал о «Фантазии»: «Пьеса глупа, как большинство водевилей того времени, только, пожалуй, чуточку глупее; куплеты ничтожны, как огромная часть куплетов, но еще ничтожнее. До самого конца пьеса идет нормально-глупым аллюром, с ненормальными местами „утолщениями“ глупости».² Одураченная публика приняла «Фантазию» за настоящий водевиль, только слишком уж нелепый. Пьеса была освистана, ошкани и провалилась. Критика осудила пьесу, признав ее глупой и бездарной, но никому, кроме Аполлона Григорьева, даже не пришло в голову, что это пародия.

Личность Козьмы Пруtkова первоначально определилась как «комическая маска», оказавшаяся чрезвычайно удобной для приписывания ей всех литературных «шалостей» ее создателей. В этом отношении было бы неправильно резко противопоставлять в творчестве Козьмы Пруtkова произведения, носящие характер «комического алогизма», его литературным пародиям. Все «творчество» Козьмы Пруtkова носило пародийный характер и так или иначе ассоциировалось с окружающей литературной жизнью. Его на первый взгляд чисто юмористические произведения оказываются пар-

---

¹ Козьма Пруtkов. Полное собрание сочинений. Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1933, стр. 456.

² Ното повус (А. Р. Кугель). Заметки.— «Театр и искусство», 1913, № 3, стр. 66.

диями, а его пародии носят нередко юмористический характер и разработаны в духе «комического алогизма». В период сотрудничества Козьмы Пруткова в «Ералаше» основным жанром в его творчестве явилась литературная пародия, которая могла восприниматься современниками и как чисто юмористическая и как сатирическая, в зависимости от того, что желали в ней увидеть. Показательно, что анонимный рецензент либеральных «С.-Петербургских ведомостей» даже упрекал Пруткова в том, что его пародии недостаточно сатирически нацелены: «Во всех этих пародиях (лучших в «Ералаши») нет цели, нет современности, нет жизни. Если можно было написать их, то скоро можно будет ожидать пародий на оды Ломоносова, трагедии Сумарокова, «Душеньку» Богдановича, «Россияду» Хераскова и «Разговоры в царстве мертвых» М. Н. Муравьева».¹ Отвечая этому рецензенту в четвертом номере «Ералаша», Прутков приводит его сентенцию, что «пародия должна быть направлена против чего-нибудь, имеющего более или менее серьезный смысл, иначе она будет пустою забавою», и затем пародирует рецензента и объявляет, что это заимствовано прямо из его, прутковского, афоризма: «Бросая в воду камушки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою».

Являясь новым сатирическим образом, Козьма Прутков в своем литературном «творчестве» развивается еще в русле старых пародийных традиций. Его пародии редко совмещали в себе литературную и внелитературную направленность. Они не брали под непосредственный обстрел политические воззрения и общественные взгляды пародируемых авторов. Однако, внешне безобидная, юмористическая пародия Пруткова приобретала в контексте «Современника» сатирическую направленность и поддерживала борьбу журнала против эстетизма 40—50-х годов, что и придавало ей литературно-общественное значение. А иногда, уже в период «Ералаша», пародийное творчество Пруткова начинало выходить и за рамки литературной пародии. И, пожалуй, не случайно критик «С.-Петербургских ведомостей» в цитированной выше статье обронил не разгаданный поныне намек, что он не хочет распространяться, «до какой степени права и остроумна «Ералашь», пародируя то, чего не следовало пародировать и что не было замечено решительно никем», а затем, подражая афоризмам Пруткова, высказывает мнение, что «явно и прямо задевать чье-нибудь самолюбие со стороны нелитературной — дело вовсе не похвальное, а иногда опасное».

Вероятно, это замечание прежде всего относится к «Плодам

---

¹ «С.-Петербургские ведомости», 1854, № 80, 9 апреля.

раздумья» Козьмы Пруткова, появившимся в первом номере «Ер-лаша». В пору николаевской реакции, когда развитие философской и политической мысли было задавлено, в ходу было мнимое глубокомыслие, в частности находившее свое выражение в пристрастии к афоризмам. На книжный рынок было выброшено множество курьезных сочинений, наполненных «изречениями», которые сделали бы честь и самому Пруткову. «Афоризмы» Козьмы Пруткова дополняли и поддерживали комизм предлагаемых от его имени пародий, да и сами носили пародийный характер. Однако вряд ли можно считать, что «изречения» Козьмы Пруткова лишь пародировали афористическую литературу своего времени, вздорные книжки Анаевского и других подобных же авторов. «Афоризмы» Козьмы Пруткова были необходимы прежде всего для характеристики его личности. Они раскрывали его психологию, весь убогий механизм его мышления.

Попутно отметим, что около этого времени во французской литературе возник тип самодовольного и напыщенного буржуа, глубокомысленного и непроходимо глупого господина Прюдома, с большим пафосом изрекавшего свои афоризмы: «Лишите человека общества, и он останется в одиночестве», «Наполеон первый страдал честолюбием; если бы он остался простым артиллерийским офицером, он был бы счастливым мужем и отцом и жил бы спокойно до наших дней», «Заменить мать невозможно». Тип этот был создан французским писателем Анри Монье в комедии «Возвышение и падение господина Жозефа Прюдома» (1851), в книге «Записки Ж. Прюдома» (1852) и др. и, нет сомнения, был известен «советникам» К. Пруткова. Козьма Прутков также выступает как учитель жизни. Он также ломится в открытую дверь, изрекая банальные истины. Но он человек «казенный». В его нравственных велениях проскальзывают нотки аракечевщины. За спиной бездарного, самоупоенного, но довольно безобидного литератора все определеннее вырисовывается сатирический образ более широкого плана. Это уже не просто тупой до самозабвения чиновник, службист, верноподданный, обыватель и пошляк, возомнивший себя поэтом. Он — философ, политик, моралист. Его деятельность простирается решительно на все. Он судит обо всем. Он «смотрит в корень». Он строг и неумолим, ибо убежден в непогрешимости своих суждений. Но вместе с тем он преисполнен отеческой благосклонности. «Послушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном», — обращается он к читателю. Непоколебимая уверенность в своем избранничестве и величии, твердость и безапелляционность в суждениях и поступках, страшные в Николае I, становились смешными у Пруткова.

Фигура Козьмы Пруtkова становится злой карикатурой на всю бюрократическую Россию Николая I. Однако следует подчеркнуть, что такое восприятие его образа в значительной мере ретроспективно. Как сатирический образ Козьма Пруtkов развился не сразу, а постепенно, в результате не только упорной работы над ним его создателей, но главным образом под сильнейшим влиянием окружавшей его «опекунов» литературной и общественной среды, близкой к «Современнику». Он определился лишь в начале 60-х годов, когда Козьма Пруtkов после нескольких лет молчания выступил в добролюбовском «Свистке». Можно сказать, «социальная маска» Козьмы Пруtkова была снята «посмертно», когда его литературная деятельность уже оборвалась и он перешел «в иной мир прямо с должности директора Пробиrной палатки». Только тогда были опубликованы его «биографические материалы» и его служебные бумаги, прежде всего «Проект. О введении единомыслия в России», и его образ сложился окончательно.

В произведениях, связанных с именем Козьмы Пруtkова, следует отличать литературную общественно-политическую сатиру от литературной пародии в собственном смысле этого слова. К литературной сатире относятся все материалы, связанные со служебной деятельностью Козьмы Петровича, его публицистика, его «Проект. О введении единомыслия в России», его афоризмы, недавно найденная комедия-памфлет «Торжество добродетели» («Министр плодородия») ¹ и некоторые другие произведения. К литературной пародии относятся вся его поэзия и почти все драматические произведения (за исключением «Торжества добродетели», где литературно-пародийный план целиком подчинен задачам общественно-политической сатиры).

«Литературная маска» Козьмы Пруtkова как бы раздваивается. Его сатирический социальный портрет не совпадает с его литературной ролью и не объясняет особенностей его пародийного творчества, в котором мастерство русской литературной пародии достигло еще небывалой высоты. Высокое художественное совершенство прутковских пародий явилось результатом не только богатой личной одаренности его «опекунов», но и развития русской пародии. В творчестве К. Пруtkова нашли свое отражение и буффонада арзамасцев, и салонные бутады признанных острословов и шутников, экспромты С. А. Соболевского и С. А. Неелова, забавные басни и макаронические стихи И. П. Мятлева и, наконец, пародии Нового поэта. Как и Новый поэт, Козьма Пруtkов мыслит поэтическими шаблонами.

---

¹ «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 759—773.

Он «овладел» стихосложением, «усвоил» банальную образность, выработанную поэтами, которым он «подражает». Но какая деревянная, бездушная получилась «поэзия»! Рубленый ритм, отсутствие стилистического чутья, неразборчивость в выборе слов, неуклюжесть и примитивность мышления:

Еду я на пароходе,
Пароходе винтовом;
Тихо, тихо всё в природе,
Тихо, тихо всё кругом. . .

Все, что выходит из-под пера Пруткова, в конечном счете всегда неуместно и создает ощущение чудовищно-комической нелепости. Тематика и стилистика не совпадают, пафос и архаический словарь не соответствуют пошлейшей ситуации. Чиновник с ватой в ушах выступает в качестве балладного героя. Лирическое волнение разрезается неожиданным прозаизмом («Хоть бы книжку мне прочесть. . .»).

«Опекуны» Пруткова далеко не всегда стремились к гротескной переработке пародируемого материала. Пародийность часто достигается ими не гротескным преувеличением, а тончайшими средствами, основанными на необычайном внимании и чуткости к слову и его стилистическим оттенкам. В недавно опубликованном письме к А. С. Суворину от 6 октября 1881 года В. М. Жемчужников просит при публикации заменить строчку в тексте басни «Звезда и брюхо» «Зане никто не воспретит всегда, всегда» словами: «Никто не воспретит тебе — всегда, всегда», ибо иначе это «было бы противоречием обычаю Пруткова, не употреблявшего церковнославянских слов в баснях».¹ К. Прутков вовсе не был литературным невеждой. Он прекрасно знал, что в «баснях» как жанре, относящемся к «среднему штилю» по ломоносовской теории «трех штилей», высоких речений употреблять не следует и так же, как и граф Д. И. Хвостов, придерживался в своем басенном творчестве просторечия.

Пародии Козьмы Пруткова отличаются одним удивительным свойством. Они словно не нуждаются в наличии конкретного «второго плана». Ими восхищаются, подчас не подозревая, в кого он метил. Даже такие громкие для своего времени имена, как Шевы-

---

¹ «Сочинения Козьмы Пруткова». Подготовка текста и примечания А. К. Бобореко. М., 1955, стр. 370.

рев, Хомяков, Щербина, были скоро позабыты, и вряд ли кто из читателей Козьмы Пруткова отчетливо помнил, что его стихи:

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью

пародировали стихотворение Хомякова «Желание» («Хотел бы я разлиться в море...»). Конечно, в историко-литературном отношении полезно знать, что философская проблематика, «шеллингизм» Хомякова превратилось в наивный и бессвязный «гедонизм» Козьмы Пруткова, да и читателю, хорошо представляющему себе этот «второй план», обеспечено дополнительное тонкое удовольствие. Знание конкретного «второго плана» обостряет ощущение пародии, но вместе с тем читатель как будто что-то и теряет. Ему словно становится жаль, что «гениальное» произведение Козьмы Пруткова всего только «подражание» одному стихотворению. И в самом деле — так ли уж важно, что бесподобная по своему комизму баллада «Путник», по-видимому, пародирует стихотворение безывестного Платона Ч., опубликованное в «Русском пантеоне» в 1845 году? Однако это мнимая утрата «второго плана». Он не исчез, а распространился до обобщенного представления о «подобной поэзии» (с нелепой экзотикой, мнимой философской проблематикой в стихах, наивным увлечением античностью и т. д.). Забвение конкретного адреса усилило типизацию, а следовательно, и действенность самой пародии. И если, перелистывая «Литературную газету», мы встречаем стихотворение Ф. Кони с такими строчками:

Спит роскошная Севилья,
Светел, тих Гвадалквивир;
Не белеют лодок крылья,
Смогли песни, в рощах мир¹ —

то мы непременно вспомним «Желание быть испанцем» бессмертного Козьмы Пруткова, причем представляется совершенно несущественным, послужило ли это стихотворение действительно оригиналом для создания пародии или нет. Важно, что такая поэзия была! Именно благодаря широкой проекции на поэтическую экзотику, псевдоромантизм и эстетизм Козьма Прутков мог не только действительно подражать своим ныне забытым «любимцам», но и предва-

---

¹ Канцонетта.—«Литературная газета», 1845, № 23, 21 июня.

рить появление родственных ему талантов в грядущем. В 1860 году Вс. Крестовский написал знойное «испанское» стихотворение:

Чуть с аккордом двух гитар
Лихо шелкнут кастаньеты —
Для фанданго страстных пар
Бойче всех мои куплеты. . .

«Можно было бы принять его за источник прутковского «Желания быть испанцем», если бы последнее не было напечатано в 1854 году», — отметил Б. Я. Бухштаб.¹

«Опекуны» Пруткова не просто шаржируют известные произведения, они добираются до их эстетических основ, раскрывают не только поэтику, но и характер поэтического мышления. Несомненная сатирическая направленность пародий Козьмы Пруткова против поэтов — сторонников «чистого искусства» нередко озадачивала исследователей. «Едва ли не всех, писавших о Пруткове, — замечает Б. Я. Бухштаб, — приводило в недоумение, каким образом создатели Козьмы Пруткова, сами тяготевшие к платформе «чистого искусства» (в лице А. К. Толстого, во всяком случае), могли высмеивать ее в творениях Пруткова. Но они высмеивали не теорию и практику «чистого искусства», а теорию и практику вульгарного романтизма. С их точки зрения это были вещи совершенно различные. Революционно-демократическая же критика, вслед за Белинским, устанавливала прямую связь между «чистым искусством» и вульгарным романтизмом».² Это объяснение кажется нам неверным. Получается, что «Современник» лишь умело использовал пародийное творчество создателей Пруткова и что между ними и платформой этого журнала не было никакой внутренней связи. Да и кроме того, их пародийные стрелы летели не только в Бенедиктова, но и в Фета, которого вряд ли «опекуны» Пруткова воспринимали как «вульгарного романтика». Помещая произведения Козьмы Пруткова в «Свистке» 1860 года, Добролюбов прямо указывал: «Поклонники чистого искусства! Рекомендую вам драму г. Пруткова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла». И создатели Пруткова были не настолько наивны, чтобы не подозревать о том назначении,

---

¹ Б. Я. Бухштаб. Эстетизм в поэзии 40—50-х годов и пародии Козьмы Пруткова. — «Труды отдела новой литературы. Институт литературы Академии наук СССР», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 173.

² Там же.

которое давали их пародиям в «Современнике». Значит, объяснение надо искать в другой плоскости.

Конечно, «опекунов» Козьмы Пруткова трудно представить себе в роли последовательных и непримиримых бойцов против эстетизма и «чистого искусства». По-видимому, они воспринимали «объекты» своих пародий прежде всего как эпигонские и выступали в данном случае не против «чистого искусства», а против банальности поэтических штампов и испетости мотивов. И в этом отношении, по крайней мере в период «Ералаша», они продолжали дело Нового поэта, подвергая пародическому осмеянию тех же поэтов, что и он (Бенедиктов, Ростопчина, Щербина, Фет). Но характерно, что у них не поднялась рука на Тютчева, на которого у Пруткова нет ни одной пародии. Они набрасывались прежде всего на то, что представлялось им нелепым с эстетической точки зрения, что было несовершенным и неудачным поэтически и в чем они оказались дальновидней Нового поэта. Этим, вероятно, объясняется и то обстоятельство, что Прутков иногда «подражал» устаревшим «образцам». Но высокий художественный уровень пародий Пруткова открывал широкие возможности для сатирического нападения на эстетическую сущность пародируемых произведений в неизмеримо большей степени, чем это позволяли пародии Нового поэта.

9

В 60-х годах центр тяжести литературной пародии переместился. Н. А. Добролюбов теоретически обосновал необходимость изменения самого жанра, который должен был принять общественно-политическую направленность. В рецензии на сборник Обличительного поэта (Д. Д. Минаева) «Перепевы», опубликованной в 1860 году в «Современнике», Добролюбов утверждал в полемических целях, что «вопрос чистого искусства уже проигран фактически; над ним и хлопотать не стоит», а значит, «скоро поражен будет и тот род пародий, который направлен исключительно на художественные недостатки прежних поэтов». «Чистая художественность,— писал он,— теперь привлекает общее внимание единственно только в творениях Козьмы Пруткова» — и «все эти *Amoroso, farniente*, вечера и девы — с облаками, луной, соловьями и ручьями — пропадают сами собою». Добролюбов упрекает Обличительного поэта, написавшего пародию на «пренелепое стихотворение» Фета — «Буря на море вечером». «Само по себе это стихотворение — пародия;

его иначе никто и не примет, как за написанное на смех... Неужели стоило нарочно придумывать чепуху, ничуть не более яркую, чем та, для осмеяния которой она придумана?»¹ Добролюбов утверждал, что пародия не должна, да и неспособна дискредитировать подлинные эстетические ценности. «Попробуйте перепародировать Гоголя в его «Мертвых душах», «Ревизоре» и лучших повестях,— много ли успеха будете вы иметь?.. А того же Гоголя в «Переписке» можно пародировать не только безнаказанно, но даже с большим успехом».² Добролюбов как будто не делает различия между пародированием публицистических и художественных произведений. Он противопоставляет их не по жанровым признакам, а по ценности идейного содержания. Однако он указывает на специфические особенности и сложность поэзии: «Трудно пародировать истинного поэта, с целью выставить его дурные стороны; еще труднее пародировать целое литературное направление, ежели оно, хотя и ложно в известных отношениях, но согрето огнем истинной поэзии. Ложь и правда в этом случае сливаются, недостатки так переплетаются живыми достоинствами, что редкая пародия, задевая одни, может не тронуть другие; а как скоро истинное достоинство задето — пародия неудачна».³ Но в таком случае (когда совершенные произведения пародировать невозможно, а пустопорожние не стоит труда) литературе пора перестать пародировать самое себя. Добролюбов поставил вопрос об общественной роли пародии. Задача пародии — «сопровождать русскую жизнь в новом пути, который ей теперь открывается, и преследовать свистком всякого, кто без толку сунется на этот путь и начнет тут вертеться, дела не делая, а только мешая другим».⁴

Литературная направленность пародии становится сопутствующей. Пародия в понимании Добролюбова должна быть не столько обращена против пародируемого произведения или автора, сколько разоблачать и осмеивать его общественно-политические взгляды, а главное — разить через голову пародируемого широкие общественные и политические явления. Пародия принимает у Добролюбова,

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1935, стр. 597—598. *Amoroso, farniente* (итал.) — любовный, бездельничающий. Добролюбов имел в виду поэтические мотивы любовной тоски и сладостного мечтательного безделья.

² Там же, стр. 596.

³ Там же, стр. 598.

⁴ Там же.

как и у Некрасова, публицистическую функцию, используя пародируемое произведение в общественно-сатирических целях.¹

Сатирические пародийные использования становятся важнейшим видом литературной пародии 60-х годов. Существенной чертой пародий самого Добролюбова является их синтетический, обобщающий характер. Пародийные адреса отличаются широтой и многоплановостью, в чем и заключается их главнейшее отличие от пародий «Искры» (Гнут-Ломан, отчасти Минаев), которые слишком близко придерживались пародируемого оригинала, часто преследуя его слово в слово. Пародия Добролюбова становится собирательной. Пародируя одно произведение, он включает элементы пародии на другие произведения того же, а то и других авторов, вскрывая общность их идейных устремлений и близость социальных позиций. Добролюбов создает новые сатирические маски пародийных поэтов, существенно отличающиеся от прежних своей общественно-политической направленностью.

К. Прутков еще относился к периоду «чистой художественности». Он с успехом подражал Полонскому, Щербине, Фету, но гражданские идеалы ему оставались чужды. Во время подъема общественной мысли К. Прутков по-своему продолжал «служить красоте». Нужны были новые люди и новые песни. Добролюбов создает новый пародийный образ. Это прекраснотушный юноша Конрад Лилиеншвагер, отзывчивый и внимательно прислушивающийся к веяниям времени, готовый служить гражданским идеям, однако в пределах умеренности и аккуратности. В своих собственных глазах он смел и дерзок, но границ не переступает. Он верит, что само высшее начальство неуклонно стремится к добру и свету, и остается лишь указывать на отдельные застарелые пороки и язвы. Образ Конрада Лилиеншвагера — злейшая пародия на либеральные иллюзии. Добролюбов зло издевался над «обличительной поэзией» и «принципами гласности», долженствующими содействовать улучшению условий русской жизни. Ближайшим адресом этих пародий была мнимогражданская «обличительная» поэзия Михаила Розенгейма.² Но

---

¹ Публицистический характер пародийного использования не снимал вопроса об эстетической оценке используемых произведений. Критерием оценки для Добролюбова служит верность действительности, а задача пародии — разоблачать фальшь и лицемерие в изображении действительности и реальных человеческих отношений, указывать на «протiwоречия пииты с реальной правдой» (там же, стр. 596).

² Псевдоним Лилиеншвагер — пародийная переделка фамилии Розенгейм: вместо *розы* (Rosen) — *лилии* (Lilien), вместо *дядя* — (Oheim) — *зять* (Schwager).

Добролюбов метил дальше. Он стремился показать социально-политическое единство всего реакционного лагеря, противостоящего революционной демократии,— от помещиков-крепостников до либералов-обличителей. В цикле «Четыре времени года» он показывает «эволюцию» Конрада Лилиеншвагера от обличительной поэзии к официально-патриотической и, наконец, отвлеченной дидактической поэзии, как бы указывая на общность их социального значения.

Конрад Лилиеншвагер лишен собственного стиля. Это поэт банальных фраз и тривиальных истин. Скучность мысли мнимогражданской поэзии русского либерализма 60-х годов сочеталась с вульгарным и плоским пониманием искусства. В рецензии на «Стихотворения Мих. Розенгейма» («Современник», 1858, № 11), где впервые возникла фигура Конрада Лилиеншвагера, Добролюбов упрекает Розенгейма не только в убожестве и трусливости его общественной позиции, но и в пошлости. Произведения Розенгейма,— писал Добролюбов,— «не более как плохое переложение в стихи очень прозаических фраз, бывших у нас в ходу года три тому назад».¹ И первое стихотворение Конрада Лилиеншвагера оказывается простым пересказом в стихах тирады «положительного героя» в либеральной комедии В. А. Соллогуба «Чиновник». Публицистичный до мозга костей Добролюбов с негодованием выступал против примитивного понимания поэзии, не делающего качественного различия между поэтическим словом и журнальной публицистикой. Идейность поэзии не достигается переложением в стихи общеизвестных истин, убедительно излагаемых доброй прозой. «Злой приятель» рецензента ядовито перекладывает в стихи статейку «Несколько мыслей о судопроизводстве» из подвернувшейся ему книжки «Русского вестника»: «Попалась человеку неглупая книга, выдрал из нее тираду — и готово стихотворение». Подобный «художественный метод» — не гражданская поэзия, а ее профанация, не утверждение идейности в поэзии, а ее демобилизация. Художественная немощь такой поэзии подчеркивает и реакционную сущность общественных позиций самих авторов. «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения г. Майкова «Нива»? Взгляд на работы поселян на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это поэзия!»²

Свои мысли Добролюбов подкрепляет пародией. Поэзия вырождается в жалкую дидактику, когда питающие ее чувства фальшивы

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1939; стр. 11.

² Там же, т. 3, стр. 501.

и наигранны, когда они не отвечают живым и действенным тенденциям общественного развития. Пародии Добролюбова вскрывают глубокое внутреннее родство либерально-обличительной и казенно-патриотической поэзии, покаянных мотивов дворянской поэзии и пейзажной лирики «чистого искусства». Он создает пародийную маску поэта Аполлона Капелькина, на примере которого показывает возможность совмещения в одном лице различных модификаций дворянской поэзии. Некий «австрийский поэт» Яков Хам¹ пишет военно-шовинистические, казенные стихотворения (имеющие в виду Хомякова и Майкова), которые переводит недавний либерал Конрад Лилиеншвагер. Литературная пародия здесь сочетается с политической публицистикой Добролюбова и Чернышевского.²

Литературная пародия более узкого плана оставалась достоянием «Искры», которую Добролюбов иногда упрекал в недостатке сатирического размаха. Нападки Добролюбова на пародистов «Искры» носили характер дружественного предупреждения об опасности измельчания пародии. Он упрекал Обличительного поэта (Д. Д. Минаева) в том, что тот напрасно пародировал стихотворение Я. Полонского «Мое сердце родник, моя песня волна. . .», которое не заключало в себе «полное выражение характера и манеры поэта». Добролюбов требовал от искровцев раскрытия типических недостатков художественного творчества пародируемых поэтов в тесной связи с их общественными воззрениями. В общем пародисты «Искры» справлялись и с этой задачей. И хотя техника литературной пародии «Искры» (по сравнению с добролюбовской) заключалась преимущественно в пародировании отдельных произведений, оно преследовало остро публицистические цели. «Искра» живо откликалась на события литературной жизни. Ее пародии стремились к общественному воздействию, они вскрывали идейное содержание пародируемого произведения, демонстрировали его социальное ничтожество или общественный вред. Под этим знаком и шла борьба «Искры» с представителями «чистого искусства» и их эпигонами В. Крестовским, П. Кусковым, Н. Страховым, Ф. Зариным. «Искра» поддерживала борьбу Добролюбова с либеральным обличительством Розенгейма и салонно-патриотической лирикой Майкова. На страницах «Искры» промелькнули и старые имена, осмеянные в свое

---

¹ Яков Хам — пародийная переделка фамилии Хомяков.

² Подробнее см. Б. Я. Б у х ш т а б. Добролюбов-пародист. — «Известия Академии наук СССР». Отд. общ. наук. 1936, № 1—2, и его вступ. статью к книге: Н. А. Добролюбов. Стихотворения. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1941.

время Новым поэтом и К. Прутковым,— Бенедиктова, Кукольника, Каролины Павловой.

В отдельных случаях нападки принимали характер систематического преследования. Появление в 1860 году первых стихотворений К. Случевского в «Современнике» и «Отечественных записках», встреченных восторженным отзывом Ап. Григорьева в «Сыне отечества», вызвало энергичное выступление «Искры». Особенно обеспокоило «Искру» появление стихов Случевского в «Современнике» (куда они попали по рекомендации Тургенева), помещавшем иногда стихи и других представителей «чистой поэзии», в том числе и ненавистного искровцам Фета. Искровцы рассматривали это как либеральную уступку. Появление стихов Случевского давало удобный повод для усиления кампании против всего направления «чистого искусства», которая уже давно велась «Искрой». Случевский дебатировал как сторонник «чистого искусства». Его стихи носили вызывающий характер и отличались смелой образностью и пренебрежением к логически упорядоченному строю речи. Особенно нелепыми казались стихи:

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Налет мистической созерцательности, откровенный индивидуализм, мотивы смерти, как бы предваряющие позднейшие декадентские настроения (недаром Случевский был впоследствии оценен и признан символистами), вызвали раздражение искровцев. В № 8 «Искры» появился фельетон Пр. Знаменского (В. С. Курочкина) «Критик, романтик и лирик», нападавший одновременно и на Случевского, и на Ап. Григорьева. В. Курочкин был возмущен тем, что Ап. Григорьев, не увидев в том же номере «Современника» вешей Тургенева и Щедрина, пришел в восторг от Случевского. «Струею свежего, совсем свежего воздуха брызнули на меня эти стихи,— писал Ап. Григорьев.— Это не просто высокодаровитый лирик, как Фет, Полонский, Майков, Мей,— это даже не великий, но замкнутый в своем одиноком религиозном мирозерцании поэт, как Тютчев... Это сила, сударь мой. Это сила идет, новая, молодая сила».¹ В стихах Случевского нечто «фетовское» сливается с «тютчевским» и «образует нечто совершенно особое...» В пику Григорьеву Куроч-

---

¹ Ап. Григорьев. Беседы с Иваном Ивановичем...— «Сын отечества», 1860, № 6, стр. 166—168.

кин находит в стихах Случевского не только «фетовское» и «тютчевское», но и «майковское», «полонсковское», «крестовсковское» и даже «пилянкевичевское» и, наконец, «татариновское» и «овчинниковское»,— т. е. ставит его не только в один ряд с такими эпигонами «чистого искусства», как Т. Пилянкевич,— кстати, осмеянный в той же «Искре» еще в 1859 году Н. А. Добролюбовым в статье «Атенейные стихотворения»,— но и с лубочными писателями и графоманами, вроде П. Татаринова или бездарного переводчика «Фауста» А. Овчинникова (доставивших много удовольствий еще Новому поэту). Даже этим ничтожнейшим из ничтожных «нельзя отказать в доле здравого смысла», которого якобы недостает Случевскому. Курочкин апеллирует ко вкусу и разумению «обыкновенного читателя», которому непонятны изысканные «шалости» поэта.

В том же номере «Искры» Н. Гнут (Ломан) открывает пародией на Случевского серию фельетонов «Литературные вариации». Пародируется стихотворение Случевского «На кладбище», полностью приведенное в фельетоне Курочкина. Вслед за этой пародией последовали другие того же Гнута,— на стихотворение «Мемфисский жрец» (в № 25), на стихотворение «Давным-давно тебя похоронил я...» (в № 36), а за ними бесчисленные насмешки над каждой строчкой Случевского. А Николай Курочкин посвятил Гнуту послание, представляющее собой пародийное подражание Языкову, с четырьмя «благоприобретенными у него стихами» в конце:

Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков.
Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки...

И Случевский, действительно, перестал печататься и замолк почти на два десятилетия. Но стоило пробудиться его музе, как один из еще живых «поморных», как звали иногда себя искровцы,— Д. Д. Минаев, снова осыпал его градом пародий и насмешек. Ожесточение, с которым искровцы напали на Случевского, объясняется тем, что в их глазах он был как бы квинтэссенцией всего направления. «Бессмысленность», в которой упрекали искровцы не только непонятого Случевского, но и других представителей «чистой поэ-

зин», это прежде всего отсутствие ясно выраженного социального содержания.

Пародисты «Искры» любили притворяться приверженцами «чистого искусства» и ехидно полемизировали друг с другом, якобы защищая тех, кого они пародировали. Ломан называл свои пародии «вариациями», уверяя, что это «почти новый род литературы»: «Вариация не пародия: она только выясняет основной мотив, представляет рельефнее красоты подлинника. Варьировал же я стихотворение г. Тютчева «Пошли, господь, свою отраду», хотя мне очень хорошо известно, что оно перейдет в потомство, наравне с лучшими произведениями Пушкина» («Искра», 1860, № 39). В том же номере «Искры» Гнут помещает пародию на стихотворение Тютчева «Успокоение». Пародия носит название «Утешение». Ломан, по-видимому, вполне сознательно отказывается от гротескной разработки пародии, от излишнего преувеличения. В этом отношении его метод восходит к Новому поэту, но в отличие от него Ломан нападал не на стиль и избитые поэтические мотивы, а на общественное содержание, социальный смысл пародируемого произведения. Пародии Ломана сопровождались обширным (иногда многословным) критическим комментарием новых литературных явлений. Излюбленным приемом Ломана была подмена прозаической «реальной правдой» возвышенно-надуманных и ходульных поэтических образов пародируемых поэтов. Патетика оказывается выпренности, экзотизм — мишурой, лишь прикрывающей печальную социальную действительность, нищету и бедность народа, эстетический эротизм — пошлостью. Эта сторона пародий Ломана и других пародистов-искровцев отвечала требованию, предъявляемому к пародии Добролюбовым, — вскрывать «противоречия пииты с реальной жизнью».

Как и Новый поэт, Ломан не оставлял без внимания эпигонскую и дилетантскую поэзию, которую, в сущности, предлагал игнорировать Добролюбов. В одном из своих фельетонов Ломан дает иронические советы юноше, который «сгорает жаждою славы поэта»: «Достаточно прочитать любое стихотворение известного поэта, хоть Пушкина, да его мысли и разводить в жиденьких стихах или нарочно написать что-нибудь совершенно противоположное тому, что выражено в его произведении. Например, в элегии Пушкина «Я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты» выражено безотрадное разочарование, — сохраняя план, размер и, по возможности, рифмы этого стихотворения, напиши другое, в котором вместо «сердечной пустоты» будет у тебя изображаться избыток счастья; пушкинское уподобление («так поздним хладом пораженный... трепещет запоздалый лист»), конечно, уж не подойдет

к делу,— замени этот осенний лист крыловским васильком». Способ, предложенный Ломаном, оказался испытанным. Некто К. Р.—в написал «прехорошенькую элегию», которую и приводит фельетонист:

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страдания,
Мою любовь узнала ты. . .
и т. д.

Это как раз случай, когда, по мнению Добролюбова, не следовало писать пародий. Стихи разоблачали сами себя и звучали пародийно. Может быть, следовало их только привести, как это часто делал Новый поэт. Но Гнут не удержался от пародии. Слишком велико было искушение, а пожалуй, и слишком легко давалась такая пародия:

Мои мечты, мои желанья
Навряд ли знать ей суждено:
Глядеть вперед без упования
Я приучал себя давно.

Вся «соль» пародии в том, что у пародируемого «воскресает ночью холодной полузавялый василек», а у пародиста «заверить честь имею, я превратился бы в пион. . .»

Разнообразней была пародия Д. Д. Минаева, который был буквально неистощим на различные выдумки. То в пику славянофилам он задается целью показать «полнейшее сходство» русского языка с итальянским и демонстрирует целое стихотворение «О, сон на море — диво сон», составленное из бессвязного набора итальянских слов, написанных русскими буквами,¹ то печатает прозой белые стихи Фета «Я люблю многое, близкое сердцу. . .» и тут же располагает свою прозу в стихотворные строчки:

Я люблю многое, что для другого
Наверно покажется вздором,
Чаще всего мне приятно писать чепуху,
Так, забываясь,

¹ «Русское слово», 1862, № 5, «Дневник Темного человека», стр. 25.

Словно я делаю дело,
Вполне убежденный,
Что, чем напишу я глупее,
Тем ближе к поэзии буду.¹

Д. Минаев, стараясь доказать полнейшую, по его мнению, бессодержательность, даже бессмысленность поэзии Фета, несколько раз печатает его стихотворения «шиворот-навыворот», т. е. прочитывает их в обратном порядке — от конца к началу, как это, напомним, уже проделывал Полевой с Пушкиным. Фету, помимо множества отдельных пародий, Минаев посвятил несколько пародийных циклов, в том числе «Лирические песни с гражданским отливом», первоначально появившиеся в «Дневнике Темного человека» в «Русском слове» без общего заглавия. Фельетон был вызван статьями Фета «Из деревни», напечатанными незадолго перед тем в «Русском вестнике» (1863, №№ 1 и 3). Фет выступал в этих статьях как завзятый крепостник, вздохавший о временах, когда помещику не приходилось обращаться к наемной рабочей силе. С сухой жесткостью «принципиального помещика» Фет рассказывал, как он обращался к мировому посреднику, чтобы удержать с нерадивого работника Семена одиннадцать рублей, как он потребовал с крестьян выкупа за шесть дерзких гусей с гусенятами, которых он изловил на своем поле, как он вымогал у отца мальчонки-табушника деньги и тот стоял перед ним на коленях, просил отпустить чужих, барских же, лошадей другого помещика, задержанных Фетом до выкупа. Все эти сцены Фет описывал в повчание другим помещикам, чтобы они действовали с такой же твердостью и неумолимостью. Помимо своей воли Фет нарисовал отвратительный портрет озлобленного пореформенного помещика. То, что этот помещик вместе с тем оказался представителем «чистого искусства», было сушей находкой для пародиста. Публицистика Фета дала повод Минаеву рассматривать «чистую лирику» Фета как своего рода функцию крепостнической реакционной идеологии: «Его лирические песни есть ряд восторженных гимнов крепостному праву. Прежде в нем этого не подозревали и видели в нем просто объективного поэта, поющего без всякой предвзятой идеи». Но послереформенная жизнь «вдруг осветила деятельность таких писателей, как г. Фет, и показала нам их в настоящем свете; показала нам, какие гражданские доблести так долго скрывались под их поэтической скорлупой».

---

¹ «Русское слово», 1863, № 9, «Литературное обозрение», стр. 35.

пой... Когда крепостное иго тяготело над русской жизнью, г. Фет в жизни русского крестьянина видел только

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,

видел одни праздничные картины:

Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Он мирился с этой жизнью, силился и нас помирить с нею». Но вот настали новые времена. «Новое положение дел не умилило его музу. Г. Фет бросил в сторону лиру и сделался публицистом... Перед нами является новый Фет — Фет обиженный, Фет взволнованный, Фет оскорбленный. Он не поет уже теперь «шепот, робкое дыханье, трели соловья»; но у него вырываются другие, мрачные песни».¹

Д. Д. Минаев обрушивался и на эстетическую концепцию Фета, подвергая сатирическому осмеянию проявления индивидуализма, иррациональности, автономии поэтического слова, провозглашавшихся Фетом в вызывающей и парадоксальной форме: «В нашем деле истинная чепуха и есть истинная правда», «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой, что он воспарит по воздуху, тот не лирик...» Подобные заявления Фета действовали на Минаева, как красная тряпка на быка. Он создает пародийную маску отставного майора Бурбонова, который читает Фета и хотя и не понимает толком, но восхищается и подражает ему. Он пишет фельетон «Лирическое худосочие», в котором Михаил Бурбонов выступает в роли критика, «ибо он один может быть теперь истинным ценителем того мусора, которым завалена российская журналистика». Бурбонов повествует о некоем юнкере Звонкобрюхове, который, находясь в состоянии «временного умопомешательства», пишет стихи и реализует совет Фета, выбросившись из окошка «гошпиталя». Называя Фета поэтом «лирических намеков и недоговорок», Минаев нападал на его иррационализм и стремление выразить чувства, не передаваемые простым словом. Минаев стремился разгромить последнее эстетическое убежище Фета — музыкальность. «Муза г. Фета задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова, которые, будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью...» «По-

---

¹ «Русское слово», 1863, № 6, стр. 7—8.

пробуйте,— издевательски писал Минаев,— составить вместе ряд музыкальных слов, и хотя бы между ними не было никакой связи, но все-таки их музыкальность приятно будет дразнить ваше ухо. Вот, пожалуйста:

Олеандра гирляндой над бандой;
Виден локон из окон и ленты;
А Кассандра, обняв Александра,
Под чинарой сосет пеперменты...»¹

Минаев указывал на антигуманистический характер фетовского эстетизма, на его гедонистический индивидуализм: «Рисует г. Фет картину похорон девочки, гроб которой с плачем провожает ее мать, и, казалось бы, тут должен бы, как чувствительный поэт, немного взгрустнуть, но он все-таки и тут благодушествует:

За гробом шла, шатаясь, мать,—
Надгробное рыданье!
Но мне казалось, что легко
И самое страданье...

Только однажды, упоминая о своей осенней жизни в деревне, г. Фет перестает радоваться и улыбаться... Гуси всему виною, непременно гуси...»²

Конечно, поставив знак равенства между крепостническими взглядами Фета и его лирикой, утверждая, что Фет-лирик был своеобразным бессознательным «певцом крепостного права», Минаев крайне упрощал дело. Но для своего времени Фет стал воплощением политической и литературной реакции. Дискредитируя Фета, Минаев и нападает на основы его поэтического мировоззрения, и осмеивает наиболее типичные и характерные черты его поэтического стиля. Но вместе с тем он использует литературную пародию для широкого общественно-политического выступления против всей крепостнической реакции. Через голову Фета Минаев поражает еще более важные мишени. Советы Добролюбова, данные ему в рецензии на «Перепевы», не прошли бесследно.

В фельетоне «Литературные ополченцы» («Русское слово», 1863, № 1) Минаев, следуя добролюбовской традиции, соединяет в один клубок «поэтов майковского периода», самого Майкова, престаре-

¹ «Русское слово», 1863, № 9, стр. 26—27.

² Там же, стр. 34.

лого П. А. Вяземского и авторов лубочных книжек, посвященных Крымской войне, с М. Розенгеймом, демонстрируя их политическое единство. Одной из блестящих проделок Минаева в фельетоне «Резервные стихотворцы» было сопоставление стихотворных тирад из пьесы Я. П. Полонского «Разлад» и «Стихотворений» Розенгейма со «Сборником солдатских сочинений» (1864), содержавшим лихие произведения, рожденные вдохновением военных писарей и фельд-фебелей, которые в каждой строчке так и едят глазами начальство.

Добролюбов, Минаев и другие пародисты «Искры» боролись за гражданскую, освободительную роль литературы, и они осмеивали все то, что, по их мнению, мешало осуществить это ее призвание.

10

Критик А. А. Измайлов рассказывал, что в 80-х годах в Петербурге существовал особый кружок любителей литературной ерунды. Участники его — А. П. Урусов, В. И. Бибииков (Игрек) и другие — выискивали смешные и нелепые стишки вроде следующих:

Как-то раз в таверне низкой
Два философа из гор
Надседались над сосиской —
Диагор и Протагор.

По словам Измайлова, эти шуточные вечера помогали «закаляться в той трезвости ума и чувства, которая долго отличала нашу литературу до наступления полосы декаданса».¹ Декадентство тут было ни при чем, а все дело заключалось в своеобразной любви к прутковщине в различных литературных кружках, в частности в московском шекспировском кружке, сложившемся в конце 80-х — начале 90-х годов в гимназии Льва Поливанова (А. А. Венкстерн, В. Е. Гиацинтов и др.). Прутковщина культивировалась в кругу философа и поэта Вл. Соловьева и насаждалась им самим, принимая характер самопародирования.² В прутковщине Соловьева комический алогизм был лишь ироническим отражением «возвышенного и сокровенного». В написанной в конце 70-х годов незаконченной гротескной «мисте-

---

¹ А. Измайлов. «В „кружке белого слона“». — «Биржевые ведомости», 1909, 14 января, вечерний выпуск.

² Вл. Соловьев. Письма, т. 3. СПб., 1908, стр. 299—335.

рии» художника Ф. Л. Соллогуба (ум. в 1890 г.) «Соловьев в Фи-
ваде» в уста Соловьева вложены слова:

Поистине скажу, что в имени Косьмы
Отзвучье Космоса недаром слышим мы.¹

В 1895 году в «Вестнике Европы» появились знаменитые пародии Вл. Соловьева на символистов. Пародии эти выросли из критики. Соловьев внимательно присматривался к символистам, посвятив им несколько статей. Сами символисты глубоко ценили Соловьева и считали его своим предтечей. Тем острее прозвучали его пародии. Соловьев глубоко проник в сущность раннего символизма, почувствовал его изнутри. Это было неприятие друга. Гиперболизация поэтики символистов и доведение ее до абсурда были проведены с необычайным блеском и мастерством. Пародии Вл. Соловьева запомнились. Они бесспорно принадлежат к лучшим образцам в истории этого жанра в России. Многие последующие пародисты откровенно им подражали.

Появление символистов сопровождалось страшным шумом. Декаденты были встречены с насмешкой и недоумением и теми, кто боролся за здоровые начала литературы, и теми, кто, только ссылаясь на эти начала, отвергал все новое, в чем бы оно ни проявлялось. Одним из первых обрушился на декадентов ренегат движения 60-х годов В. Буренин. Его критику поддержали своими пародиями другие нововременцы — Н. Н. Вентцель (Бенедикт), князь М. Н. Волконский (Анчар Манценилов). Бесчисленные юмористические журналы иногда просто перепечатывали стихи декадентов как образчики явной чепухи и бессмыслицы.²

Первые пародии Буренина были не лишены меткости и наблюдательности. Озлобленный критик прожил слишком долгую литературную жизнь, чтобы не заметить легко уязвимых сторон символистов.

---

¹ С. М. Лукьянов. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии, кн. 3, вып. 1. Пг., 1921, стр. 307.

² Даже журнал «Миссионерское обозрение», выступив в 1903 году (№ 9) против мистико-декадентского движения, поддерживавшегося символистами в журнале «Новый путь», прибег к пародии. В журнале дано пародийное описание литературно-декадентского мистического храма и совершающейся в нем эротической «литургии». Храм украшен «эмблемами плоти», вместо креста — статуя Венеры. У входа объявление: «Скрывать от бога свое тело нечистосердечно». «Литургия» открывается увертюрой из «Руслана и Людмилы», затем следуют чтение «Песни песней», стихов Зин. Гиппиус и Блока, поучение о «святом сладострастии» и т. д.

Любопытно в этом отношении признание Зин. Гиппиус о действии пародий Буренина на пародируемых: «При первых звуках первого декадентства — он улавливал смешное и слабое в молодых голосах и указывал на него грубо, но верно. Большая публика его никогда не любила и не читала, но для писателей он был „забавной полезностью“».¹ С годами критика Буренина становится все тупее и бездарнее. В 1912 году, разбирая на страницах «Нового времени» стихи В. Брюсова, которые, по мнению Буренина, все сплошь «вымучены, натянуты, вычурны, фальшивы», он приводит в качестве примера стихотворение:

Веселый зов весенней зелени,
Рассвет морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн. . .

«„Зов зелени“ — разве это удачное выражение? Зелень может привлекать зрение, но звать она не может. Морские волны представляются г. Брюсову «надменными», вероятно, потому, что он, как мы видели, очень ценит этот порок даже в самом себе. К волнам можно применить какое угодно выражение: бурные, шумные, мечущиеся, тихие, блестящие и т. п. Но меньше всего идет волнам надменность».² Эти рассуждения Буренина сами кажутся пародией на критическую тупость, на людей, требующих от поэзии привычного штампа. Буренин апеллирует к «здравому смыслу» обывателя, который потешался над нелепостью модернизма, не давая себе труда о нем подумать. Это было не понимающее отрицание, а отрицающее непонимание. В 1909 году в «Биржевых ведомостях» было напечатано курьезное письмо профессора-юриста П. И. Дьяконова, который предложил «всякому, в том числе автору, уплатить сто рублей за перевод на общепринятый язык» стихов Блока:

Ты так светла, как снег невинный,
Ты так бела, как дальний храм. . .

«Кого автор подразумевает под той, которая светла, как снег невинный? — спрашивал профессор. — Почему она бела, как храм далекий? Ведь храмы, как дальние, так и близкие, бывают разных цветов: и серые, и желтые, и красные. . . Эти два сравнения дают скорее

---

¹ «Русская мысль», 1911, № 4, стр. 22.

² «Новое время», 1912, № 12873, 13 января.

представление о холоде (снега) и высоте (храма), чем о светлости и белизне».¹

Тупое непонимание сопровождалось улюлюканьем бульварных листов. Пародисты этого пошиба пытались писать пародии, не понимая ни ритма, ни стиля пародируемого автора. В журнале «Водоворот» (1906, № 9) появилась «пародия» на Бальмонта, построенная на каламбурных рифмах минаевского типа:

Ты близка, близка, близка мне,
Ты, сидящая близ камня,
Ты прекрасна, о Анисья,
Но предчувствую: пленись я
Тем, о чем всегда мечтаю,—
Разъярю поэтов стаю. . .

Пародисты, писавшие для интеллигентного обывателя — Ф. Ф. Благов, Сергей Горный (А. А. Оцуп), А. А. Измайлов,— довольно удачно имитировали образный строй символистской поэзии, подмечая характерные особенности пародируемых авторов. Однако их мало интересовали общественные позиции пародируемых. Пародисты и пародируемые теперь как бы принадлежали к одной среде. Это уже не антагонистические непримиримые литературные и общественные лагеря, как во времена «Свистка» и «Искры». Они спокойно уживаются под одним кровом. В иллюстрированном приложении к газете «Русь» регулярно печатались стихи К. Бальмонта, и там же была помещена пародия на него Сергея Горного. «Русское слово» печатает стихи Валерия Брюсова и Федора Сологуба и пародии на декадентов А. А. Измайлова. Даже наиболее близкая к символистским кругам газета «Слово», систематически печатавшая стихи А. А. Блока, не отказывается от пародий на них Сергея Горного.

Наиболее даровитым и популярным пародистом этого времени был А. А. Измайлов. Он легко схватывал индивидуальные особенности языка и стиля пародируемых авторов и не без некоторого тщеславия рассказывал, что однажды его пародия на И. Рукавишникову была принята за оригинал, а оригинал за пародию. Пародии Измайлова выросли из его же критической практики. Измайлов не

---

¹ «Биржевые ведомости», 1909, № 10956, 12 февраля, вечерний выпуск.— Письмо профессора, не понимающего элементарных вещей в поэзии, вызвало много веселых откликов. «Люблю грозу в начале мая, а профессор Дьяконов объявляет: даю сто рублей, кто объяснит мне, почему именно поэт любит грозу»,— отозвалась «Новая Русь» в фельетоне «Пена жизни» (1909, № 44, 15 февраля). Стихи Блока были напечатаны в «Новом журнале для всех» (1908, № 3).

был лишен демократической закваски. Он по-своему защищал реалистические традиции русской литературы и в своих критических статьях и фельетонах резко выступал против модернизма. Однако его критический кругозор был ограничен расплывчатым либерализмом. На его вкусах сказалось беллетристическое эпигонство 90-х годов и упрощенное представление о реализме. А. А. Измайлов, живо откликавшийся на множество литературных явлений, иногда подходил к ним с точки зрения здравомыслящего обывателя, наивно реалистически и даже консервативно. Он не понимал и не признавал даже таких «нововведений», как новые ритмы (употребление дольников), разговорные интонации в стихе и т. д. Все это казалось ему манерничаньем и неуклюжим дилетантством.

Отмечая уродства модернизма, Измайлов часто оставался глух к живому поэтическому голосу, слышавшемуся в стихах Блока, Брюсова или Белого. В одном из своих фельетонов Измайлов издевается над стихотворением Андрея Белого «Телеграфист» (в книге «Пепел»). В кружке «белого слона» читают это стихотворение:

«Служебный лист исчертит,
Руками колесо
Докучливое вертит,
А в мыслях то и се.
Жена болеет боком,
А тут не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш. . .

— Я предлагаю вариант,— сказал один из сидевших:

Жена болеет боком.
Болеет прямо дочь.
Свались сам ненароком —
И станет жизнь невмочь».

Измайлов как бы пропускает мимо ушей социальные мотивы стихотворения Белого и нападает на внешнюю форму, т. е. ведет себя совершенно противоположно пародистам 60-х годов.

Критика прогрессивного лагеря выступала не против смелых и неожиданных метафор, а против гнилых и тлетворных мотивов декаданса, против эгоцентризма и антиобщественности, против настроений, демобилизующих и уводящих от общественной борьбы. В этом отношении характерны пародии М. Горького, направленные против культа смерти, эротизма, интеллигентского нытья, эпигонской

красивости, фальши в искусстве и жизни. М. Горький не писал отдельных жанровых пародий, а лишь вставлял их в свои большие произведения (пьеса «Дачники», фельетон «Сказки» и т. д.). Борьба с декадансом осуществлялась им и в критических статьях, и самой художественной практикой, противостоявшей декадентству. То же можно сказать о творчестве В. Г. Короленко, А. И. Куприна и других писателей-реалистов, которые изредка писали литературные пародии. В целом же жанр (в 1907—1914 годах) безудержно эксплуатировался литературной обывательщиной.

А. А. Измайлов проторил легкую дорожку для фельетонистов, которые подменяли пародией серьезный разбор критикуемого автора. В какой-нибудь курортной газетке «Русская Ривьера», выходявшей в Ялте, местный критик Ив. Поповицкий приводит стихи Ф. Сологуба: «Расстегни свои застёжки и завязки развяжи...» И тотчас же раздражается пародией вовсе не потому, что пародист выступал принципиально против модернистской поэзии. Он сам писал эпигонские стишки в духе Бальмонта:

Этот шепот сладострастной ночи,
Этих дев тоскующие очи...

и т. д.¹

Стихи Ф. Сологуба или М. Кузмина и выбирались для пародии, чтобы еще раз посмаковать «пикантные мотивчики» на радость и потеху обывателя, который уж заодно посмеется и над декадентами.

Литературная пародия, разросшаяся количественно, сильно измельчала. «Литературного смеха сейчас в России хоть отбавляй,— писал А. Амфитеатров в одной из статей, вошедших потом в его книгу «Ау!»,— но когда ищешь, на что он направлен, где практические цели этого смеха,— увы и ах! — редко слышен иной ответ, кроме: — Так-с, ничего-с, своему смеху смеемся...» В 1908—1909 годах пародии появлялись везде и всюду. Пародия становится разновидностью газетного «маленького фельетона». Сочинители охотились за мелкими темами, которые можно было бы «обыграть» в стихах.

Я дома за своим столом.
О чем писать? В блокноте чисто...
Хоть обвалился бы наш дом...
Наверно б вышло строчек триста... —

писал в «Будильнике» (1909, № 31) Ф. Ф. Благов под псевдонимом Фрицхен. Писание пародий по готовым ритмико-синтаксическим схе-

¹ «Русская Ривьера», 1908, №№ 88 и 105.

мам стало на короткое время надежным подспорьем в изнурительной поденшине газетного стихотворца-фельетониста. Пародия-фельетон ориентировалась на широкую публику, знакомую с литературой поверхностно. Этим объясняются обширные эпиграфы из пародируемых поэтов. Задача такой пародии поскорее позабавить читателя, которому тотчас же и вручается «второй план». Чаще же всего такая пародия отправлялась от ходячего представления о поэте. Если Бальмонт — то навязчивая напевность, экзотизм, если Блок — то «Незнакомка», «крендель булочной», если Вячеслав Иванов — то архаическая лексика и намеки на Тредиаковского, о котором у самого пародиста весьма смутные представления, если Городецкий — то лубочное древнерусское язычество, если Федор Сологуб — то розги, садизм, утопленники, мертвецы во всех видах... Не меньше двух десятков пародий начинались навязшим в зубах стихом Бальмонта «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым» или варьировали его на все лады. Всего же на Бальмонта только в 1907 — 1910 годах появилось более ста пародий, и не потому, конечно, что он был самым неприемлемым или смешным поэтом, а потому, что его легче всего было пародировать.

Характерной чертой пародий-фельетонов являлось то, что они редко были связаны с идеологией пародируемого автора. Пародия 60-х годов нападала на стиль Фета и его крепостнические взгляды. Сочинители пародий-фельетонов часто использовали произведения Бальмонта или Блока безотносительно к их общественно-политическим позициям. Фельетонное решение темы, не связанное с идейной сущностью пародируемого произведения, приводило к ослаблению, а то и полному исчезновению сатирической направленности.

Безудержная эксплуатация «золотой жилы» пародии привела к ее быстрому истощению. Пародии-фельетоны начинают приедаться. К концу 1909 года мода на них проходит, и они стремительно исчезают со страниц газет, уступая место стихотворному фельетону старого типа. Литературная пародия развивается в общей атмосфере эпигонства и распада модернизма. Декаденты уже никого особенно не пугали. А. А. Измайлов — правда, со множеством оговорок — то отметит, что в стихе Бальмонта «явились новые, неожиданные и прекрасные внутренние переливы и перезвоны»,¹ то признает, что и у Вяч. Иванова «есть стихи редкой музыкальности, пластичности и стильной красоты».²

¹А. А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910, стр. 25.

² Там же, стр. 75.

Признание интеллигентного обывателя пришло в то время, когда уже многое померкло и измельчало. «Я искренне любил декадентство, пока оно боролось с рутинной и пробивалось к новым формам и содержаниям сквозь серые пласты тупой косности. Тем больше моя горесть теперь, когда оно выплеснулось на улицу», — писал Леонид Галич (Габрилович). Л. Галич был связан с эстетикой символизма. Поэтому его признания знаменательны. «Искусство декадентов, — писал он, — бесплотное. В нем отсутствует живая плоть мира, осязаемость психологической правды».¹

Наступило время преодоления символизма. «Декадентство» претит Блоку, который видел в последних книгах Бальмонта («Птицы в воздухе», «Зовы древности» и др.) «нагромождение слов, то уродливое, то смехотворное». «Это почти исключительно нелепый вздор, просто галиматья, другого слова не подберешь», — писал Блок о десятом томе стихов Бальмонта.² Пародия держится в юмористических журналах словно по инерции. Пародисты выискивают все новые имена. Они не оставляют без внимания второстепенных эпигонов символизма — С. Соловьева, А. Вознесенского, А. Рославлева. Они набрасываются на Петра Потемкина, поразившего их нарочитой неуклюжестью и новизной ритма. Присяжный пародист «Будильника» Ф. Ф. Благов ведет с помощью пародий своеобразную библиографию. Отмечается появление новых имен — Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Нарбута, М. Шагинян, С. Клычкова. Подобный отдел ведут в «Синем журнале» Арк. Бухов и Евг. Венский, отозвавшиеся на стихи Макс. Волошина. Некоторое оживление вносит Игорь Северянин, пародии на которого даются легко. Приписываемая литературной молвой перу Н. Тэффи пародия на Северянина «Перевод Пушкина на язык эгофутуристов» приобретает широкую известность.

Появление кубофутуристов Д. Бурлюка и Хлебникова, выход «Садка судей», «Пощечины общественному вкусу», отпечатанных на оберточной бумаге, игра типографскими шрифтами, неистовое словотворчество, «дикие» образы и заумность языка — словно озадачили пародистов. Враждебные футуристам критики и юмористические журналы вместо пародирования просто перепечатывали образцы футуристического творчества, считая, что они достаточно курьезны сами по себе и не нуждаются в каком-либо заострении или гиперболизации. Казалось невозможным еще более обессмыслить то, что само по

---

¹ Леонид Галич. О декадентстве старом и новом. — «Столечная молва», 1907, № 1, 12 марта.

² А. Блок. Сочинения, т. 10. Л., 1935, стр. 184.

себе было абсурдным. Появились и пародийные мистификации, учиненные с целью дискредитировать новые направления в искусстве.

Проделка парижского бульварного журнальчика «Фантазио», пославшего в 1910 году на выставку в салоне «Независимых» картину, «написанную» ослом, нашла себе подражателей. В 1912 году безвестный литератор М. Ордынцев и художник А. Карелин опубликовали в «Огоньке» (31 марта) и «Биржевых ведомостях» (1 июня) своеобразные манифесты «Кубизм и Рунд» и «Предрешаемость и пирамидизм», в которых возвещали о появлении новых направлений в искусстве. Через год они сами разоблачили свою проделку, объявив, что их «рундизм» произведен от слова «ерундизм». В 1914 году в Саратове вышел «Я! Футур-альманах вселенской эгосамости», в котором был помещен манифест «психофутуризма», ставившего своей целью «уничтожить трупность физическости и огнешар Вселенной превратить в дух». Альманах по внешности подражал альманахам футуристов и содержал «звукозы» эгофутуристов и «образцы» заумной поэзии (стихотворения «Ыртзугу», «Взвук» и др.). Впоследствии инициаторы альманаха уверяли, что они были приняты всерьез и «очень культурные и образованные местные общественные деятели» якобы утверждали: «Положительно, у них что-то есть» (намек на отзыв Горького о Маяковском).¹

В начале первой империалистической войны шовинистический угар охватил широкие слои буржуазной интеллигенции. М. Горький в статье «Несвоевременное» едко высмеивал писания недавних адептов «чистого искусства», ставших «лукоморцами» — т. е. пошедших в роскошный литературно-художественный журнал «Лукоморье», организованный А. С. Сувориным и занимавшийся насаждением казенного верноподданнического «патриотизма». Оборонческую позицию, хотя и с некоторыми колебаниями, занял в начале войны и «Новый сатирикон», не говоря уже о других юмористических журналах. Изредка появлялись пародии-юморески. Типичным в этом отношении является цикл «Кайзер прусский и русские поэты» в «Будильнике» (1916, № 44) за подписью Гидальго. Вот Бальмонт:

Хочу быть дерзким! Хочу быть зверским!
Я Калигула из Калигул!
Хочу разгулом упиться мерзким!
Налейте пиво! За наш разгул!
Вонзайте пики в немые груди!
Сверлите череп у мертвецов!

и т. д.

¹ «Журнал журналов», 1915, №№ 7 и 13.

Одним из немногих пародистов, непосредственно нападавшим на пародируемых им поэтов, был Евгений Венский (Е. О. Пяткин). Он высмеивал квасной дух, внезапно обуявший поэтов С. Городецкого и Федора Сологуба, перешедших в «Лукоморье»,¹ издевался над Игорем Северяниным, самовлюбленно рекламировавшим самого себя на грозном фоне войны.

Одушевление первых месяцев войны сменилось горьким разочарованием. Серьезные военные неудачи 1915—1916 годов только оттеняли мерзостное разложение в тылу. Началось отрезвление. «Новый сатирик» постепенно переходит к отрицанию войны. В это время в журнале начинает работать Владимир Маяковский, отрицательное отношение которого к войне уже определилось. Эта общая атмосфера не могла не сказаться и на творчестве Евгения Венского, также близкого в это время к «Новому сатирикону».

Литературная пародия начала XX века, при всей своей поверхностности, не лишена исторического значения. Она быстро реагировала на новые явления в поэзии, подчеркивая сперва новизну, казавшуюся нелепостью, потом надуманность и банальность этой «новизны», быстро превращавшейся в штамп. Она подвергала осмеянию общие темы, мотивы, «настроения» модернистской поэзии — ее крайний индивидуализм, влюбленность в иррациональное, вычитывание глубоких символов в обыденности, эстетизм, пристрастие к литературной архаике и стилизации, кокетливое скольжение по культуре разных эпох, игру в извращенность и карамазовщину, расслабленную манерность и вычурную надуманность образного строя и стиля.

Значение пародии как средства широкой литературно-общественной сатиры изменилось. Если в 60-х годах критика социального зла была вынуждена прибегать к эзоповскому языку и нередко велась под покровом пародии якобы на чисто литературную тему, то в начале XX века критика общества велась революционной публицистикой прямо и без обиняков. Именно этим объясняется своеобразное засилье обывательской и реакционной пародии. Пародия представлялась уже не столь серьезным средством и попадала на периферию общественной борьбы.

За свою почти двухсотлетнюю историю русская стихотворная пародия оставила замечательные образцы этого жанра, имеющие для нас не только историческое познавательное значение, но и способ-

---

¹ Поэтов, перешедших в «Лукоморье» и вскоре почувствовавших себя там крайне неловко, высмеивал в «Новый сатирик». См. стихи и карикатуры А. Радакова «Лукоморская трагедия» («Новый сатирик», 1915, № 48, стр. 4).

ные поныне доставлять высокое художественное наслаждение, как например, многие произведения Козьмы Пруtkова или острые памфлеты Добролюбова.

Стихотворная пародия сопровождала русскую поэзию почти на всем историческом пути ее развития. Она принимала активное участие в литературной борьбе и способствовала обновлению и выработке наиболее совершенных художественных средств. Она без усталости разоблачала фальшь и банальность, пение с чужого голоса, слепое и бездумное подражание готовым окостеневшим образцам. Она постоянно указывала на бессодержательность и пустоту литературного сочинительства, отправлявшегося не от жизни и ее требований, а от литературной рутины и штампа, беспощадно высмеивала дилетантов и эпигонов, бесплодие формализма и эстетизма. Пародия помогала русской поэзии изживать старые литературные формы, уже не отвечающие требованиям жизни. Но она же предостерегала и от крикливого лженоваторства, указывая на непродуктивность и непригодность предлагаемых им средств для поэтического отражения действительности.

Творческий опыт, накопленный русской стихотворной пародией на всем протяжении ее исторического существования, может быть с успехом использован советской поэзией и литературной критикой в борьбе за художественное мастерство и выразительную силу искусства.

Александр Морозов

I

ТРЕСОТИНИУС

(КОМЕДИЯ)

ЯВЛЕНИЕ 3

Клариса и Тресотиниус.

Тресотиниус

Прекрасная красота, приятная приятность, попремногу кланяюсь вам.

Клариса

И я вам попремногу откланиваюсь, преученое учение.

Тресотиниус

(выняв песню из кармана)

Эта бумажка яснее вам скажет, какую язву в сердце моем приятство ваше, то есть красота ваша, мне учинило, то есть сделало.

Клариса

Я верю вам, сударь.

Тресотиниус

Однако ж не поскутите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами.

Клариса

Очень, сударь, хорошо; я вам верю, что эта песня хороша.

Тресотиниус

Она сочинена на голос: *О места, места драгие, извольте послушать; да послушайте ж, сударыня.*

Клариса
(особливо)

Боже милосердый!

Тресотиниус
(читает)

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.

Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.

Иль ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о! увы! моих злых бед!
Хоть, Климена, исподтиха покажи мне склонный вид!
И не делай больше сердцу преобидных ты обид.

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить, ся не губя.

Клариса

Очень песня хороша...

Тресотиниус

Изволь-ка подале послушать.

Клариса

Нет, я уже довольна.

Тресотиниус

Как вам это слово кажется: «и не делай больше сердцу преобидных ты обид!» Не сильно ли это сказано? Изволь-ка далее-то ты послушать...

К л а р и с а

Пожалуй не трудись для меня больше, я уже довольна.

Т р е с о т и н и у с

Хоть один куплет еще прочесть мне позволь.

К л а р и с а

Пожалуй мне, я сама после прочту.

Т р е с о т и н и у с

Изволь, красота моя, да только изволь прочесть с рассуждением, это вить не *о места, места драгие*, эту песню и содержание ее не всяк разуместь будет, тут такие есть тонкости, что они от многих и ученых закрыты. Правда, многим покажется, что это безделка; однако позвольте, моя государыня, сказать, что в этой безделке много дела, что я аргументально доказать могу.

К л а р и с а

Я доказательств ваших не требую, и до споров я не охотница.

1750

А. П. Сумароков

ВЫВЕСКА

Сим объявляется

И повторяется,

Что Римския том перв истории Роллена,

Да и по-русскому — какая о премена! —

В продаже есть на том дворе, где сам толмач

Живет, что преж сего стихов был русских ткач;

Дом — краска зеленá

В двенадцатой линии

Покажет, а цена —

Вот вам, о благодеи!

Бумаге на простой — рубль пол и гривны три,

На чистой — два рубли кто даст, тот и бери.

1750 (?)

А. Нар
<А. А. Нартов>

**СОНЕТ,
НАРОЧНО СОЧИНЕННЫЙ ДУРНЫМ СКЛАДОМ**

**ДЛЯ ПОКАЗАНИЯ, ЧТО ЕСЛИ МЫСЛЬ И ИРЯДНА, СТИХИ ПОРЯДОЧНЫ, РИФМЫ
БОГАТЫ, ОДНАКО ПРИ НЕИСКУСНОМ, ГРУБОМ И ПРИНУЖДЕННОМ СЛОЖЕНИИ
ВСЕ ТО СОЧИНЯТЕЛЮ НИКАКОГО ПЛОДА, КРОМЕ ПОСМЕШЕСТВА,
НЕ ПРИНЕСЕТ**

Вид, богиня, твой, всегда очень всем весь нравный,
Уязвляет, оный бы ни увидел кто.
Изо всех красот везде он всегда есть славный,
Говорю без лести я предо всеми то.

Всяко се наряд твой есть весь чистоприправный.
А хотя же твой убор был бы и ничто,
Был однак бы на тебе злату он не равный,
Раз бы адаманта был драгоценный сто.

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одета ты иль хоть убого.
Полюби же ты меня, ах! немного хоть.

Объяви, прекрасна бровь, о любви всей прямо,
И на час ко мне хотя, о богиня, подь
Иль позволь прийти к себе поклониться тамо.

<1755>

А. С.

<А. П. Сумароков>

САТИРА НА САМОХВАЛА

В малой философишке мнишь себя великим,
А чем больше мудрствуешь, становишься диким,
Бегает тебя всяк: думает, что еретик,
Что необычайные штуки делать ты обык.
Руки на лоб иногда невзначай закинешь,—
Иногда закусишь перст, да вдруг же и вынешь;
Но случилось так же головой качать тебе,
Как что размышляешь и дивишься сам себе!
Мог всяк думать тут о тебе смотритель,
Что великий в свете ты и премудр учитель.
Мнение в народе умножаешь больше тем,
Что молчишь без меры и не говоришь ни с кем;
А когда о чем люди вопрошают,

Дороги¹ твои слова из уст вылетают:
Правда, скажешь — только кратка речь весьма —
И то смотря косо, голову же заломя.
Тут-то глупая твоя братья, все дивятся
И, в восторг пришедши, жестоко ярятся:

«Что б, когда такую же голову иметь и нам,—
Истинно бы нашим свет тогда предстал очам!»

1750-е годы (?)

<И. С. Барков (?)>

ПЕСНЯ

О приятное приятство,
    Ти даюсь сама я в власть,
Всё в тебе я зрю изрядство,
    Тщусь сама ся дать ах! в страсть.
Я таилася не ложно,
    Но однак открылась ти.
Весь мой дух за невозможно
    Ставит пламени уйти.

О, восхить его, восхити
    Больш еще, любви божок.
Станем друга друг любити,
    О мой слатенькой дружок.
Прочь от мя ушла свобода,
    Мой сбег с ней прочь о! и нрав.
Прочь, любовная незгода,
    О любезный, будь мой здрав.

Как синицы птички нежно
    Между любятся собой,
Их любовь как с счастьем смежна
    В драгости живет самой;
В летах так с тобой мы красных,
    И седин мы до своих,
И в седилах желтоясных,
    В мыслях станем жить одних.

---

¹ Т. е. редкие, потому что ты очень дорожишь ими.

Мне зело ты преприятен
И зело, ах! мя зажег.
Твой ли жар уж весь понятен,
В том ти сердце вот в залог.
Ты ж не страждь уж больш так ныне,
Утирая милу бровь,
Будь всегда всё в благостыне,
Бречь, о станем, ах, любовь!

1750-е годы (?)

А. П. Сумароков

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

На сем месте, вот, лежит Авктор, знаменит добре,
Коего скосила смерть бывшего уж не в поре,
Да и потрудившись в прозе словно как в стихках.
Мимо всяк идущ здесь, дельно знай, а не в смешках,
Что глумил он юных лет во маковом цвету,
И, уж мужем ставши быть, презрил мира суету.
Кончив больно труд велик, сиречь «Аргениду»,
Возгремел, в точь как Омир, вдруг «Тилемахиду».
Скачуш дактиль, нежн хорей, ямб громк, ипостасен,
Да и самый анапéст им же стал быть красен.
Распростившись с музами, скрылася его уж тень
В те места, где оныя млекотечный ждал Роллень;
Из него повыжав он древней красоты весь сок,
От того оставил нам преполезный всем кусок.
Уже ты опочил со праведными дúхи,
Который заглушал всех умных вздором слухи;
Но видно, что грехов избавил нас господь,
Что глупых не видать ни басенок, ни од.

1760-е годы

<И. С. Барков(?)>

ДИФИРАМВ

Позволь, великий Бахус, нынь
Направить гремящу лиру
И во священном мне восторге
Тебе воспеть похвальну песнь!

Внемли, вселенная, мой глас,
Леса, дубровы, горы, реки,
Луга, и степь, и гучны нивы,
И ты, пространный Океан!

Тобой стал новый я Орфей!
Сбегайтесь на глас мой, звери,
Слетайтесь ко гласу, птицы,
Сплывайтесь, рыбы, к верьху вод!

Крепчайших вин горю в жару,
Во исступлении пылаю:
В лучах мой ум блистает солнца,
Усугубляя силу их.

Прекрасное светило дня
От огненных колесницы
В Рифейски горы мечет искры —
И растопляется металл.

Трепещет яростный Плутон,
Главу во мраке сокрывает:
Из ада серебро лиется,
И золото оттоль течет.

Уже стал таять вечный лед,
Судам дорогу отверзая:
На севере я вижу полдень,
У Колы Флору на лугах.

Богини, кою Актеон
Узрел несчастливый нагую,
Любезный брат! о сын Латоны!
Любовник Дафны! жги эфир!

А ты, о Семелеин сын,
Помчи меня к Каспийску морю!
Я Волгу обращаю к вершине
И, утомленный, лягу спать!

<1759>   А. П. Сумароков

ОДА ВЗДОРНАЯ I

Превыше звезд, луны и солнца
В восторге возлетаю нынъ;
Из горних областей взираю
На полуночный океан;
С волнами волны там воюют,
Там вихри с вихрями дерутся
И пену плещут в облака;
Льды вечные стремятся в тучи
И их угрюмость раздирают
В безмерной ярости своей.

Корабль шумящими горами
Подъемлетя на небеса;
Там громы в громы ударяют
И не целуют тишины;
Уста горящих тамо молний
Не упиваются росой
И опаляют весь лазурь;
Борей замерзлыми руками
Из бездны китов извлекает
И злобно ими в твердь разит.

Возникни, лира, вознесися,
Греми во всех концах земли
И песнию великолепной
Умножи славу ты мою!
Еол, пусти на волю ветры
И возложи мои ты мысли
На буреносны крылья их!
Помчуся по всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь эфир.

Не сплю, но в бодрой я дремоте
И наяву зрю страшный сон:
Нептун из пропастей выходит,
Со влас его валы текут,
Главою небесам касаясь,
Пучины топчет пирамид;
Где только ступит, тамо ров;
Под тяжкою его пятою
Свирепы волны раздаются,
Чудовищи ко дну бегут.

Как если я того достоин,
Скажи мне, о Сатурнов сын!
Почто оставил ты чертоги
И глубину ревуших вод?
Отверз уста правитель моря —
Стократ сильняе стала буря,
И океан вострепетал,
Леса и горы затрещали,
Брега морские затряслися,
И утрашился сам Зевес.

«Твоею лирой насладиться
Я вышел из пучинных недр;
Поставь Фебанские ты стены
На мразных северных берегах;
Твои великолепны песни
Подобны песням Амфиона;
Не медли, зижди новый град

И украси́ храм музам пышно
Мусней, бисером и златом»,—
Он рек — и скрылся в бездне вод.

1750-е годы

А. П. Сумароков

ОДА ВЗДОРНАЯ II

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озерá шумят,
Везувий мечет из средины
В подсолнечну горящий ад;
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт;
Ефес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербёр гортаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персепо́ль упадает,
Подобно яко Фаетон,
Нептун державу покидает
И в бездне повергает трон;
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей, озлясь, ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою
На Пико яростный Титан
И, поскользнувшись, другою —
Во грозный льдистый океан:
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в эфире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, музы, разеваю,
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

1750-е годы

А. П. Сумароков

ОДА ВЗДОРНАЯ III

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верьхах Парнасских быстры реки,
Цветов царицу вы навеки
Внесите шумно в небеса;
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы;
Моря, внимайте, и леса.

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мешет
К Юпитеру отверзти дверь;
Кавказ на Етну становίтся;
В сей час со громом гром сразится,
От ада помрачится свет;
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
В сей час ударит в вечный лед.

Пекин горит, и Рим пылает;
О, светской славы суета!
Троянски стены огонь терзает;
О вы, ужасные места!
Нынь вся вселенна загорелась,
Вспылала только, лишь затлелась,
Всю землю покрывает дым;
Нарцисс любит себя собою
Так, Роза, как Зефир тобою;
Пылай, великолепный Рим!

Мянутся ныне все планеты,
И льва пресильною рукой
Свергаются с небес кометы;
Премены ждал ли кто такой?
Великий Аполлон мятется,
Что лира в руки отдается
Орфею, Амфиону нынь;

Леса, сей песнью наслаждайтесь,
Высоки стены, созидайтесь,
В эфире лед вечный синь.

В безоблачной стране несуся,
Напившись Иппокренских вод,
И, их напившись, трясуся,
Производитель громких од!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы.
О Бахус, та ль награда мне?
Орфей, ты больше не трясишься;
Возникни, муза, вознесися,
Греми в безоблачной стране!

Род смертных, Пиндара высока
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока
Лечу на север и на юг
И громогласно восклицаю,
Луну и солнце проницаю,
Взлетаю до предальных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор;
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор;
Из ада вижу Италию,
Кастильски воды, Остиндию,
Амур-реку и вечный лед;
Прощай, Плутонова держава;
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего милый, мой свет.

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,

Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми.
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину;
Возникни, муза, и греми!

О Роза! я пою мятежно;
Согласия в сей оде нет;
Целуйся ты с Зефиром нежно,
Но помни то, что я поэт;
Как если ты сие забудешь,
Ты ввек моей злодейкой будешь;
Не стану я хвалить тебя;
А кто поэта раздражает,
Велико войско вооружает
Против несчастного себя!

1750-е годы

А. П. Сумароков

ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла кастальских вод напиться обезьяна,
Которые она кастильскими звала,
И мыслила, сих вод напившись допьяна,
Что, вместо Греции, в Ишпании была,
И стала петь, Гомера подражая,
Величество своей души изображая;
Но как ей петь!
Высоки мысли ей удобно ли иметь?
К делам, которые она тогда гласила,
Мала сей твари сила:
Нет мыслей; за слова приняться надлежит;
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Горам дает она толчки.
Зевес надел очки
И ноздри раздувает,
Зря пухлого певца,
И хочет истребить нещадно до конца
Пустых речей творца,

Который дерзостно героев воспеваает:
Однако, рассмотрев, что то не человек,
Но обезьяна горделива,
Смеясь, говорил: «Не мнил во весь я век
Сему подобного сыскать на свете дива».

<1763>

А. С.
<А. П. Сумароков>

* * *

Женился Блез, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

1748 (?)

М. В. Ломоносов

ЭЛЕГИЯ

Пришел желанный час! Прошло уж время злое!
Оставь меня теперь, жена, в покое!
Пора уже печаль твою теперь пресечь;
Дни в радостях мои тобою будут течь,
Любезная моя! Ликуй ты днесь со мною,
Что, страстно тя любя, расстался я с женою.
Чтоб больше заслужить твою ко мне любовь,
Я яростью зажег против нее всю кровь;
Везде ее браню, о зле ее стараюсь,
И дети мерзки мне, и ими я гнушаюсь.
Единственно тебя, прекрасная, люблю;
Жизнь, разум, счастье, честь я для тебя гублю.
Гублю! Давно уже я с честью разлучился,
Всего я для тебя, любезная, лишился!
Уже меня сей град за мерзость почитает;
Колико злобен я, народ о том весь знает.

Но что мне в обществе? На что любовь народна?
От всех теперь сует душа моя свободна.
С тобой я пополам делю мои забавы,
Мы равные с тобой во всем имеем правы:
Я бешен и упрям, ты злобна и бесчестна,
Но всех умнее я, ты больше всех прелестна!
О жизнь души моей! владей всегда ты мною;
Хоть всеми я презрен, да счастлив я тобою.
Но станется, что ты в любви мне лицемеришь
И что еще моим ты клятвам всем не веришь!
Возможно ль быть тому, чтоб пред тобой я лгал,
Чтоб, сколько ты любя, я вдруг неверным стал?
Ах! вспомни, как моя тогда душа страдала,
Во <родах> дважды ты, как Верушка, лежала,
Со всеми хоть тогда лакеями таскалась;
Но страстная душа надеждою ласкалась,
Что буду я тебе сих подлых всех милей,
Коль подлых любишь ты, то я их всех подлей!

1750-е годы (?)

Ф. А. Эмин

ВОЗРАЖЕНИЕ, ИЛИ ПРЕВРАЩЕННЫЙ ПЕТИМЕТР

Открыватель таинства поносная нам лиры,
Творец негодная и глупая сатиры,
Из дрязгу родшейся Химеры глупой сын,
Наперсник всех вралей, российский Афросин,
Гонитель щеголей, поборник петиметров,
Рушитель истины, защитник нижних ветров!
Скажи мне, кто тебя сим вздорам научил,
Которы свету ты недавно предложил.
Когда я сложенный тобою вздор читаю,
В нем враки, пустоту и глупость обретаю
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения ты врал всё, что хотел;
Всей силой тщился ты то свету показать,
Что сам Штивелиус не может так соврать.
О, горька часть твоя! — я вижу то и сам;
Напрасно объявил ты о себе тот срам,
Что ты по горнице раз сто вдруг обойдешь,
А рифмы ни одной под стулом не найдешь;
Тогда орудие писателей невинно —
Несчастное перо с сердец грызешь бесчинно.
Ссылаюсь на тебя — ты можешь сам признаться,
Возмог ли б кто тогда от смеху удержаться,
Увидя то, как ты по горнице вертишься,
Засыпан табаком, по всем углам кружишься;
Бумаги стопы три в один день замарал —
И ни одной строки умно не написал,
И только глупые сатиры вымышляешь,
Которыми себя лишь больше всех ругаешь.

А петиметров ты напрасно осудил;
Скажи мне: одного глупяй тебя кто б был?
Когда гнушаешься сравнять ты их с собою,
Зачем позволил им смеяться над тобою?
Иль мнишь, что ты их сам чем можешь обругать,
Когда ты все начнешь наряды их считать?
Нет, верь, что будет в том тщетна́ твоя утеха;
Потей хоть кровию, не будет в том успеха.
Хотя ты сто еще таких сатир наврешь,
Спасения себе ты мало в них найдешь;
А только тем себя ты больше остыдишь,
Что глупости твоей ты в них не утаишь.
Совет тебе даю их больше не ругать,
Остаться, как ты был, и врать переставать.
Опомнись, что ты сам птиметром быть желаешь,
Да больше где занять ты денег уж не знаешь.
Так всех теперь, мой друг, в покое оставляй,
Свояков ты забудь и век не вспоминай;
Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка
И будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь.
Горациевых сил напрасно не желай,
Но кто умней тебя — ты тем то оставляй;
Немецких авторов без нужд не защищай,
Не в них одних ты всю премудрость полагай,
Парнасского писца для бога не замай,
Стократ умней тебя — его не задирай;
Когда ж не хочешь ты меня послушать в том,
То знай, что прослывешь повсюду дураком.

1750-е годы

<Н. Н. Поповский (?)>

В. П. ПЕТРОВ

(1786—1799)

ДИФИРАМВ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочешь быть славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
Гремите, музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса,
Дави эфирными берегами
И бурными попри ногами
Моря, и горы, и леса!

Атлант горит, Кавказ пылает
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает;
Геенна льется из него;
Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тмится;
От грома в гром, удар в удар;
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжелой Етной стонет,
На вечных лютый льдах пожар.

Тела, в песке лежащи сером,
Проснулись от огромных слов;
Пентезилея с Агасфером
Выходят бодро из гробов,
И более они не дремлют,
Но, бдя, музыки ревы внемлют:

Встал Сиф, Сим, Хам, Нин, Кир, Рем, Ян;
Цербэра песнь изобразилась;
Луна с Светилом дня сразилась,
И льется крови окиян.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум;
Пегасу лавры соплетаю,
С предсердьем напрягая ум.
Пегас летит как Вещий бурка
И удивляет перса, турка:
Дивится хинец, готтентот;
Чудится Пор, герой индеян,
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь восходит из-под бедр;
Открыл свои пермесски зубы,
И гриву раздувает ветр;
Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет;
Поверглись горы, стонет лес,
Воздвиглась сильна буря в понте:
Встал треск и блеск на горизонте,
Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком
Вознесся к дну морских я вод,
И в утоплении высоком
Низвергся я в небесный свод,
И, быстротечно мчась вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море;
Но скрылся конь от встречных глаз;
Куда герой крылатый скрылся?
Не в дальних ли звездах зарылся?
В подземных пропастьях Пегас.

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Никому коню не вместины,
Себе поставил олтари;

Во мраке непрестанной тени
Металлы пали на колени
Пред холкой движного коня;
Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мечет
И ужасается, стена.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он.
О конь, о конь пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлостный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном:
«Да здравствует пернатый тигр!»

1766

А. С.

<А. П. Сумароков>

ОДА ПОХВАЛЬНАЯ АВТОРУ «МЕЛЬНИКА»,
СОСЧИНЕННАЯ В ТУЛЕ 1781 ГОДА

Подай мне, муза, балалайку,
Хочу я оду отодрать
И в стихотворческую шайку
Себя намерен записать;
Иду не на Парнас — на Пресню
И петь хочу похвальну песню
Премудра «Мельника» творцу;
Пускай, хоть я не *ворожища*,
Однако ж, тяпнув *ковш пиваща*,
Хвалу свахляю молодцу.

Пермесских вод я не пил сроду
И не был с музами знаком,
Хочу, однако, сляпать оду
Не искусившимся пером.
О автор «Мельника» достойный!
Я стих пою тебе пристойный;
Ведь ты пригоден для всего:
Ты в операх своих прекрасен,
Рассказчик пресмешных ты басен,
Достоин пеня ты сего.

Как ветром мельница вертится,
Искусной правима рукой,
Так дух мой петь тебе стремится,
Прельщаем будучи тобой.
Ты «Мельником» себя прославил
И петь хвалу себе заставил;

Внесен внезапно на Парнас,
Ты всех пиитов презираешь,
Рахманными их всех считаешь,
И всюду слышен сей нам глас.

Своею оперой прекрасной
Кинольту дал ты тулумбас
И Метастазию ужасный
Ты ею же *отвесил раз*.
Фавар с тобой не входит *в спорец*,
Ведь ты у нас не *одноворец*,
Тягаться лъзя ль им всем с тобой?
Ты купишь добрую *плетищу*
Да подрумянишь им сплещу —
Так спор они забудут свой.

Не чти хвалу мою *обманом*,
Не мни, чтоб шутку я писал;
Я сроду не бывал *цыганом*
И *лжи* вовеки не сплетал.
Мы всю твою узнали цену,
Как ты луну сташил на сцену
И лошадь на театр привел.
Ты посиделки нам представил,
Петь песни свадебны заставил
И слушать их ты нам велел.

Отцом стихов мы Аполлона
За то чтим все, что к нам он *дюж*,
Но в пении парнаска тона
Ты сам не менее *уклюж*:
Нередко иногда *под нужу*
Стихи пускаешь ты наружу
Не хуже Феба самого.
Твоя Анюта, *пригожайка*,
И сват *Гаврила, ворожайка*,
Пера достойны твоего.

Но что я много заболтался
И медлю честь тебе воздать?
Чего еще я дожидался,
Тебя чтоб лавром увенчать?

Пегас пускай хоть ныне занят
И быть тобой не может нанят,
Но ты из «Мельника» возьми
Коня и на Парнас пустился,
Там к музам с «Мельником» явися
И награждение прими.

Уж в мыслях зрю тебя взмощенна
На борзого коня сего,
Скакать на Пинды устремленна
Искать венца там своего.
На холм ты лошадь понуждаешь,
Плетищей бодрость в ней рождаешь,
Желая лавр за свой взять стих.
Но как ты к музам ни тянулся,
Твой конь, к несчастью, споткнулся,
И ты венка не получил.

1781

Г. Р. Д Е Р Ж А В И Н
(1743—1816)

---

* * *

Каша золотая,
Что ты стоишь?
Пар испущая,
Вкус мой манишь?
Или ты любишь
Пузу мою?

Зерны ль золотисты
Полбы в крупах,
Розы ль огнисты
Гречи в горшках,
Сахар ли белый
Проса с млеком?

Каша золотая,
Что ты стоишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К каше привыкнув,
С ней и умрешь».

1804 (?)

НА РОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ГРЕКА

В белом платье полотняном,
Пук цветов держа в руках,
Под филейным покрывалом
Вдруг весна в наших странах

Показалась, и воды
Потекли опять в реках,
Сани бросили народы
И стучат на колесáх.

Горы Охтенски пропали,
И коньки ну покидать.
Чистить улицы уж стали,
И Ивáнов не видать.
Полицейски офицеры
Не пускают по реке;
Нé взял кто у нас кварталы,
Тот живет как вдалеке.

В сие время солнце красно
Стало ярче уж светить.
Родилось дитя прекрасно,
Чтоб собою свет дивить!
Не родился он в рубашке,
Нет! Он более блажен.
Весь завернутый в бумажке
В свет он матерью рожден.

Родился и раскричался,
Голос столь ужасен был,
Что и к мертвым он домчался,
Древних греков востормошил.
Взбунтовались их души,
Видеть все дитя хотят;
Крылья подвязав под туши,
В русскую страну летят.

Все к ребенку подступают,
Вид его их всех дивит!
Колыбель все окружают
И хотят его дарить.
Долго, долго говорили,
Что́ б ему в подарок дать,
Напоследок положили
Одному за всех вещать.

Жребий Бйасу достался,
И Совет то подтвердил.
Старец кашлял, оправлялся
И потом так говорил:
«Будешь, будешь сочинитель,
Век писать ты будешь вздор;
Будешь в корпусе учитель,
А потом будешь майор!»

«Будешь,— и судьбы гласили,—
Ростом двух аршин с вершком».
И все старцы подтвердили:
«Будешь век ходить пешком!»
Совершилось предсказанье —
Свет в тебе поэта зрит,
О ушей наших терзанье!
Долго ль будешь нас морить?

Ты престань марать бумагу,
Голову престань ломать!
Нет тебе к Парнасу шагу,
Когда ж будешь продолжать,
То напрасно уж порыщешь,—
С рук товар твой не сойдет;
Добрых более не сыщешь,
И весь труд твой пропадет.

1804 (?)   <С. Н. Марин>

* * *

О ты, пространством необширный,
Живый в движеньях деплояд,
Источник страха роты смирной,
Без крылий дланями крылат,
Известный службою единой,
Стоящий фронта пред серединой,
Веленьем чьим колен не гнут,
Чей крик двор ротный наполняет,
Десница зубы сокрушает,
Кого Мартыновым зовут!

Вскричать, чтоб всяк дрожал как стебель;
Сочесть ряды, поверить взвод,
Хотя б и мог лихой фельдфебель,
Но кто «вбок, прямо» изречет?
Не может рекрут на ученьи
В твои проникнуть наставленьи
Без побудительных причин:
Лишь к службе мысль взнести дерзает,
В ходьбе и стойке исчезает,
Как в настоящем бывший чин.

Порядок службы современной
Во всех уставах ты сыскал,
И роты, прежде распушенной,
Ты всё устройство основал;
В себе всю службу заключая,
Из службы службу составляя,
Ты сам в устав уставу дан!
Ты, движущ роту грозным словом,
Ты, содержащ ее под кровом,
Был, есть и будешь капитан.

Ты в роте всем распоряжаешь,
Учить и не учить велишь —
Ее *покоем* раздвигаешь
И по желанию вертишь!
Как молнии небо раздирают,
Так темны по рядам сгорают,
Как маятника верен бой
С движеньем стрелки репетичной
В часах механики отличной, —
Так верен шаг их пред тобой!

Им слов командных миллионы
Из громких уст твоих текут,
По ним твои творят законы
И взводы как стена идут.
Во всех их ломках и движеньях,
В рядах, в ширингах, в отделеньях,
Или поставленные в строй
Большой, средней, малой меры

Перед тобою гренaдeры
Стоят как лист перед травой!

Как лист! ничтожество в сравненьи
С тобою рота вся твоя,
Но что же третье отделенье?
И что перед тобою я?
Во всем пространстве дивизьонном,
Умножа роту батальоном
Стократ других полков, и то —
Когда сравнюсь с тобой чинами,
Подметкой буду под ногами,
А унтер пред тобой ничто!

Ничто, но ты во мне сияешь
Ходьбою, став со мною в ряд —
Во мне себя изображаешь,
Как в светлой пуговке парад;
Ничто, но я иду в знаменах,
И нет волненья в батальонах,
И нет во фронте пестроты!
Моя нога верна быть чаёт,
В строю никто не рассуждает!
Я здесь, конечно, здесь и ты.

Ты здесь — мне тишина вещает,
Внутри сердца страх гласит мне то;
Солдат дыханье прерывает;
Ты здесь — и я уж не ничто!
Частица роты я знаменной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине списков ротных той,
Где кончил писарь перекличку,
Фельдфебель начал репортничку,
Связуя офицерство мной.

Я связь чинов, полку причастных,
Средина я и пустота,
Между всех гласных и безгласных
Я офицерская черта!
Под ранцем плотью издыхаю,
Умом полкам повелеваю!

Я вождь, я дрянь, ничто и всё!
Я в роте существо чудесно,
Что я такое — неизвестно,
Конечно, я ни то ни сѐ!

Я твой подпрапор нечестивый,
Твоей премудрости болван,—
Источник взысков справедливый,
Начальник мой и капитан!
Тебе и службе нужно было,
Чтоб под арест всегда ходило
Дворянство, для солдат в пример,
Чтоб я по форме одевался,
В театр, в собранье не казался,
Доколь не буду офицер.

Начальник мой и благодетель,
Виновник бед моих и зла!
Арестов и похвал содетель!
Я слаб воспеть твои дела!
Но если славословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Ничем иным тебя почтить,
Как тем, чтобы служить стараться,
С ноги во фронте не сбиваться
И век во фраке не ходить.

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

ЭЛЕГИЯ

Когда не тронул я, терзаясь,
Ожесточенну грудь твою,
Послушай ты, не улыбаясь,
Плачевну жалобу мою.
Увидишь, сколько я страдаю
С тех пор, как нет тебя со мной,
Все дни я слезы проливаю
О тех, что проводил с тобой.
Сады пустыню мне являют,
Не зрю в беседах никого;
Но город летом оставляют
Все жители и без того.
Мне кажется, не восклицает
Приятных песен соловей,
Но все он песни покидает,
Лишась весны, приятных дней.
В тот час, как я тебя лишился,
Наполнен злою грустью сей,
К реке без страха я стремился,
Но только лишь купался в ней.
Оплакивая время строго,
В болезнь жестокую пришел,
Но лекарь мне сказал, что много
За ужином я фруктов ел.
Я ночь покою жду напрасно,
Мне сон не может глаз сомкнуть.
Но правда, что клопы всечасно
И блохи не дают уснуть.

Ты зришь, как я тобой пленился
И сколько муки я терплю;
Хотя твоей любви лишился,
Всегда равно тебя люблю.

<1763>

М. П.
<Михаил Пермский>

ЭЛЕГИЯ

Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне,
Увы! жестокой я подвержен стал судьбине.
Увы! но что еще в напасти говорить?
Увы! судьба меня стремится уморить.
Прекрасные, увы! колико вы мне милы,
Когда последней я, увы! лишаюсь силы.
Но ах! не можно мне дыханья испустить,
Доколе буду, ах! прекрасну, ах! любить,
И ах! как весть сию она внимать, ах! станет,
Ах! с грусти, ах! она, как роза, ах! увянет.
Томлюся я теперь, томлюся и стену,
Томлюся, говорю, а сам себе маню,
Надеждою еще обманчивой ласкаюсь,
И сладким ядом я еще, еще питаюсь.
Еще, я думаю, еще приятный час,
Еще соединит, еще стократно нас;
Но нет уже, как зрю, надежды уж нимало,
И всё уже от нас веселье уж пропало.
Что ж делать мне теперь, терзаться и
стенать,
Грустить, печалиться, и млеть, и тлеть,
вздыхать,
Леденеть, каменеть, скорбеть и унывати,
И рваться, мучиться, жалеть и тосковати,
Рыдать и слезы лить, плачевный глас пускать
И воздух жалостью моею наполнять.
Дремучие леса, кустарники и рощи,
Светящую луну во время темной нощи,—

А солнце красное, сияющее в день,
Чтобы хранили все возлюбленную тень.
Земля, питай ее ты лучшими плодами,
Ты жажду утоляй, ты чистыми струями.
Зефиры, вы, узрев любезной вы красы,
Тихонько дуйте вы в прелестны вы власы.
Когда потребно, вы, вы члены холодите,
Но буйностью вот вы кудрей вы не вредите.
Прости, прекрасная, живи ты в той стране,
Ты часто воздыхай о плачущем о мне,
Жалей меня, жалей, жалей, как я жалею,
Я в сердце, я тебя одну, я, свет, имею.
Прости, прости, прости, еще скажу прости,
Ты вместе ты ко мне с любовью ты расти.

<1769>

<М. И. Попов>

ОДА

Хочу к бессмертью приютиться,
Нанять у славы уголок;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;
Хочу сварганить кой-как оду
И выкинуть такую моду,
Чтоб был ненадобен Пегас,
Ни Аполлон, детина строгой;
Хочу проселочной дорогой
На долгих ехать на Парнас.

Горшки не боги ж обжигают;
А мне кто не велел строчить,
Ну! право, нас не лучше знают,
Как стрóку рифмой заострить.
Мы также в модах здесь живали
И всяких молодцов видали;
Видали оды на заказ,
На взгляд — так разные в них штуки,
Ан разбери-ка, взявши в руки,
То в ряд поставят чище нас.

Ну что ж? за чем же дело стало!
На приклад кинемся к богам,
Ведь в Пантеоне их немало:
Притараканим-ка их к нам.
Пускай Полимния и Клио
С Евтерпой пропоют нам трио;
Клотона, Лáхеза дуэт,
Пусть Вакх царапнет до обеда;
Венера, Марс, Юпитер, Леда
En quatre ¹ пусть дернут менюэт.

Велим, поворотя оглобли,
Реке Алфею течь назад;
А чтоб Эака сбросить с кровли,
Велим Ираклу ехать в ад.
Пусть Мом слов острых пять-шесть
скажет,

От ветров станет пыль столбом,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Все эти дутики-уроды,
Пускай верх опрокинут дном.

С богами как не будет мочи,
С Олимпа лыжи наострю;
И, вылупя ясные очи,
В историю я посмотрю.
Прильнув на час к Семирамиде,
В Египте окунясь в Мериде,
Скажу, что ест у крымцев хан;
Сочту подушны в Риме сборы,
Потом замечу, как эфоры
Тузили, гладили спартан.

Двойные заплатя прогоны,
Найдем копейных на часок
И, новы вздумав забобоны,
Героев примем за висок.
Сберем их целою толпою,

---

¹ Вчетвером (франц.).— *Ред.*

Чтоб Сципион, являя к бою,
На Аннибала наплевал,
Помпея Цесарь в ухо хлопнул,
От Александра Дарий лопнул,
Ахилл туза Гектору дал.

Взяв в руки посох и свирелку,
А за пояс заткнув дуду,
Читателя уж на отделку
В Аркадию я поведу,
В луга и средь зимы неснежны,
Где все сердца, как мякиш, нежны,
Узетят сельска простачка,
Как он из Леты тянет кружкой
И пляшет горюна с пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

Там пусть читатель мой заметит,
Пускай зарубит на носок,
Что солнышко там ясно светит
И утекает за лесок.
На пастухов смотря, Аврора,
Как сурик, рдеется с задора
На дюжий молодецкий жар,
По пальцам сласти их считает,
Денечки прежни вспоминает
И тужит, что Титон уж стар.

Быть может, не всему я миру,
Набрякав оду, угодил,
Да надо ведать, что ведь лиру
Я у носящего купил.
Иной на рынке лир не купит,
А так же таки оды лупит;
А так же наш брат грамотей,
Пожалуй, не судите строго:
Ведь Ломоносовых немного;
Другие ходят все с жлудей.

<1783>

* * *

Сколько пчел ни налетает
Красоту твою сосать,
Но она не увядает,
А изволит процветать.
Зальвом ты по всем стреляешь
Из твоих прелестных глаз;
Ты пленишь и разрешаешь
Всякий день и всякий час.

1787 или 1788

И. А. Крылов

* * *

В полночь ночи мрак восстал,
Вихрь в твердь вдруг дхнул,—
И твердь тряхнулась,
Марс бодр вмиг одр свой оставлял,
Утроба гневом в нем раздулась.

1787 или 1788

И. А. Крылов

ГИМН ВОСТОРГУ

Восторг, восторг, душа поэта!
Ты мчишь на дерзостных крылах
По всем его пределам света!
Тобой теперь он на валах
И воздуает пенны горы;
Тобою вмиг в чертог Авроры,
Как быстра мошка, возвился,
И вмиг стремглав падет в долину,
Где нет цветов, кроме крину,
В которой Ганг с Невою слился.
И в тот же миг — дрожу и млею!

Между эфиром и землею
С хребтов Кавказских ледяных гор,
Куда не досязает взор,
Сквозь мерзлы облака вещает,
Как чрево Этны, ржет, рыгает!
Уже не смертного то глас,
Големо каждое тут слово,
Непостижимо, громко, ново,
Соплещет сам ему Пегас!
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркие перуны,
Вихрь, шум, рев, свист, блеск,
треск, гром, звон. . .
И всех крылами кроет сон!

<1792>

И.
<И. И. Дмитриев>

ПЕСНЯ РИФМОХВАТА

Ветер ветра ветром гонит,
Всё идет наоборот;
Время всё к премене клонит,
Окромя твоих красот.

Хоть еще сто лет на свете
Ты, прекрасна, проживешь —
Всё в таком же будешь цвете,
Как и ныне ты слывешь.

Ты, ах! солнце негасимо
И блестящая луна,
И уму невообразимо,
Ты колико. . . ах! умна.

<1794>

И. А. Крылов

ОДА В ГРОМКО-НЕЖНО-НЕЛЕПО-НОВОМ ВКУСЕ¹

«Croyez moi, résistez à vos tentations,
Dérobez au public vos occupations.
Et n'allez point quitter, de quoi que
l'on vous somme,
Le nom, qui dans la cour vous avez
d'honnête homme,
Pour prendre de la main d'un avide
emprimeur,
Celui de ridicule et miserable auteur».

Misantr., act. 1, Sc. 2²

Сапфиристо-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурый конь Пегас!
С Парнасской свороти дороги
И прискачи ко мне на час.
Иль, дав в Кавказ толчок ногами
И вихро-бурными крылами
Рассекши воздух, прилети.
Хвостом серебро-злато-махровым
Иль радужно-гнедо-багровым
Следы пурпурны замети.

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря.
Смарагдо-бисерно светило,
Подняв огнем дышаще рыло
Из сольно-горько-синих вод,
Усоподобными лучами
Златит, как будто бы руками,
На полимент небесный свод.

---

¹ К сочинению сего вздора подали мне мысль некоторые из новых наших стиходеев, из коих одни желают подражать Горацию нашему, Г. Д <ержави>ну, а другие К<арамзи>ну и Д<митрие>ву; но как вместо вкуса и таланта имеют они только непреодолимую охоту марать бумагу, то и пишут точно такую чепуху, какую читатель найдет в сей оде, если будет иметь терпение ее прочитывать.

² Поверьте мне, боритесь с собою, скрывайте от людей свои занятия и не оставляйте, как бы вас к этому ни побуждали, своего имени, которое слыло при дворе именем честного человека, ради того чтобы принять из рук жадного печатника имя смешного и жалкого автора, *Мизантроп, действие 1, явл. 2* (франц.).— *Ред.*

Сквозь бело-черно-пестро-красных
Булано-мрачных облаков,
Луна, стыдясь гостей столь ясных,
Не кажет им своих рогов;
И мертво-бело-снежным цветом
Покрывшись перед солнца светом,
На небе места не найдет.
Ветр юго-западно-восточный
Иль северно-студено-мочный
Ерошит гладкий вод хребет.

Октябро-непогодно-бурна,
Дико-густейша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Сбродо-порывна глухота
Мерцает в скорбно-желтом слухе,
Рисует в томно-алом духе
Туманно-светлый небосклон.
В уныло-мутно-кротки воды
Глядятся черны хороводы
Пунцово-розовых ворон.

Но вдруг картина пременялась:
Услышал стон я голубка,
У Клары слезка покатилась
Из левого ее глазка;
Катилась по лицу, катилась,
На щечке в ямке поселилась,
Как будто в лужице вода.
Не так-то были в прежни веки
На слезы скупы человеки;
Но люди были ли тогда?

Коль девушке тогда случалось
В разлуке с милым другом быть,
То должно, дуре, ей казалось,
О том реками слезы лить.
Но в наши веки просвещенны
Как могут люди огорченны
Так слезы проливать рекой?
Ведь ныне слезы дорогие,

Сравнятся ль древние простые
С алмазной нынешней слезой?

Теперь посмотрим мы, как вьется
Голубушка над голубком;
А сердце бьется, жметя, рвется
И в грудь стучит, как молотком.
Голубчик выпустил, зная, душку,
Нет жизни в нем ни на полушку,
Уж носик съежился его;
Овсянки, ласточки, синички,
Варакушки и прочи птички
Роняют слезки на него.

От этой жалостной картины,
Читатель, если ты не взвыл,
А от начальной пиндарщины
В восторг когда не приходил,
То сердца твоего *тон* низок,
Умом ты к готтентотам близок
И так, как лютей тигр, жесток.
Ты б должен на стену бросаться
Или в лоскутья истерзаться
От сих громко-прискорбных строк.

<1802>

Н. Н.

<П. П. Сумароков>

**ПАРОДИЯ НА ОДУ 9-ю ЛОМОНОСОВА,
ВЫБРАННУЮ ИЗ ИОВА**

О ты, что в горести напрасно
На службу ропщешь, офицер,
Шумишь и сердисься ужасно,
Что ты давно не кавалер,—
Внимай, что царь тебе вещает!
Он гласом сборы прерывает,
Рукою держит эспантон;
Смотри, каков в штиблетах он.

Речет: «Сбери все силы ныне
И стой так прямо, как солдат.

Где был, как в унтерском я чине
Завел в России вахтпарад?
Когда шаржировать заставил,
Явил в маневрах и прославил
Величество и власть мою,
Подай-ка тактику свою!

Где был ты, как передо мною
Возрос из алебардов лес,
Моей обделанных рукою,
А ты не видел сих чудес?
Когда солдаты, все одеты
Как бы винновые валеты,
Тянули фронт передо мной,—
А ты вкушал тогда покой!

Кто деревянными кремнями
Солдат здесь выучил стрелять,
К спине белеными ремнями
Лопатки вздумал привязать?
Мундиры с битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицер надел
И в праздник их носить велел?

Главы обстрижены солдатски
Ты мог ли пуклями снабдить?
И, их одевши по-дурацки,
В казармы кучами набить,
И, вдруг ударивши тревогу,
Подобясь зверю, а не богу,
От трусости как лист дрожать
И двух в солдаты написать.

В болотах глинистых и грязных
Когда и где ты увязал
И офицеров безобразных
В худых мундирах где видал?
Не зря врагов перед собою,
Приготовлялся ли ты к бою,
Никто на коем не погиб,
И взял ли приступом ты Бип?

Из беглых мог ли ты капралов,
Кои не могут говорить,
Наделать кучу генералов
И им полки препоручить?
Ты мог ли эспантон поправить
И под арест за то отправить,
За вздор из службы исключить?
И наве́к в крепость засадить?

Твоей ли хитростью Кутайцев
Играет роль больших вельмож?
Мещан он душит так, как зайцев,
Дворянство всё не ставит в грош.
В моих палатах обитая,
Россіян бедных разоряя,
В нем виден точный басурман,—
Такой талант тобой ли дан?

Не ясна ль в том моя щедрота,
Велел что головы рубить?
Пришла ль когда тебе охота
Кадилом в церкви покадить,
Священной ризою одету,
В себе представить шу́та свету,
Служа обедню за попа?
Неужель мысль сия глупа?

Ума твоего пределы узки
Могли ли тайну ту понять,
Еврейска Анна что по-русски
Святую значит благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украстить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именем моей?

Скажи ты мне, в странах Российских
Кто славный акцион завел,
Чтоб кто хотел крестов Мальтийских,
За деньги в оном их нашел?
С французом кто два года дрался,
Чтоб остров Мальта нам достался,

На коем нет почти людей?
Дела то мудрости моей!

Возмог ли ты хотя однажды
Гоненье шляпам объявить?
Велеть россиянам, чтоб каждый
Престал бы круглую носить?
Пучки и сапоги с ушками
Указом истребя меж вами,
Изгнал потом с заносом фрак,
А все кричат: дурак, дурак!

Ко удивленью всего света
Когда мундиры я кроил,
Зачем не подал ты совета,
Чтоб я покрой переменял?
Когда я выдумал штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной всему я дал?

Сие, служивый, рассуждая,
Представь мою всеильну власть
И, мерзостный мундир таская,
Имей твою в терпеньи часть.
Я всё на пользу вашу строю,
Казню кого или покою.
Аресты, каторги сноси
И без роптания проси!

<1801>

<С. Н. Марин>

II

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

ОДА

С <резневскому>

Умолкни всё! — внимай, вселенна!
А ты, о лира вдохновенна!
Звучи,— бряцай, греми, воспой:
Не тигра, кровью обагрена,
Героев слава будь презренна,
Что рушат наш и всех покой!

Кого ж мой дух хвалить желает,
Кого он выше поставляет,
Чем витязи, богатыри,
Кому он зиждет олтари?
Не божество ль какое неба
Ты воспоешь, питомец Феба?

Да торжествует ныне свет!
Под песнь скачите, элементы!
Пляшите, харьковски студенты,¹
То мой приятель и сосед.
Его, его я воспеваю —
В числе созвездий помещаю!

Хоть много ты творил чудес,
Но ты с своею кожей львиной,
С тяжелой, грозною дубиной —
Пред ним ничто, мой Геркулес!

---

¹ Сочинитель был тогда при университете и понимает здесь одного студента.

Ничто пред ним Персей, Язон:
Времен краса и диво он.

Какой же подвиг он свершил?
Он устроил и борщ и кашу
И Вакхову священну чашу
Прехрабро с пуншем проглотил!
А больше тем восхитил Музу,
Что метко попадает в лузу!

С <резневский> ! здравствуй навсегда!
Геройствуй с кашей без вреда,
Да будет юный Вакх с тобою,
Да узришь граций ты с собою!
Се мой к тебе усердья глас,
Ты съешь его, как ананас.

1805

Нахимов

НОВЫЙ СТЕРН
КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ЯВЛЕНИЕ 4

Граф, один.

Утро ясно, ясна душа моя! — А там, там за дымчатыми горами, за грустным лесом, миллионы людей! Чудна, пестра Природа!.. Здесь потерял я друга, истинного, тонкого, бережливого! О Леди! Леди! тебя уж нет!.. слеза дружбе!.. Здесь встретил я невинное существо, ангела в образе интересной пастушки!.. Ах! вздох любви!.. Ее взгляд, здесь!.. Пламенная стрела Амура эскизировала ее силуэт в сердце моем!.. Всю ночь мрачный Морфей не очернил зрения моего: она была в мысленных очах моих!.. Напрасно я перелистывал «Новую Элоизу»: я везде читал имя незнакомой девушки!.. Наконец скромный Гений мой инспирировал томной Музе моей сладостный Романс. Заставим любовницу Нарциссову повторить его. Гитара, друг моей чувствительности, устрой томный голос мой!..

РОМАНС

Венцы, мечи, щиты, порфиры,
Не вас я, бедные, ищу;
Герои, побеждайте миры,—
Пред вами я не трепещу.

Натура мне сама сказала,
Что должен жить я меж цветов;
Она любить мне приказала,
Она — малиновка-любовь!

Змейтесь, речки, ветры, дуйте;
Шепчи любовь, молодой Зефир;
Вы, нежны голубки, воркуйте;
Ты, соловей, пленяй весь мир.

Натура! я тебе подобен:
Я вольно чувствовать хочу;
Как скромный кролик, я незлобен
И вслед любви везде лечу!

1805

А. А. Шаховской

ПЕСНЯ

Я моськой быть желаю,
Всегда чтобы храпеть;
Нет нужды, что залаю
И что не буду петь.

Я б зависти не ведал
К богатству и чинам,
Готовое б обедал,
Себе не стряпав сам.

В одном бы теплом фраке ¹
Я круглый год ходил
И датской бы собаке
За лай презреньем мстил.

---

¹ В шерсти то есть.

Не видел бы отмены
Пред аглицким щенком
В приемах от Климены,
Когда б попал к ней в дом.

Лизал бы ее ручки
Всегда с ним наравне,
И все бы были сучки
Равно любезны мне.

Коль моська б изменила,
К болонской бы пристал,
Не тратил бы чернила,
Элегий не писал.

Но в моську превратиться
Не можно мне вовек,
Так что ж пустым и льститься?
Пусть буду человек.

1806 или 1807 (?) И. И. Дмитриев

ОТВЕТ ФЕКЛЕ НА ЕЕ ЛЮБОВЬ

Если б ты была лилея,
Я бы — розою дышал,
Как бы я тебя, лелея,
К сердцу страстно прижимал!
Ароматы бы смешались,
Твой и мой, в один состав,
Все б пастушки восхищались.
Нашу связь с тобой узнав;
Ты бы мною веселилась,
Я гордился бы тобой;
Жизнь бы наша прокатилась
Тихой ясною струей!
Но увы! Судьба хотела
Нас навеки разлучить!
Флора в гневе повелела
Нам с тобой в разлуке жить!
Ты родилась мухомором,

Я — полынию расту,
Ты своим мертвишь всех взором,
Горько от меня во рту.
Брось же, Фекла, не трудися,
Не желай меня прельстить,
Злой судьбине покорися —
Нам в разлуке должно жить!
Рассуди ты беспристрастно:
И полынию быть несчастно,
Так на что ж мне мухомор?

Между 1808 и 1810 <А. С. Кайсаров>

ОТКРЫТИЕ В ЛЮБВИ ДУХОВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Егда аз убо тя узрех,
О ангел во плоти чистейший!
Впадох внезапно в лютый грех,
Грех велий, абие презлейший.

Держах псалтирь тогда свою
И чтох кафисму уж шестую,
Как увидох красу твою —
Аз книгу изроних святую.

Власы твои как стадо коз¹
Близ Галаадския долины,
Как кедр ливанский твой есть нос
И взоры яко голубины.

Как стадо зубы суть овец,
Уста твои как багряница,
Твой глас пленитель есть сердец,—
Пренепорочная девица!

Царя-пророка будто столп
Твоя златорубинна шея,
И твой обширный белый лоб
Сияет, как у Моисея.

---

¹ Подражание некоему славящемуся премудростию своею мужу.

И перси тучные твои
Как серны на горах младые...
Внемли, внемли мольбы мои,
Вместилище души святыя.

Егда б узрех красы твои,
Узрех лепá еси колико,
Воспех бы Гимни ти свои
И сам священнейший владыко!

Аз убо ныне тя молю:
О, еже ми любовь творити,
Да впредь я боле не скорблю,
А сице не останусь жити.

Но аще ты откажешь в том —
Во все нечестия впускаю
И аще не отмщу ти злом —
В онь час сам с смертью соединюся.

1802 или 1803 <Н. Ф. Остолопов (?)>

МОРСКАЯ ПЕСНЯ, В КОТОРОЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ИЗЪЯСНЯЕТ ЛЮБОВНУЮ СТРАСТЬ СВОЮ МОРСКИМ ЯЗЫКОМ

Как молния плывущих зрак
Средь темной ослепляет ночи,
Краса твоя, подобно так
Сверкнув, мои затмила очи.
Смущен и изумлен я стал,
Узрев толь ангела прекрасна;
Не так опасен мачтам *шквал*,
Как ты казалась мне опасна.

Исчез тогда *штиль* чувств моих,
Престрашна буря в них восстала;
Ты ж из очей своих драгих
Брандскугели в меня метала.
Тогда в смятении моем,
Зря грозну прелесть пред собою,
Не мог я управлять *рулем*
И *флаг спустил* перед тобою.

С тех пор, тебе отдавшись в плен,
Твоей я воле повинуюсь,
К тебе душевно прикреплен,
Я за тобою *буксируюсь*.
С тех пор *нактоуз* твой, иль дом —
Магнит, где сердце обитает.
С такою силой, как *Мальштром*,
Меня отовсюду привлекает.

Мне в мире утешенья нет,
Везде я без тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свет,
К тебе я ныне *лавирюю*.
Наполненный всегда мечтой,
Тебя в убранстве зрю богатом,
То *яхтой* иногда златой,
То легким чистеньким *фрегатом*.

Тогда хочу тебя догнать,
Надежду себя ласкаю,
Спешу и *марсели* отдать,
И *брамсели* я распускаю;
Когда же парусов нельзя
При *шторме* несть жестоком,
Любовию *трюм* нагрузя,
Иду, лечу к тебе под *фоком*.

Или, коль неизвестен мне
Пункт места твоего, драгая,
Поблизости я в той стране
Лежу на *дрейфе*, ожидая:
Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцию твою драгую
Узрю, хоть в *горизонте* будь,
И вмиг тебя *запеленгую*.

Тогда, не медля ни часа́,
К тебе я *курс* свой направляю,
Брасплю, ставя паруса,
Сержусь, кричу, повелеваю,
Узлов по десяти несусь,
Держу в *кильватер* за тобою,—

Но вдруг от мыслей пробужусь
И зрю, что льстился я мечтою.

1800-е годы (?)   А. С. Шишков

ИЗЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ ОДНОГО ПРИКАЗНОГО

О ты, всех прелестей *палата*
И *Президент* души моей!
Твой взор — *указ* мне из Сената,
Понеже в воле я твоей.

Твоей прельщен я красотой,
Спешу в *секвестр* себя отдать,
Меня ты можешь за собою
Без *пошлин, справок* отказать.

В Архиве ль я когда бываю
Иль в Канцелярию спешу,
Повсюду образ твой встречаю,
В *повытье* я бумаг ищу.

Клянусь по чести пред *зерцалом*,
Что пред тобою суший вздор
И сам Сенатор в платье алом,
В мундире шитом Прокурор.

Навек твоей я предан власти,
В *журнал* любви меня впиши,
Прочти *экстракт* нежнейшей страсти
И *выпись* пламенной души.

Взгляни хоть раз один умильно
В *Контору* сердца моего,
Оно трепещет, бьется сильно
И ждет ответа твоего.

Твои мне разговоры сладки,
Я под *присягой* говорю:
Они приятней мне, чем взятки
Бездушному Секретарю!

Прими ж любви моей *прошенье*,
Я пред тобою *бью челом*:
Скрепи о мне определенье
Своей улыбкой, как пером.

И так, как бы *процесс* безгласный,
Судьбу мою возобнови;
Я буду *истец* самый страстный
Вышеописанной любви.

Коль *место* то, которым льщуся,
В твоём я сердце получу,
Сидеть в *совете* откажуся,
Министром быть не захочу.

Но коль себя, всех зол *вдобавок*,
В твоей *Герольдии* буду зреть,
Мне легче без *суда* и *справок*
На *лобном* месте умереть.

1810-е годы

ПЛАН ТРАГЕДИИ С ХОРАМИ

СОДЕРЖАНИЕ

Лапландский князь, жених гренладския княжны,
В день свадьбы, простудясь, горячкой умирает.
Тревога, брачные свечё погашены,
Стон, слезы; наконец любовник оживает.

Пролог

Музыкант

(приближаясь к кулисам, даёт актерам знак к выходу)

Внемли и выступи, народ,
Попарно свой устроая ход!

(К актерам)

Вы помнить роль свою старайтесь!

(К фигурантам)

А вы! — вы с такты не сбивайтесь!

Действие первое

Князь и княжна.

Княжна

О князь! итак, ты мой!

Князь

А ты моя, княжна!
Акт кончится, и ты со мной сопряжена!
О, боги! о, судьба! о, счастье! о, сладость!
Народ! пляши и пой! дели со мною радость!

Хор

Воспляшем, воспоем, докажем нашу радость!

Действие второе

Княжна

Ты болен, милый князь?

Князь

Озноб во мне и жар!

Княжна

Увы!

Князь

Прости! . . прости!

(Умирает.)

Княжна

Несноснейший удар!
Завистливая смерть! о, рок бесчеловечный!
Народ! пляши и пой в знак горести сердечной!

Хор

Воспляшем, воспоем в знак горести сердечной!

Действие третье

Гений спускается с облаков посреди грома и молнии.

Гений

Супруг твой оживет: прерви, царевна, стон!
Невинною трех парк ошибкой умер он.
О цари! будь паки жив!

Князь
(встает)

Мои ли это ноги?
Княжну ль еще я зрю?.. О, милосерды боги!

Княжна

Дражайший князь! пойдем, пойдем скорее в храм!
Народ, пляши и пой похвальну песнь богам!

Хор

Воспляшем, воспоем похвальну песнь богам!

<1810>

И. И. Дмитриев

ПЕСНЬ ЛУЖЕ

Пускай иной, потея годы,
С надсадой трúбит страшны оды
Ручьям, озерам и морям!
Не море — лужу воспеваю;
Грязь в жемчуг я преобращаю,
Ударив лиры по струнам.

Судеб благоугодно воле,
Чтоб, лужа, ты, в несчастной доле,
Была других всех ниже вод:
Ручьи нас веселят струями,
Моря приводят в страх волнами,
А лужей брезгует народ.

Но насекомы неисчетны,
Для гордых взоров неприметны,

Зрят в луже дивный океан
И в подлых жабах — страшных китов!
Четвероногих сибаритов
Ты вместе ванна и диван.

Паши, украшенны щетиной,
Презренною твоею тиною
Не променяются на пух;
За бархат грязь они считают
И в роскоши такой не чают,
Что их готовят под обух.

Ни пред ручьем, ни пред рекою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику в несносный жар
Вода твоя в степи Ливийской
Или в пустыне Аравийской
Небесный кажется нектар.

Пространством море пусть гордится,
Шумит волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты;
В обширности неизмеримой,
Одним всесильным обозримой,
И море — лужа, как и ты.

Хотя б на дне его лежали
Блестящий бисер и кораллы,
Приманчивы для алчных глаз;
Но что ж! пред мудрыми очами
Столь почитаемые нами
Коралл и бисер — та же грязь.

Нет! лужи я не презираю.
Я в луже пользу обретаю:
Наставник лужа для меня;
Читает мне урок прекрасный,
С которым опыты согласны,
Сию нам истину глася:

«Чей дух ленивый дремлет вечно,
В том мысль и чувство сердечно,
Как в луже мутная вода;

И праздности его в награду
Пороки в нем, подобно гаду,
Плодятся — множатся всегда!»

<1810>

Аким Нахимов

ЭЛЕГИЯ НА ПОТЕРЮ РОЖКА

Плачь, плачь, мой бедный нос! и токи лей на землю,
Тебе элегию писать я предприемлю:
Жестокая судьба! немилосердый рок!
Почто ты у меня похитил мой рожок?
Для рока красть рожки и срамно и постыдно,
Знать, счастье мое всегда тебе завидно;
Ты ввечеру на мне свечою сжешь колпак,
А ныне нюхаешь ты из рожка табак,
Хотя мне сей рожок принадлежал по праву,
Он составлял мою утеху и забаву,
Он здоровье хранил всегда в моих ноздрях;
Ах! никогда они с ним не были в прыщах.
Увы! я без него стал сущий сирота,
И носа моего увянет красота!
О, люто о рожке моем воспоминанье!
Я в сердце чувствую несносное страданье!
Приятели мои! пролейте слезный ток,
Бывало, я и вам трясу на соколк,
И вы рожком моим блестящим любовались,
А ныне с ним и вы навеки уж расстались.
Рыдай и ты, рыдай, пузырь мой с табаком!
Ах! не увидишься ты более с рожком,
Ты друга потерял в сем русском человеке,
Такого не найдем мы друга в нашем веке,
В котором любят все не нас, а кошелек:
Старинных нравов был покойный мой рожок!
Прочь, табакерка! прочь ты, изверг, басурманка,
Ты носа моего свирепая тиранка,
Ты за собой влечешь и струпья и прыщи,
Приятелей таких ты к немцам в нос тащи.
Внемлите мне теперь, несправедливы боги!
Коль к носу моему вы были столько строги,
Что у него рожок насильно отняли

И тем удар ему ужасный нанесли,
Не думайте, чтоб я спознался с изуверкой,
Чтоб гадил русский нос немецкой табакеркой;
Клянется в том моя печальная ноздря,
Что буду нюхать я всегда из пузыря,
И нос дотоле мой рожка не позабудет,
Доколе в мире сем табак он нюхать будет.

<1816>

<А. Н. Нахимов (?)>

<ПЕСЕНКА ЭРАСТА ЧЕРТОПОЛОХОВА>

Всё служит красоте. . .
Амуру все подвластны,
И тот, и та, и те —
Все служат красоте,
Днем, ночью и в мечте,
В подсолнечной прекрасной,
Все служат красоте —
И тот, и та, и те!

<1825> <П. Л. Яковлев>

УРОК КОКЕТКАМ, ИЛИ ЛИПЕЦКИЕ ВОДЫ

Действие второе.

Явление шестое

Графиня, Саша и Фиалкин (вздыхая издали).

Графиня

Ушли, ах, как я рада!

Саша

Поэт не отвдыхал.

Графиня

Отправь его скорей!

Саша

(Фиалкину)

Придите к нам ужо с гитарою своей
Попозже.

Ф и а л к и н

Внушена мне гением баллада,
И посвятить хочу графине сердца плод.

(Графине)

Примите...

Г р а ф и н я

Что, сударь?

Ф и а л к и н

Творенье небольшое;
Но есть в нем кое-что — я выбрал модный род.

Г р а ф и н я

Я их люблю...

С а ш а

А прозвище какое?

Ф и а л к и н

Омир или Омер.— Еще не решено,
Как должно звать его, и для того я *или*
Поставил, чтоб меня журналы не бранили.

С а ш а

Да дело в чем, а *ме* иль *ми*, нам всё равно.

Ф и а л к и н

Поэт бессмертный, кем была воспета Троя,
Лишенный глаз, любви талант свой посвятил.

Г р а ф и н я

Гомер влюбился!

Ф и а л к и н

Ах! кто пел и не любил!
Ахилла славил он, чтоб улыбнулась Хлоя.

Г р а ф и н я

Вот это новое!

Ф и а л к и н

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтом быть, довольно дарованья,
Воображения, в словесности познания,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочего? — Ах нет, нет, этого всё мало.

Г р а ф и н я

И даже прочего? — Что ж нужно для него?

Ф и а л к и н

В нем сердце быть должно, которое б изливало
Слезу горячую в грудь друга своего;
Чтобы он чувствовал, чтоб чувствовал — как бьется
Любовью вешнее, чтобы в природе всей
Он видел милую, чтоб жил одною ей,
Чтоб тонкий вкус имел...

С а ш а

(в сторону)

Где тонко, там и рвется.

Ф и а л к и н

И утро бы ему наивно улыбалось
Чтоб в скромной хижине вмещал он целый мир,
И веселил его одной природы пир;
Чтоб он любил — как я...

Г р а ф и н я

Нам времени осталось

Не много, так прошу...

Ф и а л к и н

Увы! когда б я мог
Баллады пением тот выразить восторг,
Которым воспламенен Омер, певец всесветный.

Г р а ф и н я

(в сторону)

В пеньё сноснее вздор.

(Ему)

Пропойте.

Ф и а л к и н
(настраивая гитару)
Я готов.

Б А Л Л А Д А

Пел бессмертный славному Трою,
Пел родных Приама чада.
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Элени милый взгляд.
Но чувствительность слезами
Излила глаза певца.
Ах! мы любим не глазами,
Для любви у нас — сердца.
И бессмертный под сетями
У бессмертного слепца.

Я мысли освежить хотел игрою слов:
Поймал под сеть свою Амур, слепец бессмертный,
Бессмертного слепца Омера.

<1815>

А. А. Шаховской

Р Ы Ц А Р Ъ

Стоит конь бурный у крылечка,
Поднявши вверх свое чело.
Вся в серебре на нем уздечка,
На нем турецкое седло.
Седло с стальными стременами,
Чепрак с золотыми бахрамами.

Конь богатырский ржет, грохочет,
Главою и ушми трясет;
Сыру землю ногами топчет;
Со удил влажна пена бьет.
Кого же ждет сей конь ретивый?
Кто будет тот ездок счастливый?

Выходит молодец удалый,
По-богатырски разодет;

На нем мундир московский алый,
На нем и шарф и эполет,
Камзол, обшитый галуном,
Булатна сабля с темляком.
А на головушку уборну
Он надевает шляпу черну —
На шляпе бел султан дрожит,
И сабля с шпорами звучит.
Он на добра коня садится,
Ретивый конь под ним гордится.

Он тронул шпорами коня:
«Вези ты, добрый конь, меня!»
Конь с рыцарем стрелой пустился;
Огонь и дым в ноздрах открылся;
Сыра земля под ним дрожит;
За ними сера пыль летит.
Куда так рыцарь быстро мчится?
Не в поле ль ратное стремится,
Чтоб мстить отечества врагам?
О, как он будет страшен там! . .

Но что я вижу? — рыцарь бранный!
Скажи! куда так едешь ты?
Таков ли путь, тобой избранный?
Иль вижу сонные мечты?
Или то истинны приметы,
Что рыцарь едет у кареты?
В порядке с задним колесом
Считает спицы он верхом?

Не столько подвиг сей достоин,
Чтоб в нем трудился храбрый воин!
А вот! нахальливо в карету
Он, выпуча глаза, глядит;
Кого же видит там? — Брюнету;
Брюнета грудь его щемит.

Брюнета хороша, прекрасна
Осанкой, взором и лицом,
Но грудь Брюнетина бесстрашна
Пред сим удалым молодцом.

Наш рыцарь едет вокруг кареты;
Наш рыцарь вьется вокруг Брюнеты,
То с той сторонки, то с другой;
Но нет удачи никакой.

Ни в путь, ни в дело все пролазы;
Он слышит лишь одни отказы;
Но он еще надеждой льстится;
Еще кипит горяча кровь;
Он мнит, что девица стыдится
Открыть ему свою любовь.
Он думает еще атакой
Брюнету милой сердце взять;
Но крючкотворской, зная, хваткой
Сердце нельзя завоевать.

И вместо страстного ответа,
Открыв окошечко, Брюнета
Сему богатырю пригожу
Учтиво наплевала в рожу,
Сказала прямо наотрез,
Чтоб больше он в глаза не лез:
«Чтоб больше, рыцарь, не трудиться,
Извольте взад повернуться!
Да просим милости вперед
Не врать таких мне глупых бред».

С досады рыцарь наш задохся;
Хотел схлебнуть, бедняк,— обжегся,
Насупил богатырскую морду,
Поворотил коня назад;
Согнул свою осанку горду
И в землю свой потупил взгляд;
А богатырской неудачей
И бодрый конь его стал клячей.

<1816>

Срз.

<И. Е. Срезневский>

СТУДЕНТ
КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ 10

Беневольский, Федька.

Беневольский (*не вставая с кресел*). Презрение буйным чадам Арея! Бесчувственные враги изящного! — Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми! (*Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.*) Слушай! (*Читает.*)

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем-лакеем, да вишь и увезли его.

Беневольский. Шш.

Дружись, о друг, с мечтой.

Таинственный покой
Сопутствует нам с нею;
И Грация — печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять!

Счастливое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний готовят сердце к тихому, сладостному мечтанью. (*Федьке*) А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

С ней будут нам сиять,
Дни мирны улаживать
Души и чувств прельщением,
Как легким сновиденьем...

(*Федьке*) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи! (*Продолжает читать.*)

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смушением цепенеют.

(Федьке). Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский (*с радостью*). И этот дар возбуждать ужас самой незначашей, часто непонятной мыслию,— он неизвестен был доньше: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. (*Продолжает.*)

Ах! скоро ли приспеют
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-услადой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчание, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят... (*Продолжает.*)

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? (Федьке). Не прерывай же меня. Где бишь я остановился? да... «пред томным взором...»

Как чистых муз собором
Восторженный в эфир,

Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

(Федьке) Ты зеваешь, бесчувственный?

Федька. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлетя,— еще бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

Беневольский. Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною.

Федька отходит, садится на сундук и засыпает.

(Беневольский продолжает читать.)

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! — награда... вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! — Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!..

1817

А. С. Грибоедов и П. А. Катенин

ЕЛЕГИЯ В НОВОМ ВКУСЕ¹

... Nugae canogae
Hor²

Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...

Бродящий ветерок в листочках умирает...

С безбрежной высоты

Прохлада снизошла на лоне темноты.

¹ Читавши в рукописи эту Елегию, некоторые строгие критики, или прямо скажем *Зоилы*, осмеливались утверждать, будто бы в ней не заключается никакого смысла. Пускай и так; зато уж какой слог! какой язык! Кому не известна привязчивость педантов? Но кто же и смотрит на их требования? Истинный поэт, человек со вкусом, гений, не имеет нужды в правилах; он скажет: *так пишут!* И педанты посядут! <Примеч. редактора «Вестника Европы»>.

² Звучные безделки. *Гораций* (лат.).— *Ред.*

И ночь таинственным покровом
Как тучей облекла природы наготу;
И запад потухал... с мерцанием багровым
Безоблачных небес сливая красоту.

Молчанье мертвое настало
И тишина на ветвях возлегла.
И ночи божество дремотой оковало
Природу всю — людей, и мысли, и дела.
Как бы окаменев, древ гибкие вершины

Нахмурившись стоят,
И вечно трепетной Феины
Листочки, опустясь, недвижимо висят.
Река в родных берегах неслышима катится,
Как будто жизни нет в живых ее струях...
Невидимая тень на дне ее ложится,
Повсюду бродит тайно страх.

С душой, отцветшею для милых наслаждений,
Как странник-сирота — с улыбкой незнаком —
И жизни молодой крылатых оболщений
Утративши зарю... унынием влеком,
Иду бестрепетно под сосен мрачны своды
И там беседую с приветною тоской
Слезой тяжелою... (один сей дар Природы
Не похищен людей безжалостной рукой),
Слезой тяжелою грудь скорбну омывая,
Воспоминания о бывшем пробуждая,
Лечу в туманну даль, мечтами окрилен...
О сердца радости!.. погибши безвозвратно,

Почто так рано вас лишен?..
Почто ты было так превратно,
О счастье моих весенних дней?..
Едва блеснуло... и сокрылось!..
Погас мгновенный блеск лучей
И солнце радостей навеки закатилось!..
Стеснилась грудь моя... и вдруг как будто сном
Или оцепененьем

Невидимый одел меня крылом.
«О странник! — он вещал, — воспрянь и ободрысь!
О благах временных ты не крушишь тоскою!
Там, выше твой удел!.. Туда, туда стремись!
Там обновишься ты душою!..

Там вкусишь плод добра из бед!..
Из мрака будет свет!..»
И он умолк... Неспавшие открыл я вежды.
Душа присутствием небесного полна...
На ней сиял луч кроткия надежды.
Возрел — окрест меня страна озарена...
Бор черный — побледнел... и плавала луна
Над мной — и подо мною
И всё вокруг — повторено коварною рекою.
Познал я сладость слез: незримый спутник мой,
Благое PROVIDENЬЕ!
Прости младенца дерзновенье,
Посмевшего роптать на тайный промысл твой...

15 апреля <1821>

Подражаев
<С. Т. Аксаков>

ПРАВИЛА НЫНЕШНИХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Всегда тверди сто раз одно:
«Звон чаши золотой, пенистое вино,
Восторг любви, конец желаний
Есть — сладострастие». Прибавь тут восклицаний;
Скажи: «Здесь счастья нет для сердца и души!»
Промолвить не забудь, что ты всегда *мечтаешь*,
Что ты *здесь* — пьешь вино, *там* — счастья ожидаешь...
И вот все правила — бери перо — пиши!..

<1821>

<Б. М. Федоров(?)>

ЭЛЕГИЯ

Напрасно изливал я миро пред богами,
Обильный возжигал бессмертным фимиам:
Дым жертвы не достиг ко гневным небесам,
И я, отверженный, я мучусь всё — зубами!
Увы! окуранный ромашкой, камфорой,
Рядами склянок окруженный,
Лежу, недугом злым к постели пригвожденный,
С распухшею, платком обвязанной щекой.

Все средства испытал — нет пользы никакой!
Вот третий день уже одним питаюсь чаем!
Вот третий день уже, страданьем прогоняем,
Не посещал меня благодетель-сон!

И тщетно жалобный мой стон
Во мраке ночи раздается —
Ему лишь иногда Антон мой отзовется!
Ах! я подчас его от зависти бужу.

Как часто в горести, поднявшись с изголовья,
Я дни прошедшие на память привожу —
Дни улетевшего здоровья!

Как часто их назад желал бы воротить,
По саду Летнему, по дачам побродить,
За лакомым столом с друзьями отобедать,
Шампанским жажду утолить,
Десерта — хоть отведать!

Но что я говорю? Каким вдаюсь мечтам?
О, суета суетствий вечных!
Ах! не в прогулках ли беспечных
По этим дачам и садам

Подстерегла меня лукавая простуда?
Не эти ль лакомые блюда

Предуготовили свершенно ею зло?
Таков-то человек! Так слепо своеволен!
А между тем всегда собою недоволен:
И несчастлив-то он, и часто очень болен,
И уверяет, что прошло

Давным-давно с Сатурновым правленьем
То радостей земных некоторое число,
Которое звалось в сей жизни наслажденьем.
Но разве он забыл, что сам всему виной?

Что в век Сатурнов золотой
Не так, как ныне, люди жили:
Не знали гибельных страстей,
И во сто раз теперешних простей
В душе, в обычаях, в своих затеях были;
А что всего важней —

Умереннее ели, пили.
Умеренность ручалась им

За постоянное здоровья сохраненье.
О, лучшее из благ! Что значат перед ним
Все наши выгоды, всё наше просвещенье? ..
Я первый то могу собою доказать:
Хотелось бы в театр — зубная боль мешает,
На бал, иль в Общество, ни в церковь не пускает,
Ах! даже не дает мне книжки почитать!
    Убийственное положенье!
И хуже выдумать, конечно, мудрено;
Но я утешен тем, что, может быть, оно
    Другим послужит в поученье.
Так, с этого одра, преодолев мученье,
Торжественно ко всем теперь взываю я:
    Не ешьте сладкого, друзья!
    Моею участью казнитесь,
А более всего простуды берегитесь!

<1821>

Аркадин

УВЫ И АХ

ПРОЗАИЧЕСКАЯ ГАЛИМАТЬЯ

(Подражание новейшим элегическим поэтам)

Минутный гость на жизненном пиру, я вяну! — И веселье не веселит меня! И сердце, больное грустию, дремлет. — Увы и ах!

И молодая жизнь — изменила мне! И увяли розы сладострастия! И приветная звезда отуманилась! Увы и ах!

И былое — как пустынная стрела — пролетела! И грядущее — дикий мрак, туманная даль! И в слепой тоске моей я исчезаю, я терзаюсь! Увы и ах!

И мой гений и дружба, сладострастие душ высоких и чувствительных, не внушают мне молитвы радостей! И сердце мое не замирает в неге тайных желаний! Увы и ах!

Чу! кипящая смерть ярится! И ночь сгустилась.

И сладкая мечта, чистейший нектар счастья, как аромат веселого вина — исчезли в воздухе! И я жадно пью кручину! Увы и ах!

(Продолжение впродь)

<1822>

У. и А.

СОЮЗ ПОЭТОВ

Сурков Тевтонова возносит;
Тевтонов для него венцов бессмертья просит;
Барабинский, прославленный от них,
Их прославляет обоих.
Один напишет: *мой Гораций!*
Другой в ответ: *любимец граций!*
И третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: *вы, вы любимцы граций!*
А те ему: *о наш Гораций!*
Тевтонова Сурков в посланьях восхвалял:
О Гений на все роды!
Тевтонов же к нему взывал:
О баловень Природы!
А третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: *вы баловни Природы!* —
А те ему: *о Гений на все роды!*
А я скажу питомцам муз:
Цвети хвалебный ваш союз!
Друг друга прославляйте,
Друг друга разбирайте,
С Горацием равняйте,
Послання сочиняйте,
В журналы отсылайте,
Видения слагайте;
Друг другу посвящайте,
Слепую нас толпу, счастливыцы! забавляйте
И, свой отборный слог любя,
Хвалите вы — самих себя!

*Условные желанья,
Немые ожиданья,
Кипящие лобзанья
И сладострастье нег
Твердите и твердите!
Увядши для утех,
В окно не зря глядите,
Над чашами дремлите,
И чашами стучите,
Читателей глушите!
Друг другу дребезжите
О чашах вы своих!
Без чаш не полон стих.
    Беспечность, свободу,
    В кустах огорода
    Зовите летать,
    Летать и порхать,
    Друзей прикликать!
И в юности бывалой
Венки брусники алой
Любите вспоминать!
Заслугой вы велики —
Вам музы воздадут! . . .
Венками вас брусники
К бессмертию увьют.*

<1822>   Д. Врс-в
                                    <Б. М. Федоров(?)>

К БАЛОВНЮ-ПОЭТУ

Хаос тех взорам светлеет,
Коим сам Фив-Аполлон
В душу высокое сеет,
Лавры растит Геликон.
Пафой-Кипридой взлелеян,
Взросший на лоне харит,

Амврою с уст их навеян
Баловень муз, сибарит.
Бабочкой легкой кружась,
Пьешь ароматы цветов,
То, как орел, воскрился,
Реешь средь звездных кругов.
Тайным влеком вдохновеньем
Сладких поэзии чар,
Нас ты пленяешь *виденьем*,
Блещет в котором твой дар.
Сдержат ли *зависти волны*
Смелой стремленье ладьи?
Славься же, лавров достойный!
Что все зоилы твои?
Что вся *толпа их слепая*?
Пусть на Орфея свой тирс
Заносят вакханки, взывая:
«Эвое! Вакх! Дионис!»
Ты не Орфей, но смелее
В силах смысл робкий поправить,
Будешь громчей и громчее
Лирой потомству звучать.

<1822>

О. Н.

<Н. Ф. Остолопов (?)>

НЕМНОГОЕ ДЛЯ МНОГИХ

1. НЕПОСТОЯНСТВО

Бьется челн
Среди волн,
Вдруг в лесок
Огонек
Прилетел.
Я глядел
И дрожал.
Вдруг кинжал
На меня...
Нет огня.

2. ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Что за шорох, что за ветер?
Кто стучит в окно? —
То *знакомый незнакомец*,
Он меня узнал;
В двери он с *приветной лаской*
Руку мне пожал.—
Догорали в небе звезды
И восток пылал!

3. КЛАДБИЩЕ

На кладбище, за кладбищем
Люди ходят;
Люди в церкви, в церкви служат
Панихиду.
Опустили в сыру землю
Гроб печальный;
Расступились, разошлись
Люди честны.
И дорогою у встречных
Вопрошают
С тайным трепетом и с *думой*:
«Кто усопший?»

4. СТРАННИЦА

Пришла в село, в ворота постучалась,
И перед ней ворота отперлись;
В избушке ей старушка откликалась:
«Откуда ты, молодка? Отзовись?»
— «Я, бабушка, из ближнего селенья,
Меня сюда *невидимый* привел,
Дорогой мне мелькали привиденья;
Ах! не к тебе ль *он* на ночлег зашел?»

5. ТАЙНА

Нет звезд и нет луны,
Ночь царствует одна;

И дол и лес темны
И сумрачна страна;
Душа тоски полна.
Во всей природе света нет,
Но вижу всё — откуда ж свет?

<1823> Житель Васильевского
острова
<Н. А. Цертелев>

К НОВО-ШКОЛЬНЫМ ПИИТАМ

Ура! сыны мечты эфирной,
Певцы таинственных чудес!
Взгрел ваш гений песнью лирной —
И трудный путь на Пинд исчез!

Но что! на Пинд ли вам стремиться
И там полет остановить? ..
Восторгов ваших рой промчится,
Где только может мысль парить.

Венцы хвалы, при блеске славы,
Не музы вам — *друзья* сплетут.
Поприще классиков — уставы;
Пусть вас *фанатиками* чтут.

Для вас ли критики законы?
Нет, нет; раскол вводить пора!
Хвала вам, русские Гугоны!¹
Гилье — романтики, ура!

<1824> Не... Рол...

---

¹ Новейший французский романтик, которого стихотворения точно такого покроя, какой принят за образец в нашей романтической швальне.

ОДА ЕГО СИЯТ <ЕЛЬСТВУ >
ГР < АФУ > ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

Султан ярится.¹ Кровь Эллады
И резвоскачет,² и кипит.
Открылись грекам древни клады,³
Трепещет в Стиксе лютый Пит.⁴
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный,⁵
Строптивный и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть. —
Никак! Ты с верною супругой⁶
Под бременем Судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впряг певец.

А я, неведомый Пиита,
В восторге новом воспою
Во след Пиита знаменита
Правдиву похвалу свою.
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кушу,⁷

И да блюдут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

Примечания

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмосцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник Свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня (А. И. Хвостова), урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего Певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческа кущи,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже Великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспослет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбається ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Ипполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного Пинты.

1825

А. С. Пушкин

ВДОХНОВИТЕЛЬНОСТЬ НОЧИ

ЭЛЕГИЯ

Как сладко на коврах ленивых
Дождаться пламенных часов,
Когда сквозь занавес ревнивых
Луна глядит из облаков
На перси девы полуночи!

Ее горячие уста,
Власы, язвительные очи,
Движений робких красота —
Льют в душу жаркое волнение,
Златой привет ночной поры;
И надо мною вдохновенье
Плывет, как над землей пары!..¹

<1828>

Новизнин

КАЛЕЙДОСТИХОН
ОТРЫВЧАТЫЕ СТИХИ

№ 1. Женские

Но кто сия краса младая?
В безмолвны струны ударяя,
О арфа бардов золотая!
Воспой, мелодией пленяя.
Звуча, напевами прельщая.
Стрела в колчане боевая.
И блещет, солнце отражая,
Звезда на шлеме золотая.
Где ждет его, по нем вздыхая,
Невеста — дева молодая.
Земля отцов, страна родная,
Где расцвела — моя младая
Любовь и слава боевая.
Гробницы ветхой пыль живая!
На мшистом камне восседая.
Летит — и арфа золотая.
И роза с ландышем младая,
Вождя — Кальфона ожидаая,
И деву Сельмы уважая.
Два дня, томясь, изнемогая,
Очей дремотой не смыкая.

---

¹ Если читатели потребуют окончания, то сделайте милость, вразумите их, что оно вовсе не нужно.

Ж 2. Мужеские

На легком облаке летит.
Слеза блестящая дрожит.
И призрак девы серебрит.
И тихо девы тень парит.
Где Ата в берегах шумит.
Наследный замок мой стоит.
Звездой надежда нам блестит;
За милым призраком манит.
Светило дня нас в счастье зрит,
Могильный дерн наш серебрит.
Пес верный цепью не бренчит.
К нему навстречу не спешит.
Весь гневом пышет и кипит.
Схватил свой *пятигласный* щит.
В пещеру к деве он спешит,
Багряной кровию покрыт.
К вождю ей милому спешит.
Знакомый рог, знакомый щит.
Свет из очей моих бежит.
Воды! воды! мне грудь томит.
Бойца ей милого поит
И с страхом на него глядит.
Как монумент, что бременит,
Над прахом милым ей стоит.
Лишь дико взор ее блестит.
Она, казалось, будто спит.
В своих мечтаньях сонных зрит.

Ж 3. Имена собственные

Как лилья при водах Любара,
О дочь прелестная Сальгара!
Как пали витязи Эрина,
Как цвет любви Эвираллина.
То сын прелестный Турлатона,
С полей кровавых Иннистона.
Звезда прекрасная Эрина;
Сальгара дочь Эвираллина.
Кальфон прелестный, друг Фингала,
К брегам катится Иннифала.

Венчавших славой Иннифал.
Соперник верный мой Гидал.
И дева милая Эрина,
Сальгара дочь Эвираллина.
Где, где она, Эвираллина,
Краса пустынная Эрина?
Я видел сына Рельдурата,
Неумолимого Комлата.
Как роза пышная Эрина,
Люблю тебя, Эвираллина.
Зовет могучего Комлата
И сын отважный Рельдурата.
Опять невеста я Кальфона,
Ты спас меня, сын Турлатона.
То кровь — кровь сына Рельдурата,
В пыли простертого Комлата.

№ 4. Модные затычки

Несись к долине погребальной.
Там всё, о друг, чем сердце дышит.
Призывный славы голос слышит.
Уж день желанный *привечает (!)*
И гроб и саван погребальный.
Пируем, нектар пьем кипучий.
Везде всё тихо, пусто, мнится.
Предвестник бедствия немой.
И чаши звонкие кипели
Багряно-пенистым вином.
И что-то грозное свершилось.
Завеса тайн пред ним сквозна!
И ярко теплилась лампада.
И старец был — весь упованье.
И был весь трепет и вниманье.
И с тех, мой сын, *заветных* пор.
Остервенение в чертах.
Шатается (!) и упадает.

<1825>

Н. Г.
<Н. И. Греч>

**ФИТИЧЕСКАЯ ИГРУШКА, ОТЫСКАННАЯ В СУНДУКАХ
ПОКОЙНОГО ДЕДУШКИ КЛАССИЦИЗМА. ИЗДАННАЯ Н. М.**

En faveur du badinage
Faites grace à la raison.

*Beaumarchais.*¹

Последователи новейшей философии признают человека представителем мира физического. В этом двуногом животном, занимающем особую свою не более пятидесяти четырех кубических футов, отыскивали гг. любомудры сокращение, или лучше сказать, краткое содержание, оглавление всего мироздания. Мудрено! однако, быть может, это очень справедливо. Но если *бесконечность* могла уместиться в моей ограниченной корпуленции, то почему вечность не найдет себе представительницы в моем временном бытии? Не пугайтесь, благосклонные читатели! и благоволите дождаться конца. Я отнюдь не намерен утомлять вас философическими трактациями о предметах непостижимых. Сообразно с потребностями нашего просвещенного века, я не мог приступить к делу без предварительного умствования, естественным последствием коего было то, что я зафилософствовался и наконец, говоря просто, *заврался*. Я думаю, что это простительно смертному. Мимоходом, и никому не в обиду будь сказано, по прочтении иного многоготовного Курса любомудрия, здравомыслящий человек невольно изложит свое мнение о сочинителе, повторением коренного русского глагола, выше сего курсивом напечатанного. . . Со всем тем, я никак не могу отстать от счастливой мысли, что жизнь одного человека заключает в себе целую историю нравственного мира. Это можно доказать: в чем состоит жизнь человека? Сначала он не иное что, как бессильное существо, невнятными криками или ангельскою улыбкою изъясляющее приятные или горестные ощущения; потом делается младенцем и прелестным лепетанием показывает, что он начал уже знакомиться с окружающими его и с потребностями жизни; там — отрок, которого мучат над учением и который беспрестанно озирается, выскивая средства

---

¹ Ради шутки будем снисходительны к разуму. *Бомарше* (франц.).— *Ред.*

бросить скучное учение и заняться игрушками; за сим следует юноша, начинающий воспламеняться любовью к жизни и стремящийся к деятельности; далее — муж, в полном смысле пользующийся жизнью, и наконец старик, который не в силах сам творить и живет воспоминанием прошедшего. Что же он делает? Судит и рядит, а нередко бранится. У него много опытности, да мало силы. Он хотел бы всех переучить, но не многие его слушаются. Между тем как он ворчит или читает длинные рацеи, младенцы играют, отроки резвятся, юноши что-нибудь затевают, а люди зрелые трудятся и действуют. По мнению старика, все они ошибаются, все они грешат, и проч. и проч. и проч.

Невзирая на все это, мир идет своим чередом; новое поколение заменяет прежнее, и каждый возраст имеет свои занятия, сопряженные с удобствами и недостатками. Надеюсь, что благосклонные читатели сознаются в истине сказанного мною.

Применим теперь это краткое изображение жизни человеческой к которому-нибудь отделению истории мира нравственного. Для примера возьмем словесность, которая неоспоримо есть жизнь драгоценного дара слова. У всех народов ее бытие одинаково. Сначала — простой разговор, едва достаточный для означения главнейших подробностей общежития; за сим — легкие песенки и прибаутки, выражающие веселость; там изучение правил условных и даже скучных; далее первые опыты, отзывающиеся какою-то прелестною свежестию; потом — необычайная деятельность в различных родах; наконец Критика, брюзгливая, бранчливая, ничем не довольная и все порицающая. Сим оканчивается поколение Словесности, долженствующее заместиться другим. Не ясно ли, благосклонные читатели, что литература также имеет свои возрасты: младенческий, отроческий, юношеский, мужеский, старческий и, наконец, дряхлый, почти равный с младенческим. Так, почтенные современники! Все имеет свою пору, яко же и человек. Прадедушка умирает, дедушка доживает свой век, а между тем внуки начинают наслаждаться жизнью и, нарядившись для забавы в длинный дедушкин камзол, делают игрушку из почтенного костюма, который, во дни оны, может

быть, употреблялся токмо в важнейших и торжественнейших случаях.

Не то ли самое ныне делается у нас в литературном мире? Разберите сами, почтенные читатели, и вы найдете, что у всех просвещенных народов словесность устарела, лишилась прежних сил и не в состоянии довольствоваться своими трудами новейшее поколение умов, алчущих пищи, паче волков гладных. Посмотрите, что делают теперь ученейшие общества? За множеством потребителей и за недостатком производителей, они обязаны посылать за литературным товаром в Персию, в Индию и в Китай. Нечего греха таить! Одни переводы с восточных языков кое-как питают европейскую словесность. А дряхлый дедушка Классицизм побранился, поворчал и, как уверяют, изволил скончаться. Есть ли прок в его наследнице, спросят меня? Не знаю, и не мое дело разбирать! Довольно, если я убедил почтенных и снисходительных читателей в том, что классическая литература, при всем уважении, нами питаемом к ее заслугам,— за старостию лет получила увольнение. Следовательно, гардероб почившего деда годится на забаву малолетним внукам. Имею честь представить в сей небольшой книжке первый опыт пиитической игрушки, заимствованной из поношенного убранства, оставшегося после высокопочтенного и вечная памяти достойного Классицизма, царство ему небесное! Покойник любил меру, точность, определенность и соблюдение правил, им установленных. Насчет мыслей ярких, живости действия и всего, что составляет жизнь поэзии, дедушка не был чрезмеру взыскателен и прощал многое. . . Были бы стопы и рифмы, и все хорошо!

Правда, злые люди, кошуны, насмешники, зубоскалы и проч. говорят, что нередко внуки, литературные новички, бывают подвержены греху, постигнувшему дедушку на исходе жизни. Утверждают, что нововыезжие рыцари романтизма, часто и очень часто, нанизывают стих за стихом, не заботясь о мыслях, и таковой набор виршей выдают в виде поэтических произведений, плодов отуманенного и глубокомысленного вдохновения; говорят даже. . . чего не скажут злые люди! . . . говорят, что можно составить обильные запасы для романтических поэм.

набравши несколько тысяч гладких четырехстопных стихов, что, выбирая оные наудачу и пригоняя рифму к рифме, легко можно состряпать романтическую поэму, а что важнее, приводят даже примеры подобных произведений... Но злословие не мое дело. Романтики могут сочинять, что им угодно; я предлагаю публике игрушку, заимствованную из блаженных времен Классицизма. А в чем она состоит? Сейчас поясню.

Кому из читателей не известно, что, невзирая на равнодушие прекрасного пола к словесности, дамы и девицы нередко просят кавалеров доставить им стихов? На какое употребление? Неведомо! да и разведывать не нужно, если дамы не сказывают!.. Но мы... так и быть!.. откроем этот невинный секрет! Слушайте, почтенные читатели! Благодаря нашему просвещению девицы, или, когда угодно, барышни древней столицы, стараются украшать себя талантами, которые в мире нравственном суть то же, что телесная красота в мире физическом. Наши дамы и барышни не ездят на курсы химии и экспериментальной физики, по примеру лондонских леди; также не следуют они моде парижских красавиц, которые исправно ездят на лекции восточных языков; у нас прекрасный пол более занимается тем, что для него прилично, а именно цветками образованности: музыкою, рисованием, танцеванием и тому подобным. Естественным образом наши дамы и барышни охотнее знакомятся с теми кавалерами, которые обладают вышеупомянутыми талантами, нежели с учеными-археологами, филологами и всевозможными *логами*. Учтивый кавалер, имеющий маленький голос (хоть бы такой, как у К. П. И. Ш-ва, о чем и было напечатано), умеющий взять на фортепьяно аккорды *in C-dur* и *in G-dur*,¹ пропоет французский романс или куплетец из нового водевиля. Дамы скажут: *comme il est aimable!*..² Какая лестная награда! Это естественным образом воспламенит гений нового Орфея, и он, не довольствуясь чужими произведениями, составит новую, собственную чувствительно-трогательную мелодию романса, который и посвятит юной

---

¹ В до-мажор и соль-мажор (франц.).— *Ред.*

² Как он любезен (франц.).— *Ред.*

красавице!.. Но вот беда! музыку мы сочиняем мастерски, только стихов не умеем кропать. А романс без слов — как невеста без жениха!.. Прелестной девушке хотелось бы пропеть *дедшированный* ей романс; но что же выговаривать? Неужели *do, mi, fa, re*¹ и проч., называя неодошевленные ноты? или рыться в русских книгах для приискания стихов? *Fi donc!*² У наших барышень есть другое средство. Один кавалер поет маленьким голоском и умеет взять на фортепьяно несколько аккордов; другой кавалер занимается литературою и даже напечатал статью в журнале. Сего последнего можно попросить с ласковою улыбкою, чтобы он написал хоть восемь стихов или один куплет для романса. Как тут отказаться? Но, по несчастию, прелестная улыбка не всегда воспламеняет гиперборейский гений наших писателей. А стихи должно написать экспромтом. Что делать в таком случае? Воспользоваться предлагаемою мною книжкою. Вот наставление.

Учтивый, любезный, *aimable*³ кавалер на просьбу красавицы ответит: «Я не знаю!.. позвольте... я подумаю...» — «Напишите что-нибудь», — скажет нетерпеливая Грация. — «Я сегодня как-то не в духе, однако, в угодность вашу, я напишу. С тем уговором, чтобы мне никто не мешал!» И вот красавица поведет кавалера в свой будуар, поставит перед ним миниатюрную бронзовую чернильницу, положит тетрадку атласновидной бумаги и запрет дверь. Кавалер осмотрит, не спрятались ли кто-нибудь в комнате, вынет из бокового кармана предлагаемую книжку и металлические косточки; бросит... число, положим, вышло 10, и вот на листочке, назначенном для первой строки, он находит стих: *О ангел кроткий, ангел нежный!* Вот и начало! Бросит кости еще раз; на следующем листке готова вторая строка. И так дале, до четырех или восьми стихов. Книжка и косточки спрятаны, куплет написан и подан милой девушке с обыкновенным приветствием: «Извините, в такое короткое время я не мог лучше написать!..» Куплет пропет, слова

¹ До, ми, фа, ре (итал.). — *Ред.*

² Фу, как стыдно! (франц.). — *Ред.*

³ Любезный (франц.). — *Ред.*

подходят к музыке, суть одинакового достоинства с мелодиею будуарного Орфея, и красавица от души благодарит учтвого поэта. Какая же мысль заключается в куплете, спросят меня? Никакой, отвечаю я с низким поклоном. Есть мера, стопы, сочетание рифм и страстное изъяснение в любви. Более ничего не нужно. Таким образом писали в классические времена. Но ежели другой учтвый кавалер сочинит сим способом куплет и попадет на те же самые стихи? — Невозможно! Всегда будет разница; читатели могут попробовать и убедиться в истине сказанного мною. Легко станется, что одинаковый стих вкрадется в знаменитое произведение. Но это не беда! Карл Нодье недавно издал книжку на французском языке,¹ в коей доказывает, что величайшие писатели заимствовали друг у друга. Итак, сочинитель куплета по моей системе, увидевши другой подобный куплет с одним и тем же стихом, должен только справиться: кто прежде написал? Если он сам написал ранее, то имеет полное право сказать, что его антагонист похитил его мысль.

Если этот первый опыт классического производства будет благосклонно принят публикою, то я не премину издать подобные сему руководства для сочинения классических трагедий, которые вообще не нуждаются в действии. Смело можно будет ручаться, что в трагедиях, сим способом написанных, сохранятся не только три, но даже десять единств. А это самое важное условие!

Спасибо дедушке Классицизму! покойник оставил чем позабавиться внучкам.

Весьма нужное примечание. В сем небольшом собрании читатели найдут четыре куплета или четверостишия. Предупеждаем их, что первые три могут быть посвящены ирисам и хлоям, а последний есть жертва Вакху. По сей причине мы просим гг. кавалеров быть осмотрительными и не вписывать ошибкою четвертого куплета в альбомы дам. Неучтиво было бы объявлять красавице, что ее прелестям предпочитают бутылку вина!..

---

¹ Смотри: Question de littérature légale par Charles Nodier. 1828. <«Вопросы судебной литературы» Шарля Нодье. (франд.).— *Ред.*>

Для первого куплета

ПЕРВАЯ СТРОКА

№

- 2 О ангел милый мой, бесценный,
- 3 Любезный друг нелицемерный,
- 4 О бог души моей, бесценный,
- 5 Друг сердца верный, друг примерный,
- 6 О милый ангел, друг мой верный,
- 7 О друг единственный, примерный,
- 8 Любезный, милый друг, бесценный,
- 9 О друг души, друг драгоценный,
- 10 О ангел кроткий, ангел нежный,
- 11 Единственный мой друг, примерный,
- 12 О ангел сердца, друг бесценный,

ВТОРАЯ СТРОКА

№

- 2 Могу ль тебя я не любить?
- 3 Могу ли без тебя я жить?
- 4 Могу ль тебя я позабыть?
- 5 Могу ль тебе я изменить?
- 6 Как без тебя мне в свете жить?
- 7 Где мне печаль свою сокрыть?
- 8 Как чувства мне свои таить?
- 9 Где мне мучение сокрыть?
- 10 Любовну страсть могу ль таить?
- 11 Где, где тоску мою сокрыть?
- 12 Могу ли я тебя забыть?

ТРЕТЬЯ СТРОКА

№

- 2 Навек с тобою разлученный,
- 3 Разлукою с тобой сраженный,
- 4 С тобой навеки разлученный,
- 5 В стране, в стране ты отдаленной,
- 6 Разлукой горестной сраженный,
- 7 Разлукой злобной пораженный,
- 8 Страдать в разлуке осужденный,

- 9 Разлукой в сердце пораженный,
- 10 С тобой разлукой угнетенный,
- 11 Разлукой злой обремененный,
- 12 Стенать, томиться осужденный,

ЧЕТВЕРТАЯ СТРОКА

№

- 2 Я должен вечно слезы лить.
- 3 Могу ли слезы я не лить?
- 4 Могу ли я спокоен быть?
- 5 Знать, рок судил мне слезы лить?
- 6 Я вечно буду слезы лить.
- 7 Злой рок, престань меня томить!
- 8 Спокойну можно ли мне быть?
- 9 Могу ль печаль я утолить?
- 10 Могу ли слезы осушить?
- 11 Мне суждено слез реки лить.
- 12 Я не могу покоен быть.

Для второго куплета

СТРОКА ПЕРВАЯ

№

- 2 Куда я взор ни обращаю,
- 3 Ни в чем отрады я не знаю,
- 4 Ни в чем веселия не знаю,
- 5 Нигде отрады не встречаю,
- 6 Я мысль куда ни обращаю,
- 7 Везде лишь горести встречаю,
- 8 Нигде забав не обретаю,
- 9 Ничем себя не утешаю,
- 10 Везде уныние встречаю,
- 11 Забавы я ни в чем не знаю,
- 12 Что делать мне в тоске, не знаю,

СТРОКА ВТОРАЯ

№

- 2 Всѣ, всѣ разлуку мне твердит.
- 3 Всѣ, всѣ унылый кажет вид.

- 4 Печальный всё являет вид.
- 5 Весь мир унынием покрыт.
- 6 Разлуку всё с тобой твердит.
- 7 Печалию весь свет покрыт.
- 8 Всё, всё являет мрачный вид.
- 9 Унылый всё являет вид.
- 10 Разлука сердце мне теснит.
- 11 Разлука душу тяготит.
- 12 Всё о разлуке говорит.

СТРОКА ТРЕТЬЯ

№

- 2 Томлюсь всегда и унываю,
- 3 С тоски жестокой умираю,
- 4 Всегда лишь мучусь и страдаю,
- 5 Всегда тоскую и страдаю,
- 6 В тоске всечасно пребываю,
- 7 С печали лютой умираю,
- 8 Томлюсь, страдаю, умираю,
- 9 В тоске, в печали унываю,
- 10 Всегда в мученьи пребываю,
- 11 Всечасно в горести вздыхаю,
- 12 Тебя всечасно вспоминаю,

СТРОКА ЧЕТВЕРТАЯ

№

- 2 Где ангельский твой взор сокрыт?
- 3 Где взор твой от меня сокрыт?
- 4 Где образ твой бесценный скрыт?
- 5 Странанье душу мне томит.
- 6 Ничто меня не веселит.
- 7 Всё без тебя меня крушит.
- 8 Где, милая, твой взор сокрыт?
- 9 Душа моя к тебе летит.
- 10 Душа моя тобой горит.
- 11 Всё без тебя меня томит,
- 12 Ничто души не озарит.

Романс

СТРОКА ПЕРВАЯ

№

- 2 Любезная! услышь глас страстный,
- 3 Услышь стенание всечасно,
- 4 Любезная, в тоске всечасно,
- 5 О милая, томясь всечасно,
- 6 Услышь, любезная, вздох страстный,
- 7 О милая, услышь стон страстный,
- 8 В тоске, о милая, ужасной,
- 9 В отчаяньи своем всечасно,
- 10 О милая, в тоске всечасно,
- 11 Услышь, о милая, глас страстный!
- 12 В печали лютой и ужасной,

СТРОКА ВТОРАЯ

№

- 2 Твой друг одной тобой живет,
- 3 Ах, твой любовник слезы льет,
- 4 Тебя друг верный твой зовет,
- 5 Ах, друг твой горьки слезы льет,
- 6 Тебя любовник твой зовет.
- 7 Услышь, как друг тебя зовет.
- 8 Тебя друг нежный, страстный ждет.
- 9 Твой друг, твой друг тебя зовет.
- 10 Любовник твой ток слезный льет,
- 11 Узри, как друг твой слезы льет,
- 12 Тебе друг верный знать дает.

СТРОКА ТРЕТЬЯ

№

- 2 Не видя образ твой прекрасный,
- 3 Не видя близ себя прекрасной,
- 4 Тебя не видя, он, несчастный,
- 5 Он без тебя, увы! несчастный,
- 6 Узнай, что без тебя несчастный,
- 7 Не видя ангела прекрасна,
- 8 Твой взор не видя он прекрасный,

- 9 Не зря твой образ, он, несчастный,
- 10 С тобой расставшись, несчастный,
- 11 В разлуке горестной с прекрасной,
- 12 Не видя в горести прекрасной,

СТРОКА ЧЕТВЕРТАЯ

№

- 2 Ни в чем отрады не найдет.
- 3 Конечно, без тебя умрет.
- 4 В отчаяньи он жизнь прервет.
- 5 Отрады в жизни не найдет.
- 6 Он от мучения умрет.
- 7 Плачевну жизнь свою прервет.
- 8 Жизнь безотрадную прервет.
- 9 Отрады в мире не найдет.
- 10 Нить жизненную пресечет.
- 11 В мученьи бедственном умрет.
- 12 Свою, свою жизнь пресечет.

Песнь Вакху

для первой строки

№

- 2 Не хочу в плен попадаться,
- 3 Перестану я влюбляться,
- 4 Не хочу уж я влюбляться,
- 5 Глуп тот, хочет кто влюбляться,
- 6 Плохо в плен любви попадаться,
- 7 Брошу о любви стараться,
- 8 Пользы нет с любовью знаться,
- 9 Нет приятности влюбляться,
- 10 Полно охать, сокрушаться,
- 11 Нету прибыли терзаться,
- 12 То ли дело не влюбляться,

ВТОРАЯ СТРОКА

№

- 2 Нету пользы милым быть;
- 3 И тоской себя томить;

- 4 И с ума всегда сходить;
- 5 И унылым в свете жить;
- 6 И смешным пред всеми быть;
- 7 Негу прибыли любить;
- 8 И украдкой слезы лить;
- 9 Глуп, кто хочет милым быть;
- 10 Полно плаксою мне быть;
- 11 И в уныньи век свой жить;
- 12 Одному спокойней жить.

СТРОКА ТРЕТЬЯ

№

- 2 Надо от любви скрываться,
- 3 Женщин надо удаляться,
- 4 Чтобы с носом не остаться,
- 5 Чтоб оленем не казаться,
- 6 И покоем наслаждаться,
- 7 Лучше с Бахусом сражаться,
- 8 Женщин надобно бояться,
- 9 И чтоб плаксой не считаться,
- 10 Чтоб красоткам не попасться,
- 11 Чтоб с покоем не расстаться,
- 12 Чтобы счастьем наслаждаться,

СТРОКА ЧЕТВЕРТАЯ

№

- 2 Лучше вкруговую пить.
- 3 Надобно любовь забыть.
- 4 Купидона уморить.
- 5 Сердце надо усыпить.
- 6 Модным мужем чтоб не быть.
- 7 Лучше мизантропом слыть.
- 8 Лучше пьяницей прослыть.
- 9 Лучше в погребѣ прожить.
- 10 Надо твердость в душу влить.
- 11 Лучше пить! и пить! и пить!
- 12 Надо страсть вином залить.

1829

ЭПИГРАММА

Шалун, Гораций наших лет,
О милый баловень досуга!
Ты позабыл поэта-друга,
Душесутильный поэт.

О <Баратынский>! Ты поэт,
И я поэт, мы все поэты.
Ты среди волн туманной Леты
Не утонул, поэт-атлет!

<1830>

<Н. А. Полевой>

НАСТАВЛЕНИЕ СТИХОТВОРЦУ, КОТОРОМУ ПОРУЧЕНО БЫЛО НАПИСАТЬ НАДГРОБНУЮ ДЛЯ НЕКОТОРОЙ ОСОБЫ

Зачем ты голову ломаешь
Над эпитафией своей!
Помилуй! неужель не знаешь,
Что написать прилично в ней? ..
Пиши, любезный, без разбора:
«Супруга генерал-майора,
На свете столько-то жила;
Пришла к ней смерть,— она без спора
И брани с нею — умерла».
Прибавь: «Покойница была
Весьма добра, благочестива,
Неприхотлива, неспесива;
Давала всем, кому могла,
Сребро, бумажки, даже злато;
Жила открыто и богато».
А в заключение скажи:
«Прохожий добрый! потужи:
Всё, всё могилой будет взято;
Надежду на земное кинь.

Аминь».

<1831>

ДЕВИЦА-ГАСТРОНОМКА

РОМАНС

(На голос: Je vous aime tant etc.)¹

Ботвинью я всегда хвалю;
Селянку ем без принужденья;
Уху я также страх люблю:
Зреть не могу без умиленья!
Кишки ко шам, бараний бок,
Крупую с маслом начиненный,
И доброй ветчины кусок —
Суть три предмета несравненны!

Пирог любимый мой есть тот,
С трудом в руках несут что трое;
Когда кладу кусочек в рот,
Насытились бы оным двое.
Про пирожки что вам сказать?
Они пяткáми исчезают,
Но чем меня б им насыщать,
Они лишь голод возбуждают.

Из рыб осетр меня пленил,
И чту его я всей душою;
Однако ж мне и угорь мил:
Хоть мал, да виден он собою.
Налим, ерш, лóсось, лещ, судак,
Как ноль пред важной единицей,
Они ничтожны точно так
Пред стерлядью — своей царицей!

Горох, щавель, редис, шпинат,
Морковь с турецкими бобами,
Капусту, спаржу, кресс-салат —
Всё, всё считаю пустяками.
Черкасский бык! Тебя пою,
В тебе зрю мира совершенство!
Ты услаждаешь жизнь мою!
И мыслить о тебе — блаженство!

---

¹ Я вас так люблю и т. д. (франц.) — *Ред.*

В жарком и поросенок мил,
Когда ему второй годочек;
Но тот блаженства не вкусил,
Не кушал кто телячьих почек.
Еще скажу: хоть у меня
Желудок самый уж девичий,
Но каждый день охотно я
Готова съесть штук пять из дичи.

Вы, слыша песнь сию, друзья,
Помыслите, что я здорова?
Нет! разуверьте в том себя:
Судьба ко мне весьма сурова!
Конечно, так я создана,
Что мне обед хороший нужен;
Зато окрошка, ветчина,
Индейка, гусь — вот весь мой ужин!

<1831>

Аграфена Любоедова

БАЛЛАДА

Замок Альфа чудесами
Был издревле знаменит:
Домовыми и чертями
Снизу доверху набит.

Там в подвалах, в подземелье,
На высоких чердаках
Писк и визг — чертям веселье;
Людам горе, людам страх!

Были рыцари лихие:
Подходили к воротам,
Но не дале: духи злые
На часах стояли там.

Вмиг в бесовский рог ревели,
Поднимался стук и вой...
Так что рыцарь еле-еле
Ноги уносил домой.

Наконец судьба героя
В замок Альфа привела;
Не Ринальд, не Ивангое —
То Филатьевна была!

Витязь дюжий, витязь бравый!
Что за голос? что за вид?
За сто верст гремела славой:
Рот разинет — всё бежит!..

Скрылось солнце за горою,
Всё утихло... полночь бьет;
Вот Филатьевна с метлою
К замку страшному идет.

В эту ночь был в замке праздник;
Ведь недаром говорят:
Сатана большой проказник;
Пляска шла у чертенят.

Вдруг Филатьевна в ворота
Хлоп могучим кулаком!..
Всем чертям пришла работа,
Поднялся по замку гром.

Воротá с крюков слетели
От ужасного туза!
Черти, струся, одурели:
Встали, выпуча глаза.

Тут налево и направо,
И назад, и пред собой
Начал витязь смелый браво,
Как мечом, махать метлой.

Битвы страшная картина:
Здесь бесенок без хвоста,
Там без рог, у этих мина
Так кисла, как бы с поста.

Позабыли черти пляску:
Плохи, плохи их дела;

И Филатьевна им таску
Мастерскую задала.

Замок с той поры в покое,
Тих, в развалинах стоит;
Но там слава о герое,
О Филатьевне, гремит.

<1831>

Ш.

ХЛОЕ

<МАДРИГАЛ ПОЭТА МЫСЛИНСКОГО>

О Хлоя милая! зачем желать венцов,
И славы, и побед, слезами окропленных?
Нст! я не приведу к стопам твоим рабов,
Не приведу к тебе героев, мной плененных:
Тобою побежден, тобой плененный сам,
Я тихую мою и счастливую долю
За блеск, и почести, и славу не отдам
И воле предпочту блаженную неволю!

<1831>

<Н. А. Полевой>

<МОНОЛОГ ИЗ ТРАГЕДИИ МЫСЛИНСКОГО «АРТАКСЕРКС»>

Камбиз, принц Индийский, приведен в цепях перед тирана.

И ты помыслить мог, что смелою дугой,
Тиран! я преклонюсь, робея пред тобой?
Что, трепеща угроз, что, устрасаясь смерти,
Я славу и любовь в душе возмог бы стерти?
Нет, нет! скорей падет во прах моя глава,
Чем душу устрашат твои, злодей, слова!
Могила славная — славнее, чем корона,
Подобная твоей. И чести и закона
Рушитель, хищник, враг и бога и людей,
Внимай упрек моих бестрепетных речей.
Меня, на смерть тобой, на гибель обреченна,
Со славой вознесет пространная вселенна;

А ты, на троне раб страстей и тяжких дум,
Исчезнешь так, как ветер Аравии самум,
В пустынях гибелью полет свой означая
И память о себе проклятьем оставляя...

<1831>

<Н. А. Полевой>

**ОДА НА СВИРЕПСТВОВАВШУЮ
В МОСКВЕ БОЛЕЗНЬ, ХОЛЕРУ**

От стран Гангеса отдаленных,
От дальних Индии морей,
Горящим Югом возмущенных,
Явилась — бич, гроза людей...

(и так далее — 102 строфы)

<1831>

<Н. А. Полевой>

ЭПИГРАММА

(ЭКСПРОМТ ПОЭТА ТАЛАНТИНА)

Корчи харю филосóфа,
Сухопарый критик мой!
Я молчу — в ответ ни слова;
Но разделаюсь с тобой!
С длинноухими ослиами
Нас дубина разочтет,
И с тобою не стихами —
Палкой кончу я расчет!

<1831> <Н. А. Полевой>

ВОСПОМИНАНИЯ

(СТИХИ ПОЭТА ГРОШЕВИКОВА)

Безумства юного бескрылые желанья,
Мечта минувшего, тяжелый думы след,
Мои бывалые, живые бушеванья,
Страстей и призраков давно заглохший цвет,

Обман надежд моих, и славы обольщенья,
Любви, вина и слез живые наслажденья,—
Вас нет, давно вас нет!

<1832>

<Н. А. Полевой>

КАЛМЫЦКИЙ ПЛЕННИК
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Глава 1

Этьень и бледный и печальный,
Расставшись с Питером, летит.
Бубенчик, будто стон прощальный,
Протяжно вслух ему звенит.
«Прощай, мой Питер, Питер милый.—
Он песнь прощальную поет.—
Ах, долго, странный и унылый,
Я буду помнить бледный свод
Твоих небес — и мостовую,
Вдоль по которой я летал,
И прелесть — деву молодую,
Которой думы посвящал.
Куда несусь теперь судьбою?
В пустой, далекой стороне,
В разлуке, милая, с тобою
Какой искать отрады мне?»
Он скачет вдаль — дожди, и грозы,
И ветер, и молния, и всё
Над ним бушуют — льются слезы...
И вдаль катится колесо.
Взойдет луна и дол осветит,
И звезды в небе голубом;
Но кто его с улыбкой встретит
На поле диком и пустом!
Он в первом цвете жизни, молод;
Но ах, узнал уже любовь,
Любовь несчастную, и холод
В его душе остался вновь.
Он едет, бедный; погляди-ко,
Как он печалию томим.

И сердце пусто, сердце дико,
Как степь, которая пред ним.
Печален он — лихая тройка
Бежит, летит; ямщик пострел!
«Товарищ горести! Запой-ка...»
Товарищ горести запел:

«Ах вы, синие глаза,
Ах ты, русая коса!
Присушили, иссушили,
Загубили, уходили
Вы пострела молодца!
Я ль тебя уж не любил?
Я ль тебя уж не дарил?
Бедным сердцем не крушился,
Не метался, не мутился,
Ночь без сна не проводил?..»

<1832>

Z... Z...

<Н. В. Станкевич
и Н. А. Мельгунов>

ОПИСАНИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ Г-НА К<АРАМЗИНА>

Кажется, что вся природа брала особенное участие в свадьбе К<арамзина>; церемониал ее заслуживает внимания.

Заря утренняя начала уже красить восточное небо, и розовый свет ее сыпался на белые граниты; но солнце не выказывало еще лица своего, когда начался благовест вздохами чувствительных сердец. Он продолжался до тех пор, пока

Солнце красное явилось
На лазури неба чистого
И лучами злата яркого
Осветило рощу тихую...

В эту минуту стенания престаили, потому что она была назначена для бракосочетания. Здесь опишу я место, на котором должно было ему совершиться.

В тени липовой рощи возвышается небольшой холмик, розмаринами увенчанный. Внизу расстилаются тучные густо-зеленые, белыми, синими и красными цветочками распещренные луга, за которыми по желтым пескам журчит кристальный ручеек; далее пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые песни, сокращают тем летние дни. На верьху холмика стоит миртовая беседка с надписью: «Храм любви». В ней все просто, но все дышит любовью. Простой дерновый жертвенник, украшенный ландышами и васильками, сооружен посреди ее. На жертвеннике статуя божества, которому посвя-

щен храм сей. По стенам видны изображения Геркулеса, сгорающего от любви к Омфалии; Венеры, млеющей в объятиях Марса; Пенелопы с ее бесконечной тканью и проч. Вход стерегут два купидона с язвительными своими стрелами. Здесь-то должен был К<арамзин> получить руку своей любезной. Минута соединения их наступила,

Улыбнулось всё творение,
Воды с блеском заструилися,
Травки, ночью освеженные,
И цветочки благовонные
Растворили воздух утренний
Сладким духом, ароматами.
Все кусточки оживились,
И пернатые малюточки,
Конопляночка с малиновкой,
В нежных песнях славить начали
День, беспечность и спокойствие.

Одним словом,

Никогда в Российской области
Не бывало утро летнее
Веселее и прекраснее.

Страстные любовники выступили из мирных своих шалашей, чтоб идти ко храму; самые жители Олимпа ошастливили своим присутствием чувствительных любовников. Вот порядок их шествия:

1. Впереди Аполлон.
2. За ним 9 муз со своими атрибутами.
3. Невзнузданный Пегас.
4. Три Грации.
5. Игры, смехи и веселости, с корзинами фиалок и незабудочек, которыми усыпали путь любовников.
6. Новобрачные в белых одеждах с распущенными по плечам волосами и препоясанные розовыми гирляндами.
7. Вторая половина игр и смехов.
8. Три купидона, навьюченные творениями жениха.
9. Марш заключался толпою чувствительных писателей разных лет и состояний, с заплаканными глазами, с воздымающеюся от вздохов грудью и с белыми платками в руках.

В таком точно порядке пришла процессия в храм, где жрец природы, в одежде небесного цвета, ожидал их. На правом крылосе пели соловьи, а на левом — желтобокие чижечки.

Обряд бракосочетания

Новобрачные имели в руках по букету ландышей. Жрец природы, предшествуя им, пел с обоими ликами следующий псалом с припевом «Лишась способности грешить»:

И другу, недругу закажем
Кого-нибудь в соблазн вводить;
Лишась способности грешить,
Прямым раскаяньем докажем,
Что можем праведными быть,
Лишась способности грешить.
Отныне будет всё иное,
Чтоб строгим людям угодить,
Лишась способности грешить.
Мужей оставим мы в покое,
А жен начнем добру учить,
Лишась способности грешить.
Среди собраний светских будем
Ругать как можно больше свет,
Лишась способности грешить.

После сего жрец природы говорил краткое поучительное слово следующего содержания:

«Именем природы заклинаю вас любить друг друга; именем Той, которая велика в треске громов и бурь, в дыхании зефира и реве борей». (В это время сильно подул ветер.)

По окончании же слова жрец спросил:

«Кроткий юноша! хочешь ли ты соединить судьбу свою с судьбою этой прекрасной девицы?» — На что К<арамзин> отвечал:

«Чином я не генерал
И богатства не имею,
Но любить ее умею!..»

Потом жрец вопрошал о том же и невесту.

Тут прекрасная вздохнула,
На любезного взглянула
И сказала: «Я твоя!..»

После того жрец читал следующие воззвания к купидону:

Жрец

Природе помолимся!

Лик

Мать любезная, помилуй!

Жрец

Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою.
Бог коварный,— купидон,
Ядовитою стрелою
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон:
Мудрых мудрости лишаешь.

И паки другие воззвания к природе.

Жрец

Природе помолимся!

Лик

Мать любезная, помилуй!

Хор

Священная природа!..
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;
Твои дары благие
Украсили ее...
Природа! ты хотела,
Чтоб я ее любил...

По окончании воззваний две горлицы принесли венки для новобрачных, которые жрец принял у них и, возложив на них, говорил:

Сплетенный вам венок из белых тубероз,
Из свежих ландышей, из юных алых роз,
Для вас одних сплетен он чистою рукою.

Также прокимен, глас I:

Простите, скромные диваны,
Свидетели нескромных сцен!..

Стих к Д.:

Простите, хитрости, обманы,
Беда мужей, забава жен!..

И чтение — Апостол:

«К другу моего сердца, единственному, бесценному послания чтение».

«Мы живем в печальном мире, и кто имеет друга, тот пади на колени и благодари вездесущего! Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель; но человек имеет утешение — любить! Сладкое утешение!.. любить друга! любить добродетель!.. Любить и чувствовать, что мы любим!..»

Любезная! сии две слезы, которые выкатились из глаз моих, тебе посвящаю!

Н. В. Апостол читала Любовь-Малиновка. Также Аллилуия и чтено Евангелие:

«Ты молчишь, прекрасная!.. пожимаешь руку мою и слезы блистают в черных глазах твоих. Ах! они каплют на мое сердце, подобно перлам небесного дождя, падающим сквозь солнце; белый флёр подымается на груди твоей! Сердца наши разумеют друг друга. И я также могу плакать вместе с тобою... Вот слезы мои!..»

Абие малая ектения, и Грации приносят чашу с слезами чувствительности. Жрец природы подносит ее трижды, сперва мужу, а потом жене, в которую нежные их сердца прибавляют еще по несколько капель сего небесного дара. Грации отдают чашу зефирам, которые и относят ее во святилище.

По сем жрец ведет их вокруг жертвенника и поет настоящие тропари, а за ним и оба лика:

Тропарь, глас А. Вместо «Исаия, ликуй»:

«Пора, друзья, за ум нам взяться:
Беспутство кинуть, жить путем:
Не век за бабочкой гоняться,
Не век быть резвым мотыльком!»

Иной тропарь, глас Д. Вместо «Слава тебе» и проч.:

«Какой закон святее
Врожденных сердца чувств?

Какая власть сильнее
Любви и красоты?»

Иной тропарь, глас 2. Вместо «Святити мученицы»:

«Я не волен,
Но доволен
И желаю пленным быть.
Милы узы
Ваши, музы,
Их не тягостно носить!»

Музы сняли с них венки. Аполлон и вся процессия приветствовали их. А жрец говорил еще краткое поучение:

«Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно менее страдать».

Новобрачные, будучи ревностные последователи своего исповедания, читали после сего акафист природе, с припевом:

«Мать любезная природа, улыбнись»,

по окончании которого жрец, благословив их, учинил обычный отпуск. Страстные любовники повторили клятвы свои уже в шалашах своих и, запечатлев их пламенными поцелуями, наконец

Небо на земле вкусили!!!..

НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
    Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
    И Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
Как ржанье звучное усталого коня!..
О небо! со слезой к тебе подъямлю очи
И, бранный, не могу не спросить тебя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно
И счастье в вине напрасно находить?
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно,
    А нам с худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать вожжею;
Не будешь лошадей бить плетью своею
И, усом шевеля, по-русски их бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
    Глас молодецкий не прольется,
И путник от тебя уж не зажмет ушей,
    И при сияньи фонарей
Уж визг форейтора тебе не отзовется,
И ах! Кузминишна сквозь слез не улыбнется!
Умолкло всё с тобой! Кухарки слезы льют,
Супруга, конюхи венки из сена вьют,
    Глася отшедшему к покою:
    «Когда ты умер,— черт с тобою!»

Между 1814 и 1817

А. Дельвиг

ЭПИТАФИЯ

Любовь любовью пленилась
И с Душенькой соединилась,
А эта Душенька от душечки родилась,
И сердце наконец
Без сердца для сердец
Их связно связь изобразило,
Читатель! что ж бы это было?
Кто отгадал? Спрошу вас я...

Галиматья!

1803

И. И. Дмитриев

ШАРАДА

«Шарады трудно сочинять!» —
Лизета мне вчера сказала.
И что ж? сама же приказала
Как можно поскорей шараду написать.
Однако ж я сказал: «Не слушаю ни слова!»
Вот вам, сударыня, шарада и готова.
«Готова? так извольте прочитать!»
Любимец юга и природы
Уж верно б *два* мои вам первые сказал;
Поверите ль, что то же на народы,
Карая их, всеильный насылал;
А чтоб *конец* вам изъяснить скорее:

Когда ложусь я спать, чтоб было мне теплее,
Как чепчик я его изволю надевать.

Теперь лишь *целое* осталось,
Легко его на карте приискать;
Оно толпа, что в Азии скиталась.

Довольно! думайте — чтоб не пришлось сказать:
А крышка ларчика ведь просто открывалась.

<1824>

И. Киювский

<ПЕСЕНКА ЭРАСТА ЧЕРТОПОЛОХОВА>

Клюйте, галки!
Я не сержусь;
Рву фиалки,
Вас не боюсь!

Я поэт сиятельный,
Я поэт утех,
Песенкой вздохательной
Трогаю я всех.
Я пою, как Филомела;
Я пою красу весны,
Розы, слезы, грезы, сны;
Лира мне не надоела.

Клюйте, галки!
Я не сержусь;
Рву фиалки,
Вас не боюсь!

Журналист взыскательный —
Враг моих стихов;
Всем доброжелательный,
Я люблю врагов.
Не сержусь на эпиграммы;
Я невинен и игрив:
Я доволен, я счастлив,
Коль меня читают дамы!

Клюйте, галки!
Я не сержусь;
Рву фиалки,
Вас не боюсь!

Я стихами, прозою
Утешал сердца,
И дарили розою
Милого певца.
Пусть поэт богатый
Лавров ждет от пиерид;
Жду веночки от харит —
Из калуфера и мяты.

Клюйте, галки!
Я не сержусь;
Рву фиалки,
Вас не боюсь!

<1831>

ПРЕЛЕСТА

Содержание: мать Прелесты перед смертью своею обещала выдать ее за Любезина, в которого и сама Прелеста влюблена; отец желает выдать Прелесту за Мерзона и для бракосочетания привез ее на ярмарку. Трагедия оканчивается тем, что Любезин заколол своего соперника и взят под стражу.

Я В Л Е Н И Е 1

Прелеста и Груша.

Г р у ш а

Какое зрелище! как души тронет сильно!
Средь ярмарки, где столь народу изобильно,
Куда все съехались для танцев и игры,
От вашей свадебки умножатся пиры,
И наша улица от плошек озарится.

П р е л е с т а

Нет, Груша! никогда сей брак не совершится,
Стаканчиков, свечей и плошек яркий свет
Покинет вечного девичества обет
И будет лишь зарей желанного спокойства.

Приезд на ярмарку — последний долг покорства,
Я коим батюшке обязана была.
Но руку чтоб мою Мерзону в храм снесла
И тамо клятвою, с душою несогласной,
Я б утвердила брак, для обоих несчастный;
Сказала б, что люблю, что буду ввек любить,
Как сердце о другом не престаёт твердить,
Когда Любезина сие мне сердце страстно
Не престаёт являть повсюду и всечасно. . .
Нет, с голоду умру, повешусь я скорей,
Чем клятвою солгать пред небом и землей,
И произнестъ ее во мне не будет силы.
В обитель тихую, подобие могилы,
В деревню удалюсь. . . ах! лучше ткать и прять!

Г р у ш а

Поверьте, что нигде не покидает страсть.
Амур и по избám, как по чертогам, бродит.
Но будьте веселей, Любезин к вам подходит.

П р е л е с т а

Как страшно для меня сказать ему отказ!

Я В Л Е Н И Е 2

Те же и Любезин.

Л ю б е з и н

Прелесту вижу я! и сей свиданья час
Печален, молчалив, и нас он утомляет,
Тебя моим очам смущенною являет!
Так нет сомнения? отвергнут пламень мой?
Проститься я пришел — скачу сейчас домой
и пр.

1810-е годы

<Н. Ф. Остолопов(?)>

МИТЮХА ВАЛДАЙСКИИ
ЗРЕЛИЩЕ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Митюха, поверенный при откупах Валдайских
и Крестцовских.

Андрюшка
Елисей
Парамошка } целовальники Валдайские.

Аксюта, дочь целовальника Крестцовского.

Марфутка, ее работница.

Мишутка, батрак Митюхин.

Половой.

Присяжный, отставной капрал, без ноги.

Двое горожан.

Целовальники.

Половые.

Горожане Валдайские.

Ямщики Зимогорьевские.

Действие происходит в поле между Валдаем и Зимогорьем.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митюха, Андрюшка, Елисей, Парамошка, Мишутка,
целовальники, половые, горожане Валдайские.
Главные сидят.

Митюха

Родимые друзья! Андрюшка, Парамошка,
И ты, сват Елисей, и ты, мой кум Терёшка!
Собравшись сюда весь город наш Валдай,
Чтоб зимогорьевцам дать добрый потаскай;
Уж вот близ двух недель, слышь, с вешнего
Никола

От них все кабаки и бочки наши помы,
И лезут в них они то жабой, то ужом;
Как алчны вороны, глотают всё целком.
Приходит кончить нам грабеж их незаконный!

У зимогорьевцев смотритель станционный,
Делам всем голова, весь ям на нас вздурил
И хочет попытать он, други, наших сил;
Архипыч близко уж, и, может, как трезвонить
Начут к заутрени, он всё на нас погонит!
Но силу нашу он лишь только что узнал,
То, приуныв душой, в тоску-кручину впал,
И чрез присяжного он просит мировую.
Родимые мои, хотите ль, в круговую
Его чтоб позвал я иль взашей выгнал вон?
Хотите ль, ямщикам чтоб задал я трезвон?

А н д р ю ш к а

Так, хорошенько их!.. Сейчас же дунем в поле,
Чтоб таску им задать.— Вздуришься поневоле,
Как все они вертят, тебе наперекор.
Чей больше моего побоев принял двор?
И бачка мой и дед еще с Страшной недели
Без зуб и без бород лежат от них в постели,
И сам я, как-тово, лишь к Троицыну встал.
Иваныч-дядюшка, ты нас сюда призвал
Не с тем, чтобы точить балясы с ямщиками,
Но переведаться, ты знаешь, кулаками.
В подмогу батюшка мне дал семь батраков;
Еще ж трех удалых привез я из Крестцов
На тройке ухорской от будущего тестя;
Коли Аксюта мне суженая невеста,
Хоть в омут головой, прилажу всё к концу:
Я жду ее сюда, но уж пойду к венцу,
Когда из ямщиков сгребу кого в охапку
Да принесу домой с него кушак иль шапку.
Тово-вона-оно, калякать неча нам:
Иль нас они побьют, иль мы побьем весь ям!

Е л и с е й

Митюха верх возьмет, он удалой детина.
Хоть знаю, что у нас не будет комом блина,
Однако мне, кажись, не худо бы позвать
Присяжного сюда да мировую взять.

(Митюхе)

Ты ведашь: мир худой прочнее доброй брани;
Забудем обо всем...

М и т ю х а

Ты мелешь пусторнак.
Чтоб стал мириться я, да что я за дурак?
Пусть прежде мне они накостиляют шею,
Чем всякому чтоб я позволил дуралею
Без платежа вино и полпиво глотать!
Присяжного ж сюда согласен я позвать,
Да только не затем, чтоб с ним, слышь,
помириться —
Чтоб настращать его, вплотную побраниться.
Пускай себе смекнет, что наши кулаки
Радехоньки стоять за наши кабаки.

П а р а м о н

Мы разом стакались на твой извол отважный.

М и т ю х а

(Мишутке)

Мишутка, слышь-ка ты, ответу ждет присяжный;
Поди-ка и его приволоки сюда.

Мишутка уходит.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Прежние, кроме Мишутки.

Е л и с е й

Знать, матерня еще кипит в тебе руда!
Не худо бы, коли б долой беда стряхнулась;
Боюсь лишь, чтобы нам она не отрыгнулась.
Я больше вас узнал, всё знаю по себе:
Бывал я в Питере, в Казани и в Москве;
Я долго торговал, на деле всё изведаль,
И много кулаков ямщицких я отведал;
От них-то и согнут я в экую дугу.
Присяжный к нам идет, молчите ж — ни гугу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прежние, Мишутка и присяжный, которого Мишутка тащит за ворот, и несколько ямщиков.

П р и с я ж н ы й (в росхмель)

Ребята, слушайте! Смотритель станционный,
Всей слободы глава и командир законный,
Сказать вам наказал, что должен бы просить
На всех на вас в суде, или путем побить
За то, что вы вино в том месте продавали,
Где следу нет совсем, и нам пить не давали,
То есть: ни самому ему, ни ямщикам,
Ну, словом — никому; но он теперь, весь ям
Собрав, остановил вон там за бугорками
И, сиречь, дружески мириться хочет с вами.
Вы бойтесь его: с ним семьдесят крестьян,
С ним парень удалой извозчик Андреян,
Что, помнится, валял прошедшего вас лета,
Да он хоть лешего — так выгонит из света!
Грудь каменна его, железны кулаки,
Плечища как стена, а зубы как клыки.
С Архипычем скорей вы лучше замиритесь,
И бочкою вина ему вы поклонитесь;
За бочку, может быть, что он вас и простит.
Миришь, поверенный! . . или ты будешь бит!

М и т ю х а

Вот стал меня страшать! медведь боится ль зайцев?
Ты видел, сколько здесь удалых есть валдайцев;
Да ты же и посмел еще гутарить мне,
Чтобы я с вами стал мириться на вине;
Вить чья у вас возьмет, того еще не знаю,
Да только, ведашь ты, за то я отвечаю:
Производитель сам, исправник, земский суд
Вас всех до одного на сходке задерут;
Отплатят вам они за чарки и за плошки,
За вёдры колоты, за битые окошки,—
Зачтутся вам тогда разбойничьи дела,
Которые от вас округа понесла.
И нашим же вином хотите вы быть пьяны!
Вы на изьян пошли, и мы тож на изьяны!

Мы всё теперь на свой салтык перевернем;
Мирился с вами мы не брагой, не вином,
Но приготовлены у нас на ваши спины
Кнуты ременные, вязовые дубины.
Кто хочет их пытать, Валдайку перейди!

П р и с я ж н ы й

Эк раззадорился, ты в оба погляди!

М и т ю х а

Да ты тож не косись, поставь глаза-то к носу;
Что ты заегозил, иль хочешь перече́су?

П р и с я ж н ы й

Или ты позабыл, что пиво и вино
От нас же было вам тайком запро́дано?

М и т ю х а

Что ж попрекаешь ты? Вы больше виноваты.
Молчи, или убью...

П р и с я ж н ы й

Послушайте, ребята.

М и т ю х а

Да слушать неча тут!

П р и с я ж н ы й

Сейчас же я в донос.

М и т ю х а

Типун те на язык!.. Вишь он куда занес.

П р и с я ж н ы й

Узнает откупщик, что вы запро́давали
Без табели вино, которое скупали
У нас за полцены себе из барыша,
И не дали ему из сбора ни гроша.

М и т ю х а

Мы продали вино, дурак ты, воровское;
Хоть виноваты мы, вы виноваты вдвое,
Так будете и вы в ответе пред судом.

П р и с я ж н ы й

Да знаешь ли: как раз тебя под кнут введем,
Коли мы захотим. . .

М и т ю х а

Кто? Ты? Нет, повихнешься!

П р и с я ж н ы й

Послушай, озорник, коли ты не уймешься,
То в Питер мы пошлем трудить откупщика.

М и т ю х а

Его я не боюсь!

П р и с я ж н ы й

Так струсишь кулака.

М и т ю х а

Да мы вас в прах прибьем, коли мы станем драться.

П р и с я ж н ы й

Кто? Вы? Нет, молодá!

М и т ю х а

Отучим вас ругаться.

П р и с я ж н ы й

Вы вспомните, как вас Елеська-то валял!

М и т ю х а

Да, с нами ссориться он вам повадку дал.

П р и с я ж н ы й

Не раздражите вы Архипыча упрямством.

М и т ю х а

Присяжный, я твоим скучаю уж чухванством.
Не ведая про твой капральский, слышь ты, чин,
Я б ребра перломал тебе: не я один
Повинен в корчемстве, мы только лишь купили,
А продали-то вы, или уж позабыли?
Поди ж к Архипычу, скажи, коль хошь, ему,
Что буду бить челом патрону своему.

П р и с я ж н ы й

Не тронь же. Ну, пойду; но знай, сверчок сварливый.
Что будешь человек ты самый несчастливый.
Теперь, как хочешь ты, кобенься или нет,
Смотритель наш тебе пощады не дает;
На всех валдайцев он не станет хоть сердиться,
С тобою же ничем никак не примирится;
Архипыч подарит тому хоть пять рублей,
Кто под глаза тебе наставит фонарей.

М и ш у т к а

(кидаясь на присяжного)

Ах, хромоногий черт! . .

М и т ю х а

(удерживая его)

Не тронь ты дурака!
Ты видишь: он сейчас лишь только с кабака.
Готов на драку я, поди скажи своим;
Толкайте вон его; уж мы те зададим.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Прежние, кроме присяжного и ямщиков.

М и т ю х а

Ребята, видели присяжного вы чванство,
Вы видели его нахальство и буянство;
Он хочет сделать нас без пива, без вина.

Е л и с е й

Во всем, в чем хошь, его задорливость видна.
Ты дело говорил — ты угадал сноровку,
Что больше неча нам, как только в потасовку.

А н д р ю ш к а

Но ждатель ли, чтоб они Валдайку перешли?
Знать, надо, чтобы мы навстречу им пошли.

М и т ю х а

Он дело говорит; уж солнце на закате.
Ну! времечко пришло теперь, слышь ты, к расплате.
Андрюшка, слушь-ка ты: с своими батраками

Ты завтра справа стань, вон там за бугорками,
А Парамошка пусть левой поотойдет,
А Елисей своих в средину поведет.
Мой брат с Терехою, останьтесь за горою
И чесаните к нам удобною порою,
Но драку зачинать я завтра сам пойду.

Е л и с е й

Какую баешь ты нам страшную беду;
В опаску дать себя, как хошь, тебе не можно.

М и т ю х а

Не бойся! драться, слышь, я буду осторожно.
Идите же, друзья, и нашим дайте весть,
Чтоб постарались концы, как надо, свести;
А коль удастся нам, то водку и настойку
Поставлю ведрами, дам хвацкую попойку.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Митюха и Мишутка.

М и ш у т к а

Как на присяжного я даве осерчал —
Коли б не ты, то б он белугой замычал.
Уж я б ему бока и спину отлелеял.
Какое хвацкое ты дело, брат, затеял,
Что силою идем мы все на забияк.
Учтивость не берет, так вóзьмет на кулак;
Куда бы хорошо, когда б нам сбить их с круга.
Ну, в ту пору пируй, Валдайская округа!
А мы, кажись, путем их можем потаскать.

М и т ю х а

Я б лучше землю стал, ты ведаешь, пахать,
Лишь только б ото всех хлопот мне отвязаться,
Лишь только б никогда с Аксютою не знаться.

М и ш у т к а

А кто ж тебе велит, ты нерассудлив сам.
Отец Аксютушкин ударил по рукам

О дочке с женихом; другого не похочет;
А он об свадьбе-то давным-давно хлопочет.

М и т ю х а

Смекаю это я, Мишутка, без тебя:
Я сам себя сгубил, Аксюту полюбя;
А жить мне без нее ни сил нет, ни терпенья.
Да что и говорить, ты не был в день Крещенья
На знатном празднике в монастыре у нас,
Где я Аксютушку увидел в первый раз;
Тут всё мое лицо как спьяну загорело,
А сердце у меня заныло, засвербело,
Во мне до жилочки всё ходит ходенем,
Всего меня палит, как будто бы огнем.
Тут взял себя за грудь, захлопал я глазами,
А сердце у меня пошло колоть иглами;
Ну словно я его как ногу отлежал,
Ну, знаешь, будто бы, слышь ты, перечесал;
Схватило мне живот и расперло всю глотку.
Сем, думал я, начну кропать себе работку,
И к матери ее назавтра свах послал.
Тут было делу-то я хвацкой вóрот дал.
Сысоевна была, слышь, баба не проруха,
Смекнула обо всем разумница старуха;
Ударив по рукам, мы запили винцом,
Тут и приданое составили с отцом;
Купили под венец на ярмонке и кичку.
Ну, думал, подцепил теперь я в клетке птичку,
И больше стал еще делами мастерить;
Вот перед Масленой и свадьбе надо быть.
Но на беду мою Аксюта захворала
И, почитай, весь пост в постеле пролежала,
А в светлый день Христов Сысоевна слегла,
Да дней через пяток родная умерла;
Хватив настоечки да творожку с сметанкой,
Вдруг сделалась больна, ох как бишь,—
лихоманкой.

Она и на Страшной прихварывала, ей!
Вот тут-то и совсем надежды я моей
Лишился навсегда! — а батюшка Аксюши,
Которому надул сумбур какой-то в уши,

Меня из дому вон нарочно проводил,
Невесту же мою другому посулил.

Мишутка

Андрюшка-то ее сегодня поджидает;
Кажися, что он ей девишник затевает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и горожанин.

Горожанин

Иваныч-дядюшка, послушай-ка меня:
Аксинья Митревна приехала твоя;
Под городом она у Марковны пристала
И о себе сказать меня к тебе прислала.

Мишутка

(по некотором молчании)

Ну, что задумался, удала голова?
Что хлопаешь буркалам, как будто бы сова?
Эк он повесил нос и слюни разгунявил;
Андрюшка-то ему под глотку клин поставил.
Послушай-ка меня и за мое примись:
Аксютушки везде, как можно, хоронись;
Лукавый их пожри, ну много ли в ней смаку!
Готовься лучше, брат, с Архипычем на драку.

Митюха

Во что ни станет мне, венчаться им не дам,
И деньгами заткну я глотку всем попам;
А деньги, говорят, и камень продолжают.
Божусь, что ни один их поп не обвенчает,
Лишь только захочу; ну, а теперь пока
Пойду Андрюшкины пощупаю бока;
Невесте же его я выщиплю всю косу;
Обоим им задам лихого перечесу.
Меня не проведет такая сатана.
Пойдем скорей, пойдем, но вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Прежние, Аксюта и Марфутка.

М и т ю х а

(в сторону)

Осмелюсь, пойду — мороз дерет по коже.
Здорово ли живешь? И не воротит рожи!

(К Аксюте)

Аксютушка, скажи: серчаешь на меня?
Да что тебе, мой свет, потеха, что ли, я?
Скажи-ка, почему меня ты за нос водишь,
Зачем приехала, какой подвох подводишь
Своим приездом мне?.. Тебе Андрюшка мил.
Да хуже ль я его, чем я тебе постыл?

А к с ю т а

Приехала сюда не по своей я воле:
Мне батюшка велел.

М и т ю х а

Чего мне слушать боле.
С тобой не сговоришь: мне батюшка велел!
Андрюшка бестия, каналья, вор, пострел!
Да что ж ты, девушка, о чем ты впрямь хлопочешь?
Иль батюшкой своим ты отвертеться хочешь?
Вить стоит чумакам подцыкнуть только мне,
То бачку твоего вколотят в гроб оне.

А к с ю т а

Вить батюшка с тобой посулом не связался
И выдать за тебя меня не обещался;
Так колотить его за что же чумакам?

М и т ю х а

Молчи же, не серчай! бежит Андрюшка к нам.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Прежние и Андрюшка.

А н д р ю ш к а

Аксюта милая, невеста дорогая,
Свет красно-солнышко, жемчужинка золотая!
Здорово, лапушка, как можешь, как живешь?

М и т ю х а

(в сторону)

Андрюшка этот мне везде как вострый нож!

А н д р ю ш к а

Ну, что твой батюшка?

М и т ю х а

(в сторону)

Везде мне помешает.

А н д р ю ш к а

(в сторону)

Да что ж она молчит и мне не отвечает?

(Аксюте)

Ну знаешь, ягодка, что завтра к ямщикам
На драку мы пойдем; и вот те по рукам,
Что шапку отниму тебе на подзатыльник,
Коль попадется мне какой нарядной шильник.
А там за свадебку веселеньким пирком,
И заживем с тобой, касаточка, домком.

А к с ю т а

Тому-то не бывать, венчаться я не стану;
Я лучше удавлюсь, зарежусь, в воду спряну,
Я лучше в монастырь в монахини пойду.

А н д р ю ш к а

А как бы не бывать? Я силой поведу!

А к с ю т а

О нет, соколик мой! напрасно ты хлопчешь;
Я чаю, мало ли чего ты, верно, хочешь,
Да, лих, я не хочу,— расчихал ли, мой свет?

А н д р ю ш к а

Не хочешь?

А к с ю т а

Не хочу.

А н д р ю ш к а

Не хочешь?

А к с ю т а

Таки нет!

Хошь тресни, а твоей не буду я женою;
Уйду отсель, и быть я не хочу с тобою!

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Митюха, Андрюшка и Мишутка.

А н д р ю ш к а

(по некотором молчании)

Ну, нет, в напрасную ломается она,
Я сделаюсь хоть с кем, хоть будь сам сатана.

М и т ю х а

А что бы сделал ты?

А н д р ю ш к а

То сделаю, что нада.

Ну, девушка уж хват! проклятая досада!
Молчи же, я ее как вора захвачу,
Женюся силою и всё ей заплачу.
Уж обвенчаюся хоть волей, хоть неволей,
И хвост ей поприжму, тово-вона, поболе.

М и т ю х а

Не горячись, тебе здесь воли не дадут.
Хоть лакомый ты кот, да лапки отшибут.

А н д р ю ш к а

Кто лапки отшибет?

М и т ю х а

Хоть мы.

А н д р ю ш к а

Ты?

М и т ю х а

Кулаками!

Я вижу, ты востер, да сами мы с усами.

А н д р ю ш к а

Потише, светик мой; да, знать, ты хочешь сам
Жениться, брат, на ней; ну, ну, скажи-ка нам!

М и т ю х а

Чего ж тут спрашивать, вить ты смекаешь делом;
Тошнехонько без ней мне жить на свете белом.

А н д р ю ш к а

Послушай же меня: мы завтра поутру
Пойдем на драку, и коль те не по нутру,
Чтоб я оставил вас, то эдак не бесися
И свадьбе не мешать ты нашей побожися,
Коли не захотел разору кабаков.
Сейчас же уведу домой всех батраков,
Которых было дал тебе я на подмогу,
Поверь мне, я не лгу, ну право, ну ей-богу!

М и т ю х а

Помóги, брат, твоей Аксютой не куплю,
Но кину, слышь ты, всем на брата по рублю,
Так я и без твоих управлюсь с целым ямом;
Меня не проведешь никоим ты обманом.

А н д р ю ш к а

Коль так, не пособию уж я тебе ни в чем;
Пойду и всё теперь поставлю кверху дном
И подыму против тебя всю братью нашу.
Покинем все тебя. . .

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Митюха и Мишутка.

Мишутка

Ну, заварил ты кашу!
Чтобы нам расхлебать!

Митюха

Сказал: не допущу
Идти им под венец — и будет, что хочу!
А уж Аксютушку наверно уломаю;
Послушает меня, за то я отвечаю.

(Конец первого действия.)

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андрюшка, Елисей, Парамошка и целовальники.

Андрюшка

Ну, дядя Елисей, сосед мой дорогой!
Впоследний для тебя вступил сюда ногой,
И коль поверенный еще не перестанет
Со мною лаяться, без драки не отстанет,
То я ему задам, слышь ты, лихой трезвон.

Елисей

На сходке отвечать пред миром будет он,
Коли Аксютушка в твоей не будет воле.

Андрюшка

И говорить, кажись, об ней не надо боле;
Ведь не в охоту я хочу венчаться с ней;
Да я бы волю дал хоть удавиться ей,
Коли бы не хотел Митюшкиной надсады.
Так, други, не стерплю я эдакой досады;
Поверенному я женюсь на ней назло,
И завтра ж к утруму поеду на село.
Он хочет барствовать меж нас, мои родные,
Он думает, что мы его все крепостные.

П а р а м о ш к а

Он правду говорит, скажу, ребята, вам.
Не может быть для нас Архипыч даже сам
Опасен так, как тот, кто здесь хвостом виляет,
А там и силою, глядишь ты, напирает.

Е л и с е й

Да если на селе, где старосты одни,
А работающих нет, так (думаю) они
Помещику и век оброку не дадут;
Без матки детушек всегда болячки жгут.

А н д р ю ш к а

Или, тово-вона, ты хочешь, брат, сказать,
Чтоб нам боярином Митюху признавать?

Е л и с е й

Не то смекаешь ты; я говорю: Митюха
К нам прежде сам прильнул, как будто к меду муха.
Теперь же хочется, ты ведаешь, ему,
Чтобы в черед и мы лепилися к нему.
Но ежели еще чуфариться он станет,
То, верь мне, пропадет, как словно в воду канет.
Охулки эдакой, как хошь, не потерплю
И первый от него с своими отступлю.

А н д р ю ш к а

А я тож потакать ему ни в чем не стану
И следом за тобой, тово-вона, отстану.

П а р а м о ш к а

Ребятюшки, нишкни: идет Митюха к нам.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Прежние и М и т ю х а.

М и т ю х а

(не видя Андрюшки)

Вы здесь все собрались; я весточку подам
Для вас нерадошну; скажу я в осторожку,
Что нашей силушки сбывает понемножку.
Андрей. . .

А н д р ю ш к а

Ты хочешь, брат, меня, что ль, провести?
Ты хочешь на меня беду свою взнести.
Да нет-лих, здесь давно про нашу схватку знают.
Дивлюся, что они тебя не покидают.

Е л и с е й

Не кинем мы его, коль он пособит нам
Без земских усмирить грабеж по кабакам,
Когда он нам еще разочек помирволит,
А впрочем, что он сам, как знает, так изволит.

М и т ю х а

Я вижу, пыль в глаза ты хочешь мне пустить.

Е л и с е й

Нет, я хочу тебе всем миром заявить,
Чтобы с Андрюшкой, как хошь, ты замирился
И уступить ему невесту согласился.

М и т ю х а

Напрасно силитесь вы устращать меня;
Их свадьбе не бывать, в том побожуся я.

П а р а м о ш к а

Эй, говорят тебе, держи вострее ухо,
И лучше замиришься ты поскорей с Андрюхой.
Ведь это для тебя ж, а нам так всё равно.

М и т ю х а

Да, плутни-то твои смекаю я давно;
Мне вас не надобно, есть батраки со мною.

Е л и с е й

Митюха, смилуйся хоть над самим собою,
Иль разоидемся все отсюда как раз.
Ну, что ты сделаешь тогда один без нас:
Вить ямщики тебе и ребра поломают.

М и т ю х а

Да эти пустяки меня не испугают!
Хотите, вижу я, вы на попятный двор,
А виноват во всем Андрюшка — шельма, вор.

Всё это он, злодей, один накуралесил.
О! если бы я мог, то я б его повесил!
Оставьте нас одних, когда хотите вы,
Чтоб старшей не было над вами головы.
Валите через пень, безмозглые, колоду,
Побейте вы меня Архипычу в угоду;
Коль хочется из вас кому пяти рублей,
Тот подойди ко мне и скулы мне разбей.
Жених Аксютушкин! ступай, дерись со мною,
Но коль я жив — она не будет за тобою.

А н д р ю ш к а

Митюха! долго, брат, я слушал и терпел
И долго на тебя сквозь пальчики смотрел.
Я время дал тебе и смалчивал нарочно,
Когда меня бранил ты, брат, преузорочно.
Теперь моя, слышь ты, настала черед.
Я вижу, ты привык ругаться завсегда;
Спасибо, не хочу здесь оставаться доле.
Приходит невтерпеж, мне мочи нету боле.
Пойду отсель; но верь, без помощи моей
Как раз найдешь конец головушке своей...

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Прежние, кроме Андрюшки.

П а р а м о ш к а

И нам, родимые, здесь неча оставаться;
Нам с этим дураком и ввек не уломаться.
Он верную беду уж сам себе избрал;
Уйдемте от него; чтоб черт его побрал!

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Митюха и Мишутка.

М и ш у т к а

Ну, я не видывал еще такого вора,
Каков Андрей! и ты с ним одного провора;
Неужели тебя не можно упросить?

М и т ю х а

Ну, что ж еще, болван, ты стал меня учить
И можешь упрекать.— Андрюшки, что ль, боишься?
Ну, так оставь меня и к черту провалился.

М и ш у т к а

За что ж серчаешь ты, коль хошь — я замолчу.
Вить, кажется, тебе ж я доброго хочу;
Тебе же сослужить хотел я, ведашь, службу,
И докажу тебе мою, коль хочешь, дружбу.
Идешь на драку ты, и я иду с тобой;
И всюду я готов хоть в омут головой.

М и т ю х а

(обнимая его)

Спасибо, брат, тебе за это; обоймемся.
О чем нам унывать, когда мы обойдемся
Без целовальников, без этих дураков;
Да некоторого из наших батраков
Я и без них не дам Архипычу в обиду.
Уж я его турну, лишь только в драку выду.
Вить не оставит нас с работниками, брат,
Терёшка-куманек да дядюшка Панкрат;
Еще ж дьячок Антроп нам также будет верен,
А этот-то один везет, как добрый мерин,
Да два племянника: Иваныч и Фаддей;
А в драке-то Иван большой руки злодей!
Еще ж все, почитай, валдайски горожане.
Ну, а у этих, брат, буяны на буяне,
И гонит-то буян; уж то-то удальцы,
Кого ни поверни, все выдут молодцы!
Вить мало ли начел; итак, когда сберем
Всех наших-то бойцов да как им поднесем
По доброй кружечке хоть травнику, хоть водки,
Так и останемся без всякой мы заботки.
Миляга! слушай-ка, пожалуйста, сходи,
Аксютушки моей везде ты погляди;
А ежели найдешь, ей в ножки повалился,
Прощения у ней проси мне, и божися,
Что я, дискать, ни в чем не виноват пред ней,
Что, дискать, виноват во всем пострел Андрей;
Проси, чтоб на меня она не осерчалась;

Проси, чтобы со мной, как можно, повидалась;
Скажи, что без нее на свете тошно жить.
Поди, меня ль она захочет погубить?

М и ш у т к а

Изволь, всё сделаю; тебе то обещаю,
И разом я ее, как надо, уломаю. . .

(Уходит.)

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

М и т ю х а и г о р о ж а н и н .

Г о р о ж а н и н

Иваныч-дядюшка!

М и т ю х а

Что надо? говори. . .

Г о р о ж а н и н

Достались в руки нам изрядны хобары.
Мы зимогорьевца сейчас заповонили,
Которого вон там в оржаньи захватили.
Он было на меже засел, слышь ты, в кусты,
Чтоб нас поосмотреть порядком, ведашь ты;
Да-лих, не удалось, оно не так-то было.
Не знаю, под живот его, знать, подхватило,
Да только громко он, ты ведашь, застонал,
А дядя это твой тотчас и услышал
И притаился сам; спустя минуту сроком
Он как-то и опять, знашь, крикнул ненароком,
А дядя нá голос и цап-царап его,
И нас подкликнул всех, уж тут-то мы его
Приструнили путем; как надо допросили;
Мужик-то хворый был, а то б мы пуще били.
Вить хорошо, что он был, ведашь, нездоров.

М и т ю х а

Ну, что ж он говорит?

Г о р о ж а н и н

Что он из ундеров,

Еще на Масленой в отставку отпросился
Да в Зимогорье у брата поселился;
От этого за них теперя и стоит.
Смекал было он то, что наших оглядит,
Вот всё, что знаю я, но наши половые
Узнали от него все замыслы дурные,
И чаю, что сюда его приволокут.

М и т ю х а

Зови же всех сюда.

Г о р о ж а н и н

Да вот они идут.

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

М и т ю х а и п о л о в ы е.

М и т ю х а

Что вы, ребята, там на сходке присудили:
Чтоб мы пошли вперед или чтоб отступили
Назад от ямщиков?

П о л о в о й

Гадали так и сяк,
Хоть много думали, но вышло всё пустяк.
Гутарили, чтоб нам, полуночной порою
Плотину разломав, остаться за рекою,
Чтоб должно ямщикам пуститься было вплавь;
Да ундер, обо всем как надо рассказав,
Другую думу дал; нам стыдно их бояться!
Не за рекой сидеть, а надобно подраться.

М и т ю х а

А что такое он мудреное открыл?

П о л о в о й

Присяжного слова Архипыч подтвердил,
Поставивши тебя всей свалки головою;
Весть ссору завсегда божился он с тобою,
Доколь твоих костей и ребр не перечтет,
Доколе губ, и зуб, и скул не разобьет,

А чтоб острастку дать, то не с другого слова
Калякал мало ли что про тебя дурного
Гуляка-молодец, извозчик Андреян,
Который в ту пору как стелька, вишь, был пьян,
Дал слово, почитай, пред целым, ведашь, ямом,
Что притащит тебя к Архипычу арканом.
Неужели терпеть нам экой их задор?

М и т ю х а

Чего ж и ждать от них, где все на воре вор!
Но нет, брат, на аркан небось не попадуся.
Я земскому суду бумагой поклонюся,
Так он и пришлет к нам десятка два солдат,
А мне исправник-то, слышь ты, не супостат.

П о л о в о й

Эк хорохоришься на них ты по-пустому;
В Макарье на торгу такого я содому
На рынке не видал; хоть плохо нам во всем,
Да так уже и быть — на драку мы пойдем.
С тобой всё трын-трава, всё пустяки, всё враки!

М и т ю х а

Ай да ребятушки! готовьтесь вы к драке,
Сберитесь поскорей вон там за бугорком
И, как поправитесь, подайте знак свистком.

Половые уходят.

Я В Л Е Н И Е С Е Д Ъ М О Е

Митюха и Мишутка.

М и т ю х а

Теперь пойду-ка я Аксюту пошуняю;
Но вот она идет, что́ делать — я не знаю.

Я В Л Е Н И Е О С Ъ М О Е

Прежние, Аксюта и Марфутка.

А к с ю т а

Насилу я к тебе, Митюха, добрела.
Поверишь ли, как я испугана была;

Лишь я пришла домой, а мне вдруг ваши баят,
Что целовальники тебя все покидают,
Что должен ты идти один на целый ям.
Мне верить ли тому, скажи теперь ты сам?

М и т ю х а

Да, эта весточка, Аксюта, справедлива.
Не ждал я николи и сам такого дива;
Вдруг целовальники все сбилися с пахвей,
А делу голова — твой женишок Андрей!
Уж экой есть ли где притоманной детина!
Ну то-то, слышь, буян, уж добрая скотина,
И пьяница-то он, набойчатый дурак!
Да что, и без него мне всё, слышь, пусторнак,
И без него пойду на цело Зимогорье;
Лишь то, Аксютушка, кажись, мне только горе,
Что ты, белянушка, не любишь, знать, меня.
Ах, светик ты мой, свет, касаточка моя!
Когда ты на меня свои прищуришь глазки
Иль как-нибудь меня когда давнешь из ласки,
По сердцу у меня мурашки и пойдут;
Ну словно кипятком меня как обдадут.
Какая б ни была, пройдет кручина люта.
Да взглянь же на меня, голубушка Аксюта,
Хоть глазиком одним, и горе всё пройдет.
Твой взгляд мне бодрости и смелости дает;
Да за тебя, кажись, хоть с кем я подеруся!

А к с ю т а

Митюха, светик мой! ну, право, я боюсь,
Что ты учнешь один противу ямщиков.
Наверно будешь ты без ребр и без зубов.
Послушайся меня, не затевай содома,
Миришь с зрителем, останься лучше дома.
Да нет, коль ты уйдешь домой, так ямщики
Всю брагу перепьют, разграбят кабаки,
Да и того, кажись, еще им будет мало.
Всех целовальников сюда я созвала,
Они придут...

М и т ю х а

От них что ж хочешь ты?

А к с ю т а

Не знаю;

Но чтоб спасти тебя, завою, зарыдаю;
Пусть виноватою пред ними буду я...
Но вот они идут.

Я В Л Е Н И Е Д Е В Я Т О Е

Прежние, Андрюшка, Елисей, Парамошка и целовальники.

А к с ю т а

Родимые друзья!

Послушайте меня; сказать по правде-матке,
Одна виновна я в случившейся здесь схватке.
Готова я за то побои принимать.
Вы драться станете, а я вас уверять,
Что не хочу никак с Андрюшкою венчаться:
Иль за Митюхой быть, иль девкой оставаться!
Божусь вам, что и я поставлю на своем.

А н д р ю ш к а

Иль только ты сюда звала меня затем,
Чтобы, тово-вона, ругаться надо мною?

А к с ю т а

Не буду никогда, Андрей, я за тобою:
Митюха мой жених, не то, так я божусь,
Что в монастырь пойду, не то так удавлюсь!

А н д р ю ш к а

Коль хочешь ты, чтоб я севодни же с Митюхой
Мирился дружески, так ты меня послухай.
В последний раз тебе, Аксюта, говорю.

Е л и с е й

Послушай, может быть, я вас и помирю.
Послушайте меня, сказать вам правду-матку,—
Я знаю все дела как надо по порядку,
И вам поверить мне, кажися, что не грех.
Мне лет за семьдесят, я старее вас всех,
И свету, и людей видал уж я довольно.
Бывало плохо мне, бывало и привольно,
Я всё отведывал, и солоно хлебал,

Глотал и горькое, и сладкое едал.
Ну, следственно, моим словам поверить можно.
Итак, послушайте, сперва сказать вам должно,
Что я, кажися мне, хоть и не так смышлен,
Однако знаю всё и грамоте учен,
Читал я и Бову, читал и Еруслана,
Читал историю я Смурого Кафтана,
И Ваньку Каина, Петра Златых Ключей,
И мало ли еще, вить много дряни сей.
Когда мы в Петербург с мукою приезжали,
Видал в театре я, как и комедь ломали
Какого-то царя, прозвание позабыл;
Хоть много я читал, хоть и в театре был,
Но ни в одной еще того не встретил сказке,
Чтоб ссорились свои за девушкины глазки
Тогда, как надобно идти в сраженье им;
Чтобы к богатырям или царям каким
Возили на войну невест, чтобы венчаться.
А девкам не в свое не надобно мешаться.
Вить как придут они, завоют, заревут,
Так вот тебе и блин, и слезки потекут.
Чему быть доброму, коль на войне невеста?
Вить там, где бьют людей, девишник не у места!
А ежели к кому хоть и жена придет —
Чего и быть нельзя,— так то произойдет:
Разрюмится, свой долг в неволю позабудет;
Кто с бабой свяжется, тот бабою сам будет.
И чай, иной готов такую басню сплесть,
Такие чудеса, гляди, и в книгах есть!
Итак, Аксютушка, то хоть тебе не нрався,
Оглобли поверни да и домой отправся,
И этим откуп весь ты от беды спасешь
И прибыли нам всем немало принесешь.

М и т ю х а

(в сторону)

Вишь что нагородил, поди ты, их послушай!
Ведь вот что говорят — разжуй ты их, раскушай!

П а р а м о ш к а

Ну нет; нам, видно, их и в год не уломать.
Не лучше ль к ямщикам за мировой послать?

А н д р ю ш к а

Аксюта, я тебе вить кланяться не стану;
Не честию тебя, так силою достану,
И ежели нейдешь со мною ты к венцу,
То к твоему сейчас поеду я отцу.
Тово-вона оно, я на тебя пожалюсь,
Уж больше над тобой, негодная, не сжалюсь,
И с батюшкой твоим, хоть завтрешним же днем,
Мы розгами тебе всю спину издерем;
Закатим с ним тебе порядочную взварку;
Завоешь у меня ты матушку-сударку.
Я, знашь, тебе задам, запомнишь ты меня,
Не то — так и кнутом. . .

А к с ю т а
(в сторону)

Ахти, беда моя!
Вить батюшка сердит, тотчас мне спустит шкуру!
Видал ли кто-нибудь подобную мне дуру!
Ну, накачала я теперь себе беду;
Нет, лучше за него я, так и быть, пойду,
Чем оную терпеть притоманную муку.
Согласна я на всё; давай, Андрюшка, руку.

М и т ю х а
(останавливая ее)

Ахти! что делаешь — скажи?

А к с ю т а
Тó, что велят;
Спина-то вить моя, а кнут не свой мне брат!

А н д р ю ш к а
(взяв ее руку)

Ну, ну, Аксютушка, теперь тебя прощаю;
Забудем обо всем; а я уж обещаю,
Коль поживешь со мной — полюбишь ты меня.
О драке должно нам потолковать, друзья!
Доселева я был как будто чем-то связан;
Теперь же я готов всё сделать, что обязан,
Вить с нею под венец пойду хоть завтра ж я.

М и т ю х а
(кидаясь на Андрюшку)

Андрюшка бестия, мошенник, вор, свинья!
Слышь, свадьбе не бывать! Ты знаешь ли, что
врешь?
Пойдешь к венцу тогда, коли меня побьешь.

Е л и с е й
(удерживая его)
Ты в рукавицу, брат, запрятал три алтына

М и т ю х а
(вырываясь)
Хоть четверть он положь!

А к с ю т а
(кидаясь между ними)
Не надо и полтины.
За мужа постою головушкой моей!
(Митюхе)

Коль хочешь бить его, меня сперва побей;
На, в маковку стучи, коль есть в тебе досуга.
А н д р ю ш к а

Сем, мы побережем, поверенный, друг друга.
Ты вспомни, должно нам идти на ямщиков,
Коли не захотел разору кабаков;
Докажем мы, кажись, на драке поневоле —
Заслужит кто из нас мою невесту боле.

(Уводит Аксюту, и все за ними следуют.)

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

М и т ю х а и М и ш у т к а .

М и т ю х а
(смотря вслед за ними)

Аксютушку ему дозволил я отвести;
Ну, эдакая мне приходит ныне честь!

(Мишутке)

За что ж мне потакнуть Аксюта не хотела,
Скажи, за что она меня не пожалела?
Или какой, скажи, имею я порок?
Беда, бесчестье мне! Но слышу я свисток...

Слышен за кулисами свист.

Мишутка

Да, это подан знак, что всё готово к бою.
Митюха, побежим скорей туда с тобою.

Митюха

Насилу-то пришел последний к драке час.
Верь мне, Архипыча скручу я сам как раз;
Не побоюсь я и даже Андреяна,
Лишь только б удалось где встретить мне буяна.
Но в драке не могу ничем располагать.
Мне тошно, тошно так, что и нельзя сказать,
Как словно, слышь ты, я обожрался селедки.
Мишутка, встань-ка, брат, ты за меня в середке,
Как в драку мы пойдем, надень ты мой армяк.

Мишутка

Зачем?

Митюха

Я знаю всё; вот на тебе кушак,
Вот шляпа, вот тебе мои и рукавицы;
Вить благо, что у нас с тобою сходны лица,
Не всякий может нас на взгляд вдруг распознать,
И будет трудно им тебя, слышь ты, узнать.

Мишутка

А, а! таперича смекаю делом кроху:
Боишься ты — от них чтоб не было подвоху.

Митюха

Да, так, брат, угадал; а то Андрюшка хват
Для удали такой! вот на тебе и плат.
Ты от меня им, слышь, Аксюте поклонися,
Что я ее люблю, как можно — побожися.

За кулисами свист.

Впоследний голос нам, слышь, подают свистом;
Таперича скорей на драку мы пойдем.

(Конец второго действия.)

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аксюта и Марфутка.

Аксюта

Что́ далее бежать? Дай мне собраться с силой.
И так уж пот с меня течет, как словно мыло.
Или здесь станем ждать мы лучше ямщиков,
Чтоб не один пришел Митюха без зубов,
Чтоб мне досталось, чтобы меня побили
И чтобы мне за всё порядком отплатили.

Марфутка

Ах, лебедь, иль спина и у тебя свербит,
Иль наша не взяла?..

Аксюта

О том всё говорит,
Что нам досталось; крик наших раздается,
И плохо, плохо нам, мне на сердце сдается.

Марфутка

И мне то ж чуется, ну право, ну ей-ей!

Аксюта

Ахти! уж не видать мне больше ясных дней.

Марфутка

Ты под венец идти дала напрасно слово;
Нельзя ль его назад, Аксютушка, взять снова?

Аксюта

Лукавый спутал грех Митюху моего,
И виновата я бесчестию его.

М а р ф у т к а

И, девка! может ли виною то назваться,
Когда боялась ты побоям подвергаться?

А к с ю т а

Теперь я в монастырь наверное пойду;
Знать, мне написано то было на роду.

М а р ф у т к а

Я вижу горожан, и половой наш с ними.

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

Те же, половой и горожане.

А к с ю т а

Авось хоть крохотку порадуясь с своими.
Скажи, пожалуй, мне, сокол мой ясный свет!
Нас зимогорьевцы побили или нет?

П о л о в о й

Не плачь, Аксютушка! Валдайцы, знашь, пируют;
Архипыч и весь ям во все лопатки дуют.

А к с ю т а

(с восторгом)

О нижний земский суд! ты нас наверно спас!
Знать, надобно за что ты не оставил нас,
Валдайцев сохранил командою своею,
Которую прислал; теперь я думать смею,
Что цел Митюшенька сокол, голубчик мой,
Что он избавился извозчичьих побой;
Теперь и кабаки и всё осталось цело.
Да расскажи, мой свет, как было это дело,
Как драка началась и всё что было тут.

П о л о в о й

От пагубы спасал нас нижний земский суд.
Что может устоять против команды штатной,
И кто в тюрьму попасть захочет безвозвратно?
Исправник к нам прислал одиннадцать солдат,
А ундер с ними был такой дородный хват!
Хоть с нами обошлись они сперва спесиво,
Но как поставили мы им ушатик пива,

Вина, да пирожков, да водки сладкой штоф,
То ундер-то и стал не так уже суров;
А как они ведро вина попростали,
Как накатились, словоохотны стали.
На драку Елисей их шуткой пригласил;
Они кобенились; не долго он просил;
Ну, всякий тут в свои садился, ведашь, сани.
Собравшись в кучку тут, все наши горожане
Пошли как раз туда, где были ямщики,
Точили зубы все, вострили кулаки;
Идем. . . и вдруг на нас с песком каменьев куча.
Ну, так вот и валит, как в непогоду туча.
Но мы меж тем шажком идем себе вперед,
А вихорь по горам так, слышь ты, и ревет.
Вот мы и рядышком стеснились вплотную,
И кто во что горазд запели плясовую.
Идем. . . и с нами вдруг тут куча их сперлась,
Раздался страшный крик, и свалка началась.
Удали их бойцы к нам кинулись в средину;
Вот тут-то и пошло: кто в нос, кто в бок, кто в спину.
Как будто коршун злой на воробьев летит,
Ну, словно так, как вихрь когда в дупло свистит
И с дуба желуди и листья обивает,
И сучья книзу гнет, и веточки ломает,—
Так точно удальцы Ермил да Андреян
Кидаются на нас и делают изъян;
И взад их и вперед валяются наши шапки,
Как с кону городки иль как бы словно бабки.
И много повалять им наших удалось!
Как с граду иль с дождя поляжется овес,
Так наши удальцы, знашь, по траве лежали;
Иные плакали, другие верещали,
Которые ползли на четвереньках прочь,
А те еще дрались, в ком оставалась мочь,
Покудова и их не съездили под вздохи.
Там слышались везде побранки лишь да охи;
А пьяный Елисей, чтоб наших удержать,
Хотел было с детьми нам удаль показать,
И все шесть сыновей в глазах его свалились,—
Тут ноги у него едва не подкосились;
Но он поправился, в кулашный бой пошел
И, верно бы, себе такой же срам нашел.

Коль не успели б к нам два наши на подмогу,
Которы нас свели на чистую дорогу.
Один из них Антроп, приходский наш дьячок;
Мужик он умница, мошенник и крючок,
Он из бойцов боец, известный запивоха;
Да вить ему сродни Митюха и Терёха.
Он страх плечист, здоров, высок, и толст, и смел,
Превзрачный молодец, красив собой, пострел!
Ермила он задрал и вышел с ним на драку,
И было хвацкю ему дал перебяку.
Ермил-то, слышь, сперва качнул его кнутом,
А наш-то вырвал кнут да в зубы кулаком;
А тот ему как раз и в волосы вцепился,
Чихнул его в скулу, а он и с ног свалился.
Свернув лицом к земле, его в загривок дул;
Потом, уставши, смолк, а наш поотдохнул
И видит, что ему приходит плохо делом,
Лежал, лежал, да как вернется всем он телом,
Как даст ему разá; тут на ноги вскочил,
И чуть-чуть под себя Ермила не свалил,
Однако же и тот поправился как должно;
И так они дрались, что и сказать не можно:
То верх возьмет Ермил, не то так наш Антроп;
Ермил копытцы вверх, и наш упал как сноп,
Как пласточки лежат; но дрались оба смело,
Из обо́их руда так, слышь, и закипела.
Но между тем идет вблизи кулашный бой:
Гуляка Андреян и удалец другой,
Который будто бы как с неба к нам свалился,
С извозчиком как раз вплотную спохватился.

А к с ю т а

Но кто же он такой, зачем сюда попал,
И как по сю пору́ народ об нем не знал?

П о л о в о й

Да нашим незнаком он, слышь ты, был ребятам;
Он всё свое лицо укутал красным платом,
На нем было старье — рубаха и армяк,
И малый из себя не очень чтобы в зрак;
Да только прыток он; плат, связанный на роже.
Ему отличкой был; всех подрало по коже,

Лишь взвидели его; трухнул сам Андреян,
Хмель у него прошел, хоть был он крепко пьян.
Наш в морду бил его, валял и под микитки.
Ну, Андреян, такой не видывал ты пытки!
Дубину тот свою лишь хочет приподнять,
А наш-то и учнет его тут подъезжать;
Вздурился Андреян, поднял свою шетину
И шваркнул далеко увесисту дубину;
Шагов десятка два назад он отступил
И в варегу свою свинчатку запустил.
Зубами скрипнул, как немазана телега;
Он хочет нашего доехать, знашь, с разбега,
Кидается к нему; наш видит то и ждет;
Уж размахнулся он, уж в ухо оплетет,
Но наш тут от него вдруг набок отшатнулся,
И носом Андреян так в землю и уткнулся,
А наш сел на него и в прах его разбил!
Кажись, что он руды корыто источил!
Архипыч дрался уж в то время с чумаками:
Давай себя гвоздить в мордасы кулаками!
С сердцов, не с трусости свистит себе в зубок.
Тем самым временем, покинувши лесок,
Митюхин брат на них пустился рысью сряду,
И кинулись они назад, подобно стаду
Баранов иль свиней, бегущих от волков;
Давай бог ноги! все от наших чумаков.
И весь сенной покос — им узкая тропина!
Вот, ведашь ты, была и вся тебе причина.

А к с ю т а

Но о Митюхе-то ты мне не говоришь;
Скажи, я знать хочу, скажи, к чему томишь.

П о л о в о й

Об нем еще никто из горожан не знает,
И это, ведашь ты, всех много сокрушает.
Ни он не сыщется, ни удалец другой,
Что драку окончал могучею рукой.
Здесь целовальники хотели все собраться;
Они сюда придут, чтоб вместе постараться,
Как им Иваныча и парня-то найти.
В надежде видеть их спешил сюда прийти.

А к с ю т а

Пошли всех горожан; пойдем с тобою сами,
И станем разными кричать мы голосами.
Давай искать: авось его мы и найдем.

(Хочет идти.)

Постой, сперва туда с тобою мы пойдем!
Уходят.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

М и т ю х а

(Один, пьяный и разбитый, голова подвязана)

Никак я видел здесь голубушку Аксюту.
Да, так! она пошла туда сию минуту.
Нет, может оттого казалась мне она,
Что я от хмелю так, как будто бы со сна.

(Садится за кустом.)

Ну, здесь я отдохну, а то мне немогутку;
Заставил всех играть я на свою погудку,
За то избит и сам, в костях престрашный лом;
Здесь нету двух зубов, здесь стукнулся я лбом;
Рука висит как плеть и на ногу хромаю;
Весь словно как в мешке; да что-то я не знаю,
Где Мишка мой теперь, провал бы его взял!
О сию пору нейдет, знать — где он запропал.

(По некотором молчании вынимает из-за пазухи штоф с водкою.)

Дай тятну с горя я оставшее хмельное;
Теперя, сем, всхрапну; раздолье нам в покое.

(Засыпает.)

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

Митюха спящий, Андрюшка, Елисей, целовальники,
половые, горожане, Аксюта и Марфутка; все, кроме
женщин, пьяны и избиты.

А н д р ю ш к а

Мне сердце говорит, всегдашний мой вещун,
Что мы найдем того, кто задал карачун

С размаху одного ерыге Андреяну
И кто Архипычу наделал страсть изъяну.
Я вам божусь бойца кулашного сего
Принять и признавать за брата моего,
Во всем к себе приму его я в половину
Лишь только б энтова найти мне мужичину.

Е л и с е й

О, если б удалось увидеть молодца,
Во здравие его хватил бы я винца.

А н д р ю ш к а
(горожанам)

Ребятюшки! искать везде его идите.

Е л и с е й

Но более еще Иваныча ищите;
Вы, други, вспомните, что он начальник ваш,
Что добрый парень он, заступник первый наш,
Он первый выдумал, чтоб нам идти на драку,
И много чрез него досталось нам смаку.
Но вижу я, несут армяк его сюда.

Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е

Те же и несколько горожан (несут армяк Митюхин).

А к с ю т а

Ах! что с ним случилось, беда моя, беда!

А н д р ю ш к а

Аксютушка!

А к с ю т а

Я слез моих таить не стану;
Так! он несдобровал, я вижу по кафтану.
Андрей! повинна я, побей, коль хошь, меня,
Но даже и тогда божиться буду я,
Что никогда тебя, как мужа, не любила,
Что за нос я тебя, и слово дав, водила;
Митюху моего как сокола любя,
Обманывала всех и самое себя.

Глядела на него всегда как мышь из норки. . .
Ну, колоти меня, валяй на обе корки!

А н д р ю ш к а

Пришибен плотно, знать, каким он ямщиком;
Теперьче я тебя объеду уж конем
И завтра же с тобой поутру обвенчаюсь;
Уж будешь ты моя, за это я ручаюсь!

Е л и с е й

(*горожанину*)

Скажи-ка, братец, нам, где ты его нашел?

Г о р о ж а н и н

Эк не расчухают: лежал другой сокол
В кафтане-то его, который, знать, подтяпал.
Мишутка это был, Ермил его уляпал,
Как драка началась; он весь как черт избит.
Наш Парамошка с ним как пласт тоже лежит,
Без ног, без зуб, без рук, с разбитой головою.
Насилу вымолвить словечко мог со мною,
Мишутка же и рта не может растворить,
Обоих их велел я в город оттащить.

М и т ю х а

(*просыпаясь*)

Как знатно я всхрапнул с устатка и с похмелья. . .
Пойти бы поискать Мишутку от безделья.
Ох-ти! Зевается!

Е л и с е й

(*подходя к Митюхе*)

Зевает кто-то там!

М и т ю х а

(*накрываясь платком*)

Со мной тут кто-то есть!

Е л и с е й

(*подходя ближе*)

Так это он! он сам,
Тот самый удалец, который Андреяна
Сломал, как лютый волк свинью или барана.

Я узнаю его, сними же ты свой плат,
Дай на себя взглянуть, любезный друг и брат,
Открой нам голову; ну, полно, не корячься;
Скажи: кто ты таков, скажи же, не ортачься!
Наплакаться хочу, сокол мой, на тебя.
Вить ты, сквалыжника, буяна погубя,
Как мы свалилися вплотную с ямщиками,
Мне сыновей сберег своими кулаками.
Дай на себя взглянуть хотя одним глазком,
Хотя попотчевать дозвошь себя винцом.

Митюха открывает лицо.

Иваныч!

Половой

Это он!

Андрюшка

Как зюзя пьян Митюха!

Аксюта

Так, точно это он! Митюша мой!

Андрюшка

(с досадой)

Аксюха!

Митюха

Когда бы, брат, винца ты мне не посулил,
То рожи б я своей ни за што не открыл.

Елисей

Ну, так и обдало меня, как словно варом;
Как я не мог узнать тебя по тем ударам,
Которы задавал ты даве ямщикам;
Но твой армяк в крови, ты весь избит и сам.

Аксюта

(Марфутке)

Ахти, Марфутушка!

М и т ю х а

(Елисею)

Ну, что же ты хлопчешь?
Вить за меня терпеть ты верно не захочешь.

Е л и с е й

Да мне, Митюха, жаль здоровья твоего.

М и т ю х а

Вить не твое оно, на кой мне черт его,
Когда уж не женюсь я на Аксюте боле?
Я болен и здоров всё по своей вить воле.
Да где Мишутка мой, что он нейдет сюда?
Забудет про меня каналья завсегда;
Скажите мне об нем хотя одно словечко.
Так, знаю; говорит мне мой вешун сердечко,
Что, верно, в драке он не на живот избит
И, верно, где-нибудь без памяти лежит.

А к с ю т а

Марфутка, он хмелен, и, право, я не знаю,
Идти ли мне к нему? Рассердится он, чаю.

А н д р ю ш к а

(в сторону)

Ну, эдакой какой Митюха-то силач!
Теперь уж вижу я, что тертый он калач;
Казалось, я его что впятеро сильнее,
Ан — не-лих, он меня гораздо повострее.
Мне Андреяшку-то свернуть не удалось;
А он его как раз на все на три разнес.
И если захочу венчаться я с Аксютой,
То он меня вернет как надо больно круто.
А я вить-лих его побоев не стерплю;
Нет, лучше я ему невесту уступлю.

(Подходит к Митюхе.)

Иваныч! слушай-ка, тебя Андрюшка кличет.

М и т ю х а

Иваныч уж и так довольно горя мычет,
А от кого и как? Всё, дьявол, от тебя!

А н д р ю ш к а

Да не сердись же, брат, и выслушай меня:
Аксюта, подь сюда, да будь повеселее.
О чем завыла ты? Да будь же посмелее.
Мы хвацкой сделаем тотчас всему конец.
Вот на тебе жена, ступай с ней под венец,
А батюшка ее на это согласится,
Лишь надобно ему сотнягой поклониться.

М и т ю х а

(обнимая Аксюту)

Спасибо, брат, тебе; ты не такой свинья
Теперь, как прежде был! — Аксюта, ты моя!

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е

Прежние и горожанин.

Г о р о ж а н и н

Митюха! ямщиков последний доконал
Твой брат с Терехою, и мне он наказал,
Что ждут тебя, собравшись, горожане;
Валдайским назвали тебя собща миряне.

М и т ю х а

(поддерживаем Аксютою и Елисеем)

Сбирайтесь поскорей, мы все туда пойдем,
Слышь, выпить да и их попотчевать винцом.

(По некотором молчании.)

Но земскому суду нам надо поклониться.
Ай да исправник наш! нельзя им нахвалиться:
Для чливых он сам члив, а для крутых сам крут.
Ребята, грянемте: велик наш земский суд!

В с е

Велик наш земский суд!

1810. 1826

П. Н. Семенов

ПЕВЕЦ В БЕСЕДЕ СЛАВЯНОРОССОВ
ЭПИКО-ЛИРО-КОМИКО-ЭПОРОДИЧЕСКИЙ ГИМН

Певец

Друзья, все гости по домам:
От чтенья охмелели!
Конец и прозе, и стихам —
До будущей недели!
Мы здесь одни... Что делать? Пить
Вино из полной чаши.
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши!

Сотрудники

Мы здесь одни... Что делать? Пить
(и проч.)

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже покойных нет
Певцов среди Беседы!
Их вирши сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах:
Мы все для славы дышим,
Равно здесь в прозе и в стихах,
Как Тредьяковский, пишем.

Сотрудники
Но дух отцов воскрес в сынах
(и проч.)

Певец
Чья тень под самым потолком
Пред нашими глазами?
За ним, пред ним — о страх! — полком
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Намасленном с кудрями,
С «Тилемахидою» в руке,
С Ролленем за плечами.
Почто на нас, о муж седой,
Вперил ты страшны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
С утра до полуночи
Писать, как ты, тебе служить.
Мы все с рассудком в ссоре,
Для славы будем жить и пить,
Нам по колени море!

Сотрудники
Писать, как ты, тебе служить
(и проч.)

Певец
Напьемся пьяны музам в дань,
Как пили наши деды!
Рассудок к черту, вкусу брань,
Хвала сынам Беседы!
Пусть Ломоносов был умен,
А мы еще умнее;
За пьянство стал умнее он,
А мы еще пьянее.
Для славы будем жить и пить,
Врагам беда и горе!
На что рассудок нам щадить?
Нам по колени море!

Сотрудники
Для славы будем жить и пить
(и проч.)

П е в е ц

Друзья, большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихого.
Родного крова милый свет,
Знакомые подвалы,
Златые игры первых лет,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть заменит?
О лавка дорогая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!

С о т р у д н и к и

Что вашу прелесть заменит
(и проч.)

П е в е ц

Там всё знакомо для певцов,
Там наши детки милы,
Кладбище милое стихов,
Бумажные могилы,
Там царство тленья и мышей,
Там Николев почтенный,
И древний прах календарей,
И прах газет священный!

С о т р у д н и к и

Там царство тленья и мышей
(и проч.)

П е в е ц

Да здравствует Беседы царь!
Цвети, его держава!
Бумажный трон твой — наш алтарь,
Пред ним обет наш — слава.
Не изменим: мы от отцов
Прияли глупость с кровью.
Сумбур, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью!

Наш каждый писарь — Славянин,
Галиматьею дышит;
Бежит предатель сих дружин,
Кто галлицизмы пишет!

Сотрудники

Наш каждый писарь — Славянин
(и проч.)

Певец

Тот наш, кто день и ночь кадит
И нам молебны служит!
Пусть публика его бранит,
Но он о том не тужит,
За нас всегда стоит горой,
В Беседе не зевает...
Прямой сотрудник, брат прямой
И в брани помогает!

Сотрудники

За нас всегда стоит горой
(и проч.)

Певец

Хвала тебе, Славенофил,
О муж неукротимый!
Ты здесь рассудок победил
Рукой неутомимой.
О, сколь с наморщенным челом
В Беседе он прекрасен,
Сколь холоден перед столом
И критикам ужасен!
Упрямяство в нем старинных лет...
Хвала седому деду!
Друзья, он, он родил на свет
Славянскую Беседу!

Сотрудники

Упрямяство в нем старинных лет
(и проч.)

Певец

Хвала тебе, о дед седой,
Хвала и многи лета!
Ощую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клевет,
Шихматов безглагольный,
Как ты, славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный!

Сотрудники

Твой сын, наперсник и клевет
(и проч.)

Певец

Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб крдитель,
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель!
Телец, упитанный у нас,
О ты, болван болванов,
Хвала тебе, хвала сто раз,
Раздутый Карабанов!

Сотрудники

Телец, упитанный у нас
(и проч.)

Певец

Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистошимый,
Стихи твои, как барабан,
Для слуха нестерпимы!
Везде с стихами, тут и там,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагам,
Стихами в уши свищешь.
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,
Ты за посланье — все бегут
И уши затыкают.

Сотрудники

Лишь за поэму — прочь идут
(и проч.)

Певец

Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров-преложитель,
Ревешь ты, как на волка бык,
Лугов пустынных житель!
Хвала тебе, протяжный Львов,
Ковач речений смелый,
И Палицын, гроза чтецов,
В Поповке поседельный!
Хвала, наш пасмурный Гервей,
Обруганный Станевич,
И, с польской лирою своей,
Холуй Анастасевич!

Сотрудники

Хвала, наш пасмурный Гервей
(и проч.)

Певец

Друзья, сей ковш пивной большой
За здравье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
И создан для Хвостова.
В твоих устах стихи режут,
Как волны пеной плещут;
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут.
Хвала, Беседы сей дьячок,
Безумный Политковский!
Жуешь, гнусишь и вдруг стишок
Родишь славяноросский.

Сотрудники

Хвала, Беседы сей дьячок
(и проч.)

Певец

Их груди каменной хвала,
Хвала скулам железным!
Но месть тому, кто нас бранит
И точит эпиграммы,
Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы!

Сотрудники

Но месть тому, кто нас бранит
(и проч.)

Певец

Сей кубок мщению! Други, в строй,
И мигом перья в длани!
Сразить иль пасть — наш роковой
Обет в чернильной брани.
Вотще свои, о Карамзин,
Ты издал сочиненья:
Я, я на Пинде властелин
И жажду лишь отмщенья!

Сотрудники

Вотще свои, о Карамзин
(и проч.)

Певец

Нет логики у нас в домах,
Грамматик не бывало;
Мы próлог в руки — гибни, враг,
С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильнее —
Рассудок или мщение?
Пришлец, мы в родине своей!
За глупых Провиденье!

Сотрудники

Отведай, дерзкий, что сильнее
(и проч.)

Певец

Друзья, прощанью сей стакан!
Уж свечи погасили,
Пробили зорю в барабан,
К заутрене звонили,
Пора домой, пора ко сну,
От хмеля я шатаюсь. . .

Граф Хвостов

Дай басню я прочту одну
И после распрошаюсь.

Все

Ах нет, друзья, домой, домой!
Чу, петухи пропели!
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай, мы охмелели,
Но ты нас в путь благослови!
А вы, друзья, лобзанья
В завет и новья любви,
И нового свиданья!

1813

К. Н. Батюшков

ЕЩЕ ПАРДИЯ

Наш Милорадович хвала!
Впопад не молвит слова,
А делает и он дела,
Когда велит Ежова.
Ее наперсник Шаховской
Советник графу верный;
Он хитр и зол, как змей морской,
А сводник так примерный.
Хоть графу шестьдесят уж лет,
Но он мазурку пляшет,
Стыда и совести в нем нет,
За Телешевой машет.

7 января 1824

А. Е. Измайлов

* * *

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная? . .

1818

А. С. Пушкин

* * *

До рассвета поднявшись, извозчика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бирюков;

Не с Цертёлевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
За баллады, сонеты путем.

Но во фраке был он, был тот фрак запылен,
Какой цветом — нельзя распознать;
Отгопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь.

Вот к обеду домой возвращается он
В трехэтажный Моденова дом,
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
И согласно хмелен с седоком.

Бирюкова он дома в тот день не застал, —
Он с Красовским в цензуре сидел,
Где на Олина грозно вдвоем напирал,
Где фон Поль улыбаясь глядел.

Но изорван был фрак, на манишке табак,
Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, знать в питейном дому
Был квартальными больно побит.

Соскочивши на Конной с саней у столба,
Притаяся у будки, стоял;
И три раза он кликнул Бориса-раба,
Из харчевни Борис прибежал.

«Подойди ты, мой Борька, мой трагик смешной,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но, право, скотина лихой,
И скотство по нутру мне твое».

(Продолжение когда-нибудь.)

Между 1822 и 1824

А. Дельвиг

РУССКАЯ БАЛЛАДА

До рассвета поднявшись, извозчика взял
Журналист наш Измайлов с Песков,
И без отдыха гнал он с Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бируков.

Не с Цертэлевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
За романсы, баллады путем;

Но во фраке был он, пылью фрак занесен,
Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь.¹

Соскочив у ворот, как с полка жирный кот,
Кошелек из кармана достал;
Расплатившись с возницей, в ворота идет
И Бориса в очках повстречал.

«Ты скажи мне, Борис, что твой носик повис?
Откровенен всегда ты душой;
Намекни мне врагов; разгоню будто крыс;
Безопасен ты будешь со мной».

---

¹ До зде барон Дельвиг (*Примечание А. Е. Измайлова*).

— «Пусть Фаддей замолчит, как Цербёр не ворчит:
Защити от него ты меня.

А с бароном я слажу. Барон только спит
Среди ночи, средь белого дня».

— «Но скажи наконец, что́ задумал пришлец?
Он, клянуса очками,— пропал...»

— «Он коё-что в «Записках» нашел, мой отец!
И тебя он в «Листочках» задрал!»

И Измайлов тогда, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал. . .

«Успокойся, Борис, будешь мною спасен»,—
И Борису он руку пожал.

Есть писатель на Мойке; в огромных стенах,
Он под кровлю бежит от людей;

Не видали, как прячет фонарь на глазах,
И писатель сей, кто он?— Фаддей.

Есть другой, по друзьям знаменитей,— кто он?
Он в просоньи лишь смотрит на свет:

То поэт молчаливый и мрачный — Барон,
Для Плетнева он лучший поэт.

И Измайлов доволен: барон и Фаддей
Насмешили досыта людей.

1825 (?)

А. Е. Измайлов

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ БУТОШНИКОВ

ПОУЧТЕЛЬНАЯ БАЛЛАДА

Сочинение *Елистрата Фитюлькина*

Автор и читательница.

Читательница. Здравствуйте, сударь!

Автор. Здравствуйте, сударыня!

Ч. Я сейчас читала ваших бутושников.

А. Радуюсь и поздравляю вас.

Ч. Скажите, не стыдно ли вам было написать такую гадость? Неужели вы решитесь издать ее?

А. Почему ж не так? Что ж делать, если я не смогу найти другого, более занимательного предмета.

Ч. Вы худо поняли меня; предмет, вами избранный, мог бы быть занимателен, когда бы был хорошо обработан. Чиновники полицейские также люди; надлежало обнаружить злоупотребления, могшие вкратце в исполнение их обязанностей; по крайней мере тогда бы вы могли сказать, что имели цель похвальную. Самый недостаток цели в сочинениях такого рода вознаграждается красотой и легкостью стихов, щеголеватым изложением, остротами, кстати вставленными, а у вас. . .

А. Ваша правда, ни слог мой, ни стихи не отличаются упомянутыми достоинствами; но, сударыня, вы поступаете несправедливо, утверждая, что сочинение лишено цели; оно имеет ее, и притом двойную.

Ч. Какую же?

А. 1-е. Доказать, что противу благоустроенной полиции и нечистые духи устоять не могут. 2-е. Удовлетворить основательным, ежедневно возобновляющимся требованиям неотвязного кредитора моего, нужды.

Ч. Это не оправдание: для денег напишите что-нибудь дельное, употребите всё ваше старание. Притом неужели вы надеетесь сбыть много экземпляров вашего кропанья!

А. На сие скажу, что для *дельного* сочинения нужны два невещественные капитала: талант и время; одного не дает мне вышереченный кредитор мой, а в другом природа отказала; почему и решился я сделать кой-что, кой-как, лишь бы скорее; относительно же раскупления баллады моей, меня ободряет пример гг. Выжигиных, пред коими она имеет важное преимущество: ее можно прочесть несравненно скорее.

Ч. Неужели вы только и нашли в полицейских достойного описания, что одну их склонность к развеселительным напиткам?

А. Если бы я стал описывать похвальные их качества, то бы моя баллада никогда не кончилась; если бы вздумал искать в них недостатков, то моя баллада никогда б не началась, а потому и осталась мне в поживу только

милая слабость, общая и, так сказать, наследственная в их да и во многих званиях.

Ч. Предупеждаю вас, что все журналы осыплют ваше сочинение. . .

А. Известно чем; а тогда я не поленюсь написать *Двенадцать спящих журналистов*, и они у меня выйдут еще хуже бутושников. Но, впрочем, я спокоен: у нас критика всё оскорбительное бережет пока для творений, ознаменованных печатью истинного дара, то прилично ли ей и ее кавалерам сервенти, журналистам, заниматься таким пустяком, каковы мои бутושники!

Ч. Можно ли было оставить без исправления стихи:

*И стали вокруг него
В почтительном молчаньи.*

Тут не разберешь, лошади или рабы.

А. Ах, сударыня! Когда мне было выправлять; не забудьте кредитора моего. Вы, верно, не были с ним знакомы?

Ч. Или еще: *конюшенки почетны. . . По одному годочку*. Хоть бы вы из стыда заменили сии стихи другими.

А. Ах, сударыня! Ведь я занимался этим кой-когда, время скользко, а кредитор тут как тут.

Ч. Откуда заимствовали вы выражения *расквасить нос и губы. . . паршивая собака. . .* и проч.?

А. Из «Полицейского словаря», который (мимоходом сказано) служит важнейшим пособием для некоторых гг. сыщиков и следственных приставов.

Ч. А какой конец у вас! Фи!

А. Да перестаньте, ради бога!

Ч. Есть строфы неполные, и часто смысл переходит из одной строфы в другую, и. . .

А. Боже мой, вы вывели меня из терпения! Да отвяжетесь ли вы от меня? Я, наконец, возьмею об вас мнение, самое оскорбительное для существа, созданного по образу и подобию божию.

Ч. А что такое подумаете вы обо мне?

А. Я подумаю, что вы переодетый Журналист.

Ч. (*поспешно уходя*). А!!! так прощайте, судары!

А. Прощайте, сударыня!

ОБРАЩЕНИЕ К ЦЕНЗУРЕ

Цензурушка!
Голубушка!
Нельзя ли пропустить?

Я господу
О здравии
Твоем буду молить!

Свободу я
Тиснения
Всегда буду бранить!

Цензурушка!
Голубушка!
Нельзя ли пропустить?

**КРАСНОРЕЧИВОЕ ВОЗЗВАНИЕ К НЕКОТОРЫМ
Г-М ЖУРНАЛИСТАМ И КРИТИКАМ**

Уть! уть! уть!
Пыря! пыря! пыря!
Цып! цып! цып!

Царица русских городов,
Москва уже дремала;
Уже меж тонких облаков
Луна, дымясь, сияла.
В объятых сладостного сна
Граждане все томились;
Была повсюду тишина;
Огни везде затмились.
Подул от полночи борей
Холодными устами,
И мчится в ярости своей
Река, плеща водами.

И там, где бьет сильней волна,
Где снегом пена хлыщет,
Где шар земной прорыть она
До средоточья ищет,

Там бедный трубочист Фаддей,
Глубоко вздыхая,
Стоял, безжалостных людей
И рок свой проклиная.
Стоял он — с мосту вниз смотрел
И горько улыбался;
Окончить жизнь свою хотел
И с жизнью прощался.
«Прости навек, прекрасный свет! —
Сказал он со слезами.—
Едва в тебе я двадцать лет
С двумя гостил годами,
И жизнь уже постыла мне,
Прервать ее желаю;
Увы! мученья лишь одни
Себе я в ней встречаю.

Иной весь в лентах, весь в звездах,
Весь в золоте сияет,
Лишь взглянет — всяк пред ним во прах
Главу свою склоняет;
Иной средь роскоши живет
С красотками младыми,
Заморские лишь вина пьет,
Ест соусы с жаркими;
А я от каждого презрен,
Питаюсь черствым хлебом,
И тот нередко принужден
Жевать под чистым небом.

Мясца же мне и на святой
Едва нюхнуть случится,
И должен целый век я свой —
Хоть рад, хоть нет — поститься.
Лишен отрады всякой я,
Лишен и ожиданья;
Москва-река, прими меня,
Окончь мои страданья!»
Спрыгнуть уж с мосту он готов,
Но вдруг пред ним явленье:
Из грозных пенистых валов
Восходит привиденье!

Ужасный, с башню, великан,
С пунцовыми глазами,
Он ими сквозь ночной туман
Сверкал как бы звездами.
Шесть рог на лбу имел своим,
Носам и сметы нету,
Из уст огонь и дым столбом,
Сам весь как уголь цветом.
Как ад нахмурившись, идет
По зыбким вод равнинам;
Под ним грозней река ревет,
Звучней шумит пучина.

Разинув рот, Фаддей стоит,
По членам хлад струится,
От страху весь как лист дрожит,
И сил нет удалиться.
«Куда, безумец?» — он спросил.
— «Искать конца мученьям!»
— «Почто ж ты, дуралей, забыл
Ко мне предстать с моленьем?»
— «Но кто ты?» — бормотнул Фаддей,
От ужаса бледнея.
— «Твой друг и общий друг людей,
Ты видишь Асмодея».

Фаддей оледенел — вздрогнул,
Вотще уйти старался,
Хотел воскликнуть *караул!*
Но голос отказался.
«Глупец! что так робеешь ты?
Скрепись! не ужасайся,
Откинь ребячьих дней мечты
И бабьих врак чуждайся!
Стыдись рассказам доверять
Душ слабых, боязливых!
Ах! если б мог уже ты знать,
Сколь в аде мы счастливы!

Как братья в оном мы живем,
Беседуем, гуляем;
Всечасно пляшем и поем;

Что скука есть — не знаем.
Всегда бывает нам тепло,
Топить хоть век не надо,
Спокойны реки, как стекло,
Смотреть душе отрада.
Что шаг, то взор твой веселят
Сады, луга, дубравы;
Таков наш ад. любезный ад,
Обитель блаи и славы!

Тебе могу красу я дать
С богатством и чинами,
Искусство меж людьми блистать
И дар играть сердцами.
Для тела ловкость твоего,
Проворство для движений;
Не будет равных никого
Тебе среди сражений,
И станут девушки твой взор
Ловить, для всех желанный,
Посеет между их раздор
Сей взор непостоянный! . .

Бароны, графы и князья
Об гордости забудут,
Словцо, улыбку от тебя
Считать за счастье будут.
И ревностно начнут служить
Тебе все силы ада,
Склонись лишь душу уступить
Свою за то в награду.
Что медлишь? запоем сейчас
Петух, злодей мой вечный,
И скроюсь от твоих я глаз
Навек, дружок сердечный!»

Стал думу думать наш Фаддей,
Подумал, соблазнился,
За золото душой своей
С Асмодькой обменялся;
Обет ужасный написал
Он кровию своюю

И с трепетом его отдал
    Мерзавцу Асмодею.
Сей прыснул на него водой
    С трикратным страшным воем,
И трубочист Фаддей красой
    Сравнился с Антиноем.

«В задаток (так Асмодька рек)
    Возьми, мой друг, сей чудный,
Набитый златом кошелек
    Да перстень изумрудный.
Из кошелька десяток лет
    Не истощится злато;
А перстню весь покорен свет,
    Как былие булату.
Его лишь стоит повернуть —
    По-твоему всё станет;
Но десять лет когда пройдут,
    Последня ночь нагрянет,

Когда, объаты негой сна,
    Сомкнут граждане очи,
Взойдет на небеса луна,
    От облак час полночи
Звения слетит, начнет стихать, —
    Явлюсь я пред тобою,
И вместе в ад мы пировать
    Пойдем рука с рукою!»
Умолк, разверзлось лоно вод,
    Пожрало исполина;
Ужаснее река ревет,
    Шумит звучней пучина.

Уже печальной ночи тень
    С лица земли сокрылась,
Прекрасный воцарился день
    И солнце воцарилось;
Стараясь совесть усыпить,
    Взялся Фаддей за дело,
Задумал — перстень свой вертит. . .
    Внезапно закипела
Вокруг его толпа рабов

(То были духи злые),
Коляска, кони с берегов
Аравии лихие.

И стали стройно пред него
В почтительном молчаньи
И алчут прочитать в его
Очах его желанья.
С какою важностью подъял
Фаддей свою десницу,
Как громко, гордо приказал
Придвинуть колесницу,
Как величаво крикнул, сел,
Склонясь на боковую;
Как барски закричал: «Пошел!
Пошел на Моховую!»

Не дом — дворец себе купил
На улице он этой,
Сто тысяч тотчас заплатил
Наличную монетой.
Мгновенно убран был сей дом
Красиво и богато;
Повсюду бархат с серебром,
Повсюду мрамор, золото;
И дышит каждая стена,
Чудесною десницей
Рафаэля оживлена.
Там пламенной денницей

Горят и блещут небеса
Над Юрой ледяною;
Там дремлет юная краса
Под сенью древ густою,
И пылкий юноша глядит
На милое создание,
Трепещет грудь его — горит
В очах огонь желанья;
Там лев за чашей, притаясь,
Добычу выжидает,
А сзади егерь, приложась,
Свинцом его сражает.

Там мчится стая гончих псов
    За ланью белоснежной,
И Адонис из-за кустов
    Глядит с Кипридой нежной.
Всё живо так изображено,
    Что око в заблужденьи,—
Живым предметам не дано
    Единого движенья.

Прошу пожаловать в сады,—
    Конца затеям нету:
Ручьи, и гроты, и пруды,
    Каскады, водометы;
Из дальних звери там краев,
    Из дальних стран растенья,
Чудесных запах, блеск цветов
    И птиц чудесных пенья.
Плоды, каких угодно вам,
    Во всякие дни года;
Раба покорнейшая там
    Хозяина природы.

В сараях дрожек и карет,
    Дормезов иностранных,
Колясок и кабриолет,
    Пленительно убранных,
Не перечел бы, господа,
    Я в месяц полносчетный. . .
Так просим милости сюда,
    В конюшенки почетны!
Взгляните! о, восторг моих
    Всех чувств и радость ока!
Вот двести жеребцов лихих
    Из отчизны пророка.

А в кухне, ах! чего там нет!
    Что в Африке родится,
В златой Америке цветет,
    На дне морей таится;
Что в быстрых плещется водах
    Сибири небреженной;

Что вьется летом в небесах,
Что зреет в отдаленной
Ост-Индии,— всё здесь, Фаддей,
Всё здесь, Лукулл наш новый,
По гласу прихоти твоей
В угодность ей готово.

Дни в три героя моего
Столица вся узнала,
Повсюду имя уж его
Из уст в уста летало.
Везде все спорили об нем,
Шумели, толковали;
Однако ж кончили на том,
Что толпищами стали
К нему и ездить и ходить,
Чтоб плотно наедаться,
Хозяину бесстыдно льстить
И пьяным напиваться.

Вседневно дом набит его
Бонтонными гостями,
Которы служат для него
Потехой и друзьями.
Он с ними собственны всегда
Достоинства считает,
И даже им он иногда
Творения читает,
Которы для забав своих
Стихами сам составил.
Внемлите, каждый как из них
Его таланты славил:

«Вот этот ум — сказать, что ум,
Ей-ей, на удивленье!
Какая туча мудрых дум,
Какое, брат, паренье!
Куда Руссо! С умом своим —
Фаддею он в подметки,
Гельвеций и Вольтер пред ним —
Как пред китом селедки.

Читал ли ты, mon cher ami,¹
Его стихотворенье:
О равенстве скотов с людьми?
Ну что за сочиненье!»

А сами устриц между тем
И стерлядь убирали,
Проворно торт, безе и крем
Шампанским запивали.
Обед окончился, встают,
Пыхтя, сопя, краснея,
И все в гостиную идут,
Чтоб там еще пьянее
Напиться, в карты поиграть
Для *времяпровожденья*,
Друг друга в картах разругать
Для *дружбоизъявленья*.

Вот ночь. Гостей уж боле нет,
Один Фаддей остался
И скрытой дверью в кабинет
Роскошный свой пробрался.
Там нимфы юные его
Давно уж ожидали;
Их сорок. Молча пред него
Они с улыбкой стали.
Блондинок милых целый хор,
Брюнеток рой чудесный;
Куда Фаддей ни кинет взор,
Там ножки их прелестны,

Там щечки аленькие их
Его глаза встречают,
Там перси полные у них
Косыночку вздымают.
Одну он наконец избрал
И, полный вожделенья,
К себе красавицу позвал
Десницы мановеньем.
Другие пляшут и поют,

---

¹ Милый друг (франц.).— *Ред.*

Иль легкими перстами
Волшебны звуки издают,
Играя со струнами.

Так веселился наш герой,
В забавах утопая
И голос совести лихой
Сколь можно заглушая.
Двенадцать нажил сыновей
Себе он в год единый,
Презрел плачевный вопль детей,
Отрекся от невинных.
Но чад оставленных щитом
Был Части той смотритель,
Он дал им пристань — Съезжий дом,
Смирения обитель.

Лишь полицейские одни
К Фаддею не ходили,
И на пирах его они
Лишь позабыты были.
Фаддей их даже не дарил
По праздникам великим,
И всяк из них его честил
Львом, тигром, зверем диким.
Как, как бы к денежкам его
Подлезть, они не знали
И только втайне на него
Зубами скрежетали.

Стеклись однажды посему
Они на совещанье,
Какое б лучшее ему
Придумать наказанье.
Но прежде всяких дел своих
За штофы принялися;
Пунш, водка, крок в стаканы их,
Ерошка полилися,
И каждый весело гласит:
«О водочка драгая!
*Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!»*

Вот Частный той части, где жил
Фаддей, восстал, шатаясь,
К собранью так провозгласил,
Бурля и запинаясь:
«Друзья, товарищи! ко всем
Вам речь я обращаю!
О горе ведайте моем:
Заподлинно не знаю,
По сатанинскому ли то
Лихому наважденью,
Иль также статья может, что
По божью попущенью,

Но вот уж год в части моей
Мерзавец проживает,
Из бестий бестия, Фаддей,
По отчеству черт знает.
Колдун быть должен, господа!
Изволит забавляться
Ночь-ночинскую иногда,
А не к чему придраться!
Или кого в сердитый час
Ино до слез обидит,
Ты что б поддеть его хоть раз. . .
Нет — из воды сух выдет.

Случится, вы ко мне, друзья,
На вечерок зайдете,
Небось захочете питья!
Рацею заведете:
«Богач-де у тебя живет,
По ночкам веселится,
Так как, дескать, тебе, мой свет,
С него не поживиться!»
А я. . . Ох, завтра день велик
(Крестится и вздыхает) —
Отсохни у меня язык,
Пословица вещает,

Ни шерсти одного клока
От козлища дрянного,
Ни малой капли молока,

Ниже чего другого.
Его нам должно проучить,
А то, без наказанья
Вы если будете сносить
Столь гнусные деянья,
То не забудьте о моем
Неложном предреченьи —
Мы скоро, скоро доживем
До светопреставленья».

Он кончил; стали все кричать,
Гортани не жалея,
Хотели многие предать
Анафеме Фаддея;
Но Сыщик стал против того
И так о том толкует:
«Пожалуй, проклинай его,
А он и в ус не дует.
Нельзя ль где хвата прицепить,
Да хорошенько в зубы,
Да рожу на сторону сбить,
Расквасить нос и губы.

Тогда, ручаюсь вам, соврет
Он многое невольно,
И небыль на себя взведет,
Как будет дюже больно».
Все с этим мнением его
Бесспорно согласились;
Прижимки сверх еще гого
Различные решились
Они Фаддею учинять;
Писцу же содержанье
В журнал велели записать
И плод их совещастья.

Перо писец наш обмакнул,
Заткнул его за ухо,
Понюхал табаку, чихнул
И, потрепавши брюхо,
С довольной рожей начал крыть
Своим журнал мараньем:

«Такого-то числа прибыть
Изволили в собранье
Для совещанья о делах
Такие-то такие,
В мундирах, фраках, сюртуках
Особы пребольшие,
Носастые,
Губастые,
Пузастые,
Брылястые.

И были сыщики (глава
Всех следственных процессов),
Квартальные и пристава
И секретарь Сынбесов;
Чиновнейшие господа,
Служаки заслуженны,
И так, как водится всегда
В компании почтенной,
Все пунш до красноты носов
И ерофеич пили,
Фаддейку, плута из плутов,
К прижимкам осудили».

Но тщетно всячески прижать
Они его старались,
Ни в чем не удалось поймать,
И только что ругались.
Спокойно буйный наш Фаддей
Пил, ел и забавлялся
И над полицией от всей
Души своей смеялся.
Смеялся, но десятый год
Почти прошел,— ужасный
Последний месяц настает,
И близок день несчастный.

Фаддея трепет обуял;
Забыл он предаваться
Забавам, слезы проливал,
Не стал и насмехаться;

Внезапно брошенных своих
Детей воспоминает;
Представить в то же время их
К себе повелевает.
«Я с полицейскими чрез них
(Он мыслит) примирюся,
И адских более своих
Врагов не убоюся!»

Они явились, вокруг его
В сермяжных бронях стали
И нежны взоры на него
В безмолвии кидали.
Незнаемые чувства в нем
Дотоле пробудились,
И очи нежности огнем
Отцовской засветились.
Попеременно всех он их
В объятиях сжимает
И жить в покоях уж своих
С сих пор повелевает.

При всем старании своем,
С полицией помириться
Единым не успел он днем,
И вздумал уж пуститься
На хитрости. Вот первый час;
Асмодька вмиг явился:
«Прошу пожаловать, для вас
Я вот как потрудился! —
И указал на сыновей. —
Не правда ли? Обновы
Лихие аду по моей
Здесь милости готовы?»

Нечистый кинул беглый взор...
И запылали очи,
Как бед предвестник — метеор
Во тьме осенней ночи.
Простер к Фаддею руку он
С улыбкою злодушной,
И торг ужасный заключен.

За души злополучных,
За души сыновей своих
Ты получил отсрочку,
Фаддей! за каждого из них
По одному годочку.

Простились, грешник отдохнул
И мыслью торжествует!
«Коль я уж черта обманул,
Так кто ж меня надует?
Пускай попробует его
Прийти за сыновьями,
Пушу я частных на него
И сыщиков с когтями».
И тотчас к полицейским всем
Послал он приглашенье:
— Хочу-де в доме я моем
Дать друзьям угощенье!

И кучей начали друзья
К нему сии стекаться,
Отвсюду, будто воронья
В лесу на пададь, мчатся.
День целый радостный Фаддей
Хлопочет, суетится,
Бежит в сенях встречать гостей
И просит не чиниться.
Всех их он деньгами дарит,
Мясами начиняет,
Шампанским, и шатолафит,
И пуншем угощает.

Но сколько ни пили они,
А всё им не веселье;
Лишь чуют головы свои
В сомнительном похмелье.
И согласились все просить
По-дружески Фаддея,
Чтоб не шампанского им пить,
А подал ерофея
«Ты дай, дружище, нам того. . .

Покрепче... разумеешь!..
А это — лопни хоть с него,
А всё не опьянеешь!!!»

Явился и ерошка-плут;
Все вмиг к нему гурьбою;
Не рюмками — стаканом пьют
И хвалят меж собою.
Вот пили, пили и, когда
Как должно напились,
В приятельский кружок тогда
У штофов собралися;
И дружно в горлышко одно
Запели, еле стоя:
*«О, всемогущее вино,
Веселие героя!»*

Уж полночь — всякий опьянел,
С хозяином простился,
Домой шатаючись побрел
Иль к должности пустился.
Каких чудес во тьме ночей,
Друзья, вы не узрите!
Вот, например, к сторонке сей,
К перилам посмотрите:
Квартальный пьяный там идет,
Качаясь как тростина,
Его лакеишко ведет,
Достойный господина.

И взвидел полицейский глаз,
Что в луже шевелился
Какой-то пьяница; тотчас
Мой крюк остановился.
«Меня к забору, — рек, — приставь,
А этого скотину
Скорей на съезжую отправь!
Ступай!.. родному сыну
Я пьянства не прощу вовек!
Какого развращенья
Достигнул ныне человек!
И всё от просвещенья!»

Так наш квартальный восклицал,
Язык едва вращая;
Старинный век благословлял,
Новейший проклиная.
Как клюковка, голубчик мой,
Пиончик в полном цвете,
Рисует, идучи домой,
И люди и мыслете.
Приплелся — растянулся спать
С пленительной мечтою,
Что завтра будет пить опять,
Закусит колбасою.

С сих пор отвсюду к одному
Они ползли Фаддею
Для поклоненья своему
Амуру-ерофею.
Чуть только солнышко взойдет,
Чуть утро улыбнется,
Толпа квартальных уже пьет
И вокруг колбаски вьется;
Всего же более их тут
Сбиралася беседа
Между торжественных минут
Закуски и обеда.

Но вот двенадцатый уж год
Подходит нежеланный;
Раздумье грешника берет;
Он мыслит: «Окаянный!
Не получить тебе меня
В свои когтисты руки;
Не испытаю адской я
Толико страшной муки.
Себе спасение найду
За грудью полицейской,
А зубом ты скрипи в аду
В бессильи злобы змейской».

Раз всех крючков он пригласил
К себе на пированье,
За пуншем им вполне открыл

Души своей страданье,
И все провозгласили вдруг:
«О милый, о почтенный,
О вселюбнейший наш друг!
О друг ты наш бесценный!
Не опасайся ничего;
Попробуй он явиться! . .
Да мы, да мы, да мы его! . .
Нет! . . с нами жутко биться! . .

Его туда запречем мы,
Где гады, сырость, холод;
Темней где самой адской тьмы,
Где вечно жажда, голод,
Где из чертей никто не был;
И ворон стервоядный
Куда костей не заносил;
Где волк не рыскал голодный!»
Когда же кончили орать,
То положили мненьем,
Чтоб пару бутושников дать
Дружку для охраненья.

И стал спокоен наш герой,
Пирует, веселится. . .
А день последний — за горой,
И солнце уж садится! . .
Вот час полночный зазвенел!
Асмодька появился,
Но бутושников чуть узрел,
В ад тотчас провалился
И Сатане рапортовал,
Что грешников прикрыли. . .
Внезапно ад весь застонал
И фурии завыли.

И свист, и лай, и визг, и треск,
И скрежеты зубами;
И дланями отвсюдный плеск,
И щелканье бичами.
К Фаддею Сатана предстал,
Ужасный Царь геенны,

Весь пышет жаром, как металл,
В горниле раскаленный.
Что шаг свирепый ступит он,
То молнии сверкают;
Земля дает унылый стон
И громы ударяют.

Стал трусу праздновать Фаддей,
Трясется и бледнеет,
Объятый ужасом, очей
Поднять к врагу не смеет.
Но ободрил его тотчас
Квартальный, муж серьезный:
«Что нужно, брат, тебе у нас?» —
Рек Сатане он грозно.
— «Пришел свое добро я взять,
Вам братья я не мешаю,
И вы мне не должны мешать;
Я весь ваш кодекс знаю!..»

— «Сперва у Частного спросись
(Коль право твое дело),
Потом квартальным поклонись;
Велят — потащишь смело.
А прежде тронуть волоском
Не смей их, окаянный!
Ступай, хожалый, в Частный дом,
Зови скорей квартальных
И частных приставов сюда;
Скажи им: „Наш дружище
Готов достаться, господа,
В ад, черту на игрище...“»

Внезапно стали налетать
На двор они толпами;
Ругают дьяволов, грозят
И Сатане очами.
Сначала было вздумал он
Пред сыщиком храбриться,
Но после понизил тон
И предложил мириться.

Да только сыщик молодец,
Не дался в уловенье
И закричал: «Ах ты, подлец!
Ах, гнусное творенье! . .

Как, как дерзнул ты предложить
Измену мне такую,
За деньги правду чтоб забыть
Я мог когда святую!»
В сердцах со стула соскочил,
Надул претолсто губы;
Рукав по локоть засучил —
И Сатану шарк в зубы.
Несчастный Сатана сробел,
Стоял молча, бледнея;
А сыщик снова налетел
И хватъ его по шее.

Геенны бедный царь во прах
Пред ними преклонился,
И милости просить в слезах
У грозных он решился.
Стал всепокорнейше молить,
Чтоб дали позволение
Ему всё дело изложить
Пред ними на сужденье.
«Ага! давно бы тебе так,
Паршивая собака!
Мерзавец, бестия, дурак,
Каналья, забияка!

Да что ж изволишь ты стоять
Пред нами, как колода?
Не время понапрасну ждать
Тебя нам здесь, урода!
Ну, говори!» — И рассказал
Им дьявол про Фаддея,
Каким он образом попал
В тенета Асмодея.
И скромно сыщика просил

Рассказа в заключенье,
Чтоб он в сем деле объявил
Ему свое решенье.

Со всею братьей для сего
Наш сыщик совещался,
И вскоре так, как гром, его
Медвежий глас раздался:
«О Сатана! владыко тьмы!
Рогами в прах склонися!
Внемли, что днесь решили мы,
И молча покорися;
Ты хочешь этих грешных взять,
О том мы рассудили
И правосудье оказать
Тебе предположили. . .

Старик, бесспорно, виноват,
Да нам он угождает;
Поить, кормить всегда нас рад
И деньгами снабжает.
В аду же вы, я знаю сам,
Не пьете, не едите,
И деньги тож не нужны вам,—
Так старика не ждите;
Никак его не отдадим.
Когда нам с ним проститься,
То где же так мы поедим?
И где нам так напиться?

А в отношеньи к сыновьям,
Согласен, Сатана, ты
В том, верно, с нами будешь сам:
Они не виноваты.
И, сверх того, принадлежат
К полиции блаженной,
Так не получишь ты их в ад
Никак, дружок почтенный!
А то нам и самих себя,
И стен-то будет стыдно.
Но в то же время, для тебя
Чтоб не было обидно,

Мы осудили разлучить
Фаддея с сыновьями;
Еще ж вина ему не пить,
А хлопать лишь глазами,
Когда порядком пировать
В его мы доме станем,
Ерошку будем попивать
И песенку затянем.
Что решено правдиво так,
Ты должен согласиться;
Ведь сам ты малый не тумак,
Тебе уж не учиться?

Сынов же осуждаем мы,
Для их же избавленья
От адской преужасной тьмы,
На долгое храпенье.
И всем им спать по время то,
Дотоль не просыпаться,
Поколе пьян из нас никто
Не станет напиваться;
И так как никогда сего
Отнюдь не может сбыться,
То должен ты без ничего
Всвояси возвратиться!..»

И бедный дьявол в ад побрел,
От горести стеная,
Как будто несолоно ел,
Полицию ругая.
Крючки ж стеклись вокруг своего
Спасенного Фаддея
И стали поздравлять его
За рюмкой ерофея.
Сынов же пенным простяком
Немедля усыпили,
Шинелью с красным воротком
Для хранности покрыли.

<1831> <В. А. Проташинский>

ВОЛШЕБНАЯ ГИТАРА

ПАРОДИЯ «ЗОЛОВОЙ АРФЫ» В. А. ЖУКОВСКОГО

Помещик богатый
Жил в дедовском доме на Чистых Прудах;
Громадой палаты
Казались при прочих соседних домах;
Кругом тротуары
И тумбы кругом,
И дом, хотя старый,
Но всё был богатый и убранный дом.

Сон мирный владельца
Гром дрожек рессорных порой нарушал;
Напев земледельца
Дремать ему часто и думать мешал.
Порой Петр Степаныч
Гулял по Прудам
И только что на ночь
Домой возвращался и ужинал там.

И в дом Бригадира
Сбирались гости досужней порой;
Там рыцари мира
Всегда веселились шумной толпой.
Дом убран: портреты
Семьи родовой,
Все в прах разодеты —
Кто в каске, кто в шляпе с высокой тульёй.

В тех шумных пирушках
Радужный хозяин рассказы любил
О дочках! — старушках.
Когда-то прекрасен и молод он был;
Езжал к ним он в дома;
На память ему
Хранили альбомы
И песен любовных большую суму.

Наталья Петровна
Во всем околотке царицей слыла
У всех безусловно;

Красавица барышня точно была;
    Как шелк золотистый,
    Как пышный атлас,
    Струею волнистой
Коса под резною гребенкой вилась.

    Румянец Авроры
У милой Наташи на щечках блистал,
    И страстные взоры
Лель часто слезою любви орошал;
    Шнуровкою узкой,
    Напевом сонат
    И речью французской
Пленялись Басманная, Пресня, Арбат.

    Прекрасней девицы
Не знали во всех околотках Москвы.
    Свах дружных станицы
Везде про Наташу жужжали молвы.
    На брак деве нашей
    Не выдан патент;
    Но сердцем с Наташей
Жил Киевской лавры кончалый Студент,

    Студент одинокой
Петь мастер, красавец был — кровь с молоком,
    Но рок — рок жестокой! —
Отцу жизнь окончить судил лишь дьячком.
    Наташа забыла
    Родительский чин
    И страстно любила
Студента, хоть он был не дьяконский сын.

    Бьет десять на башне.
По небу гуляет в раздумье луна;
    С семьею домашней
Хозяин ложится в объятия сна;
    Давным-давно лавки
    Уж заперты все,
    И прыгают в травке
Бульварных лягушек толпы по росе.

Под липой ветвистой
В тафтяном салопе и в старом цепце
Над влагой струистой
Сидела Наташа, душой о певце
Тоскуя прекрасном;
Его лишь ждала,
В забвении страстном
Она на бульвар его тихо звала.

С гитарою стройной
На лавке под липой садится Студент.
Зефир беспокойный,
Резвяся, порхает над бантами лент.
В аллеях бульвара
Кругом тишина,
И дружная пара
Сидела, любовным восторгом полна.

И долго молчали
Студент и Наташа в счастливых мечтах;
Беспечно все спали
Иль спать собирались на Чистых Прудах.
«Наталья Петровна!
Как волны в пруде
Текут произвольно,
Так годы с любовью в своей череде!»

— «Что в вечности хилой?
Другим, а не нам она гибельный бич.
Вы верны мне, милый,
Вы ангел-хранитель мой, Виктор Фомич!»
— «Но, счастье мира,
Я бедный студент,
Вы ж — дочь Бригадира,
И папеньке дорог дворянский патент!»

— «Скучать для чего же?
Нет, Виктор, к любви мы на свет рождены.
Кто нам всех дороже,
Того ни унижат, ни сделают выше чины.

Вы мне всех милее,
Дороже мне всех!
Да будь веселее —
С подругой твоею грустить тебе грех».

— «Наталья Петровна!
Не всех же фортуна слепая из нас
Ласкает здесь ровно:
Для всякого день есть особый и час;
Все жертвы кумира;
Кто счастья агент?
Вы дочь Бригадира,
А я — я ничтожный кончалый Студент!»

— «Помилуйте, что вы;
Не стыдно ль так думать вам, Виктор Фомич?
Мне с вами оковы
Дороже, чем славы и почестей клич!
Что в чине, что в славе?
Одно мне — любить!
В Сенате, в Управе
Иль в Думе вы будете, милый, служить!»

— «Однако, простите,
Наталья Петровна! Сейчас рассвет.
Чай, спать вы хотите?
Чу! слышите, кажется, три часа бьет!»
— «Ох! нет, это дворник
Бьет в доску у нас.
Вы вечный затворник,
Ужель вам так скучен свидания час?»

— «Да в доме проснулись;
Поверьте, взгляните-ка в ваше окно».
— «Нет, вы обманулись,
Все спят, осветилось зарею оно».
— «Уж утро-с... смотрите...»
— «Ах! Виктор, постой...»
— «Простите-с — простите...»
— «Когда же, мой милый, еще я увижусь
с тобой?»

Гитару печально
Под липой в раздумье Студент привязал:
«Вот дар мой прощальный,
В нем счастья сокрыт драгоценный фиал.
Звук этой гитары
Напомнит порой
И счастья чары,
И думы, и радость любви неземной.

А если случится,
Что друг ваш, убитый тоскою, умрет
(Чего он страшится),—
То в звуках гитары он вновь оживет,
Пусть грянут перуны,
Он с вами душой —
И звонкие струны
Его воскресят вам из тьмы гробовой!

Внимая их звуки,
Наталья Петровна, знакомую тень
Прижмут ваши руки
К груди — и настанет заветный ваш день!
И знайте тогда вы,
Как Виктор любил,
Как почести славы,
И службу, и всё он для вас позабыл.

Припомните кстати,
Что робость, застенчивость с вами моя
Исчезла: утрате
Бед жизни подлунной обязан тем я.
А ты, моя липка,
Ее осеняй!
И счастья улыбка
Пусть ей приготовит таинственный рай!»

Он смолкнул; но с милой
Натальи Петровны всё глаз не сводил;
Печальный, унылый,
Он что-то такое с собой говорил,

Как будто в припадке,
Ей руку пожал
И вдруг без оглядки
Он зайцем с бульвара домой побежал.

Еще ночь. Наташа
Садится под липу, а Виктора нет!
Ах! барышня наша
Узнала родительский грозный обет!
Узнал Петр Степаныч
Свиданья тропы;
Сменился день на ночь,
И — верст тысяч за пять — певец был отправлен
в попы!

От ранней обедни,
От всеобщей дева идет на бульвар;
Напрасно соседний
Чиновник и ставил, и снова гасил самовар,
И чаю звал кушать;
Наташа грустит
И ходит всё слушать,
Что голос гитары ей вновь прозвенит.

Нет вещего дара!
И мнится ей сказкой заветная быль:
Ни звука гитара,
Лишь ветер сердитый мчит с улицы пыль.
Весеннего утра
Проснулась краса,
И в блеск перламутра
Оделися воды, поля, небеса.

День минул, и ночи
Над сонной землею разостлан салоп;
Сон жмурит всем очи
И фраки до утра кладет в гардероб.
Спят смехи, спят шутки,
Гром дрожек замолк,
И к будке от будки
Взывает полиции бдительный полк.

Печально сидела
Наташа под липой, в любовных мечтах,
И что-то пропела.
Вдруг, чувствует, вспыхнул румянец в щеках,
Как от поцелуя,
Вдруг лист задрожал,
Без ветра танцуя,
И кто-то гитару настраивать стал.

Вдруг слышит, раздался,
И громко довольно, таинственный звук:
Певец не являлся,
А струны звенели, играли без рук:
«Натаалья Петровна! —
Ей голос сказал,—
Под суд уголовный
Покойный Студент ваш в Иркутске попал».

Ей сделалось дурно;
Наташа упала без чувств на скамью
И слышит над урной,
Мечтается, песнь гробовую свою.
Наташа очнулась
В четыре часа,
Когда уж проснулась
Заря и сияли над ней небеса.

С тех пор вечер каждый
Наташа, бывало, ходила на пруд,
И днем не однажды
Она посещала заветный приют.
Ей всё еще мнился
Гитарный напев;
Хоть часто сердился
На то Петр Степаныч, но презрен был гнев.

«Гитара, гитара!
Без умолку песню одну мне играй!
Нас в мире не пара;
Цвет жизни печальной, скорей отцветай!

Нет в мире лекарства
И доктора нет!
За скипетр, за царства
Меня не заманят любить здешний свет!»

Наталья Петровна,
Несчастливая, бросилась с берега в пруд...
Отцу поллюбовно
Всё дело окончить советовал суд,
Без ссоры, без пени.
С тех пор по ночам
Гуляют две тени
И липы всё ищут по Чистым Прудам.

<1831>

БАРОН БРАМБЕУС

БАЛЛАДА

До рассвета поднявшись, перо очинил
Нечестивый Брамбеус барон.
И чернил не щадил, *сих* и *оних* бранил
До полудня без отдыха он;
Улыбаясь, привстал и тетрадь отослал
В типографию к Працу барон.
В ней он Греча ругал, но под видом похвал,
Рассмотрев с тех и этих сторон.

Фантастический бес в кацавейке своей,
Потирая руками, гулял.
Слышен стук у дверей, и на зов «ну, скорей!»
В кабинет Тимофеев вбежал.
«Подойди, мой уродец, поэт мой плохой!
Ты три года мне друг и родня.
Будь мне предан душой, а не то — черт с тобой!
Пропадешь ты как пес без меня.

Я в отлучке был день. Кто у Смёрдина был?
На меня не точили ль ножи?
И к кому он ходил и хлеб-соль с кем водил?
Что заметил — ты всё расскажи».

— «Без тебя, мой барон! непогода была;
Целый день наш купец хлопотал —
И реформа пошла — Смирдина все дела
Полевой обрабатывать стал.

Тихомолком прокрался я к ним в кабинет
И внимал их преступную речь.
Передать силы нет Полевого совет!
Вдруг дверь настезь — и входит к ним Греч.
И, ему поклонившись почти до земли,
Наш Филиппыч ослабил уста...
Тут беседа пошла — разложили, нашли,
Что твой ум и ученость — мечта!

Что ты Смирдина скоро в банкротство введешь,
Что его ты султан Багадур,
Что ему ты всё врешь, празднословишь и лжешь,
Что богат ты и глуп чересчур,
Что бесстыдным нахальством ты всех оттолкнул,
Что откармливал только себя,
Что ты *сих* обманул, и что *оных* надул,
Что надежда плоха на тебя... .

И спасенья у них умолял наш Смирдин.
Призадумался Греч с Полевым.
«Ты наш друг, ты наш сын», — возглашает один,
И другой повторяет за ним:
«Пусть от злости зачахнет ехидный барон;
Но ты честен, желаем добра,
И теперь ты спасен, и не страшен нам он,
Обличить самозванца пора!»

Тут взялись за шляпы, за трости они,
<И Филиппыч их стал провожать:
И сокрылись они, и потухли огни... .>
Я ж домой поспешил убежать». —
И Брамбеус барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал;
Злобный вырвался стон: «Дам Иуде трезвон!
Он — клянись сатаню! — пропал... .

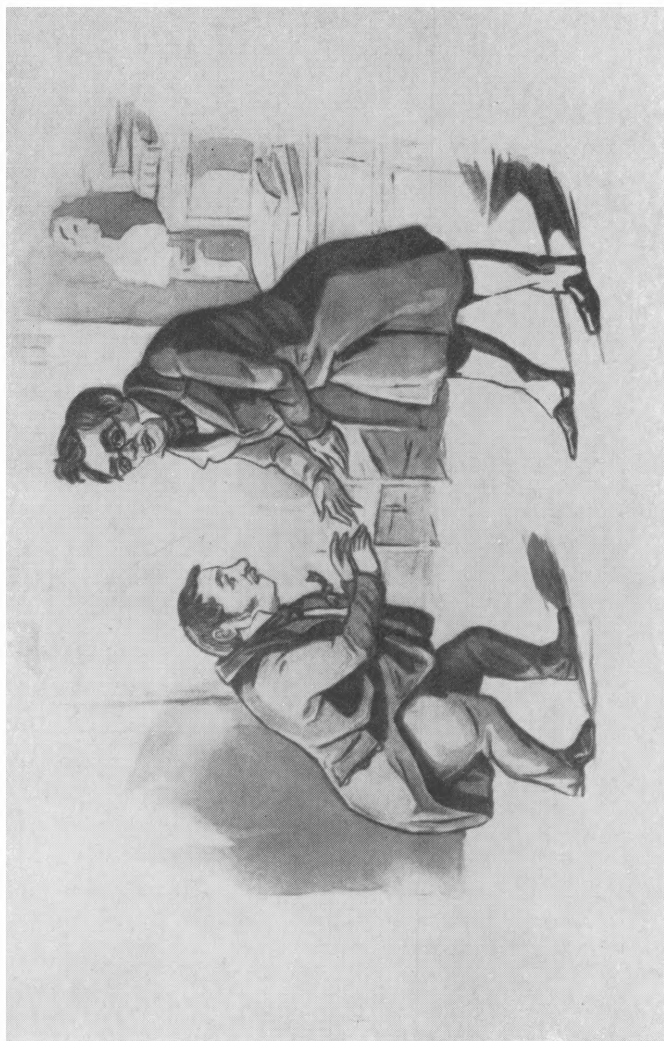
Но обманут ты не был ли гнусной мечтой,
Например, хоть мистерий твоих?
Ты невольно порой — ах, раздуй их горой! —
С панталыку сбиваешься в них». —
«Не мистерилося мне, не писал я пять дней,
И всё видел и слышал я сам,
Как он стал веселей, проводивши гостей,
Как он гнул непристойности нам.

Если ты не покажешь свой гнев, свою власть
Смирдину и клеветам его,
Я предвижу напасть: нам придется пропасть,
Нам не будут платить ничего.
Но бороться опасно — могуч Полевой,
И ужасен бывает и Греч!
Не рискуй же собой, ты, барон удалой!
Ведь тебя им, как плюнуть, — распечь!

Они бойко владеют пером и умом,
Их привыкли давно уважать,
И живут хоть домком, да нажили трудом,
А нет, так... но к чему пояснять!
Что сказал я, то знаю, ты понял, барон!
Ведь слова непритворны мои.
Ты отвесь им поклон, <так> не выгонят вон,
А не то нас отлупят они».

— «Ах ты, Миф Тимофеич! Из лыка ты сшит.
Ты мне смеешь советы давать!
Во мне ярость кипит: пусть Смирдин задрожит;
Я его поспешу наказать.
Кто Брамбеус — изменнику я покажу.
Будь свидетелем мести моей!
Я язык привяжу, дружка спать уложу.
В путь-дорогу собирайся скорей!»

— «Я не властен идти, я не должен идти,
Я не смею идти! — был ответ. —
Что шуметь без пути! Да и ты не кути!» —
И бежит без оглядки поэт.

Сел в коляску барон — кони борзые мчат
Из Почтамтской на Невский его.
Часу мщения рад... В беспорядке наряд,
И мутится в глазах у него.

Вот подходит к крыльцу, вот уж он на крыльце,
Вот в знакомый вбежал магазин,
Вытер пот на лице... Нет лица на купце:
Душу в пятки упрятал Смирдин.
«Я с тобою опять, друг почтеннейший мой!»
— «В добрый час, благородный барон!»
— «Ты в чести стал большой. Что, здоров Полевой?
Ну, скажи мне, что делает он?»

От вопроса Смирдин изменился лицом
И ни слова. Ни слова и тот!
Что-то будет с купцом? Счет плохой с наглецом,
А он, кстати, и счет подает.
Содрогнулся Смирдин, и в очах меркнет свет:
Счет ужасен! «Что будет со мной?
Дай один мне ответ: ты мне сбавишь иль нет?»
Но Брамбеус затряс головой.

«Беззаконную черти карают приязнь,
Нашей дружбе с тобою конец!
Ты изведал боязнь и ужасную казнь
Заслужил, вероломный купец!»
Он тяжелою шуйцей коснулся стола
И в минуту замок подломал,
Где наличность была,— всё десница взяла,
И Смирдин «караул!» закричал...

И в столе пустота роковая видна;
Счет ужасный лежит там один...
Прост голубчик! Одна его в этом вина.
И закрылся с тех пор магазин.

Есть в больнице «Скорбящих» недавний жилец:
Он дичится, на свет не глядит;
С ним ужасен конец; страшен он, как мертвец,
Он без умолку всё говорит:

«Был богат, был богат, а теперь разорен!
На козла бы его да под кнут!
Не барон, не барон, не Брамбеус барон —
Он мошенник, отъявленный плут!»

Есть на Невском проспекте огромный дом:
Громобоем хозяин живет:
Каждой ночью и днем зло пирует он в нем
И, вдобавок, журнал издает...
Сей счастливец богатый и пышный, — кто он?
Кто «Скорбящих» больницы жилец?
То злодей! нечестивый Брамбеус барон,
То Смирдин наш, известный купец!

Конец 1830-х годов

<К. А. Бахтурин>

⟨ **БАШНИ** ⟩

1. ПАУК И ГРОМ

Перед окном
    Был дом.
    Ударил гром,
И со стены паук
    Вдруг стук,
    Упал, лежит,
Разинул рот, оскалил зубы
    И шепотом сквозь губы
    Вот что кричит:
    «Когда б ослом
Я создан был Зевесом,
    Ходил бы лесом,
    Меня бы гром,
    Тряся окном,
    И дом
С стены не мог стряхнуть».

Нас чаще с высоты стараются сопхнуть.

2. ОСЕЛ И ЗАЯЦ

Осел — не птица,
Он не горазд летать;
Однако ж для него не в первый раз хвастать,
    Мычать

И род зверей всех уверять,
Что молодец и он летать,
Что он под облака взовьется, как синица
Или царица
Орлица.
А заяц тут: «Ну, нут-ка, полети!»
— «Ах ты, косой трусиха,—
Осел рычит,— летаю, как орлиха!
Но не хочу!» — «Пожалуй, захоти»,—
Так мудро заяц отвечает.
Осел бежит — скакает
И в яму — хлоп!

Не суйся в ризы, коль не поп!

3. КОМАР И ВОЛК

Комар
Жил у татар
Иль у казар;
Вдруг волк
К ним в двери — толк.
Давай кричать
И комара кусать.
Комар испугался,
На печку забрался.
Тут волк ему:
«С печи тебя стяну!»
А тот: «Нет, не достанешь,
Устанешь,
Отстанешь».
А волк
Вдруг скок
К нему тут на полати
Да вот его и проглотил,
А сам таков и был.

И мне пришлось сказать тут кстати,
Что сильный слабого недавно погубил.

И. А. Крылов

Се росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он,
Выспрь быстро, как птиц царь, нес звук на Геликон.
Се лик од, притч творца, муз читателя Свистова,
Кой поле испестрил российской красна слова!

1815 или 1816

<В. А. Жуковский, Д. В. Дашков,
А. Ф. Воейков и А. И. Тургенев.>

ПРИТЧИ

Я в царстве притченном так, как пчела, летаю.

«Мешки судеб». Притчи гр. Хвостова.

Ослу в рот не вложи разумны разговоры,
Ни филину, сове не дай прекрасны взоры.

«Поэма». Притчи гр. Хвостова.

Уверь, что звери все перед моим крыльцом.

Из той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Не вздумай по небу кататься на ослах.

Всё из той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Словесность на верхи кремнистых гор взлетает.

Из «Послания о пользе словесности» гр. Хвостова.

Иные, разум весь включая в сладость уха,
Не требуют в стихах ни вымысла, ни духа.

Гр. Хвостов.

Однако неоспоримо то, что притчи есть род самостоятельный.

*(Из примечаний гр. Хвостова к посланиям
гр. Хвостова).*

Итак, писатель оныя (притчи) необходимо должен погрузить свое перо в совершенную естественность.

Гр. Хвостов.

Кому противно что,
Тому, конечно, то
Не надо ни на что.

*Притча «Мышь и Орехи»
гр. Хвостова.*

Как хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй.

Гр. Хвостов.

Павлиным гласом петь толико неспособно,
Как розами клопу запахнуть неудобно.

*(Притча Дмитрия Хвостова из «Собеседника
любителей русского слова» 1783 года).*

ПОСВЯЩЕНИЕ ПРИ СЛЕДУЮЩИХ ПРИТЧАХ

Непринужденный баснослов,
Люблю я твой язык скотов:
Он прост, щеголеват и сладок,
Парнаса нашего ты приподнял упадок,
И с елисейских нив
К тебе, наш Лафонтен, твой мастер,
Друг Сумароков муз кричит: «Не будь ленив,
От ран словесности ты будь надежный пластырь!
Очисти вкус:
Скажи невеждам ты и школьникам Парнаса,
Что тыква, что арбуз,
И чтоб за нектар нам не выдавали кваса».
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я в трубу,
Не посажен я Музой в славной шайке;
А так бренчу
На балалайке,
И сам себе я только по плечу.
Но ты, мой меценат, взгляни на эти притчи,
В них, может быть, найдешь ты много дичи,
Но на себя пеняй: я б их не написал,
Когда тебя бы не читал.

1. СОБАКА

Лягавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: ну, если б был здесь мост,
Я б прямо пробежала
И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,
Не грызли б мне лягушки хвост.
Хоть у собаки ум и прост,
Но в этом случае не так-то глупо судит.
Вдруг издали плывет бревно,
Одно.
Оно
Надежду на душе лягавой тотчас будит.
Великой аргумент: авось.
И говорит себе лягавая: не бось!
Приблизилась к бревну и вот уж поравнялась,
Собака кое-как вдруг на него взобралась
И села попросту верхом.
Потом
Собака сделалась гребцом,
Гребет, гребет не веслами, ногами,
И не поет, как вечерами
Поют матросы на Неве
Иль матушке Москве,
А просто лает,
Но к берегу, однако, счастливо приплывает.

Учитель лучший нам — нужда.
Приди беда,
И всякая собака —
Не хуже Телемака.

2. МЫШЬ

В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть, и крыса.
Она, как баба Василиса,
Всё веселилася, не думая о том,
Что, может быть, придет ей встретиться с котом.

А кот зверок известной,
И с рыла, и с хвоста премилой, препрелестной
А попадись ему, так будет тесно.
Мяучит кот,
А мышь пищит и, прыгая, идет
Коту навстречу.
Кот мышку сжал четою лап —
И вмиг ее он цап-царап.

Смысл басенки моей я вам, друзья, замечу:
Мы здесь живем,
К бедám плывем;
Рок — кот, мужчина — крыса;
А баба всякая — такая ж Василиса.

3. ОСЕЛ

Осел мясистой, вислоухой,
Ташся по полю, раз повстречался с мухой.
«Здорово, брат!»
— «Сеструшичка, здорово!»
На наш живут и звери лад:
Поклон, привет на случай,— всё готово;
Но замешайся тут не то,
Ни братом, ни сестрой никто.
Но далее пойти, и смысл нам будет ясен.
В толк быль возьмем и быль под рожей — басен.
Идут,
Ползут;
Но мухе —
Ей всё ведь в труд;
Соскучилась и вдруг взлетела — и на ухе
У осла
Как королева прилегла.
Осел ей говорит: «Послушай ты, воструха,
Ну, вон с уха!
Я не носилки для тебя».
А муха говорит: «Не слушаюся я».
И впрямь, что сделаешь с бедою неминучей?
Хоть тяжело, сердись — так будет круче;
Ты лучше потерпи. И мой осел,

Поосердяся,
Пораскричаться,
Но муху на ночлег легохонько привел.

4. ТАНЦОВЩИК

Один гишпанец
Вел вечно танец;
И день и ночь
Кувыркается, пляшет
Глазами, головой, рукою, брюхом,
И с полу не отходит прочь,—
Во всю трясется мочь.
Народ глядит и говорит: бесовщик!
Неправда, он простой танцовщик.
Ты говоришь ему о братьях, о куме,
О римских чудесах, о Вавилонском саде,
А у него фанданго на уме.
Народ глядит и говорит: «В разладе
Гишпанской ум!»
Напрасен шум!
Гишпанец не дурак, гишпанец не безбожник,
Он на свой вкус художник.

О люди, люди! вы
Гишпанцы все, увы!
Мы все, коль рассудить, живем без головы,
Гишпанцу танцы,
Солдату ранцы,
Скупцу рубли,
Завоевателю клочок земли,
Любовнику приятны глазки —
Не те же ли гишпански пляски?

5. ОБЖОРСТВО

Один француз
Жевал арбуз.
Француз, хоть и маркиз французский,
Но жалуется вкус русский,
И сладкое глотать он не весьма ленив.
Мужик, вскочивши на осину,

За обе щеки драл рябину
Иль, попросту сказать, российский чернослив.
Знать, он в любви был несчастлив!
Осел, увидя то, ослины лупит взоры
И лаает: «Воры, воры!»
Но наш француз
С рожденья не был трус;
Мужик же тож не пешка,
И на ослину часть не выпало орешка.

Здесь в притче кроется толикий узл на вкус:
Что госпожа ослица,
Хоть с лаю надорвись, не будет ввек лисица.

6. ДОЖДЬ

Однажды .
Шел дождик дважды.
А если дождь идет, то знают, что мокро,
Промокнет и ребро.
Но здесь не в этом дело,
И притченно мое перо
Изобразить не то усердие имело.
Гласит мужик:
«О Зевс велик!
Подчас и я не прочь, чтоб дождик шел на время,
Но если два дождя, то уж несносно бремя».
Зевес ему в ответ на то гремит:
«Послушай, брат! ты жид,
Но христианин будь, спроси лягушек племя.
Я зрю, что мочится твое плешиво темя;
Но зрю, что и с засух у них спина болит».

Когда б Зевесу внять, что вопиют немчурки,
Французы, итальянцы, турки,
Пришлось ему играть бы в жмурки.

7. ОХОТНИК И ПЛОТНИК

В одном лесу гулял охотник,
Тут был и плотник
Иль, если правильной сказать, то дровосек.

Но нет беды! Ведь он такой же человек.

Читатели простят, я не грамматик,

А просто баснослов-лунатик.

К тому ж, с кем Муза здесь дружна,

Тот знает, что подчас нам рифма солона,

Горька, как редька.

Поэт, коль рассудить, несчастный, право, Федька.

Но ба, ба! именной указ,

Такого-то числа и году,

От Феба пиндскому народу:

Нам делать не велит отводу,

А просто продолжать начатый раз

Рассказ.

Сейчас,

Мой милостивый Феб! Прости, вперед не буду

И твой приказ

Я не забуду.

Воротимся ж в свой лес,

Где встретим мы своих повес.

Один из них, в овчинной бурке,

Был с топором,

Другой, в зеленой куртке,

С ружьем.

Один пилит себе покойно елку,

Другой, на ней завидя перепелку,

Кричит: «Постой,

Негодник злой!

Ты видишь, я здесь забавляюсь

И сам стрелять на елку попускаюсь,

Дороже топора ружье».

А тот, мужик хоть неучтивый,

Но смыслом справедливый,

Сказал ему: «Вранье,

Я здесь дрова рублю отцу на новоселье,

Я дело делаю, а ты безделье».

Читатели мои!

Как чванство гордое ни чванься, ни сопи,

Полезному всегда забава уступи.

8. ЛИСИЦА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Лисица съела петуха,
Иль попросту дала дурашке треуха.
Лисицу господин чиновник,
Лесной полковник,
Зубастый волк,
Ногою толк;
Тут свистнул в ухо,
А там, безмолвствуя, себе запрятал в брюхо.
Лисице сухо;
Наш волк, насытившись, гордится влопыхах;
Но из лесу медведь, и -- волк наш в дураках!
Медведю волк наш приглянулся,
И он еще и не очнулся,
А в рот уж чебурах!
И мой бедняк лежит в медвежьих кишках.

У сильных слабые в тисках.

9. ПРОСВИРНЯ И ШОРНИК

В каком-то городе французском,
А может быть, и в прусском,
До географии ведь в баснях дела нет,
С соседкой жил сосед,
Как брат с сестрою, мирно.
Он шорник был, она была просвирной;
Да, кажется, и как им доходить до при
Или до ссоры?
Один работал шоры,
Другая просвиры.
Вдруг, вышел из домов до утренней зари,
На улице они нашли копейку;
А в свете сплошь
Цари ведут войну за грош.
Вот бросились они на медную злодейку!
ПросвиРНя вдруг кричит:
«Копейка мне принадлежит!»
А шорник-
Задорник
Кричит: «Нет, мне!»

Дошло до драки;
Дерутся как собаки,
Как турки на войне.
Тут будочник, услыша крики
И вопли дики,
Пришел,
Взял деньги
И в съезжую моих соседей он повел,
Его без сапогов, ее без кенъги.

Отец Зевес,
Чтоб люди не дремали,
А иногда себя щипали,
Пустил на землю интерес.

10. КОНЧИНА КОРОВЫ

У мужика корова,
Когда была здорова,
И ест, и пьет,
И долг природе свой день каждый отдает,
Иль, говоря по-русски:
Давать и творогу и сливок на закуски
Ничуть не устают.
Корова не заморска птица,
Но делать молоко ужасна мастерица.
В коровушке своей души не знал мужик,
То есть до молока охотник он велик;
Ведь у людей все внутренние части
Корыстолюбия во власти.
Но вдруг
Коровушку мою сразил недуг:
Ей невзлюбился луг,
Стал лоб нахмурен;
Она худа, бледна,
И цвет в лице стал дурен,
И голова дурна.
Бывало, светлый глаз: днесь без светильни плошка;
Корова — здоровяк — ни дать ни взять
Ободранная кошка!

Мужик ревет не час, не два, не пять,
Ревет он целы сутки;
Для мужика
Без молока
Приходит не до шутки.
Но как ни плачь, но как скотинушки ни жаль,—
Ее отправь хоть в гошпиталь.
На вопль хозяина сбежались из деревни
Матроны древни;
Весь бабий факультет
К больной приходит на совет.
Та говорит: «В корове сперлись спазмы,
Ее бы в ванну посадить»;
Другая: «Может быть, в коровушке миазмы;
Не худо прилепить
Ей шпанску муху
К уху»;
А третья: «Поверьте мне, легко
В корове разлилось, быть может, молоко»;
Четвертая: «Чтобы больной помочь здоровью,
Привейте оспу ей коровью».
Тут мысль был класть всяк лих
И лезет в эскулапы.
Корова между тем, крестом сложивши лапы,
Вдохнула раз, другой — и нет ее в живых.
Такие ж и у нас бывают штуки,
И каждый, щедрый на совет,
Доит корову в обе руки,
А всё корове пользы нет.

1815 или 1816

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоём жилище нет
Ни злата, ни серебра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? Изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Каков удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

«Познай, светлейший лев, смятения вину,—
Рек слон,— в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся,— лев сказал,— лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
      Страшатся шуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

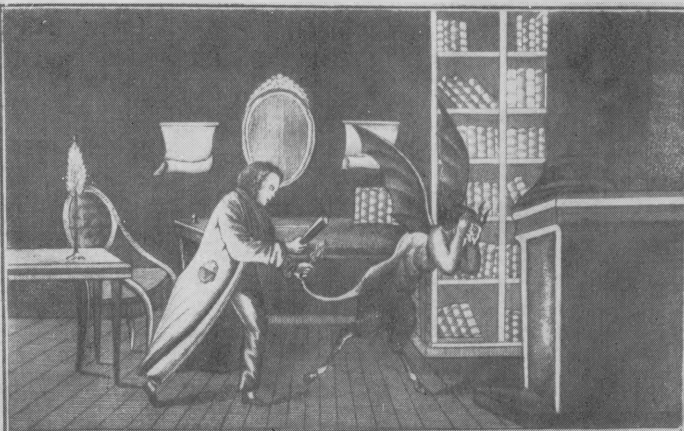
Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран? . . Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — Лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
      Вот смертного удел!

СТИХОТВОРЕЦЪ И ЧОРТЪ

С. А. И.

„Ну! естля кто на свѣтъ
 Не счастье мѣня? И думаю, что вѣтъ!..
 Такъ говорилъ Демонъ Поэта,
 Сидя одинокъ въ полночь со свѣчицейъ,
 Вадъкъ таведо и вѣкъ таваятъ,
 Которымъ вымывалъ лице, хомать, колѣкъ,
 И, спозволеня сказать, свои творенья. —
 „Клянъ день своего рожденя:
 Тако горю я теплымъ!
 „Ужъ траддять лѣтъ шевъ, хвадо семъ, хвадо,
 Небѣтъ мѣй никто, какъ я неубавю!
 „Ужъ ли не Поэтъ, лезюмъ!
 „Посмертъ памитникъ мѣй вѣкомъ соредеть,
 Анынъ посидѣтъ со мною нехотать!
 „Начу читать стихи събавотъ,
 „Печатаю не продаются,
 „Привѣсно съ Париса въ бѣлоу лѣтъ!
 „Чтовъ уваженъ и славу привоестъ,
 Кавкъ я неискалъ камывотъ!
 Памитъ газетчанскъ, издадѣлянъ журналовъ,
 „Свои самъ книги распавъ,
 „Всѣ раздарилъ, аикъ никто и нечиталъ!
 „Ваганъ своимъ писать въ честь оды и посланья
 „Ивъ кинематъ авакъ сталъ недетомъ посмѣлянъ!
 „Радъ душъ Чорта я отдать

„Когда вы стали хоть оны стихи поминчаты!... —
 Еды слова инъ Демонъ охель сказать.
 Четырь страшный выхлъзъ изъ камина —
 Лѣзѣвъ, условился со мной
 „Что надобно тебѣ? „Ахъ мой отецъ родной
 „Сядитесь... перевелъ я сцену изъ Басина.
 „Послушайте, — о! вѣтъ! „Ар поможеть! „спѣшу.
 „Послушайте книгъ я пишу,
 „Нечитывали вы такого переводу,
 „Лявямъ прочту еще посланье, притчу, оду;
 „Стушки, ей-Богу! хороши —
 Мѣй дѣло до твоей дѣли,
 Дай голову мѣй стого свое гоупоганье —
 „Въстидалъ! съ охоту, что слушать налгредеть! „
 „Исполнилъ Чортъ его желанье,
 Сдѣтелъ, а Демонъ бегеть
 Претывоту тетрадъ, потѣтъ и чинтаетъ.
 Чортъ бѣднѣйшій мордѣтъ зѣваетъ
 Иничего не понимлетъ
 „Бѣтъ часъ вѣтъ, дѣтъ, бѣтъ ты, чѣтыге, пятъ,
 Демонъ неустаетъ читать
 Прочетъ тетрадию... иничеси творенья,
 За прити приняла... Чортъ потѣтъ тепльнѣс
 Ухель и инисода изадъ ужъ не прѣдетъ —
 Вотъ видѣтъ! Поетъ и Чорта проведеть!
Иллюстрация С. А. И.

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поспорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
    Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
    Всяк следует своей природе.

1826 или 1827

* * *

<Н. М. Языков
и А. С. Пушкин (?)>

А. С. ПУШКИН

(1799—1837)

---

* * *

Не за Людмилою Руслан
С душою едет беспокойной;
Нет, ночью с балу по Мильонной
Гвардейский едет капитан.
Не старой битвы видит поле,
Не кости, не заржавый щит,
Но всё чего-то поневоле
Душа гвардейская дрожит.
Проехав Зимнюю канаву,
Направо видит он дворец,
Налево — царскую забаву.
Невольно вздрогнул молодец,
Невольно шляпу поправляет,
С плеча шинель свою спускает
И, всё ль по форме, вокруг себя
Взирает робкими очами.
Манеж! Манеж! кто здесь тебя
Измерил робкими шагами?
Чей полк песок в тебе топтал?
В последний час разводной смены
Команде чьей внимали стены?
Со славой кто маршировал?
Манеж, зачем же смолкнул ты
И не слышать в тебе ученья?
Но от разводной суеты,
Быть может, нет и мне спасенья.

20 апреля 1825
Калуга

<П. П. Каверин>

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ,
ИЛИ НОВЫЙ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

Boileau ¹

Глава 1-я
Воспитание

Жил-был я в некотором царстве —
В Российском славном государстве,
Как дали имя мне Иван!
Мне был неславный жребий дан:
Я был воспитан пресурово,
Ко мне от самых нежных дней
Покойной матушкой моей
Приставлен дядька был дворовый.
Умен ли был он или нет,
По мне возможно догадаться;
А впрочем, это, может статься,
В рассказе сам увидит свет.
Там, где о каменные грани
Невы покорной волны бьют,
Где люди весело живут,
Я жертвой старых был преданий,
Что двух за битого дают:
Шесть дней, бывало, не секут,
А по субботам секли в бане.
Резон мне сказывали тот,
Чтоб не проказничал вперед!
Тут отдан в корпус был кадетской,
Учил французской и немецкой,
И стал в языках я счастлив,
На всех равно красноречив.
Потом дошел простым манером,
Что был кадетским офицером,
Смотрел уж, как секут других.
ОтзЫв приятных дней моих!
И, веря прежнему преданью,
Тут предавался вспоминаяю

---

¹ Истина порой неправдоподобна. *Буало* (франц.).— *Ред.*

Первоначальных дней своих!
И . . . . .
Хоть не был сечен мною в бане,
Но тоже был в моих руках.
Поверьте, мне хвастливость бремя;
Я тем не хвастаюсь ничуть,
А говорю, что было время,
Когда и я был чем-нибудь.
Так средь своей, средь чуждой скуки,
Между дремоты, между муки
Достиг пятидесяти лет
И стал влюбляться, как поэт.
Вот вам глава о воспитаньи.
Она довольно коротка,
Она не слишком глубока,
Но всё тут есть: и о преданьи,
И о других, и обо мне!
Не назовите винегретом,
Читайте далее, а я
Предупреждаю вас, друзья,
Что модным следую поэтам.

1829

Неизвестный

ANNUS SECUNDUS¹

(ОТРЫВОК)

Где вы, красотки молодые,
Полувоздушные, живые,
Богини неги и страстей,
Мои кумиры прежних дней!
Вы рай со мной делили;
Мне ваши очи говорили
И сладкозвучные уста,
Что жизнь и счастье не мечта!
Я помню жар лобзаний нежных
И вздохи персей белоснежных. . .
И роскошь милой наготы,
И тайных прелестей мечты,

---

¹ Год второй (лат.).— *Ред.*

Когда в те ночи золотые
Я с вами, девы молодые,
В немых восторгах утопал
И мир и славу забывал!
О юность! Жертва наслаждений!
И сердцу милых заблуждений! . .
Тебе любовь на утре лет
Один божественный предмет!

. . . . .

<1830>

Х. Тростин

* * *

Вот сердца горестных замет,
Ума холодных наблюдений,
Незрелых и увядших лет,
Бессонниц, легких вдохновений
Небрежный плод. Моих забав,
Простонародных, идеальных,
Полусмешных, полупечальных —
Прими собранье пестрых глав,
Ну! так и быть — рукой пристрастной,
Высоких дум и простоты,
Поэзии живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнее души прекрасной,
Залог достойнее тебя,
Хотел бы я тебе представить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свет забавить. . .

<1831>

<*Н. А. Полевой*>

* * *

Гляжу я безмолвно на белый султан,
И душу терзает любовь и обман.

Когда еще с куклой играла моей,
В то время не знала печальных я дней.

Мадам Крок и няня ласкали меня;
Но долго ль невесте до черного дня?

Едва миновало семнадцатый год,
Ко мне постучался коварный Эрот.

«Брось куклу,— шепнул он,— красotka моя,
Тебе приготовил гусара уж я».

Невинной малютке подал он конфет,
Я кликнула няню к себе на совет.

Мы вышли; я к другу летела пешком,
И щеки пылали невинным огнем.

Вхожу я поспешно на двор роковой
И вижу — коляска стоит четверней.

И тотчас выходит гусар на крыльцо
И смотрит невинной мне прямо в лицо.

И скрылся в коляску, не медлив, из глаз,
Уехал и мчится злодей на Кавказ.

Несчастливая шляпа упала с него;
Я шляпу ногами топтала его,

И с гневом исторгла султан роковой,
Безмолвно заткнула за гребень я свой.

Слезами омыла обратный я путь,
И, чаю напившись, легла я заснуть.

Меня разбудила вечерняя мгла.
Несчастную шляпу со стенки сняла,

Гляжу я безмолвно на белый султан,
И душу терзает любовь и обман.

<1831>

Н,

ПОЭТ

(ПОСВЯЩЕНО Ф. Ф. МОТЫЛЬКОВУ)

«Самовластительный губитель
Забав и доблестей своих,
То добрый гений, то мучитель,
Мертвец средь радостей земных
И гость веселый на кладбище,
Поэт! скажи мне: где жилище,
Где дом твой, дивный чародей?
Небрежной лирою своей
Ты нас то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
К ногам порока упадаешь,
Добро презрением даришь;
То над неопытной девой,
Как старый грешник, шутишь ты
И тратишь дикие мечты.

. . . . .
Скажи: зачем твои сомненья,
Твои безумные волненья,
Зачем в тебе порок и зло
Блестящим даром облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачем к тебе, сует дитя,
Вползли, взгнездились пороки:
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповедуешь шутя?
С твоим божественным искусством,
Зачем, презренной славы льстец,
Зачем предательским ты чувством
Мрачишь лавровый свой венец?»
Так говорила чернь слепая,
Поэту дивному внимая.
Он горделиво посмотрел
На вопль и клики черни дикой;
Не дорожа ее уликой,
Как юный, бодрственный орел,
Ударил в струны золотые,
С земли далеко улетел,

В передней у вельможи сел
И песни дивные, живые
В восторге радости запел.

СПб., 1832

Бессмыслов
<Н. А. Полевой>

КНУТ

Ремянный кнут, не безуханный,
Забывтый в поле вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Кто дал тебе твой вид приятный,
Тебя тесемкою обвил,
И кто твой кончик сырмятный
Так превосходно прикрепил?

Скажи мне, кто владел тобою
И что он был за человек?
С тяжелой, легкой ли рукою,
А главное,— кого ты сек?

Стегал ли ты клячонки жалкой
Хребет и впалые бока
Иль, мирно чередуясь с палкой,
Гулял по... мужика?

Мужчин ли больше ты исправил
Иль также женщин поучал?
И тот зачем тебя оставил,
Кто, кнут, тобою обладал?

Ты, громко девок вызывая
Иль к земскому, иль на гумно,
Иль к барину под сень сарая,
Стучал ли в низкое окно?

Иль, может быть, о бич славянской!
Вооружась тобой, холоп

Дал заднице понять дворянской
Тоску простых мужичьих ...?

И что б ни делал ты доньне,
Привет тебе усердный мой,
Опора трона, друг святыни,
Символ страны моей родной.

<1859> <И. С. Тургенев (?)>

К ВЕСНЕ

Опять лазурными лучами
Взошло на вешний небосклон,
Опять привычными мечтами
Тобой рассеян зимний сон,
Природы баловень могучий,
Любовник осени пахучей,
Жених весны, зимы супруг
И лета благодатный друг!
Нет, нет! не развевай унынья,
Не грей чела, и не лови
В глазах обманчивой любви
Моей слезы . . . . .
Убитый роком, я отныне
Посхимлен горестью навек —
Моя судьба судьбе упрек,
Упрек безжалостной судьбине. . .
Надежды свет мне не златит
Бывалой прелестью долины,
Не золотит весны картины
И солнцем счастья не горит. . .
Я — мертвеца живого вид,
Пугаю всех моей мечтою,
Расстался с девою неземною
И погубил свой идеал!
Подай мне тяжкий свой фиал,
Моя знакомая, приветом
Меня мирившая со светом
И с благодатью тяжких мук,

Ты исцели мне мой недуг,
Ты, мой спутник неизменный,
Отрада горести блаженной,
Костлявый гость моей весны!
Мой кончен пир, оточтены
Мгновенья радости живые
И сны надежды золотые!

<1832>

И. Пр. . . н
<Н. А. Полевой>

ТРИ РОЖИ

Камен любимец молодой,
Эрота нитию златой
В один букет связав три розы,
В цветник их северный вместил
И луч весенний наманил
На наши русские морозы.
Пускай счастливца наградит
За то красавица младая,
Цветком любимейшим харит
Пред ним задумчиво играя
На жаре девственных ланит!
И я, поэту подражая,
На лире тихой, между дел,
Наладить песню захотел.
Но наши песни непохожи:
Поет он розы, их любя;
Делю с ним чувство про себя,
Но я воспеть хочу вам рожки!

В юдоль страстей, в обитель бед
За наши грешные тревоги
Правдиво-мстительные боги
Три рожки бросили на свет.
Под русским небом расцветая,
Рожденье Флоры, нам одна,
Как мысль творения пустая,
Восточным лугом отдана.
Всегда высокая, прямая,

В широкий лист облечена,
Хотя слывет она и рожей,
Но всех из рож она пригожей.

Есть род другой. На свет она,
Как говорит язык преданья,
Молитвой теплой рождена
Жрецов голодных врачеванья.
Плод сильно движимых страстей,
Подруга неги и сластей,
Горя, как жар, она по телу
Багровым стелется пятном,
И с ней, под белым полотном,
Как раз прыгнешь в подземный дом.
Но есть еще помога делу:
Кусок сукна, немножко мелу —
И, с божьей помощью, пройдет.

Есть третий род, и, без сомненья,
Виновный мир его несет
Как явный след грехопаденья!
От них отрекся бедный Лель;
Зима встречает их на бале,
А тихогреющий апрель
Вывозит милых под качель
Подчас в спасительном вуале,
В недобрый час — au naturel.¹
На вымысл древние быв ловки,
Медузу в свет произвели;
С тех пор-то, вслед им, и пошли
Сии Медузины головки.

Я знал одну... С минуты той
Всегда молю я промысл божий
Не посылать мне в бич земной
Огня, меча — и этой рожии!

1827 <И. Е. Великопольский>

---

¹ В естественном виде; без покрова (франц.).— *Ред.*

Юноша быстро набросил Музе озябшей на плеча,
Снегу подобные, теплую шаль, душегрейку унынья!
Самую новую, только с иголки, и Муза, согревшись,
Свежим лавровым венком украсила юноши кудри.

С греческ <ого> Аполлон Зевесов

2. ИЗОБРЕТЕНИЕ СТЕКЛА

Отрывок из дидактической поэмы, не изданной в свет. Многие приписывают ее Делилю по сходству с произведениями сего писателя, известными публике нашей в переводах. Предмет сего отрывка не уступает занимательности другим произведениям Делиля. Хотя и было о сем предмете упомянуто в учебной книжке, при императрице Екатерине II для народных школ изданной, но «Литературная газета» в своих ученых известиях (№ 3) сообщила публике полное и любопытное об оном сведение. Оно совершенно согласно с следующим прелестным отрывком, мною переведенным. *Прим. переводчика.*

Не древность славится глубокая искусством
Производить тела, сквозь кои зренья чувством
Усматривается какой-либо предмет.
Хотя история известия дает,
Что дивное стекло финикияне знали,
Но этой истины еще не доказали.
Правдоподобие является в словах,
Что Плиний начертал. Здесь в пламенных стихах
Передадим мы их, читатель любопытный.
Какие-то пловцы, к богатству ненасытны,
Ввели корабль в одну сирийскую реку;
Набрав там росшего густого тростнику,
Возжгли они огонь на берегу песчаном
И, окруженные ночным густым туманом,
Трапезу начали вечернюю варить.
Мы о подробностях не станем говорить.
Сосуд скудельный, где трапеза их варилась,
Имел сырое дно. Селитра находилась
Большою грудю под ним на корабле,
И силой сырости на глинистой земле
Сосуда в значащем количестве пристала.

От действия огня она топиться стала
И, дивным образом соединясь с песком,
Явилась жидким и прозрачным веществом,
Которое тотчас от ветерка остыло
И стало массою. Стекло, стекло то было!
Промчались века! Стекло уж знает всяк:
И русский, и француз, турк, перс, жид, финн,
поляк!

Пуд Скучалкин

3. ПРИЗНАНИЕ

Из мирной кельи бес лукавый
Меня на Пинд переманил. . .
Грешить нет духу, нету сил;
А черт дразнил, дразнил всё славой.
И что ж? Ведь, право, искусил.
Я вновь стихи писать пустился,
Присел к столу, перекрестился,
Пишу. . . ан смыслу вовсе нет!
Досадную; а бес смеется
И над ушами всё ревет,
Что дело как мое ни идет,
А без вина не обойдется.
Увы, друзья! ведь демон прав,
Хоть он и черен и лукав.

Фома Пищалин

4. ПЕСНЯ

Стелется густой туман
По полю шелковому. . .
Кроется от глаз моих
Дорожка знакомая!

«Не приду к тебе, мой друг! —
Мне сказала девица, —
Если солнце не взойдет,
Если будет сумрачно».

Знать, веселья не видать
Мне сегодня, молодцу,
Знать, не надо ожидать
Под окном красавицу!

Не увижу, как пойдет
По дорожке милая;
Не увижу, как махнет
Беленьким платочком мне.

Отуманилася даль,
Скрылся мой знакомый путь;
Пала на сердце мое
Горькая кручинушка.

Санрим-Санрезонов

5. К МОЕЙ МЕЧТЕ

Не покидай души унылой,
Любви прелестная мечта!
Ей утешительно, ей мило
С тобой, летуньей легкокрылой,
Летать в минувшие летá —
Сует волнение земное,
Веселье юности пустое
Ее не отягчают сил;
Быт жизни, скудный и ненастный,
Давно, давно он ей постыл,
Как стынет кровь в груди несчастной;
И лишь с тобой, мечта, ей мил
Существованья путь опасный!

Еще горю!.. О, красота,
О, идеал мой совершенный!
Нет, нет — души моей забвенной
Не покидай, любви мечта!

1830 Африкан Желтодомов

<Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин(?)>

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ЧЕПУХА, ИЛИ ОТРЫВКИ
ИЗ НОВОГО АЛЬМАНАХА
«ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗЕРКАЛО»**

Они, как пол лошений, гладки:
На мысли не споткнешься в них!

О Т ИЗДАТЕЛЕЙ

Наша русская литература донныне состоит из *отрывков*; по крайней мере, главное содержание оной составляют отрывки литературы французской, немецкой, английской и проч., и проч. Сочинения новых наших поэтов (не говоря о *немногих* исключениях) суть сборники отрывков из Байрона, Гёте, Ламартина, Делавина, Шиллера и проч. Мы любим журналы и альманахи не потому ли, что это *сборники отрывков*? Наконец, без всяких фигур, наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать.

От этого, кажется, происходит, что все *не-отрывки* мы страх как не любим, не читаем их, гоним, браним. Довольно для доказательства сослаться на критиков, терзающих *Ивана Выжигина*, *Историю русского народа*, на невнимание к книгам *о Иакинфа* и т. д. Сообразив все сие, мы надеемся угодить читателям, представляя *отрывки из собрания отрывков*, т. е. отрывки из альманаха, который предполагаем *некогда* издать.

Другую надежду нашу угодить читателям составляет верное последование основному правилу нашей литературы — *подражанию*. Мы не будем думать о красоте, изяществе стихов и прозы. Нет! мы представим точные подражания самым модным, самым *знаменитым* поэтам в тех родах, коими они угодили другим и прославились. Палочные эпиграммы, лихие песни, летанье *куда-то*, ревушие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания древним, безнадежность, тоска, отчаяние, лень, пьянство смертное в поэзии, чертовщина в прозаических сказках и романах, итальянская приторность рифм, восточные краски — все это, и вся прелесть, ознаменовывающая поэтов и прозаиков немецкой, французской, итальянской школ, существование коих в России проявлено и доказано новейшими нашими критиками, будут нами вполне

представляемы. Мы постараемся как можно лучше удалиться от изящного вкуса, верности изображений, чистоты языка — все в сторону! Мы будем поэты в прозе, прозаики в стихах, ибо поэтам закон не писан. Так! Смело в путь! Если же нас не станут хвалить, не будут читать, мы сами себя назовем Горациями, Гамлетами, Феокритами, Шолье; напишем друг к другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке какой-нибудь чучелы, книги, альбома); напишем *обозрение словесности*, где расхвалим себя, разругаем других; наконец, начнем издавать литературную Газету, где до русской литературы будет столько же дела, сколько до готтентотского языка, а все будет состоять из наших отрывков, из газетных объявлений, из иностранных известий, которые лет пять назад напечатаны были в других журналах. Когда ж станут нам говорить, что наша Газета лишняя, что она пуста, не нужна публике, то мы объявим, что не для публики издаем ее, а для *некоторых* писателей, коим нельзя было печатать своих отрывков ни в одном из других русских журналов. Людей, осмелившихся критиковать *наших*, уподобим мы хиосским проказникам и, наконец, сами ругая других наповал, в подкрепление славы будем ссылаться даже на «Славянин» (впрочем, это при последней крайности) ... будем называть других безнравственными, грязными, не знающими большего света, а их сочинения лживым выражением общества, и... словом: так будем мы действовать, если публика не одобрит наших отрывков. Но этому не бывать: она придет, она должна прийти в восторг... Начнем!

А. Феокритов с товарищами

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ох вы, кудри, кудри черные!
Нет! не виться вам по-прежнему,
По-бывалому, по-старому!
Не расчесывать шелковые
Моей девице-красавице!

Воля, воля молодецкая!
Ты умчалась, не воротишься

К добру молодцу, к удалому!
По лугам цветы не стелются,
Когда воют вьюги зимние...

Где ты, девица-красавица,
Ты, кудрей моих потворщица,
С гребнем кованым, серебряным,
С поцелуем уст малиновых,
С светлым небом в голубых глазах?

Где ты, воля молодецкая?
Где вы, юноши разгульные,
С кликом буйным светлой младости?
Я женился, я состарелся,
И — в сырой земле товарищи!

Феокритов

ЭПИГРАММА

Поэт Оргон вдруг выдумкой задорной
На лад попал и начал сочинять:
Чуть хитрый бес, ловя на мысли вздорной,
Его тянул на рифму козырять;
Запоем рифм страдая без пробуда,
Их наш Оргон стаканом заливал;
Но — ждал ли он неслыханного чуда?
Вино в стихах он в воду превращал!

Шолье-Андреев

СХОДСТВО

(ДВУСТИШИЕ В ДРЕВНЕМ ВЕУСЕ)

Сшили фрак — и был он модный, прекрасный, изящный;
Мода прошла — и на ветошь он продан! Не то ли
и в мире?

Феокритов

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Трубку я докурил и, пепел ее выбивая,
Думал: «Так выбивает из света нас Крон беспощадный!»

Феокритов

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «КУРЬСКИЙ»

(Песнь III)

XIII

...Сказал, и вот
Кипит народ нетерпеливый:
«Где он? Где он? Зачем нейдет?
Зачем...» Но шум толпы крикливой
Умолк. С узорчатых высот
Кремля, святого по преданью,
И по молве, и по сказанью
О чудесах былых времен,
Валит народ со всех сторон
На место Лобное, где казни
Вельможа гордый учреждал,
Где прежде ужас неприязни
Он сам на плахе испытал...

LXIX, LXX, LXXI, LXXII

«Нет, нет! — рекла святая дева.—
Ты не погибнешь от меча!
От царского спасу я гнева
И от секиры палача!
Через монастырь, через переходы,
Через подземелья проведу,
И двинешь ты его народы
Ему на гибель и беду!...»
Умолкла. С тайною тоскою
На деву юноша глядел;
Ведомый милою рукою,
Он холодел, он пламенел,

Он забывал свои обеты,
Он забывал свою судьбу,
И тайные любви приметы
Искал...

И. Пустоцветов

ГРОВ ЮНОШИ

Роза цвела, и поля украшала, и взор веселила;
Буря измяла цветок: он погиб для взора! О смертный!
Жизнь есть цветок, и смерть его мнет — так всё
на свете!

М. Анакреонов

ЭПИГРАММА

Зачем мою хорошенькую Музу,
Голубчик мой, ты вздумал освистать?
Зачем, скажи, схоластики обузу
На жар ума ты вздумал променять?
Тебя спасал сто раз, скажи, не я ли?
Не я ль тебя лелеял и берег,
Когда тебя в толчки с Парнаса гнали,
Душа моя, парнасский простачок?

Гамлетов

В АЛЬБОМ КНЯГ<ИНЕ> Ф. Ф. Б. Г. Д.

Могу ль твои взыскательные пени
Стихом в альбом не выкупить подчас!
Могу ль досуг моей болтливой лени
Не превратить в альбомный твой запас?
Когда твой ум, играя прихотливо,
Всех бьет с носка, куда мне спрятать нос!
Пусть нос иной торчит в стихах хвастливо,
Не груз ума я в твой альбом принес:

Я проберусь по нитке до иголки
И чопорной здесь рифмой поверчу,
Участьем чувств куплю ума обломки.
Пусть шутки спесь, когда не по плечу
Ей светский ум, красивый и лощеный
О брус глупцов, и вялых и смешных,
В передних бар, обритый, расфранченный,
Чтоб пыль в глаза пускать из слов пустых,
Топорщится индейкою бесхвостой. . .
Но нет: зачем мне спесь их шевелить?
И без того в смеси альбома пестрой
Твой ум умел их пустошь разучить!
И что за толк? Какой же бестолковый,
Когда с тобой паркетом полетит,
Под скрип смычков, в кадрили ловкой, новой,
Как Аруэт, с тобой не говорит?
В уме его и в мыслях недочета
Пойду ль искать, когда весь свет без счета
Пустился в ум помешанным глупцом
И, шалости играя костылем,
Манит к себе расчетом безрасчетным,
А глупости прощает лишь за ум?
Но пусть меня прокличет он бессчетным,
Я связь ума поверю наобум:
Где гнется ум с спиною в крюк единый
И гнет других, там гнут его опять
И, перегнув его, сгибают вспять,
Раскинувши на глупости притины.
Итак. . . Еще сравнение одно
К стихам моим, как к месяцу пятно:
Так попугай крикливый, без умолка,
Без милости, одно и то ж твердит,
Когда пугнут без смысла и без толка;
Так рифмой ум, коверкаясь, кричит,
Телегою намазаной с раската,
По улицам бессмыслицы катя;
Так ты, умом беспечное дитя,
На прихоти сердечные богата.

Шолье-Андреев

АПОЛОГИ

1

Стучат в окно. «Кто тут?» — хозяин вопрошает.
«Я Слава!» — «А с тобой?» — «Порок!» — «Прошу
простить —
Не Слава ты: Порок со Славой не бывает!»
Кто зол, кто сплетник, тот не может славен быть.

2

Лавровый лист один на ветке старой был,
Забытый от других, и вдруг зашевелился;
Шел мальчик, слышит шум — сорвал и погубил!
Молчать бы листику, он лучше б сохранился.

РАЗУВЕРЕНИЕ

(Элегия)

Она прошла, бывая радость,
Он пролетел, мой счастья сон,
И потускнел твой небосклон,
Разочарованная младость!

Мои бывалые мечтанья,
Мои далекие мечты,
Ты, трепет счастья, упованья,
Ты, вольный гений красоты!

Где вы? Прелестное виденье!
Ты перелетным ветерком
Мне навевало вдохновенье,
Меня ласкало тихим сном!

Разбиты счастья надежды,
Исчез мой светлый идеал,
И на хладающие вежды
Унынья тяжкий сон упал. . .

Так в блеске ярком погасает
В час поздний алая заря
И светлый отблеск отражает
В святых стенах монастыря;

И ветер на могилах братьев
Листком полыни шевелит,
Где память мира, слез, проклятий
Непознаваемая спит. . .

Зачем же светлыми словами
Еще поэзии привет
Меня знакомит, как с друзьями,
С мечтой навек протекших лет?

Мир опыта, рукою смелой,
Гробокопатель добрый мой!
Обвей меня в свой саван белый,
И душу заживо отпой. . .¹

И. Пустоцветов

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ ²

. . .Нет, нет! Под небом Хоразана
Так пышно роза не цветет,
И твой, о пери Шамаханана,
Не столько сладостен полет,
Как пышно грудь молодой Хариты
Цвела под дымкой кисеи,
И черных локонов струи
На грудь вились и на ланиты!

---

¹ Все стихотворение состояло из 17 строф, но так как места для них недостает, то мы решили остальные строфы не печатать. Надеемся, что любезный поэт не оскорбится, ибо смысла ни убавилось, ни прибавилось, а душа поэта уже вся видна и в помещенных здесь строфах.

² С. К. Конфетин, юный поэт, известный многими стихотворениями, помещенными в журналах и альманахах, сообщил нам неоконченную свою поэму «*Эюлейка*». Он хочет издать ее вполне, но прежде намерен напечатать из нее *пятнадцать* отрывков в альманахах; вся поэма составит до 600 стихов. С удовольствием помещаем отрывок, из которого читатели могут судить об оригинальности, силе чувства и вкусе поэта.

Она горит огнем любви
От поцелуя молодого,
И жар кипит в ее крови
Страстей и чувства неземного!
С приветной ласкою речей
Сливался огонь ее очей,
И ярко луч луны светился
В потоке тихом, и в реке,
Где рыбарь в легком челноке
С унылой песнию катился,
Скользя по влаге голубой,
Подернутой ночью мглой.
Он о бывалом милом счастье
Тихонько песню напевал,
И память — сердца сладострастье —
Словами грусти волновал.

ПЕСНЯ РЫБАКА

Как газели легконогой
Мчался бег среди полей;
Как средь рощицы далекой
Пел мгновенный соловей;
Как ему внимали розы
Чуть колышимым листом;
Как неверной девы слезы
Осушались при другом, —
Так и ты мне изменила,
Дева неги и любви!
Всё забыла, всё забыла —
И восторг, и жар в крови!
О бывалом, о мечтаньи
Ты ль не вспомнишь никогда,
Дева, гурий красота?
Сам хочу я, сам люблю я
Деву рая забывать,
И, о счастья тоскуя,
О тебе не тосковать...

И он умолк в тиши далекой,
И снова тихо, — лишь порой,
Как над луною одинокой,

И над заснувшей волной
Тихонько облачко мелькает,
Все звуки есть издалека...
Так звук на лире умолкает,
Когда Туманского рука
Ее игрой не оживляет,
А звук привычный всё звучит
И душу грустью тяготит...

С. К. Конфетин

ИГОЛКИ

Портных у нас в столице много,
Шьют равной, кажется, иглой...

Князь Вяземский

Клит вздумал на мои стихи
Рецензии встопорщить колки;
Но под веселые грехи
Ему не подточить иголки.
Как на иголках ходит он,
Пером своим скрыпя без толку:
Хоть журналист, да, видно, он
Ума не проглотил иголку.

Ума шалливого пример,
Иголкой смеха и сатиры
Фернейский плут, старик Вольтер,
Ронял тяжелые кумиры;
Под дудку шута-старика,
Хоть не хотелось, все плясали,
Не то — иголкою тычка
Он даст, и — поминай как звали!

У всякого своя игла,
И всякий шьет своим манером:
Охота Климата забрала
Прослыть в поэзии Вольтером;
Но едкой критики иглой
Его истыкали без счета,
Он поперхнулся остротой —
А всё острить берет охота!

В передних знати, на иглах
Торчит, бывало, Фирс томленный,
Как в недоумочных статьях
Торчит студент недоученый.
Теперь с иголок Фирс сошел,
Хотя не прибыло в нем толку;
Наш Фирс чиновный стал осел
И — проглотил ума иголку.

Что Клим? Не русская игла,
В нем только русская обделка:
У Музы Климовой была
Заемная с Депрео сделка;
Вольтера страшно он щечил,
В чужое смело нарядился;
Теперь язык он прикусил —
Иголкой критик подавился.

ЭПИЛОГ

Пусть поэтических глупцов
Веселая разбесит шутка:
Иголкой шутки проколов,
Я шью их ниткою рассудка.
Сатиры смелою иглой
Не в бровь, а прямо в глаз им мечу,
И — пред смеющейся толпой
Я их иголкою увечу.

Шолье-Андреев

ЭПИГРАММА

(На голос «Мое собрание насекомых»)

На ниве, бедной и бесплодной,
Российской прозы и стихов
Я, сын Поэзии холодной,
Вам набрал травок и цветов;
В тиски хохочущей сатиры
Я их ногтями положил
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.

Вот *Чайльд-Гарольдия* смешная,
Вот *Дон-Жуания* моя,
Вот *Дидеротия* блажная,
Вот *Русской белены* семья,
Пырей Ливонии удалый,
И *Финский* наш *чертополох*,
И *мак Германии* завялый,
И древних *Эллинов горох*.
Всё, всё рядком в моих лиеточках
Разложено, положено
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено!

Обезьяним

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Поэт

Ветр бушует по полям;
Полно, дядька мой, вставай-ка,
Скучно, брат, с тобою нам...
Где гудок, где балалайка?
Спой мне песенку лесов
Старых, Муромских, дремучих;
Спой, как в глубь речных валов,
Размахнувшись, с плеч могучих
Бросил деву-красоту
Атаман лихой, удалый.
А чтоб старую мечту
Запеканка оживляла —
подавай сюда стакан:
Я налью.— Ну! бог с тобою!
Пей, седой мой Оссиан,
И тряхни мне стариною!

Дядька
(запевает)

Э! У!.. Лет двадцать с посошком
Как соловьем я заливался,
Как я, с берестяным рожком,
Пред хороводом отличался...

Да! Этому уж двадцать лет...
Что в песне старого народа!

Поэт

Ах! дядька, дядька! я поэт!..
На нянек и на дядек мода
Теперь в поэзии у нас:
Ведь мы народность оживляем!
Вот мы и принялись за вас:
Вас выставляем, угощаем,
Болтать, петь песни заставляем;
Потом на новый лад кроим
Бывалой старины забавы,
И — вольным гением летим,
Бежим, спешим ко храму славы!
Теперь чухонец красоту
Преданий русских понимает,
Поет нам: *пó мосту, мосту́*
И сарафан наш надевает.
И не к лицу ль такой наряд,
Кто сам чухна, а грек душою,
Но с русской музою простою
Плясать и петь умеет в лад?

Дядька

(почесываясь)

Эх, барин! спорить мне с тобою
Нельзя: я человек простой...

Поэт

Ну, так не спорь же, дядька,— пой!

РУССКАЯ ПЕСНЯ БЕЗ ЧУХОНСКИХ ПРИПРАВ

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвела, когда вызрела?
Я весной взошла, летом выросла,
Я зарей цвела, в полдень вызрела.
Под тою ль под рябиною
Не мак цветет, не огонь горит —
Горит сердце молодецкое

По душе ль, по красной девице:
Красна девица преставилась...
«Ой! вы ветры, ветры теплые!
Перестаньте дуть: вас не надобно!
Затяните вы, ветры буйные,
Со той стороны, со полуночной!
Вы развеите мать сыру землю,
Вы раскройте дубову доску —
Вы пустите меня проститься,
В последний раз поклонитесь!»

Поэт

Какая мысль! Но как же худо
Такая мысль облечена!
Я вычищу ее, и — чудо,
И прелесть явится она!

(Пишет.)

РУССКАЯ ПЕСНЯ НА ЧУХОНСКИЙ ЛАД

В густом лесу, в темном бору
Цветет растет рябины куст;
Весной взошел он раннею,
Как счастье добра молодца,
А летом зрел, как радость он,
Как жар любви девической.
Под тем кустом сидит грустит
Удалый добрый молодец:
В груди огонь, на сердце лед,
В глазах слезы горячие,
Горячие — последние —
Как ключ журчат, смолой кипят!
«Погибла ты, любовь моя!
В могиле красна девица —
Постыл, уныл мне белый свет!
Ах! ветер, ветер радостный,
Ах! ветер юга теплого!
Не вей, не вей весною мне!
Завойте, вьюги зимние,
Завейте вы метелями,
Студеными, холодными!
Разройте мать сыру землю —
Хоть раз взгляну на девицу,

И — с саблею булатною
На бой пойду, там смерть найду!
Неси меня, ретивый конь,
Ты конь ли мой, лошадь добрая,
К могиле красной девицы;
Потом умчи в ряды врагов! . . .»

(Поэт перестает писать.)

Как здесь заметно вдохновенье!
Как поэтическим огнем
Одушевилось песнопенье,
И — мы его не узнаем!
Ну, дядька! спой еще другую
Ты песню, старую свою —
Я Музу призову младую
И — песнь твою перепою!

СТАРАЯ РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати;
Завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью — самого царя.
Станет государь-царь меня спрашивать:
«Скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
С кем ты воровал, с кем разбой держал?
Много ли с тобой было товарищей?»
— «Скажу тебе, надёжа, православный царь,
Всю правду тебе, всю истину:
Товарищей у меня было четверо!
Первый был товарищ темна ночь;
Второй был товарищ булатный нож;
Третий был товарищ мой добрый конь;
Четвертый был товарищ мой тугой лук;
Рассыльщики мои были калены стрелы —
Куда сам нейду, туда их пошлю».
Возговорит надёжа, православный царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Ты умел воровать, умел ответ держать.
За то тебя, детинушку, пожалуйю —
Среди поля хоромами высокими:
Двумя столбами с перекладиной».

ТА ЖЕ ПЕСНЯ,
ТОЛЬКО В ДУШЕГРЕЙКЕ НОВЕЙШЕГО УНЫНИЯ

Умолкни, дикая дуброва,
Дай мне подумать, погадать!
Завтра казнь моя готова —
Мечу булатному сверкать
Над юной, буйной головою,
И — палачи мои толпою
Меня у плахи будут ждать.

Сам грозный Иоанн предстанет
В толпе опричных и стрельцов
И роковым мне словом грянет:
«Скажи ты, выродок рабов!
Открой мне смелые заветы;
Вещай мне: кто твои клеветы,
Сыны убийства и оков?»

— «Узнай,— скажу ему я смело,—
Ты четверых моих друзей:
Я шел на удалое дело
Под кровом сумрачных ночей;
Они вели меня к разбою
И к неге с девой-красотою,
Среди украинских полей.

Булатный нож служил мне верно,
А конь — был третьим другом мне,
Когда, свободный, по безмерной
Бродил я Волжской стороне,
И были у меня лихие
Летуны, стрелы каленые,
Друзья — и днем, и при луне!»

Ответом смелым изумленный,
Привыкший к шепоту рабов,
Царь вспыхнет гневом: «Раб презренный!
Узнай награду дерзких слов:
Для головы — топор готовый,
Для тела — крепкий столб дубовый
Дарю тебе — взамен оков».

Феокритов

СЦЕНЫ ИЗ ТРАГЕДИИ «СТЕНЬКА РАЗИН»

Представляя читателям несколько сцен из новой романтической трагедии, которою обогатил русскую литературу юный поэт и друг наш, г-н Демишиллеров, мы должны сказать, что сей трагедии никто еще, кроме нас, друзей поэта, не видал и не знает; может быть, ее десять лет еще никто не увидит вполне; но тем не менее она существует: поверьте нам на слово. Потому об ней должно писать, кричать, спорить. Автор будет по временам рвать из нее клочки и помещать их в журналах, альманахах; дело его сделано, венец надет на его голову! Если потом он отдаст свою трагедию на театр, мы, друзья поэта, постараемся охлопать ее, а если критика станет привязываться и находить в ней не Шиллерово, не Гётево, не Шекспирово творение, но бред, детскую болтовню на ходулях, где перевераны время, характеры, действия,— мы сумеем отвечать и эпиграммою, и бранью, и тем, что «*Стенька Разин*» есть трагедия *романтическая*. Нам могут сказать, что Шекспир и Шиллер писали не так, хотя и были романтики. Вот наш ответ: внутренняя сторона сих поэтов, их духовное я было то же, что у г-на Демишиллерова, и поелику «только те минуты жизни поэтов, которые выдаются из жизни вседневной, имеют право входить в заколдованный круг их мечтаний», то внешняя форма, эта колея Идеального в пустыне Вещественного, это выражение Бесконечного в Конечном, эта душегрейка реальных форм, в коих проявляется дух поэта, была у Шекспира одна, а у нашего поэта другая, и это ничего не значит. Шекспир был мужик, сын мызника; Шиллер — простой подлекарь; но, будь они, как наш поэт, светские люди, т. е. принадлежи они к особой касте писателей, которые трутся в гостиных и говорят по-французски с светскими дамами о погоде, о гуляньях, о модах и пишут стихи в их альбомы, то заговорили бы иначе в своих трагедиях. Кажется, дело ясно. Оно напомнило нам забавный анекдот: во Франции приехали в какое-то селение фуражировать наши казаки и требовали сена. Мер деревни не понимал ни слова. «Сена, сена, знаешь, мусье, сена, дай сена!» — повторяли казаки.— «*Saina, saina*»,— повторял мер и не

понимал. «Ну, говори после этого, что он не дурак,— сказал наконец начальник казачьего отряда,— ведь сам говорит «сена», а не понимает!»

Действие III

Явление 7

Берег Волги; вдаль видна Астрахань.

Два казака: один стоит с пикой, другой лежит подле дерева; подле него бутылка шампанского и два бокала.

Второй казак

Как разостлался по полю туман!
Проходит ночь, и вот на небосклоне
Горит Зимцерла блеском золотым,
И сонная река проснулась. Вот
Летят певуны птички; соловей
Умолк в тени дубравы. Скоро
Перун ударит вестовой — а ты
Всё в думу погружен.

Первый казак

Не в думу —
Эхидна сердце губит...

Второй казак

Отчего,
Товарищ милый? Разве жизнь, скажи,
Узорчатым ковром не перед нами,
Так пышно расстилаяся, блестит
Небесной радуги цветами?
Свободны, кровь кипит, волнует слава,
И пенится звездистое вино;
Мечи звучат призывом на бессмертье,
И песнь поэта нас предаст векам!

Первый казак

Да, золоти мечтами жизнь,
Накидывай на костяной скелет
Цветы мечтаний, ярких, но бездушных,

Мгновенных, будго роза Персистана
Или как молний светлая бразда! . .

Второй казак

Зачем же ты ее разоблачаешь,
Мой добрый, но несправедливый друг?
Сорви с природы вечный сей покров,
Из красок, и цветов, и форм сплетенный,—
Что в ней найдешь? Скелет один,
Из линий и кругов, как наши кости!
Но — здесь его закрыл зеленый лес,
Там облекло лазуревое небо,
Здесь — солнца пламень, радуга цветов,
Там — белые, как девы грудь, снега,
Тут — жизнь, в морях вздымаяся волнами
И пеною летя до облаков,
Здесь в пламенном Везувии пылая,
И — пышен мир, и скрыт его скелет,
И радостью освещена могила,
Где скрылись в прахе царства и народы! . .

Первый казак

О юноша! на розовых ланитах
Твоих написано: *Надежда!* У меня
Морщинами страстей изобразилось
Ужасное: *Всё суета!* Поверь —
И я в Аркадии родился, и мою
Качали колыбель мечты о счастье,
И гордые посулы диких дум. . .
Но — всё прошло. . .

Второй казак

Нет! дружба не проходит!
Как саркофаг египетских царей,
Она борьбою утомляет время. . .
Ты всё печален? Полно, говори,
Отдай унынье сердцу друга! . .

Первый казак

Да!

Моей змеи тебе не отогнать;
Но, как дитя беспечное игрушкой,

Так ты приветом юности живой
И детской, веселую надеждой
Меня утешить можешь...
Дай вина!

(Содрогаясь)

Дай крови... я хотел сказать...

Второй казак

Пей, пей
Забвенье в нектаре с берегов Луары
И позабуди тоску...

Первый казак

Ее забыть?
Да, я забуду: возврати мне всё,
Всё, что погибло, в Вечность пролетело,
Как Рейхенбаха волны в бездну скал,
Как пастуха нагорного напевы,
Как радости для инокини-девы...
Но памятью тяжелой залегли
Те дни минувшие в кровавом сердце...

Москва, золотоголовая, святая,
Ты, древний Кремль, свидетель славных дел;
Вы, башни, где двуглавый наш орел,
В когтях своих перуны зажигая,
Через века так смело пролетел!

Всё так ли вы, заветные леса,
Священную страшите тишиною,
Когда средь вас я трепетной стою
Бродил один и — чист, как небеса,
Бывал моей неопытной душою?

Погасла ты, надежд моих заря...
На плаху лечь отступнику отчизны!
Могильный холм — потомка укоризны,
Проклятием изменнику горя,
Обременят — предвестье адской тризны!

(Задумывается.)

Второй казак

Друг! тяжело грудь твоя болит,
Бежит тебя покой в бессонной ночи...
Но успокойся! . . Пусть твой томный дух
Знакомые спокоят песнопенья. . .
Дай я спою тебе про тихий Дон,
Про жизнь твою, про счастье. . . так ли?

Первый казак

Пой!

КАЗАЦКАЯ ПЕСНЯ

Тихий Дон, страна родная,
Первых радостей приют,
Где свобода золотая,
Где мечты мои живут,

Где певец, безвестный в мире,
Вдохновений тайных полн,
Я вверял несмелой лире,
В челноке, на лоне волн,

И мечты, и вдохновенье,
И любви мой идеал,
И в горящем песнопеньи
Всю природу обнимал!

Помню, помню те мгновенья,
Как певец героем стал:
Саблей — радость вдохновенья,
Пулей — лиру заменял;

Как в Азовские твердыни
С свистом ринулся свинец,
И в далекие пустыни
Мчался юноша певец;

На коне, с мечом во длани
Несся вихрем по полям —

Громоносным богом брани,
Смертью, гибелью врагам!

Первый казак

Ах! полно, полно... всё мне надоело —
И песни, и вино, и слава...

Второй казак

Нет! навек!

Навек я ваш, Поэзия святая,
И Слава, символ на земле бессмертья,
И, жизни цвет, кипящее вино,
И ты, Любовь, ты, неба лучший дар!

Слышен пушечный выстрел.

Первый казак

(вскакивая)

Тебя ли я внимаю? Ты ли, ты ли,
Призывный клич на копья, на мечи?
О, как моя вдруг загорелась грудь!
О, как она бывалым отдается
В моей душе, весть битвы и смертей!
Туда, туда! Гремите, барабаны!
Взвивайся, конь, и радуйся, булат!

Действие IV

ЯВЛЕНИЕ 5

Стенька Разин

(на высоком холме)

Итак — он мой, сей гордый, пышный град!
Ты, Астрахань, Каспийская столица,
Ты пленницей у ног моих лежишь,
И робко предо мной врата отверзты,
Врата, твердыни башен, где Ордынец
Бессильно падал, в прах клонясь челом
Пред гордою державою Москвы!

Гордись своей победой, сын судеб,
О гордый баловень мечей и копий,
О Стенька Разин! Вот она, вот слава,
Вот Астрахань и Волга... всё твое,
И — на челе с блестящей диадемой,
Хан Астраханский, гордо сядешь ты
На древний Золотой орды престол!

Что я сказал! Как! Разин и — венец?
Безумие слова сии связало;
Проклятый их провозгласил язык!
Нет! не бывать тебе владыкой Волги,
Не восседать на древнем ханском троне,
Не посылать полки свои на брань,
Не развевать хоругви! Ты — разбойник! . .

Чу! слышишь ли? В Москве Иван Великий
По мертвом звон в окрестностях разнес? . .
Вот — плаха и топор... и Стенька Разин,
Закованный, идет в толпе народа;
И вран летит, почуя мертвеца,
И буйная слетела голова,
И клир ему провозгласил проклятье! . .

О, страшно! Хлад по жилам пробежал,
Могилы... нет могилы: чрево врана
И волка пасть могила для меня...
Я перешел за грань греха и смерти;
Я исключен из общества живых —
И на моем возвышенном челе
Наклеймена позорная печать!

Нет! я не дам вам буйной головы!
Нет! не отдам в позор безумной черни
Ни имени, ни памяти моей,
Пока не поалеют Волги воды,
Пока в Москве ударом громовым
Не грянет весть: «Нет Астрахани!» Так:
Нет Астрахани! Меч и огонь! придите... .

(Стреляет из пистолета; является Есаул.)

Сравнять с землей; повесить Воеводу;
Богатства вам!

Есаул уходит.

Теперь ликуй, душа!
Смотри: вот он, вот светоч погребальный
Идет, горит, и — адом запылал,
И Каспий изумился седовласый,
И смутно он на Астрахань глядит,
И труд веков погиб...

Есаул входит.

Что?

Есаул

Всё горит!
Безумная рыкает Эвменида,
Скрежещет смерть, хохочет ад...

Стенька Разин

Иди! —
Всё решено, всё кончено! Навек
Я в летопись вписал пожаром имя,
И Разин станет рядом с Геростратом,
Нерона станет выше не стыдясь:
Когда пылал державный, вечный Рим,
Он думал оправдать себя, безумец,
А я — я весь позор себе беру!..

Ф. Демишиллеров

ПАЮСНАЯ ИКРА

БАСНЯ

Икра, икра мешочная!» — «Икра,
Сюда! На гривну». — «Тотчас разом». —
Вот и купил икры. Идет разносчик с квасом.
«Что?» — «Кислы щи». — «Давай! — Ба, что это?»
Петра
Петровича, мне кажется, встречаю?»

— «Вы ль, Сидор Сидорыч? А я не замечаю,
Да ем себе икру. . .» — «Ну, что же, в добрый час,
Извольте кушать на здоровье;
Но только вот одно условие:
Со мной бутылочку распить; оставьте квас!»
— «И впрямь, пойдете-ка; с икорки
Так пить мне хочется». — Разносчики все зорки,
Притом назойливы. — «Велели квасу вы, —
Сказал разносчик. — Не хотите
Вы квасу выкушать, так просто заплатите». —
«Как, черт тебя возьми! . . .» — «О, нет! Из головы
Извольте выкинуть учтивые приветы,
Не то — в полиции потребуют ответы». —
— «Как? — тот с досадою вскричал. —
Ступай, пока не протолкал. . .»
— «Меня? Вот, как не так!» — «Да что ты, плут,
пристал?»

Ступай своей дорогой — вздоры,
Чтоб я тебе платил, бездельник, шельма, плут!»
— «Как, плут?» — Ну, шумные настали разговоры;
Ан глядь: квартальные идут ---
И в дело тотчас завязались;
Тут брань посыпалась; свидетели сыскались;
Бесчестия квартальный запросил,
И за икру наш Петр Петрович заплатил
Рублей почти что сто.

Я эту баснь сложил
Для вас, красавицы! — Умильным, милым взглядом,
Как паюсной икрой, приманите вы нас,
И думаешь: «Так, вздор; пособит жажде квас:
Стишки в альбом, вздохну. . .» А смотришь, целым
адам,
Как Сидор Сидорыч, появится к нам страсть. . .
Избави бог страстей, избави от квартальных!
От тех и от других, сердитых и нахальных.
Ну, долго ли пропасть!

А. Селедкин

По сердцу брат, шалун с умом,
Алмаз в коре неограниченный,
Бесед разгульных дикий гром,
Как я, студент недоученый,
Скажи, товарищ удалой,
Где делись ночи гулевые,
Беседы вольности лихой
И дни похмелья золотые?
Они прошли: я помню их,
Когда, с предлинными усами,
Мы чухнов, рыжих и смешных,
Гоняли сотни чубуками
Из тех приютов, где поэт
В кругу друзей беспечной лени
И пил, и пел, и целый свет
Позабывал в укромной сени.
Как моря Финского струя
Летит, сшибаясь, чрез каменья,
Так муз приветливых друзья
В один сшибались пыл веселья,
И гул беседы их живой,
Как взрыв сердитого волкана,
Сверкал разрывчатой струей
Среди табачного тумана.
Так было встарь! И где оне,
Без страха чаши и стаканов,
Те девы, в тайной тишине
Лелеявшие нас, буянов?
Налитый их рукой фиал
Горячкой радости казался:
В нем мир, казалось, напивался
И с нами вместе пировал!
Судьба забросила поэта
В глухие, дальние леса!
Нещадно губит жизни лета
Приличий хладная коса;
На костылях рассудок вялый
Манит погибшую мечту,
В разочарованном быту
Ведет меня, и я, усталый,

За счастье мудрость искупил...
О! как охотно б за *бывалый*
Ее бокал я уступил!..

Безмыслин

ЗАБУБЕННАЯ ЖИЗНЬ

Лей вино, бесись и пей,
Шаловливая ватага!
Пусть студентов-усачей
Жизнь, как бешеная брага,
Через край бурлит и бьет!
Тот блажен, кто в жизни юной
С Вакхом радостно поет
И звучит в золотые струны,
Полупьяный меж друзей!
Так велит тебе, ватага,
Музы бешеной моей
Забутыльная отвага!
Пусть над пьяным мертвецом
Пьянством тризну совершают,
Обольют его вином,
Засыпая, допивают
Из звенящего стекла
Влагу радости живую!..
Мы сожжем ее дотла,
Нашу юность удалую!
Прочь все трезвые труды,
Славы горе и забота!
Не отдам вина полгода
За столетие воды!

Буршев

РУССКАЯ ПЕСНЯ

По улице, по улице
Метелица, метелица;
Наш дед седой, старик лихой
Не женится, не женится!

Пришел, принес подарки он:
Жемчуг драгой, золот перстень,
На грудь мою на белую
Цепочки с камнем яхонтом.
Принес старик, сказал старик:
«Люби меня, красавица!
В моем ларце, в моей казне
Есть много золота, серебра».
— «В твоей груди, старик седой,
Не высохло ль ретивое?
Тебя любить — красу губить!
Ступай домой, живи с казной,
Наш дед седой, старик лихой!»
Пошел старик, побрел старик,
Разгневался, нахмурился.
Сердечный друг, мой суженый,
Пришел ко мне в высок терем
Без золота, без яхонтов;
Прижал меня к сердечушку —
Кипит оно, стучит оно,
Как будто в душу просится...
Нет золота, нет и серебра,
Да счастье есть, да радость есть!

Феокритов

< ЭПИГРАММА >

Когда тебя свистком своим лихим
Достигнет рой журнальных почтальонов,
Поэт, мой друг! не отвечая им,
Перемени свой плавный стих Назонов
На бешеный ты Ювенала стих,
И разом им, на все насмешки их,
Не устрашась крикливого их строю,
Махни в ответ насмешкой удалою.

1829—1832

Гамлетов

<Н. А. Полевой>

**СТИХОТВОРНЫЙ ПУСТОЦВЕТ, ИЛИ
ПОПУРРИ, СОСТАВЛЕННОЕ ИЗ РИФМ
И БЕССМЫСЛИЦЫ**

ЭПИГРАММА

Пришел поэт и пущен на Парнас.
«А! здравствуй!— Феб сказал. — Да что за чудо:
Ты мне знаком; я помню, что подчас
Ты плакивал в стишонках, и не худо.
Что? нет ли, брат, плаксивого опять?»
— «Нет, мудрый Феб! я плакивал бывало,
Позволь теперь смешное прочитать».
— «Читай». И вот, не думавши нимало,
Вдруг наш поэт, с насмешливым лицом,
Развеселить затеял эпиграммой.
Чуть выслушал Латоны сын упрямый,
И закричал: «Эй! кто там?» С медным лбом
Предстал школяр. «Вон вывести!» — «О милый,
О добрый Феб! осмелюсь ли спросить. . .»
— «Ах плакса! что задумал ты! острить?»
Чуть дышишь ты в элегии унылой —
Пошел же вон — тебе ль смеяться, хилый! . . .»

Гамлетов

В АЛЬБОМ А. Б. В.

Нет, нет! не уверяй в бывалом!
Моя весна — исчезла сном,
И сердце грустное завяло,
И память сгубла о былом!

Мои восторги сладострастья,
Моя приветная весна —
Уж не мои. . . и, призрак счастья,
Моя богиня. . . где она?

Холодный разум, мой губитель,
В могиле сердца склеп мечтам
Кладет, безжалостный строитель,—
Ему бывшее я отдам. . .

Ты — памятник мечты священной
И прежних радостей моих,
Листок в альбоме незабвенной,
Будь *поученьем* для других!

В АЛЬБОМ Б. П. Г. Д. Х — ВОЙ

«Поэзия! ты запах розы! . . .»

Гаафиц или Сади

Зачем мне с розовой тетрадкой
Знакомить чувств язык былой?
Он позабыт — скажу украдкой —
И пахнет истиной гнилой;
На дно лишь сердца мне запали
Две дюжины горячих слез,
И те от сердца оторвали:
Их альманачный бес унес!
Вертя и путая словами,
Как перуанскими узлами,
Прошу их нюхать, не читать.
Простите! выдохлись немного —
Но мне позвольте, ради бога,
Скорей в Газету их отдать!

Шолье-Андреев

В АЛЬБОМ К. Д. Е. Ж.

Альбом прелестен ваш — и грустным
Его охолодить стихом,
Моим напевом неискусным,
Мечтою бог знает о чем?

Но по листочку алой розы
Ползет бедняжка червячок. . .
Пусть и в альбоме вашем слезы
И мой останется листок!

1830

<Н. А. Полевой>

ЧЕРТОПОЛОХ

БАРМАННАЯ БИЖИЦА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ЛЮБИТЕЛЬНИЦ ГАЛИМАТЬИ,
НА XIX СТОЛЕТИЕ

Всем любителям и творителям галиматъи усерднейше посвящают
Издатели

Вот поэзия

Нестройна Муза в нем, стихи рыгая клоком,
Стремится взлететь, вверх прыгая с подскоком.
Тредьяковский

ВОТ ТЕРПЕНИЕ

Во дне, туманною порою,
Когда всё блекло по лугам,
С опорой слабости — клюкою
Я видел мученика там.
Он взоры к небу устремляет,
Печать страданий на челе,
Никем не видимый во мгле,
Сердечны чувства изливает:

«Когда пройдет мой рок злосчастный,
Когда услышу правды глас?
Когда узрю, бедняк, день ясный,
Не стану слезы лить из глаз?
К кому с растерзанной душою
Прибегну, сирый, под покров?
Когда невинность из оков
Исторгнется и чьей рукою?»

Там мать несчастная в терзаныи
Живет под кровлею чужой!
Я должен дать ей пропитанье,
А сам теснимый и больной! . .
От голода изнемогаю,
Дрожу от стужи — в наготе;
И вместо истины в суде
Одни лишь горести встречаю. . .

Ах, нет отрады! . . люди злобны! . .
Им часто в помощь слова жаль!
Неумолимы, непреклонны!
У них сердца — как будто сталь!

Судья от роскоши хладеет,
Беспечно действует умом.
Найдет ли что страдалец в нем,
Когда вздыхать он не умеет?

К тебе, творец мой вседержитель!
К тебе гонимый вопиет!
Один ты — бог и покровитель!
Приди на помощь! — нищ зовет.
В глазах людей ничто тот ближний,
Который бедностью сражен!
Он ими презрен, унижен». —
Коль скоро беден. . . в свете лишней!

Нищьи уста не отверзались
Сказать: поди, вот на — обед.
И души в них не содрогались,
Смотря на бледно-желтый цвет!

Куда как тягостно, ничтожно
В убожестве в сем мире жить!
Один удел: рабом всех быть
И кланяться рабам их должно!

Итак, от бремя увядая,
Спокойно смерти дожидал.
«Прости! страна, и мать родная,
И сердцу милая! . . .» — сказал.
Вся кровь в нем вдруг остановилась,
Не стало силы у него.
На грудь иссохшую его
Слеза несмытая скатилась!

Настала ночь; он для покою
Зготовил Камень в голова;
С подругой верною — тоскою
Прилег уснуть под дерева.
Питомец скорьбей наслаждался
Не больше час приятным сном.
И в ветхом рубище своем
Пошел. Не знаю, где девался.

Ноябрь 1826 года
г. Орел

А. Щ.

СОЛОВЕЙ

Среди ночи
Из всей мочи,
Как поэт,
Он поет.
Кто же он?
Воробей?
Не тот тон.
Соловей,
Молодец —
Сей певец.

МЕЧТЫ

Спешит уж солнце утопать
В морские волны, и лучами
Оно прощается уж с нами. . .
Мы с ним увидимся опять.
Вот закатилось. . . след багровый
Еще на западе горит, —
На черных крыльях ночь спешит
Одеть весь мир одеждой новой.

У моря здесь волна волну
Как быстро гонит за собою,
Кипит. . . и пеною седою
Вверх брызжет с шумом на скалу.
Я здесь один на берегу,
Ко мне лишь брызга долетает,
Струею влажной орошает
Мою горящую щеку.

Свои мечтанья я вверяю
Лишь только плещущим волнам,
Скале мохнатой, берегам.
Ах, сладко я, мой друг, мечтаю! . . .
Как берег стонет от волны,
Так сердце стонет от страданий. . .
Сопутницы очарований —
Мечты, куда умчались вы?

Я знаю, мчитесь вы куда,
Но труд ваш жалок и напрасен,
Он безрассуден, он ужасен,
Не избежите вы суда!
Раздрать завесу вы хотите,
Сорвать с Природы всей печать,
Постигнуть всё. . вас удержать
Не в силах я. . . куда спешите?

Для вас всё в мире непонятно:
Кто человек? и от кого?
Кто он? кем создан, для чего?
За гробом что? . . Вам знать приятно!
Вы рветесь, силитесь. . . напрасно!
Пред вами там густая мгла.
Нет берега морю, бездне дна. . .
Об этом и мечтать ужасно!

Люды́м сего не доверяю,
Не только плещущим волнам,
Скале мохнатой, берегам.
Ах! сладко я, мой друг, мечтаю!

Одесса, 1830

РОЗА

Увы! блаженство миновалось,
Исчез свет ясных дней моих.
Воспоминанье лишь осталось
Тех для меня минут драгих.
Минут — в которы был я счастлив,
В которы, Роза, зрел тебя,
Но сколько ты, о рок, превратлив,
Давно людьми играть любя.
Поднесь слезами обливаю
Сей памятник, любезный мне!
Тебя теперь лишь обнимаю;
Но что? Мечта иль я во сне?
Ах нет! не сон, я не мечтаю;
Потери уж не возвратить:
Так, верно, тщетно и желаю
Фарфор бездушный сей хранить.

А роза кто б была такое?
Иль дева, или ангел сам,
Которы счастье златое
Дают в сей слабой жизни нам.
В календарях нет имя Розы,
Хоть много раз я в них искал,
А именуются так козы.
Пиит то имя Даме дал.

К ДАШЕ

Говорят, что Даша
Очень хороша,
Очень пригожа,
Общества душа.
И я в том согласен.

Как звезда ясна,
Так она прекрасна,
Приятна, любезна,
Весела, прелестна,
Красота природы.

Говорят, что Даша
и. т. д.

Модна в обхожденьи,
Остра в изреченьи,
Юношей смущенье,
Девиц украшеньи,
Честь женского пола.

Говорят, что Даша
и. т. д.

Глаза голубые,
Локоны густые,
Веселые взоры,
Прекрасны уборы
Делают прелестной,
Ни с чем не сравненной.
Я и в том согласен.

К о н е ц

<1830>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕПЕЙНИК
ВРОШЮРКА, ИЗДАННАЯ НА 1884 ГОД

Ceci est vraiment rare et curieux!

*M. Pomnier*¹

¡Восклицание!

¿Если, милостивые государи и милостивые государыни, к 1830 году вырос Литературный Чертополох, то, растолкуйте мне, отчего не вырасти в 1834 — Репейнику?²

???

Поэзия

J'allais vous parler de poésie moderne.

*André Delriv*³

1. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голос:

«Как за реченькой слободушка стоит».

Б<арон> Дельвив

Как тужила, горевала долго я,
Не смыкая глаз средь утреннего дня.

Нет, не дам я сердцу бедному изныть,
Что меня не хочет милый позабыть.

В зелену пойду я рошу погулять,
Где с утра снег белый начал нападать.

Я послушаю там песни соловья;
Ах! мороз теперь не страшен для меня!

---

¹ Это поистине редко и забавно. *М. Помье* (франц.).— *Ред.*

² Нечего сказать, м. г., логический факт! — *Наборщик.*

³ Я намеревался вам говорить о современной поэзии. *Андре Дельвив* (франц.).— *Ред.*

Что мне нужды, что холодный там мороз,
Для венка пойду искать себе я роз!
Я вплету их в косу русую мою,
А вплетая их, я песенку спою.

(1)

2. ЖАЛОБА

Я зову, я зову
Все беды на главу,
И по этому зву
Я явлюсь к тебе радостно.

Что же, милый, ты спишь,
Что со мной говоришь,
Что мне, молча, сулишь,
¿Что мне слышать так сладостно?

Злой тоски не буди
Ты в девичьей груди;
Нет! утехи любви
Я в сей жизни не ведала...

Мне любовь — рай земной.
О, восторг! Друг ты мой!
¿Что ж, соловушко? Пой!
Я тебе всё поведала.

? ? ? ?

3. РОМАНС

Нет! не должно радостно
Мне, молодой, тужить,
Что в сей жизни сладостно
Милого любить.

¿Отчего ты, знойное,
Солнышко, блистишь,
Отчего ты, кровное,
Сердце говоришь?

Солнце, солнце светлое
С холоду горит,
Сердце же заветное
От любви молчит.

Оторву ж тяжелые
Цепи от себя;
Дни мои веселые,
Радуйте меня!

! ! ! !

Конец не конец, а продолжения не будет.¹

<1834>

---

¹ И не нужно! — *Корректор.*

III

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

ОЛЕГ ПОД КОНСТАНТИНОПОЛЕМ ОТРЫВОК ИЗ БОЛЬШОЙ НЕОКОНЧЕННОЙ ТРАГЕДИИ¹

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дворец в Киеве.

Олег один, возле него мальчик.

Олег

Замыслил я великой, славный подвиг —
И замыслы свои я совершу!
Я изреку властительное слово —

---

¹ Уведомляем почтеннейшую публику, что один молодой человек с необыкновенным поэтическим дарованием оканчивает в часы досуга большую романтическую трагедию в 5 действиях. Сюжет ее взят из отечественной истории (источником служила «История государства Российского» *Карамзина*); характер чисто народный, русский, ибо вследствие глубоких соображений молодого автора, когда пьеса будет даваться на театре (что очень скоро совершится), персонажи будут с бородами, в зипунах и лаптях (источником служил Нестор). Хотя трагедия и носит название «Олег под Константинополем», но истинный герой ее есть *Игорь*, коего *фантастический* и *колоссальный* образ основан на четырех могучих чувствах: любви к своему народу, идеальной любви к одной неземной деве, любви к войне и, наконец, падкости к грабежу. К чести сего произведения, которого большую часть мы слышали из уст скромного автора, скажем, что оно не только не напоминает, как многие русские сочинения в сем роде, «Разбойников», но и не похоже нимало ни на одно из творений Шиллера: наш автор хочет быть совершенно оригинальным, ибо пора безусловной подражательности уже миновалась для русской литературы. *Б<елинский>*.

И притекут отвсюду племена!
Хорват, дулеб, радимич и тиверец
Под бранные сойдутся знамена,
И ты падешь, о гордый враг Олега,
Моих славян коварный супостат!
И ты падешь от бурного набега,
Ты будешь мой, надменный Цареград!
Ты принесешь ко мне драгие дани,
Ты мне отдашь, как раб, свое добро:
Роскошные пурпуровые ткани,
Оружие, и золото, и серебро!
Решился я!

(Хватает мальчика за горло и давит; тот вопит.)

Свенельд!

Входит Свенельд.

Мне нужен
Искусный твой и опытный совет.

Свенельд

Перед тобою всё мое сужденье!

Олег

Скажи, могу ль я греков одолеть
И сокрушить их гордую столицу?
Надеяться ль на подданных моих?

Свенельд

Ты знаешь, князь, железного варяга?
Он любит гром кровопролитных сеч;
В его груди — безумная отвага,
В его руке — неотразимый меч.
Славянские народы храбры, сильны,
Знакома им кровавая война.
О государь! твой подвиг благоден!
Веди ты нас. Победа нам верна!

Олег

Ты прав, Свенельд; и повели народам,
Покорным мне, собраться в Киев-град.

И вместе все мы двинемся походом;
И трепещи, богатый Цареград!

Свенельд выходит; входит Игорьь.

Поди ко мне, мой юный друг, наследник
Великого престола моего!
Узнай: войну я объявляю грекам,
И скоро кровь обильно потечет!..
Душа твоя уже на битву рвется,
И ищешь ты булатного меча,
Копье, и щит, и кованые латы
Спешишь взложить на юные плеча!..

Игорь

Да! Мне понятна прелесть бранной славы,
Понятен мне воинственный восторг;
И я люблю кровавые забавы
И грозное победы торжество!..
Сын Рюрика, когда оружий брани
Касаюсь я неопытной рукой,
Я полон весь воинственных желаний,
Желаний славы боевой!..
Но, государь, есть чувство, пред которым
Корысть, и честь, и слава — всё молчит!..
Оно нам неба дар блаженный,
И мы счастливы только им;
И без него творец вселенной
Неуловим, непостижим!
Придет оно — и робкий вспыхнет;
Придет — и пламенная кровь
Бойца надменного затихнет.

Олег

Но назови его.

Игорь

Любовь!

Олег

Любовь?.. Итак, надменный князь варяжский
Стал пленником бессильным красоты?

Но кто же та, которая дерзнула
Накинуть цепь на молодого льва
И бурный жар и жажду бранной славы
Коварными словами потушить? . .

Игорь

О государы! Твои неправы речи:
Еще смелей на бой я полечу!
Еще страшней в кровавой сече
Врагам отчизны отомщу! . .
Любовь мне даст неведомые силы,
Я в битву смерть внесу с собой;
И образ девы, образ милый,
Носиться будет предо мной! . .

Олег

Но как любовь в твоём возникла сердце,
И где живет твой чудный идеал?

Игорь

Однажды я с охоты возвращался
И, опершись на лук могучий свой,
Товарищей ловитвы дожидался,
Задумчивый и сумрачный душой.
День вечерел; с безоблачного свода
Сходило солнце, царь небес.
Казалось, в молчании природа
Ждала таинственных чудес;
И сердце мне наполнил дивный трепет.
На берегу я озера стоял;
Его струи ленивый лепет
У ног моих с роптаньем умирал.
Смятенный, я чего-то ожидал.
Тогда, по озеру мелькая,
Явилась легкая ладья,
И за кормой ее, сверкая,
Лилась блестящая струя. . .
Младой пловец стремился к берегу;
Луч солнца свет вечерний лил;
И ветерок, с какой-то негой,
Его ветрило шевелил. . .

Тогда, предчувствием пылая,
Предчувствием любви святой,
В пловце узнал я деву рая,
С ее волшебной красотой.
Она вступила на́ берег зеленый,
Стопой земли касаясь едва;
Я подошел, с душою восхищенной,
И полились из уст моих слова.
Я говорил: «Божественная дева!
Чаруешь ты огнем своих очей,
И музыкой волшебного напева,
И звуками приветливых речей!..»
Я говорил — и мне она внимала,
И я читал в чертах ее любовь.
Она глаза, краснея, опускала
И медленно их поднимала вновь!
Платон, Платон! тебя я понимаю...
Как высока была душа твоя!..
Моя любовь светла, как солнце мая,
Ясна, как чистая струя!..

Село Деревянный Книжал
1834, февраля 13 дня

К. Эврипидин
<1835>   <К. С. Аксаков>

<ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ И. ОРДЫНИНА>

1

На холме, миртами венчанном,
Где льется шумный водопад,
На ложе роз благоуханном,
Среди приюта ореад,
Склонился юноша прекрасный
С подругой нежной, пылкой, страстной;
Их чувства вспыхнули, горят,
Душа в блаженстве неги тает!..

И поцелуями порой
Он страстный шепот прерывает,
И душу девы молодой
Как дивный нектар испивает!

2. КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Поящий дол роскошно-злачный,
Кропящий перлами цветы...
В твоих извилах серебристых,
Румянцем девственным горя
И сыпля купы роз огнистых,
Играет ясная заря...
Когда же солнце воцарится,
Природу светом облечет,
Кристалл твой вспыхнет, загорится
И ярким золотом течет!..
Но ты мила ночной порою:
Ты перлы катишь при луне;
Всё тихо, мирно над тобою,
И рощи дремлют в тишине...
Как мученик заботы днёвной,
Я прихожу к тебе, ручей,
И утоляю жар душевный
Струей прохладною твоей!..
Пои меня! в ладу я с роком;
Когда тобой упьюся я,
Взыграет дух мой, и потоком
Польется звучно песнь моя!

3. «ЭПИЗОД»

На бреге моря, над стремниной
Задумчиво склонясь, сидел,
И думу думал, и глядел,
Как месяц светит над пучиной.

Печально бледная луна
Меж тем текла по горизонту;
И сыпались лучи по Понту,
Проникнув в глубину до дна...

<1841>

А. Вельтман

<СТИХИ ИВАНА ДЕРЕВЯШКИНА>

К НЕЙ

Везде тебя
Лишь вижу я,
Друг милый мой!
Во сне пред мной
И в день всегда,
Как тень одна,
Следишь за мной,
Мутишь покой.
В тиши ночной,
В глуши лесной,
При ясном дне
И при луне
Одни мечты
Со мной: ты, ты!
К тебе, друг мой,
К тебе одной,
Звезде златой,
Бегу душой!
О, будь моей!
К волне кудрей
Горит любовь,
Клокочет кровь;
Мой тяжек вздох...
О, кто бы мог
Столь хладным быть,
Не полюбить!

ЖАЛОБА

Как быстро пролетело время
Беспечной юности моей!
Я скоро на груди своей
Почувствовал несчастий бремя.
Как лава закипела кровь,
И сердцем заиграли страсти...
Причиной всех моих несчастий —
К тебе, жестокая, любовь!

О, посмотрите ж, для поэта
Едва настало жизни лето,
И где ж, и где ж его тепло?
В очах уж нет любви магнита;
Поблекли юные ланиты,
В усмешке колкой горе скрыто,
И дум перунами чело,
Как море бурное, изрыто;
И жар восторгов молодых
Давно в груди его затих.
Мне всё здесь кажется постылым,
Угрюмым, диким и унылым.
Я не пленяюсь ни луной,
Ни бирюзовую волной;
Забыта нега сладострастья,
Противны ласки юных дев,
Их обольстительный напев
Уж не дарит, как прежде, счастья.
Дождусь ли я блаженства вновь,
Узнаю ль снова я любовь?

К ЛУНЕ

Туманною и мрачной мглою
Оделся вечный небосклон;
И туч громадных пеленою
Весь горизонт загроможден.
И вот луна, как бы ошибкой,
Взошла и мир дарит улыбкой.

Как упоительно светло
Ее роскошное чело!
Она, как дева, в мраке ночи
Свои пронзительные очи
На землю с лаской навела,
И разбросала кудрей волны
На мрачный лес, молчанья полный,
И страсть в груди моей зажгла.
И, будто дева молодая,
Глядит она, восторгом тая.
Ее волшебный дивный свет,
Как обольстительный привет,
Как поцелуй, как тайный трепет
Младой красы, небрежный лепет
И вдохновительный напев
Волшебных и роскошных дев.
Луна, луна! О, как могу я
Тобой прельщаться, не тоскуя!

РАЗОЧАРОВАНИЕ

В пустыне сумрачной и дикой
Стоит угрюмая скала;
Ее высокого чела,
Увенчанного повиликой,
Накрытого грядою туч,
Не озаряет солнца луч;
В груди ее не сердце — камень;
Ее не греет страсти пламень.
Но страшен грозный великан.
Заклокотал в груди вулкан,
Потоки льются жаркой лавы,
И мир трепещет. Всюду страх!
Толпа презренная, во прах!
Тебе ль скале давать уставы!
Но смолк вулкан, и снова он,
Сокрыв в груди громовый стон,
Стоит угрюм, как призрак хладный,
Как демон, в муке безотрадной...

Таков поэт! Его тоска,
Как дно пучины, глубока;
Его живые вдохновенья
И жар восторгов молодых,
Его гремящий, вольный стих,
Любви волшебной упоенье,
Его бывалые виденья
И славы девственный призыв —
Всё, всё прошло! Страстей порыв
Замолк. Бессмысленной толпою
Огонь волкана позабыт,
Лишь иногда, подчас, порою
Подземный гул его гремит
И чернь презренную страшит.
Но песнь тоскливая поэта
Не встретит братского привета
И не зажечь уж ей любви
В молодой девической крови.
Ему несносны люди-братья
И их холодные объятья.

ПОЭТ

Гремящей песни слышен глас:
Стоит поэт, главой склонясь.
Под вечно яркими звездами,
Над взгроможденными скалами
Один он, в грозной вышине,
Стоит, одеянный во мгле!
Поэта лирное бряцанье,
Струн вдохновенных стройный звон —
Как вихря в дебрях завыванье,
Как гром волкана, бури стон
Иль отзыв яростной пучины,
Бегущей с гибельной стремнины
На уstraшенные равнины.
Так током яростным кипит,
На мир поэта песнь гремит.
Толпа венцы ему сплетает,

И жадный преклоняет слух,
И лавр бессмертья обвиняет
Его чело. Как дивный дух,
Кого в сей мир послали боги,
Он всех влечет в свои чертоги.
И там, объемля сонм веков,
Он раскрывает мир незримый,
И блеском огненных стихов,
Упорно гением водимый,
Он озаряет мглу земли;
И слава ждет его вдали,
Светлей денницы золотистой,
Ярче молнии огнистой.

МЕЧТА

Бурями бедствий, любовью, мечтами,
На море светлом я в жизни молодой
Долго носимый судьбой и страстями,
Мрачно ждал смерти, убитый душой.
Вдруг пред собою я призрак увидел:
Дева, как ангел, стоит на волнах;
Райские звуки речей я услышал,
Мнилось, что звуки родились в мечтах.
Пена лобзала стопы у чудесной,
Буря взвевала ей кудри волосов,
Очи светились лазурью небесной,
Перси белелись снегами холмов. . .

К ДЕВЕ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты. . .

ТОСКА

Летели дни, как облака...
Душа болезненно страдала,
И уж жестокая тоска
Младую грудь мою терзала!
И предо мною дольний мир
Облекся в саван погребальный.
Но сердца пламенный кумир
Не улетел, как вздох печальный,
Как поцелуй любви прощальный!..
И, равнодушен ко всему
И хладною душой тоскуя,
Я не стремлюся ни к чему,
Былых восторгов не пойму я.
Одна любовь, как луч святой,
В моей душе еще пылала
И сердца холод гробовой
Воспоминаньем согревала...
Но вот *она*... я ожил вновь;
И страстью закипела кровь.
Опять былые сны восстали.
Она моя! — уста шептали.
Я *к ней* опять стремлюсь душой.
Опять мечтаю я порой,
И вновь восторг меня лелеет,
Крылом эфирным осеня,
Опять мне грудь живет и греет
Светило огненное дня!
В ее лице лилейно-алом
Улыбка, и лазурь в очах,
И под воздушным покрывалом
Лилось золото в кудрях.
Она, казалось, понимала
Земной, нескладный лепет мой,
И, внемля мне, своей главой
Она в молчаньи помавала.
Я погрузился в небеса...
Но изменила мне краса,
И снова я с тоской холодной
Остался в мире одинок.

Зову любовь мольбой бесплодной,
Клянущий весь мир, себя и рок...

Кяхта
1841

<1842> *Иван Иванов сын
Деревяшкин*

---

* * *

Олег сидел, раздумья полный,
Над разыгравшейся рекой
И опенившиеся волны
Следил с глубокою тоской.
Мечты в душе его кипели;
Он думал: «Славен мой народ,
Но управлять им тьмы забот».
А птички беззаботно пели
В ближайшей роще...

<1843> *<И. И. Панаев>*

< СТИХОТВОРЕНИЕ НИКОЛАШИ ГРЕБЕШКОВА >

Когда ты розовой ручонкой
Мне из кареты шлешь привет
Иль скачешь в поле амазонкой
И конь твой топчет вешний цвет;
Когда на бале в вихре танца
Несусь я, дивная, с тобой
И ты горишь красой румянца
И брызжешь страстью огневой,
Или поутру в будуаре
Сидишь с распущенной косой
В прозрачном белом пеньюаре
И в пелеринке голубой...

<1843> *<И. И. Панаев>*

Ты не прельстишь меня словами,
Своей чудесной красотой,
Ни пурпурóвыми устами,
Ни длинной, шелковой косой.
Своими тайными мечтами,
Своей печальною слезой,
Поддельно-пылкими очами
Не обольстишь меня, друг мой!
Нет, нет, ты тщетно, чаровница,
Меня стремишься так увлечь,
А после бросишь, как тигрица!
Других ты можешь всем привлечь —
И даже белизною плеч,
Но не меня, душа-девица!

<1843>

<И. И. Панаев>

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Есть край, где горит беззакатное солнце
Алмазным пожаром в безбрежной дали
И сыплет горстями лучи, как червонцы,
На лоно роскошной и щедрой земли;
Где северный холод, вьюга́ и морозы
Сердец не сжимают, не сушат костей,
Где розы — как девы, а девы — как розы,
Где всё наслажденье, восторг для очей,
Где тигр кровожадный свободно кочует
И робкая серна находит приют,
Но где человек человека бичует,
Где плачут и стонут, где режут и жгут,
Где волны морские окрашены кровью,
Усеяно трупами мрачное дно. . .

<1845>

Иван Вихрев
<Н. А. Некрасов>

**ТОРЖЕСТВО СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ,
ИЛИ МЕКСИКАНЦЫ В ЛАПЛАНДИИ**
ОПЕРНОЕ ЛИБРЕТТО, СОСТАВЛЕННОЕ ПО НОВЕЙШИМ ОБРАЗЦАМ
И В САМОМ МОДНОМ ВКУСЕ

Большая героическая опера, с хорами, танцами и фейерверками, конными и пешими сражениями, борьбою, кулачным боем, катанием на коньках, ристанием в колесницах, турниром, метанием диска, вольевой травлей, пожаром, разрушением целой области, и вообще украшенная великолепным спектаклем.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шагабагам	Балбаль-	Воины.
скуп, владетель необитае-	мого острова.	Народ.
		Телохранители.
Принцесса Брамбилла,	его супруга.	Игры } спутники Минервы (Паллада то ж).
Кавалер Бонаventura.	Минерва (Паллада то ж).	
Вестник.		Жители обоего пола.

Действие первое

Внутренность царских чертогов.

ЯВЛЕНИЕ I

Шагабагам и Брамбилла, жрецы, воины и народ.

ДУЭТ

Шагабагам и Брамбилла
 О, восторг, о, восхищенье!!!
 Наконец соединенья
 Наступил желанный час!
 О Зевес, храни ты нас!
 Храни, храни, храни ты нас (bis)
 Храни ты нас, храни ты нас!
 Храни, храни, храни, храни,
 Храни, храни, храни, храни,
 Храни, храни ты наши дни!
 Храни ты нас!
 Хра-хра-хра-хра-ни ты нас!

Народ, воины, оруженосцы и проч.

Властелин
 Наш один

Как гранит
Нас хранит!
Увы и ах!
Во всех сердцах,
Увы и ах,
Увы и ах,
Увы и ах,
Во всех сердцах
Днесь отдается.
И клик несется:
Игры и смехи,
Всяки утехи...
Всяки утехи,
Сюда слетайтесь!

РЕЧИТАТИВ

Шагабагам

(к народу, воинам, оруженосцам и проч.)

Друзья, веселитесь, пируйте,
Пляшите,
Танцуйте,
Скачите,
Ликуйте,
Воспевайте!
Воспевайте, воспевайте, воспевайте,
Прославляйте
И брак наш шумно торжествуйте,
Торжествуйте, торжествуйте, торжествуйте!

Один из народа

Воскачем мы бодро шагами,
И все мы воспещем руками,
Воскачем, воспещем, воскачем!

ХОР

Народ, воины, оруженосцы и проч.
Так станемте, друзья, пировать,
И плясать,
Танцевать,
И скакать,
Ликовать,
Воспевать,

Прославлять
И брак его торжествовать!
Торжествовать, торжествовать,
торжествовать,
Торже... торже... торжествовать,
И брак его торжествовать!

Действие второе

Другой чертог, еще роскошнее первого.

ЯВЛЕНИЕ I

Шагабагам и Брамбилла.

Брамбилла

Ужель, ужель!

Шагабагам

Увы! увы!

Брамбилла

Скажи скорей.

Шагабагам

Пусть сто смертей!

Брамбилла

Ах, ах, ах!

Ах, отвечай!

Шагабагам

Узнай, узнай.

Брамбилла

Скажи скорей!

Шагабагам

Будь проклят я!

Ах, ах, ах, ах,

Ах, ах, ах, ах!

Брамбилла

Увы, увы!

Увы, увы!

Действие третье

Часть сада. На авансцене дворцовая терраса.

ЯВЛЕНИЕ I

Кавалер Бонавентура

(в плаще и со шпагой, играет на лютне)

Долго я, долго, ах долго, и долго, и долго,
Долго во мраке ночном я блуждаю под окнами милой,
Боги, ах боги, меня приковали какой-то волшебною
силою.

Вот уж три ночи, три тяжкие ночи, три ночи
Сном не смыкались мои утомленные бдением очи.

Ах, проснись!

Ах, тронись

Ты мольбой!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и воины показываются из-за угла и потом крича во всё
горло.

Воины

Тише, тише, не шумите,
Осторожней подходите

(считая паузы)

Раз, два, три, четыре,

Раз, два, три, четыре!

Не зевайте,

Нападайте,

Ну, дружной,

Ну, смелей!

Раз, два, три, четыре.

Бесполезно промедленье,

В бегстве он найдет спасенье.

(Не трогаясь с места и как можно хладнокровнее)

Схватите,

Вяжите, влеките,

Влеките,

Ташите!

Мы победили
И удивили
Весь мир храбростью своей!
(Во всю глотку)

Тише, тише, не шумите,
Осторожней подходите и т. д.

Между тем кавалер Бонавентура, заметя эту толпу ротозеев, в постыдный обратился бег.

Х о р

О, ярость, он скрылся от нас!
Пойдем, пойдем за ним сейчас!

(Не трогаясь с места)

Бегите, бегите, бегите!
Схватите, схватите, вяжите,
Вяжите, вяжите, держите!
Бесполезно промедленье,
В бегстве не найдет спасенье!
Пойдем за ним, пойдем сейчас,
Пойдем, пойдем, пойдем сейчас,

Пойдем сейчас,

Пойдем сейчас —

Вот мы ушли!

Ушли отсель!

(Во все горло)

Здесь тихо всё!

Нет никого

Решительно.

(Медленно уходят.)

Действие четвертое

Площадь перед дворцом.

Я В Л Е Н И Е 1

Брамбилла и народ.

Б р а м б и л л а

Ах, тщетно, напрасно, ах, тщетно моленье

Я шлю к раздраженным богам. . .

Супруг мой, супруг, бьется с ожесточеньем.

Чу! в отдаленьи
Трубы звучат!
Ах, враждебные челюсти страшно скрипят;
Ужели те звуки позор мне сулят!

РЕЧИТАТИВ

Но что я зрю?

Толпа воинов выносит на щитах смертельно раненного героя.

Хор

О, горе! горе!

Брамбилла

Какое зрелище!

Шагабагам

Увы!

Брамбилла

Ты ранен?

Шагабагам

Ах!

Брамбилла

Ну, что же ты!

Шагабагам

Увы!

Брамбилла

Откройся мне!

Скажи скорей,

Скажи мне...

Шагабагам

Ах!

Ах и увы!

Ликует враг,

А я, я плаваю в крови!..

Б р а м б и л л а
Свершилось всё!

Ш а г а б а г а м
Прости, прости, я умираю,
Я страдаю,
И стенаю,
Ожидаю,
И желаю.
О, горе мне, о, горе вам!
О, горе мне, и горе вам —
Моим врагам!
Прости,
Народ!
День ужасный!
День несчастный!
Увы! увы!
Свершилось всё!
Увы! увы!
О, горе нам!
Увы! увы!
Погибли мы!
Увы! увы!
Спасенья нет!

Раздаются звуки волшебной гармонии; на сцену опускается облако,
и в нем показывается Минерва (Паллада и Афина то ж).

М и н е р в а (Паллада то ж)
Проснись, Шагабагам, тебя я оживляю,
Возьми свой одр, ступай, я так повелеваю!

Б р а м б и л л а
Кто же ты?

М и н е р в а (Паллада то ж)
Минерва я,
Паллада то ж!

Б р а м б и л л а
Увы! увы! ах! спазмы! нервы!

Я В Л Е Н И Е

Те же и вестник.

Вестник

Спокойся, княжна! победа совершенна!
Разбитый хан бежит, Москва освобождѣна!

Шагабагам

(оживает)

О, радость!

Брамбилла

(сдавлив его в объятиях)

О, сладость!

Минерва

(махнув на них рукою и значительно покачав головой)

О, младость!

(Исчезает.)

Хор

Ф И Н А Л

Властелин
Наш один
Как гранит
Нас хранит.
Увы и ах!
Во всех сердцах,
Увы и ах!
Увы и ах!
Увы и ах!
Во всех сердцах
Днесь отдается,
И клик несется:
Игры и смехи,
Всяки утехи —
Сюда слетайтесь
И восхищайтесь!

ДУЭТ

Брамбилла и Шагабагам
Вот блаженства
Совершенство!
Совершенство Вот блаженства!
Вот блаженства Совершенство,
И согласья вот пример.

Общий хор
Слава! Слава! Слава!
Да процветает твоя держава!
Хвала, хвала, хвала! хвала!
Хвала! хвала, тебе, герой,
Хвала! хвала! хвала! хвала!
Виват! виват!
Урррра!..

(Великолепный балет.)

<1846>

Жулевистов

REQUIEM¹

В ушах моих Requiem страшно звучал,
И мрачно на улицах было,
Лишь там наверху огонек чуть мерцал
Сквозь красную штору у милой.

И холод по жилам моим пробежал,
И сердце болезненно сжалось;
Я более года ее не видал...
Что с ней, с моей милою, случилось?

Темна была ночь, ночь была холодна,
И ветер свистел так уныло...
В гробу, как живая, лежала она,
И по лочь на башне пробило.

<1847>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

¹ Реквием (лат.).— Ред.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

ПАРОДИЯ

Темно уж на улице стало,
И хлопьями снег выпадал;
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоял.

Закинув свой плащ, настороже
Я робкие взоры бросал,
Боясь, чтобы дворник — о, боже! —
Метлою меня не прогнал.

Всё было мне как-то неловко,
О чем-то я тяжело вздохнул,—
Она мне кивнула головкой,
А я ей рукою махнул.

1850
Одесса

Н. Омега
<Н. Ф. Щербина>

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

После знойного, душного дня,
Милый друг мой, я знаю, ты рада
Посидеть под окном у меня
И упиться ночью прохладой.
Ночь таинственной неги полна
Посмотри, полюбуйся в окошко:
Из-за облака вышла луна
И в саду осветила дорожку.
И, как будто стряхая свой сон,
В цветнике, окаймленном травой,
Поднял голову пышный пион,
Окропленный жемчужной росой.
Но, склоняся ко мне на плечо
В упоительный сумерек час,
Ты лобзала меня горячо
И мне руку сжимала не раз.

И душистые пряди кудрей
Рассыпались по белой груди...
И таких незабвенных ночей
Было много у нас впереди!

<1850>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ВЕЗДЕ И ВСЕГДА

Где ни бродил с душой унылой,
Как ни текли года,—
Всё думу слал к подруге милой
Везде я и всегда.

Везде влачил я, чужд забавам,
Как цепь, свою мечту:
И в Альбионе величавом,
И в диком Тимбукту,—

В Москве, при колокольном звоне,
Отчизну вновь узрев,
В иноплеменном Лиссабоне,
Средь португальских дев,—

И там, где снится о гяуре
Разбойнику в чалме,
И там, где пляшет в Сингапуре
Индийская альмэ,—

И там, где города под лавой
Безмолвствуют дома,
И там, где царствует со славой
Тамеа-меа-ма,—

Когда я в вальсе мчался с дамой,
Одетою в атлас,
Когда пред грозным далай-ламой
Стоял я, преклонясь,—

Когда летел я в авангарде
На рукопашный бой,
Когда на мрачном Сен-Готарде
Я слушал ветра вой,—

Когда я в ложе горе Теклы
Делил, как весь Берлин,
Когда глядел на пламень Геклы,
Задумчив и один,—

В странах далеких или близких,
В тревоге тяжких дней,
На берегах Миссисипийских,
На высях Пиреней,—

На бурном море, без компаса,
В лесу, в ночной поре,
В глухих степях, на Чимборасо,
В столице Помаре.

Где ни бродил с душой унылой,
Как ни текли года,—
Всё думу слал к подруге милой
Везде я и всегда.

<1850> *Новооткрытый поэт*
<К. К. Павлова>

МЕСТЬ ГОРЦА

<СТИХИ ЛЕОНАРДА ЛУБИЧА ХЛЫЩЕВА>

Ассан сидел, нахмуря брови.
Кальян дымился, ветер выл,
И, грозно молвив: «Крови! крови!»,
Он встал и на коня вскочил.
«Зюлейка! нет, твою измену
Врагу я даром не прощу!
Его как мяч на шашку вздену,
Иль сам паду, иль отомщу!»
Что было ночью в поле ратном,
О том расскажет лишь луна...

Наутро конь путем обратным
Скакал... Несчастливая жена!
Мешок о лук седельный бился,
Горела под конем трава,
Но не чурек в мешке таился:
Была в нем вражья голова!

<1850>   <Н. А. Некрасов>

* * *

Хотя уж догорает день,
И блеск заката потухает,
И длинная ночная тень
Поля и рощи обнимает,—

Но в роще¹ всё еще шумит;
Народ расходится лениво,
А ветерок чуть шелестит,
Колебля бархатную ниву.

Моей прогулкой утомлен,
Я впал в какое-то забвенье...
Где я? В Москве? Иль это сон
И скоро будет пробужденье?

<1851>   *Новый поэт*
                    <И. И. Панаев>

СЕРЕНАДА

Уж ночь, Акулина!
Окрестности спят;
Все жители Клина
Давно уж храпят.

---

¹ В Марьиной.

Покушав наваги
И выпив потом
Целительной браги,
Я здесь, под окном!

Своей балалайкой
Тебя разбужу,
А *Жучку* нагайкой
Как сноп положу.

До нитки промочен
Осенним дождем,
Я жду тебя очень
Давно под окном.

Надень душегрейку,
К окошку присядь,
Дай грусть мне злодейку
С тобой разогнать.

Какая причина,
Что темен твой дом?!
А! вот и лучина
Зажглась за окном!

<1851> *Новый поэт*
<И. И. Панаев>

<СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЮДОРА>

1

Опять налетают роями
Знакомые сердцу виденья,—
И снова объят я мечтами,
И полон любви и томленья...
То милый доносится шепот,
То видятся светлые очи;
То слышен немолкнувший ропот
Далекого моря; то ночи

Темнеют туманом осенним,
То дни лучезарные блещут;
То в тихом мерцаньи весеннем
Знакомые руки трепещут;
То поле, широкое поле,
Белеет, как саваном, снегом;
То лодка гуляет на воле;
То быстрым проносятся бегом
Родные, любимые лица,—
И все мне поют про бывшее...
Вот вся пронеслась вереница —
И смотрит лицо молодое...
Далекая! светлая! ты ли?
Тебя ли мой глаз различает?
Твоей ли обманчивой были
Опять мое ухо внимает?..
Широко волшебною тканью
Чарующих снов я окутан...
Я весь поддался обаянью,
Я негой и страстью опутан...
То ласки, то песни, то слезы...
Во мне и тоска, и отрада!
Безумные, дикие грезы,
Чего же от сердца вам надо?

2

Месяц в тумане вставал,
Стлался туман по земле...
Кто-то манил меня, звал,
Чей-то мне голос звучал,
Чей-то мне образ мелькал,
Смутно теряясь во мгле...
Месяц в тумане вставал,
Стлался туман по земле.

3

О мой призрак далекий,
Неземной, светлоокий!
Мрак безмесячной ночи!
Застилает мне очи.

О! пошли мне луч света!
Золотого привета
Сердце ждет не дождется;
Оно ноет и рвется.
Мрак безмесячной ночи
Ослепит мои очи.
Где ты, призрак далекий,
Неземной, светлоокий?

4

Был темен путь мой, бесприютен, глух.
Я шел один, бездомный странник. Сзади
Я не оставил ни родного крова,
Ни сердца матери: давно разрушен
Был дом отцовский; любящее сердце
Моей родной давно в могиле тлело.
Я шел вперед; но силы молодые
Всё больше, больше иссякали; тяжкий
Смертельный сон крылами бил мне в очи.
Передо мной седой туман клубился
И застилал унылую дорогу.
Глухая тишь была кругом меня,—
И голос мой, бесплодно замирая,
Ждал отклика напрасно. Долго так
Тянулся этот безотрадный путь,
И не хватало сил влачиться дальше.
Но вдруг среди могильной тишины
Раздался голос сладкий и певучий...
Меня он назвал именем моим...
И разглядел я среди мрака образ
Прекрасный. Много было в нем родного
Моей душе. Казалось, так же мрачно
И перед ним шел бесконечный путь,
Туманом затканый; казалось, так же
Искал и он ночлега или сердца
Знакомого и, так же, как и я,
Не находил ни отклика, ни крова.
Мы протянули друг ко другу руки,
Готовы были оба на распутье
Остановиться... Но опять туманом
Всё заволок угрюмый мрак, и дикий

Нас вихрь помчал вперед, своей дорогой
Отдельно каждого... Зачем же посох
Из слабых рук моих тогда не выпал?
Не оковал последний сон очей?

5

Сердцу трудно, оку больно...
Тяжко мне идти!
Где же отдых ждет привольный?
Где конец пути?

Шаг за шагом... Да куда же?
Где же мой приют?
«Близок он: твой путь туда же,
Все куда идут!»

6

Мой нежный друг, мой чистый гений!
Я одинок, я одинок...
Ни песен нет, ни вдохновений!..
Мой свет далек, мой свет далек.

Мой нежный друг, мой чистый гений,
Я одного себе молю:
Молю я слез, молю мучений...
Зачем так грустно я люблю?

7

Друг мой! мне довольно полуслова.
Друг мой! мне довольно полувзгляда.
Верить и любить душа готова;
И любви она, и вере рада.

Друг мой! увереней мне не надо:
Это счастье так свежо и ново!
Друг мой! мне довольно полувзгляда.
Друг мой! мне довольно полуслова.

Я видел во сне человечка
 С косым и зеленым лицом.
 Он глупо смотрел, улыбался
 И тотчас же плакал потом.

Ко мне подошел он и руку
 Мне крепко и дружески сжал,
 И долго качал головою,
 И мне наконец прошептал:

«Меня вы не знаете, друг мой,
 Да я-то вас знаю давно.
 Ну, что? исцелилось ли сердце,
 Иль так же болит всё оно?»

Зачем вы в лицо мне глядите?
 Ну, что вы увидите тут?
 Хоть цвет его — краска надежды,
 Да нашей надежде — капут.

Как вы, я надеялся долго,
 И зéлен с надежды я стал.
 Как вы, я всё плакал да грезил,
 Стишонки писал и вздыхал.

Пора нам, ей-богу, оставить
 Так глупо страдать и любить,
 Пора нам от грез пробудиться
 И жизнью действительной жить».

Со мною он тут распрощался,
 Отвесив неловкий поклон,
 И всё-то смеялся да плакал...
 Какой безалаберный сон!

<1852>   <М. Л. Михайлов>

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура!

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколаду.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна.

За двумя решетками
Пусть меня клянет,
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья... чу!
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница,
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!

О сеньора милая!
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,—
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

И на этом месте,
Если вы мне рады,—
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире,

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле. . .

Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура.

<1854> *Козьма Прутков*

ОСАДА ПАМБЫ

(РОМАНСЕРО. С ИСПАНСКОГО)

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванию Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь.
И всё войско дона Педра —
Девять тысяч кастильянцев —
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко. . .
Всякий день они слабеют,
Силы тратя по-пустому,

Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессильи плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый,—
Злые мавры торжествуют,
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек!
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим!
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами данного обета:
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello! ¹
Честь и слава дону Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским!»
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана —
Он изрядно подшутил!»

<1854>

Козьма Прутков

---

¹ Святой Иаков Компостельский (лат.).— *Ред.*

ПУТНИК

БАЛЛАДА

Путник едет косогором;
Путник по полю спешит.
Он обводит тусклым взором
Степи снежной грустный вид.

«Ты к кому спешишь навстречу,
Путник гордый и немой?»
— «Никому я не отвечу;
Тайна то души больнои!

Уж давно я тайну эту
Хороню в груди своей,
И бесчувственному свету
Не открою тайны сей:

Ни за знатность, ни за злато,
Ни за груды серебра,
Ни под взмахами булата,
Ни средь пламени костра!»

Он сказал — и вдаль несется
Косогором, весь в снегу.
Конь испуганный трясется,
Спотыкаясь на бегу.

Путник с гневом погоняет
Карабахского коня.
Конь усталый упадает,
Седока с собой роняет
И под снегом погребает
Господина и себя.

Схороненный под сугробом,
Путник тайну скрыл с собой.
Он пребудет и за гробом
Тот же гордый и немой.

<1854>   *Козьма Прутков*

* * *

Было то давно, давно...
Ночь травой благоухала;
В растворенное окно
Свежесть ночи проникала
После зноя... Я лежала,
Прислонясь к его груди...

На поля ложились тени...
Что нас ждало впереди,
Мы не знали. В страстной лени,
Не сводя с меня очей,
Он прищипливал сирени
Пышный цвет к косе моей...

На лазури неба чистой
Месяц плыл в красе своей,
Блеск бросая серебристый...
И на ясени росистой
Заливался соловей...

<1854>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

* * *

Как луна, ты томна и прекрасна
И, как солнце,— ярка, горяча,
Благовонна, светла, сладострадна —
В трепетаньи златого луча
И в дрожании звонкого звука
Поэтических песен моих!..
Ты бессмертна!.. Бессмертью порука —
Гармонический, гордый мой стих,
Прославлявший тебя бесконечно...

Когда первой рассветной зарею,
У пруда наклонившись беспечно,
Увлажняешь ты лик свой водою —

Лик, подернутый легкою дремою,—
О! Я твердью клянусь голубою!
Что горжусь в ту минуту тобою
Несравненно сильней, чем собою!..

В голове моей — мысли толпятся...
Музыкально-прекрасные звуки
На горячих устах шевелятся,
И, скрестивши торжественно руки,
Я твержу: Хоть я равен герою,
Но могучей атлета ступнею
Не сомну и ничтожнейшей травки,
Мирозданья любуюсь красою,
Не задену мельчайшей козявки!

Мимолетное духа явление,
Хоть я мыслю — мир обнимаю.
Но я в вечности — только мгновенье
И поэтому — *атом* творенья
Берегу — и из уст выдыхаю.

<1855>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

<СТИХОТВОРЕНИЕ ЭЛЕЙКИНА>

Вставайте... собирайтесь, народы,
Услыша желанный трезвон!..
Ветвь с ветвью сплетайте, о роды,
От корня славянских племен!..
Срок минул жестоким изгнанием!..
Пора плен чужбины разбить
И вновь, по старинным преданьям,
Одною семьею зажить!..

Примеру благому послушны,
Пусть наши и ваши поля
Сойдутся,— в день встречи радушной
Взыграет родная земля!..
Ты, Волга, целуйся с Дунаем!..
Урал,— ты Карпат обнимай!..

Пляшите, как братья, край с краем,
И всё, что не мы,— пропадай!..

Прочь, ложь и соблазны науки,
Искусства и мудрость людей!..
Словенские души и руки
Невинней без ваших затей!..
Зачем нам уменье чужое?..
Своим мы богаты умом!..
От Запада разве лишь злое
И вредное мы переймем!..

Что проку от грешной музы́ки,
От статуй и голых картин!..
Скупайте их златом, язы́ки!..
Пусть плюнет на них Славянин...
Сожжемте на вече творенья
Всех, всех чужеземных писак!..
Вот Нестор,— мои песнопенья!
В чтецы — вот приходский вам дьяк!..

Отпустим бородки до чресел,
В нагольный тулуп облачась,—
И в лес все пойдете!.. Как весел,
Как светл обновления час!..
Да здравствуют наши трущобы,
Разгул, старина, простота...
Без распрей, без лести, без злобы,
Здесь жизнь и сладка и чиста!..

С медведем мы пустимся в битвы,
За мед и за шкуру его,—
И всяк, возвращаясь с ловитвы,
Съест гордо врага своего!..
Шипучие вина забудем!..
Анафема трюфлям у нас!..
Славяне!.. отныне мы будем
Есть кашу — и пить только квас!..

<1856>   <Е. П. Ростопчина>

ИДЕЯ

<СТИХОТВОРЕНИЕ ПУРМАЙЕРА>

Идея!.. великое слово!..
Громовый, убийственный свет!..
Ты с силой бороться готова,
Ты истиной блещешь суровой
Пороку,— и власти клевет
Бежит, закрыв грешные очи,
В холодную мглу вечной ночи!..

Идея!.. Ты, божье светило,
Зарею над миром взошло
И вмиг старый мир обновило,
И в бой с предрассудком вступило,
И ночь побеждаешь, и зло...
Бледнеет лик тощий злодея,
Встречаясь с тобой, о идея!..

Ты царства ломаешь, как лозу,
Ты ложных героев казнишь,
Ты страх им во грудь, как занозу,
Вонзаешь, и гибели грозу
Безумным главам их сулишь!..
Блажен, пред тобой пламенея,
Кто служит тебе, о идея!..

Ты цепью братства связала
Народов святой хоровод,
Ты тайну им века сказала!..
И жизнь за тобой побежала,
Бежит человеческий род...
Сияй же нам вечно, нас грея,
Идея, святая идея!..

<1856> <Е. П. Ростопчина>

СЕРЕНАДА

Город спит в дали туманной,
Освещен лишь бельведер,

Успокоившись таким авторитетом, обращаемся к делу и рекомендуем читателям юное дарование, которое может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаем, как думать о юном поэте, и помещать ли его в «Современнике» или в «Свистке», но решаемся на первый раз лучше в «Свистке», а то в «Современнике»-то большею частию как-то несчастливы бывают — через два-три месяца уже не могут концы с концами свести... В «Свистке» не то: посмотрите, как твердо г. Лиlienшвагер стоит на своем пути!.. А юное дарование г. Капелькина будет поразнообразнее таланта Лиlienшвагера. Да вот прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаем, не скрывая его юношеской наивности: гласность так уж гласность, полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мне 20 лет. Я с юных годов одержим невыносимую любовью к поэзии. 12-ти лет я уже писал весьма хорошие стихи. Вообще я развился весьма рано. Вот первое стихотворение, которое я счел достойным печати: я написал его, будучи 12-ти лет.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вечер. В комнатке уютной
Кроткий полусвет.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привет,

Абрис миленькой головки,
Страстных взоров блеск,
Распускаемой шнуровки
Судорожный треск...

Жар и холод нетерпенья...
Сброшенный покров...
Звук от быстрого паденья
На пол башмачков...

Сладострастные объятья,
Поцалуй немой,—
И стоящий над кроватью
Месяц золотой. . .

1853

Это стихотворение попало к отцу моему, и он, признаюсь вам, чуть меня за него не высек. Напрасно уверял я его, что ничего подобного не видывал и не чувствовал, что это все есть подражание разным поэтам (я никогда не подражал одному): отец не хотел верить — так велика была сила таланта и живость изображения предмета! . .

Но как ни уверен я был в своем даровании, а перспектива быть высеченным вовсе мне не нравилась, и я немедленно переменял род своей поэзии. В то время наше отечество боролось с англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами об огромности России и о высоком чувстве любви к отечеству. Я увлекся и написал следующее стихотворение:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ

О моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!

Как широко ты, родная, раскинулась,
Как хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во все концы мира раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нет во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяжение:
С полюса тянешься ты до экватора,
Смертных умы приводя в изумление.

Ты занимаешь пространство безмерное,
Много обширнее древнего Рима ты,

Русской земли население верное
Чувствует всех поясов земных климаты.

Реки, озера твои многоводные
Льются, подобно морям, бесконечные;
Необозримы поля хлебородные,
Неизъяснимы красы твои вечные!

Солнце в тебе круглый год не закатится,
Путник тебя не объедет и в три года:
Пусть ямщикам он на водку потратится,—
Только лишь откупы будет тут выгода. . .

О моя родина, богом хранимая!
Сколько простору в тебе необъятного!
Сколько таится в тебе, о родимая,
Неизъяснимого и непонятого!..

1854

За это стихотворение отец похвалил меня, и я после того написал еще десятка четыре подобных пьес. Но признаюсь, ни одно из них не может сравниться в звучности с вышеприведенным. Поэтому я и не сообщаю их вам, а перехожу к новой эпохе моей поэтической деятельности.

В 1854—1855 отечество наше было в печальном положении: военные неудачи, обнаружение внутренних неурядиц — всё это терзало сердце истинного русского и вводило его в мизантропию. И я, действительно, предался мизантропии, разочаровался; всё мне опостылело, и я произвел следующую пьесу:

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.

С отверженьем и проклятьем
Я в лесу один брожу,

Но, увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч;
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.

Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блестят любви слезою
На деревьях все листы.

Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка. . .

В каждой травке, в каждой мошке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красоты,

И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить. . .

И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои. . .
О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?

1855

Вы угадываете, чем разрешилось это мизантропическое настроение? Любовью, самой пылкой любовью, — страстью до того пламенной, что я не знаю, как еще я не сгорел совсем. Тогда-то производил я по 7¹/₂ стихо-

творений в день круглым счетом; с особенною силою выразилась страсть в следующем стихотворении, которое я считаю вполне достойным печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНИЯ ЗВЕЗД

Как твои уста в веселом разговоре,
Чуть смыкаясь, снова раскрываются;
Как любовь и радость в этом светлом взоре
Перелетным блеском разгораются,—
Так на светлом небе в этот миг мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные.
Иль в любви и звезды глазками играют
И друг другу речи шлют приветные? ..
Иль любовью нашей с неба голубого
Хоры их приветливо любятся?
Иль ввиду избытка счастья земного
Их лучи завистливо волнуются?
Нет, любви дыханье так во мне широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит высоко,
Что эфир далекий колыхается,
И с его напором звездные громады
В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады
Веселей и чаще их мерцание...

1856

Но скоро любовь моя прошла, или, по крайней мере, сделавшись больше и приобретя серьезный взгляд, я перестал уже тратить драгоценное время на описание любовных чувств. Вокруг меня волновалась общественная деятельность, всё было полно новых надежд и стремлений, всё озарено было самыми светлыми мечтами. Весь мир представлялся нам в радужных красках. В таком настроении услышал я однажды заунывную крестьянскую песню. У меня тотчас родился вопрос: «Отчего же она уныла, когда всё кругом так весело?» Нет,— сказал я сам себе,— я должен во что бы то ни стало отыскать в ней веселые звуки. И представьте силу таланта — оты-

скал! И не только отыскал, но и воспроизвел! В Москве говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вот эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ

Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я с полей!

Пусть всё те же песни — долгие, тоскливые,
С той же тяжелой грустью — пахарь наш поет.
Долю его горькую, думы терпеливые
Пусть напев протяжный мне передает,

Но в восторге сердца, под святым влиянием
Гласности, прогресса, современных дум,
Полн благоговенья к светлым начинаниям,
Жадно всюду внемля новый жизни шум,

Не хочу я слышать звуков горькой жалобы,
Тяжкого рыдания и горячих слез...
Сердце бы иссохло, мысль моя упала бы,
Если б я оставил область сладких грез...

Всё светло и благо, всё мне улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залог,—
И напев тоскливый счастьем отзывается,
В грустной песне льется радости поток.

Пусть всё те же песни наши заунывные,
Но не то уж слышно в них душе моей:
Слышу я в них звуки радостно-призывные,
Чую наступленье новых, светлых дней!..

1857

Вслед за тем у меня родилась потребность самому быть общественным деятелем, и я изобразил свое настроение в нескольких звучных пьесах, из коих вот одна:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Я ехал на вечер. Веселыми огнями
Приветливо сиял великолепный дом;
Виделась зала в нем с зелеными столами,
И бальной музыки из окон неся гром.

А у ворот стоял, болезненный и бледный,
С морозу синий весь, с заплаканным лицом,
В лохмотьях и босой, какой-то мальчик бедный
И грошик дать на хлеб молил меня Христом.

Я бросил на него взор, полный состраданья,
И в залу бальную задумчиво вошел,
И детям суеты, среди их ликованья,
О бедном мальчике печально речь повел.

В кадрилях говорил о нем я девам нежным;
Меж танцев подходил я к карточным столам;
Восторженно зывал я к юношам мятежным
И скромно толковал почтенным старикам.

Но глухи были все к святым моим призывам. . .
И проклял я тогда бездушный этот свет
За то, что он так чужд возвышенным порывам,—
И тут же мстить ему я дал себе обет.

Я скоро отомстил: за ужином веселым,
Лишь гости поднесли шампанское к губам,
Я тостом грянул вдруг, для их ушей тяжелым:
«Здоровье бедняка, страдающего там!»

И показал я им на улицу рукою.
Смутились гости все, настала тишина.
Не стали пить. . . Но я,— я пил с улыбкой злою,
И сладок для меня был тот бокал вина! . .

Но вы сами знаете, как тяжело бороться против общественной апатии, безгласности, мрака предрассудков. Я всё это изведаль горьким опытом, и вот как выразилось мое новое общественное разочарование:

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА
(СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГИЯ)

Исполняясь мужества и помолившись богу,
Я рано выступил в опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при конце в какой-то мрак густой.
Безмолвна даль была, как темная могила;
Высокая трава лишь с ветром говорила,
Да слышалось вдали, вводя меня в тоску,
Кукушки горестной зловещее «куку».
Я был один, один... вокруг ни души живой...
Но я пошел вперед отважною стопой!
Мне в платье яростно вонзался терн колючий,
Я ноги обжигал себе крапивой жгучей.
Ложилась пыль на мне от каждого куста,
И паутина мне садилась на уста;
Но я всё шел вперед, свой страх преодолая,
О цели странствия прилежно размышляя.
А путь чем далее, тем делался страшней:
Жужжали вокруг меня десятки ос, шмелей;
Над головой моей кружились вереницы
Какой-то скаредной и безобразной птицы;
И что-то длинное, подобное змее,
Узрел вдруг на своей я темной колее...
И страх меня объял... Стал день мрачнее ночи,
Упал я на траву, смежив в испуге очи...
И долго я лежал, недвижно, как мертвец;
Но смирно было всё, и встал я наконец.
Взглянул окрест себя: природа улыбалась,
Всё солнцем радостно и ярко озарялось;
Кузнечик стрекотал и прыгал по траве,
И птички реяли в воздушной синеве,
Порхали бабочки на солнечном сиянии,
И в воздухе несло цвет благоуханье.

А то, что мне змеей представила мечта,
То кем-то брошенный обрывок был кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мне громко говорило,
И жажда славных дел проснулася в груди,
И цель великая виднелась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что со мною случилось?!
Нет прежних сил во мне... отвага потерялась...
Я не могу идти... Я немощен и слаб;
Сомнений горестных теперь я жалкий раб.
Мечты высокие, стремленья мысли здоровой —
Бесплодный анализ облил мне злой отравой...
Я стал умней теперь. Все трудности пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне идти...
Но дорого мне стал мой опыт безрассудный,
Я силы истощил и на дороге трудной
С тоской, с презрением к себе теперь стою,
И не в траве — в себе я чувствую змею...

1859

Теперь я не знаю, куда мне идти, за что приняться. В голове пусто, совершенно пусто; в мире ничто не привлекает, сердце иссохло от разочарования. Оживите меня, влейте надежду в грудь отчаянного, определите мне цель жизни: есть ли у меня талант, должен ли я заниматься поэзией или поступить в военную службу, чтобы ехать на восточный Кавказ и искать смерти в битве с племенем адыге, которое, как слышно, еще не совсем покорилось.

От вас ждущий жизни или смерти
Аполлон Капелькин.

Р. С. Следующий мне гонорарий вышлите мне по адресу, который вам сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

<1860>

<Н. А. Добролюбов>

БУРЯ НА МОРЕ

В сугубом страхе неся ветхий челн,
Гоним бурливою напастью грозных волн,
И мнил пловец, что та бездонна бездна
Похитит всё, чем жизнь ему любезна.
Морская глубь, злобна́ и разъяренна,
Его пожрать готова, как геенна;
Перуны грозные потоки молний льют,
И громы адские под облаком ревут.
Погода ясная вдруг сделалась ненастна.
О ты, пловец! судьба твоя ужасна.
Но верный Промыслу, он Промыслом спасен,
И, лишь с мольбой вознеся к небу он,
Стихии яростной замолкли буйны страсти,
И он спасен был гибельной напасти.
Перуны стихнули, смирились волны грозны,
И лил пловец спасенный реки слезны.

**МОНОЛОГ ХУДОЖНИКА В ДРАМЕ «ДЖУЛИАНО БЕРТИНИ,
ИЛИ ТЕРНОВЫЙ ВЕНОК ГЕНИЯ»**

Я весь в жару, как в первый день признанья.
Души моей натянутые струны
Готовы вдруг одним певучим хором
Ответить небесам мелодиею звуков.
Чело горит, струится в жилах пламень,
Я чувствую пришествье вдохновенья
Во имя чистого, великого искусства! . .
Искусство!

(Падает на колени.)

Весь я твой — и ты мое, искусство!
Вот здесь, в груди, божественная искра
Горит огнем небесного веленья,
Тревожит, жжет меня, и я, небес избраннык,
Весь трепещу под чарой вдохновенья.
(Быстро встает и начинает импровизировать.)

Я расторгнул жизни путы,
Вдохновенный без границ.
В те великие минуты
Люди, люди-лилипуты,
Преодо мной падите ниц.
На колени! Песнопений
Для грядущих поколений
Я пролью за звуком звук.
Вы — толпа, я — светлый гений,
Я — рожден для вдохновений,
Вы — для мелких бед и мук.
Для детей погибших мира
Я пою, — смиряет лира
Горе, скорби и печаль,
С именами Гёте, Данта
Имя нового гиганта
Люди впишут на скрижаль.
Душно, душно!.. мир мне тесен...

(Сбрасывает с себя галстук и сюртук.)

Муза, Муза! лиру мне!
Нужно звуков, рифм мне, песен —
Я горю, я весь в огне.

*(Обессиленный и облитый холодным потом,
опускается на ковер, поддерживаемый Музой.)*

РАЗРУШЕНИЕ МИРА

(СТИХОТВОРЕНИЕ, КОТОРОЕ НАЙДЕНО НЕКОНЧЕННЫМ)

Мир надтреснул, сокрушенный.
Вот в разбеге потрясенный
Пошатнулся — и раскат
Рос могучий, отдаленный
Распадающих громад.
Брызги молний, хохот грома,
Всюду ада смрадный след,
В безднах темного пролома
Гасли в судоргах погрома
Груды сброшенных комет.
Прах вселенной неся...

БАЛ

Залит бал волнами света;
Благовонием нагрета,
Зала млеет, как букет.
Упоительно-небрежно,
Зажигательно-мятежно
Ноет скрипка и кларнет.
В вихре звуков, в море жара,
С сладострастием угара
В вальс скользит за парой пара,
Опьянения полна,
В ураган огнепалящий,
Душу пламенем мутящий,
Волканически летящий,
Грудь взрывающий до дна.

Вот она, царица бала,
Раздраженная смычком,
Быстро сбросив покрывало,
В танце бешеном летала,
Припадая ко мне плечом.
Кудри змеями сбегали,
Волновались, трепетали
И, играя предо мной,
По щекам меня хлестали
Ароматною волной.
Мы неслись — мелькали люди,
Ряд колонн и ряд гостей,
Фермуары, плечи, груди,
Лампы, люстры, блеск свечей,
Косы, жемчуг, бриллианты,
Дымки, кружева, атлас,
Банты, франты, аксельбанты
И алмаз горящих глаз.
Мы неслись — кружилась зала,
Я дрожал, как кровный конь,
Весь был жар я, весь огонь,
В жилах лава пробегала,
И корсет ей прожигала
Воспаленная ладонь.

ЕВРЕЙСКАЯ [МЕЛОДИЯ

Я приду к тебе с цевницею
В твой далекий вертоград,
Лишь за тающей денницею,
Вместе с трепетной зарницею,
Тени ночи низлетят.

В пору темную, туманную
Не узнают Ноя дочь.
Я походкой неустанною
Под одеждой легкотканною
Проберусь к тебе в полночь.

Я приникну голубицею
Ко щеке твоей лицом,
И под темною ложницею
Буду жечь тебя сторицею
Поцелуем, как огнем.

ЧУВСТВО ГРЕКА

Мы на ложах сидели пурпурных
В благодатной тени сикоморы;
Ароматы курились в урнах,
И гремели певучие хоры.
И Эллады живые напевы,
Как вино, нашу кровь разжигали,
На коврах ионийские девы
С негой южною нас щекотали.
Целовала меня Навзикая,
На груди волновался гиматий,
И, устами к устам приникая,
Ожидала ответных объятий;
Но ни ласка, ни песня, ни шутка
Мне немилы от девы Эллады.
Мальчик розовый — дивный малютка
Привлекал мои жадные взгляды;
Я внимал, как лились, не смолкая,
Его песни согласные звуки,
И рыдала вдали Навзикая,
Опустив свои смуглые руки.

Раз проселочной дорогою
Ехал я,— передо мной
Брел с котомкою убогою
Мужичок как лунь седой.

На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Видно, доля небогатая
Тебе выпала, бедняк.

Подпираясь палкой длинною —
Путь-то, верно, был далек,—
Брел он с песней заунывною.
— «Дядя, сядь на облучок».

Сел старик. Седую бороду
Только гладит.— «Ты куда?»
— «Пробираюсь, барин, к городу,
Ждут оброка господа.

Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.

«Погоди, дед! С тяжкой болию
Ты не ляжешь умирать.
На отчизну божьей волею
Сходят мир и благодать.

После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда».

В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честно знаменье
С благочестьем сотворил.

ДВЕ ТЕНИ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. ФЕТУ)

Две тени слетают с тоскливой любовью
    Ко мне, как две чистые грезы,
И, кротко склонясь к моему изголовью,
    Льют тихие, теплые слезы.
Офелия легкой проносится тенью...
    И песни, и слезы, и стоны...
И вторит печальному долгову пенью
    Скорбящая тень Дездемоны.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Часто ночью, весной, когда Муза молчит
И перо я грызу до рассвета,
Вдохновение вновь у меня закипит
Над весенней страницей Фета.

И весенние песни растут, и звенят,
И щекочат подмышки поэта.
Вот за образом образов встал целый ряд
Над весенней страницей Фета.

И испанский мотив и еврейский напев
Так и просятся в формы куплета,
Я румянец у роз похищаю для дев
Над весенней страницей Фета.

«Ты поэт! Ты поэт!» — мне природа кричит,
И я слушаю с трепетом это,
А в груди сердце бьется и нойно стучит
Над весенней страницей Фета.

* * *

Подбоченься ходит месяц
Голубой, лазурной высью,
От востока и на запад
Пробегая плавной рысью.

И, прищуря томно глазки,
Со звездой звезда болтает,
А Меркурию Венера
Подозрительно мигает.

И над миром усыпленным,
Где не спят жуки да блохи,
Рея, плавают в тумане
Лишь одни людские вздохи.

<1860> <Д. Д. Минаев>

---

* * *

«Он не любил еще. В надежде благодати»
Он много ест и крепко спит,
А уж затем, и кстати и некстати,
«Молчанье строгое хранит».

«Еще до сей поры его мечты напевы»
Навряд ли кто-нибудь слышал,
Еще *«заветный бред неведающей Евы»*
Его *«души не возмущал».*

Еще пока ни Вакху, ни Киприде
Он возлияний не творил
(Хотя кузен его однажды, в пьяном виде,
На вакханалии манил)...

И как он мил зато, румяный, круглолицый
(Точь-в-точь плафонный купидон!),
Когда от скуки пробуют девицы
Души его нарушить сон!

Поют пред ним они таким минорным тоном,
Возводят очи к небесам;
Но тщетно всё: глядит Мемнон Мемноном
Неискусившийся Адам. . .

<1860>

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

К СОЛНЦУ

(ЭРОТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ)

День играет и смеется,
Как проснувшийся ребенок;
Звук по воздуху несется,
Серебрист, и чист, и звонок.

Солнце греет воздух ясный,
В щеки дышит и целует,
Как вакханка, сладострастно,
Распалает и волнует.

Золотое это солнце
Лишь уйдет — и я тоскую,
Набежит на солнце тучка —
Я, как женщина, ревную.

И, забыв дела мирские,
Дев и жен бывшие ласки,
Всё бы пил я золотые
Света солнечного краски.

<1861> <Д. Д. Минаев>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПОЛЧЕНЦЫ

(ОПЫТ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ)

Действующие лица: А. Н. Майков, Михаил Бурбонов, К<нязь> Вяземский, М. Розенгейм и поэты *майковского периода*, как-то: Петр Татаринов, Ив. Семерихин, К. Козлов, В. Преснов и многие другие.

Действие в 1854 г. Сцена изображает дикий пустынный вид Невы, вдали видно море. Весь берег покрыт поэтами «майковского периода».

ЯВЛЕНИЕ I

А. Майков (является и раздает каждому поэту по лире) и
М. Бурбонов

М. Бурбонов
Друзья! вас будет слушать мир!
Носите ж с гордостью, центавры,
Из виршей склеенный мундир.

А. Майков

(пророческим голосом, ударяя по струнам)

Не полны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!

М. Бурбонов

Пусть вдохновит вас, о витии,
Простая мысль... мысль та... мысль та...

А. Майков

(перебивая его)

О христианской Византии
Великодушная мечта!..
Пора! завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось!
Мы прозреваем наконец
В самосознании народном,—
Нам не в Париже сумасбродном,
Не в дряхлой Вене образец.

М. Бурбонов

Еще бы! что́ нам парижане!
Умней их жить теперь привык
Любой татарин из Казани
Иль из степей своих калмык.

А. Майков

(продолжая свою мысль)

В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она;
Там человека гордый гений
Зрел средь насильств и потрясений.

М. Бурбонов

Да и созрел ли, полно, он?
Что их Мишле, что их Прудон?
Мы лучше их видали виды.

А. Майков

Дух партий злобу там таит;
Все живы старые обиды;
Над каждым мрачной Немезиды
Там меч кровавый тяготит.¹

Петр Татаринов
(поет, играя на лире)

Захотели англичане
Крымских яблоков поесть,
К ним пристали францужане:
«Мы собьем-де с русских спесь,
Будет наше Черно море,
Севастополь, Крым в руках».²

ЯВЛЕНИЕ 2

М. Розенгейм и Расплюев.

Расплюев

Англичане! хе, хе, хе! Ненавижу я, сударь, эту нацию.

М. Розенгейм

Всё, чем живо государство,—
Вера, верность, правота,—
Всё подъяло там коварство,
Злоба, зависть, нищета.³

Расплюев

Да! у них ведь нет никакой нравственности: у них, сударь, всякий человек обучен боксу. Впрочем, и извинить их надо: ведь они потому такими и стали, что у них теснота, духота, земли по аршину на брата не хватит...⁴

¹ См. «1854 год». Стихотворения А. Н. Майкова.

² Крым и англичане. Современная песня П. Татаринова. СПб., 1854 г.

³ Стихотворения М. Розенгейма. 1858 г., стр. 14.

⁴ «Свадьба Кречинского». «Современник», 1856 г., стр. 125.

М. Розенгейм

Вот и лезут сдуру драться,
Вот и злобятся на нас.¹

М. Бурбонов
(Розенгейму)

Хоть я далек от всякого сближенья,
Но я поздравлю вас на этот раз:
С т-г Расплюевым у вас
Одна и та же точка зренья.
Что ж? Ведь не скуп на крайности наш век,
Мы что ни шаг — противоречья встретим
Притом же, наконец, заметим:
Расплюев — плут, но умный человек.

Кн. Вяземский

Заспесивился турчонок,
Он зафыркал, поднял нос
И ревет: я не ребенок,
Я и сам теперь подрос.
Вырос ты — чресчур не бреди!
А к чему ж, скажи-ка нам,
Взял к себе ты в няньки — леди
Да французскую мадам?
Из-за них на нас ты лезешь,
Кажешь кукиш вгорячах
И победы сдуру гредишь
На полях и на морях.²

М. Бурбонов
(кн. Вяземскому)

Князь, вас ли вижу я в такой суровой ризе?
Вы ль, воспевавшие «лакеев без сапог»?
Вы ль, плакавшие так в Москве о «Бедной Лизе»,
Вы ль это, князь? О, кто б узнать вас мог!
Не стареясь от лет, но только хорошея,
Что шлете с музою в стан вашего врага?

---

¹ Стихотворения М. Розенгейма, стр. 14.

² «К ружью!». Стихотворения кн. Вяземского. 1854. СПб.

Кн. Вяземский

Что не отвыкли мы турить пашей по шее,
Что не отвык орел луне сшибать рога.¹

М. Бурбонов

Ну-ка, други, приударьте
Песни майковских времен.

Неизвестный

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом. . .

М. Розенгейм

Что ни будь, а супостаты,
Русских вам не проглотить:
Нет, подавитесь, ребята!
По горбам придется бить.
Тут ведь салили уж губы
Не такие едоки,
Да сломали навек зубы:
Мы ведь жестки, русаки!²

Кн. Вяземский

И за то — помилуй бог! —
Как мы их перевернули,
Как от маковки до ног
Шкуры вениками вздули!³

М. Бурбонов

Право, нашей грозной оды
Пуще ядер и ножей
Испугаются народы. . .

М. Розенгейм

(с зубовным скрежетом)

Фабриканты мятежей! . .
Провозвестники свободы!⁴

---

¹ «К ружью!». Стих<отворения> кн. Вяземского. 1854. СПб.

² Стихотворения М. Розенгейма. СПб., 1858 г., стр. 15.

³ «К ружью!». Стихотворения князя Вяземского. СПб., 1854 г.

⁴ Стихотворения М. Розенгейма. СПб., 1858 г., стр. 14.

А. Майков

Пускай Европа негодует,
Пускай коварствует и лжет:
Дух отрицанья, дух сомненья,
Врагов бессильное шипенье
Народный дух в нем не убьет.

М. Бурбонов

(бросаясь к нему на шею)

Литературный наш атлет!
Меня привел ты в восхищенье.

А. Майков

О Русь! их купно поражай!
Одних мечом, других сатирой,
И бранный меч с правдивой лирой
Единым лавром обвивай!

(В сильной восторженности сбрасывает с себя шляпу.)

И тень певца Екатерины
На наше кликнет торжество:
«Они всё те же исполины
И помнят барда своего».¹

М. Бурбонов

(в сторону)

Он не боится ничего,
И даже — эпиграмм Щербины.

Слышно общее «ура» и звон лир. На поэтов майковского периода
сверху сыплется бриллиантовый дождь. Занавес опускается.

<1863>

<Д. Д. Минаев>

* * *

Кто сия? Она склонилась
На подушках ста веков,
Вместо мантии покрылась
Серой ризой облаков.

---

¹ «1854 год». Стихотворения А. Н. Майкова. СПб., стр. 8.

Кто сия? Почила сладко,
Скрыт огонь палящих глаз;
Под челом ее — Камчатка,
Под пятой ее — Кавказ.
Вместо кос, спадавших в ноги,
Темным лесом облита,
Вместо пояса на тоге —
Ветвь Уральского хребта,
Вместо ленты — Волга вьется,
В диадеме — голова,
И в груди не сердце бьется —
Бьется матушка Москва.
Молвит — двинутся громады,
Встанет — рост до облаков,
Мощной власти — нет преграды,
И пронизывают взгляды
Миллионами штыков. . .

<1863>

<Д. Д. Минаев>

**ЖИЗНЬ СКВОЗЬ РАЗНЫЕ ОЧКИ.
ПАРАЛЛЕЛИ. МОТИВЫ РУССКИХ
ПОЭТОВ**

1. МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир — это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать;
Мне одному такой дан нор,ов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia saга!¹
«Ночной зефир струит эфир»,
Но как гроза, как божья кара.
Заставлю дрогнуть целый мир.

---

¹ Моя дорогая! (итал.).— *Ред.*

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться,—
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

2. МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат! . .
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать! . .

3. МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу...

Месяц льет потоки света...
Сел я на траву,—
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу.

В летний день, в затишьи сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.

Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous¹ во рву,
Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.

Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

4. ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(кому угодно)

Когда сном крепким спал народ
И спячка длилась год за годом...
*(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)*

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
*(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)*

---

¹ Свиданием (франц.).— Ред.

Тогда (*обеденный певец*
Встает в порыве вдохновенья)
Ты появился наконец!
(*Сбегают слезы умиленья.*)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу! ..
(*Чтоб не забыть своих стихов,*
Поэт косится на бумагу.)

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте! ..
(*Певец хватает свой бокал,*
А лоб певца целуют гости.)

5. МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не область врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

<1865>   *Литературное домино*
                 <Д. Д. Минаев>

**АЛЬБОМ СВЕТСКОЙ ДАМЫ,
СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКИХ ПОЭТОВ**

* * *

Вдали сверкают Апеннины.
Передо мной разбитый храм,
Где отдыхают капуцины,
Но под плющом, в тени руины
Я мысленно летаю к вам,
И этот край, и Рим суровый,
Блеск неба ярко-бирюзовый
Забыл для улицы Садовой.

Последний вечер помню живо.
К подушкам голову склоня,
Лежали вы полулениво,
А я читал вам песню «Нива»...
Вы чутко слушали меня,
И вот теперь, под бюстом фавна,
Грущу — вам, может быть, забавно —
О вас, Настасья Николавна.

А. Майков

* * *

Мы встретились с вами на бале,
Всю ночь до утра был в экстазе я...
Со мною вы в вальсе летали,
Как грезы легки, как фантазия.
На эту волшебную встречу,
На страсть поэтически-детскую
Я драмою светской отвечу,
Где выведу женщину светскую.
Брожение мысли неясной
В ней будет понятно для всякого...
Вы явитесь музой прекрасной
И славой Полонского Якова...

Я. Полонский

* * *

Давно ли, безумный и праздный,
Я с вами по лесу бродил,
И он нас рососою алмазной
С ветвей изумрудных кропил.
Вчера я прочел «Положенье»!
В прихожей послышался стук:
Семен — какво положенье! —
Сервиз мой сронил на сундук.
Уснул я — и сон неотвязный
Меня в ту же рощу унес,
И сосны рососою алмазной
Сверкали, как брызгами слез.

А. Фет

* * *

Итальянских певцов-теноров
Я не слушаю с их примадоннами,
Но, закутавшись в плащ, под колоннами,
Я с цветами, в природу влюбленными,
Чую музыку вечных миров.
Уловить этих звуков нельзя,
Выраженье для них не придумано:
Слаще гимнов Россини и Шумана
Льется музыка, в душу скользя.
Вечный враг театральных кулис,
Сидя в поле с афинскою лирою,
Я поющим мирам аплодирую,
Воскликая неистово: bis!

Н. Щербина

* * *

Поздним летом, ночью тихой
Дышит поле теплым сном,
Спелой рожью и гречихой...
Тихо в небе голубом,
Усыпительно безмолвны

Спят вершины дальних гор,
И серебряные волны
Льет луна на сонный бор.

Ф. Тютчев

ИЗ САУТИ

Всё в природе плачет.
Плачет ветер в поле,
Плачет в хате пахарь,
Плачут дети в школе;
Плачет мир по селам,
Городам и дачам.
Милая! с тобою
Сядем и заплачем.

А. Плещеев

* * *

Хотелось мне для вашего альбома
Сложить десятка два веселых строк,
Но мне, увы! веселье незнакомо,
Есть скорбь одна, — скорбеть я только мог.
Едва ль себя для вас переиначу,
Могу лишь петь страданье и грозу...
Поверьте мне: я и теперь вот плачу
И вместо точки ставлю здесь — слезу.

А. Плещеев

ИЗ БЕРАНЖЕ

Выпив миску жженки,
К речке я подкрался:
Там без рубашонки
Мылись две сестренки...
В ближний куст в сторонке
Тихо я прижался.
Что за формы, боже!..
Торс — как у Венеры!..

Что за тонкость кожи! . .
Был бы я моложе,
То . . . но для чего же
Городить без меры? . .
Званием поэта
Пользуясь кстати,
Про купанье это
Сорок три куплета
Я сложу для света
И — предам печати.

М. Розенгейм

**ПО СЛУЧАЮ ПОСТУПЛЕНИЯ В ДОМ
ГУВЕРНАНТКИ ИЗ АНГЛИЧАНОК**

Вы поддалися на приманку
Цивилизованных затей
И взяли в дом свой англичанку
Для обучения детей.
Предупреждаю вас заранее:
Они вертлявее ужей;
Притом же эти англичане
Суть «фабриканты мятежей».
Страшиться меньше скорпионов,
Кредиторов и обезьян,
Чем попирателей законов —
Рыжеволосых англичан.

М. Розенгейм

ИЗ ГЕЙНЕ

Ночь. На море качка.
Убоясь истерик,
Милая рыбачка,
Выдь ко мне на берег.

В вихре непогоды
Пред рыбачкой таю,
Гейне переводы
Нежно ей читаю.

Но она, о горе! —
Стал пред ней как пень я —
Вновь пустилась в море,
Испугавшись чтенья.

В. Греков

* * *

Я не рожден в альбомы дам
Писать в лирическом припадке,
Могу кнутами эпиграмм
Лишь бичевать людей за взятки.
Но если б знал я, что и вы
До лихоимства очень падки,
Тогда б, не слушая молвы,
Вас обличил бы я за взятки.

Дядя Пахом

* * *

На чужбине каждый жаден
С земляком пробыть хоть час:
Прискакал я в Баден-Баден,
Но, увы! не встретил вас.
Что ж! в любви я безвозмезден,
Как верблюды я терпелив —
И по рельсам в милый Дрезден
Мчал меня локомотив.
Но на Брюлевской террасе
Обманулся вновь поэт:
Там гулял лишь автор «Аси»,
А от вас простыл и след.
Где вы? в Риме, в Ницце? или...
На судьбу свою злюсь я:
Мне и рифмы изменили,
И старинные друзья...

<1865> *Кн. Вяземский*

<Д. Д. Минаев>

ДУЭТ ФЕТА И РОЗЕНГЕЙМА
(БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ЛИКОВАНИЕ
И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ХУЛЕНИЕ)

Фет

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало.

Розенгейм

Я пришел к тебе с памфлетом
Рассказать, что нынче летом
По трактирам, по буфетам
Всюду мясо вздорожало.

Фет

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой.

Розенгейм

Рассказать, как я согнулся
От забот и ужаснулся:
Целый город захлебнулся
И томится винной жаждой.

Фет

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова...

Розенгейм

Рассказать, что с дикой властью
Нас глотает адской пастью
Злоба ига откупного.

Фет

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет.

Розенгейм

И открыть родному люду,
Что всех взяточников буду
Бить, как старую посуду,
И мой стих их стон развеет.

<1865>

<Д. Д. Минаев>

<РУССКИЙ ГЕЙНЕ>

1

Отчего ты чахнешь, роза,
И склонилась, как в испуге?
— Оттого, что мой румянец
Перешел к твоей подруге.

Отчего шипы у розы
Уж не колют с прежней силой?
— Не горюй: еще их иглы
Ты почувствуешь от милой.

2

Разуваясь, ходят в небе
Звезды ножками босыми,
Чтоб земля не пробудилась
Под туманами ночными.

Я давно люблю вас, звезды,
И во всем вам подражаю,
И теперь, в глухую полночь,
Сапоги с себя снимаю.

Проберусь тихонько к милой
Прямо на ногу босую,
Чтоб во сне не потревожить
Тетку старую, седую.

Ходят звезды-босоножки,
Над землей сны веют кротко,
И в пикет во сне играет
Подозрительная тетка.

<1860>

<Д. Д. Минаев>

СТИХОТВОРЕНИЯ В ГЕЙНЕВСКОМ ДУХЕ

I

(С САРКАСТИЧЕСКИМ ОТТЕНКОМ)

Я верю: меня ты любила,
Да я-то тебя не любил;
Меня ты еще не забыла,
Тебя я давно позабыл.

II

(С ОТТЕНКОМ ИРОНИИ)

Меня ты когда-то любила,
Тогда я тебя не любил;
Теперь ты меня позабыла —
И что ж? я тебя не забыл.

III

(ОРДИНАРНОЕ)

Ты меня любила,
Я тебя любил,—
Ты меня забыла,
Я тебя забыл.

<1861>

Н. Гнут
<Н. Л. Ломан>

ИНТЕРМЕЦЦО¹

(ИЗ ГЕЙНЕ)

* * *

Я из слез моих... но, впрочем,
Слезы к черту! Слезы вздор!..

---

¹ Я назвал эти куплеты *интермеццою*, потому что они так обозначены автором, которого я здесь вольно перелагаю, а что такое значит эта *интермецция* — черт ее знает! Если что скверное, то, пожалуйста, замарайте, чтобы товарищи не подумали обо мне чего дурного. М. Б.

Но бурбоновские вздохи —
Это песельников хор.

Полюби меня, драгая,
И майор твой, как ни стар,
Пропоет весь забубенный
Полковой репертуар.

* * *

Ланитой к ланите моей приложись,
Целуй меня нежно, но храбро,
И пусть на устах твоих вырежет след
Усов моих стриженных фабра.

И, если тебя очарует до слез
Бурбонова страстная ласка, —
Пускай их смешаются слезы твои
С мусатовской черною краской.

* * * .

У ящика с деньгами ночью в ломбарде
Стоит караульный солдат
И дремлет, качаясь, и ждет себе смены,
И смене, конечно, он рад.

Я в сердце твоём занял пост караульный.
Драгая! я тоже солдат.
Я тоже дремал бы; но тоже жду смены
И смене, конечно, не рад.

<1866>

Мих. Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

ПОД ВЕТКОЙ СИРЕНИ
(БЕСКОНЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ)

Под душистою веткой сирени
Пред тобой я упал на колени.
Ты откинула кудри за плечи,
Ты шептала мне страстные речи,
Ты склонила стыдливо ресницы. . .
А в кустах заливались птицы,
Стрекотали немолчно цикады. . .
Слив уста, и объятия, и взгляды,
До зари мы с тобою сидели
И так сладко-мучительно млели. . .
А когда золотистое утро
Показалось в лучах перламутра,
Ты сказала, открыв свои очи:
«Милый, вновь я приду к полуночи,
Вновь мы сядем под ветку сирени,
Ты опять упадешь на колени,
Я закину вновь кудри за плечи
И шептать буду страстные речи,
Опущу я стыдливо ресницы,
И в кустах защебечут вновь птицы. . .
Просидим мы, о милый мой, снова
До утра, до утра золотого. . .
И когда золотистое утро
Вновь заблещет в лучах перламутра,
Я скажу, заглянув тебе в очи:
Милый, вновь я приду к полуночи,
Вновь мы сядем под веткой сирени. . .»

И так далее, без конца.

РИМ

Как тень седого великана
В могильном саване, как дым
Под ледяной корой волкана,
Так ты, великий, дивный Рим,
Времен минувших оклик дикий,
Костью бессмертных помощен,
Как твой пустынный Пантеон,
Стоит в развалинах великий!
Не говори, не повторяй
Твоих заветов и преданий,
Не возбуждай воспоминаний,
Души поэта не смущай!
Пускай бессмертного могила
Не произносит мелких слов,
Пока тебе язык богов,
Моей угрюмой музы сила
Упрямых, северных стихов
В завет потомку не дарила!
Молчи, красноречивый Рим...

. . . . .
Твои развалины святые,
Твои остатки гробовые
Я оживлю моим стихом!
Как бы на Пифии треножник,
С поникшим сяду я челом
На те места, где скиф-безбожник
С огнем являлся и с мечом;
Стадами думы зароятся

В душе поэта; смело он
Глядит на мир, когда теснятся
К нему стихи со всех сторон!
Он обнят выпревшим пожаром,
Он презирает вкус и ум,
Воспламененный чудным даром,
Он дик, он смел, как бури шум!
Себе единому понятен,
Для черни смысл он потерял —
И черни глас ему невнятен,
И ей не знать, что он писал!

Рим

1832 г. Марта 3 д.

Картофелин
<Н. А. Полевой>

А. С. Х О М Я К О В

(1804—1860)

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна. Ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.

Но он любить тебя не может:
Ты родилась в другом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою!..

<1854>   *Козьма Прутков*

ЖЕЛАНЬЕ ПОЭТА

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью,
Из тучи ливнем воду лить,
Иль волком выть по перелесью.

Хотел бы сделаться сосною,
Пылинкой в воздухе летать,
Иль солнцем землю греть весною,
Иль в роще иволгой свистать.

Хотел бы я звездой теплиться,
Взирать с небес на дольний мир,
В потемках по небу скатиться,
Блистать, как яхонт иль сапфир.

И вокруг меня нимфы теснятся толпой,
И Зевс меня гладит всесильной рукой...
Но, ах!.. я проснулся, к несчастью, живой,
Здоровый!..

<1854>

Козьма Прутков

НЕАПОЛЮ

(ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ МАНИФЕСТАЦИЙ В СИЦИЛИИ)
<ИЗ «НЕАПОЛИТАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» ЯКОВА ХАМА. ПЕРЕВОД
КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА>

«Гордись! — стих каждого поэта
На всех наречиях земных
Гласит тебе — ты чудо света!
Гордись красою вод твоих,
Гордись полуденным сияньем
Твоих безоблачных небес
И вековечным достояньем
Искусства мирного чудес!
Гордись!..»

Но лестию лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всем этим блеском, этой славой,
Всем этим прахом — не гордись!
Пески сахарские южнее,
Стоит красивее Царьград,
И Эрмитажа галереи
Твоих богаче во сто крат!..
Не в этом блеске суетливом
Народов мощь заключена,
Но в сердце кротком, терпеливом,
В смиренномудрии она!..

И вот за то, что ты смиренно,
В молчаньи жребий свой несешь,
Вослед мятежникам надменно
Против владык своих нейдешь
И воли губительного дара
Не просишь от враждебных сил,—

За то тебя святой Дженаро
Своею кровью подарил!
За то высокое призванье
Тебе в веках сохранено —
Хранить порядка основанья,
Народной верности зерно!
Ты невредимо сохранишься
В перевороте роковом
И безмятежно насладишься
Законной правды торжеством.
И жизнь твоя пройдет счастливо,
Во все века не зная бурь,
Как в тихий день волна залива
И как небес твоих лазурь!

15 декабря 1859

<Н. А. Добролюбов>

РОДНОЕ

ИЗ ПИСЬМА МОСКОВСКОМУ ПРИЯТЕЛЮ ¹

В борьбе суровой с жизнью душевной
Мне любо сердцем отдохнуть;
Смотреть, как зреет хлеб насущный
Иль как мостят широкий путь.
Уму легко, душе отраднo,
Когда увесистый, громадный,
Блестящий искрами гранит
В куски под молотом летит!..
Люблю подсесть подчас к старухам,
Смотреть на их простую ткань.
Люблю я слушать русским ухом
На сходках родственную брань.

Вот собралися: «Эй, ты, леший!
А где зипун?» — «Какой зипун?»
— «Куда ты прешь? знай, благо, пеший!»
— «Эк, чертов сын!» — «Эк, старый врун!»

. . . . .

И так друг друга, с криком вящим,
Язвят в колене восходящем.

. . . . .

Начало 1850-х годов (?)

Козьма Прутков

---

¹ Здесь помещается только отрывок недоконченного стихотворения, найденного в сафьянном портфеле Козьмы Пруткова, имеющем золоченую печатную надпись: «Сборник неоконченного (d'inachevé) № 2».

СТИХОТВОРЕНИЕ, ЗАИМСТВОВАННОЕ
ИЗ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ

Я герой! ..
Припеваючи жить
И шампанское пить,
Завираться!
Жребий мой:
Вечеринки давать
И себя восхвалять,
И стишки издавать,
И собой
Восхищаться!
Верить одному
Вкусу своему,
Всех блаженней в мире,
Всех несчастней быть;
Но какое счастье
Так себя любить! ..

<1846>

К***

Почтительно люблюся тобою
Издалека... Ты яркой красотой,
Как пышный цвет, торжественно полна,
Ты царственно, ты дивно создана!

Промчишься ли в блистающей карете,—
Тобою бескорыстно вдохновлен,

Творю тебе обычный мой поклон,
Нимало не заботясь об ответе.

Окружена поклонников толпой,
Сидишь ли ты в великолепной ложе,
Я думаю: «Как хороша, о боже!»,
Едва восторг удерживая мой.

Души моей высокое стремленье,
Мой драгоценный, задушевный клад!
Брось на меня хоть ненароком взгляд,—
Твой каждый взгляд родит стихотворенье!

<1847>

Новый поэт
(И. И. Панаев)

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРЕЗЫ «ДОМИНИКИНО ФЕТИ¹, ИЛИ НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНИЙ»

Действие первое

ВЫХОД 2

1609

Картинная галерея в Мантуе. Доминикино Фети прохаживается по зале в глубокой и многозначительной задумчивости. На глазах его живительные слезы. Вдруг он останавливается, поднимая руки горé перед картиною Джулио Романо.

Фети

Гори огнем священным, сердце,
Гори! мне любо и легко взирать
На дивные создания искусства!
О Джулио Романо! о великий мастер!
Ты, кистью чародейственной владея,

---

¹ Художник римской школы, родившийся в 1589 году и умерший в 1621. Сии драматические грезы требовали обширной эрудиции. Купно с выходом целой Грезы, мы представим читателю и необходимые к оной примечания и оправдания. Автор.

В красе и блеске состязался с небом!
Во прах, во прах перед твоим талантом!

(Упадает на колени перед картиной. Через немного времени встает, отряхнется, протирает глаза. Холодный пот льется по его челу. Он снова смотрит на картину и, преисполняясь восторгом, начинает скакать и прыгать. напевая)

О Романо! О Романо!
Это диво — не картина!
Чудо мысли, исполненья,
Страсти, силы, вдохновенья. . .
И легко, и вместе жутко,
Дрожь по телу пробегает,
Искры сыплются из глаз,
И пленительные звуки,
Расплетаясь и сплетясь,
Будто змеи обвивают
Утлый, бранный мой состав!
Страшно! дивная минута!
Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!
Тра-ля-ля, ля-ля-ля-ля!

(В изнеможении упадает на стул. Затем величественно поднимается и произносит медленно и строго)

Условия искусства глубоки!
И путь его исполнен бурь и терний.
Художник — не ремесленник. Он должен
Прежде всего иметь запас идей и нечто,

(сжимая руку в кулак)

Что избранным из избранных дается.
Я чувствую: во мне есть это нечто. . .
В груди растет жидкительная сила,
По жилам вместо крови льется огонь. . .
Не для земной и мимолетной славы
Я предаюсь великому искусству,
Не для себя, не для людей — для бога!
И жизнь моя пойдет легко и плавно,
Озарена священным вдохновеньем. . .
Спасибо, Джулио Романо! Он
Мне указал мое предназначенье;

Двукратное — и от души спасибо
Великому! . . . . .

Во все продолжение времени, покуда, под наитием художнического восторга, Доминикино Фети говорил, скакал и прыгал, в глубине галереи стояла не замеченная им девушка (Анунциата), с умилением взиравшая на него.

Анунциата
(про себя)

Как он хорош сегодня!
Он облит весь лучами вдохновенья,
И блеск в очах, и гордая улыбка. . .
(Неволью громко)

О Доминик!

Фети
(будто просыпаясь)

Кто звал меня? . .
(Озирается. . . и, с удивлением увидев Анунциату, подходит к ней робко, с потупленным взором.)
Анунциата! вы ли? как! откуда? . .

Анунциата
(приседая с застенчивостью)

Синьор художник. . . боже. . . извините. . .
Я здесь нечаянно. . .

Фети

Анунциата!

Долгое и красноречивое молчание. Лицо Анунциаты постепенно одушевляется, глаза ее начинают сверкать, стан выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позе ее что-то пророческое. . . Она смотрит на Фети и говорит.

<Анунциата>

Великий боже! что со мною? я дрожу.
(Громко и сильно)

Внимай, внимай пророческому слову,
Из уст моих ты слышишь голос свыше.
Страшный путь ты избрал, Фети!
И на избранном пути
Для тебя расставят сети

Злоба, зависть; но идти
Должен ты по нем, лелея
Светлый, чистый идеал,
Не ропща и не робея;
Бог тебя сюда призвал...
Для великого!.. А люди...

Но ты пиши не для суда мирского,
Бессмыслен и пристрастен суд людей...
Есть суд другой — и есть другое слово...
Его-то ты вполне уразумей!..

(Исчезает.)

Доминик, пораженный семи словами, пребывает с минуту безмолвен, с опущенной головой. Потом поднимает голову, ища глазами Анунциату.

Фети

О дивное, прекрасное явленье!
О неземная!.. где ты? погоди,
Не улетай... Благодарю, создатель!
В ее устах твое звучало слово!..
Мне слышатся еще досель те звуки
Гармонии чистейшей!.. Как светло!..
Как хочется мне плакать и молиться!
Как грудь кипит! как сердце шибко бьется,
Рука к холсту неволью так и рвется...
Мой час настал. Великий, дивный час!..
За кисть, за кисть, Доминикино Фети!..

(Убегает.)

Действие седьмое

ВЫХОД ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

Через пятнадцать лет после предшествовавшей сцены. В Риме, в мастерской художника.

Фети

(худой и бледный пишет картину и вдруг останавливается, мрачно поводя глазами)

Нет, кончено, остыло вдохновенье...
Не воротить минувшее мгновенье!..

*(Толкает ногою станок, на котором стоит картина.
Картина падает.)*

Прочь с глаз моих!.. Ну, веселитесь, люди!

(Рвет в бешенстве кисть, бросает ее и топчет ногами.)

Сбирайтесь смотреть на мой позор...
И вы, завистники с змеиною улыбкой,
Художники! собирайтесь сюда...
Я изнемог!.. довольно... нету сил;
Червь внутренний мне сердце источил!..
Башмачник я, ремесленник презренный,
А не художник, славой осиянный!

(Хохочет дико.)

Разбит во прах мой велелепный сон!

(Задумывается и через минуту)

А сон тот был и чуден, и прекрасен...
Казалось мне тогда, что я восстану
В лучах, в венце и в нестерпимом блеске,
Величием, как ризой, облачен
И молниею славы опоясан!
Коллебясь под куполом святыни,
Я радугу хотел сорвать с небес;
С природою я мыслил состязаться;
Пересоздать небесные светила;
Луну и солнце с неба перенести
На полотно. И кистью исполинской
Хаос, и тьму, и ад изобразить
На диво, страх и трепет человеку!..
Я мыслил сжать в одно произведенье
Громадное — все божию миры!..

(Немного погодя)

Искусства царь, в регалиях моих,
Я плавал бы над миром изумленным,
И на меня в немом благоговеньи
Смотрели б очи тысячи людей...
И голос мой тогда бы с высоты,
Подобно грому божьему, раздался:
О люди, на колени!.. Не предо мною, люди,—
Пред искусством! . . . . .

Ну, смейтесь, смейтесь,— я и сам смеюсь.

Удар грома.

Сильнее, гром! тебе не заглушить
Стенания растерзанного сердца! ..

Другой удар сильнее.

Вот так! — И то не громко; посильнее! ..
О, если б мне стихии покорялись! ..
Одним ударом я б разрушил мир
И молнией спалил бы все картины! ..
Пусть гибнет всё! .. Пощадь ничему!
И первое погибни ты, искусство! ..
Искусство вздор! .. Оно на дне бутылки,
Вот где оно, искусство! .. Пить и пить! ..
Страстям своим! .. отважно предаваться,
Роскошничать и в неге утопать —
Вот жизнь! .. И Рафаэль так жил! ..
И я! ..

(Засыпает.)

Гром и молния. Фети спит непробудным сном! .. Освещенная молнией, бледная и худая, с распущенной косой появляется Анунциата и останавливается перед спящим Фети.

А н у н ц и а т а

Богохулиитель дерзкий!

И это ты, что обещал так много,
Ты, кем была я некогда горда,
Кому вполне безумно предавалась,
Кем я жила и страстно упивалась,—
И это ты, мой светлый идеал?
Проклятие! Ты дерзостно попрал
Святыню чувств, надежд и вдохновений,
Ты погубил в зародыше свой гений,
На полпути к бессмертию ты пал!

Фети просыпается и с ужасом смотрит на Анунциату.

Ф е т и

О, боже! прочь ужасное виденье! ..
Анунциата! .. Это страшный сон
Иль совести тревожное явление?!

Я без того разбит и сокрушен...
Анунциата, ты ли?..

А н у н ц и а т а

Это я!

Я — казнь, тебе ниспосланная свыше!..
А! ты узнал меня!.. Да, это я,—
Твоя Анунциата!.. Это я,
Доминикино Фети!.. О, гляди, гляди,
Я мало изменилась. Не правда ли?

.....
Проклятие, проклятие тебе!

Ф е т и

(упадая перед нею на колени)

Не проклинай! Не я, не я, а люди —
Виновники гибели моей!

У ног твоих позволь мне умереть,
Дай выплакать у ног твоих прощенье...
Не я, не я,— а люди! . . . . .

Довольно!.. Кто не признает моего труда гениальным, громадным, шекспировским, кто не станет предо мной на колени, тот не понимает искусства, не понимает!.. Сам же я, повторяю, доволен — и преклоняюсь перед моим созданием...

Дивно! сердце не все тоска обуяла, когда
С милым фантазии чадом пришлось расставаться.
Долго тебя я голубил в мечте, как святыню;
Много с тобою бессонных ночей проводил я сам-друг;
Читал, перечитывал снова — и купно с друзьями
Звуками, мной порожденными, всласть упивался!

Бедное чадо мое! ныне идешь ты на суд кривотолков.
Мужайся! искусство для них не искусство,— игрушка.
Взором бесстыдным своим люди тебя оскорбят,
Но *прекрасного* участь (поверь мне) всегда на земле
такова!

ОЖИДАНИЕ

Очаровательна, румяна,
Игривой живости полна,
В прозрачной ткани из тумана
Любовь очей моих она.
В нее природа влюблена!
Не сплю я... вся душа в томленьи!..
Я жду ее!.. я весь горю!..
Ревнивцы! бросьте подозренья:
Я жду румяную зарю.

<1829>

<А. Ф. Вельтман>

К ДРУЗЬЯМ

Где вы, товарищи? Куда занес вас рок?
Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?
Тех дней не воротить!.. Всею своя пора!..
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Ковшами черпая из бочек вдохновенья!
Блажен, стократ блажен!.. Встречая новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот,
И издавеча к вам, товарищи, зываю!

Примите дружески-бурсацкий мой привет,
Порыв души моей, студенческой и чистой,
(Студенческой, друзья! хотя мне сорок лет!),
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый!

<1843>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами,
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья.
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок не велик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь! Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Не прихотливый, не сердитый,
Подарок старого пииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

<1844>

<Н. А. Некрасов>

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родины своей.

Н. Языков

Друг, товарищ доброхотный!
Помня, чувствуя, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.
Мил мне ты! .. Недаром смлада
Я говаривал шутя:
«Матерь! вот твоя отрада!
Пестуй бережно дитя.
Будет Руси сын почтенный,
Будет дока и герой.
Будет наш — и непременно
Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти,
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд, и радостен, и пьян!
Горячо и лихо — славно
Сердце русское твое,
Полюбил ты достославно
Нас развившее питье.
Весь ты в нас! .. Бурлит прекрасно
В жилах девственника кровь,
В них восторженно и ясно
К милой родине любовь
Пышет. Бойко и почтенно
За нее ты прям стоишь. . .
С ног от штофа влаги пенной,
Влаги русской — не слетишь!
Враг набродов иностранных,
Воеватель удалой,
Ты из уст благоуханных
Дышишь родине хвалой,
Доли жаждешь ей могучей. . .
Беспредельно предана
Ей души твоей кипучей

Ширина и глубина!..
И за то, что Русь ты нашу
Любишь,— речь к тебе держу
И стихом тебя уважу,
И приятною награжу.
Будь же вечно тем, что ныне:
Своебытно горд и прям,
Не кади чужой святыне,
Не мирволь своим врагам;
Не лукавствуя и пылко
Уважай родимый край;
Гордо мужествуй с бутылкой —
Ни на пядь не уступай;
Будь, как был!.. За всё за это
Да за родину мою,
Да за многи, многи лета
Нашей дружбы — днесь я пью...
Пью... величественно-живо
В торжествующий стакан
Одуряющее диво
Ущедренных небом стран
Льется. Лакомствуя мирно,
Наслаждаюсь не спеша...
Но восторженностью пирной
Не бурлит моя душа.
Хладных стран заходный житель,
Здесь почетно-грустен я:
Не отцов моих обитель
Здесь,— не родина моя!
То ли дело, как бывало,
Други, в нянином дому
Бесподобно, разудало
Заварим мы кутерьму!..
Чаши весело звенели,
Гром и треск; всё кверху дном!
Уж мы пили! уж мы ели!..
В удовольствии хмельном
Вам стихи мои читал я...
Сотый чествуя бокал,
Им читанье запивал я
И, запивши, вновь читал.

Благосклонно мне внимали...
Было чудное житье:
Други мне рукоплескали,
Пили здравие мое!
Здесь не то... Но торжествую
Я и здесь порой, друзья.
Счастье! фляжку — и большую —
У матросов добыл я
Влаги русской... Как Мюэа
Мне наскочит легкий хмель,—
Пью и потчую соседа...
Объяденье! богатель!
Ровно пьем; цветущ и весел,
Горделиво я сижу...
Он... глядишь — и нос повесил!
Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогой
Немец мой — сутул, поджар —
Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар...
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает Славянина
Силу скромную...

Вина!

На здоровье Руси нашей!
Но, увы мне, о друзья!
Не состукиваюсь чашей
Дружелюбно с вами я —
И не пьется... Дух убитый
Достохвальной грустью сжат,
И, как конь звучнокопытый,
Все мечты туда летят,
Где родимый дым струится,
Где в виду своих сынов
Волга царственно катится
Средь почтенных берегов...
Что ж? туда!.. Я скор на дело!
Под родные небеса
Вольно, радостно и смело
Я направлю паруса,—

Мигом к вам явлюсь на сходку!
Припасайте ж старику
Переславльскую селедку
И полштофа травнику!..

<1845>

Н. Стукотнин
<Н. А. Некрасов>

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

(1807—1873)

НАПОЛЕОН

<СТИХОТВОРЕНИЕ И. ОРДЫННИНА>

Кто он? Гигант и Атлас повый,
На рамена поднявший свет
И бросивший его в оковы
Могучей дланию побед?
Кто он? Как конь неистов, тучей
Над миром мчится, громом ржет,
Пыль из ноздрей, как вихрь летучий
Из уст клубами пена бьет.
От взоров молнии снопами,
Бежит и царства бьет стопами! . .

Кто он?

Кто он? Под огненным венцом
Стопы на грудь поставил мира?
Пылает, искрится на нем
Из молний тканная порфира.
Вокруг него рабы рабов
Стоят не живы и не мертвы;
Взор грозный движет тьмы полков.
Десница исчисляет жертвы.

Кто он?

Кто он? Тот вождь непобедимый,
Внимавший хор земных похвал,
Сорвавший с глав их диадимы. . .
Кто он? . . Не спрашивайте! . . Пал,
Пал гений, славою ведомый,
И смолкли грозы, стихли громы! . .
Весь мир облекся тишиной. . .

И род Адама отдыхает...
И снова плавною струей
Река событий протекает.

<1841> <А. Ф. Вельтман>

К ЧУДНОЙ ДЕВЕ

Красоты ее мятежной
В душу льется острый яд...
Девы чудной, неизбежной
Соблазнительен небрежный
И рассчитанный наряд!
Из очей ее льет пламень,
Рвется огненный фонтан,—
А на место сердца — камень
Искусительнице дан!
Ею движет дух нечистый,
В ней клокочет самый ад —
И до пят косы волнистой
Вороненый бьет каскад.
Всё в ней чудо, всё в ней диво:
Ласка, гнев или укор
И блестящий, прихотливый
Искрометный разговор!
Он стоял в ее уборной,
Страстно ей смотрел в лицо
И, страдая, ус свой черный
Всё закручивал в кольцо!

<1843> *Новый поэт*
<И. И. Панаев>

НАПОЛЕОН

. . . . .
Фосфорным светом вдохновений
Его блистает голова...
Вот он, вот он, сей чудный гений,
Чьи громоносные слова

Европа с ужасом внимала;
Пред кем, безмолвная, она,
Склонясь во прахе, трепетала
И колыхалась, как волна!
Зарытый в мечты и окутанный мглою,
Один на горе, исполин, он стоит...
Завтра он двинет полки свои к бою,
И кто, дерзновенный, пред ним устоит?..
Отважный виновник отчаянной брани,
Вперяя в грядущее стрелы очей,
Внимая свист ядер и гром восклицаний,
Он сердцем ликует при звуке мечей!
    О гигант огне-гремучий!
    Разрывая бурей тучи,
    Ты погибелью дышал!..
    Как орел мощно-крылатый,
    Мир в когтях своих держал
    И, как он — сей царь пернатый,
    Гордо в облаках ширял!
    Над стихией ты смеялся,
    Громом, как Зевес, играл,
    В ризы молний облачался
    И вселенной потрясал!..

. . . . .
. . . . .
. . . . .

И что ж, Титан, с тобою совершилось?
Звезда твоя за тучу закатилась...
Разверзлось гибели жерло,
И поле битвы осветилось
Кровавым солнцем Ватерло!
Державный исполин промчался меж полками,
Блеснув очей своих победными лучами.
Он двинул гвардию — и вот раздался гром,
И, руки уложив на грудь свою крестом,
Он с думой мрачною и царственно-глубокой
С холма взирал на бой, — недвижимый, одинокой!
Земля застонала, земля задрожала,
Как море, ее воздымается грудь;
Вот молния, вспыхнув, в дыму засверкала
И смерти широкий очистила путь.

И рыщет смерть, и гибельный свинец
В рядах бестрепетных творит опустошенье...
Уж близко замыслов гигантское крушенье...
И на главе его колеблется венец!

<1843>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

К АЗИАТКЕ

Вот она — звезда Востока,
Неба жаркого цветок!
В сердце девы бурноокой
Льется пламени поток!

Груди бьются, будто волны,
Пух на девственных щеках,
И, роскошной неги полны,
Рдеют розы на устах;

Брови черные дугою,
И зубов жемчужный ряд,
Очи — звезды подо мглою —
Провозвестники отрад!

Всё любовью огнистой,
Сумасбродством дышит в ней...
И курчаво-смолянистый
На плече побег кудрей...

Дева юга! пред тобою
Бездыханен я стою:
Взором адским как стрелою
Ты пронзила грудь мою!..

Этим взором, этим взглядом,
Чаровница! ты мне вновь
Азиатским жгучим ядом
Отравила в сердце кровь!

<1843>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

РЕВНОСТЬ

Есть мгновенья дум упорных,
Разрушительно-тлетворных,
Мрачных, буйных, адски-черных,
Сих — опасных как чума —
Расточительниц несчастья,
Вестниц зла, воровок счастья
И гасительниц ума! . .

Вот в неистовстве разбоя
В грудь вломились, яро воя,—
Всё вверх дном! И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч — разум!
Где добро, любовь и мир
Пировали честный пир!

Ад сей. . . В ком из земнородных,
От степей и нив бесплодных,
Сих отчаянных краев,
Полных хлада и снегов —
От Камчатки льдяно-реброй
До берегов отчизны доброй,—
В ком он бурно не кипел?
Кто его — страстей изъятый,
Бессердечием богатый —
Не восцествовать посмел? . .

Ад сей. . . ревностью он кинут
В душу смертного. Раздвинут
Для него широкий путь
В человеческую грудь. . .
Он грядет с огнем и треском,
Он ласкательно язвит,
Всё иным, кровавым блеском
Оболяет — и превратит
Мир — в темницу, радость — в муку,
Счастье — в скорбь, веселье — в скуку,

Жизнь — в кладбище, слезы — в кровь,
В яд и ненависть — любовь!

Полон чувств огнепалящих,
Вопиющих и томящих,
Проживает человек
В страшный миг тот целый век!
Венчан тернием, не миртом,
Молит смерти — смерть бы рай!
Но отчаяния спиртом
Налит череп через край. . .
Рай душе его смятенной —
Разрушать и проклинать,
И кинжалов всей вселенной
Мало ярость напитать!!

<1846> *Владимир Бурнооков*
<И. И. Панаев>

* * *

Те кудри черные. . . когда б отрезать их,
Преступно посягнув на их несокрушимость. . .
Соткать на них чехол из тканей дорогих —
В нем бешеных кудрей сковать необозримость.
И, взбив перину ту в длину и ширину,
Чрез степи жаркие, чрез влажную волну,
Чрез горы и леса постлать ее по миру,—
Всё человечество могло б на них заснуть;
В душистом их пуху блаженно утонуть,
И — гордо близостью к надзвездному эфиру —
Увидеть райские, пленительные сны
Про кудри черные, про думы Сатаны,
Как ковы зависти, про очи огневые,
Про радугу бровей и перси наливные. . .
<1846> *<Н. А. Некрасов>*

МОГИЛА

С эффектом громовым, победно и мятежно
Ты в мире пронеслась кометой неизбежной,

И бедных юношей толпами наповал,
Как молния, твой взгляд и жег и убивал!
Я помню этот взгляд фосфóрно-ядовитый,
И локон смоляной, твоим искусством взбитый,
Небрежно падавший до раскаленных плеч,
И пламенем страстей клокочущую речь;
Двухолмной груди блеск, и узкой ножки
стройность,
Во всех движениях разгар и беспокойность,
И припекавшие лобзаньями уста —
Венец красоты твоей, о дева-красота!
Я помню этот миг, когда, царица бала,
По льду паркетному сильфидой ты летала.
И как, дыхание в груди моей тая,
Взирая на тебя, страдал и рвался я,
Как ныне рвуся я, безумец одинокой,
Над сей могилую заглохшей и далекой.

<1847>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ПОЕЗДКА В КРОНШТАДТ

Пароход летит стрелою,
Грозно мелет волны в прах
И, дымя своей трубою,
Режет след в седых волнах.

Пена клубом. Пар клокочет,
Брызги перлами летят;
У руля матрос хлопочет,
Мачты в воздухе торчат. . .

Вон находит туча с юга,
Всё чернее и черней;
Хоть страшна на суше вьюга,
Но в морях еще страшней!

Гром гремит, и молнии блещут,
Мачты гнутся, слышен треск,

Волны сильно в судно хлещут,
Крики, шум, и вопль, и плеск!

На носу один стою я,
И стою я, не страшась,
Морю песни в честь пою я,
И пою я, веселясь! . .

Море с ревом ломит судно,
Волны пенятся кругом;
Но и судну плыть нетрудно
С Архимедовым винтом.

Вот оно уж близко к цели.
Вижу — дух мой объял страх,—
Ближний след наш еле-еле,
Еле видится в волнах. . .

А о дальнем и помину,
И помину даже нет,
Только водную равнину,
Только бури вижу след.

Так подчас и в нашем мире:
Жил, писал поэт иной,
Звучный стих ковал на лире
И — исчез в волне мирской! . .

Я мечтал; но смолкла буря,
В бухте стал наш пароход.
Мрачно голову понуря,
Зря на суетный народ,—

«Так,— подумал я,— на свете
Меркнет светлый славы путь!
Ах, ужель я тоже в Лете
Утону когда-нибудь?!»

<1854>   Козьма Прутков

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КРОНШТАДТА

Еду я на пароходе,
Пароходе винтовом;
Тихо, тихо всё в природе,
Тихо, тихо всё кругом,

И, поверхность разрезая
Темно-синей массы вод,
Мерно крыльями махая,
Быстро мчится пароход.

Солнце знойно, солнце ярко,
Море смирно, море спит,
Пар густую черной аркой
К небу чистому бежит.

На носу опять стою я,
И стою я, как утес,
Песни солнцу в честь пою я,
И пою я не без слез!

С крыльев влага золотая
Льется шумно, как каскад,
Брызги, в воду упадая,
Образуют водопад —

И кладут подчас далеко
Много по морю следов
И премного и премного
Струек, змеек и кругов.

Ах! не так ли в этой жизни,
В этой юдоли забот,
В этом море, в этой призме
Наших суетных хлопот,

Мы — питомцы вдохновенья —
Мещем в свет свой громкий стих
И кладем в одно мгновенье
След во всех сердцах людских?

Так я думал, с парохода
Быстро на берег сходя,
И пошел среди народа,
Смело в очи всем глядя.

<1854> *Козьма Прутков*

ШЕЯ

МОНУ СОСЛУЖИВЦУ Г-НУ БЕНЕДИКТОВУ

Шея девы — наслажденье;
Шея — снег, змея, нарцисс;
Шея — ввысь порой стремленье;
Шея — склон порою вниз.
Шея — лебедь, шея — пава,
Шея — нежный стебелек;
Шея — радость, гордость, слава;
Шея — мрамора кусок! . .
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обоймет?
Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем пропечет?
Кто тебя, крутая выя,
До косы от самых плеч
В дни июля огневые
Будет с зоркостью беречь:
Чтоб от солнца, в зной палящий,
Не покрыл тебя загар;
Чтоб поверхностью блестящей
Не пленился злой комар;
Чтоб черна от черной пыли
Ты не сделалась сама;
Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и зима?!

Первая половина

1850-х годов (?)

Козьма Прутков

В АЛЬБОМ РУССКОЙ БАРЫНЕ

Я люблю тебя во всем:

В бальном, газовом наряде,
В море кружев, блонд и роз,
В дымной кухне, на эстраде,
В цирке, шумном маскараде,
В зной и холод и мороз. . .
За клавишами рояля,
За тарелкой жирных щей,
За романами Февалея,
Дома, в людях, меж гостей.
В каждом звуке, в каждом взоре,
В яркой россыпи речей,
В споре важном, милом вздоре
О погоде, об узоре,
Об игре без козырей.
В преферансе, танце, пляске,
В драке с девкой крепостной,
В море слез, в потоках ласки,
В сарафане и повязке —
Ты всеильна надо мной.

<1859>   *Обличительный поэт*
                 <Д. Д. Минаев>

* * *

Мысль мне, мысль! Владея словом,
Рифмой, музыкой речей,
Я с стихом своим громовым,
Искрометным, бойким, новым,
Пронесусь между людей.

Дайте мысль мне, мысль любую,
О прогрессе, об очах,—
Волканическую, злую,
Затяну вам песнь живую,
С пышной речью в завитках.

Буду млеть над стеблем розы,
Жарко, в пафосе святом,
Лить серебряные слезы
И в крещенские морозы
Заливаться соловьем.

Я чело земного шара
Обовью вокруг косой
И, шалея от угара
Поэтического жара,
Захлестну весь мир волной.

Ад — найду — в блаженстве счастья

. . . . .
Гибель в муках сладострастья,
Гром средь мертвой тишины.

Из старухи безобразной
Красоту толпе создам
И, как жизнь разнообразный,
Стих граненый и алмазный
В удивленья брошу вам.

<1859>

Обличительный поэт
<Д. Д. Минаев>

ВОСПОМИНАНИЕ

Свеча едва мерцает в кабинете,
Я в Гегеля всей мыслью погружен...
Но вот блеснуло что-то на паркете,
Зашелестил листьями старый клен;
Какой-то звук неясный и невнятный
Пронесся надо мною... Я вздрогнул,
И бросил книгу и свечу задул...
В окно повеял воздух ароматный,
И, музыкою внутреннею полн,
Я подошел к окну. Луна сияла,
На озере чернелся утлый челн,
И мельница, грозя крылом, махала...
И вспомнил я другую ночь. Далеко,
Далеко от страны моей родной,
Куда я был заброшен, одинокой,
Но где я так блаженствовал душой;
Где воздух, растворенный померанцем,
Внушает всем поэзию и лень;
Где жены пышут негой и румянцем;
Где будто ночь — древес густая тень;
Где люди так порывисты и пылки...

И я достал бургонского бутылку
И с нею сел смиренно у окна...
И жизнь моя тогда была полна
Пленительных и радостных видений,
Все близкие мне восставали тени.

И предо мной являлася она,
Прекрасная Шекспирова Джульетта...
И у окна сидел я до рассвета.

<1850>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

МЫСЛИТЕЛЬ И ЖЕНЩИНА

Ты пленительной неги полна,
Ты статна, ты роскошно прекрасна;
И картинность кудрей и плечей белизна,
И твой взгляд упоительно-страстный,
И движений краса, и лукавость речей —
Всё в тебе так соблазном и пышет;
Отвести от тебя невозможно очей,
И всё слушать хотелось бы речи твоей,
Кто твой голос однажды услышит. . .

Один я равнодушен и мрачен с тобой,
Современными мыслями полный,
И вопросы кипят в голове молодой,
Как у берега бурные волны.
Величаво из гроба встают предо мной
Колоссальные, дивные тени,
В то мгновенье, когда вся толпа пред тобой
Преклоняет безумно колени!
Ты меня не поймешь. Целый мир
Предо мной, для тебя непонятный:
Гете, Гегель, Гомер и Шекспир,
Мрачный Дант и Байрón необъятный.

<1850>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

* * *

В безумных оргиях уходит жизнь, как сон:
Шампанское с утра до ночи льется,
Крик, женщины, стаканов битых звон. . .

Хоть тяжело, а весело живется...
И страшно мне окончить жизнь в глуши,
И страшно мне теперь за труд приняться,
А *между тем* на дне моей души
Глубокие вопросы шевелятся...

<1853>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

ПОЭМА

Говорят, что счастье наше скользко,—
Сам, увы! я то же испытал!
На границе Юрьеvec-Повольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменяв работой головы,
Приминал я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до темной ночи
При волшебном блеске ручейка,
И мечтал, поднявши к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей!
Я лежал, гнушаясь их тревогой,
Не нуждаясь, к счастью, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И поведать миру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно в созданье идеала
Погружен был страстною душой:
Я желал, чтоб женщина предстала

В виде мудрой Клио предо мной,
Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
И балы не нужны были ей,
Чтоб она на всё бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;
Чтоб она не плакала напрасно,
Не смеялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда;
Чтоб она не в рюмки и в подносы,
Не в дела презренной суеты,—
Чтоб она в великие вопросы
Погружала мысли и мечты. . .
И нашел, казалось, я такую.
Молода еще она была
И свою натуру молодую
Радостно развитию предала.
Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
Демосфена, Галича, Руссо,
Глинку, Ричардсона, Декандоля,
Вольтера, Шекспира, Шамиссо,
Байрона, Мильтона, Соутэя,
Шеллинга, Клопштока, Дидеро. . .
В ком жила великая идея,
Кто любил науку и добро;
Всех она, казалось, понимала,
Слушала без скуки и тоски,
И сама уж на ночь начинала
Тацита читать, надев очки.
Правда, легче два десятка кегель
Разом сбить ей было, чем понять,
Как велик и плодотворен Гегель;
Но умел я вразумлять и ждать!
Видел я: не пропадет терпенье —
Даже мать красавицы моей,
Бросивши варенье и соленье,
Философских набралась идей.
Так мы шли в развитии нашем дружно,
О высоком вечно говоря. . .
Но не то ей в жизни было нужно!
Раз, увы! в начале сентября,
Прискакал я поутру к невесте.

Нет ее ни в зале, ни в саду.
Где ж она? «Они на кухне вместе
С маменькой» — и я туда иду.
Тут предстала страшная картина...
Разом столько горя и тоски!
Растерзав на клочья Ламартина,
На бумагу клала пирожки
И сажала в печь моя невеста!
Я смотреть без ужаса не мог,
Как она рукой месила тесто,
Как потом отведала пирог.
Вот они — великие идеи!
Вот они — развития плоды!
Где же вы, поэзии затей?
Что из вас, усилья и труды?
Я рыдал. Сконфузились обе,
Видимо, перепугались вдруг;
Я ушел в невыразимой злобе,
Объявив, что больше им не друг.
С той поры, я верю: счастье скользко.
Я без слез не проживаю дня;
От Москвы до Юрьево-Повольска
Нет лица несчастнее меня!

<1851>

Новый поэт
<Н. А. Некрасов>

ПОЭТ

В пределах дальней высоты,
Где носятся планет плеяды
И звезд блистают мириады,
Он водрузил свои мечты;
Среди небесного объема,
Преград не зная ниотколь,
Он в облаках, в соседстве грома,
Земную позабыл юдоль.
Игру мирского треволненья
Он прихотливо пренебрег,
Но в бурном вихре вдохновенья
О братьях позабыть не мог.

Над ним таинственные мысли
Как тучи черные нависли;
И — телом прах, душой колосс,
Светило и надежда века —
Он погрузился весь в вопрос
О назначеньи человека. . .
Не тщетно он пытал судьбу,
Не тщетно он витал в эфире,
Печаль и тайную борьбу
На громкой возвещая лире. . .
Вдруг грянул колокол глухим
И перекатным звоном —
И медным языком своим,
С гуденьем и со стоном,
Вещал таинственный ответ,
Душе его понятный —
И очутился вдруг поэт
В пустыне необъятной:
Кругом шумят толпы людей
С их суетностью дикой,
Но он один, как средь степей,
Угрюмый и великой! —
И всё, что радует других,
Ему смешно и ложно. . .
Да счастье для натур таких
Едва ли и возможно! . .

<1851>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

Е. П. РОСТОПЧИНА

(1811—1858)

---

* * *

Напрасно говорят, что я гонюсь за славой
И умствую. Меня никто не разгадал!
Нет! к голове моей чернокудрявой,
Венчанной миртами, ум вовсе не пристал.
Нет, что мне умствовать! К чему? Вопросы дня
И смысла здорового прямое направленье
Меня не трогают, не шевелят меня:
Когда в движеньи ум — мертво воображенье...
Не мир действительный — одни мне нужны грезы,
Одна поэзия душе моей нужна!
Порой салонный блеск, мазурка, полька, слезы,
Порою мрачный грот и томная луна!
При ослепительном и ярком свете бала,
С букетом ландышей и пышных тюбероз,
Иль одинокая под сумраком берез,
Я с наслаждением мечтаю и мечтала.
Напрасно ж говорят, что я гонюсь за славой
И умствую... Меня никто не разгадал!
Нет! к голове моей чернокудрявой,
Я повторяю вам, ум вовсе не пристал.

Село Фекла

<1847>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

* * *

Он бледен был. Она была бледна.
Они сидели молча. Перед нею
Стоял стакан с водой. А *он*
Покачивал печально головою.
Она рукой коснулась лица
И с странною какою-то улыбкой
Вдруг что-то прошептала.
Он вздрогнул и на нее украдкой
Значительный, глубокий бросил взгляд. . .
А на дворе привязанная к цепи
Собака выла. . . Небо было серо,
И мелкий дождь накрапывал давно.

1850

Новый поэт
<И. И. Панаев>

БЫЛО

Она принесла *ему* в дар свое юное сердце,
Порывы любви безграничной и страстной,
Она предалась *ему* не за черные, ночи подобные, очи,
Не за стан его, стройный, ремнем перетянутый
В рюмку, не за широкие плечи *его*,
Не за ловкость его в контрадансе и польке,
Хотя он всегда отличался на балах в Собраньи,
Не за черкесский наряд, не за шашку,
Не за смелую удаль его на коне, изукрашенном сбруей,
Не за усы, не за нос, не за взгляд привлекательный —
Он смотрел всегда как-то бессмысленно тупо,—
Не за ум, не за страстные, сладкие речи —
Он бормотать лишь умел по-лезгински,—
Она полюбила его за достоинства душевные,
Дивные, свету совсем неизвестные. . .
А светские люди с коварной и злобной улыбкой
Об этой высокой и чудной любви толковали
И клеветой беспощадной *его* и *ее* уязвляли.
Нелеп и безумен союз их в салонах блестящих казался.

1850

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Не сказка то. Нет, в памяти глубоко
На дне ее та мысль затаена:
В глуши, в степи, в Саратове... далёко
Была весна, прекрасная весна...
И пахло в воздухе рябиной и сиренью,
И отзывалось всё любовью и ленью.

Мир праздновал роскошно обновление,
И степь была цветами убрана;
Но краше всех цветов — *он и она*,
На лицах их — блаженство умиления;
Она лишь им, *он* ей одной пленен,
И расцвели душой *она и он!*

Она и он! Он и она! с отрадой,
Обнявшись, гуляют по лугам
И рвут цветы — и хорошо им там —
И гроздии над ними винограда!
Она и он! Полны они собой
И этою гордятся *полнотой!*

Но дни идут. Весна уже проходит
И не наступит вновь *для них* весна!
Он с ней, увы! восторгов не находит,
Уже давно скучает с ним *она!*
Кто виноват? Никто. Тот и другой
Сердечную страдают пустотой.

А с розою по-прежнему лепечет
Нарцисс, и соловей свистит;
По-прежнему, расширив крылья, кречет
Свою добычу жадно сторожит;
По-прежнему вода шумит и плещет,
А над водою рыболов трепещет!

Импровизировано в Выдропуске

31 мая 1851 г.

Новый поэт
<И. И. Панаев>

СЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

20

Уж солнце медленно сокрылось за горою,
Означив свой закат пурпурной полосой;
Прохлада чудная дневной сменила жар;
Над ближним озером поднялся белый пар,
Разлито в воздухе цветов благоуханье...
Природа нежится в таинственном молчаньи,
Лишь там, в запущенном, заглухнувшем саду,
Лягушки плещутся и квакают в пруду...

21

«Жить в сельской тишине — какое наслажденье,
Имея, так, как я, доходное именье
И добрых мужичков! В определенный срок
Раз в год собирая с них умеренный оброк
И прибавляя всё — благодаренье богу! —
К наследью отчему землицы понемногу».

22

Так долго думал я и долго любовался
Природы красотой. Передо мной являлся
Порою Дормидон с небритой бородой,
Чтоб трубку вычистить, докуренную мной...
Но вот уж тень легла на нивы и поляны,

Вот месяц выглянул, и полный и румяный,
Бледнее и бледней на тверди голубой;
Вот пес откликнулся на крик сторожевой. . .

28

Дрема долит меня и очи мне смежает. . .
На сон грядущий мне постель уготовляют.
Пора и на покой, пора! . . Покушав плотно,
С какой приятностью, как сладко, беззаботно
Я лягу на постель и стану засыпать. . .

. . . . .

1853

Новый поэт
<И. И. Панаев>

А. А. Г Р И Г О Р Ь Е В
(1822—1869)

ROMA L'ANTICA ¹

ОТРЫВОК ИЗ «ОДИССЕИ ПОСЛЕДНЕГО СУМАСБРОДА»

Я милую мою в античный Рим привез:
Дремала при луне всемирная столица,
И я исполнен был каких-то диких грез,
И глупых, и больных, дождем кропящих слез;
Мне виделись везде трагические лица;
И я завыл тогда, как некий ярый пес,
А милая моя завывала будто псица,—
И в вечном городе такой поднялся вой,
Что заревели вдруг: козел, осел, ослица,
И крикнул «караул!» французский часовой.

Чухонские Афины
1859

Николаки Омега
<Н. Ф. Щербина>

---

¹ Античный Рим (итал.).— *Ред.*

Н. В. БЕРГ

(1828—1884)

К ФАНИИ

Фанни милая порхала
Амазонкой и с ружьем,
Грациозно приседала
И летела напролом,
А сценические площадки
Света яркою струей
Освещали её ножки.
Фанни! я поклонник твой!
Но не танцы и не пляски,
Силы полные, огня,
И не пламенные глазки
Озадачили меня. . .
Я люблю тебя, о Фанни!
Не за то, что легче лани
Ты порхаешь. Вовсе нет!
Не за эти прелесть-крошки —
Восхитительные ножки, —
А за то, что ты, на дрожки
Сев, поехала Москвой
Восхищаться. Взгляд твой зоркий
Упивался красотой
Самотека, Вражьей Горки
И Поклонною Горой. . .
Вот поэтому-то Фанни
Вдруг с ума свела меня. . .
Ей и дань рукоплесканий,
И восторги. . . Да, тебя
Русским сердцем понял я!

1850

Новый поэт
<И. И. Панаев>

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ
(1825—1889)

---

* * *

Друг неизменный,
Всесогревающий пунш!
Когда над главою моею
Судьбы гром и молния
Гремят отовсюду,
Я, в сладкой надежде
Забвенья,
Стакан свой трикраты
Скорей осушаю
Тогда.
Наука безгранична,
А смертен человек.
Присущей силой своею
Стезей бытия
Всесильная природа
В цепи существ создания
Звенюм меня поставила.
И радости житейские,
Законы естества
Вкусить мне повелела,
Чтоб
С новою силой потом
Премудрую Минерву
Ублажать.
Наука безгранична,
А смертен человек.
Рыба лишь живет в воде,
Соловей — на ветке,

Звери хищные — в лесу,
Человек — в мышленьи.
В лоне его животворном
Мудро
Его сокровищницу испытую,
Доколе с кедром мощным
Познанием глубоким
В величии сравниюсь,
А сам дотоле
В фиале нектар
С восторгом чутким вижу...
Здравствуй, Вакх!

1853

Новый поэт
<И. И. Панаев>

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ
(1829—1890)

<ИЗ ПОЭМЫ «ДОСУЖЕСТВО МУЖЧИНЫ»>

Люблю я Палкина селянки,
Стихов нелепых пустоту,
Камин, валдайские баранки,
Шампанское, Жорж Санда, санки,
Шекспира, кошку на лежанке
И подражания тщету!
Люблю я блеск и лоск паркета,
Галоп, гризеток, море, мглу,
И нежный трепет полусвета
Луны полночной на полу!
Люблю я кейфа безмятежность,
Безбрежность злачную степей,
Медведя сонную медвежность
И сказки родины моей.
Люблю свою я статуэтку
В окошке Беггрова, кальян,
Дюма, весной Неву-коклетку,
Бореля, с трюфлями котлетку
И аравийский ураган.
Мой идеал — любовь, камена,
Пассаж, французские духи,
Мотивы нежные Шопена,
Статейки Шарля Сен-Жюльена
И Данилевского стихи.

1853

<М. Л. Михайлов>

**ПЕСНЯ ПО ПОВОДУ ПЕРЕПИСКИ УЧЕНОГО МУЖА
С НЕ МЕНЕЕ УЧЕНОЙ ЖЕНОЙ**

Густолиственных липок аллея,
Ты для мира значенья полна!
Вдохновенья огнем пламенея,
Перед *ним* там стояла *она*.

И, закинувши голову гордо,
Величаво махая рукой,
Угощала при-Невского Лорда
Маскарадом и Жизнью Двойной.

И читала с поэмой чухонской
Свой санскритский с нее ж перевод. . .
(По-китайски, не то по-японски
Эта дама стихи издает!)

На нее, одурелый, смотрел он,—
И не верил своим он ушам;
И проклятья сквозь зубы шипел он
Всем Кориннам, всем синим чулкам. . .

Время шло; дружбу злость заменила,—
Черный кот меж друзей пробежал.
Позабыл вероломный, что было
В той аллее, где он пировал!!!!!!!

На Коринну он критику злую
Напечатал в журнале своем;

А она-то статью громовую
Наскребала сердитым пером.

Густолиственных липок аллея,—
Ты для мира значенья полна!
Друг на друга враждой пламенея,
Ныне злятся и он и она!

24 ноября 1854   Е. П. Ростопчина

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792—1878)

ПЛАЧ И УТЕШЕНИЕ

(ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ
НЕАПОЛИТАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ)

<ИЗ «НЕАПОЛИТАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» ЯКОВА ХАМА.
ПЕРЕВОД КОНРАДА ЛЛЕНШВАГЕРА>

Ужасной бурей безначалия
С конца в конец потрясена,
Томится бедная Италия,
Во власть злодеев предана.

Повсюду слышны крики шумные,—
Народ изменой упоен. . .
Свободы требуют безумные
И рушат власти и закон!

И, к униженью человечества,
Проник неблагородный страх
В самих блюстителей отечества,
Держащих власть в своих руках.

Принципом странным невмешательства
Прикрыв бессилие свое,
Европа спит, когда предательство
Пожрать готовится ее;

А итальянские властители —
Одни бегут из их держав,
А те — становятся ревнители
Безумной черни мнимых прав!

Дают статуты либеральные,
Страстям толпы бесстыдно льстят
И дни отечества печальные
Презренной трусостью сквернят!..

Один, средь общего волнения,
Как некий рыцарь на скале,
Стоит без страха, без сомнения
Король Франциск в своей земле...

Утешься, бедная Италия:
Закон и правду возлюбя,
Франциск не даст разлиться далее
Злу, обхватившему тебя.

Он понимает все опасности
Льстить черни прихотям слепым:
Ни конституции, ни гласности
Не даст он подданным своим!

Не переменит он юстицию,
Не подарит ненужных льгот,
Не обессилит он полицию —
Свой нерушимейший оплот;

Не даст права свои священные
Толпе бессмысленной судить
И своевольства дерзновенные
Не поколеблется казнить!

И знаю я, — он не обманется
В благоразумии своем:
Пьемонт падет, а он останется
Италийанским королем!

26 июня 1860

<Н. А. Добролюбов>

В ГОСТЯХ И ДОМА

1. В гостях

Берлин.— Масленица на чужой стороне.— Фрейберг I, II.— Прага.— Зонненштейн.— Бастей.— Карлсбад.— Очерки Карлсбада I, II, III.— Памятник Петру I-му в Карлсбаде.— Русской крылатой дружине.— Вечерняя звезда.— Поздравление.— Киссинген I, II.— Самовар.— Бедный Ротшильд.¹

Я был у Гумбольдта в Берлине,
Я у Фарнгагена сидел.
Обоих нет на свете ныне,
Таков живущего удел!
Меня, питомца муз простого,
Они ласкали, как родного,
Зане всем гениям родной,
Кто служит истине святой.
Про молодое поколенье
Невольно вспомнишь. . . Молодежь,
Ей-ей, никак не разберешь. . .
Какая пылкость и волненье!
А будет прок ли? Мой ответ:
Быть может, да; быть может, нет.

Снежок в Берлине показался. . .
Не знаю сам зачем, к чему,
Но я игриво замечтался
Про нашу *матушку-зиму*.
Занявшись *батюшкой-морозом*,
Его сравнил я с паровозом,
Ввернул игривое словцо
Про наше *рьяное винцо*.
Отдал преимущество сивухе
Перед рейнвейном и клико
(Мне всё в стихах моих легко)
И заключил в российском духе,
Что немец на морозе *плох*
(Прости меня, немецкий бог!)

. . . . .

---

¹ Название девятнадцати стих<отворений> из кн<иги> «В дороге и дома».

Вот Фрейберг. Жил здесь Ломоносов,
Но разыскать, где жил рыбак,
Я, после нескольких расспросов,
Не мог решительно никак.
Искал я в книгах всех разрядов,
Нашел, что жил здесь Виноградов,
А Ломоносова и след
Пропал за давностью лет. . .
Вот он, прогресс наш исполинский!
И наш брат, русский, так же груб:
Не знает, жив ли Соллогуб,
А говорит, что жив Белинский;
Стремясь вперед, ползет назад. . .
В Карлсбад направимся, в Карлсбад!

Ах, как мы славно, беззаботно
В Карлсбаде, русские, живем,
Так *прозябательно, животно*. . .
Жизнь льется тихим ручейком.
Проснулся: мильбрун пей иль шпрудель,
Да и гуляй себе, *как пудель*.
С закатом солнца спать, домой. . .
С утра опять на *водопой*. . .
Купаясь в животворной влаге,
Я ощутил такую лень,
Что вдруг стихи отправил в «День».
О чем, бишь? . . Кажется, о Праге. . .
И, чая подкрепленья сил,
В Карлсбаде стал славянофил.

Ехал из Карлсбада по железной дороге и засмотрелся на комету. Мысль увлекает меня в милый Карлсбад. Любуясь, с одной стороны, на милых карлсбадцев, с другой — на комету, я сочинил даже стихотворение.

Двум следующим строчкам, вероятно, позавидует сам Бенедиктов:

Где космато золотится
Девы огненной коса.

Хорошенькая девочка загляделась на комету, и я мысленным оком пытался проникнуть в ребяческие мечты карлсбадянки.

В Карлсбаде есть памятник Петру Великому. Написал стихи в честь памятника. Знаю, что за это достанется мне в Москве от славянофилов, да что ж делать — не мог утерпеть.

А что за женщины в Карлсбаде!
И сколько барышень и дам!
Забыв мильбрун, в их каждом взгляде
Я пил целительный бальзам
И назвал их, всех до единой,
«Крылатой русскою дружиной»,—
Затем что русские оне,
Вот что всего отрадней мне!
Мадрид, Афины, Вена, Лондон,
Все с ними здесь на русский лад:
Все по-французски говорят —
Такой уж ими русский тон дан.
Карлсбад, пленительный Карлсбад,
Ты русских женщин вертоград!

Отправил к одной русско-карлсбадской даме визитную карточку — портрет при стихах. Стихи велел переписать и отправить для напечатания в Москву, в «Наше время».

*Я помню Киссингена тени,
Его ключей целебный дар,
И к стихотворству в Киссингене
Во мне проснулся прежний жар.
Туда приехав, в первый день я
Два написал стихотворенья,
И новый стихотворный пыл
Баварец-мельник мне внушил.
«Ну, что такое, скажут, мельник?
Чай, аблесимовскому брат;
Как он, колдун, обманщик, сват,
Еще, пожалуй, и бездельник? . . .»
Баварский мельник?! Nein, mein Gott! ¹
Федот, выходит, да не тот.*

---

¹ Нет, бог мой! (нем.).— *Ред.*

Приятно, если мы встречаем
В тиши немецких городков
За православным русским чаем
Беседу наших земляков
О русских шах, о русском чае,
Об ярославском урожае,
Об киссингенских бедняках,
Рулетке, сплетнях и балах!

1862   <В. С. Курочкин>

ПЕРЕД МИЛЮТИНЫМИ ЛАВКАМИ

Пошли, господь, свою подачку
Тому, кто жаркою порой,
Как утлый челн в морскую качку,
Идет по знойной мостовой...
Он смотрит к Вьюшину тоскливо
В окно на крупный виноград,
На абрикосы, дули, сливы,
На пастилу и мармелад.
Не для него кокос, арбузы,
Гранаты в золотом огне,
Не для него и толстопузый
Гомар разлегся на окне...
И фрукт привозный, из Мессины,
Напрасно взор его манит:
Сок ароматный, апельсиновый,
Увы, его не освежит!..
Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
• Других плодов еще не ел.

<1860>

Н. Гнут
<Н. Л. Ломан>

УТЕШЕНИЕ

*Когда, что звали вы своим,
Навек от вас ушло
И горе камнем гробовым
Вам на сердце легло,—*

Помочь в печали ближним рад,
Поэт вас позовет
Пройтись с ним, *бросить беглый взгляд*
Туда, по склону вод.

Он вам покажет, как струи,
Одна другой вослед,
Бегут на чей-то зов вдали
(На чей? — вам дела нет).

Вам нужно будет хоть на час
Взор в речку устремить,
Чтоб *слезы брызнули из глаз,*
Чтоб стало в них рябить.

Тогда, как ни были б тоской
Вы зло удручены,
Всё горе выльется слезой,
И вы исцелены! . .

<1860>

Н. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

А. А. Ф Е Т

(1820—1892)

---

* * *

Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»
Что же вдруг случилось с тобой?
Ты простонала: «О, боже!»

Дивный был ужин вчера!
Мы проболтали до ночи...
Но и расстаться пора:
Сон уж смежает нам очи.

Что ты всё смотришь кругом?
Что потупляю я взоры?
Долго мы были вдвоем,
Сладко вели разговоры.

Я виноват пред тобой,
Ты предо мною... Но что же?
Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»

<1850>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

NOCTURNO

В ароматную ночь у окна
Мы с тобою сидели вдвоем,
Нас, в объятьях друг друга, луна
Серебрила холодным лучом.

Счастью нашему громкий привет
Распевал вдалеке соловей,
И луны упоительный свет
Трепетал между темных ветвей.

Я не думал тогда ни о чем,
Ты безмолвно ласкала меня,—
Так мы долго сидели вдвоем
И молчали до белого дня.

<1850>   *Новый поэт*
                                 <И. И. Панаев>

НА ДОРОГЕ

Я еду просекой... Зеленою стеной
Деревья высятся направо и налево;
В прогалинах лесных мелькают предо мной
Густые зелени недавнего посева.

Роскошный чернозем подернул падший лист,
Орешник пожелтел и облетела роза...
Свежо. Лишь изредка раздастся только свист
И вдруг зашелестит плакучая береза.

Вся роща звуками и песнями полна.
Вот въехали в чащу. Дорога сжалась узко...
Пронзительно кричит нахальная желна,
Трещит болтливый дрозд и свищет трясогузка.

На темном ельнике краснеет ярко клен;
Сквозь листья резкою багровой полосой
Виднеется заря... Я в думу погружен,
И грудь моя полна безвыходной тоскою.

На срубленной сосне, насупившись, сидит
Ворона, каркая... И тяжело и больно!
Печальной осени кругом печальный вид
Припоминает мне прошедшее невольно.

Остановил коней, из брички вылез вон...
Стою... гляжу назад... А сердце так и гложет...
И всё мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что оценить меня никто не может!..

1854

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ПОДРАЖАНИЕ XIV ИДИЛЛИИ БИОНА

Звезда прелестная Венеры нежно-страстной!
Пока Диана лик скрывает свой прекрасный
За ближней рощею — молю тебя: свети,
Чтоб было через лес мне не темно идти.
Покинул я свой дом не для трудов опасных,
И в сердце не таю я замыслов ужасных.
Нет, мне назначила лесничего жена
Свиданье тайное в лесу. Теперь она
Давно, я думаю, супруга напоила.
Так некогда и ты Вулкана проводила.

<1859>

Амос Шишкин
<А. П. Сниткин>

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда в ночной тиши я вспоминаю вдруг о ней,
Как с ней ложились мы вдвоем на это лоно,—
То плачу я тогда, как плакал иудей,
Влекомый в дальний плен от стен родных Сиона.
Не жаль мне капитал, который я убил
На шляпы, на цветы, на шелковые платья;
Не жаль мне ничего, что ей я подарил
За жаркий поцелуй, за страстные объятия;
Я не сержусь за то, что ты мне предпочла
Улана с длинными, пушистыми усами...
Но, от меня бежав, зачем ты унесла
Шкатулку с деньгами и ценными вещами!

<1859>

Амос Шишкин
<А. П. Сниткин>

В ПАВЛОВСКЕ

Постой! здесь хорошо... Зеленою оградой
Кустарники кругом с деревьями сплелись;
Чуть слышно музыка доносится из сада,
А шумный говор стих и звуки улеглись.
Я не пойду туда, где Штраус вероломный
Ломается с смычком и скрипкую в руках,
Как в знойной Африке, на Ниле, змей огромный,
Свиваясь, нежится на солнечных лучах.
Да, в этот уголок мы забрели недаром.
Скорей здесь отдохнем под тению куста!
А там ты встретишься с знакомым лейб-гусаром...
Нет, не пойдем туда... там шум и суета!

<1859>

Амос Шишкин
<А. П. Сниткин>

* * *

Я долго стоял неподвижно
И странные строки читал;
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал.

Читал... что читал, я не помню,
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга —
Не трогал ее я с тех пор.

1850-е годы (?) И. С. Тургенев

ОСЕНЬ

С ПЕРСИДСКОГО, ИЗ ИБН-ФЕТА

Осень. Скучно. Ветер воет.
Мелкий дождь по окнам льет.
Ум тоскует; сердце ноет;
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвести...
Я не знаю: что такое?
Хоть бы книжку мне прочесть!

<1860>   *Козьма Прутков*

СЕРЕНАДА
(ПОДРАЖАНИЕ ФЕТУ)

Воздух майский негой тает,
Гуще мрак ночной,
Где-то пес на месяц лает...
Спи, городской!

Кто-то крадется сторонкой:
Узел под полой,
Веет снами воздух тонкой...
Спи, городской!

Из проулка крик несется:
«Караул! Разбой!»
А над будкой греза вьется —
Спи, городской.

<1860>   *Обличительный поэт*
                                 <Д. Д. Минаев>

* * *

Шептали листья, «звезды рдели»,
И в этот миг
На нас те звездочки смотрели,
А мы на них.
Уж если небеса глядятся
В груди живой...
То как не зарапортоваться
И нам с тобой?
Что и спросонья говорится
Не всякий раз,

Что если в сердце и хранится,
Так про запас,
Что много слаще карамели,
Темнее тьмы —
Как друг на друга поглядели,
Сказали мы.

1860

Н. Гнут
<Н. Л. Ломан>

СТАРЫЙ МОТИВ

Я пришла к тебе с рассветом
Рассказать, что я устала,
Что всю ночь за тем поэтом,
Что ты дал мне, продремала.
Он поет, как лес проснулся,
Каждой травкой, веткой, птицей,
Но над этою страницей
Уже сон меня коснулся.
Утром только я узнала,
Что от жажды лес уж плачет,
И к тебе я прибежала,
Чтоб узнать, что это значит?

<1862>

Фет
<Д. Д. Минаев>

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

Картину чудную сегодня видел я:
С корзиной, полною немывтого белья,
Среди широкого двора она стояла
И дворника с ключом тоскливо поджидала.
Досадой искрились лазурные глаза,
И капала из них жемчужная слеза,
И был в восторге я, в окно на прачку глядя,
И думал про себя: «Как хороша ты, Надя!»

<1862>

Н. С.
<Н. Н. Страннолюбский>

* * *

Топот, радостное ржанье,
Стройный эскадрон,
Трель горниста, колыханье
Веющих знамен,
Пик блестящих и султанов;
Сабли наголо,
И гусаров и уланов
Гордое чело;
Амуниция в порядке,
Отблеск серебра,—
И марш-марш во все лопатки,
И ура, ура! . .

<1863>   *Майор Бурбонов*
                     <Д. Д. Минаев>

* * *

Пусть травы на воде русалки колыхают,
Пускай живая трель ярка у соловья,
Но звуки тишины ночной не прерывают...
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я.
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой,
Порой тяжелый карп плеснет у тростников;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Уснули рыбаки у сонных огоньков..
Скользит и свой двойник на влаге созерцает,
Как лебедь молодой, луна среди небес.
Русалка белая небрежно выплывает;
Уснуло озеро; безмолвен черный лес.

1863

Михаил Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВОМ
(ПОСВЯЩАЕТСЯ > А. ФЕТУ)

1

— Сядем здесь, под этим кленом! —
Говорит моя подруга.—
Посмотри: над небосклоном
Брызжет светом солнце юга...
Позабыть пора давно нам,
Что груба теперь прислуга.

Посмотри, как эта нива,
Точно море, колыхает;
Как, к реке склонясь лениво,
Зеленеющая ива
В струйках ветви обмывает,—
И забудь, что так лениво
Дворня шапки нам снимает.

Посмотри, как вся поляна
Задымилась от жара,
А за лесом даль румяна,
Точно в зареве пожара...
Так оставь бранить Ивана,
Что не чистил самовара.

— Нет, ни волны аромата,
Ни сияние денницы,
Мной воспетые когда-то,
Не разбудят струн цевницы,
Оттого что гусенята
Съели пук моей пшеницы.

2

Когда наплыв противных мне идей
К нам ворвался,— смирить не в силах стона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда меня журнальный асмодей
Преследовал как лирика салона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда табун соседних лошадей
Топтал мой хлеб,— увидя то с балкона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда один из нынешних судей
Оправдывал работника Семена,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

Когда в мой сад явился гусь-злодей
Для похоти гусяного мамона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

И вот теперь, бродя между людей,
Я не пою, как пел во время оно,—
Но плачу всё, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.

3

Лежу я на скошенном сене,
Надрезав два спелых арбуза,
Лежу я — и в сладостной лени
Зову тебя, верная муза.

Явись предо мной на поляне!
Мне хочется песен и ласки!
Так просит ребенок у няни
Любимой обещанной сказки.

Я счастлив, и песня готова
В мелодию звуков сложиться;
Но дума мелькнула — и снова
Вопрос в голове шевелится.

Зачем это Южные штаты
Торгуют рабами доньне?
О гнусное рабство, когда ты
Угла не найдешь и в пустыне?

4

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутводство и лень.

На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят,—
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат! . .

5

Солнце спряталось в тумане.
Там, в тиши долин,
Сладко спят мои крестьяне —
Я не сплю один.
Летний вечер догорает,
В избах огоньки,
Майский воздух холодает —
Спите, мужички!

Этой ночью благовонной,
Не смыкая глаз,
Я придумал штраф законный
Наложить на вас.
Если вдруг чужое стадо
Забредет ко мне,
Штраф платить вам будет надо...
Спите в тишине!

Если в поле встречу гуся,
    То (и буду прав)
Я к закону обращаюся
    И возьму с вас штраф;
Буду с каждой я коровы
    Брать четвертаки,
Чтоб стеречь свое добро вы
    Стали, мужички. . .

6. НА НИВЕ

Тучной нивой иду; колосистая рожь
Словно волны, кругом колыхается,
В каждом колосе ржи мой хозяйственный грош,
Точно в банке — в рубли обращается.
На зеленой траве засверкала роса,
Вспыхнул пурпуром запад пылающий,
Мглистой дымкой оделись кругом небеса. . .
Вдруг ко мне прибежал управляющий.
Обтирая свой пот, показал мне Фаддей,
Как роскошно нашу нивою
Из соседней деревни табун лошадей
Мчался, быстро взмахнув своей гривой,
— Изловить весь табун! (я в волненьи кричал)
— И держать его впредь до взыскания! . .
Мой болезненный слух не шутя возмущал
Конский топот и конское ржание.

1863

<Д. Д. Минаев>

АВДОТЬЕ КУКШИНОЙ

Не здесь ли в капоте нечистом,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Ты пьешь редерер с нигилистом
И пепел бросаешь вокруг?
Не здесь ли мы в комнате слышим,

Как грязными пальцами вдруг
Усердно ты бьешь по клавишам,
Мой гений, мой ангел, мой друг,

1863

М. Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

<ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА>

1

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю от любви:
Ум я теряю всегда,
Если сидим vis-à-vis¹.

Сядь же напротив меня
Или к себе подзови:
Будем мы молча сидеть
Целую ночь vis-à-vis.

2

Я — на диване сидел,
Ты же — к окну подошла;
Месяц в окошко глядел,
Полночь томила и жгла.
Вдруг я с дивана прыгнул,
Ты — отошла от окна,
Я на луну заглянул —
Спряталась в тучи луна.

3

Что это: ночь или день?
Дай мне, мой ангел, ответ!
Свет, прогоняющий тень,
Тень, застилавшая свет.

---

¹ Лицом к лицу (франц.).— *Ред.*

Тучки нигде ни следа,
Ярко зарделся восток...
Шепчешь ты мне — *среда*,
Я ж говорю — *четверток*.

4

Тихая звездная ночь.
Друг мой, чего я хочу?
Сладки в сметане грибы
В тихую звездную ночь.

Друг мой, тебя я люблю.
Чем же мне горю помочь?
Будем играть в дурачки
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,
Днем я — от смысла не прочь.
Лезет в меня ерунда
В теплую звездную ночь.

5

На дворе мычит корова,
Ждет на крыше кошку кот.
Небо темно и сурово,
Буря плачет и ревет.

«Что валяешься в прихожей!
Самовар нести пора...
Наказанье с этой рожей:
Дрыхнет с самого утра».

Казачок вскочил. Сурово
Буря рвется в ворота,
Но молчит в хлеве корова,
И на крыше нет кота.

1863

Юнкер Звонкобрюхов
<Д. Д. Минаев>

* * *

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было! .

1863

<Д. Д. Минаев>

* * *

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал,— и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет.
Птицы ж щебетали:
— Спой-ка нам куплет
О «звенящей дали»,
Афанасий Фет.

1863 <Д. Д. Минаев>

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ
(ПОДРАЖАНИЕ ФЕТУ)

1

Звуки музыки и трели,—
Трели соловья,
И под липами густыми
И она, и я.

И она, и я, и трели,
Небо и луна,
Трели, я, она и небо,
Небо и она.

2

Всё весною дышит,
Всё любить спешит,
Муха... даже муха
Про любовь жужжит.

Кошки сладострастно
На трубе поют,
Упоенье страсти
Полной чашей пьют.

На душе так смутно...
Счастливы оне!
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне...

<1864> *Н. В—с*
<*Н. А. Вормс*>

БЛЕСТКИ ВО ТЬМЕ

Над плакучей ивой
Утренняя зорька...
А в душе тоскливо,
И во рту так горько.

Дворик постоянный
На большой дороге...
А в душе усталой
Тайные тревоги.

На озимом поле
Псовая охота...

А на сердце боли
Больше отчего-то.

В синеве небесной
Пятнышка не видно...
Почему ж мне тесно?
Отчего ж мне стыдно?

Вот я снова дома;
Убрано роскошно...
А в груди истома
И как будто тошно!

Свадебные брашна,
Шутка-прибаутка...
Отчего ж мне страшно?
Почему ж мне жутко?

<1884> *Козьма Прутков*

* * *

Жизнь мировую понять я старался,
Сердцем, как Гёте, на всё отозвался;
В роще, на бале, средь моря, меж скал
Высших эмблем и символов искал.
И наконец своего я добился:
Мир неразумный пред мной осмыслился.
Вот прохожу я по вспаханной ниве;
Образ другой мне является вживе:
Вижу духовную ниву детей,
Семя приявшую добрых идей.
Реют над нивою птички живые:
Сердце так тешат надежды молодые.
Вот к нам на лето летят журавли:
Образ пристрастия к благам земли.
По небу чистому тучки гуляют:
Чистое сердце так думы смущают.
Солнце блестит в голубых небесах:
Свет разливает наука в умах.
Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнит дух неправды могучий.
Ветер ли веет: так умственный гений
Вихрем несется живых откровений.
Ветру ли нету: то гении спят,
Точно золотые арфы молчат.
Пыльную зелень дождем орошает:
Плач покаянный пороки смывает.

Виден подснежник над рыхлым снежком:
Первые грезы о счастье ином!
Бабочка резво порхнет по цветам:
Так я душою порхать буду там!
Скрыта змея под прекрасным цветком:
Так есть злодеи с красивым лицом.
Тащит зерно муравей хлопотливый:
Вижу пример в нем себе я, ленивый.
Пес караулит овец от волков:
Дворники так нас хранят от воров.
Вижу, коляску мчат кони вдали:
Власть то людей над скотами земли!
Звук балалайки донесся до слуха:
Вспомнил я тотчас гармонию духа.

1858

Конрад Лилиеншвагер
<Н. А. Добролюбов>

ЛЕТО

Иду по ниве я, смотрю на спелый колос
Смотрю на дальний лес и слышу звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся жнитвом
И живописно так склоненных над серпом...

Иду и думаю: так нравственности зерна,
Так мысли семена пусть вырастут проворно
На ниве нравственной России молодой
И просвещения дадут нам плод благой.

Пускай увидим мы, пока еще мы живые,
На невестственной, духовной нашей ниве —
Духовный хлеб любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнем все: ура!..

<1859>

Конрад Лилиеншвагер
<Н. А. Добролюбов>

Въ Петербургѣ данъ будетъ, въ одной изъ „Славяно-сербскихъ кухмистерскихъ, большой обѣдъ въ память годовщины прибытія къ намъ славянскихъ братій.—Общимъ, разговорнымъ языкомъ будетъ нѣмецкій, на которомъ и будутъ, запивая *рейнвейномъ*, ругать нѣмцевъ.

Ап. Коляскинъ, какъ прежде, будетъ читать куплеты.

БРАТЬЯМ-ВОИНАМ

(ПОСЛЕ АПРЕЛЬСКИХ ПРОИСШЕСТВИЙ В СИЦИЛИИ)

<ИЗ «НЕАПОЛИТАНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» ЯКОВА ХАМА.
ПЕРЕВОД КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА >

Меж тем как вы, друзья, в рядах родных полков,
Готовитесь карать отечества врагов, —
Я, мирный гражданин рифмованного слова,
Я тоже полон весь стремления святого!
Возвышенным стихом напутствую я вас,
И верю — он придаст вам силы в грозный час,
Когда с крамольником помчитесь вы на битву!
Я положил в него народную молитву —
Чтоб был восстановлен порядок и закон,
Чтоб вечно царствовал в Неаполе Бурбон!
Народной мыслию и чувством вдохновленный,
Мой стих могуществен, — с ним смело киньтесь в бой:
В прозреньи радостном поэта отраженный,
В нем блещет идеал Италии святой, —
Тот вечный идеал законного порядка,
При коем граждане покоятся так сладко,
Который водворить старался Фердинанд,
Которого достичь — решительно и резко —
Предначертал себе и новый наш Атлант —
Средь бед отечества незыблемый Франческо!..

1 мая 1860 г.

<Н. А. Добролюбов>

ДВУСТИШИЯ

1

Право, в дороге не то, что в столичной квартире
под крышей:
Можно повсюду в ней делать окрошку из разных
двустушиий.

2

В окна вагона врывается ветер весенний.
Дева! в твоей голове тоже ветер играет.

3

Милый сосед! аппетит твой предвижу заране:
Порцию славных битков истребишь ты в Любани.

4

Люди в дороге сближаются скоро, я слышал;
Нужно и мне понемножку сблизиться с смуглой
соседкой.

5

Странное дело: кондуктор курить запрещает в вагоне.
Только б никто не дрался, а курить отчего не позволить?

6

Так я настроен, что если бы ногу мою здесь украли,
Я бы, ей-богу, протеста писать не подумал.

7

Поезд в восемнадцать часов из Москвы
в Петербург приезжает,
Мысли ж московские ездят повсюду *на долги*.

1864

<Д. Д. Минаев>

ВИДЕНЬЕ

Я спал, когда в виденьи мне
Явился старец среброкудрый,
В парчу одетый и в виссон,
С челом высоким, с речью мудрой:
«О человек! — он изрек. —
Ты награжден талантом свыше,
А между тем твои труды
Грызут в подвалах книжных мыши,

И современниками ты
Совсем забыт еще при жизни.
Но кто ж виновен, что тебя
Забвенью предали в отчизне?
Ты сам, бояне, виноват.
Забудь свой век и ряд «проклятых»
Его вопросов, воспевай
Одних духов шестикрылатых,
Драконов с львиной головой,
Галлюцинации блаженных,
От воздержанья, от поста
И от бессонниц вдохновенных.
Вот настоящий твой удел!»
И скрылось чудное виденье,
И я проснулся и прозрел,
Свое постигнув назначенье.

<1878> <Д. Д. Минаев>

ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я лежал на Марафонских полях,
А гекзаметр горел на устах.
Наяву иль во сне, но, поэзии полн,
Видел где-то я там, вдалеке, при луне,
Блеск Эгейских серебряных волн —
И чудесный процесс совершался во мне:
Пред мечтою моею проходил
Еврипид, и Софокл, и Эсхил;
Вспоминал я прелестные взоры
Живописной Аркадии дев,
Эримантоса дивные горы
И певцов беотийских напев
Под зеленым шатром сикоморы,
В честь Венеры Пафосския храм,
Где у белой коринфской колонны,
Волю дав неудержным страстям,
Танцевали лесбийские жены...

И приятно ласкали мой взор
Парфенона краса и размеры,
И дымок, что вился из амфор,
И в плюще виноградном гетеры...
Там быстрее, чем из лука стрела,
Повершать — с твердой волей во взоре
На гражданской арене дела
Мчался всадник афинский к агоре...

Высоко возносился мой дух,
Я к Зевесу воздел свои руки!
А меж тем шекотали мой слух
Тетрахорды приятные звуки...
Кипарисы склонялись ко мне;
Перепутаны вервью лианы,
Помавали главами платаны...
И, пылая в священном огне
И сливаясь с природой устами,
Я коснулся до лиры перстами...
И сознал, что, душою и мыслию грек,
Я элленов вполне понимаю;
Что каков ни на есть, а и я — человек
И в себе мирозданье вмещаю!!!

<1851>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА
ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада!
Я люблю здешних мраморных нимф
И Истмийского шум водопада!

Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слезу
За извивом слепой медяницы;

Померанцы растут предо мной.
И на них в упоеньи гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» — всё твержу я.

<1854>

Козьма Прутков

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой.
Так в улье шумящем вокруг раненой матки
Снует озабоченный рой...

<1854>

Козьма Прутков

К ДИЮ

С сладко-мучительно-трепетным чувством
Я жду ее вечером в густо-тенистой аллее;
Жаждет мой слух, как блаженства, как счастья,
Речью ее музыкально-прекрасной упиться
И на душисто-прелестных устах из коралла
Слова *люблю* уловить зарождение!
Алчет мой взор в ее очи вонзиться,
В очи глубокие, полные неги и страсти,
В млечно-пенную шею, в роскошные плечи...
Целую б вечность, казалось, провел я,
Античные формы ее созерцая,
И, как Тантал, всё жаждал бы, жаждал
Еще, и еще, и еще созерцать их!

Дий велемудрый! с высот недоступных Олимпа
Бессмертный на смертного взгляд обрати
Состраданыя!.. Дий, умоляю тебя,
Сократи ожиданья минуты... Тяжко мне, тяжело!
Но если мольбой ты не тронешься... Верь мне,
Снесу я без ропота муки страданья...
Разве не ведаю я, Прометея жестокий каратель! —
Разве не ведаю гордо, что я человек,
Что в груди моей мир я вмещаю?

<1855>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

ПРОСЬБА ХУДОЖНИКА

О, не стыдись, не бойся, не красней
Передо мной в изорванном бурнусе:
Ты мне мила, хоть будь в сто раз бедней,
Ходи пешком весь век иль ездь в омнибусе.

Боишься ль ты, что в рубище твоём
Твоя краса померкнет на мгновенье?
О нет, дитя! Молю я об одном —
Услышь художника горячее моление:

Полна невинности, явись ты предо мной
Без платья, без убранств, без узкого корсета,
Как вышла некогда богиня, не одета,
Из пены волн, блистая наготой.

<1859>

Обличительный поэт
<Д. Д. Минаев>

СМЕРТНОМУ

Смолкни, больной и мятежный
Смертный! нет больше страданья!
Мир пред тобою безбрежный,—
Вечная жизнь мирозданья.

Ты в оркестре миров,
Светом их залитой, освященный,
Мировую любовь
И свободы глагол вдохновенный
Обретишь, человек!

Так оставь же борьбе обреченный
И в вражде истлевающий век.
Выйди ты в поле широкое,
Ляг на гряде огорода,—
Горе забудешь глубокое!

Небо стоокое,
Звезды полночного свода
Чувство навеют глубокое!
Ты и природа!

Звезды считай неба южного,
Слушай, как змеи шипят,
Слушай, что волны жемчужные
В море с волной говорят.
Пусть в тебя гады впиваются,
Кровь твою пьют комары,
Змеи вокруг ног обвиваются —
Слушай! вот хор: то поются
В гимне вселенной мира.

<1859>   *Обличительный поэт*
                 <Д. Д. Минаев>

ФИЛОСОФ В БАНЕ
с ДРЕВНЕГО ГРЕЧЕСКОГО

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью;
Полно по чреслам моим вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутого Тавра:
В сладкой работе твоей быстро он сменит тебя.
Опытен Тавр и силен; ему нипочем притиранья!
На спину вскочит как раз; в выю упрется пятой.
Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя;
Взрытый наукою лоб розами тихо укрась.

<1860>

Козьма Прутков

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

(1820—1898)

ОНА

Вчера, в пустом и длинном переулке,
Я шел один, о прошлом вспоминая,
И вдруг *она* навстречу... Боже! Боже!
О, ты ли это, ты ли это,— бледная, худая?
И долго на нее смотрел я молча
И подал руку ей... Она свою мне протянула
И покачала головой так грустно, грустно...
Я говорить хотел... Она вздрогнула
И глухо прошептала: «О! ни слова,
Ни слова, ради бога!.. До свиданья...»
И долго провожал ее глазами и думал:
Жаль тебя, погибшее, но чудное созданье!..

<1850>

Новый поэт
<И. И. Панаев>

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Под кустом густой малины,
В полдень, часто я лежу —
И на всё тогда так мрачно,
Как философ, я гляжу.
Скандинавские преданья,
Поэтические сны,
И народные сказанья,
И поверья старины —
Всё, что важно, что глубоко,
Носит след неясных дум,

Наступила эпоха классицизма. Я греческий поэт, и берусь выучить
российское юношество одиноким, ветям наукам — древней Эллады.

До чего нам всем далеко...
Вот что мой решает ум.

Отчего к шарам воздушным
Не приделают руля?
Отчего, не уставая,
Вечно вертится земля?
Отчего непостоянно
Звезды на небе блестя?
Непонятные вопросы!
Непонятный результат!

<1859> Амос Шишкин
<А. П. Сниткин>

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Я. П. Полонскому

Поле. Ров. На небе солнце.
А в саду, за рвом, избушка.
Солнце светит. Предо мною
Книга, хлеб и пива кружка.

Солнце светит. В клетках птички.
Воздух жаркий. Вкруг молчанье.
Вдруг проходит мимо в сени
Дочь хозяйкина, Маланья.

Я иду за нею следом.
Выхожу я также в сенцы;
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.

Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла: не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
«Ну так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала!»

И затем пошла на кухню.
Я туда ж за ней вступаю.
Вижу: дочь готовит тесто
Для обеда к караваю.

Обращаюсь к ней с упреком:
«Что готовишь? не твори ли?»
— «Тесто к караваю». — «Тесто?»
— «Да; вы, кажется, оглохли?»

И, сказавши, вышла в садик.
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу: дочка в огороде
Рвет созревшую петрушку.

Говорю опять с упреком:
«Что нашла ты? уж не гриб ли?»
— «Всё болтаете пустое!
Вы и так, кажись, охрипли».

Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья!
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья!»

<1860>   *Козьма Прутков*

**ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА,
КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ НАПЕЧАТАЕТСЯ**

«Неужели так поздно?—
Лениво удаляясь прочь,
У башен спрашивает ночь.—
Который час?»
— «Да уж девятый»,—
Звонит ей Спасская в ответ.

Я. Полонский

Потух последний луч зари,
Туманы сизые упали,
И звезды, будто фонари
В саду у Излера, мерцали.
Роса на листьях, как алмаз,

Слезами крупными дрожала,
А в небесах луна, как таз,
Суконкой вытертый сейчас,
Над темным городом всплывала.
«Куда ж мне деться?» — молвил день,
Спросив у стража Нарвской части;
Но страж молчал... лишь, в блеске власти,
Над ним всплывала ночи тень.
«Который час, кума?» —

— «Не рано!..»

И из жилетного кармана,
Ночь, вынимая свой брегет,
Дню шлет решительный ответ:
«Иди! уж час пошел десятый,
Дремотой сладкой мир объятый
Теперь весь мой...»

И мнилось мне:

В тот час по мрачному эфиру,
Надевши темную порфиру,
Ночь, при звездах и при луне,
Гнала день палкой по спине... .

1861

<Д. Д. Минаев>

* * *

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листья,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

<1873>

Литературное домино

<Д. Д. Минаев>

НА ВЗМОРЬЕ
(из я. ПОЛОНСКОГО)

Гаснул день в дымке сумерек нежных,
Солнце скрылось, когда я стоял
    На одной из прибрежных,
Над заливом поднявшихся скал
И с тоскою смотрел неизменною,
    Позабыв всю вселенную,
    Как морские валы
Серебристо-молочною пеною
Омывали подножье скалы,
Как неслись надо мною волокна
Облаков золотисто-лиловые,
Как в прорехи их, словно как в окна,
Улыбались мне звезды перловые...
Вот и ночь... Ароматна она,
Эта ночь благодатная, южная...
Вот, как лебедь, всплыла молодая луна,
Отражаясь в воде, как жемчужная...
И в тот час я, забывши свой челн,
И свой насморк, и тело недужное,
    Слушал музыку волн.
Песни волн были полны причуды,
И в их ропоте слышен совет:
«Ревматизма побойся, поэт,
И домой уходи от простуды...»

<1878>

М. Д.
<Д. Д. Минаев>

ЕВРЕЙСКО-РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

Приходи, моя желанная!
Ночь темна благоуханная.
Люди спят, лишь мы с тобой, мой друг, не спим.
Только звезды разгораются,
Только страстно заливаются
Соловьи в саду... мы млеем и дрожим.
Ты со мною под темной ложницею,
Вкруг куренья несутся волнами...
За лобзанье — плачу я сторицею
И молю, чтобы утро денницею
Заиграло позднее над нами.
О, забудь же салоны гвардейские
И гвардейца того молодого,
Что шептал тебе речи злодейские.
Я спою тебе песни еврейские,
По-еврейски не зная ни слова.

<1859>

<Д. Д. Минаев>

(Г. ПР. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ)

Вы не поверите, что мне недавно приснилось!
Будто минувшее наше опять возвратилось;
Лиры тридцатых годов вновь звучат тихострунные;
Будто восстали из тлена Ершовы, Трилунные,

Ожили с ними ручьи, соловьи перекатные,
Пеночки, просеки, гроты, поля ароматные,—
Всё это будто бы снова у нас водворилось...
Крайне прискорбно, конечно!

А всё же приснилось...

1860

Н. Л. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

Г-НУ ЛЮБА́

В десятый кряду раз внимательно читая
Полуночь ту чресчур таинственного мая,
Когда на небе звезды от любви дрожат;
Когда становится фиалке невдогад,
Откуда голубой глазок у ней мог появиться;
И что тут странного, коль не решит она,
Что значит наша жизнь, полуночь и весна?
Зачем не «полночь», а «полуночь» говорится?
И есть ли, полно, смысл в стихотвореньи всем?
Вы знаете, Люба́, я думаю о чем?
Я думаю, что нет: таких произведений
Десяток смастерит и «небывалый гений»,
Что приводил м-г Григорьева в экстаз,
И тот... но он, быть может, уж угас
В борьбе со стаяй мух, шмелей и комаров,
Любви не ведавший, возлюбленный Кусков!

1860

Н. Л. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

Н. А. НЕКРАСОВ

(1821—1878)

---

* * *

Если кроткий, как вол, в трезвом виде,
Во хмелю не покоен твой друг
И, придравшись к пустячной обиде,
Он тебя по лицу хватит вдруг,—

Всем, что в руки тебе попадется,
Поскорее в него запусти:
Он сробеет, притихнет, уймется;
Тут ты водку вели унести.

Если водки просить еще будет,
Ни полрюмки ему не давай,
И скажи, что детей перебудит:
«Спать, мол, старый невежа, ступай!»

Но когда на другой день проспится
И, вчерашнее вспомнивши вдруг,
Прибежит пред тобой извиниться
Твой, хоть пьющий, но любящий друг,—

Ни рассказом, ни темным намеком
О вчерашнем его не тревожь,
Ни укором, ни робким упреком
Нестерпимых страданий не множь.

Твой упрек для него хуже будки...
На твоих он наказан глазах
Тошнотой, страшной болью в желудке
И трясеньем в руках и ногах.

<1851>

Э <раст> Благодрагов
<Б. Н. Алмазов>

КОФЕЙ

Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне.

Больше чувствовал склонность я к чаю,
Но записочку раз получаю:
«Завтра утром приди, милый мой,—
Вместе кофей пить будем с тобой».

Вмиг всю ложность и все затрудненья
Я постиг моего положенья,
Но закон для меня *billet doux*¹ —
На свидание к милой иду.

Я дорогой дрожу весь заране,
Прихожу. Что ж? Она на диване
Перед столиком чайным сидит —
На спирту сама кофей варит.

Я не ждал такой дивной картины!
Опустили мы мигом гардины,
Чтоб чей злой и насмешливый глаз
Не заметил бы с улицы нас. . .

Опишу ли весь пыл упоенья!
Всё, что может себе в услажденье,
Когда время свободное есть,
На просторе любовь изобресть,—

Всё тогда с нею мы испытали.
О, с каким наслажденьем глотали
Жирный кофей мы после того:
Чашек десять я выпил его.

Она выпила тоже немало
И, прощаясь, мне нежно сказала:

---

¹ Любовная записка (франц.).— *Ред.*

«Друг мой милый, до этого дня
Не любила ведь кофею я.

Я его с отвращеньем варила,
Но себя той надеждою лестила,
Что охотник до кофею ты,—
И сбылось предвещанье мечты,

Но чего и в мечтах мне не снилось,
То со мною внезапно случилось:
Прежде кофей я в рот не брала,
А теперь с наслажденьем пила!»

— «Он мне тоже всегда был противен
(Я сказал ей в ответ), о, как дивен
Вулканический пламень страстей:
Он привычки меняет людей».

С той поры полюбил я и кофею.
Весьма часто, когда мой Прокофий
По утрам с ним приходит к жене,
Я кричу: «Дай, брат, чашку и мне».

<1851>

Эраст Благоврагов
<Б. Н. Алмазов>

ПРОПОЙЦА

Когда в кабаке за водкою
Мне не на что послать,
Когда сухою глоткою
Рок злобный проклинать,
Молить о сожалении
Нет больше сил во мне,
Все лучшие движения
Как будто в мертвом сне.
Пылаешь тайной злобою,
Сгораешь от стыда —

И собственной особою
Гнушаешься тогда;
На бороду небритую,
На прорванный халат
И на щеку разбитую
Все, кажется, глядят;
Крещенским грозным холодом
Мне веет от людей;
Живот подводит голодом,
Душа полна страстей,
Миг каждый представляется
Мне случай впасть в порок:
То мне в глаза кидается
Фуляровый платок,
Прельщаюсь то монетою,
То цепью золотой,
Тогда я вам советую
Присматривать за мной,
Всё, что легко уносится,
Как можно дальше класть:
Всё в руки так и просится,
Всё хочется украсть;
Подобные стремления —
Я запросто скажу —
Нередко в исполнение
С успехом привожу.
Что делать? обстоятельства! . .
Ах, если бы занять
На слово, без ручательства,
Целковых тридцать пять! . .
Сюртук себе хоть старенький
На площади б купил,
И детям — Наде с Варенькой
По платьицу бы сшил,
Потешил бы для праздника,
Сводил бы в балаган,
Купил бы для проказника
Сережки барабан.
И матери б подарочки
Для виду хоть купил;
С друзьями бы по чарочке
Полынной пропустил. . .

Но деньгам, что случаются,
Дорога всем одна —
Все мигом отправляются
В питейный дом сполна.

<1851> *Эраст Благодрагов*
<Б. Н. Алмазов>

НА НЕВСКОМ

(ФЕЛЬЕТОН 89)

Блещут солнца лучи над столицей —
Подморозило — градусов пять;
В три часа на проспект вереницей
Вышла публика наша гулять.
Где ни глянешь — румяные губки,
Взоры, полные сладостных чар;
Разноцветно-узорные юбки
Затопили совсем тротуар.
Сколько роскоши в модных костюмах!
Созерцая изящество их,
В эстетически-пламенных думax
Я слагаю восторженный стих
Гениальным Парижа модисткам,
В чьих изделиях, как знаете вы,
И зимой, даже с видимым риском,
Щеголяют богини Невы.

Львы столичные в шляпах и кепи
Важно ходят вперед и назад,
О гранитные плиты, как цепи,
Сабли воинов статных гремят.
Поглядишь — всё знакомые лица...
Светел день иль темны небеса,
Но без них невозможны столица
И проспект в три-четыре часа:
Секретарь из посольства персидского,
Земских сборищ оратор и граф;
Дети князя Платонова-Сицкого,
Два гвардейца, Борис и Евграф;
Петербургских трактиров и клубов

Вечный гость и глава шулеров
Александр Алексеич Сугубов
И писатель известный Перов...
(Прозевала в нем публика гения,
По журналам читая его,
Но собрал он свои сочинения
И из гения стал ничего).

Вот проходит разносчик с газетами
(Европейский решительно вид!).
У него генерал с эполетами
Покупает родной «Инвалид».
Покупает без торгу, но дешево:
Семь копеек за номер дает,
С твердой верой, что бездну хорошего
Он в почтенной газете найдет.
Современная нам журналистика —
Генералу известно — плоха:
Не выходит печатного листика,
Чтобы в нем не вралась чепуха.
Но к изданиям сей категории
«Инвалид» он не может отнесть:
В нем статьи по военной истории,
В нем приказы по армии есть.
Я знаком с генералом Дитяниным,
Побеседовать десять минут
На проспекте весьма будет кстати нам,
Не сочтемте ж беседу за труд.

— Генерал! — А, мое вам почтение!
— Вышли тоже на Невский пройтись:
Надоело писать сочинения,
Книги есть наподобие крыс?
Одобрю. (И речь генеральскую
Перервал оглушительный смех.)
Вот, смотрите, как вашу канальскую
Продают журналистику! Эх,
Знать, газетчикам плохо приходится:
Высылают товар на лотках!?
— За границей давно эдак водится.
— За границей! да нам на кой прах?
Ведь газеты не сельди копченые,

Не лимоны иль яблоки. . . Вот
Литераторы — люди ученые,
А смешите собою народ!
Впрочем я, при сей верной оказии,
Приобрел «Инвалид» — потому
Знать желаю о подвигах в Азии
И о прочем дать пищу уму. . .

Что ж, домой в самом деле отправиться,
Иль еще побродить нам с толпой?
Мне шатанье по Невскому нравится,—
Здесь, как все, я доволен собой.
От Аничкова моста до Мойки
И от Мойки к Аничкову вспять,—
Хоть стопы у меня и не бойки,—
Я могу прогуляться раз пять,
Мимо окон с блестящими стеклами,
Где товар, обольщающий глаз,
И французенки с лицами блеклыми
Выставляются всем напоказ.
Мимо Кача, где тьма «подстаканников»,¹
Мимо лавок и «модных домов»,
Мимо главных контор разных «Странников»,
«Библиотек», «Бесед» и «Листков».

Ну, однако ж проспект очищается,
Разыгрался толпы аппетит:
Много франтов в тоске сокрушается,
Где бы им пообедать в кредит.
Доменики, Дюссо и Борели!
К вам с тоской устремился их взгляд.
Гениально у вас прежде ели,
А теперь очень скромно едят.
В дни бывшие любимцы Беллоны
К вам стекались толпами; теперь
Для жрецов ненасытных Мамоны
Ваших храмов затворена дверь;
По кухмистерским бродит их стая,
Смирно кушает скверный форшмак,

---

¹ Подстаканники введены поэтом в стихи для вящей современности.

Иль, котлеты свиные глотая,
За обед отдают четвертак!
Видно, дни их блаженные прожиты,
Денег в долг не дает ростовщик...
Но, сатирик, скажи, для кого же ты
Поднимаешь карающий крик?
Пой различными самыми метрами,
Негодуй в фельетонных стихах —
Речь твоя разнесется, как ветрами
В чистом поле разносится прах!..

<1866>

Современный сатирик
<В. П. Буренин>

А. Н. П Л Е Щ Е Е В

(1825—1893)

---

* * *

Учились, бедные, вы в жалком пансионе
Француза Фальбала; учили вы урок,
Не зная отдыха; в слезах, при общем стоне
Терпели розги вы... Но всё не шло вам впрок.

Ученье было вам действительным мученьем,
И ждали вы, когда день выпуска придет.
Вы думали, что всем учебным заведениям
Ниспослан от судьбы такой ужасный гнет.

Но вдруг настала вам минута возрожденья.
Француз Кабаретье ваш пансион купил.
На место розог плеть он ввел в употребленье
И школы вывеску уже переменил.

Есть даже слух, что он бранился с гувернером
И думает ему от места отказать.
О дети, радуйтесь: под собственным надзором
Француз Кабаретье вас хочет воспитать!

1858

Н. А. Добролюбов

М. П. РОЗЕНГЕЙМ
(1820—1887)

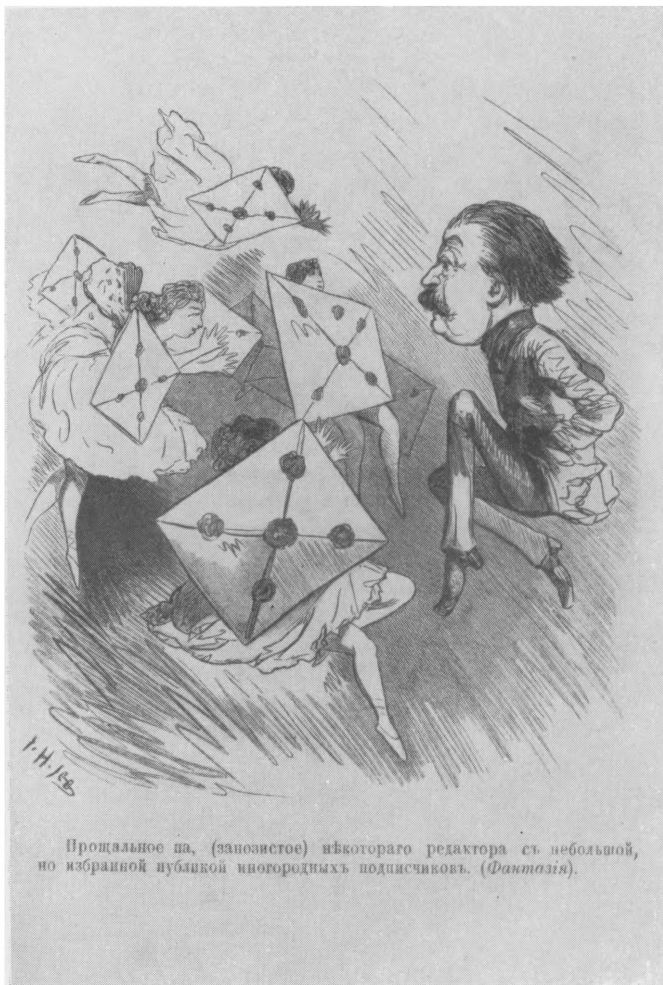

ПОРА!

Нет, уж нечего больше шутить,
Нет, не в силах я больше смеяться.
Надо слезы раскаянья лить
И в слезах от пятна омываться,
Что века наложили на нас...
Нам в самих себя надобно вникнуть
И исправить себя от проказ,
И на целую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора —
Да и точно она наступила —
С корнем вырвать все отрасли зла,
Что так долго Россию губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо действовать честно и смело.
И при этом — хороший пример
Лучше брани постыдному делу.
Честью родины кто дорожит,
Пусть пожертвует выгодой личной,—
Мелкой должностью пусть не презрит
И пример всем представит отличный.

1858

Конрад Лилиеншвагер
<Н. А. Добролюбов>

Прощальное па, (записное) некоторого редактора с небольшой, но избранной публичкой иновгородных подписчиков. (Фантазия).

PIA DESIDERIA ¹

Там, где строят дороги железные,
Пароходство растет каждый час,
Предприятия заводят полезные
Поощряют промышленный класс;

Где оковы с народа снимаются,
Где свободный рождается труд,
Воспитание где возвышается,
К делу, к жизни все силы зовут;

Где повсюду заметно стремление
На свободный, полезный всем труд,—
Допустить там возможно ль сомнение,
Что полезен и праведный суд

С непременною адвокатурою,
Как надежнейшим средством,— суду
С переделанной магистратурою
Дать и правильность, и быстроту,

И труду в то же время народному
Вновь обильный источник открыть
Юных сил к упражнению доходному
И к возможности деньги скопить!..

1858   <Н. А. Добролюбов>

В АЛЬБОМ ПОБОРНИКУ ВЗЯТОК

Верно, ты негодяй и мошенник,
Если ты уж решился сказать,
Будто тот есть отчизны изменник,
Кто на взятки посмеет восстать.

---

¹ Благие пожелания (лат.).— *Ред.*

Нет, неправда, что тот есть скотина,
Ветрогон и пошлейший дурак,
Кто не алчет высокого чина,
Кто на службе не множит бумаг.

Кто, служа бескорыстно и честно,
Не по взяткам расправу творит
И, преследуя зло повсеместно,
Чистой страстию к долгу горит.

Нет, не он есть отчизны губитель,
Губишь ты ее, злая змея,
Губишь ты ее, вор и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья.

Патриотом слывешь ты, надменный,
Но отчизну ты хвалишь,— губя...
О, с каким аппетитом, презренный,
По зубам бы я съездил тебя!!!

1858

<Н. А. Добролюбов>

МОЕМУ БЛИЖНЕМУ
(ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ)

Знаю, что правду пишу, и имен не значу.

Кантемир

Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман;
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман;

По закону ты не смеешь
Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.

Верь, что собственность священна,
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно
Наконец посадят в часть.

25 сентября 1858 г.

3 часа и 25 минут пополудни.

Конрад Лилиеншвагер
<Н. А. Добролюбов>

УЛИЧЕННЫЙ МЭДОИМЕЦ

Одиннадцать рублей и тридцать три копейки —
Вот месячный оклад Степана Фомича.
На что же к Рождеству он шьет жене шубейки,
А к Пасхе делает четыре кулича?
Награды к праздникам он, правда, получает;
Но много ли? Всего рублей на пятьдесят,
И значит — это в год всего-то составляет
Сто восемьдесят шесть целковых — весь оклад,
И то без четырех копеек. Но положим,
Что — круглым счетом — в год сто восемьдесят шесть.
Мы с вами, думаю, едва ль представить можем,
Как можно год, с женой, на это пить и есть.
Но наш Степан Фомич наивно уверяет,
Что жалованьем он одет и сыт с женой.
Квартирку, видите, он на Песках снимает,
И в месяц пять рублей там платит за постой,
Да учит, сверх того, хозяйского сынишку
Письму и чтению, и за успех его
Хозяин не берет с жильцов полезных лишку
И даже за воду не просит ничего.
Но всё же шестьдесят рублей ведь в год придется;
Да выйдет на дрова не меньше тридцати.
Вот девяносто уж. Теперь — на стол дается
Степаном Фомичем целковых по шести
На каждый месяц. Вот, как всё-то сосчитаем,
И выйдет серебром сто шестьдесят уж два;
Потом — Степан Фомич с супругой любят чаем
Согреть себя раз в день, а в праздники — и два.
И выйдет в год у них четыре фунта чаю,
Фунт в два рубля, — так на восемь рублей;

Полпуда сахару,— фунт в четвертак считая,—
В год пять рублей. Притом у них не без затей:
В день три копейки на белый хлеб изводят;
Во сколько ж в целый год им этот хлеб войдет?
Одиннадцать рублей без пятака выходит,
Иль даже без гроша, коль высокосный год.
Теперь итог у них какой же будет к году,
С начала до конца когда мы всё сведем?
Сто восемьдесят пять рублей у них расходу
И девяносто пять копеек серебром:
Копейкой менее, чем весь оклад казенный!
Но погодите: всё ведь это в год простой.
А высокосный год!? Вот тут-то счет резонный
Степана Фомича и обличит с женой.
Ведь в высокосный год им лишних две копейки
Сверх жалованья их придется издержать
(Уж я не говорю про новые шубейки
И про обычай их на Пасхе пировать.)
Откуда ж этот грош, Степан Фомич почтенный,
Коль жалованьем вы содержитесь одним,
Коль не торгуете вы долгом тем священным,
Какой лежит на вас всем бременем своим?
Что скажете? Вы клад в земле себе отрыли,
Иль с неба этот грош на бедность вам ниспал?
Нет, уж довольно нас вы за нос всех водили;
Теперь по Щедрину вас русский свет узнал.
Узнали мы теперь, откуда вы берете
Преступные гроши, исчадия греха.
Несчастных кровь и пот вы в свой карман кладете!
На праздник вам идет вдов и сирот крохá!!!
Корысти мелочной вы жертвуете честью,
Законом, правдою, любовью к добру;
Вы существуете лишь подкупом и лестью,
Вы падки к золоту, покорны серебру!!!
Вы все заражены иудиным пороком,
Меж вами царствует мздоимство, лесть и ложь...
Но горе! я восстал карающим пророком,
И обличу я вас за каждый лишний грош!!!!!!..

1858

Конрад Лилиеншвагер
<Н. А. Добролюбов>

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОПЫТКИ
МИХАИЛЫ БУРБОНОВА**

1

Шла соседка купаться с сестренкой,
А и той уж семнадцатый год! ..
Забегал я на речку сторонкой,
Да в кусты и забрался вперед.

М. Розенгейм

На реке, если б были деньжонки,
Я б купальню устроил, ей-ей!
Для соседки и юной сестренки,
И поставил бы к ней сторожей,
Чтоб не видел нагие их позы
И изгибы их девственных игр
Сладострастный редактор «Занозы»,
Притаяся в кустах, точно тигр.

2. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Помню, как во мраке ночи,
Упоенный, я лобзал
Шелк кудрей, и неба очи,
И мятежной груди вал.

Мы в ногу шли, смотря в затылок. . .

Увы! в те дни

Я был могуч, игрив и пылок.

Прошли они!

Прошел я мимо ваших окон

И увидал

На алой щечке черный локон

И груди вал.

Пленный вашей красотой,

Я стал мечтать. . .

Мадам, что сделалось со мною —

Не могу знать!

<1863>

Михаил Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

ПОСЛЕДНИЙ ДУЭТ

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если дурен народ, если падает край,
Зло проникло в него глубоко,
Легкомысленно в том не тотчас обвиняй
Учрежденья, законы его.
Осторожно взглядишь, обсуди и тогда
К убеждению, быть может, придешь,
Что в народе самом затаилась беда,
Что закон сам собою хорош.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если выйдет мужик из дверей кабака
И его расшатает травник,
Ты скажи, указав на него, мужика:
«Утопает в развороте мужик».
И тогда откупам сладко гимны запой:
«Журналистика наша слепа:
Ведь в народе самом затаился запой,
Не виновны ни в чем откупа».

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если ты зол на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядка вещей,
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей.¹

М и х а и л Б у р б о н о в

Если ты по призванью совсем не поэт,
Но его только носишь ты сан,
Не сердись на людей, что твой каждый куплет
Им ужасней, чем сам кукельван.

М и х а и л Р о з е н г е й м

Если жидкость дурна, если скислось вино,
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосуд замарают оно,
Но не будет, не станет светлей.¹

---

¹ Стих <отворения> М. Розенгейма. 1858, СПб.

Михаил Бурбонов

Если ты благороден, как истинный росс,—
Полицейских ни в чем не кори,
Но по улицам невским не жги папирос
И сигар никогда не кури.

Михаил Розенгейм

Если сплав нехорош, если дурен металл,
То какой ни придай ему вид,
В каждой форме, куда б отлить ты ни стал,
Он пороки свои сохранит.¹

Михаил Бурбонов

Если будешь журнал издавать на Руси,
Хоть у нас их порядочный рой,—
По кварталам билеты везде разноси
И при будках подписку открой.

Михаил Розенгейм

Ведь не случай один правит миром, о нет!
И застою не может в нем быть,
И дух века подаст в свое время совет,
Как и что в нем должно изменить.¹

Михаил Бурбонов

Если в жизни застой обличитель найдет,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?

<1863>

<Д. Д. Минаев>

ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ ОТ МИХАЙЛА БУРБОНОВА

Любезный друг Шекспир, талантлив ты,— не спорим,
Тебе соперников не часто я встречал,
Но всё же, признаюсь, с большим смотрю я горем,
Какую ложную дорогу ты избрал.

---

¹ Стих <отворения> М. Розенгейма. 1858, СПб.

Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы:
Тебе б всё древний мир, старинных хроник тьма,
Где лишь какие-то Отелло да Макбеты,
Иль датский принц, спрыгнувший вдруг с ума.

Дай лучше драму нам, без всяких дальних споров,
Военный быт рисуй, жизнь лагеря раскрой,
Где б на коне скакал великий наш Суворов
И манием руки за строем двигал строй.

Ты вместо Дездемон, Корделий и Офелий,
Без деклараторских ходулей и прикрас,
На сцену выведи ефремовских камелий —
Тогда, тогда, Шекспир, почтут тебя у нас.

<1863>

Михаил Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

* * *

Жизнь наша вроде плац-парада;
И в зной, и в холод на ветру
Маршировать тем плацом надо,
Как на инспекторском смотру.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи:
Похвалят — крикни: «Рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок! . .

1864

Майор Бурбонов
<Д. Д. Минаев>

НАШИМ ПЕССИМИСТАМ

Пусть я дряхлый боец,
Пусть как меч-кладенец,
Спит в ножнах многотяжкий мой стих,
Но, друзья, дайте срок —
И сверкнет мой клинок,
На погибель врагов всех моих.
Как в былые года
Я сумел без труда,
Язвы откупа миру раскрыть,
Так и ныне могу
Пессимистов в дугу
Я согнуть и в могилу зарыть. . .

<1873>

Литературное домино
<Д. Д. Минаев>

НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту
 И внимательно смотрел, как на лету
 Два тяжелые, кургузые жука
 Колошматили друг друга под бока,
 Как в объятиях березу дуб сжимал,
 Как под деревом опёнок вырастал,
 Как паук, среди своих дневных хлопот,
 Фантастический выплясывал матлот.
 Так на кладбище за жизнью я следил,
 И Случевский мне на память приходил:
 Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
 Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
 Как мертвец т-г Случевского просил,
 Чтобы тот его на время хоть сменил...
 По закону же *содружества идей*,
 Вспомнил случай я другой, еще страшней:
 Вспомнил нищего, разрушенный гранит,
 И восставшего из гроба страшный вид,
 Ветра свист, луны дрожащий свет,
 Мертвеца протест и нищего ответ...
 И невольный трепет в сердце проникал,
 Но по-прежнему на камне я лежал,
 И по-прежнему сшибались жуки,
 Отличались в матлоте пауки,
 Всё с березами амурились дубы,
 Всё росли еще под деревом грибы.

1860

Н. Л. Гнут
 <Н. Л. Ломан>

* * *

Рассвело. Глаза открыты
И не видят, хоть глядят,
Так глядят, что из орбиты
Будто выскочить хотят.
Сбоку тяжкое сопенье,
Свист протяжный, носовой,
В коридоре стук, движенье,
Подметает половой. . .
Понемногу различает
Воспаленный сильно глаз,
Как на стульях отдыхает
Полубархат и атлас.
Где бурнус, где пелеринка,
Шляпка, зонтик, кринолин,
Тут браслеты, там ботинка. . .
На душе тоска и сплин.
Звон в ушах неизъяснимый,
Уходившаяся грудь,
И вопрос неразрешимый:
«Заплатить или надуть?»

1860

Н. Л. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Я доживал в одном квартале
Десятый год;
Но вот почил квартальный в мале —
Я просьбу в ход:
К стопам начальства припадая,
Квартал просил.
И как-то вывезла кривая:
Наш утвердил!
Квартал достался мне богатый. . .
Тут на меня
Надели каску, и с гранатой,
Но без огня.

И обыватель под защиту
    Ко мне бежал,
Всех обворованных, побитых
    Я утешал,
И всяк за это утешенье
    Благодарил;
Но вдруг сердечное движенье
    Я ощутил.
Раз, по грошовому взысканью,
    К себе в квартал
Одно прекрасное созданье
    Я вызывал.
Клянусь, клянусь богиней Фреей! —
    Я, кстати, швед —
Подобных плеч, подобной шеи
    На свете нет.
Что за глаза! — очарованье!
    Я весь дрожал,
Когда управы предписание
    Я ей читал;
Когда, склонив свои ресницы
    И вся в огне,
Она, кротка как голубица,
    Внимала мне. . .
Я прежде думал, что во власти
    Я у себя,
Что застрахован я от страсти,
    Как от огня;
Но я прочел, сидев в конторе
    С пером в зубах,
Себе капут в прелестном взоре,
    В ее очах.
Однажды я, тот взгляд встречая,
    Не усидел;
Письмоводителю, вставая,
    Уйти велел.
Я ей сказал: «К началу ночи,
    Когда езда
Совсем затихнет, что есть мочи
    Валяй сюда!»
Заря, бледнея, умирала
    И умерла,

А ночь роскошно выплывала,
    Как день светла.
Затихло всё. Сребристый тополь
    Благоухал,
И, по трудах дневных, Петрополь
    Опочивал.
На перекрестке ждал я встречи,
    И долго ждал:
В мечтах грудь пышную и плечи
    Я рисовал.
Прошел патруль, глядел мне в очи
    И созерцал,
Как, бедный, я в прохладе ночи
    Самосгорал.
Уж зарумянилась денница,
    И ночь ушла...
Так вот как, скромная девица!
    Ты не была?..
Тогда ее на жертву мщенью
    Я осудил:
Насчет билета сочиненье
    Я смастерил...
И я смотрел, как исполнялся
    Приказик мой,
Как с ней в прихожей объяснялся
    Городовой.

1860

Н. Л. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

МОИ ЖЕЛАНИЯ

Дики желанья мои, и в стихах всю их дичь изложу я.
Прежде всего я хочу себе женщину с длинной косою.
Ум и краса мне не нужны: пусть только целуется чаще.
С этакой женщиной вместе мне друга-философа надо.
С ней целоваться я буду, а мудрый мой друг в это время
Будет науки мне все изъяснять, чтоб не надо мне было
Время и зрение тратить над мертвою речью печати.
В этих условиях древней историей я бы занялся:

Нравятся мне пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское с Желтой рекою и с Гангом

священным...
В этом последнем омылся бы я, с женщиной вместе
и с другом.

Вымывшись, я бы отер себя длинной косою подруги;
Всё, что от друга услышать успел посреди поцелуев,
Всё это тут бы я вспомнить хотел, чтобы книжечку

тиснуть,
С нею проникнуть в народ, уяснить ход общественной
жизни,
Добрых утешить, а злых покарать и разлить в мире
счастье...

Всё бы хотел я изведать: не только искусством
заняться,
Но насладиться хотел бы я даже грехом преступленья,
Только чтоб нравственным правилам было оно
не противно...

Всё, что от друга я слышал, весь скарб своих сил
и познаний,
Всё бы хотел перелить, через женщину с длинной
косою,

В новое я существо,— и в сей сладкой работе
скончаться:
Пусть существо молодое начнет с того, чем я
окончил...

После же смерти хотел бы я зрителем быть его
действий,
Чувствовать мыслью и сладко дремать в созерцаньи
глубоком...

1860

Аполлон Капелькин
<Н. А. Добролюбов>

ЗВЕЗДЫ И СЛУЧЕВСКИЙ

По эфиру, как с поминок
Возвращающийся иннок,
Месяц крадется бочком;
По эфиру без ботинок
Бродят звезды босиком,

Бродят ночью без опаски,
Сняв чулки и сняв подвязки,
И, мигая, словно глазки
Засорили им песком,
Пылью нашею земною,
Говорят они со мною
Мне понятным языком.
Их язык чужд нашей сфере,
Их язык, как очи Мэри,
Состоит весь из лучей,
И ему, по крайней мере,
Ни в каком диксионере
Равносильных нет речей.
С языком лучистым этим
В мире я знаком один
И внимаю звездам-детям.
Нынче вздумалось пропеть им:
«Для тебя лишь только светим
Мы, Случевский Константин! . . .»

<1879>

<Д. Д. Минаев>

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

(1840—1895)

---

* * *

Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь
И облекся весь сад *тенью ясной*:
На свидание выйдет соседкина дочь;
С ней в аккорд мы сольемся безгласный.

И потом уж вдвоем с баловницей моей
До истомы читать станем Фета,
А сведут нас тесней упоительный Мей
Да языковских два-три куплета.

Разольют аромат каприфоли тогда,
Словьи сладострастно засвищут;
Мы же с ней без следа неизвестно куда
Пропадем. . . и нигде нас не сыщут! . .

1860

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

* * *

Ах, взгляните: закрывает тучкой *боязливо*
Бледный, томный лик свой интересная луна;
Робко в озеро склонилась ветвями ива;
Боязливая целует их *тайком* волна;

Ветерок *украдкой* бродит в липовой аллее,
И привет ему деревья *робко* шелестят;
Дергачи во ржи трещат *слабее и слабее*;
Соловьи над розами *от робости* молчат. . .
Вы взглянули! . . Перемена прежних декораций!
Тучки нет уже, луна приветно светит вновь,
Исполняют соловьи под сению акаций
Ряд блестящих, звучных, гармонических варьяций
На мотивы нежные: «взаимная любовь. . .»
Прежней робости ни в чем как будто не бывало
С той поры, как вы, мой друг, ее *погнали прочь*. . .
О! еще б такая перемена не настала,
Когда милая, дрожа, певцу презентовала
«Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь!»

1860

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

* * *

Появилась головка в окне,
И поэтик ее вопрошает:
«Вы ли свет сообщили луне,
Или вас ее луч озаряет?
Самому рассудить мне невмочь —
Ваши ль дивные черные очи
Разожгли сладострастнее ночь
Или млеют они негой ночи?»

Этот нежный румянец ланит
Уж не розы ли вам поставляют?
Или сами они колорит
С щечек ваших тайком похищают? . . .»
Ничего не сказала она,
Только губку слегка закусила
И, сомненьем таким смущена,
Поскорее окно затворила.

1860

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

RESUMÉ ВЕСЕННИХ СТИХОТВОРЕНИИ
г. КРЕСТОВСКОГО

Не томите... выходите,
Моя милая!
А какая ночь, взгляните,
Молчаливая!
В павилике без улики
Жду заране я
Разговоров о клубнике
И лобзания...
Без огласки ваши глазки,
Ваша талия
Встретят пламенные ласки —
И так далее...

1860

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

* * *

В самом деле, шли бы вы на взморье,
Где в жемчужных звуках грохот льется.
Вот где петь, так точно уж раздолье —
Пойте всё, что на душе споется...
Спелся вздор (ведь может же случиться!),
Так никто о нем и не узнает;
Над певцом там некому глумиться:
Водяной пародий не слагает!
Только знайте рифмами играйте:
Моря — вторя — лилий — белых крылий...
Много весу мысли не давайте —
Песнь споется без больших усилий.
А устали вы от песнопений,
Наигрались в трелях ночи нежных,—
Ждет вас много новых наслаждений,
Скромных, чистых, самых безмятежных:
Понабравши *ракушек* в лукошко,
Рикошетом в море их швыряйте,
Иль, пожалуй, помячьте кошкой,
Или хохот по морю пускайте!

Но печатно в этом развлеченьи
Лучше б вы не делали признанья:
Что как вдруг да всё стихотворенья
За ребячье примут лепетанье?

<1861>

Н. Л. Гнут
<*Н. Л. Ломан*>

* * *

Я лежал в камышах на спине,
Над рекою туман выплывал,
Сладострастные песни луне
Где-то там соловей распевал.

Этой песни томительный звук
Жег и нежил, как женский привет,
То Крестовский в нем слышался вдруг,
То с мотивами вешними Фет.

Вдруг я вижу — по зеркалу вод,
Где хрустальная тает волна,
Труп красавицы мертвой плывет,
И его озаряет луна.

Расступается в брызгах струя,
И круги по реке понеслись;
Сзади вьется коса, как змея,
В груди — черные раки впились.

Разодвинув рукой камыши,
В непонятной, безмолвной тоске
Я следил, как в полночной тиши
Труп скользил и дрожал на реке.

Но холодного трупа не смел,
Как Крестовский, я жадно обнять.
Каюсь: плавать притом не умел,
А пошел мужиков я искать.

И, созвав понятых на совет,
Я привел станового с собой:
Где есть труп — тут не нужен поэт,
Нужен тут лишь один становой.

<1862>

<Д. Д. Минаев>

ВАРИАЦИИ НА СТАРЫЕ МОТИВЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поздно ночью, в злую бурю,
Мчуся я домой скорей:
То-то я побалагурю
С благоверною моей.

Вот влетаю... и от злости
Я затрясся точно лист —
К ней пришел не в пору в гости
Русской оперы хорист.

И хорист потупил очи:
У него был бледен лоб,—
А жена, что было мочи,
По щеке меня вдруг хлоп.

«Вот тебе, бродяге, вору...
И в родимые края
Вечно явится не в пору,—
Рожа скверная твоя!»

Из родимого мне края,
Оскорбленный, в ту же ночь,
Всех дичась и избегая,
Я ушел далеко прочь.

И угрюмый, как могила,
Рассуждаю в уголке:
«Эка сила, эка сила
У жены моей в руке!»

С той поры я озабочен,
И бушует ад в крови:
Я узнал позор пощечин,
Я узнал, что нет любви.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Комары да мухи
Трогают поэта;
Ухитрился лирик
Всех их сжить со света

Он свои творенья
Пересыпал ядом,
И травую сонной —
На погибель гадам.

И поэта злого
Осенила радость:
Знает он, что мухи
Лезут и на гадость.

Берегись, читатель,
Он ведь хитрый малый:
Он и нас с тобою
Отравит, пожалуй.

СОН

Мне снилось, дитя мое, что в зале ты
Читаешь пламенно толпе пустой листы
Моей возвышенной, изящнейшей поэмы...
Вот кончила ее и видишь, что все немы.

Новый прометей.

Г. Бусловъ, прикованный къ муровейнику за покушение на кражу небеснаго огня. Кровожадные комары терзаютъ злополучнаго узника.

С вопросом ты стоишь пред мертвою толпой,
Но слушавшие все мотают головой...
Вдруг голос аспида послышался в народе:
«Читали Гейне мы, но в лучшем переводе».

1860

Скорбный поэт
<Г. Н. Жулев>

—
* * *

Жарко, душно на перине;
Всюду тихо, всюду глухо.
Лишь поэта чует ухо,
Как в предсмертных муках муха
Слабо бьется в паутине;

Как в саду, где с песней скачет
Стрекоза в тени колодца,
С комаром комар дерется,
Да в траве кузнечик бьется,
Да с тоски букашка плачет.

Тараканом ночь сползает,
Зорька в небе догорела,
А любовь к поэту смело
Пауком на сердце села
И мучительно сжимает.

Всюду тихо, всюду глухо...
Лишь клопы, благоухая,
Пробирались, сна не зная,
Вниз по пологую да злая
Где-то в стекла билась муха.

1861

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

Н. Н. С Т Р А Х О В

(1828—1896)

---

* * *

Душа моя будто в застое,
И мысль в голове колобродит;
Сказал бы я что-то такое,
Да всё ничего не выходит.

Зеваю я дома келейно,
В гостях, у знакомых зеваю...
Варьирую что-то из Гейне,
А именно что? — уж не знаю.

И в мире мне словно как тесно,
А то так как будто просторно,
Чего я хочу? — неизвестно...
Вот этак — прошу вас покорно!

И ветер, и снег, и морозы...
Опять захотелось чего-то...
Уж разве пройтись насчет прозы?
Зевота, с оттяжкой зевота...

Н. Л. Гнут
1860 <*Н. Л. Ломан*>

Е. Ф. ЗАРИН

(1829—1892)

---

* * *

Во всю ночь надо мною тень милая
Так легко, грациозно парит...
Щечки бледны, улыбка унылая,
И слеза на ресницах блестит.

Чу!.. мерещится, молвит прекрасная:
«Хочешь знать, отчего я бледна?
Утомилась сегодня ужасно я:
Всё читала стихи Зарина.

Их сто раз прочитала, наверно, я,
А всё смысла мне в них не постичь:
Тут и «гордость», и «степь непомерная»,
Придорожник *ночной*... что за дичь?

Если любишь меня ты действительно,
Так хоть этим любовь докажи:
Растолкуй, поясни вразумительно,
В чем тут дело, мой друг, расскажи!..»

Ах, войдите в мое положение!
Я скорблю, я готов зарыдать,
Но увы! не найду пояснения,
Не могу ей любовь доказать.

Н. Л. Гнут
<Н. Л. Ломан>

1861

А. К. Т О Л С Т О Й
(1817—1875)

БАЛЛАДА С ПОЛИЦЕЙСКОЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ
(СТИХОТВОРЕНИЕ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО)

Притекши из коммуны
Во храм, где чтут науку,
Два лада, ликом юны,
Гуляют рука в руку.

Он с гривой лошадиной,
Она в очках и «стрижка»,
В руках у ней Дарвйн и —
О, страх! — Сканцони книжка.

Вкруг них не скал уступы,
Не сень дерев с каскадом —
Распластанные трупы
Простерты длинным рядом.

Ей весело, невесте,
Пищит она с приветом:
«О милый! лепо вместе
Тела крошить ланцетом».

И взор ее он встретил
И стан ей обнял гибкий.
«О милая! — ответил
Со страстною улыбкой.—

С тобой здесь совокупно
Берем науки дар мы,

Но скоро зал сей трупный
Преобразят в казармы!»

«Как быть сей небылице! —
Воскликнула невеста.—
Иль для казарм в столице
Иного нету места?»

А он: «Моя ты лада!
Казармам места много,
Но нигилистам надо
Задать острастку строго...»

<1872> *Опасный соперник*
г. Тургенева
<В. П. Буренин>

А. Н. А П У Х Т И Н

(1841—1893)

---

* * *

Посреди журнальных погремушек,
Обличительных, карающих стихов
Против старцев хилых и старушек,
Я устал... лежу среди подушек...
Я забыться, я уснуть готов.
Мне противно это отрицанье,
Тонкий яд оно вливает в грудь,
Я в себе лелею упованья
И, закутавшись в ночные одеянья,
Про иной мечтаю в жизни путь.

Запасясь терпением колоссальным,
Я желал бы — мысль моя чиста,—
С настроеньем самым идеальным,
Жить душою в мире музыкальном
Семь недель великого поста.
Чтоб каскады музыки бежали,
Перепонка барабанная рвалась,
Ныл смычок с кларнетом в светлой зале,
Чтоб рыданье слышалось в рояле
И ревел над ухом контрабас.

...Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
И опять от ночи до утра,
Слушал Вурма я, благоговей,
И внимал, почти дышать не смея,
То Бушек, то пенью Лагруа.

Чтоб глаза слипалися дремотой,
Притупился мой усталый слух,
Утомленный тяжкою работой,
Чтоб, сраженный наконец зевотой,
Я уснул и бредить начал вслух.

<1862>

<Д. Д. Минаев>

IV

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОНОМАРЬ

БАЛЛАДА

Двенадцать лет граф Адальберт фон Крани
Вестей не шлет.
Быть может, труп его на поле брани
Уже гниет?..

Графиня Юлия тоскует в божьем храме,
Как тень бледна;
Но вдруг взглянула грустными очами —
И смущена.

Кругом весь храм в лучах зари пылает,
Блестит алтарь;
Священник тихо мессу совершает,
С ним пономарь.

Графини взгляд весьма обеспокоен
Пономарем:
Он так хорош и стан его так строен
Под стихарем...

Обедня кончена, и панихида спета;
Они — вдвоем,
И их уносит графская карета
К графине в дом.

Вошли. Он мрачен, не промолвит слова.
К нему она:
«Скажи, зачем ты так глядишь сурово?
Я смущена...

Я женщина без разума и воли,
А враг силен...
Граф Адальберт уж не вернется боле...»
— «Веррнулся он!

Он беззаконной отомстит супруге!..»
Долой стихарь!
Пред нею рыцарь в шлеме и кольчуге —
Не пономарь.

«Узнай, я граф,— граф Адальберт фон Крани;
Чтоб испытать,
Верна ль ты мне, бежал я с поля брани —
Верст тысяч пять...»

Она: «Ах, милый, как ты изменился
В двенадцать лет!
Зачем, зачем ты раньше не открылся?»
Он ей в ответ:

«Молчи! служить я обречен без срока
В пономарях...»
Сказал. Исчез. Потрясена глубоко,
Она в слезах...

Прошли года. Граф в храме честно служит
Два раза в день;
Графиня Юлия всё по супругу тужит,
Бледна как тень,—

Но не о том, что сгиб он в поле брани,
А лишь о том,
Что сделался граф Адальберт фон Крани
Пономарем.

<1886>

Князь Гелиотропов
<В. С. Соловьев>

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА РЫЦАРЯ РАЛЬФА
ПОЛУБАЛЛАДА

Рыцарь Ральф, женой своею
Опечаленный, на шею
Навязал себе, бледнея,
Шарф большой.

И из жениной уборной,
Взяв под мышку зонтик черный,
Устремился он проворно
В лес глухой.

Листья желтые летели,
Сучья голые чернели,
Рыцарь Ральф в душе и теле
Ощущал озноб.

Ревматические боли
Побеждают силу воли,—
И, пройдя версту иль боле,
Рыцарь молвил: «Стой!»

Повернул назад и скоро,
Выйдя из глухого бора,
Очутился у забора
Замка своего.

Утомлен и безоружен,
Весь промочен и простужен,
Рыцарь молча сел за ужин,—
С ним жена его.

«Рыцарь Ральф,— она сказала,—
Я вас нынче не узнала,
Я такого не видала
Шарфа никогда!»

— «Этот шарф был очень нужен,—
Молвил рыцарь Ральф, сконфужен,—
Без него б я был простужен
Раз и навсегда».

<1886>

Князь Гелиотропов
<*В. С. Соловьев*>

ПОЭТ И ГРАЧИ

(БРАТКАЯ, НО ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ)

По сжатому полю гуляют грачи.
Чего-нибудь ищут себе на харчи.
Гуляю и я, но не ради харчей,
И гордо взираю на скромных грачей.

ЗИМА

Морозная вьюга, в полях нет грачей.
Сижу и пишу я в каморке своей.

ВЕСНА

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я — на столе.

30 сентября 1894

Вл. Соловьев

ПАН ЗНОСКО

Пан Зноско стар; ему давно минуло
Сто сорок шесть.
Но юных сил прилив в него вдохнула
Святая месть.

Пылал мятеж, и бурная, как пламя,
Пылала Речь.
И поднял он дрожащими руками
Свой ржавый меч.

Потом, в Сибири ссылку испытавши,
Из дальних мест
Вернулся он на родину, попавши
Под манифест.

Но пребывать отшельником навеки
Он дал обет.
И заперся в своей библиотеке...
С тех пор обед

Ему в окошко подает кухарка,
Закрыв лицо.
Его обед — одна лишь водки чарка,
Одно яйцо.

Но он уж стар, но он богат несметно...
В его приют
Прокрались злодеи незаметно —
Его убьют!

Тут бодрость вдруг проснулася в калеке,
Он им в ответ:
«Я поджидаю вас в библиотеке
Уж двадцать лет!

Не удался ваш замысел крамольный —
Долой парик!
Вы думали, что здесь сидит рамольный
Седой старик.

Ошиблись вы в своем предположеньи,
Мои друзья!
Вы пойманы на месте преступления:
Исправник я!

А Зноско — тот из ссылки без усилья
Бежал! С тех пор
Узнали мы, что он уже в Севилье
Тореадор!

Мы на него бессильно негодуем,—
Его всё нет!
Но и порок бывает наказуем
Раз в двадцать лет!

Я двадцать лет вас ждал в библиотеке,
Закрывши дверь.
За это вас, друзья, в Сибирь навеки
Сошлют теперь,

А ссыльных там уж берегут построже,
Чем в оны дни...»
<И, посвистав, запел он громко:
«Боже, царя храни!»>

Конец 1890-х годов (?)   А. А. Столыпин

ЖЕСТОКИЙ БАРОН

**ТРАГЕДИЯ В ДВУХ КАРТИНАХ И ПРИТОМ В СТИХАХ
(СЮЖЕТ ЗАИМСТВОВАН)**

Юношеское произведение неизвестного автора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жестокий барон.
Клотильда, его жена.
Роберт Эшлингам, молодой рыцарь.
Пилигрим.
1 - й } монахи.
2 - й }
Толпа странствующих монахов.
Ночной сторож.
Слуги в замке барона.

Действие происходит в средние века в Англии.

Картина I

Барон
(один)

Нет, никогда тот не страдал,
Кто не был ревностью мучим,
Кто грудь свою не отверзал
Страданьям медленным и жгучим

Сей гнусной страсти! Я уж стар,
Но кровь моя клокочет в жилах:
Клянуса небом, я не в силах
Перенести такой удар!
А как недавно, как недавно
Я бесконечно счастлив был!
Я верил ей и я любил!
Я верил ей... Вот это славно?!
Я верил, между тем она,
Презрев закон людей и бога,
Она... Она... моя жена! . .
Но, впрочем, погоди немного!
Настанет скоро грозный час,
И мы увидим, кто из нас,
Клотильда, громче захохочет!
Душа моя отмщенья хочет.
Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Позвать жену.

Скажи: «Барон в поход собрался».
Да поскорее! Ну же, ну!
На что, болван, ты зазевался?!

Слуга убегает.

Скажу, что еду я в поход,
А сам немедленно вернусь:
Застану их вдвоем, и вот...
И вот когда я посмеюся!

Клотильда
(входит поспешно)

Что это значит, мой супруг?
Ты уезжаешь?

Барон

Да, я еду.

Клотильда

Но как же? Это странно: вдруг...
Скажи, вернешься ль ты к обеду.

Барон

(усмехаясь)

К обеду?! Не один обед,
Обедов триста, может, боле,
Я пропущу по божьей воле.

Клотильда

(радостно)

Неужто?..

Барон

Да, от страшных бед
Иду спасти Святую землю:
Стенаньям праведных я внемлю
И, мстью страстною палим,
Иду спасти Иерусалим.

Клотильда

Ах, как я рад..

(спохватившись)

как это грустно!

Барон

(в сторону)

Она в восторге!.. Погоди!..

Клотильда

Ах, как мне жалко!..

Барон

(в сторону)

Врет, и гнусно.

Клотильда

Мой милый друг, в моей груди
От муки сердце разорвется:
Зачем ты едешь? О! зачем?!
Я плачу..

Барон

(в сторону)

А в душе смеется.

Клотильда
Ах, я расстроена совсем.
(*Падает в кресло и закрывает глаза платком.*)

Барон
(*притворствуя*)
Что делать, друг! ведь мы не вольны,
Подобно вам, в покое жить:
Должны несчастным мы служить.
Хоть тем бываем недовольны,
Но что же делать, повторю!
Итак, оставь печаль свою.

Клотильда
(*вставая*)
О, боже! как ты благороден!
Как с теми ты людьми несходен,
Каких досель встречала я!
Иди ж в поход: любовь моя
Твой будет спутник неизменный!
Ступай, ступай, мой друг бесценный!

Барон
Ты успокоилась; я рад,
И без тревоги я уеду.
(*В сторону*)
Какая низость! Смерть и ад!

(*Ей*)
Однако прекратим беседу:
Пора мне ехать. Эй! коня!
Прощай, не скоро жди меня.
(*Уходит.*)

Клотильда
(*одна напевает и приплясывает*)
Он уехал, как я рада!
Он уехал, тра-ла-ла!
Ах! чего ж еще мне надо?
Как я нынче весела!
(*Подходит к столу и пишет*)

Муж уехал в Палестину,
Я свободна, я одна!
Покоряться господину,
Слава богу, не должна!
Всей к тебе стремлюсь я силой:
Приходи ко мне скорей.
Развлеки меня, друг милый,
И в объятиях согрей.

(Встает.)

Но с кем письмо отправить это?
Не знаю...

(Задумывается.)

Голос под окном

Рах vobiscum! ¹

Клотильда

Чу!

Я услышала голос где-то.

Голос

Я пилигрим, войти хочу.
Устал я, голоден безмерно,
Я стар и совершенно наг.
Приют мне дайте, и, наверно,
Господь пошлет вам всяких благ.

Клотильда

(в сторону)

Дает мне случай сей идею:
Свое письмо отправлю с ним.

(Говорит в окно)

Послушай, добрый пилигрим,
Впустить к себе тебя не смею:
Я женщина, притом одна,
И скромность соблюдать должна,
А ты сказал, что ты... без платья.

---

¹ Мир вам! (лат.).— *Ред.*

Могу ли я, суди ты сам,
Могу ль нагих к себе пускать я?
Нагому как приют я дам?!

Пилигрим громко вздыхает.

Однако не вздыхай так тяжело:
Я не глуха к твоей мольбе.

(Показывает письмо в окошко.)

Узнай, что эта вот бумажка
И кров и пищу даст тебе.

Пилигрим

Письмо?

Клотильда

Да. Видишь, недалеко,
На той горе, стоит высоко
Огромный, старый замок: там
Живет сэр Роберт Эшлингам.
Ты замок видишь?

Пилигрим

Вижу ясно!

Клотильда

Скорей беги туда с письмом,
И будешь принят в замке том
Ты, без сомнения, прекрасно,
Как родственник, как брат родной.

Пилигрим

О, вы спасли меня от смерти,
И с этих пор я буду, верьте,
Молиться лишь о вас одной!

Клотильда

(смотря в окно)

Ушел. Бежит ужасно скоро.
Совсем без платья: вот умора!

(Хочет и убегает.)

Барон

(появляется из другой двери)

А вот и я: опять пришел,
Чтоб посмотреть на представленье.
Но боже, до чего я зол!
О! зол я до самозабвенья!
Ну, приходи теперь, злодей!
И в миг любовного свиданья
Искупишь ты мои страданья
Презренной кровию своей!!
Однако спрячусь я покуда

(Прячется за дверь и высовывает голову.)

И буду наблюдать отсюда.

Роберт Эшлингам

(лезет в окошко и поет¹)

Я Роберт Эшлингам
И способен для дам
Побороть все преграды на свете.

Барон

(в сторону)

Вот он сам! Вот он сам!
Как ему я задам
За проделки постыдные эти!

Роберт

Если заперли дверь,
Я всегда, как теперь,
Пролезаю спокойно в окошко.

Барон

Я бешуся, как зверь!
Гость желанный, поверь,
Поболтаем с тобой мы немножко!

Роберт

(поет²)

Но где же ты, моя краса,
Я жду, я пла-а-а-менею!

---

¹ Мотив: «Есть на Волге утес».

² Мотив: «Не увяжай, голубчик мой!»

Нам дали радость небеса:
Спешим упиться е-э-ю!
Забудем всё: людей и свет
В объятиях друг дру-у-у-га,
Забудем всё, препятствий нет.

Б а р о н
(выскакивая)

Забыли вы супру-у-га!!!

Р о б е р т
Что это значит?! Здесь барон?!

Б а р о н
И слышал ваши монологи.

Р о б е р т
(в сторону)

Проклятье!

Б а р о н
Что-с?
(в сторону)

Как он смущен!

(Ему)

Как будто признаки тревоги
На вашем вижу я лице.
Что с вами? Или вы устали,
Как лезли? А rgoros,¹ вы знали
Один рассказ о подлеце,
Который лез...

Р о б е р т
Барон!!

Б а р о н
Что с вами?

---

¹ Да, кстати (франц.).— Ред.

Роберт
Без оскорблений! Где ваш меч?
Сойдемся честными врагами.
Пусть бой решит, кому здесь лечь.

Барон
Goddam! ¹ как это благородно!

(Освирепев)

Мальчишка дерзостный! Щенок!
Ты вызываешь! превосходно!
Постой! я дам тебе урок!
Эй, слуги!

Слуги
(входят)

Здесь.

Барон
Оружье взяли?

Роберт
Убийство?!!

Барон
Да, убийство. Ну-с?

Роберт
Но это подло!

Барон
Ну, едва ли.
Меня все знают: я не трус.
С врагами я сражаюсь смело,
Но здесь совсем другое дело.
О бое честном брось мечты:
Как пес погибнуть должен ты!

Роберт
(задумчиво)
Как пес?! Ужасно это слово.

---

¹ Проклятье! (англ.).— Ред.

Барон

Другого ничего не жди.

(Слугам)

Ну, всё ли там у вас готово?

Роберт

Как сердце сжалось в груди.

(Поет)

Итак, во цвете лет и силы
Погибнуть, бедный, должен я!
Простите все, кто сердцу милы!
Прости, прости, любовь моя!

Барон и слуги

(аккомпанируя)

Смерть ему! смерть ему!

Роберт

Постойте! Я скажу два слова.
Барон! погубишь ты меня,
Но я к тебе вернусь снова,
Вернусь я через три дня.

Барон и слуги

Смерть ему! смерть ему!

(Кидаются на него. Роберт падает.)

Роберт

Я гибну! Тьма покрыла очи!
Прощай, барон, до третьей ночи!

Барон

Возьмите тело, бросьте в ров.

Роберта уносят.

Барон

(потирая руки)

Доволен я и петъ готов.

(Поет)

Клотильда
(вбегает)

Что здесь за шум?

(Увидев барона)

Ах!

Барон
(в сторону)

Удивленье!

Клотильда

Вы здесь?! Я думала...

Барон

Я здесь.

Клотильда

Но ваш поход?

Барон

Я болен весь

И ощущаю утомленье;
Поход на время отложил.

Клотильда

Что слышу?! Боже!

(Шатается.)

Барон

Что вы? что вы?

Как будто бы лишились сил
И в обморок упасть готовы?!

Клотильда

Я... нет... но радость видеть вас...

(В сторону)

Что будет с ним?! О Роберт!.. Боже!..

Барон

(смотря на часы)

Теперь, однако, поздний час.
Устал я. Вы устали тоже.
Пойдемте спать.

(В сторону)

Змея! иди!

Клотильда

(уходя, тоже в сторону)

Ах! Что-то будет впереди?!

Уходят.

Картина II

Клотильда

(сидит одна, задумавшись)

Уж третьи сутки я в смущеньи:
Где Роберт? Что случилось с ним?
Неужто старый пилигрим
Забыл исполнить порученье?!
И муж не в духе: целый день
Он всё молчит и, словно тень,
Следит за мною неустанно.
Всё это крайне, крайне странно.

Сторож

(поет за сценой¹)

Я держу ночной дозор,
Караулю дом и двор
И смотрю через забор,
Чтоб сюда не прыгнул вор.

(Бьет в доску.)

---

¹ Мотив оригинальный.

Клотильда

Я слышу, сторож напевает,
И жутко мне: он песнью той
Мне грусть на сердце навевает.
Уйду отсюда в свой покой.

(Встает.)

Перед ней появляется привидение Роберта.

Кого я вижу? Роберт! ты ли?
О милый друг, скорей беги,
Пока тебя здесь не открыли!
Беги, вокруг тебя враги!

Роберт смотрит на нее грустно.

Но что с тобой? В ответ ни слова!
Ты бледен,

(Дотрагиваясь)

холоден как лед!
О милый друг, мой муж придет!
Он был уж здесь и будет снова!

Роберт горько улыбается.

О Роберт, слышишь: в замке он,
Он, он, пойми меня: барон!

Роберт

(поет¹)

Что живых трепетать заставляет,
То не страшно, мой друг, мертвецам:
И барона и всех презирает
Прежний рыцарь Роберт Эшлингам.
Час урочный настал для отмщенья.
Крови жаждет пролитая кровь.
Тщетны слезы, проклятья, моленья,
Тщетна ненависть, тщетна любовь!

(Скрывается.)

---

¹ Мотив: «Помолись, милый друг, за меня!»

Клотильда

(долго смотрит в изумлении)

Как головы себе я ни ломаю,
Что это значит, я не понимаю.

Барон

(входит, бормоча)

Сегодня, да, сегодня в ночь
С тобой, Клотильда, кончить надо.

(Увидя ее)

А! вот она, исчадь ада!

Клотильда

(в сторону)

Вот он; уйду отсюда прочь.

Барон

(ей)

Что за поспешность?

Клотильда

Я хотела...

Барон

Я вас прошу побыть со мной:
Когда свободен я от дела,
Люблю я поболтать с женой.

Клотильда

Я очень рада.

Барон

Неужели?

Я, право, удивляюсь вам.
Как? вам еще не надоели
Ни этот замок, ни я сам?

Клотильда

Что за вопросы?

(В сторону)

Вот мученье!

Барон

Неужто вам, во цвете лет,
Со мной не скучно?

Клотильда

Мне? О нет!

Барон

Ну, вы из женщин исключенье.

(Садится.)

А я так думал...

Клотильда

Верьте мне...

Барон

(иронически)

Я верю, верю вам вполне.
Ах, кстати: слышал я недавно
Один премиленький рассказ.
Не знаю, расскажу ль забавно,
Но рассмешить он должен вас.

(Садится.)

В одной стране (не здесь, понятно!)
Почтенный, старый рыцарь жил.
Он был женат, но не был мил

(Указывая на нее пальцем)

Жене. Не правда ли, занято?

Клотильда

Занято, да... конечно... но...

Барон

«Но» — что? Вам это не смешно?
Как странно! Ну-с, его супруга
Была прекрасна, молода

И принимала иногда
Любовника в часы досуга.

Клотильда
Любовника!!

Барон
Смушает вас,
Как видно, очень это слово:
Оно для вас, быть может, ново?

(Смотрит на нее саркастически. Клотильда смущается.)

Я продолжаю свой рассказ.
Итак, они видались тайно
И были счастливы вдвоем,
И как-то раз, совсем случайно,
Супруг проведаль обо всем.

Движение со стороны Клотильды.
Взбеситься он имел причину.
Но гнев на время затаил
И преспокойно объявил,
Что уезжает в Палестину.

Клотильда
(в сторону)
О, боже!

Барон
Вот, уехал он.
Меж тем прелестная супруга
О том уведомила друга.

Клотильда
Что говорите вы, барон!

Барон
Я говорю: меж тем супруга
О том уведомила друга.

Клотильда
(дрожа)
Что слышу!

Б а р о н

Что смутило вас?
Вы побледнели, вы дрожите!
Уж не больны ли вы, скажите.

К л о т и л ь д а

Он знает всё! О, ужас!

Б а р о н

(грозно)

Да-с!!!

Пауза.

Итак, вот верности обеты!
Вот клятвы ваши предо мной!
О, где ты, честь моя? о, где ты?
Моей же попорана женой!
Прочь с глаз моих!

Клотильда хочет уйти.

Стоять на месте!

Я покажу тебе, змея!
О зверь без сердца и без чести!
Я покажу тебе, кто я!

(Закалывает ее кинжалом.)

Из-за труп Клотильды поднимается Роберт. Барон в ужасе отскакивает.

Б а р о н

Что вижу?! Так, я вижу ясно!
И то не бред, и то не сон!
Нет, нет! Я вижу — это он!
Сомнение было бы напрасно.
Я узнаю твой бледный лик!
Я узнаю твой взор печальный!
И вспомнил твой обет прощальный,
И ужас в сердце мне проник.
Зачем ты здесь, о призрак ночи?
Чего ты хочешь от меня?

Зачем в меня вперяешь очи,
Молчанье страшное храня?
Скажи, ответь мне, говори же!
Но ты молчишь? Быть может, ты
Созданье ложное мечты?
Но он идет, подходит ближе!
Прочь! Прочь!.. Назад!.. Сокройся
вновь!..

Взываю к аду я и раю,
Уйди!.. Он ближе!.. Стынет кровь!..
Мутится разум!.. Умираю!!!

Роберт простирает руку, барон падает мертвым.

Роберт

(поет, обращаясь к зрителям¹)

Кому-нибудь, пожалуй, жаль,
Что мы погибли поголовно,
Но он уймет свою печаль,
Когда рассудит хладнокровно:
В грехе отрады нет для нас,
И грех — начало лишь страданья.
Для всех придет возмездья час.
Узнайте ж это! До свиданья!

(Несмотря на это рассуждение, автор, из опасения, чтобы у зрителей не слишком расстроились нервы, решил написать следующий вариант):

Барон только замахивается на Клотильду ножом, но не успевает ее заколоть, потому что между ними появляется Роберт. Затем Барон произносит свой монолог, в конце которого Роберт дотрагивается до его руки и оставляет на ней кровавое пятно. Барон падает в обморок.

Роберт

(Клотильде, которая стоит в оцепенении)

Природа требует от нас
За каждый грех наш искупленья.

---

¹ Мотив: «Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Скорей покаяйся в этот час,
Иначе нет тебе спасенья!
За преступления творец
Не радость нам сулил — страданья.
Узнай, Клотильда, я — мертвец!
Узнай же это. До свиданья.

*(Протягивает ей руку. Клотильда машинально по-
дает свою; на ней также остается кровавое пятно,
Роберт исчезает.)*

Б а р о н
*(приподнимаясь, долго молчит и думает.
Клотильде)*

Что скажешь ты?!

К л о т и л ь д а
(рассматривая руку)

Не знаю, право!
От страха мой смутился ум,
В ушах какой-то странный шум,
И я судить не в силах здраво.

Б а р о н .
(смотря также на руку, задумчиво)
Я вижу в этом свыше знак
И жизнь окончу в покаяньи,
Слезам, молитвам, воздержаньи.

К л о т и л ь д а
И я, и я! Пусть будет так!
Стук в двери.

Б а р о н
Стучится кто-то сильно в двери.

Г о л о с
Пустите нас, коль вы не звери.

Хор за сценой¹

Отворить мы просим вас
И приют хотя на час
Дать из жалости (bis).
Коль не впустите вы нас,
То погибнем мы как раз
От усталости (bis).

Барон отворяет; входит толпа странствующих монахов.

Барон

Прошу, скажите, господа,
Кто вы такие, и откуда,
И для чего пришли сюда.

1-й монах

Что мы пришли, в том нету чуда:
Блуждаем мы из края в край
Без всяких планов и без цели,
И вот теперь уж три недели,
Как мы не пили и не ели
И сильно отощали — знай!

2-й монах

Мы сиры, мы без крова, нищи;
Так дайте ж нам немного пищи.

Барон

Судя по виду, ты монах?

Монах

Монахи все без исключенья.

Барон

О! дивный промысл Провиденья!
Святой отец! в твоих глазах
Стоят убийцы!

---

¹ Мотив оригинальный.

М о н а х

Это скверно!

(Пятится назад.)

Б а р о н

Но не пугайся чрезмерно:
Желаем мы, чтоб нам был дан
Теперь же иноческий сан.

М о н а х

О! если так,— другое дело.
Идите же отсюда прочь,
Скорей — в монастыри! и смело
Молитесь там и день и ночь.

Б а р о н

(Клотильде)

Итак, покинем мир греховный!
Прощай же, бывшая жена!
Последний поцелуй любовный
Мне дай без промедленья.

К л о т и л ь д а

На!

(Целует его в лоб, он ей руку.)

Х о р м о н а х о в

Отреклись вы от всего
И теперь уж никого
    Не обидите (bis).
Знайτε, в рай для вас теперь
Не закрыта больше дверь!
    Вот увидите! (bis)

З а н а в е с

Конец 1880-х годов <В. Е. Гиацингов>

ПРИНЦЕССА АФРИКАНСКАЯ
ОБРАЗЦОВОЕ ЛИБРЕТТО ДЛЯ ОПЕРЫ¹
(Посвящается Робертсу и Чемберлену)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Строфокамил IV, король эфиопский.
Вампука, африканская принцесса.
Меринос, бескорыстный покровитель Вампуки.
Лодырэ, молодой человек с перьями где нужно.
Паж.
Главный жрец.
Велим, палач Юго-восточной Эфиопии.
Эфиопы, знаменосцы, жрецы, народ, войско и солдаты, дожи, рыбаки, сенаторы, миннезингеры, мажордомы, пажи и прочие придворные обоего пола.

Действие первое

Декорация изображает цветущую песчаную пустыню с необъятным горизонтом.

Хор эфиопов

Мы э... мы э... мы эфиопы,
Мы про... мы про... противники Европы...

Прекрасную Вампуку
Нам велено словить —
Наш повелитель руку
Ей хочет предложить!..

Мы в Аф... мы в Аф... мы в Африке живем,
И Вам... и Вам... Вампуку мы найдем!

(Удаляются.)

Входят Вампука и Меринос.

Меринос

О прекрасная Вампука! Здесь
Похоронен прах твоего несчастного
Отца. Он сражался с эфиопами.

---

¹ В настоящем либретто соблюдены все условия так называемой сценичности, ввиду чего оно в высшей степени пригодно и для драматического представления, а также может быть переделано каким-нибудь «рысокопоставленным» любителем или новейшим талантом в повесть, роман и т. д.

В а м п у к а

(плачет)

Я плачу о зарытом
В песках здесь мертвец,
Я плачу об убитом
Безвременно отце! . .

М е р и н о с

О, плачь, Вампука, плачь,—
Судьба тебе палач!

В а м п у к а

Текут обильно слезы,
Туманят нежный взор,
Ах, тернии — не розы
Я знала до сих пор.

М е р и н о с

О, плачь, Вампука, плачь! —
Судьба тебе палач!

В а м п у к а

Мне они, увы, немилы,
Утехи не найду,
Лишусь последней силы
И в обморок паду!

(Падает без чувств.)

М е р и н о с

Упала в обморок! О вихрь свободный!
Покровом туч, дождями отягченных,
Спешి одеть от края и до края
Над нами небо — пусть прольется ливень,
Вторым потопом суше угрожая,
Пусть неприступных, девственных вершин
Снега и льды, растая, обратятся
В потоки шумные; пусть море, реки
И самый океан из берегов
Повыступят, к нам в степи устремятся,
Чтоб дать хоть каплю влаги для Вампуки!

Пауза.

Безмолвен вихрь. Торжественным покоем
Объяты гор вершины снеговые,
И океан по-прежнему о берег
Лениво плещет сонною волной,
Но знаю я — отсель в пяти минутах
Ходьбы родник. Его воды студеной
Я принесу. На крыльях урагана
Помчусь за ней, скорее быстроногой
И дикой лани,— лучших скакунов
Я обгоню в том беге быстролетном.
О, как я побегу! Сам Ахиллес
Останется за мной, как черепаха,
И молнии быстрее я понесусь,
И молния, завидуя, отстанет!..

*(Долго еще поет, как он быстро побежит, потом
смотрит на Вампуку, трясет головой и медленно уходит.)*

Л о д ы р э
(вбегает)

Что вижу я? — Вампука
Лежит в степи одна,
Но честь моя порука —
Оправится она!

(Целует ее.)

В а м п у к а
(вскакивает)

Это ты, Лодырэ?

Л о д ы р э
Это я, Лодырэ!

В а м п у к а
Ах, лишенная сил,
Я страдала, любя...

Л о д ы р э
Поцелуй воскресил,
Моя прелесть, тебя...
На них начинается светить луна.

Вместе

Как отрадно любить
И счастливыми быть,
Вот нам светит луна,—
Как прелестна она!

Лодыря

Чу! Слышите ли, Вампука, как
Будто бы шаги по степи раздаются...

Вампука

То эфиопы посланы за мною —
Вот они бегут.

Садятся поспешно на камень, начинают петь.

<Вместе>

За нами погоня,
Бежим, спешим,
Погоня за нами,
Ужасная погоня.
Бежим от них скорее,
Чтобы не могли поймать.
За нами погоня,
Бежим, спешим,
Спешим, бежим,
За нами погоня...
Спе-пе-шим,
Бежим!..

(Удаляются.)

Эфиопы

(вбегая, кидаются к рампе и начинают топтаться на месте)

Вот они убегают от нас!
Спешите за ними скорее,
Ах, как они убегают!..
Так скорее в погоню за ними,
В погоню за ними скорее,
За ними скорее в погоню...
Часы бегут, не теряйте минуты,
Бежим, чтобы настигнуть их!

Занавес

Действие второе

Та же декорация. В пустыне поставлены два тронных кресла.

Эфиопы

Строфокамил
Нам очень мил.
Мы ему служим
И не тужим.

Да здоровствует Строфокамил!

Появляется Строфокамил, ведя за руку Вампуку. Они обходят эфиопов. Поклоны.

Вампука

Ах, прежде, в влеченьях вольна,
Одного Лодырэ лишь любила,
А ныне любить я должна
Ненавидного Строфокамила.

Ненавижу его,
Мучителя моего.
Покорил он страну,
Чтоб держать меня в плену!

Строфокамил

Как люблю я ее,
Солнце жизни мое —
О Вампука прекрасная,
Любовь моя несчастная!..

Все уходят. Выходит паж.

Паж

(поет, сам себе аккомпанируя на флейте)

Ах, скажите вы ей,
Цветы — вы мой-и,
Вас о том я молю-у,
Что ее я люблю-у...
Она же внимания
На все мои страдания
Не обращает,
Как будто не знает,
Что ее я люблю-у.

(Поспешно удаляется.)

Строфокамил, Вампука, свита и эфиопы выходят.

Строфокамил

Итак, продолжим наши игры. Зовите танцоров, певцов. Пусть они споют и протанцуют.

Садится с Вампукой на тронные кресла. Являются танцоры.
Пляска.

Хор

Вот танцуют они,
Ах, до истощения сил.
Да здравствует Строфокамил
На многие дни!..

Танцоры, окончив пляску, убегают. Выходят эфиопские миннезингеры. Среди них переодетый Лодырэ с гусями.

Лодырэ

(Садится на вросший в землю березовый пень, который приносят ему из-за кулис)

Я певец от мира,
От мира грез,
Просит моя лира,
Просит слез...
Ах, любовь святая...
Моя, о любовь,
Вместо счастья рая —
Ад и кровь!

Строфокамил

Я узнал тебя. Ты мой враг заклятый, Лодырэ!

(Встает.)

Вампука и Лодырэ

*(становятся по сторонам суфлерской будки.
Строфокамил между ними. Поют)*

О, ужас! мы открыты,
И узнан Лодырэ
Среди враждебной свиты,
При вражеском дворе.

Строфокамил

Что они говорят,
О чем шепчут они?

Вампука, Лодырэ
Но пусть он угрожает
Нам страшным палачом —
Палач нас повенчает,
И вместе мы умрем!..

Строфокамил
Что они говорят,
О чем шепчут они?

Вампука, Лодырэ
О, боже! Что за мука,
Вижу — кровь на топоре,
О Лодырэ, Вампука,
Вампука, Лодырэ!

Строфокамил
Что они говорят,
О чем шепчут они?

Жрец

(подходит из глубины сцены)

Я подслушал их. Изменника вели казнить, казнить
проворно!..

Строфокамил
Велим!

Палач Велим
Я здесь, о государь!..

Строфокамил
Ты легок на помине. Казнить сейчас мне Лодырэ.

Велим
(весело)

Гей, плаху!

Пажи вносят плаху.

Вампука
Лодырэ, за меня
Ты умрешь в цвете лет,

И топор палача
Обагрит твой колет.

Л о д ы р э

Пусть топор палача
Обагрит мой колет,
Рад твой друг за тебя
Умереть в цвете лет!..

М е р и н о с

(неожиданно появляется)

Зачем здесь говорить о смерти?
Поверьте

мне лично,

Что младости не смерть прилична,
А радость:

Лишь к ней способна младость!

С т р о ф о к а м и л

Кто ты, одетый папуасом,
Что наш покой посмел нарушить басом?..

Меринос снимает с себя голый костюм и является в европейском
платье.

Э ф и о п ы

То европеец!..

М е р и н о с

Да, европеец я и вас завоевал!

Э ф и о п ы

Он нас завоевал!..

С т р о ф о к а м и л

Благодарю — не ожидал!..

Меринос велит казнить Строфокамила и венчает Лодырэ
с Вампукой.

З а н а в е с

<1900>

*Анчар Манценилов
<М. Н. Волконский>*

<ТРИ ПАРОДИИ>

1

Горизонты вертикальные
В шоколатных небесах,
Как мечты полужеркальные
В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый Пегас.

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши — в вянущих ушах.

2

Над зеленым холмом,
Над холмом зеленым,
Нам влюбленным вдвоем,
Нам вдвоем влюбленным
Светит в полдень звезда,
Она в полдень светит,
Хоть никто никогда
Той звезды не заметит.
Но волнистый туман,
Но туман волнистый,
Из лучистых он стран,
Из страны лучистой,
Он скользит между туч,
Над сухой волною,
Неподвижно летуч
И с двойной луною.

На небесах горят паникадила,
 А снизу — тьма.
 Ходила ты к нему иль не ходила?
 Скажи сама!
 Но не дразни гиену подозренья,
 Мышей тоски!
 Не то, смотри, как леопарды мщенья
 Острят клыки!
 И не зови сову благоразумья
 Ты в эту ночь!
 Ослы терпенья и слоны раздумья
 Бежали прочь.
 Своей судьбы родила крокодила
 Ты здесь сама.
 Пусть в небесах горят паникадила,
 В могиле — тьма.

<1895>

Вл. С.
 <В. С. Соловьев>

БИОГРАФИЯ ДЕКАДЕНТА

Морщил клювом, двигал веком,
 Был он, был он человеком!

Г. Чулков

Он родился, не рождаясь,
 Насыщался, не питаясь,
 Кушал ухом, слушал брюхом
 И гордился острым слухом.

Всё в нем было необычно,
 Декадентски фантастично,
 Точно вечер — спозаранку
 Или разум — наизнанку.

Думать он умел — ноздрями,
 Обонял всегда — глазами,
 Различал цвета — печенкой,
 Изъяснялся — селезенкой!

Умудрялся он — незнанием,
Наслаждался лишь страданием,
Тишина ему гремела,
Темнота пред ним блестела.

Светской жизнью жил в пустыне,
Груши рвал он на осине,
И, влюбившись в бегемота,
Убежал за ним в болота.

Там жилось ему несладко,
Сапоги варил он всмятку,
«Расставаясь, оставался»,
С дядькой в Киеве встречался.

Гиппиус он звал — папашей,
Мережковского — мамашей,
Бабушкой считал Бальмонта,
Род свой вел от мастодонта.

Раз, не целясь, промахнулся,
Лежа, как-то спотыкнулся,
На воде, под лопухами,
Забеременел стихами.

«На деревьях — древеницы»,
А в стихах всё — небылицы,
Но в восторге — всё болото:
Смыслу нет... Зато есть что-то!

1906 или 1907   В. Г. Короленко

АНКЕТА О ВОЙНЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

К. Бальмонт

Хочу быть смелым... хочу быть храбрым...
Я Дарданеллы измерю вплавь...
Я у турчанок заметил жабры,

Увижу снова, увижу въявь...
Хочу я зная кровавой фески,
Я буду в «Вене» писать приказ,
Я на Босфоре увижу всплески,
Пускай в гаремы плывет баркас.
Пускай пылают дворцы султана,
В гарема двери уже стучу,
Я буду смелым... я не устану...
Пусть будут крики... я так хочу...

С. Городецкий

Яры, яры, янычары,
Дикие лики, крики мулл.
Муэдзинов яры чары,
Навьи чары, новый гул.
Турки юрки с ятаганом,
Я в шаманы пригожусь,
Странный пьяный, за курганом
Муэдзином закружусь.
Ах, как близки одалиски,
Белы зубы, бела грудь.
Под сырой землею, близкий
Проложу к Фатиме путь.
Познакомься-ка с Ярилой,
Ярью руки политы...
Отойди, Осман постылый,
Ты ли это, я ли ты?

В. Г. Тан

Грознее слухи всё. Пылает даль пожаров.
К России близится чалма.
Пускай к Босфору с гневным жаром
Несется гордая корма.
Нет!.. Больше ждать нельзя... Пусть будет
канонада.

Пускай огнем заблещет сталь!
Я кину рифмой, если надо...
Дрожи, коварный Эренталы!..

А. Блок

Вдали, над Турцией таинственной,
Где будут слезы, будет плач,
Повешу символ я единственный,
Блестящий булочный калач.
Увижу ль я на старом цоколе
Виденье девы наяву.
Пойду бродить в Константинополе,
Куплю за гривенник халву...
В Ее лице горят излучины...
Я на Босфоре... Весел всплеск...
В ночной тиши скрипят уключины,
Расстрел шпиона... Дымный треск.
Зачем казнить?.. Пускай постылые
Забудет он свои грехи!
Шпиону вытяну все жилы я,
Читая вслух свои стихи.

В. Брюсов

Я вижу камни. Вижу город.
Здесь были клики медных труб.
Смотри, штыком один распорот.
Смотри на бледность мертвых губ.
Я мрамор. Холодность поэта
Тебя венчает, Тирсофор.
Потомок гордый Магомета,
Властитель царственный Босфор.
Мечети в облаках тумана.
Вдали сражение гремит,
Бегите, пленницы Османа,
Пролив закрыт, Абдул Гамид.

И. Бунин

Как четки тополи в Константинополе!
Над старой мечетью дрожит луна.
Патрули дальние ногами топали,
Заснули тополи. Блестит волна.
Аллеи дальние. Дворцы хрустальные.
Над светлой заводью холодный штык.

(Стихи ажурные, стихи печальные,
Ко всяким случаям писать привык.)

Ив. Рукавишников

Не хочу я идти на войну!
Нет! ..
Я, как поэт,
Я, как поэт изнывающий,
Тайной глубокой страдающий,
В башне ступени считающий,
Льготу тяну...
Ну? ..
Что мне война? ..
На! ..
Ты погибаешь, турецкий паяц.
Бац! ..
День вчерашний
О башне,
О прошедших годах
Я писал в альманах...
Трах! ..

<1908>

Сергей Горный

⟨ СТИХОТВОРЕНИЯ СМЕРТЯШКИНА ⟩

1

Бьют тебя по шее или в лоб,—
Всё равно, ты ляжешь в темный гроб...
Честный человек ты иль прохвост,—
Всё-таки отташат на погост...
Правду ли ты скажешь, иль соврешь,—
Это всё едино: ты умрешь!

2

В жизни мы — как будто на вокзале,
Пред отъездом в темный мир загробный —
Чем мы меньше чемоданов взяли,
Тем для нас и легче, и удобней!
Будем жить бессмысленно и просто.
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!
Служит Смерть для жизни машинистом.

3

Маленькая девочка ходит среди сада,
Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
Ведь они такие же хорошие, как ты!
Маленькая девочка! Черная, немая,
За тобою следом тихо смерть идет,
Ты к земле наклонишься,— косу поднимая,
Смерть оскалит зубы и смеется, ждет...
Маленькая девочка! Смерть и ты — как сестры,
Ты ненужно губишь яркие цветы,
А она косою острой, вечно острой,
Убивает деток, вот таких, как ты.

Б. М. Ф О Ф А Н О В

(1862—1911)

---

* * *

Птичка ходит петь на ветку,
А мужик в овин.
Так позвольте вас поздравить
Со днем ваших именин.
Жил на свете чижик серый,
Пел «Матаню», ел и спал.
Но поел раз свыше меры
И холодным трупом стал.
Так и мы. Сегодня живы,
Нынче пишша, жизнь и свет,
А назавтра пишут «Нивы»
Некрологи и портрет.
Так и чижик... Нынче пел он,
Завтра умер... Так и мы...
Так уж свет нелепо сделан,
Чтоб сменяться мраком тьмы.
Так и чижик...

<1910>

Евгений Венский

Д. М. РАТГАУЗ

(1868—1937)

---

* * *

Без четверти в семь я ее полюбил,
А в семь, под мелодию вёсел,
В гондоле я с нею реку бороздил
И в семь с половиною бросил.

Без четверти в восемь другую узнал,
И в восемь мы были в гондоле.
Я тут же стихи ей о том написал,
Что я не люблю ее боле.

А в девять я письма застал на столе,—
Упреки рабынь недовольных...
Как мало, однако, мужчин на земле
И женщин как много гондольных!

<1907>

Авель
<Л. М. Василевский>

Сабли, шпаги и кинжала —
    Не нашел
    (Вечно гол).
Мексиканка убежала
В озаренный тихий дол
И, подобная лианам,
Выгибала красный стан,
Как над девственным туманом —
    Вечно странным
    И желанным,
    Зыбким,
    Липким —
Красной кровью окропленный караван.
    Пал туман.—
Я же вмиг, подобен трупу,
Прибыл утром в Гваделупу
    И почил
    В сладкой дреме,
    И в истоме,
    В старом доме,
    На соломе
Набираясь новых сил.
И во сне меня фламинго
    В Сан-Доминго
    Пригласил.

1905

А. А. Блок

* * *

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадрид,
О белая Леда! Твой блеск и победа
    Различным сияньем горит...
К. Бальмонт. «Испанский цветок».

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! —
Не лань я, не вепрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рок!
В перила вперила свой взор Неонила,
Мандрилла же рыла песок... .

<1907>

А. А. Измайлов

* * *

Всё равно мне, человек плох или хорош,
Всё равно мне, говорит правду или ложь.
Только б вольно он всегда *да* сказал на *да*,
Только б он, как вольный свет, *нет*
сказал на *нет*.
Если в небе свет погас, значит — поздний час,
Значит — в первый мы с тобой и в последний раз.
Если в небе света нет, значит — умер свет.
Значит — ночь бежит, бежит, заматая след.
Если ключ поет всегда: «Да-да, да-да-да» —
Значит — в нем молчанья нет больше никогда.
Будем солнцем, будем тьмой, будем и
судьбой.
Будем счастливы с тобой, в бездне
голубой.
К. Бальмонт

Всё равно мне, человек плох или хорош,
Всё равно мне, он похож на слона иль вошь.
Всё равно, он — генерал или же швейцар.
Только б, только б выдавал мне мой гонорар.
Если в небе свет погас, сядем в тарантас,
И помчит, помчит он нас прямо на Парнас.

Если молчалив поэт, значит — денег нет,
Значит — уж давно, давно их простыл и след.
Если пролетит Бальмонт через Геллеспонт,
Значит — красною зарей вспыхнет горизонт,
Если ж встретим мы с тобой петушиный бой,
Затрубим тогда трубой: «Караул, разбой!»

<1908>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

«ЗОВЫ ДРЕВНОСТИ» БАЛЬМОНТА В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Египет

Хепера, Геру — Кхути. Нёт,
Маати, Ману, Горус, Тот,
Изида, Ра, Сэхэм, Маат,
Аменти, Баст, Таши, Гекат,
Нэбээни, Гэт-ка-Пта, Мемфис,
Апеп, Сутен-Хенен, Саис,
Хемеппу, Татту, Кенэмет,
Рэстау, Тэбти и Чефет.

Мексика

Коуатепек, Аматлан,
Тлалок, Маис, Ксочикветцаль,
Кветцалькокскостли, Тлаксотлан,
Оайя, Тилили, Кветцаль,
Тецкатцопко, Тамоанган,
Ксочипили, Кветцалькоатль,
Коатликуэ, Пипитлан,
Айль, Тцоммолько, Микекоатль.

Перу. Халдея

Оллянтай, Конирайя, Алал,
Тэлал, Туйя, Нинкгал,
Ниндара, Ковиллака, Гигим,
Сугус, Эа, Маским.

Ассирия

Асура, Самаш, Либи, Сурру,
Абуку, Ассурназирпал,
Аруби, Аруни, Аруру,
Саргон и Нэбукаднэрцар.

Индия. Иран

Барана, Агни, Анграмайни,
Агурамазда, Митра, Брама,
Корэто-Дасу, Уса, Вайю,
Найрио-Сангху, Дрог и Яма.

1908

Фрицхен
<Ф. Ф. Благоев>

* * *

Солнце пахнет? Это вздор!
Нет, не вздор!
Солнце пахнет травами...

Бальмонт пахнет? — Это вздор.
Нет, не вздор!

Бальмонт пахнет хлороформом,
Бальмонт пахнет йодоформом,
Бальмонт пахнет беленой,
Пахнет Бальмонт беленой!

1908 (?)

А. Куприн

* * *

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года!..

Я буду ждать тебя мучительно,
Как ждет русалку злая тина,
Но лишь для рифмы исключительно —
Я говорю, что я мужчина.

Собака я, когда с собакою,
Со снегом снег, со зноем зной,
Я Титикака с Титикакою,
Но я не муж, когда с женой.

Гляжу с томительным страданием
В манящий страстностью альков
И размножаюсь почкованием
Под звон седых колоколов.

1908 (?)

Иван Рукав-ов

В «ЗООЛОГИИ»

Тюлень. Пингвин. Глупыш.
Снега. Мерцанье. Тишь.
Иши. Хоть целый день.
Глупыш. Пингвин. Тюлень.
Пройди. Весь снег до льдин.
Тюлень. Глупыш. Пингвин.

Верблюд. Газель. Слоны.
Мужик. На нем штаны.
Слоны. Газель. Верблюд.
Веранда. Запах блюд.
Верблюд. Слоны. Газель.
Мужчина. С ним мамзель.
Газель. Верблюд. Слоны.
Сидят. Едят. Блины.

<1913>

Человек-бес
<Ф. Ф. Благов>

В. Я. Б Р Ю С О В

(1873—1924)

НА СЕБЯ

Я — фараон. Я жил на свете.
В Египте занимал я трон.
Тому уж двадцать пять столетий,
Как умер я. Я — фараон.

1900-е годы

В. Я. Брюсов

ШКОЛА БРЮСОВА

Мне давит шею узкий ворот,
И жгут удары каблуков...
Я твой поэт, кошмарный город,
И рву сплетения оков:

Я без сапог, в косоворотке
Уйду по гладкому шоссе...
Смотри, смотри — кусок селедки
Пристал к девической косе!..

Мы святость женщины забыли,
Шарами блещет магазин.
Гудя, снуют автомобили,
И страшен запах твой, бензин!..

Один, в мантилье, на кладбище
Я замолю свои грехи...
Смотри, смотри — с клюкою нищий
(Подам ему свои стихи).

Смотри, как четко в небе галка...
Смотри, пятно на сюртуке.
Смотрите, кисть у катафалка
И бледный волос на щеке.

Ты влил в отравленные вены,
Коварный город, жуткий яд.
...И с той поры под сводом «Вены»
Всю ночь избранники сидят.

<1908>

Сергей Горный

* * *

...Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр...

«Венок»

Дрожи, бесславный Иловайский,
Чеканной песней побежден.
Малайский — рифма для Бискайский.
Поэт идет дорогой райской
В леса исчезнувших времен.

Я в кликах Римского разгула.
Мне близок твой, Петроний, бред.
На что мне Тула?.. Марий, Сулла?
Я друг эдильного курула,
О Ганимед!.. О Архимед!

Зачем раскрыл, читатель, взор ты
И смотришь дико, поражен?
Мои стихи — мои когорты,
И долго будешь тирсофор ты,
Пока не явится Харон.

Мне близки Фивские равнины,
До самых нежных дальних фибр.
Мои прадеды — Антонины,
Друзья — Теоны и Эсины,
И вместо Волги блещет Тибр.

В Понтиде сослан был Овидий.
Под всплески весел у трирем
Мою статую делал Фидий!..
Пишу на память об Эвклиде
В стихах собранье теорем.

Я вижу каменные лики.
Копьем блестит легионер
И плачет стих об Андронике,
К тебе иду, Катон Великий,
Сульпиций Гракхович Север!..

<1908>   *Сергей Горный*

ОСЕНЬ

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями.

В. Брюсов

Всеми красками переливающаяся рябь...
Ты восторг свой, осень, весну затмевающая, ослабь!
Где же гномы, воду заковывающие?
Где же духи, саван подхватывающие,
Белоснежной пряжей землю обматывающие?
Хладом зноя жутче пронизываемая,
Облекись скорее же в белые ризы, хвоя моя!

(Можно и дальше)

<1914>

В. Пяст

А Н Д Р Е Й Б Е Л Ы Й

(1880—1934)

---

* * *

Вижу на западе волны я
Облачно-грозных твердынь.
Вижу — сапфирная молния
Блещет над далью пустынь.

Грохот небесного молота...
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
В небе опять разлилось.

Вижу на западе вспышки я
Облачно-грозных твердынь.
Кушаю теплые пышки я
С нежным вареньем из дынь.

Грохот небесного молота...
Дай-ка стихи построчу...
Всё уж давно перемолото...
Как я строфу сколочу?..

Плачу над новой симфонией...
Море воды разлилось...
Кто-то грозит мне с иронией...
Кто там: олень или лось?..

<1908>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

* * *

Рой отблесков. Утро. Опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре
Кресты колоколен. Я болен? О нет — я не болен.
Воздетые руки горе на одре — в серебре.
Там в пурпуре зори, там бури — и в пурпуре
бури.
Внемлите, ловите: воскрес я,— глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает — золотой в золотые
лазури. . .
Поймали, свалили; на лоб положили компресс.

А. Белый. «Пепел»

Час утра. Больница. Не спится. Скрипит половица.
И фельдшер храпит, и петух прокричал на дворе.
Внемлю колокольному звону? Не выпить ли порцию
бромур?
В окошке извозчик вожжу расправляет на сером одре.
Во мне столько дури, как в утреннем небе лазури.
Внемлите: я сам Фердинанд! Это я посылаю грозу! . .
Лишь сторож Порфирий меня кулаком умирят, как
гирей,
И вновь в сумасшедшей рубахе лежу я и тряпку грызу. . .

1909

А. А. Измайлов

* * *

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.
Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.
Костью крепок, сердцем
прост —
Обходили мы погост.
Поминал со смехом он
День веселых похорон:
Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп,
Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.
«Со святыми упокой!»
Придавили нас доской.
Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

А. Белый. «Пепел»

Тили-тили-тили-бом,
Загорелся кошкин дом.

Ах, не месяц! — целый год
Будет плакать рыжий кот.
Насандалил повар нос,
Дремлет в юрте эскимос.
В монопольке торгу нет,—
Для поэта всё сюжет:
Келья, зори и кабак,
С дыркой старый четвертак,
Запах жареных котлет,
Генеральский эполет,
Новобранца узкий лоб,
Гроб на дрогах, рядом поп,
Бриллиант или берилл,
Павиан или мандрил,
Мрак и правда, свет и ложь,
Пара стоптанных калош,
Сколопендры острый нос
И довременный Хаос,
И Гоморра и Содом —
Тили-тили-тили-бом.

1909(?)

А. А. Измайлов

А. А. Б Л О К

(1880—1921)

ЖЕРТВА ТРАМВАЯ

Ах, трамвай так мчался, так мчался стремительно.
Вдруг толчки и звоны. . . И жуткий крик.
Кто-то был задавлен. . . И стонал мучительно. . .
И кроваво алел искаженный лик.

Подъехала карета. И тело окровавленное
Положили в карету. Увезли. . . Увезли.
Я ж писал стихи, стихи озаренные.
И она, Незнакомка, снилась вдали.

<1907>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

* * *

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится имя Твое!
Снова красные копыа заката
Протянули ко мне острие.
.....
О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.
Ты — держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

А. Блок

Луна в белом чепчике с узором. . .
Лунный мир мне так привлекателен.
Гляжу на всё растерянным взором,
Размер для меня необязателен.

Ловлю весны поцелуи я.
Мил мне гномик в куртке затертой.
Не спеть ли мне аллилуия,—
Аллилуия на глас четвертый?

В мозгу перья страуса качаются,
Ненавижу серые пушки.
Папа с мамой в баню собираются,
Свистнул карлик на лесной опушке.

Мне мила моя греза Фантаста.
Жду я с белой Девой встречи.
Ах, зачем, ах, зачем я так часто
Перехожу за черту человеческой речи?

Как скучает крендель над булочной,
Как квартального смех раскатист!
Пересыпается солнце в пыли переулочной...
Спою-ка чертенятам акафист.

Чертенятки милые, малые,
Ах, вы лучше целой столицы!..
Серебряю я сны небывалые.
Вскую шаташася, языцы?

<1907>

А. А. Измайлов

* * *

Ты слышишь признания, признания первые?
Коломбина, Пьеро смущенно стоят...
До Чулковской соборности напряг свои нервы я:
Прекрасной Девы увижу взгляд.
Ах, в квадрат потемневшей открытой форточки
Смотрит таинственно неба кусок.
Что будет, если я присяду на корточки?
Ничего не будет.

Александр Блок.

<1907>

Сергей Горный

⟨ ШАГИ КОМАНДОРА ⟩

В спальне свет. Готова ванна,
Ночь, как тетерев, глуха.
Спит, раскинув руки, донна Анна
И под нею прыгает блоха.

Дон-Жуан летит в автомобиле,
На моторе мчится командор,
Трех старух дорогой задавили...
Черный, как сова, отстал мотор...

Настежь дверь — и Дон-Жуан сел в ванну,
Фыркать начал, будто рыжий кот.
Вдруг шаги.— «Поддай мне донну Анну!» —
Командор неистово орет.

Но, дурацким криком не сконфужен,
Дон-Жуан всё фыркает в воде.
«Я ведь к Анне зван тобой на ужин:
Где же донна Анна, где?»

На вопрос жестокий нет ответа.
Фыркает среди ванны Дон-Жуан.
Донна Анна дремлет до рассвета.
Командор стоит как истукан.

⟨1912⟩

В. П. Буренин

И. А. БУНИН

(1870—1953)

<ТРИ ПАРОДИИ>

Изучаю экзотическую поэзию И. А. Бунина. Какой Бедекер пропадает в этом академике! Основными элементами и отличительными признаками его лирики являются: 1) опытное знание географии; 2) точка среди стиха и 3) рифмы, подбираемые к собственным именам и «путешественным» словам, труднейшим жупела и металла. Остальное прилагается к сим лейтмотивам, в зависимости от их течения, по мере надобности, в качестве приварка.

В ТАКОМ РОДЕ:

Прочитан Бунин. Как тяжелый куль,
Причуды-рифмы волоклись и вязли.
Весной поет над розою буль-буль.
В Одессе есть миллионер Маразли.

Велик поэт. Созвучных скрипов царь,
Он важен, как Анобрисова крипта.
Но «Энциклопедический словарь»
Необходим к сим таинствам Египта.

ИЛИ В ТАКОМ:

Луны светло-зеленой острый вырез
Глядится в Нил. Под гнетом пирамид
Пустыне сонной грезится Озирис.
А за морем султан Абдул-Гамид

Под стражею, в крамольных Салониках,
Угрюмо числит старые грехи.
Мерцает Пинд. И Бунина стихи
Текут, журча о воинах Аниках.

КОНЕЧНОЕ ЖЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ :

Ассаргадон свершил свою судьбу.
Скончался Кир, обременен грехами.
Но Вечный Дух создал Ивана Бу...
Да! Бунина, Ивана,— со стихами!

Затеял он, задумчиво-жесток,
Воспеть весь мир, от кондора до крысы.
И чтобы Кира этого в мешок
Убрать — увы! — нет новой Томирисы!

А. Амфитеатров

ПОЛЫНЬ

1

О злак, твоя благая вонь¹
Божеств созернья² сладостная зримость.
Ярь алчет быть. Кругом испепелимость.
О златовержец, выпыхни огонь!
Там хмель священ, где сонмы чернофрачных.³
За сладкий звон стеклограненых стоп⁴
Не емлют зря скорящих мужий топ⁵
В серебре изрытых чисел многозначных.⁶
О дивный злак, сказуемый полынь!
Ты нудишь зной. В тебе канун веселья.
Взбодряешь плоть. Отъемлешь чад похмелья.
Яр осмех твой. Сарынь тебе, сарынь!

2

В черном чаде чар червонных
Кто ярится? Хам ярится!
«Брат мой,— кличет,— в ярь висонных
Тканей жажду облачиться!

---

¹ Благовоние.

² Созернье — собрание зерен, земля.

³ Чернофрачные — лакеи, официанты в трактире.

⁴ За звон рюмок.

⁵ Ускоряющих быстроту движения людей.

⁶ Серебряных монет.

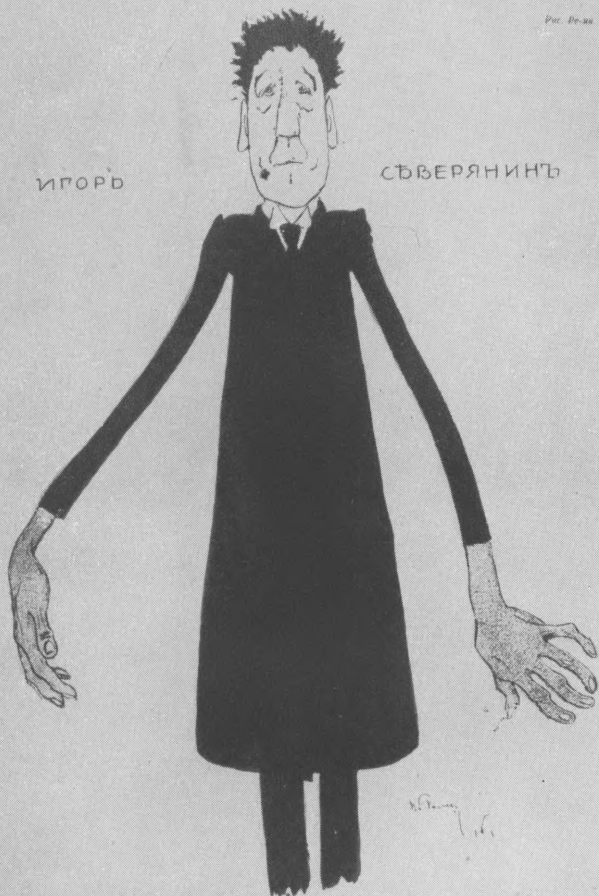
Parikkal

Kareem
Kutty

ИГОРЬ

СЪВЕРЯНИНЪ

ПОЭТЪ СЪ ПЯТЮ НОГ.

Всѣ поэмы съданы (въ исключительныхъ случаяхъ означая, что поемется въслухъ изъ Берлина), но не имеютъ полнотворности въ сравненіи съ поэмой.

Еще не знаютъ. Но „Одесса“ и всю Флориду-лирика читать еще больше.

О немъ говорить не очень хорошо еще. Но не все можно сказать о возмущенъ чужеземцахъ въ которыхъ слышатъ соборъ.

На кому не зритель, народная тирада. Но только поэма, что важно ее и не продолжать.

Его талантъ больше, чѣмъ Пушкина. Но все равно, что въ Россіи мажоръ талантъ больше, чѣмъ талантъ.

Не я ль пел ярый Эрос
И бедр истомны плены?
Лоскута, Феодора,
Не я ль столь песни множу?
Анисья, Нимфодора,
О тень Илиодора,
Сколь праздно вас тревожу! . .

<1907>   А. А. Измайлов

* * *

Эрота выпренных и стремных крыльях на
От мирных пущ в волшбе мечты лечу далече,
Чувств пламных посреди горю, как купина,
С тобой — безликой — алчу встречи.

Биюся в кольцах корч, желанием пронзен.
Змий, жду тебя, змею, одре на одиноком.
Струится нарда вонь и ладан смольн возжжен,
Меня коснися змейным боком!

Одре сем на позволь, прелестница, и впредь
Мне уст зной осязать и пышну персей внятность.
Пиит истомных «сред» воздам я мзду и Тредь-
Яковского стихом твою вспою приятность. . .

<1907>   А. А. Измайлов

КОСМЕТИКА ¹

День матерел. Мигали небосклону
И набегали тучи вокруг планет,
А Сирий гордый, как привет
Миров, кружащихся вовек без лет,
Улыбчато светил, подобен был Меону.
И се была глубокая картина:
Надзвездный и звездливый царь миров,

Он, что фундамент всех основ,—
Зане ласкнул² ходящих полных снов
И родилась в поэтах сердцевина.

Необходимое объяснение:

¹ Косметика — от Космос, мир, вселенная — не есть намек на Ралле, Брокар и пр.

² Таково понимание астральной поэтической сердцевины у огне-поклонников, по мнению Готтлоба Гопинфрида Майера (в противовес Иоганну Погару). См. его произведение. «Мифотворчество в Пернамбуко», Тюбинген, 1828, in 8°, т. IX, стр. 567, 17 примечание А. З. IV.

<1908>

Альвич

ПОЛ И ПОТОЛОК

...Томится пол, смешаться алчет с полом...

Вяч. Иванов. Из книги «Любовь и смерть».

Томится пол, смешаться алчет с полом,
А потолок смущен, от злости бел,
Волнуется и свой клянет удел,
И сам мечтает о разврате голом.

О пол, гори пожаром вождельня,
Рисуй себе хоть Магометов рай,
Но похоти таи обнаруженья
И потолка не соблазняй.

<1915>

А. А. Измайлов

З. Н. Г И П П И У С

(1864—1945)

---

* * *

Я знаю удовольствие смерти,
Но еще пожить хочу.
Мне новое платье примерьте
С крылышками — и я полечу.
Я дорогой иду непрохожей,
Но знаю, дух мой высок.
Мы с тобой, о боже, похожи,
За что же ко мне ты строг!
Я боюсь удовольствий смерти,
Жить, о, жить я хочу!
С крылышками мне платье примерьте,
И, дрожа, я отдамся лучу.

1900 (?)

В. Я. Брюсов

ОБОИ

Цветы...
Всё, что думаю, знают, слышат
И меня отравить хотят.

З. Гиппиус

В час, когда все краски смешаются,
Когда мрак проникнет в покой,
На жизнь мою покушаются —
Кто бы мог догадаться? — Обои!..

Но не вредным действием сырости,
Не микробов грозным потоком. . .
Хотят страшным призраком вырасти
В тьме ночной пред недремлющим оком:

То приступят к горлу с кинжалами,
То в меня стреляют из ружей,
Язвят смертельными жалами,
Леденят нестерпимую стужей.

Коль рассказ мой встретит сомнение,
Указать могу, для очистки,
Как цветы. . . да, цветы покусение
Учинили на жизнь символистки.

Ах, уж скоро над нами обоими
Будут петь похоронную мессу:
Убиваем я злыми обоями,
Отравляют цветы поэтессу!

<1903>

Бенедикт
<Н. Н. Вентцель>

* * *

И я такая добрая:
Влюблюсь — так присосусь.
Как ласковая кобра я,
Ласкаясь, обовьюсь.

И опять сожму, сожму,
Винт медлительно ввинчу,
Буду грызть, пока хочу,
Я верна — не обману. . .

З. Гиппиус

Углем круги начерчу,
Надушусь я серою,
К другу сердца подскачу
Сколопендрой серою.

Плоть усталую взбодрю,
Взвизгну драной кошкою,

Заползу тебе в ноздрю
Я сороконожкой.

Вся в мистической волшбе,
Знойным оком хлопая,
Буду ластиться к тебе,
Словно антилопа я.

Я свершений не терплю,
Я люблю — возможности.
Всех иглой своей колю
Без предосторожности.

Винт зеленый в глаз ввинчу
Под извив мелодии.
На себя сама строчу
Злейшие пародии. . .

1907

А. А. Измайлов

ФЕДОР СОЛОГУБ

(1863—1927)

«ПЛАМЕННЫЙ КРУГ» Ф. СОЛОГУБА

1

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне!
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Елисавета, Елисавета,
Ко мне спеши!
Пишу стихи я, Елисавета,
И ты пиши.
Прошу совета, о да, совета
Я твоего,
Елисавета, о, свет, о, лето,
О, волшебство!

Стихи строчу я, во ржи ночуя
И на гумне,
Когда их тиснут, то не плачú я,
А платят мне.
Аванс почуя, скачу, лечу я,
Металл люблю.
Построчной платы за них хочу я:
Лишь по рублю.

Когда их тиснут, то боги свистнут,
Взбудя Парнас,
И девы пискнут, на мне повиснут,
Придя в экстаз.
У тех субъектов мозга прокиснут,
Кто их поймет.
В них образ Змия навек оттиснут,
В них — яд, в них — мед.

2

Затаился в траве и лежу,—
И усталость мою позабыл,
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то кажутся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

«Затаился в траве и лежу»,—
Убаюкал меня мелкий бес.
И во сне я сметану лижу.
Ты с деньгами, а я пока без.

Сердце галкой на крыше сидит,
А душа на осине — орлом.
И мечта, как курьерский, садит.
На Парнас я пролез напролом.

Целый мир в моем небе застрял.
Тут и мул, тут и стул, и аул,
Я все члены свои растерял:
Где ж рука? Где нога? Караул!..

Лиля, лиля, лиля, качала
 Два тельно-алые стекла,
 Белей лилей, алее лала,
 Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-
 кристальных
 Отраву светлую тая,
 Была милее дев лобзальных
 Ты, смерть отрадная моя!

Пиля, пиля, пиля, плясала,
 Бутылку выпила до дна.
 Жирней свиной, жирнее сала,
 Жирна она и холодна.

И шла, и шла, и шла, качала,
 Качалася, идя домой.
 В желудке у меня ворчало,
 Как будто я хлебнул помой.

Плелась, плелась, плелась, плелася,
 Белей лилей, милей полей.
 Меня же встретил дворник Вася,
 Он — дуралей и Фалалей.

<1908>

Фрицхен
 <Ф. Ф. Благов>

—
 * * *

Ради немца-распрохвоста
 Символизм и модернизм
 Променял я очень просто
 На квасной патриотизм.

Чтобы немца-душегуба
 Совершенно доконать,
 Ловко б немцам Сологуба
 Вслух в окопах прочитатъ:

«Ах ты, жалкий пруссачишка,
Немец-перец-колбаса,
Разнесем тебя, лгунишка,
Абсолютно в полчаса.

Прежде чем весна откроет
Ложе влажное долин,
Будет нашими войсками
Взят заносчивый Берлин!»

И тогда на бочке в массе
Подлым немцам за грехи
Сологуб на Фридрихштрассе
Будет вслух читать стихи.

И тогда пушай Вильгельма
Глубже сядет в мокроступ,
И узнает вредный шельма,
Что такое Сологуб!!!

<1915>   *Евг. Венский*

* * *

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благодные кооперативы.
Не говори: «Копейки и рубли!
Завязнуть в них душой — какая скука!»
Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создает их строгая наука.

Не презирай общественных наук,
Не отрицай теорию Рикардо,
Я верю — труд неутомимых рук
Достоин од хозяйственного барда.
Не говори: копейки и рубли,
Не презирай «скотолечебник» жалкий,
Во мгле морей прекрасны корабли,

Но мне милей теперь сноповязалки...
О сеятель, не сей ржаных хлебов,—
Французских булок лучше нет, пейзаюне.
Я еду к вам в хозяйственный Тамбов,—
Я с вами вновь, эсквайры из Казани.

1915

Лилит

Пастух: Я скоро кончу песнь свою.
Хор пастухов
и пастушек: Мы скоро кончим песнь свою!
Публика: Ах, какое счастье!

(На Адмиралтействе куранты бьют двенадцать. Публика от радости, что куранты любви уже пробили, пускается в пляс.)

<1907>

И. Г—ц

* * *

О Евдокия, Евдокия,
Какие
Тебе прелестницы равны?
Бедны
Наряды их, манеры грубы!
Их губы
С твоими рядом так бледны!
Цветник «Ор», Кошница 1

О Евдокия, Евдокия,
Какие
Писали стихи до сих пор?
— Позор!
Скрипели без толку перья,
Но всем теперь я
Покажу, как стих мой остер.

О Евдокия, Евдокия,
Какие
Придумаю завтра слова?
Нова
И тягостна эта пытка.
Пишу я прытко,
Но трещит от натуг голова.

1907

Авель

<Л. М. Василевский>

Г. И. ЧУЛКОВ

(1879—1939)

---

* * *

Я на качелях высоко летаю,
Высоко! Далеко! Вновь сладостный миг!
Снова я падаю, снова мечтаю,
Высоко над всеми я радость постиг.

Я на качелях высоко летаю.
Но не так высоко, как в «Веселой вдове»...
О мистическом анархизме всё время мечтаю.
О, если бы мог я пройти на голове!

Я в пьяном стремленье... Бояться кого мне?..
В тайге я не боялся медведей и волков.
Кто лучше: шаманка иль кузина в Коломне?..
Никак не решит Георгий Чулков.

<1908>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

* * *

Я один, конечно. Но я жду кого-то.
Пусть я жду кого-то... Но один ли я?
Не один, конечно. Я забыл кого-то.
Правда ли? Нас двое? Не один ли я?
Нет. Не нужно. Страшно. Нас, конечно,
двое.
Двое, чтобы не был смертен ни один.
Правда? Нам не страшно? Правда?
Нас ведь двое?
Правда?— Нет. Неправда. Страшно.
Я один.

И. Рукавишников, т. IV

Сплю или проснулся? Ночи час, утра ли?
На плечах одна ли, две ли головы?
Будто как одна. Ужель одну украли?
Где я? Еду в Вену или близ Невы?

Я один, конечно. Нас как будто двое?
Кто ж второй со мною? Как установить?
Пусть голов и две, но — думаю одною...
Я самец или самка?.. Быть или не быть?..

Двое ль нас? В меня ли просто клин вогнали?
Я один, конечно? Страшно, хоть умри!
Ах, второй — извозчик!.. Прочь порыв печали!
С ним нас точно — двое. С лошадей нас — три.

<1907>

А. А. Измайлов

* * *

Я один, конечно. Но я жду кого-то.
Пусть я жду кого-то... Но один ли я?
Не один, конечно. Я забыл кого-то.
Правда ли? Нас двое? Не один ли я?

Я мужик иль баба? Еду иль иду я?
Где я? На Козихе или на Шипке?
На Шипке, конечно. Или лишь в бреду я?..
Или я приказчик в винном погребе?..

Я поэт, конечно. С длинной бородою.
Пусть я с бородою. Но обрит ли я?
И не я ль торгую содовой водою?
Имя мое — Тихон или Илия?..

Нет. Не Тихон. Страшно. Илия, конечно...
О, когда же дух мой яркий стих родит?
Правда, я ведь Тихон? Где же Путь мой Млечный?
Я мужик? Иль баба? Иль гермафродит?

<1908>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

* * *

У моей невесты Доры
Белый памятник из мрамора.
У моей невесты Доры
Были губы.
У моей невесты Доры
Белый памятник из мрамора,—
У моей невесты Доры
Были зубы.

(И т. д. можно воспеть все части тела,
цензурою к упоминанию дозволенные.)

1909 (?)

Евгений Венский

ПИРАМИДА БИЛЛИАРДА В «БЕЛГРАДЕ»

Я
Где?
На Уде-
льной сажу.
Доктор мой, жу-
лик, сбрил мне лыси-
ну... Написал письмо Анфисе:
Спаси меня, мать, хлопочи у Гурлянда,
Выручай своего верного Фердинанда.
Ведь я теперь не Иван Рукавишни-
ков... Мое Богоборчество захотело вишни.

1909 (?)

Евгений Венский

БОКАЛ ИЗ «ВЕНЫ»

Испугались литераторы
разбежались плагиаторы
как в «Давыдку» я пришел
крикнул: «Пива!», сел за стол
меня вывели лакеи, взял
под ручку полисмен
дал тихохонько по шее
старый хрен
п р о с ы п а -
ю с ь,

н
е
т
п
у
т
и.

Удивляюсь, изумляюсь,
я в Коломенской части.

1909 (?)

Евгений Венский

КОЧЕРГА

Этой штукой, гремя и звеня, бьет частенько супруга
меня.

1909 (?)

Евгений Венский

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

(род. 1884)

---

* * *

Свет от света оторвется,
В недра темные прольется,
И пробудится яйцо.
Хаос внуку улыбнется...

С. Городецкий. «Ярь».

Тучи в кучу взбаламучу,
Проскачу волчком качучу,
Треском рифм наполню свет.
Как звонки двуконных конок,
Стих мой тонок, ломок, звонок,—
Звону много, смыслу нет.

Я нашел под подворотней
Приболотный, приворотный
Легкой славы корешок...
Трех чертяк с лесных опушек,
Двух поповен, трех старушек
На Парнас я приволок.

Сколь приятно в вечер росный
Поблудить с старушкой постной,—
Бородавки пощипать,
До утомы и одышки
У косматых ведьм подмышки,
Щеки-щетками щекотать...:

Ой, Ярило, в бор, за прудом
Приходи, займемся блудом,—

И, взглянувши нам в лицо,
Древний Хаос воссмеется,
И с моих стихов прольется
Смертным — всмятку яйцо.

1907   А. А. Измайлов

* * *

Всё сменилось, всё упало,
Мне опять вселенной мало.
Этот круг — немая млечность.
Что за ним — уже не вечность,
Не пространство. Что же, что же?
Не твое ли, Хаос, ложе?
С кем лежишь ты, неутомный,
Светоотче, в дали темной?

С. Городецкий

Всё сменилось, всё упало
И престиж мой растрепало.
Пролилася в бесконечность
Моей славы быстротечность.

Не пространство. Что же, что же?
Не твоя ль, Ярило, рожа?
Где твой посвист молодецкий,
Светосыне Городецкий?

<1908>

Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

* * *

Древний хаос потревожим.
Мы ведь можем, можем, можем.

С. Городецкий. «Ярь»

Недовольный миром бранным,
Я с Хабсом довременным
    Как-то выпил брудершафт.
Как на карточке единой
С ним снимусь я с вещей миной,—
    Будет миленький ландшафт. . .

Из земных стремясь окопов,
По плечу его похлопав, —
    «Что, брат, — молвлю, — друг Хаос?»
Обниму, не церемонясь,
И Хаос, седой, как Хронос,
    Мне ответит: «Ничего-с! . . .»

У меня ли в рифме нежной
Космос, древний и мятежный,
    С миром будней сопряжен.
Что смешно и всё, что жутко, —
На проспекте проститутка,
    С медной бляхой «фараон»,

Млечный Путь, и Рак, и Рыба,
И Ярила, и Барыба,
    И поповны пуховик,
Невский с звонами и давкой,
Злая ведьма с бородавкой
    И проказник Адовик. . .

Барыбушка, Барыбушка, Ярила и Удрас!
Нас четверо, нас четверо — и не понять всех нас.
Пресветлый мир-миленочек, еще ль ты мне не мил!
За шиворот, за шиворот я славу ухватил. . .
Со славою под мышкою — дивись, честная Русь! —
С Хаосом я под рученьку по Невскому пройдусь. . .

<1909>

А. А. Измайлов

Б. А. САДОВСКОЙ
(1881—1945)

---

* *

Дед моего отца и прадед мой! Возрос ты
Средь черноземных нив и заливных лугов
Симбирской вотчины, где безмятежно просты
Катились дни твои у волжских берегов.

Во всем был здравый смысл единый твой
наставник.

Ты, мудрой скупостью умножив свой доход,
Служил по выборам, как капитан-исправник,
С четырнадцатого по двадцать пятый год.
Самолюбив и добр, расчетлив и распутен,
Умом ты презирал, а сердцем знал любовь.
Дед моего отца и прадед мой Лихутин,
Я слышу, как во мне твоя клоочет кровь! . .

Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев
Ты сам и жизнь твоя — сюжет для нежных лир.
В двенадцатом тебя заметил Аракчеев,
В тринадцатом ты был пехотный бригадир.
Четырнадцать рублей четырнадцать копеек —
Таков был твой оклад, когда ты начинал,
Под старость ты на чай бросал уж канареек,
И в банке семьдесят, в кубышке сто держал.
Секунд-майора дочь Сандулия Петровна
С собою принесла тычонск пятьдесят,
Мандрыновку и Плес. Вы, сидя в них, любовно
Пороли крепостных и холили щенят.

Бригадный казначей, гроза всех казначеев,
Ты к бухгалтерии до гроба знал любовь!
Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев,
Я слышу, как во мне твоя клокочет кровь! . .

1910-е годы

А. А. Измайлов

А. С. РОСЛАВЛЕВ
(1883—1920)

МЕТЛА ВЕКОВ

Куплю метлу рубля за полтора,—
Метлу веков, огромное метлище! —
Ее купить давно, давно пора.

Приду туда, где все равны и нищи,
Где рай нагих и плотская игра,
И вымету там всё как можно чище.

И сонмы тел бичующей метлой
Я выгоню из бань мужских и женских
И увлеку на площадь за собой.

Составлю речь из Брюсовых, Каменских
И крикну всем: «Позор вам вековой
От портерной до пирамид вселенских!»

Не убоюсь притом городских,—
Вокруг меня сомкнется цепь живая,
И буду я, метлою помавая,
Глаголом жечь сердца людей нагих,

Потом с метлой полуторарублевой
Пойду домой — за дерзостию новой.

<1907>

Авель
<Л. М. Василевский>

«В БАШНЕ». СБОРНИК СТИХОВ

Я друг весенних тротуаров.
Мои стихи — пролетов стук...
На мне следы своих ударов
Оставил брюсовский каблук.
Весенней радостью мы пьяны
(Мне узок брюсовский наряд),
Смотрите, стекла «Квиссисаны»!..
Смотри, смотри, Апраксин ряд!
Смотри, как мокры тротуары...
Смотри, смеясь, кричит стена...
Пилюли Ара!.. Ара!.. Ара!..
И в глыбе тающей весна.
И в четком воздухе повисли
Твои гудки, автомобиль...
«На башне» брюсовские мысли
Уткнули в небо острый шпиль... .

<1908>

С. Г<орный>

С К И Т А Л Е Ц

(1869—1941)

---

* * *

Не похож я на певца.
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден.
Я — силен!

Скиталец

Мне вместо головы дала природа молот.
Не сердце в грудь, а горн, не руки, а клещи.
В безумной роскоши тонул ваш гнусный город,
А я... ел щи!

К вам, трупы палые, прогнившие колосья,
Я вдруг упал, как гром, покрыв ваш совий визг.
И кузнеца девиз в поэзию принес я:
«Бей вдрызг!..»

Вампиры-богачи, удавы, змеи, жабы,
Вы пролетария затискали в норы!..
Отрыжка сатаны, как вас спихнуть пора бы
В тартарары!!..

<1907>

А. Измайлов

* * *

Я колокол! Я пламя! Я таран!
Безбрежен я и грозен, точно море!
Я твердый дуб! Я медный истукан!
Я барабан в литературном хоре!

Я вихрь и град! Я молния и страх!
Дрожите же, наперсники тиранов!
Я утоплю вас всех в моих стихах,
Как в луже горсть презренных тараканов!

<1909>

А. Куприн

П. П. ПОТЕМКИН

(1886—1926)

---

* * *

Папироска моя не курится.
Хочу эту ночь литературиться.
Еду к «Давыдке»... В «Белград» банально.
Кстати, на извозчике!.. оригинально.
Поехали.
Извозчик просит пятиалтынный.
Ну, не потеха ли
Эдакой дубина протяженно-длинный
Сколько хочешь поминай мамашу
Напрасно городского зовешь.
Ты ли — меня, я ли — тебя отдубашу
Я ли тебя, ты ли меня заберешь.

Писал, ста
Рался
Стихи.
Просят: пожалста...
И ухмылялся:
Хи-хи.
Что
Ни строчка.
То
Точка.
На пальто
Поту бочка.
Дура
Ки
Прочитают:
— «Литература!»

В конторе пятаки
Засчитают.
Поэзия — прелесть! Мое мнение.
Буду сегодня в «Вене» я.
Очень люблю пельмени я.
Сто двугривенных —
Стихотворение.

1910 (?) *Евгений Венский*

* * *

В Краскове,
А может быть, и в Кускове
Жили девять дачников,
Больших неудачников.
Одного звали Антон,
Он был большой моветон.
Другой был Сосипатр,
Любил он дачный театр.
Третьего звали Филарет,
Он нес футуристический бред.
Четвертого звали Кондрат,
Он футболу всегда был рад.
Пятый был Феоктист,
Он был здешнего театра артист.
Шестого звали Орест,
Обожал он дачных невест,
Седьмого звали Демьян,
Он раз десять в неделю был пьян.
Восьмого звали Тарас,
Он был бит четырнадцать раз.
Девятого звали Мартын,
Он любил сигать через тын.
Так жили девять дачников,
Больших неудачников,
В Краскове,
А может быть, и в Кускове.

<1915>

Экс-Фрицхен
<Ф. Ф. Благов>

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(1887—1943)

ИНТУИТИВНЫЕ КРАСКИ

Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тройки!..

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цветы заката!..
Раскрасьте мысли в цветы заката
И ждите, ждите любви раската!

Ловите женщин, теряйте мысли!..
Счет поцелуям поди, исчисли!
А к поцелуям финал причисли
И будет счастье в удобном смысле!..

<1911>

Евгений Венский

ПЕРЕВОД ПУШКИНА НА ЯЗЫК ЭГОФУТУРИСТОВ

Зима... крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь!..

Пушкин

Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренифлуя,
Ягуарный делает эссе.

Пропеллером лансуя в'али,
Снегомобиль рекордит дали,
Шофер рулит; он весь в бандо,
В люнетках, маске и манто.
Гарсонит мальчик в акведуке:
Он усалазил пса на ски,
Мотором ставши от тоски,
Уж отжелировал он руки.
Ему суфрантный амюзман,
Вдали ж фенетрится маман.

<1913>

Г. Е.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены образцы русской стихотворной пародии начиная с середины XVIII до начала XX в.

Первыми попытками издания антологии русской пародии были сборники: Б. Бегак, Н. Кравцов и А. Морозов. «Русская литературная пародия» (М.—Л., 1930) и «Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв.» под ред. Ю. Тынянова (М.—Л., 1931). В первом из них были представлены стихотворные и прозаические пародии с середины XVIII до начала XX в., причем полностью исключались сатирические «использования», пародии на классиков и т. д. В сборнике «Мнимая поэзия» жанр пародии представлен был более широко. В нем были помещены стихотворные пародии преимущественно на лирическую поэзию XVIII—XIX вв. (до 60-х гг.) и отчасти пародии в фольклоре (былины и свадебные песни). Драматическая стихотворная пародия и пародия на поэму в книгу не вошли. В качестве приложения был выделен отдел «Пародический памфлет, фельетон и сатира». В основной корпус пародий включены также произведения родственных и смежных жанров с отчетливо выраженной пародийностью («Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1796 года» Н. П. Николева, «Ода на мир Европы, превращенная в басню» В. Масловича и др.). В дальнейшем сборники, специально посвященные пародии, не выходили. Много пародий приведено и прокомментировано в издании «Поэты „Искры“» под ред. И. Г. Ямпольского. Большая серия «Библиотеки поэта», Л., 1933 (2-е изд., в двух томах, Л., 1955). Малообследованной областью оставалась пародия 30—50-х гг. XIX в. (в частности, Н. А. Полевого и И. И. Панаева — Нового поэта), пародия конца XIX и начала XX в.

В настоящем сборнике наряду со стихотворной пародией представлены некоторые наиболее характерные образцы родственных и смежных жанров, в том числе сатирические и юмористические «использования». Игнорирование подобных «использований» было бы не только искусственным, но и оставило бы за пределами книги значительные произведения, которые их современники считали бесспорными пародиями (например, памфлет С. Н. Марина, пародически использовавшего «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова). Однако в книгу не включены позднейшие сатирические и фельетонные «использования» классиков, комические стилизации и т. п., а также фольклорные пародии, существенными чертами отличающиеся от пародии литературной.

Композиция сборника с таким разнородным материалом за столь значительный период времени неизбежно носит условный характер. Материал сборника расположен в хронологической последовательности и разбит соответственно на четыре раздела. Внутри каждого из них выделены пародии на отдельных авторов и пародии на стихотворные жанры и общие явления поэтического стиля.¹

В разделы жанровых и стилевых пародий включены также пародии на двух или нескольких поэтов одновременно (например, «Союз поэтов» А. Е. Измайлова — на Дельвига, Кюхельбекера и Баратынского), а также пародийные циклы, объединяющие по тому или иному принципу пародии на отдельных авторов («Альбом светской дамы», «Анкета о войне на Ближнем Востоке» и др.). К этим же разделам примыкают и пародийные альманахи, пародирующие не только отдельных поэтов, но и характерные жанры. Таким образом, пародии на некоторых авторов даются только в составе пародийных альманахов (Дельвиг) или циклов (В. Тан), другие же пародируемые поэты представлены в составе самостоятельных посвященных им разделов, и в альманахах и циклах (Вяземский, Пушкин, Розенгейм, Майков и др.). К разделу жанровых и стилевых пародий отнесены также произведения, которые хотя на первый взгляд и имеют конкретный пародийный адрес, однако охватывают более широкие литературные явления (например, «Ода гр. Хвостову» Пушкина) или направлены не столько против пародируемого автора, сколько против самого жанра («Калмыцкий пленник» дается как пародия на романтическую поэму, а не как пародия на Пушкина).

Общий хронологический принцип расположения материала проведен с некоторыми отступлениями, вызванными историческими особенностями развития жанра. Так, например, пародия-памфлет С. Н. Марина, использующая оду Ломоносова, и «Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе» Панкратия Сумарокова, хотя они и написаны в начале XIX в., отнесены к разделу XVIII в. и завершают его. Пародируемые поэты, литературная деятельность которых продолжалась много лет и относится к разным периодам, представлены в разделах, относящихся к тому времени, когда они более всего подвергались пародированию.

Тексты пародий, как правило, даются в первых редакциях, отражающих непосредственную реакцию на пародируемое произведение. В отдельных случаях сделаны отступления в пользу наиболее точной и авторитетной публикации; иногда предпочтение отдано поздним редакциям также и по художественным соображениям. Ссылки на первую публикацию без дальнейшего указания источника означают, что пародия печатается по тексту этой публикации.

Подписи под текстами приводятся в том же виде, в каком они были даны при публикации, служившей источником (все разнообраз-

---

¹ В сборнике «Мнимая поэзия» все жанровые и стилевые пародии предшествовали пародиям на отдельных поэтов, и таким образом под рубрикой «ода» были объединены произведения от 80-х гг. XVIII в. до 30-х гг. XIX в., под рубрикой «элегия» даны пародии как на элигии сумароковской школы, так и на элигии последователей Жуковского, что вызвало справедливые замечания Г. А. Гукковского. — «Литературное наследство», № 9—10, 1933, стр. 320.

ности авторской подписи, в том числе псевдонимы). Под этой подписью в угловых скобках сообщается подлинная фамилия пародиста. Подписи, раскрываемые предположительно, сопровождаются вопросительным знаком. Псевдоним Козьмы Пруткова и некоторые другие постоянные псевдонимы (Евг. Венский — Е. О. Пяткин и др.) не раскрываются. Встречающиеся в пародийных альманахах пародические подписи, указывающие на осмеиваемых авторов (например: Буршев — Н. М. Языков, Шолье-Андреев — П. А. Вяземский, Африкан Желтодомов — А. С. Пушкин и др.) раскрываются в примечаниях. Подпись автора пародий в циклах и пародийных альманахах указывается в конце цикла или альманаха. Указания на то, что пародия вложена в уста какого-либо персонажа, фигурирующего в романе, повести и т. д., вынесены в заголовки или в подзаголовки в угловых скобках, например: <Экспромт поэта Талантина>, <Стихотворения Ивана Деревяшкина> и т. п. В тех случаях, когда персонаж, в уста которого вложена пародия, безличен (стихи «одного знакомого», «злого приятеля» и т. п.), пародия сопровождается лишь авторской подписью. Это же относится и к тем случаям, когда пародия вложена в уста персонажа в драматическом отрывке (комедия А. П. Сумарокова «Тресотиниус», комедия А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» и др.).

Даты, заключенные в угловые скобки, означают год, не позже которого (по тем или иным сведениям) написано данное произведение, в том числе и год первой публикации. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком. Вымышленные даты (как например, в цикле Добролюбова «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию», где они показывают «эволюцию» этого поэта) набраны, в отличие от подлинных дат, не курсивом, а прямым шрифтом.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Однако в тех случаях, когда пародируется не только стиль, но и индивидуальная орфография тех или иных поэтов (таковы, например, пародии на Тредиаковского), подчеркивается их подлинная или воображаемая «безграмотность» (пародии на провинциальные альманахи), — сохранены особенности правописания, насколько это допускают средства современной орфографии.

Основная задача примечаний — воскрешение в памяти читателей «второго плана» пародируемых произведений. Однако, ввиду недостатка места, пародированные тексты даются лишь в выдержках из наименее известных произведений. Даты и библиографические указания, относящиеся к пародируемым произведениям, даны только в тех случаях, когда они близки по времени к написанию пародии.

Пояснения мифологических имен и названий, а также устаревших и малоупотребительных слов вынесены в словари. Кроме того, книга снабжена указателями пародистов и пародируемых авторов.

Составление сборника за столь обширный период было сопряжено с большими трудностями. Остались невыясненными многие детали «второго плана», не всегда полностью раскрыты пародийные адреса и намеки, не установлены некоторые первопечатные тексты и даты, не раскрыт ряд псевдонимов и анонимов. Сделать это будет возможно лишь при дальнейшем изучении жанра.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

- Б — журнал «Будильник».
БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.
БВ — газета «Биржевые ведомости».
БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
БЗ — журнал «Библиографические записки».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ГПБ — Рукописное отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».
И — журнал «Искра».
ИОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка».
ИОРЯС — «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук».
КЗ — А. А. Измайлов. Кривое зеркало (год и порядковый номер издания указывается в примечаниях).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛЕ — «Литературный ералаш», отдел журнала «Современник».
МК — Евгений Венский. Мое копыто (год и порядковый номер издания указывается в примечаниях).
Москв. — журнал «Москвитянин».
МП — «Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв.», под ред. Ю. Н. Тынянова. М.— Л., 1931.
МТ — журнал «Московский телеграф».
НВ — газета «Новое время».
НЖ — «Новый живописец общества и литературы», отдел журнала «Московский телеграф».
НП — Абель. Незлобивые пародии. СПб., 1909.
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
ПД — Рукописное отд. Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ПИ — «Поэты „Искры“», под ред. И. Г. Ямпольского. Л., 1955.
ПЛ — К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги первого курса. СПб., 1911.
ПМ — Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов, под ред. В. Н. Орлова. Л., 1934.
ПСВС — Полное собрание всех сочинений.
ПСС — Полное собрание сочинений.
ПССП — Полное собрание сочинений и писем.
ПССт — Полное собрание стихотворений.
Р — журнал «Развлечение».
РА — журнал «Русский архив».
РВ — журнал «Русский вестник».
РЛП — Б. А. Бегак, Н. И. Кравцов, А. А. Морозов. Русская литературная пародия. М.— Л., 1930.
РМ — журнал «Русская мысль».
РС — журнал «Русская старина».
РСл. — журнал «Русское слово».
РУ — газета «Раннее утро».

- С — журнал «Современник».
 Сат. — журнал «Сатирикон».
 СМ — газета «Свободные мысли».
 СНП — Собрание стихотворений Нового поэта. СПб., 1855.
 СО — журнал «Сын отечества».
 УЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия филологических наук».
 ХД — журнал «Харьковский Демокрит».

I

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

(1708—1769)

Тресотиниус (Комедия). Явление 3. Впервые — А. П. Сумароков. ПСВС, ч. 5. М., 1781, стр. 337—339. Сумароков надеялся на быструю постановку на сцене. Характерна пометка автора: «Зачата 12 января 1750, окончена января 13 1750. С.-Петербург». Постановка была осуществлена в том же году. Запись в камер-фурьерском журнале от 30 мая: «Ввечеру, во обыкновенное время, в Оперном доме отправлялась русская трагедия, называемая «Хорев», и нах-комедия «Тресотиниус», которую играли кадеты» («Камер-фурьерский, церемониальный и походный журнал 1750 года», СПб., б. г., стр. 62). В основу «Тресотиниуса» положена сюжетная схема комедии Мольера «Ученые женщины», откуда заимствовано и само имя Тресотина (от французских слов: *très* — весьма, очень, и *sot* — дурак, глупец). Отдельные фигуры созданы под влиянием комедий датского писателя Гольберга и «масок» итальянской народной комедии (В. А. Филиппов. К вопросу об источниках комедий А. П. Сумарокова. — ИОРЯС, 1928, т. 1, кн. 1; П. И. Рулин. Первая комедия Сумарокова. — ИОРЯС, 1929, т. 2, кн. 1). Возможно воздействие интермедий бытовой комедии (П. Рулин. Элементы злободневности в комедиях А. П. Сумарокова. — «Slavia», Прага, 1926, № 4, стр. 720—738). Фигура Тресотиниуса является карикатурным образом В. К. Тредиаковского, наделенным, наряду с общими для «педантов» комедий XVIII в., индивидуальными чертами. Сумароков пародирует не только любовную лирику Тредиаковского, но и его орфографию, основанную на применении фонетического принципа («серце», «очюнь» и т. п.). *О места, места драгие*. Имеется в виду песня, сочиненная Сумароковым, который издевательски заставляет Тресотиниуса-Тредиаковского якобы подражать ей. Начало песни:

О места, места драгие!
 Вы уже не милы мне,
 Я любезного не вижу
 В сей прекрасной стороне,

Изволь меня избавить ты от страсти тем моей! Пародируется типичное обращение к предмету страсти в ранней лирике Тредиаковского. Например, в книге «Езда в остров любви» (1730): «Изволь ведать, что скорбь есть смертельная всяко». *Спесиха слатенька*. Тредиаковский в сочинении «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографіи» (1748), напечатанном по своеобразной орфографии, настаивал на написании «слаткий» (Г. Винокур. Орфографическая теория Тредиаковского.— ИОЛЯ, 1948, вып. 2, стр. 141—158).

В ы в е с к а. Впервые — БЗ, 1859, № 17, стлб. 524. *Нартов* Андрей Андреевич (1737—1813) — экономист и писатель. В молодости писал стихи. Эпиграмматическая пародия. Датируется предположительно 1750 г. по времени выхода первого тома «Римской истории» Роллена в переводе Тредиаковского (в конце 1749 г.). *В двенадцатой линии*. На 12-й линии Васильевского острова в Петербурге жил Тредиаковский.

Сонет, нарочно сочиненный дурным складом... Впервые — «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 191. *Раз бы адаманта был драгоценный сто*. Пародируется стих Тредиаковского в «Оде в похвалу цвету розе» (1735): «Адамант от перл есть в цене коль разный».

Сатира на Самохвала. Впервые — Е. И. Бобров. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. — ИОРЯС, 1906, № 4, стр. 319—320, где опубликована по «рукописи XVIII века» (без более точных указаний). Бобров датирует сатиру 1750-ми гг. и приписывает авторство И. С. Баркову. Сатира написана тринадцатисложным силлабическим стихом и содержит карикатурное описание наружности и поведения пародируемого поэта.

Песня («О приятное приятство...»). Впервые — А. П. Сумароков. ПСВС, ч. 8, М., 1781, стр. 189—190. Пародируется ранняя лирика Тредиаковского. Написано, вероятно, в первой половине 1750-х годов, в период наиболее ожесточенной полемики Сумарокова с Тредиаковским. *Синицы птички*. Намек на «Песенку» Тредиаковского, которую он включил в книгу «Езда в остров любви» (1730):

Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички...

Эту «Песенку» упоминает Сумароков в статье «Ответ на критику» (ПСВС, ч. 10, 1782, стр. 109). Над ней издевался и Ломоносов, пародируя лексику Тредиаковского в эпиграмме «Зубницкому»:

Давно изгага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючие лисички...

Надгробная надпись. Впервые — «Новые ежемесячные сочинения», ч. 6, 1786, декабрь, стр. 65. Неизвестный, приславший

эти стихи издателем журнала, выходявшего при Академии наук, сообщает, что сочинителем их был Б.— «студент в вашей Академии», т. е. Иван Барков (о нем см. во вступ. статье, стр. 17—24). Так как Барков умер раньше Тредиаковского, то пародийная эпитафия могла быть написана только при жизни последнего. *«Аргенида»* — переведенный Тредиаковским (1751) политический роман английского писателя Джона Баркляя (1582—1621), написанный на латинском языке. *Омир* — Гомер. *«Тилемахида»* (1766) — стихотворный перевод романа французского писателя Фенелона «Похождения Телемака, сына Улисса». *Роллен Шарль* (1661—1741) — французский историк и педагог, автор многотомных исторических трудов «Древняя история» и «Римская история», переведенных Тредиаковским (см. также стр. 711).

М. В. ЛОМОНОСОВ

(1711—1765)

Дифирамб. Впервые — «Трудолюбивая пчела», 1759, октябрь, стр. 635—637. Первая (из напечатанных) пародия А. П. Сумарокова на Ломоносова, продолжающая критические выпады против ломоносовского стиля в «Трудолюбивой пчеле» (см. вступ. статью, стр. 12—15). Эпиграмматически заострена против Ломоносова (намек на пристрастие к Бахусу). *«Прекрасное светило дня и т. д. — нарочито абсурдная контаминация привычных образов Ломоносова. Ср.: «С горящей, солнце, колесницы...» («Ода на день брачного сочетания великого князя Петра Федоровича... 1745 г.») и «И се Минерва ударяет В верьхи Рифейски копием» и т. д. («Ода на день восшествия на престол... Елисаветы Петровны, 1747 года»). Уже стал таять вечный лед. В оде 1745 г.: «От вечных льдов до токов Нильских». Кола — город на Мурмане, где в юности бывал на промыслах Ломоносов. Богини, кою Актеон и т. д. В одном из «Разговоров мертвых» в майском номере «Трудолюбивой пчелы» за 1759 г. стихотворец рассказывает доктору свой сон: «Из Дианиной истории видел я однажды себя в образе Актеона, когда он бежал от собак своих. Тут-то я напугался, а после рассуждал, что Актеон не для того собакам своим о том, что он Актеон и чтоб они узнали своего господина, сказать не мог, что он в оленя превратился, но для того, что в таком лютом обстоятельстве, когда собаки кусают, и в прозе ничего не выговоришь, не только в стихах, а мне собакам надлежало говорить стихами, да еще и с рифмами» (стр. 303—304). Миф об Актеоне, растерзанном своими собаками, Ломоносов упоминает в «Риторике» (§ 83).*

Ода вздорная I («Превыше звезд, луны и солнца...»). Впервые — А. П. Сумароков. ПСВС, ч. 2. М., 1781, стр. 229—231. В отличие от ломоносовских од, первая «вздорная ода» написана белым стихом. *Сатурнов сын* — Посейдон. *Фебанские стены* — т. е. стены греческого города Фивы (столицы Беотии), по преданию основанного Кадмом и укрепленного Амфионом высокими стенами с семью воротами. *И украси храм* и т. д. Сумароков подвергал на-

смешкам работу Ломоносова над изобретением мозаичных составов. Возможно, совет об украшении «мусней» нового храма музам имеет в виду проект Ломоносова об украшении Петропавловского собора мозаичными картинами, представленный Сенату в апреле 1758 г.

Ода вздорная II («Гром, молнии и вечны льдины...»). Впервые — там же, стр. 232—233. *Ефес горит, Дамаск пылает*. Пародируется пристрастие Ломоносова к перечислению географических имен, как например, в «Оде на взятие Хотина»:

Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят русским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится...

Ефес — древний город в Малой Азии. *Персеполис* — город в древней Персии, столица государства Ахменидов, был сожжен Александром Македонским. *Фаэтон*. Образ героя древнегреческих мифов Фазтона, пытавшегося овладеть колесницей своего отца, бога солнца Гелиоса, и низринувшегося с небес, использовался Ломоносовым для сравнения с врагами России (ода 1742 года — «готфска Фаэтонта»; в оде 1759 г. на победы над королем прусским — «Там Мемель в виде Фаэтонта»). В оде «На взятие Хотина» (эта крепость была вторично взята русскими войсками при Екатерине II), напечатанной в 1769 г., Сумароков использует одические мотивы и образы Ломоносова («Минерва росска грома громы мечет», «Не ад ли в оной скорби стонет») и даже мотив Фазтона («Или ты паки горду чаду Вручило пламенных коней»). В этой же оде упоминается *Пико* — гора на Азорских островах, фигурирующая во «вздорной оде» и отсутствующая в одах Ломоносова.

Ода вздорная III («Среди зимы, в часы мороза...»). Впервые — там же, стр. 234—237. Начало «вздорной оды», воспевающее «сладкую любовь» Розы и Зефира, возможно, имеет в виду ломоносовскую «Оду на день брачного сочетания...» (1745), где, как указывал сам Ломоносов в «Риторике» (§ 294), содержалось «вымышленное описание царства любви» со стихами:

Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой то кропишь росой...

Дитирамб — дифирамб, в первоначальном значении — торжественная песнь в честь Вакха, на что и намекает следующий стих пародии; в позднейшем значении — стихи, написанные для прославления кого-либо. *Пиндар* (ок. 518 — ок. 446 до н. э.) — греческий поэт; сочинял торжественные хоры и оды богам и героям; стиль его отличался пышностью и величавостью; поклонники Ломоносова называли его «российским Пиндаром», противники упрекали в «пиндарщине» (напыщенности). *Из ада вижу Италию, Кастильски воды, Остиндию*. Ломоносов в различных именах и названиях употреблял старое (греческое) ударение (химия. Уранія, Индія и др.), что высмеивал и

пародировал Сумароков, придерживавшийся латинского ударения (впоследствии вошедшего во всеобщее употребление, кроме слова Россия). Кастильски — см. следующее примечание.

Обезьяна - стихотворец. Впервые — «Свободные часы», 1763, апрель, стр. 244. Басня с элементами эпиграммы и пародии. Поводом для басни послужила опечатка в «Оде на взятие Хотина» в Собр. соч. Ломоносова (1751 и 1757): «Умой росой кастильской очи» — вместо касталской (по наименованию источника у подножия Парнаса). *Гомера подражая*. Намек на героическую поэму «Петр Великий», которую Ломоносов начал писать в 1756 г. Первая песнь поэмы была напечатана в 1760 г. *Во громы громы бьют*. Пародируется образный строй од Ломоносова (ср. со второй «взорной одой»).

А. П. СУМАРОКОВ
(1717—1777)

«Женился Блез, старик без мочи...» Впервые — А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка, СПб., 1803, стр. 149. Печ. по изд. — «Сочинения М. В. Ломоносова», т. 2. СПб., 1893, стр. 287. В публикации А. С. Шишкова вместо Блез — Стил. Омонимическая пародия, построенная на пародийном переосмыслении одного слова, причем пародированный стих приводится без изменений. Такой род пародирования восходит к античной традиции. На эту разновидность пародии указывал еще Н. Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» (СПб., 1821) в статье «Пародия». В русской литературе встречается редко. Ломоносов осмеивает Сумарокова, допустившего в трагедии «Гамлет» (1748) неправильное употребление глагола «тронуть» (под влиянием французского языка). Мать героя, уличенная им в убийстве первого мужа, говорит:

Вы все! свидетели моих безбожных дел:
Того противна дня, как ты на трон взошел,
Тех пагубных минут, как честь я потеряла
И на супружню смерть не тронута взирала,

т. е. глядела, не будучи взволнована или опечалена. «Из сего явствует, — писал Шишков, — сколь много знание языка предохраняет писателя от погрешностей и несвойственных выражений, в которые он без того при всем своем остроумии и даровании нередко впадает» (стр. 149). Пародия датируется временем появления трагедии Сумарокова.

Элегия («Пришел желанный час! Прошло уж время злое!..»). Впервые — БЗ, 1859, № 17, стлб. 516—517. Эмин Федор Александрович (ок. 1735—1770) — писатель и переводчик, автор авантюрно-приключенческих романов, издатель сатирического журнала «Адская почта» (1769). Пародия на творчество Сумарокова сочетается с лич-

ной направленностью пасквильного характера. Эмин глумится над несчастливими обстоятельствами семейной жизни Сумарокова, открыто намекая на его связь с крепостной девушкой (на которой он впоследствии женился). «Элегия» Эмина — элегия наизнанку. Мотивы скорби и уныния, характерные для этого жанра, подменены мотивами радости и ликования по поводу разрыва поэта с женой. Пародируются тирады и монологи героев трагедий Сумарокова и их стиль. Сумароков знал о пародиях Эмина. В комедии Сумарокова «Ядовитый» (1768), где Эмин выведен под именем Герострата, он говорит о себе: «Я автор сатир, комедий и пародий». Вероятно, пародия написана раньше появления этой комедии (И. З. Серман. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века». — Сб. «XVIII век», т. 3. М.—Л., 1958, стр. 222).

И. П. ЕЛАГИН

(1725—1794)

Возражение, или Превращенный петиметр. Впервые — БЗ, 1859, № 15, стлб. 457—458. Поповский Николай Никитич (1730—1760) — поэт, переводчик философской поэмы А. Попа «Опыт о человеке», первый профессор словесности Московского университета. Пародия вызвана появлением «Сатир на петиметра и кокеток» (впервые напечатана в том же номере БЗ) Ивана Перфильевича Елагина, второстепенного поэта, близкого к Сумарокову. Сторонников Ломоносова задело неумеренное восхваление Елагиным Сумарокова и насмешки над ломоносовскими стихами: «Или как наш поэт, вписав в свой стих Россию, Любуется сыскать к ней рифмою Индию». Пародия содержит резкие выпады против личности автора «Сатир на петиметра и кокеток». Она составлена путем последовательной перефразировки и пародийного переосмысления содержания сатиры Елагина, начинающейся следующими строками:

Открытель таинства и пышная Семиры,
Из мозгу родшейся богини мудрой сын,
Наперник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь?..

Российский Афросин — прозвище, образованное от греч. слова *Aphrosyne* (неразумие) со значением — глупец, дурак. *Штивелиус* — Тредиаковский. *Что ты по горнице раз сто вдруг обойдешь*. Елагин, который перед тем восхвалял непринужденность и легкость, с которой писал Сумароков («Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся»), признается, что ему поэтическое искусство дается с трудом:

По горнице раз сто пробегши, рвусь, грушу,
А рифмы годные нигде я не сыщу;
Тогда орудие писателей невинно —
Несчастное перо с сердцов грызу безвинно.

Горациевых сил напрасно не желай. В конце сатиры Елагин обращался к музе: «О муза! коль тебе позволит Сумароков, Ты дай мне, дай хоть часть Горациевых сил!» Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Парнасский писец* — Ломоносов.

В. П. ПЕТРОВ

(1786—1799)

Дифирамв Пегасу («Мой дух, коль хочешь быть славен...»). Впервые — отд. брошюрой «Дифирамв Пегасу». Сочинение А. С. СПб., 1766. Печ. по изд. — А. П. Сумароков. ПСВС, ч. 2. М., 1781, стр. 238—240. Петров Василий Петрович — поэт, переводчик «Энеиды» Вергилия, выдвинулся своей «Одой на великолепный карусель, представленный в Санктпетербурге 1766 года», выпущенной в том же году в Москве отдельной брошюрой (единственный известный экземпляр — в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина). Петров, претендовавший на роль «второго Ломоносова», превратился в раболепного панегириста Екатерины II и ее фаворитов. Одический стиль Петрова вызвал резкие нападки Сумарокова и его сторонников (см. вступ. статью, стр. 24—26). *Естествен, прост и плавен* — автохарактеристика стилистических принципов Сумарокова. *Гигант под тяжелой Этной стонет.* Пародийная реминисценция из Оды 1750 г. Ломоносова (см. вступ. статью, стр. 25). *Тела, в песке лежащи сером.* У Петрова — характерные для его поэтической живописи строки:

Лишь мутный кажет след песок.
Он пылью весь покрыт густою,
Как в летню поле ночь росою...

Пентезилея с Агасфером. Нарочито абсурдное сочетание имен: Пентезилея — мифическая царица амазонок, убитая Ахиллом, и Агасфер — «вечный жид» средневековых сказаний. У Петрова упоминается лишь одна Пентезилея, которая с завистливым восхищением отзывается о современных амазонках, участницах «карусели». *Встал Сиф, Сим, Хам, Нин, Кир, Рем, Ян.* Смешение библейских и исторических лиц пародирует пристрастие Петрова к перечням имен. Вместе с тем пародируются метрические опыты Петрова и его стремление (вслед за Ломоносовым) писать «чистым ямбом». Односложные имена в ямбическом стихе приходится в пародии и на неударные слоги, что вызывает отягчение всего ямбического строя. *С предсердьем напрягая ум.* Пародируется строка Петрова: «И кровь в предсердии кипит». *Пор, герой индейя.* Имеется в виду индийский царь Пор, выступивший против Александра Македонского и разбитый им в битве при реке Гидасп в 326 г. до н. э. *И вихрь восходит из-под бедр.* Пародируется строка: «Встает прах вихрем из-под бедр» (т. е. пыль из-под ног коней). Наряду с Сумароковым это место осмеивал В. Майков в «Епистоле к М. М. Хераскову», где он пародически характеризует поэтическую манеру Петрова:

Худая чистота стихов его и связь
Претят их всякому читать не подавясь;
Без переноса он стиха сплести не может
И песнь свою поет, как кость пес алчный гложет.
И сей-то песни он в натянутых стихах,
Поднявшись из-под бедр как конских легкий прах,
Повыше дерева стоячего летая,
И плавный слог стихов быть низким почитая.

(В. Майков. Собр. соч. СПб., 1867, стр. 503—504). *Во восхищении глубоком* и т. д. Пародируется пристрастие одического поэта к космическим взлетам. У Петрова: «Я в восхищении глубоком Театр войны бескровной зрю». *Металлы пали на колени*. Пародируется пристрастие к смелым метафорам и типичное для поэзии Ломоносова обращение к земным недрам, которые должны дать стране «драгой металл из гор». У Петрова:

Отверз Плутон сокровищ недра,
И Пактол златом пролился;
Натура, что родить всещедре,
Ее краса предстала вся.

Тигрозлостный. Пародируется употребление в одах искусственных составных слов (у Петрова — лавроносец, краснообразны). *Ристанье игр* — намек на воспетую Петровым «карусель». *Пернатый тигр* — пародийная контаминация двух сравнений Петрова: он уподобляет героев оды «царю пернатых», а далее следует строка: «Как пленных лев терзал иль тигр?»

А. А. АБЛЕСИМОВ

(1748—1788)

Ода похвальная автору «Мельника», соч <и-
ненная> в Туле 1781 года. Впервые — «Российская библиография», 1881, № 100 (24), стр. 599—600 (публикация Н. Губерти). Печ. по «Ежегоднику императорских театров. Сезон 1893—1894». Приложение, кн. 2, стр. 144—146 (публикация Н. Тупикова по другому списку). Автор не установлен. Губерти без достаточного основания считал автором В. И. Лукина, выступавшего против Аблесимова. Аблесимов Александр Анисимович — поэт и драматург, близкий по своим взглядам к Сумарокову; особенно прославился комической оперой «Мельник, колдун, обманщик и сват», поставленной на сцене в 1779 г. (напечатана в 1782 г.). Музыка к этой опере была составлена из русских народных песен. Живой диалог, близкий к разговорной речи, выведенные простонародные типы — все это вызвало нападки на Аблесимова классицистов, упрекавших его в грубости. «Похвальная ода» Аблесимову является, однако, не только пародическим нападением на его лексику и стиль, но вместе с тем пародирует и самый жанр высокой оды. Таким образом, «низкая»

лексика Аблесимова служит средством снижения одического жанра и даже мотивировкой этого снижения. В варианте, опубликованном Губерти, приведено примечание автора пародии: «Как в опере «Мельник» балалайка есть единственная развязка интриги, то и хвалу автору оперы счел я за нужное петь на балалайке, а не на лире». Курсивом в тексте набраны слова, взятые из оперы Аблесимова. *Иду не на Парнас — на Пресню*. Характерное для пародий XVIII в. противопоставление одического поэта — кабацкому (ср. у И. Баркова — «В кабак входя, не на Парнас»). *Кинольт* — Кино Филипп (1635—1688), французский поэт и драматург, создатель (вместе с композитором Люлли) оперы во Франции. Оперы, к которым писал либретто Кино, отличались изяществом формы. Отсюда — ироническое: «Кинольту дал ты *тулумбас*» — большой турецкий барабан с кологушкой. *Метастазео* Пьетро (1698—1782) — итальянский поэт и драматург, автор оперных либретто. *Фавар* Шарль (1710—1792) — французский драматург, автор комических опер.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

(1748—1816)

«Каша золотая...» Впервые — «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. 1. СПб., 1864, стр. 780—781. Шуточная пародия на «Пчелку» Державина (первые — «Аониды», кн. 2, 1797, стр. 150). Приписана рукою Державина на авторском экземпляре «Анакреонтических песен» (1804) рядом с «Пчелкой», что позволяет предположить автопародию:

Пчелка золотая!
 Что ты жужжишь?
 Всё вокруг летая,
 Прочь не летишь?
 Или ты любишь
 Лизу мою?..

На рождение молодого грека. Впервые — «Летописи русской литературы и древности», т. 5, 1863, стр. 45—49. Печ. по рукописи ГПБ. Ф. XIV, № 55 («Зеленый альбом» графини В. Н. Завадской, лл. 72—74). *Марин* Сергей Никифорович (1775—1813) — гвардейский поэт-дилетант, прославившийся шуточными стихами и пародиями. Шуточная пародия написана С. Н. Мариным «на случай» и посвящена его приятелю, учителю Первого шляхетского кадетского корпуса в Петербурге, Гавриилу Васильевичу Геракову (1775—1838), по происхождению греку. Гераков был автором курьезных произведений, вызывавших добродушные насмешки современников (в пародии: «Век писать ты будешь вздор»). Пародия Марина пользовалась известностью и ходила по рукам в списках. По словам гр. Блудова, эти стихи М. И. Кутузов просил прочитать ему после Бородинской битвы; в «Войне и мире» Толстого эти «смешные стихи» Кутузов вспоминает накануне сражения. Стихотворение Марина построено

на пародийной аналогии с одой Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока» (впервые — «Санктпетербургский вестник», 1779, № 12). Соревнуясь с Мариным, гвардейский поэт-дилетант П. А. Нилов (1771—1839) пародировал ту же оду Державина и также в поздравительных стихах Геракову. В пародии рассыпано много эпиграмматических намеков на Геракова (его маленький рост и др.) *И Иванов не видать* — т. е. «ванек», петербургских извозчиков. *В сие время солнце красно*. Сын великого князя Павла Петровича (будущий Александр I) родился 12 декабря 1777 г., в день зимнего солнцеворота, что использовалось как поэтом, так и его пародистом. Ср. у Державина:

Родился — и в ту минуту
Перестал реветь Борей. . .

Крылья подвязав под туши. Пародист заставляет слетать к колыбели Геракова мудрецов древности, как и в оде Державина. *Жребий Биасу достался*. Биас — один из семи легендарных мудрецов древней Греции. Он предвещает будущее Геракову, подобно тому как боги и гении — «порфирородному отроку». *Добрых более не сыщешь*. Намек на книгу Геракова «Для добрых», которую он распространял с благотворительной целью (Ф. Булгарин. Воспоминания, ч. 1. СПб., 1846, стр. 884).

«О ты, пространством необширный. . .» Впервые — БЗ, 1861, № 15, стлб. 454—456, в статье Я. Грота «Об авторе Митюхи Валдайского». В публикации Д. А. Северцева (РС, 1880, № 9, стр. 181—184) авторство ошибочно приписано подпорщику Муромцеву, умершему в 1813 г. Автором этой сатирической пародии был П. Н. Семенов, что подтверждает его сын (П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. 1. П., 1917, стр. 9). Семенов Петр Николаевич (1791—1832) — воспитанник Московского университетского пансиона; зачисленный в Измайловский полк, попал в роту капитана П. Н. Мартынова, которому и посвящена ода. По воспоминаниям С. Т. Аксакова, Семенов был «мастер передразнивать всякие карикатурные личности». В одном из домашних спектаклей в доме А. С. Шишкова Семенов играл роль молодого человека, который семь раз переодевался и являлся под разными личинами, предлагая себя в качестве актера пожилому барину, затевавшему «Театральное предприятие», как и называлась пьеса (С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 2. М., 1955, стр. 298). Семенов писал сатирические стихи, продолжая гвардейскую традицию сатирического использования классических и общеизвестных произведений в целях осмеяния «фрунтовых порядков» и армейской муштры. Иногда против воли авторов подобные произведения сопровождалось пародийным снижением используемых оригиналов. *О ты, пространством необширный*. Ср. начало оды Державина «Бог»:

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньях вещества. . .

Деплояд — т. е. узких шеренг войска (от слова «деплоировать» — развернуть войско из колонны в линейный строй). *Колен не гнут.* Имеется в виду «пруссский шаг», при котором не полагалось сгибать колени. *Сочесть ряды, поверить взвод.* У Державина: «Сочесть пески, лучи планет». *Лишь к службе мысль взнести дерзает.* У Державина: «Лишь мысль к тебе взнести дерзает, В твоём величьи исчезает...» *В себе всю службу заключаю.* В оде «Бог»: «Себя собою составляя, Собою из себя сняя». *Покою раздвигаешь.* Имеется в виду строй по форме буквы «П». *Стрелка репетичная* — в старинных часах с боем, вызываемым во всякое время нажатием пружины. *Им слов командных миллионы.* У Державина: «Светил возжженных миллионы». *Во всем пространстве дивизьонном.* В оде Державина: «В воздушном океане оном, Миры умножа миллионом...» *Я здесь, конечно, здесь и ты.* У Державина: «Я есмь, конечно, есть и ты!» *Ты здесь — и я уж не ничто!* У Державина: «Ты есть — и я уж не ничто!» *Под ранцем плотью издыхаю* и т. д. Пародируются строки оды «Бог»: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог!» *Я твой подпрапор нечестивый.* У Державина: «Твое создание я, создатель!»

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Элегия («Когда не тронул я, терзаясь...»). Впервые — «Свободные часы», 1763, май, стр. 302—303. *Пермский* Михаил (ум. 1770) — поэт и переводчик. Был дьячком в посольской церкви в Лондоне. По возвращении в Россию в 1760 г. поступил студентом в Московский университет. Сотрудничал в журнале Хераскова «Доброе намерение».

Элегия («Увы! тоскую я, увыл тоскую ныне...»). Впервые — «И то и сё», 1769, седьмая неделя, февраль, стр. 6—7. Без подписи. *Попов* Михаил Иванович (1742—1790) — поэт, драматург и актер, сотрудник сатирических журналов Новикова («Трутень») и Чулкова («И то и сё»), автор комической оперы «Анюта» (1772), книги «Досуги, или Собрание сочинений и переводов» (СПб., 1772). В «Элегии» пародируется однообразие поэтических мотивов в поэзии 1760-х гг. Пародию предваряет замечание: «Полюбилось мне частое повторение речей, и для этого собрал я их в кучу и наименовал сочинение сие элегиею; а какое мое намерение при том было, о том из стихов моих поймет и недогадливый читатель».

Ода («Хочу к бессмертью приютиться...»). Впервые — «Собеседник любителей российского слова», ч. 10. СПб., 1783, стр. 165—168. Без подписи. Со следующим «Письмом к издателю»: «Из Крыма от 1 декабря 1783. Господа издатели «Собеседника любителей российского слова». Некоторый из приятелей и товарищей моих сочинил несколько лет назад оду, которая еще никогда не была напечатана, хотя той чести, по мнению многих, и достойна. Препровождая к вам онаю, покорно прошу поместить ее в вашем издании и тем одолжить вашего покорного слугу и читателя, который именуется „Молодой

служивый»». Автор не установлен. Письмо пародирует «Письма издателям» начинающих писателей, подражателей и эпигонов, которые хотят «к бессмертью приютиться», сочиняя нелепые оды, подобные тем, которые высмеиваются в пародии. *Семирамида* (конец V в. до н. э.) — легендарная царица Ассирии. *Мерида* — озеро в Египте. В пародии перечисляются знаменитые в истории древнего мира «пары» противников: *Сципион* Публий Корнелий (ок. 235—183 до н. э.) — римский консул, ведший победоносные войны с Карфагеном и разбивший карфагенского полководца Ганнибала (*Аннибала*) в 202 г. до н. э.; *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, ведший борьбу за власть с Гаем Юлием *Цезарем* (100—44 до н. э.); *Дарий* III Комодан (IV в. до н. э.) — персидский царь из династии Ахменидов, разбитый наголову *Aлександром* Македонским (356—323 до н. э.); *Ахилл* и *Гектор* — герои Троянской войны, описанной в «Илиаде» Гомера. *Горюн*, *голубец*, *бычок* — старинные народные танцы, названные так по песням, под которые они исполнялись.

«Сколько пчел ни налетает...» Впервые — «Российский феатр», ч. 40. СПб., 1793, стр. 210—211, в комедии И. А. Крылова «Проказники», действие второе, явл. 7. Комедия написана в 1787—1788 гг. Стихи читает Плутана, служанка Прияты, переодетая в мужское платье, причем первым двум стихам дает такое объяснение: «Пчелами разумею я время, дни, часы; то есть, что на нее находит время или находят часы, которые будто борются с ее красотой» (стр. 210). Пародия на любовную лирику. В комедии содержится множество намеков на писателей того времени (пародийные образы поэтов XVIII в.: Рифмокрад — Я. Б. Княжнин, Таратора — Е. А. Княжнина, дочь А. П. Сумарокова, писавшая стихи. Н. И. Греч считал, что прототипом Тянислава был П. М. Карabanов; Г. А. Гуковский указывает на С. С. Боброва. См.: Г. А. Гуковский. «Заметки о Крылове». 1. Крылов и Княжнин. — Сб. «XVIII век», кн. 2. М.—Л., 1941, стр. 147—154). *Зальвом* — залпом (от нем. die Salve — залп, салют).

«В полночь ночи мрак восстал...» Впервые — там же, стр. 216, действие второе, явл. 10. Читает поэт Тянислав над притворно упавшей в обморок Плутаной, чтобы доказать, что его стихи «могут воскресить из мертвых». Пародируется архаический высокий стиль.

Гимн восторгу. Впервые — «Московский журнал», ч. 7, 1792, стр. 119—120. *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт-сентименталист, элегик и сатирик. В литературной борьбе выступал как убежденный сторонник Карамзина, осмеивая и пародируя классицистов. «Гимн восторгу» пародирует эпигонов ломоносовского одического стиля (напр., в строках: «Между эфиром и землею С хребтов Кавказских ледяных гор»). Возможно, имеется в виду одическая лирика В. Петрова.

Песня Рифмохвата. Впервые — «Российский феатр», ч. 41, 1794, стр. 202—203, в комедии И. А. Крылова «Сочинитель в прихожей», действие третье, явл. 1. Пародия на любовную лирику.

Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе. Впервые — «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», ч. 1. 1802, № 2, стр. 111—115. *Сумароков* Панкратий Платонович (1763—1814) — поэт, племянник А. П. Сумарокова, служил в лейб-гвардии; за подделку сторублевой ассигнации был сослан в Сибирь (Тобольск), где издавал журнал «Иртыш, впадающий в Иппокрену»; в 1802 г. ему было возвращено дворянство. «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов Пан<кратия> Сум<ароков>а» вышло — ч. 1 в 1799, ч. 2 — в 1808 г. Известностью пользовалась его поэма «Амур, лишенный зрения». «Ода, как явствует и из авторского примечания, пародирует «пиндаршину» эпигонов одического стиля (в первых четырех строфах) и сменившую ее слезливо-сентиментальную поэзию. Обращает на себя внимание в первых строфах пародирование сложных эпитетов, культивировавшихся в высокой поэзии, что служило признаком «следования Гомеру» и вместе с тем являлось отголоском старинной книжной риторики (ср. замечания Карамзина о «составных словах» в рецензии на «Илиаду» Гнедича — «Галатее», 1830, № 18, стр. 89—90). *Услышал стон я голубка*. Имеется в виду популярная песенка И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек...»

Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова. Впервые — «Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне». Книжка вторая. С предисловием Искандера <А. И. Герцена>. Лондон, 1861, стр. 17—20. Печ. по изд. — «Архив кн. Воронцова», т. 36. М., 1890, стр. 493—503, с устранением цензурной замены «шах» (вместо «царь») и расположением строк с соблюдением строфики ломоносовской оды. О *Марине* см. стр. 687. Политический памфлет, пародически использующий «Оду, выбранную из Иова» (переложение из Библии) Ломоносова. Эту оду Ломоносова заучивали с детства во всех слоях тогдашнего образованного общества, и неожиданное ее использование в сатирических целях произвело огромное впечатление. Памфлет Марина, направленный против императора Павла I и его военных («гатчинских») порядков, получил широкое распространение в списках, близких по содержанию и восходящих к одному оригиналу. Памфлет отражал недовольство русского офицерства, в особенности гвардии, и явился одним из моментов подготовки к дворцовому перевороту 11 марта 1801 г., активным участником которого был сам Марин. Вероятно, памфлет написан в конце царствования Павла I. Он переполнен злободневными намеками и издевками над «реформами» Павла, его болезненной склонностью к мелочам и внешней муштре, высмеивает его любимцев и фаворитку Анну Лопухину. Марин близко следует своему образцу и включает отдельные выражения и даже целые строки из ломоносовской оды. *О ты, что в горести напрасно*. Ср. у Ломоносова:

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек. . .

Офицер, который, подобно библейскому Иову, ропщет на свою судьбу, по гвардейскому преданию,— Иван Яковлевич Каннабих, типичный выскочка павловского времени. Был учителем фехтования в Морском корпусе; попав в гатчинские войска Павла Петровича, снискал его расположение отличной верховой ездой. После воцарения Павла был назначен преподавателем тактики «в особо учиненных классах» в Зимнем дворце. Хотя эти занятия предназначались для штабных офицеров, однако «знатнейшие лица в государстве и в том числе фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин, желая угодить государю, являлись слушать эти лекции» («Записки Д. В. Давыдова». Лондон, 1863, стр. 17). *Он гласом сборы прерывает. У Ломоносова: «И гласом грома прерывая». Эспантон* — короткая пика с плоским наконечником, в России введен Петром I для офицеров мушкетерских полков, при Екатерине II эспантоны были оставлены только в гвардии. *В штиблетах.* Павел ввел в войсках узкие штиблеты, которые мучили солдат при упражнениях и в походах. *Сбери все силы ныне. У Ломоносова: «Сбери свои все силы ныне, Мужайся, стой и дай ответ». Шаржировать* (от франц. charger) — здесь в значении: заряжать ружья. *Величество и власть мою.* У Ломоносова: «Величество и власть мою? Яви премудрость ты свою!» *Тактика.* Имеется в виду преподавание тактики Каннабихом (см. выше). *Где был ты, как передо мною Возрос из алебардов лес.* У Ломоносова: «Где был ты, как передо мною Бесчисленны тьмы новых звезд, Моей возжженных вдруг рукою». Павел возродил старинное вооружение алебардами (копье с топориком) и ввел его в пехотных корпусах. Во время перехода через Альпы суворовские войска извели древки алебард на дрова. *Винновые валеты.* Карточные валеты пик («вини») изображались с алебардами. *Кто деревянными кремнями.* У Ломоносова: «Кто море удержал брегами». При Павле во время маневров кремневые курки в ружьях были заменены бутфорскими из дерева, во избежание несчастных случаев от искр, высекавшихся кремнями. *Мундиры с битью золотою* — т. е. с витыми золотыми нитями на эполетах. *Не я ли сильною рукою.* У Ломоносова: «Не я ли сильною рукою Открыл и разогнал туман». *Пукли* — букли, напудренные прически с крутыми завитками у солдат. Малейшая неисправность тут грозила тяжким наказанием, и солдатам приходилось целые ночи перед парадом укладывать букли. *И двух в солдаты написать.* Имеется в виду разжалование в солдаты капитана Генерального штаба Кирпичникова и самого автора памфлета С. Н. Марина (за то, что во время церемониального марша сбился с ноги). *Бип* — укрепление в Гатчине, которое брали штурмом во время маневров. По-видимому, было прозвано в войсках «Гриб» (так в публикации Е. Боброва — ИОРЯС, 1906, кн. 4). *За вздор из службы исключить.* При Павле было отставлено от службы множество заслуженных генералов и офицеров, в их числе — Ермолов, Багговут, Дорохов, Коновницын, Беннигсен и другие, впоследствии герои 1812 года. *И навек в крепость посадить.* Имеются в виду звер-

ские расправы Павла за ничтожную вину или без всякой вины, в частности наказание кнутом и ссылка в каторжные работы в Нерчинск немецкого пастора Ф. Зейдера, которого рижский цензор Туманский обвинил в хранении «запрещенных книг», вроде книги Августа Лафонтена «Власть любви» (см. F. S. Seider, *Der Todeskampf am Hochgericht*, Berlin, 1803). *Твоей ли хитростью Кутайцев*. У Ломоносова: «Твоей ли хитростью взлетает Орел на высоту царя». Кутайцев — Кутайсов Иван Павлович (1759—1834), цирюльник и камердинер Павла I, был возведен в 1799 г. в графское достоинство и пожалован огромными имениями; сводник и вымогатель, одна из самых отвратительных фигур царствования Павла. *Басурман*. Кутайсов был родом гурок. *Такой талант тобой ли дан?* У Ломоносова: «Толь быстро око ты ли дал?» *Головы рубить*. Имеется в виду дело гвардии полковника Евграфа Грузинова и его брата подполковника Петра Грузинова. Против Грузиновых в 1800 г. было возбуждено вздорное обвинение (в намерении самочинно захватить Константинополь и в оскорблении величества). Их приговорили к наказанию кнутом, причем Евграф был засечен до смерти. Одновременно отрубили голову донскому войсковому старшине Афанасьеву и трем казакам (см. Евграф и Петр Осиповичи Грузиновы. Военно-судное дело в Черкасске.— РС, 1878, № 10). *Кадилом в церкви покадить*. Павел собирался объявить себя епископом и, как уверяют современники, однажды служил литургию в гатчинской церкви. *Благодать*. Имя Анна на древнееврейском языке означает «благодать». Павел приказал начертать на знаменах, флагах кораблей и даже на шапках гренадеров слово «Благодать» в честь своей любовницы Анны Лопухиной. *Акцион* — аукцион. С целью материальной поддержки ордена «иоаннитов» Павел предоставил право покупать за деньги «мальтийские кресты». *С французом кто два года дрался* и т. д. Захват острова Мальты революционной Францией послужил причиной разрыва с ней России и начала суворовских походов, так как Павел принял на себя звание гроссмейстера мальтийского ордена, поддерживавшего монархический режим во Франции. *Гоненье шляпам*. Павел считал ношение круглых шляп, получивших распространение во время Французской революции, признаком противогосударственного образа мыслей. Ношение их в России при Павле было объявлено государственным преступлением. Фраки скоро тоже попали под подозрение (*Изгнал потом с заносом фрак*). *Дурак* — было любимым словом Павла, который употреблял его без разбору, письменно и устно, не считаясь с возрастом и чином («Записки. мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», т. 1. Берлин, 1870, стр. 37). *Зачем тогда ты не сказал, Чтоб вид иной всему я дал?* Эти строки дословно совпадают с одой Ломоносова. *Сие, служивый, рассуждая* и т. д. У Ломоносова:

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь жиджителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.

Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

II

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Ода («Умолкни всё! — внимай, вселенна!..»). Впервые — ХД, 1816, апрель, стр. 75—76. Стихотворение посвящено, вероятно, Ивану Евсеевичу Срезневскому (1770—1820), поэту, переводчику Овидия, профессору славянского языка в Харьковском университете, сотруднику ХД. Пародия на жанр оды.

Новый Стерн. Впервые — отдельное издание, СПб., 1807. Печ. по изд.: А. Шаховской. Новый Стерн. Комедия в одном действии. Издание 2-е, СПб., 1822, стр. 12—14. Поставлена на сцене 31 мая 1805 г. Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — драматург и поэт. Был близок к группе А. С. Шишкова и беспощадно высмеивал карамзинистов. «Новый Стерн» — литературная сатира на сентиментализм, начиная от фигуры чувствительного поэта (сентиментальный путешественник граф Пронский, в котором видели прямую карикатуру на Карамзина) и кончая стилистикой карамзинизма. Романс, который исполняет граф Пронский, является пародией на жанр сентиментального романса и имеет в виду не только Карамзина, но и И. И. Дмитриева. «Новый Стерн» вызвал бурю полемических откликов и эпиграмм. Сторонники Карамзина и впоследствии арзамасцы дали Шаховскому прозвище «Шутовской». Шаховской ответил ирои-комической поэмой «Расхищенные шубы», начатой им в 1807 г., но подновленной и приправленной новыми выпадами в 1811—1815 гг., когда он стал ее печатать в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (в кн. 3, 1811, кн. 7, 1812 и кн. 19, 1815). *Леди* — собачка Пронского. *Ангел в образе интересной пастушки* — дочь мельника Маланья, по которой вздыхает Пронский. Слуга Пронского Ипат говорит языком своего барина, еще более преувеличивая штампы сентиментализма: «Вчера, как мы оплакивали нашего друга <собачку Леди>, Маланья, трогательная пастушка, гнала добреньких коров, романтических овец, сытеньких свинок гибкую хворостинкою в скромный скотный двор». «Новая Элоиза» — роман Ж.-Ж. Руссо, пользовавшийся большим успехом в России (первый перевод вышел в 1769 г.). *Любовница Нарциссова* — Эхо.

Песня («Я москвой быть желаю...»). Впервые — Москв., 1855, № 17—18, стр. 15—16. Датируется 1806—1807 гг. Пародия на песню «Я птичкой быть желаю...» Пародируется лирика сентименталистов. Около 1805 г. С. Н. Марин написал шуточное стихо-

творение, которое перекликается с пародией И. И. Дмитриева (С. Н. Марин. ПСС, М., 1948, стр. 50):

Ты птичкой быть желала,
Чтоб в армии пожить,
Или того не знала,
Что там могли губить. . .

Ответ Фекле на ее любовь. Впервые — «Русский библиофил», 1912, № 4, стр. 28—29. *Кайсаров* Андрей Сергеевич (1782—1813) — писатель и публицист, профессор русского языка и словесности Тартуского (Дерптского) университета. Убит 14 мая 1813 г. в сражении с войсками Наполеона. Пародия на любовную лирику сентименталистов, воспевание цветочков, голубочков и т. п. Датируется временем пребывания Кайсарова в Саратове, т. е. 1808—1810 гг., так как это стихотворение включено в тетрадь «Саратовские безделки».

Открытие в любви духовного человека. Впервые — «Поэты-радищевцы», Л., 1935, стр. 413—414, где напечатано по автографу. Подстрочное примечание имеет в виду библейского царя Соломона, которому приписывается авторство «Песни Песней».

Морская песня, в которой мореплаватель изъясняет любовную страсть свою морским языком. Печ. по изд.: «Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова», ч. 14. СПб., 1831, стр. 138—142. Одна из многих юмористических пародий, основанных на использовании профессиональной лексики в пародических целях. Несколько примеров таких пародий на любовную лирику см. в МП. А. С. Шишков приложил к своей пародии особое «Объяснение употребленных в сей песне слов», откуда и приводятся некоторые толкования (даны в кавычках). *Брандскугель* — «чугунные, начиненные порохом зажигательные ядра, которые бросают в неприятельские корабли». *Нактоуз* — «род ящика или поставца, в котором хранятся компасы». *Мальштром* — «известная при норвежских берегах пучина». *Яхта* — «судно, богато украшенное, которое нарочно строится для путешествия в нем царских лиц или знаменитых особ». *Фрегат* — трехмачтовое парусное военное судно. *Марсель* — средний парус. *Брамсель* — верхний парус. *Фок* — нижний парус на передней (носовой) мачте. *Идти под фоком*. Во время бури все другие паруса убирают, оставляя только фок (для уменьшения качки). *Пункт* — точка; здесь: местоположение. *Запеленговать* — «заметить по компасу, в какой стороне какой предмет от нас виден». *Брасопить* — «устанавливать паруса так, чтоб ветер надувал их». *Кильватер*. «Говорится: идти в кильватер, когда один корабль, лежа на одной черте с другим, идет за ним».

Изъяснение в любви одного приказного. Впервые — ХД, 1816, март, стр. 35—37. Без подписи. Юмористическая пародия на любовную лирику.

План трагедии с хорами. Впервые — «Сочинения И. И. Дмитриева», изд. 3-е. М., 1810, стр. 73—75. Перевод французской анонимной пародии: *Plan d'un opéra en trois actes*, использованный в русских условиях и воспринятый как пародия на классицистическую трагедию. Впоследствии переработано В. С. Курочкиным как пародия на оперные штампы — «Американский принц и африканская принцесса» (БВ, 1875, № 142, в фельетоне «За неделю»). В фельетоне, мистифицируя читателя, автор сообщал, что пьеса якобы была поставлена в 1665 г. в Москве студентами Духовной академии (Славяно-греко-латинская академия в Москве была основана в 1685 г. — А. М.) и найдена среди бумаг известного актера Дмитриевского (намек на пародию Дмитриева). Далее Всеволод Пагодин, имя которого стоит под этой «публикацией», пишет: «Француз Дюваль, правда, уверяет, что совершенно подобная пьеса была разыграна в 1778 г., т. е. целым веком позже, в Париже актером Томассоном, но верить этому не следует» (см. примеч. И. Г. Ямпольского — ПИ, т. 1, стр. 783).

Песнь луже. Впервые — «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения», СПб., 1810, № 24, стр. 96. *Нахимов* Аким Николаевич (1782—1814) — поэт-сатирик, участник литературного кружка, издававшего сатирический журнал «Харьковский Демокрит». Пародируется «песнь» (в значении одического жанра), с выпадам против дидактизма «философической» поэзии («Наставник лужа для меня; Читает мне урок прекрасный, С которым опыты согласны»).

Элегия на потерю рожка. Впервые — ХД, 1816, май, стр. 35—36. Без подписи. Автор — вероятно, А. Н. Нахимов.

<Песенка Эраста Чертополохова> («Всё служит красоте...»). Впервые — «Благонамеренный», 1825, № 3, стр. 130, в пародийной повести П. Л. Яковлева «Несчастье от слез и вздохов». *Яковлев* Павел Лукьянович (1789—1835) — сотрудник «Благонамеренного», автор произведений, изобиловавших юмористическими жанровыми картинками и в то же время пародировавших содержание и стиль «чувствительных повестей» (роман «Удивительный человек», М., 1831; «Рассказы лужницкого старца»). Его «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» (М., 1828) пародировало «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. В повести «Несчастье от слез и вздохов» выведен чувствительный поэт Эраст Чертополохов. «Вздохи и слезы! красноречивые представители мук сердечных, тоски душевной, страданий телесных! Вам, вздохи и слезы! посвящена была жизнь чувствительного Чертополохова», — определяет своего героя автор. Ему же в повести посвящена следующая «эпитафия»:

Под камнем сим лежит Эраст Чертополохов.
Скончался (в среду) от слез, любви и вздохов!

Пастораль «Всё служит красоте...» Эраст Чертополохов исполняет на голос песни «На то ль, чтобы печали?..» (Об этой повести см. К. Скипина. О чувствительной повести.—Сб. «Русская проза». М., 1926).

Урок кокеткам, или Липецкие воды. Впервые — отд. издание: «Урок кокеткам, или Липецкие воды», комедия князя А. А. Шаховского. СПб., 1815. Эта комедия Шаховского вызвала резкое обострение литературной борьбы карамзинистов и шишковистов и послужила причиной основания «Арзамаса». Сыграна впервые на петербургской сцене 23 сентября 1815 г. В фигуре «балладника» Фиалкина современники увидели карикатуру на Жуковского, в результате поднялась «страшная буря на Парнасе». Вяземский тогда же написал сатирическое «Письмо с Липецких вод» («Российский музей», 1815, № 12), Дашков — резкую статью «Письмо к новейшему Аристофану» (СО, 1815, № 42). На Шаховского посыпались бесчисленные эпиграммы. М. Н. Загоскин написал в его защиту «Комедию против комедии», которая была поставлена уже 3 ноября 1815 г. (См. материалы в сб.: В. Н. Орлов. Эпиграмма и сатира, т. 1. М.—Л., 1931). «Баллада», которую поет Фиалкин, пародирует как общий стиль баллад Жуковского, так и отдельные их мотивы. Комедия Шаховского высмеивала не только Жуковского, но и все новое направление на переходе от сентиментализма к романтизму. Обращает внимание гиперболическое развитие темы чувствительности (Гомер ослеп от чувствительных слез) и неожиданное бессмысленное заключение с характерной для карамзинистов «игрой слов».

Рыцарь. Впервые — ХД, 1816, январь, стр. 25—29. И. Е. Срезневский — см. стр. 694. Пародия на романтическую балладу.

Студент. Действие 3, явление 10. Впервые (небольшой отрывок) — в статье Л. Майкова «Заметки об А. С. Грибоедове». — «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета», вып. 2. СПб., 1860, стр. 237—240. Полностью — ПСС А. С. Грибоедова под ред. И. А. Шляпкина, т. 2. СПб., 1889, стр. 43—140. Печ. по изд. — А. С. Грибоедов. Сочинения. Под ред. В. Н. Орлова. М., 1956, стр. 233—235. Написано А. С. Грибоедовым сообща с П. А. Катениным в первой половине 1817 г. Направлено против эпигонов карамзинизма и сентиментально-элегической поэзии. «Студент» содержит также личные сатирические выпады против М. Н. Загоскина, подписавшего свои статьи в журнале «Северный наблюдатель» (1817) псевдонимом — «Ювенал Беневольский». Это же имя дано и герою комедии — наивному и малокультурному провинциалу, лезущему в литературу. Против Загоскина был направлен и написанный в том же году Грибоедовым памфлет «Лубочный театр». Стихи Беневольского (по указанию В. Н. Орлова) пародируют отдельные места стихотворений В. А. Жуковского («К Батюшкову», «Уединение»), К. Н. Батюшкова и В. Л. Пушкина.

Елегия в новом вкусе. Впервые — ВЕ, 1821, № 9, стр. 15—17, с примечанием редактора ВЕ. С. Т. Аксаков указывал в «Литературных и театральных воспоминаниях», что в этой пародии он выразил «протест против туманно-мечтательных стихотворений, порожденных подражанием Жуковскому» (С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 3. М., 1956, стр. 51).

Правила нынешних молодых поэтов. Впервые — «Благонамеренный», 1821, № 3, стр. 146—147, без подписи. Автор, вероятно, Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — второстепенный поэт, комедиограф и критик, сотрудничавший в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный».

Элегия («Напрасно изливал я мирю пред богами...»). Впервые — «Благонамеренный», 1821, № 11—12, стр. 219—222. Автор не установлен. Аркадин — пародийный псевдоним эпигона сентиментализма, поэта-идиллика Владимира Ивановича Панаева (1792—1859), подражавшего немецкому поэту Геснеру. В 1820 г. «Идиллии» В. И. Панаева вышли отдельным изданием с приложением «Рассуждения о пастушеской или сельской жизни» автора. Пушкин называл его «идиллическим коллежским асессором». В начале 1820-х гг. В. И. Панаев и А. Е. Измайлов были завсегдатаями салона С. Д. Пономаревой, где было образовано шуточное общество «Сословие друзей просвещения». В этом обществе Измайлову было дано прозвище «Баснин», Панаеву — «Аркадин» (см. Воспоминания В. И. Панаева ВЕ, 1867, т. 3). «Элегия» может рассматриваться как шуточная пародия.

Увы и ах. Впервые — «Благонамеренный», 1822, № 37, стр. 439. Автор не установлен. Пародирование прозой элегических мотивов «новой поэзии» стремится показать ее общность с «чувствительной прозой» сентименталистов.

Союз поэтов. Впервые — «Благонамеренный», 1822, № 38, стр. 512—514. Автор пародии, вероятно, Б. М. Федоров (см. выше). Пародируется жанр дружеских посланий, культивировавшийся поэтами пушкинской плеяды. Сурков — А. А. Дельвиг (по лености и сонливости), Тевтонов — В. К. Кюхельбекер (по немецкому происхождению), Барабинский — Е. А. Баратынский. Интересно отметить, что первый раз стихи Баратынского были напечатаны в 1819 г. в «Благонамеренном» Измайлова, куда их послал без ведома поэта Дельвиг. Заглавие имеет в виду стихотворение В. К. Кюхельбекера «Поэты» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1820, № 4), содержащее обращение к Дельвигу и Баратынскому:

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье гвердый,
Союз любимцев вечных муз!

Мой Гораций. Имеется в виду послание Баратынского «Дельвигу» (СО, 1819, № 31): «Так, любезный мой Гораций...» Ответом на это послание были стихи Дельвига, обращенные к Баратынскому (1819): «За го ль, Евгений, я Гораций...», напечатанные посмертно, но несомненно известные в дружеском кругу. Обращение к Горацию (с рифмой *граций*) стало своего рода штампом дружеских посланий. Ср. у Вяземского в послании Д. Давыдову (конца 1810-х гг.):

... Наставник счастья Гораций;
И океанного Парни,
Поклонника единых граций...

Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — римский поэт. *Видения слагайте.* Имеется в виду стихотворение Дельвига «Видение» («Труды Общества любителей российской словесности», 1820, кн. 3). *В окно не зря глядите.* Пародируются строки Баратынского в стихотворении «Бдение» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, № 1):

... Душа стеснилася тоскою;
Я грустно онемел,
Склонился на руку главою,
В окно не зря глядел...—

т. е. ничего не зрящими очами, ничего не видя. Это архаическое словоупотребление (наряду с разговорным значением «не напрасно») высмеивал Н. А. Цертелев в статье «Новая школа словесности» (см. вступ. статью, стр. 37—38). *И чашами стучите.* Упоминание дружеской чаши, обычное в посланиях. Ср. у Баратынского в «Послании к б<арону> Дельвигу» («Невский зритель», 1820, № 3):

«Что в славе? что в молве? на время жизнь дана!» —
За полной чашей мы твердили
И весело в струях блестящего вина
Забвенья сладостное пили.

Беспечность, свободу, в кустах огорода. Намек на стихотворение Дельвига «Мой домик» («Труды Общества любителей российской словесности», 1822, кн. 3):

... но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов...
... С заботой привычной
Порхать и летать

И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.

К баловню поэту. Впервые — «Благонамеренный», 1822, № 40, стр. 8. Вероятно, автором пародии был Н. Ф. Остолопов (о нем см. стр. 708). Пародируется жанр дружеского послания с гротескным нагромождением привычных образов, эпитетов и т. д. *Фив-Аполлон*. Одновременным употреблением греческого и латинского наименования богов пародируется обращение к античности в дружеских посланиях (то же *Пафа-Киприда*).

Немногое для многих. Впервые — «Благонамеренный», 1823, № 3, стр. 213—215. *Цертелев* Николай Андреевич (1790—1869) — литератор, известен как этнограф и фольклорист (собираатель украинских народных песен). Баратынский в своей сатире «Гнедичу» (1823), перечисляя сотрудииков «Благонамеренного», писал:

И Цертелев блажной, и Яковлев трактирный,
И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный. . .

Перечисленные авторы изошрялись в нападках на «новейший романтизм». Цикл стихотворений «Немногое для многих» читает в фельетоне *Жителя Васильевского острова* некий модный и захваленный поэт, в котором «видно летучее воображение и талант вымысла» и который «разгадал тайну романтической поэзии». Чтение прерывается восторженными похвалами слушателей. Стихотворение «Непостоянство» вызывает восклицания. «Какая беглость! Какая гармония стихов! Слушая такие стихи, не замечаешь даже, что они стопованы». По поводу стихотворения «Знакомый незнакомец» сыпятся замечания: «Как удачно изображено ожидание обетованного свидания с неизвестным, незнакомым душе». В «Кладбище» в особенности хвалили последний стих, который, по их мнению, показывал «всю ничтожность земного». «Странница» вызвала новые восклицания: «Сколько мыслей! Сколько местности и народности! Сколько глубины чувств!»

К ново-школьным пиитам. Впервые — «Благонамеренный», 1824, № 13, стр. 43—44. Автор не установлен. *Русские Гюгоны* — подражатели Виктора Гюго. Одно из первых упоминаний о В. Гюго в русской журналистике в статье: «О новых одах Виктора Гюгона и поэзии романтической» (ВЕ, 1824, № 13).

Ода его сият<ельству> гр<афу> Д. м. Ив. Хвостову. Впервые — А. С. Пушкин. Собр. соч. Под ред. П. В. Анненкова, т. 7, 1857, стр. 103—104. Печ. по изд. — А. С. Пушкин. ПСС. Изд. Академии наук СССР, т. 2, 1947, стр. 387—389. Написана в 1825 г. Пародируется жанр оды и одический стиль в связи с попытками возродить его в 20-х годах XIX в., прежде всего в творчестве Кюхельбекера и отчасти Рыльева. «Ода» явилась также поле-

мическим и пародийным откликом на волну произведений, посвященных смерти Байрона (19 апреля 1824 г.). Одним из первых таких откликов было большое стихотворение Кюхельбекера «Смерть Байрона» в альманахе «Мнемозина» (ч. 3, 1824) и стихотворение Рылеева, написанное тогда же, но напечатанное значительно позднее (в 1828 г. в «Альбоме северных муз»). Хвостов явился в данном случае лишь комическим персонажем, к которому обращена ода, хотя и не лишенная черт пародирования его стиля (см. исследование Ю. Н. Тынянова «Ода его сиятельству графу Хвостову». — «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», М.—Пг., 1922, стр. 75—92). «Ода» построена на комической ситуации (Хвостов, долженствующий заступить место Байрона). Примечания Пушкина пародируют манеру Хвостова снабжать комментариями свои поэтические произведения. Отчасти они метят и в Кюхельбекера, который предпослал своей оде пояснения к отдельным местам. Второе примечание прямо указывает на него как на адресат пародии. *Резвоскачет*. У Кюхельбекера в «Послании Грибоедову» (МТ, 1825, № 2) употреблено выражение «резвоскачушая кровь», стоящее в одном ряду с архаическими сложными эпитетами «гомеровского» стиля. *Где от крови земля промокла* и т. д. Пародируется рифма в стих. Рылеева «А. П. Ермолову» (с переменной опоясывающей рифмы на парную для усиления комического эффекта):

Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена;
Геройской кровью уж земля намокла
И трупами врагов удобрена. . .

Эта же рифма и в стихотворении Рылеева «На смерть Байрона». *Питт* Вильям младший (1759—1806) — английский государственный деятель, возглавлял борьбу европейской коалиции против революционной Франции. *Перикл* (ок. 495—429 до н. э.) — государственный деятель Афин. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский полководец, одержавший решительную победу над персидским флотом у острова Саламин (480 до н. э.). *Леонид* — спартанский полководец, с небольшим войском преградивший путь персам в Фермопильском ущелье в 480 г. до н. э. *Мильгиад* — афинский полководец, одержавший крупную победу над персами при Марафоне в 490 г. до н. э.

Вдохновительность ночи. Впервые — «Атеней», ч. 1, 1828, стр. 93. «Письмо к издателю незнакомого» предваряет элегию словами: «Робость, происходящая от неопытности, еще не допускает меня подвизаться на поприще эпопей; но ленивые досуги внушили мне антологическое (буквально — цветочное или пустоцветное) стихотворение, которое вам, м. г., не худо бы напечатать в своем журнале». Автор не установлен. Пародируются элегические мотивы, в частности Батюшкова, подчеркивается установка на фрагментарность новой лирики.

Калейдостихон. Впервые — «Северная пчела», 1825, № 12, 27 января. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — реакционный

журналист и писатель, соратник Ф. Булгарина. Рецензия-пародия. В одном и том же номере «Северной пчелы» даны рецензии: 1. на «Калейдоакустикон, музыкальное упражнение для составления 214 миллионов вальсов», СПб., 1824 (к книжке были приложены «такты», переставляя которые, можно сочинить множество вальсов); 2.— на изданную отдельной книжкой поэму В. Н. Олина «Кальфон» (СПб., 1824). За выписанными названиями обеих книг следуют «отрывчатые стихи». Переставляя их в любом порядке, можно сочинять целые поэмы. «Калейдостихон» — непосредственный предшественник изданной отдельной брошюрой «Пиитической игрушки» (см. ниже). Олин Валериан Николаевич (1788—1840) — незначительный поэт и переводчик. Издавал «Журнал древней и новой словесности» (1818—1819), газету «Рецензент» (1821). В 1823 г. вышла его книга «Оскар и Альтос», представлявшая собой вольное переложение эпизодов из Оссиана. В предисловии к ней Олин писал: «Что ж касается до метра, то я предпочел стиху александрийскому, неприличному, как мне кажется, сему роду сочинений, размер четырехстопный ямбический, с вольными рифмами, как метр, заключающий в себе, по мнению моему, более быстроты и движения. Сверх сего пусть позволят заметить мне мимоходом, что, хотя рифмы вольные, или, лучше сказать, учащенные, облегчая с одной стороны, а именно на счет краткости выражения мыслей, представляют, с другой, немалую трудность касательно приятного для уха размещения оных». Вслед за этой книгой появился «Кальфон», написанный тем же размером и с теми же «вольными рифмами». В «Калейдостихоне» выбраны подлинные отрывки из «Кальфона». Рубленные и банальные, с частым повторением собственных имен, постоянно рифмующихся, стихи Олина производят особенно комическое впечатление в отрыве от общего изложения. Приводим начало поэмы:

Летучих серн молодой ловец,
Кальфон, бестрепетный боец,
Племен эринских вождь прекрасный,
И Рельдурата сын ужасный,
Герой неистовый, Комлат и т. д.

Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки Классицизма. Изданная Н. М. Впервые — отдельным изданием (М., 1829). Автор не установлен. Воспроизводится полностью. «Пиитическая игрушка» построена по тому же принципу, что и «Калейдостихон», раскрывая его возможности для пародирования других жанров (в данном случае романа и «застольной песни»). Принцип этот дожил до нашего времени. В «Крокодиле» (1959, № 36) появилась пародия В. Бахнова и Я. Костюковского — «Поэма — 1», где демонстрируется «поэтическая машина», приспособленная для написания новогодних стихов (приведено по десять вариантов строки для четверостишия). *Бомарше Пьер* (1732—1799) — французский драматург. *Гиперборейский* — здесь в значении: присущий уроженцам севера. *Нодье Шарль* (1780—1844) — французский писатель-романтик, критик и филолог.

В начале своей книги «Вопросы судебной литературы» Нодье поясняет ироническое название этого сочинения, посвященного таким вопросам, как плагиат, приписывание авторам не принадлежащих им произведений, литературные подлоги и т. п.

Эпиграмма («Шалун, Гораций наших лет...»). Впервые — МТ, 1830, № 1, стр. 95, в рецензии Н. А. Полевого на «Пиитическую игрушку». Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, писатель и историк, редактор прогрессивного журнала «Московский телеграф» (1825—1834), закрытого после отрицательной рецензии на монархическую пьесу Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Вскоре после разгрома журнала внутренне сломленный Полевой перешел в лагерь реакции. О нем см. вступ. статью, стр. 45—50. Пародия на жанр дружеской эниграммы. Один из первых выпадов Полевого против романтической поэзии. В своей рецензии Полевой предлагает автору «Пиитической игрушки» распространить свое изображение и на романтизм. «Романтизм может ему предоставить не менее потехи. Разве более лада в удалых посланиях, туманных элегиях, разрывчатых отрывках, какими душат нас теперь во имя романтизма? Советуем г. М. увеличить свою «Пиитическую игрушку», составить отделы для идиллий, элегий, отрывков, разбойничьих песен, баллад: дело нетрудное!» Далее как образчик разборного произведения новой школы приводится эпиграмма: «Шалун, Гораций наших лет...». «Можно перестановить все строчки, на место точек вставить имя собственное, и смысла не прибудет, не убудет, то есть, как его не было, так и не будет никакого». Приведены и примеры перестановок:

1

Шалун, Гораций наших лет!
Иль среди волн туманной Леты
Ты утонул, как все поэты,
Душемучительный поэт?

2

Среди беспечного досуга,
О милый баловень — поэт!
Ты позабыл поэта-друга,
Душемучительный атлет.

Хотя пародийная эпиграмма несомненно направлена против Баратынского, ввиду ее общего характера, помещаем ее в числе жанровых и стилевых пародий. Интересно отметить, что впоследствии В. С. Курочкин, по-видимому, воспользовался этой «разборной эпиграммой», пародируя жанр «дружеского послания» («Поручение в Ревель» Вяземского, 1833) в небольшой сценке встречи на парижском бульваре гр. В. А. Соллогуба и кн. П. А. Вяземского (И, 1862, № 40, в фельетоне «В гостях и дома»):

О поэт!
Ты атлет.
Брат Гомеру родной. . .

Душесмутительный поэт — выражение Баратынского в стихотворении «Подражателям» («Московский вестник», 1830, № 1), направленном против эпигонов романтической поэзии. *Горацій* — см. примеч. к пародии «Союз поэтов», стр. 699.

Наставление стихотворцу, которому поручено было написать надгробную для некоторой особы. Впервые — «Северный Меркурий», 1831, № 15, 4 февраля, стр. 63. Без подписи. Пародия на жанр стихотворных эпитафий.

Девница - гастронюмка. Впервые — «Северный Меркурий», 1831, № 27, 4 марта, стр. 110—111. Псевдоним не раскрыт.

Баллада («Замок Альфа чудесами. . .»). Впервые — «Северный Меркурий», 1831, № 17, 9 февраля, стр. 70—71. Автор не установлен. Пародия на романтическую балладу эпигонов Жуковского. *Ринальд* — Ринальдо Ринальдини, герой одноименного разбойничьего романа немецкого писателя Христиана Вульпиуса (1762—1827). *Ивангое* (Айвенго) — герой одноименного романа В. Скотта.

Х л о е. Впервые — МТ, 1831, № 6, НЖ, стр. 102, в сцене Н. А. Полевого «Три дня в двадцати годах». Мадригал читает поэт Мыслинский.

<Монолог из трагедии Мыслинского «Артаксеркс»>. Впервые — там же, стр. 103. Монолог читает поэт Мыслинский в той же сцене (см. выше).

Ода на свирепствовавшую в Москве болезнь, Холеру. Впервые — МТ, 1831, № 17, НЖ, стр. 295, в очерке Н. А. Полевого «Беседа у старого литератора, или Устарела старина!». Печ. по изд. «Новый живописец», ч. 4, М., 1832, стр. 186. Оду читает престарелый «лирик» Карп Григорьевич в доказательство того, что «и в наши времена есть последователи истинной поэзии, т. е. изящной, классической». Возможно, имеется в виду Д. И. Хвостов. *Гангес* — Ганг.

Эпиграмма («Корчи харю философ. . .»). Впервые — МТ, 1831, № 21, НЖ, стр. 350, в очерке Н. А. Полевого «Беседа у молодого литератора, или Старым бредит новизна». Печ. по изд. «Новый живописец», ч. 4, М., 1832, стр. 192. Пародируется жанр поэтического экспромта. Возможно, намек на Баратынского. Эпиграмму читает поэт Талантин.

Воспоминания («Безумства юного бескрылые желанья. . .»). Впервые — МТ, 1832, № 5, «Камер-обскура», стр. 96, в очерке Н. А. Полевого «Общество беззубых литераторов». Печ. по изд.—

«Новый живописец», ч. 6. М., 1832, стр. 97. Стихи произносит Грошевилов — молодой сотрудник «Общества».

Калмыцкий пленник. Впервые — «Молва», 1832, № 75, 16 сентября, стр. 297—298. *Станкевич* Николай Владимирович (1813—1840) — глава литературно-философского кружка в Москве в 1830-х гг.; *Мельгунов* Николай Александрович (1804—1867) — писатель, сотрудничавший в журнале «Московский наблюдатель», а позднее в Москв., автор книг «Рассказы о былом и небывалом» (2 части. М., 1834) и «Гулянье под Новинским» (М., 1841). Их авторство раскрыто в книге: «Н. В. Станкевич. Стихотворения. Трагедия. Проза». М., 1890, стр. 31. Пародируется романтическая поэма как жанр, с намеками на Пушкина и Баратынского. Н. В. Станкевичу принадлежало также несколько шуточно-пародийных стихотворений, до нас не дошедших: «Хор духов над спящим Т. Н. Грановским, возвещающий ему скорое пришествие бутерброда, и горькие жалобы героя при пробуждении на отлетевшее блаженство, к которому он уже был так близок», «Послание к Н — ву по случаю печальных звуков, которые он извлекал из мусийского струмента», и др.

Н. М. КАРАМЗИН

(1766—1826)

Описание бракосочетания г-на К <арамзина>. Впервые — РС, 1876, № 9, стр. 176—180 (публикация А. Д. Галахова). Печ. по рукописи ПД, ф. 309 (Архив братьев Тургеневых. № 595). А. С. *Кайсаров* — см. стр. 695. Пародия написана в 1891 г. Поводом для нее послужила женитьба Н. М. Карамзина на Елизавете Ивановне Протасовой (в апреле 1801 г.). «Описание» составлено из цитат, взятых из произведений Карамзина, пародийно переосмысленных, так как условно-аллегорические образы применены к конкретной бытовой обстановке бракосочетания Карамзина. Приводимые цитаты соответствуют следующим произведениям Карамзина: *Солнце красное явилось, Улыбнулось всё творение* и *Никогда в Российской области* — из стихотворной сказки «Илья Муромец» («Аглая», кн. 2, 1795). *Лишась способности грешить*. Этот «псалом» смонтирован из отдельных строчек стихотворения Карамзина «Исправление» (альманах «Аониды», кн. 3, 1798—1799):

Пора, друзья, за ум нам взяться,
Беспутство кинуть, жить путем.
Не век за бабочкой гоняться,
Не век быть резвым мотыльком.

Заключительные слова: «... Я лишился (Увы!) способности грешить!» превращены в пародии в рефрен. *Чином я не генерал и Тут прекрасная вздохнула* — из заключительной строфы стихотворения «Выбор жениха» («Аониды», кн. 3, 1798—1799). *Очарован я тобою* — из стихотворения «Странность любви, или Бессонница» (в сборнике «Мои

безделки», 1794, ч. 2). *Священная природа* — из песни «Законы осуждают» в повести Карамзина «Остров Борнгольм» («Аглая», кн. 1, 1794). В последней строке цитаты «Чтоб я ее любил» вместо «Чтоб Лилу я любил». Песня Карамзина «Законы осуждают» пародирована также Гоголем в «Мертвых душах» (в письме Неизвестной к Чичикову); ее цитирует и Хлестаков в «Ревизоре». *Сплетенный вам венок из белых тубероз* — из стихотворения «Приношение грациям» («Аглая», кн. 1, 1794); *Простите, скромные диваны, Простите хитрости, обманы* и *Пора, друзья, за ум нам взяться* — из стихотворения «Исправление» (см. стр. 705); *Какой закон святее* — из песни «Законы осуждают» (см. выше); *Я не волен* — из стихотворения в прозаическом лирическом цикле «Афинская жизнь» («Аглая», кн. 2, 1795); *Любовь и дружба — вот чем можно* — из «Послания к Дмитрию...» («Мои безделки», 1794, ч. 2). *Мать любезная природа, улыbnись* — ср. в «Молитве о дожде» («Мои безделки», ч. 2):

Мать любезная, Природа!
От лазоревого свода
Дождь шумящий ниспошли
Оросить лицо земли!

Небо на земле вкусили — из стихотворения «К неверной» («Аониды», кн. 2, 1797). Отрывки из произведений Карамзина последовательно подменяют песнопения, возгласы и чтение соответствующих мест из церковных книг — «Апостола» и «Евангелия» во время совершения обряда бракосочетания православной церковью. Таким образом, пародируется и сам обряд. *Исаия, ликуй* — церковное песнопение при совершении обряда бракосочетания.

Н. Ф. КОШАНСКИЙ
(1781—1831)

На смерть кучера Агафона. Впервые — БЗ, 1859, № 5, стр. 148. Печ. по изд. — А. А. Дельвиг. ПССт. Л., 1934, стр. 238. Кошанский Николай Федорович — профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее, когда в нем учился Пушкин и его друзья. Поэт-сентименталист. Дельвиг пародирует элегию Кошанского «На смерть графини Ожаровской» (ВЕ, 1814, № 23). В числе служителей лицея в 1812 г. значился кучер Агафон Ефимов, оставший солдат. Агафон был одним из персонажей, которого «паясил» (передразнивал) лицеист М. Л. Яковлев. Дельвиг последовательно подменяет «низкими» предметами из бытового окружения Агафона элегические мотивы стихотворения Кошанского и пародирует каждую строфу. Приводим для сравнения элегию Кошанского:

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ ОЖАРОВСКОЙ

Ни прелесть, ни краса, ни радость юных лет,
Ни пламень нежного супруга,
Ни сиротство детей, едва узревших свет,

Ни слезы не спасли от тяжкого недуга,
 И Ожаровской нет!
 Потухла, как заря во мраке тихой ночи,
 Как эхо томное в пустыне соловья! . .
 О небо! со слезой к тебе подъямлю очи
 И, бранный, не могу не спросить тебя:
 Ужели радостью нам льститься невозможно
 И в милом счастье напрасно находить,
 Коль лучшим существам жить в мире лучшем должно,
 А нам здесь слезы лить?
 Увы! не будешь ты всех радостей душею!
 Не встретишь каждого любезностью своею;
 И другу не вместишь в себе одной весь мир —
 Уже не сядешь ты в мечтаныи за клавир,
 Твой глас волшебный не прольется
 Через отверстие окно во мрак ветвей,
 Где твой соперник соловей
 С досадою не отзовется,
 И нежный твой супруг сквозь слез не улыбнется!
 Умолкло всё с тобой! Эроты слезы льют,
 Супруг и Грации венки на урну вьют
 И, оросив твой прах слезою,
 Почий, вещают, мир с тобою.

П. И. ШАЛИКОВ

(1768—1852)

Э п и т а ф и я («Любовь любовью пленилась. . .»). Впервые — РА, 1867, № 3, стлб. 985. Шаликов Петр Иванович (из грузинских князей) — эпигон сентиментализма, издатель журналов «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808—1810 и 1812), «Дамского журнала» (1823—1833). Был постоянной мишенью для насмешек не только среди литературной молодежи пушкинского круга, но и среди самих карамзинистов. Племянник И. И. Дмитриева М. А. Дмитриев сообщал: «Когда дядя мой станет, бывало, нападать на его <Шаликова> пустоту, холодность и вялость, то Карамзин прекрасно защищал его, говоря, что в нем есть что-то т е п л е н ь к о е» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 93). В эпиграммах и пародиях Шаликова именовали то «московским Хвостовым» (в том смысле, что он был такой же притчей во языцех), то Вздыхаловым (у П. Вяземского — «Выход Вздыхалова», «Первый выход Вздыхалова» и др.). Пародия Дмитриева написана на эпитафию Шаликова на смерть И. Ф. Богдановича (ВЕ, 1803, № 6, стр. 140):

Любовь у Душеньки в плену любви была,
 А Душеньку душа его произвела:
 Что ж был он для сердец? . . Пусть сердце отвечает
 Тому, кто истинных талантов цену знает.

Шарада. Впервые — «Дамский журнал», 1824, № 17, стр. 164—165. Подпись — нераскрытый псевдоним. Шаликов неразборчиво печатал присылавшиеся ему шарады и в результате попался на удочку какого-то мистификатора, приславшего ему «шараду-пародию», вдобавок представляющую собой несколько замаскированный (перестановкой двух строк) акростих, который читается: «Шаликов глуп как теленок. Да». Отгадка шарады: Каракалпак. *Уж верно б два мои вам первые сказал.* Игра слов: кара и сага (итал.) — дорогая.

<Песенка Эраста Чертополохова> («Клюйте, галки!..»). Впервые — «Молва», 1831, № 10, стр. 1. Без подписи. Автор не установлен. Пародия-эпиграмма, осмеивающая Шаликова и тематику его «вздохательных» песенок. Примечание редакции «Молвы»: «Очень сожалеем, что не имеем теперь под рукою прекрасной музыки, сочиненной на эту песенку». Является ли это примечание шуткой или существовала пародийная музыка на эту «Песенку», нам неизвестно. *Калужер* — растение с сильным бальзамическим запахом; глистогонное средство.

В. А. ОЗЕРОВ

(1769—1810)

Прелеста. Впервые — в статье «Пародия» в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Остолопова, ч. 2. СПб., 1821, стр. 338—340, как отрывок из пародии на трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской». Автор не установлен. Возможно, им был сам Николай Федорович Остолопов (1782—1833), поэт и филолог. Озеров Владимир Александрович — поэт и драматург, писавший трагедии на исторические сюжеты, однако в значительной степени лишенные исторической конкретности. Внешне подчиненные общим принципам трагедии классицизма, они были исполнены «чувствительности», нашедшей горячий отклик у карамзинистов. В пародии произведена «подмена» риторических героев трагедии Озерова условными персонажами бытовой комедии (Дмитрий Донской — Любезин и др.). Приводим для сравнения отрывок из трагедии (по изд. 1807 г.). Действие второе, явл. 1. Сцена перед шатром нижегородской княжны Ксении. Беседуют Ксения и ее наперсница Избрана:

Избрана

Какое зрелище для русских воев ново!
Средь стана шумного, где чувство сурово
Одной питается военною грозой,
Увидят мирный храм и ход блестящий твой,
Который брачными свечами озарится.

Ксения

Избрана! никогда сей брак не совершится,
И в храме для меня свещей печальный свет
Лишь должен осветить монашества обет,
Мне должен быть зарей желанного спокойства.

Митюха Валдайский. Зрелище в трех действиях. Впервые — БЗ, 1861, № 5, стлб. 145—160, и № 6, стлб. 175—190. Печ. по РС, 1878, № 10, стр. 321—359, где опубликовано П. А. Ефремовым по другому списку. В первой публикации авторство было ошибочно приписано актеру Силе Николаевичу Сандунову, в бумагах которого П. А. Ефремовым был обнаружен список пародии. Это вызвало разъяснительную статью Я. К. Грота «Об авторе Митюхи Валдайского» (БЗ, 1861, № 15). Об авторе пародии — П. Н. Семенове см. стр. 688. Ефремов сообщает, что Семенов написал «Митюху Валдайского» в 1810 г., затем несколько раз перерабатывал, а в 1826 г. подготовил к печати и передал М. П. Погодину для «Московского вестника», но пародия была запрещена цензурою. В 1826 г. Семенов написал следующее «Предупреждение» к тексту, предназначенному для печати: «„Шутка была началом пародии“, — сказано в предисловии к известной пародии Боало на трагедию Корнеля «Сид». Несколько часов шуточного расположения духа в кругу приятельском равно произвели сию безделку совсем не в намерении унижить превосходного «Димитрия Донского», произведение славнейшего нашего любимца Мельпомены (и она не явилась бы никогда в свет при жизни знаменитого трагика, к сожалению похищенного уже от муз раннею кончиною). Самый Вергилий имеет на «Энеиду» свою не одну пародию. Безделка сия никогда бы не была напечатана, если бы рассеявшиеся неверные списки с оной, обезображенные переписчиками, не подали повод предложить ее в настоящем виде всем любителям забавного чтения, ищущим одних веселых минут в минутах своего досуга. Сверх того должен заметить я, что пародия сия написана не для театра, хотя и расположена совершенно по правилам оною; но, как пародия может иногда заставить смеяться зрителей и в самой трагедии, то автор ее, вовсе не имея желания вредить блистательному успеху «Димитрия», никогда бы не хотел видеть представления „Митюхи“». Семенов рассматривал «Митюху Валдайского» как драматический бурлеск, типа перелицованных «Энеид», с неизбежной потасовкой. (Пьеса не раз давалась на солдатском театре в ротах Измайловского полка и, следовательно, пришлось по вкусу простонародному зрителю и исполнителю.) Однако автор сознавал, что бурлеск, расположенный по плану «Димитрия Донского» Озерова и переносящий исторических героев высокой трагедии в среду валдайских целовальников и зимогорских ямщиков, носит характер литературной пародии. Пяти действиям трагедии Озерова соответствуют три действия «Митюхи Валдайского», с подменной персонажей: Димитрий Донской — Митюха; князя Тверской, Белозерский и Смоленский — соответственно — целовальники валдайские Андрюшка, Елисей и Парамошка; Ксения — Аксюта; Избрана — Марфутка; Михаил Бренский, оруженосец Димитрия — Мишутка, батрак Митюхи, и т. д. Пародия повторяет все основные ситуации и эпизоды трагедии. Ср. начало трагедии:

Д и м и т р и й

Российские князя, бояре, воеводы,
Пришедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнуть наконец насильствия ярем! . .

Князь Тверской

... Великий россос князь, ты созвал нас сюды
Не с тем, чтобы вступать с Мамаем в договоры,
Но битвою решить и кончить с ним раздоры.

В конце трагедии сменяются эпизоды обмена доспехами Дмитрия и Бренского, рассказ о битве московского боярина, поиски неведомого героя, решившего судьбу битвы, которым оказывается сам Дмитрий, торжественно нареченный Донским; эти эпизоды пародируются в «Митюхе», как например, действие 5, явл. 3 (в пародии соответственно — действие 3, явл. 3):

Димитрий, раненый, в виде простого воина показывается на горе при последних двух стихах предыдущего явления и, выждав, чтоб все удалились, сходит с горы тихо и опираясь на меч.

Димитрий

(поднимая забрало шлема)

Я Ксению ль теперь в видел сей?
Иль то обман моих слабеющих очей,
Прельщение души, мечта воображенья,
Которою мои сугубятся мученья. . .
... Уединенный, здесь кончины я дождуся.
О язвы тяжкие, благословляю вас!
Вы приближаете тоски последний час.

Бова — герой старинной переводной повести, распространенной в рукописях XVII в. и лубочных изданиях XVIII в. *Еруслан* Лазаревич — герой старинной русской сказки, известной также по переработкам былинного типа. *Ванька Каин* — знаменитый разбойник, впоследствии служивший в сыском приказе, где занимался ловлей мелких воров, укрывая крупных, брал взятки и содержал игорный дом. «История Ваньки Каина», выходявшая также под другими названиями, была одной из самых популярных лубочных книг в конце XVIII — начале XIX вв. *Петр Златые Ключи* — герой рыцарского романа, перешедшего в русскую литературу в конце XVII в. Одна из популярных книг лубочной литературы конца XVIII в. *Ребята, грянемте: велик наш земский суд!* У Озерова (заключительные слова трагедии): «Языки, ведайте: велик российский бог!»

В. А. ЖУКОВСКИЙ

(1788—1852)

Певец в Беседе славянороссов. Впервые — С, 1856, № 5, «Смесь», стр. 10—18. (Публикация М. Н. Лонгинова). По другому списку — «Сочинения Державина». Под ред. Я. К. Грота, т. 9. СПб., 1883, стр. 202—209. Печ. по изд. — «Сочинения К. Н. Батюшкова». Под ред. Л. Н. Майкова, т. 1. СПб., 1887, стр. 167—175 (воспроизводит текст С. с учетом поправок, указанных Н. И. Гречем

в «Северной пчеле», 1857, № 108). Написано в марте 1813 г. Пародическое использование в целях литературной сатиры произведения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (ВЕ, 1812, № 23). Сатира Батюшкова, вышедшая из кругов сторонников Жуковского, не осмеивала это патриотическое произведение, написанное в разгар Отечественной войны, а явилась своего рода памфлетом, направленным против Шишкова и «Беседы». Батюшков лишь пародически использует строфику, ритмический строй, отдельные выражения и целые строки «Певца во стане русских воинов» Жуковского, не покушаясь на основное идейное содержание этого произведения. Наибольшее число текстуальных совпадений приходится на первые и последние строфы. «Певец» Батюшкова содержит эпиграмматические характеристики членов «Беседы» с элементами стилистической пародии (высмеивание архаики). Пародическое использование популярного произведения придавало памфлету Батюшкова большую остроту. Интересно, что Шишков добродушно отнесся к сатире Батюшкова и оценил ее литературные достоинства. С. Т. Аксаков сообщает, что в 1814 г. он обратился к Шишкову со словами: «Знаете ли вы, что по Петербургу ходит пародия «Певца во стане русских воинов» на вас и на всех членов „Беседы“?» — «Нет, не знаю. Да хороша ли?» — «Все хвалят,— сказал я,— хотите, я вам прочту?» — «Прочти, пожалуйста». И я при всех, кто были в кабинете, торжественно прочел пародию. Александр Семенович был очень доволен, улыбался и, когда я кончил, сказал: „Это забавно. Дайте мне, пожалуйста, список“» (С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. 2, М., 1955, стр. 306—307). Литературная сатира Батюшкова положила начало своеобразной традиции сатирического или юмористического использования «Певца во стане русских воинов» Жуковского, как-то: «Певец во стане эпикурейцев» В. Масловича (ХД, 1816, июнь); «Певец на биваках у подошвы Парнаса» — литературная сатира А. И. Писарева, написанная ок. 1825 г. (БЗ, 1859, № 20); «Певец во стане русских композиторов» А. Н. Апухтина (написан в 1875 г.) *Сей кубок чадам древних лет*. У Жуковского вторая строфа читается так:

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы...

С Ролленом за плечами. Перевод «Древней» и «Римской истории» Шарля Роллена (1661—1741) в двадцати трех томах был жизненным подвигом Тредиаковского и имел безусловно прогрессивное значение, воспитывая чувство гражданского долга, доблести и уважения к республиканской свободе древнего Рима. Насмешки карамзинистов над Тредиаковским происходили от недостаточного знания фактов и чувства исторической перспективы. Но уже А. С. Пушкин с уважением отзывался о Тредиаковском и возмущался карикатурным образом, созданным Лажечниковым в «Ледяном доме». *Вперил ты страшны очи.* У Жуковского стих «Вперил он страшны очи» относится к А. В. Суворову. *Рассудок к черту, вкусу брань* — реминисцен-

ция из комической поэмы В. Л. Пушкина (1770—1830) «Опасный сосед» (1811), содержавшей выпады против «Беседы» и пародировавшей шишковские архаизмы:

Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская
Дивились *двоице*, на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!

Глазунов Иван Петрович (1762—1831) — книготорговец и издатель, выпускавший книги авторов «Беседы». Батюшков высмеивал Глазунова (его рекламу книг С. Боброва и С. А. Ширинского-Шихматова) также в «Послании к стихам моим». Пушкин писал об этих изданиях в стихотворении «К другу стихотворцу»:

Творенья громкие Рифматова, Графова,
С тяжелым Бибрисом гниют у Глазунова...

Шихматов — Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837) — поэт, автор героических эпоей «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807), «Песнь Российскому слову» (1809), «Петр Великий» (1810), подражаний Юнгу («Ночь на гробах», 1812) и др. Один из ближайших сотрудников Шишкова. Батюшкову принадлежит еще эпиграмма на поэму Ширинского-Шихматова (напечатана в книге: «Опыты в стихах и прозе», ч. 2. СПб., 1817):

СОВЕТ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великой
Ее не называй.

Николев Николай Петрович (1758—1815) — поэт и драматург. *Беседы царь* — А. С. Шишков. Смелое пародическое сопоставление с царем, к которому обращается «Певец» у Жуковского:

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава...

Кто галлицизмы пишет. А. С. Шишков нападал на галломанию карамзинистов и пародировал их стиль. *Шихматов безглагольный.* Шихматов принципиально избегал в стихах глагольных рифм, считая их слишком легкими. *Хвала тебе, Славенофил.* Опять имеется в виду

Шишков. Строфа соответствует строфе «Певца» Жуковского, посвященной Кутузову:

О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!

Холодных шуб кроитель. Ироникомиическая поэма А. А. Шаховского «Расхищенные шубы», начатая в 1807 г., была напечатана (с полемическими выпадами против карамзинистов) в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (песнь первая — в кн. 2, 1811 г.; песнь вторая — в кн. 7, 1812 г.; и песнь третья — в кн. 19, 1815 г.). *Ежовой покровитель.* Ежова Екатерина Ивановна (1788—1836) — петербургская драматическая актриса, находившаяся в близких отношениях с Шаховским, в ведении которого были императорские театры. *Карабанов* Петр Матвеевич (1765—1829) — член «Беседы», поэт и переводчик. Собрание его стихотворений вышло в 1801 г. Известна эпиграмма И. А. Крылова на перевод Карабановым «Альзиры» Вольтера (1786):

Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть
И в аде слух о том промчался,
Тогда Вольтер, вздохнув, признался,
Что, точно, грешникам по смерти мука есть.

Хвостов — см. стр. 721. *Захаров* Иван Семенович (1754—1816) — плодовитый переводчик (Геснера, Фенелона, Смоллета, Ж.-Ж. Руссо, Оссиана и др.), автор книги «Похвала женам» (1811). Член «Беседы». В его переводе «Похождений Телемака» (1786), за который он был избран в члены Российской академии, встретилась фраза: «Восседали старцы обоего пола», ставшая мишенью для насмешек карамзинистов. В «Арзамасе» был заведен обычай, по которому каждый вновь вступающий член был обязан произнести шуточную надгробную речь, посвященную какому-либо «беседчику», погребая его литературное творчество. В 1816 г. Д. Н. Блудов (Кассандра), следуя этому обычаю, произнес вступительную речь, посвященную Захарову, упомянув в ней «старца женского пола». После этой шуточной речи Захаров скончался в самом деле, что было отмечено в речи А. С. Пушкина при вступлении в «Арзамас»:

... Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра...

Львов Павел Юрьевич (1770—1825) — поэт, автор сентиментальных повестей «Российская Памела» (1789), «Роза и Любим» (1790) и «Александр и Юлия» (1801); первоначально примыкал к карамзинистам, затем перешел в стан Шишкова и стал членом «Беседы». В 1803 г. выпустил книгу «Храм славы российских ироев от времени Гостомысла до царствования Романовых». *Палицын* Александр Александрович (ум. 1816) — поэт и переводчик. Странник Шишкова, хотя и не состоявший в «Беседе». В своей книге «Послания Привете» (Харьков, 1807) восторженно отзывался о шишковистах. *Станевич*

Евстафий Иванович (1775—1835) — член «Беседы», пропагандировавший взгляды английского писателя-мистика Джемса Гарвея (1714—1758). После появления сочинений Станевича (1805) был жестоко обруган М. Т. Каченовским (ВЕ, 1806, № 11), а затем А. Ф. Воейковым (ВЕ, 1808, № 18), впоследствии поместившим его в своем «Доме сумасшедших». *Холуй Анастасевич*. Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — переводчик и критик-библиограф, редактор журнала «Улей» (1811—1812). В свои сочинения «вводил множество польских слов, западных императоров именовал заходными и слуг именовал всегда холуями» (Ф. Вигель. Записки, т. 3. М., 1893, стр. 148). *Соколов* — чтец «Беседы», избранный на эту должность за звучный голос (не смешивать с П. И. Соколовым — секретарем «Беседы»). *Политковский* Гавриил Герасимович (ок. 1770—1824) — член «Беседы»; писал оды, автор драмы «Верный друг в несчастье познается» (1796). *Кого читают дамы* — Н. М. Карамзин. *В путь благослови*. Конец «Певца» у Жуковского:

Всевышний царь, благослови!
 А вы, друзья, лобзанье
 В завет: *здесь* верная любви,
 Там сладкого свиданья!

Еще пародия. Публикуется впервые, по автографу (ГПБ. Архив А. Е. Измайлова, т. 2, л. 86 об.). Датировано — «7 генваря 1824 г.» *Измайлов* Александр Ефимович (1779—1831) — поэт, журналист и писатель, автор романа «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества» (1799), редактор и издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826). Литературный хамелеон, лавировавший между карамзинистами и шишковистами, пытался привлечь к участию в своем журнале поэтов пушкинского круга (Дельвига и др.), но когда они отстранились от него, стал осыпать их насмешками и пародиями. Литературную известность приобрел как баснописец. А. Е. Измайлов принимал (а возможно, только приписывал себе) участие в составлении «Певца в Беседе славянороссов» (в той же рукописи, содержащей исключительно его произведения, помещены три строфы из «Певца»). Через одиннадцать лет Измайлов воспользовался готовой схемой для сочинения пародического куплета-эпиграммы по частному поводу. *Милорадович* Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал, участник суворовского похода в Альпах и Отечественной войны 1812 г., в 1818 г. был назначен генерал-губернатором Петербурга. В его ведении были и императорские театры. *Телешева* Екатерина Александровна (1804—1850) — петербургская балерина. См. также письмо А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 4 января 1825 г. (ПСС А. С. Грибоедова, т. 3. П., 1917, стр. 165).

«Послушай, дедушка, мне каждый раз...» Впервые — Москв., 1853, № 10, стр. 50. Печ. по изд. — А. С. Пушкин. ПСС, т. 2, 1949, стр. 464. Сообщено по памяти Л. С. Пушкиным. Пародируются белые стихи Жуковского, в частности его диалог «Тленность» (из Гебеля):

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
 Когда взгляну на этот замок Ретлер,
 Приходит мысль: что, если то же случится
 И с нашей хижинной?

Сохранилось известие, что Жуковский от души смеялся над этой пародией, уверяя, что молодой поэт со временем переменит свое мнение о белом стихе. См. статью Г. Маслова. Новое о стихотворении Пушкина «Послушай, дедушка, мне каждый раз...». — «Пушкин и его современники», вып. 28, П., 1917.

«До рассвета поднявшись, извозчика взял...»
 Впервые — ПЛ, стр. 196—197, где опубликовано по автографу Дельвига. Пародия на балладу Жуковского (перевод из Вальтера Скотта) «Смальгольмский барон» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, № 11):

До рассвета поднявшись, коня оседлал
 Знаменитый Смальгольмский барон...

Вместо героев баллады В. Скотта, посвященной битве шотландских национальных героев с английскими феодалами-завоевателями, в пародии подставлены фигуры петербургских литераторов и цензоров. Жуковский написал «Смальгольмского барона» в 1822 г., но баллада была запрещена петербургским цензором Бируковым, что весьма содействовало ее популярности. О происхождении пародии А. И. Дельвиг (племянник поэта) сообщал, что С. Д. Пономарева однажды заметила А. А. Дельвигу, что «он не в состоянии написать ничего подобного». Дельвиг ответил, что «напротив, ничего нет легче, и, ходя по комнате с книгою, в которой был напечатан «Замок Смальгольм», он его пародировал очень удачно». В таком случае следует предположить, что Дельвиг сочинил пародию еще до появления баллады в печати (так как С. Д. Пономарева умерла 4 мая 1824 г.). Позднее В. Гаевский утверждал, что пародия возникла как результат спора (в салоне Пономаревой) А. Е. Измайлова с Дельвигом, который утверждал, что «не может быть ничего легче, как сочинить пародию на любое стихотворение», и в доказательство избрал «Замок Смальгольм» (С, 1854, № 2, стр. 39). Важно, что в обеих версиях подчеркивается импровизация пародии. Шуточное пародирование Жуковского сочетается с литературной сатирой на Измайлова и Б. Федорова, которые сами то и дело пародировали Дельвига в журнале «Благонамеренный» (см. примеч. к пародии «Союз поэтов», стр. 698). Измайлов в письме к П. Л. Яковлеву (16 января 1825 г.), цитируя пародию Дельвига, находил ее «очень удачной», а передавая содержание, сообщил, что в этой балладе «Борька», после того как Измайлов посадил его «к себе на брюхо», «дonoсит на Панаева, что тот мне изменяет, начинает предаваться романтизму.— Далее не знаю». Из этого явствует, что либо пародия дошла до нас не полностью, либо ее «продолжение» сохранилось в памяти как импровизация Дельвига и не было записано. Круг Измайлова не

остался в долгу и, «переработав» пародию, заострил ее против Дельвига (см. следующий текст). *Пески* — район в Петербурге (ныне Советские улицы), где жил Измайлов. А. Керн в своих воспоминаниях сообщает: «Вскоре после того как мы читали эту прекрасную пародию, барон Дельвиг ехал куда-то в санках через Конную площадь; подъезжая к будке, он сказал очень серьезно: «Вот на этом самом месте соскочил с саней Александр Ефимыч с Песков, и у этой самой будки он крикнул Бориса Федорова». Мы очень смеялись этому точному указанию исторической местности» («Пушкин и его современники», вып. 5, СПб., 1907, стр. 148). *Цертелев* — см. стр. 700. *Моденов* — фамилия владельца дома, в котором жил Измайлов. *Бируков* Александр Степанович (1722—1844) — цензор с 1821 по 1826 г. Находился в приятельских отношениях с Измайловым. *Красовский* Александр Иванович (1780—1857) — цензор с 1821 по 1857 г., отличавшийся придирчивостью и тупостью. *Олин* — см. стр. 702. У Олина были трения с Красовским, придравшимся к его стихотворению «Стансы к Элизе». Анекдотические замечания Красовского о стихах Олина приобрели широкую известность. Так, по поводу фразы «Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья всей вселенной» цензор заметил: «Слишком сильно сказано, к тому же старших вниманием дорожить должно». Выраженное поэтом желание проводить время с возлюбленной в пустыне сопровождается следующим наставительным замечанием: «Таких мыслей никогда рассенвать не должно. Это значит, что автор не хочет продолжать своей службы, для того только, чтобы быть всегда с своей любовницей». *Фон Поль* Карл (ум. 1849) — цензор в 1820—1825 гг., помощник секретаря Библейского общества; вместе с Бируковым был отдан под суд за разрешение к печати мистической книги Иоганна Госнера. Бируков, Красовский и фон Поль входили в состав Петербургского цензурного комитета после выхода в отставку цензора Тимковского. По поводу изменения состава цензоров Пушкин написал эпиграмму:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух,
Явился Бируков, за ним вослед Красовский,—
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

«В последнее пятилетие царствования покойного императора <Александра I>, — писал А. С. Пушкин, — вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову». *Ерофеич* — водка, настоенная на траве того же названия. *Борис* — Б. М. Федоров (см. стр. 698).

Русская баллада. Впервые — РА, 1871, № 9, стлб. 1007, в «Письмах А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву». Долгое время приписывалась Дельвигу и рассматривалась как более исправная и подробная редакция предыдущей пародии. Б. В. Томашевским было установлено, что это пародический фельетон, вышедший из круга Измайлова в ответ на пародию Дельвига (А. А. Дельвиг. ПСС. Под ред. Б. В. Томашевского. Л., 1934, стр. 485—486). Написана Измайловым при возможном участии Н. Остолопова и Б. Федорова. *Фаддей* и *Пришлец* — Ф. В. Булгарин. *Прячет фонарь на глазах*, *Воз-*

можно, намек на басню Измайлова «Фаддей с фонарем». Борис — Б. М. Федоров (см. стр. 698). *Листочки*. Булгарин издавал «Литературные листки. Журнал нравов и словесности» (1823—1824). Ср. эпиграмму Измайлова:

Фаддей здесь издает Листки,
В Варшаве издавал Свисток.
Его Свисток пустой листок,
Его Листки ему свистки.

«*Записки*» — вероятно, «Отечественные записки», которые в то время издавал П. П. Свиньин. *Плетнев* Петр Александрович (1792 — 1865) — критик и писатель. Друг Пушкина и Дельвига.

Двенадцать спящих бутושников. Впервые — отдельной брошюрой — «Двенадцать спящих бутושников. Поучительная баллада. Сочинение Елистрата Фитюлькина». М., 1832, 47 стр. (Цензурное разрешение — 7 декабря 1831 г.). Воспроизводится по экз. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. *Проташинский* Василий Андреевич, родственник В. А. Жуковского; воспитывался в Московском благородном пансионе при университете в 1802—1805 гг.; по «изустным преданиям», в 20-х гг. состоял в штате московской полиции. Вышел в отставку и быстро опустился (Д. Языков. Историко-литературные разыскания. III. Двенадцать спящих бутושников.— «Исторический вестник», 1906, кн. 12, стр. 949—953). Появление сатирической пародии Проташинского переположило московскую полицию, знавшую за собой разные «грешки», и стоило должности цензору С. Т. Аксакову, разрешившему книгу к печати. В журнале Московского цензурного комитета от 26 февраля 1832 г. приводится отношение министра народного просвещения от 18 февраля, в котором указывалось: «В недавнем времени появилась в Москве книжка, под названием «Двенадцать спящих бутושников», пропущенная в печать цензором Аксаковым. Государь император, прочитав оную книжку, изволил найти, что она заключает в себе описание действий московской полиции в самых дерзких и неприличных выражениях, написанная самым простонародным языком, приноврелна к грубым понятиям низшего класса людей, из чего видимо обнаруживается цель распространять чтение ее в простом народе и внушить оному неуважение к полиции. Наконец, предисловие сей книжки, равно как и следующее за оным обращение к цензуре, писаны с явным нарушением всякого приличия и благопристойности. Его императорское величество, заключая из сего, что цензор Аксаков вовсе не имеет нужных для звания сего способностей, высочайше повелел уволить его от сей должности» (Н. М. Павлов. С. Т. Аксаков как цензор.— РА, 1898, № 5, стр. 81—96). Раздражение московской полиции, а вслед за ней и высшей администрации объясняется, по-видимому, тем, что поводом для пародии послужило истинное происшествие. Московский обер-полицмейстер Цинский, объезжая ночью полицейские посты, набрал в свои сани двенадцать алебард, стоявших прислоненными к будкам. Бодрствующие стражи отсутствовали (С. В. Максимов.

А. Н. Островский.— РМ, 1897, кн. 1, стр. 39). Сатирическая пародия Проташинского использует повесть в стихах Жуковского «Двенадцать спящих дев» (баллада первая «Громобой», ВЕ, 1811, № 4). Пародию Проташинского вряд ли можно рассматривать только как сатирическое использование. Она не лишена литературной направленности и против романтической баллады Жуковского. В «Двенадцати спящих buttoшниках» пародийно снижается романтическая и мистическая настроенность произведения Жуковского. Идея мистического искупления дочерью греха отца, продавшего душу дьяволу, профанируется в пародии и переносится в темный полицейский мир Москвы, мир будочников и сыщиков. *Г. Выжигины*. Имеются в виду романы Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829) и «Петр Выжигин» (1831) и написанные им в подражание романы А. А. Орлова (1791—1840) — «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина», «Хлыновская свадьба Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» и «Смерть Ивана Выжигина» (1831). Пушкин воспринял романы А. А. Орлова как пародии на Булгарина и воспользовался ими для литературной полемики. «Он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей»,— писал А. С. Пушкин в статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» («Телескоп», 1831, № 13). «Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравне с Выжигиными г. Булгарина» (А. С. Пушкин. ПСС, т. 1. М.—Л., 1949, стр. 205—206). *Двенадцать спящих журналистов*. Обещание Проташинского отчасти выполнил в 1839 г. М. А. Дмитриев, написавший в Москве пародический стихотворный фельетон против М. Каченовского «Двенадцать сонных статей» (опубликован в книге: В. Н. Орлов. Эпиграмма и сатира, т. 1. М.—Л., 1931, стр. 293—308). *Кавалер сервент* — паж для услуг. *Рок свой проклиная*. У Жуковского Громобой «над пенистым Днепром-рекой» также клянет «судьбу угрюму» и собирается утопиться:

Готов он прыгнуть с крутизны...
И вдруг пред ним явление:
Из темной бора глубины
Выходит привиденье.

Асмодей — одно из имен Сатаны. У Жуковского: «Ты видишь Асмодея». *Сколь в аде мы счастливы*. У Жуковского: «...весел ад; Лишь в сказках он ужасен». *Обет ужасный написал*. В балладе: «Разрезав руку, написал Он кровью обещанье». *Антиной* — прекрасный юноша, любимец римского императора Адриана (II в.), воздвигнувшего после смерти Антиной храм в его честь, множество статуй и алтарей. *Отчизна пророка* — Аравия, родина Магомета. *Лукулл* Люций (ок. 106—56 до н. э.) — римский полководец, славившийся роскошью своих пиров. *Двенадцать нажил сыновей*. У Жуковского:

И в год двенадцать дочерей
Имел от обольщенных...

И запылали очи. В балладе: «Сверкнули страшно очи». Частные — частные приставы. *Крюк, крючки* — полицейские. *На долгое хранение.* У Жуковского — мистическое заклятье:

И праху обладатель ад,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленных чад
Не снидет испульенье.

Волшебная гитара. Впервые — «Молва», 1831, № 49, стр. 353—361. Автор не установлен. Адрес пародии указан в подзаголовке. Баллада «Эолова арфа» («Амфион», 1815, № 3) написана Жуковским по мотивам поэм Оссиана. Сюжет ее — трагическая судьба бедного певца, влюбленного в знатную девушку. Пародия является перелицовкой лирико-романтической баллады с перенесением в городскую мещанскую среду типичных балладных мотивов любви и верности до гроба. В балладе Жуковского после долгой разлуки внезапно заиграла арфа певца (в пародии — гитара):

От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
«... О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветов...»
и т. д.

Барон Брамбеус. Впервые — Н. В. Гербель. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 630—632. Печ. по рукописной копии из архива РС (ИРЛИ), с небольшими поправками по публикации Гербея. Другая редакция — в архиве А. Ф. Кони (ИРЛИ). Бахтурин Константин Александрович (1809—1841) — поэт и драматург. Служил в гусарах и уланах, писал пьесы по заказу актеров, в том числе драму в стихах «Козьма Рошин» («Репертуар», 1839, кн. 9). В 1837 г. вышли его «Стихотворения». Ему принадлежит план оперы «Руслан и Людмила» (см.: Е. Бобров. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. XIV. К. А. Бахтурин. — ИОРЯС, т. XII, 1907, кн. 2, стр. 425—439). «Барон Брамбеус» — пародическое использование в целях литературной сатиры баллады В. А. Жуковского «Замок Смальгольм». «Герой» пародии — Осип Иванович Сенковский (1800—1858), писатель и востоковед, профессор арабского турецкого и персидского языков в Петербургском университете. С 1838 по 1856 г. — редактор БдЧ, где помещал повести, фельетоны и статьи под псевдонимом *Барон Брамбеус*. Они имели громкий успех. Придерживаясь девиза: «пишите весело», Сенковский наполнял свои произведения остроумиями и балагурством, за которыми скрывалось реакционное мировоззрение. *Сих и очных бранил*. Сенковский выступал против употребления в литературной речи архаических слов «сей» и «оный», рекомендуя употребление вместо них «тот» и «этот».

В 1839 г. К. А. Бахтурин сочинил водевиль «Сей и оный», с куплетами, содержащими сатирические выпады против Сенковского:

Как своровливый писака —
Не хватило своего,—
То потреплет у Бальзака,
То у Виктора Гюго.
Жюль Жанену также место,
И потом без дальних дум
В фантастическое тесто
Запечат французский ум. . .

Этот куплет имеет в виду сенсационное разоблачение в тогдашней печати близкого сходства фельетонов Брамбеуса «Большой выход у сатаны» и «Незнакомка» (1833) с фельетонами Жюль Жанена и отчасти Бальзака. Бахтурин высмеивает фельетонистскую деятельность Брамбеуса, а не его поход против архаики. В том же водевиле у Бахтурина — выпад против эпигонов державинского стиля:

Нынче в авторское званье
Лезут дети на азах,
Писаря творят посланья,
Дамы чахнут на стихах.
Кто для славы, кто для моды,
Кто из денег, например:
В семинарях пишут оды
На державинский манер!

Фантастический бес в кацавейке — прозвище Сенковского, в статьях и фельетонах которого часто фигурировали черти. Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883) — второстепенный поэт, автор «мистерий»: «Жизнь и смерть» (БдЧ, 1834, № 8), «Последний день» (БдЧ, 1834, № 10), «Последнее разрушение мира» (БдЧ, 1838, № 5) с картинами гибели мира и светопреставления. Сенковский непомерно его расхваливал в своих статьях и объявил преемником Пушкина: «Г. Тимофеев едва ли не тот, чьи произведения соединяют в себе наиболее начал пушкинской поэзии» (БдЧ, 1837, № 2, «Литературная летопись», стр. 92). Филиппыч — Александр Филиппович Смирдин (1795—1857), известный книготорговец и издатель. Его книжная лавка служила местом встреч петербургских писателей. Сложные издательские взаимоотношения Сенковского с Смирдиным, а также относящиеся к 1838 г. «интриги» против Сенковского Н. И. Греча (см. стр. 701) и Н. А. Полевого (см. стр. 703) разъяснены в книге В. А. Каверина «Барон Брамбеус» (Л., 1929). Султан Багадур. В фельетоне Барона Брамбеуса в БдЧ (1838, № 2, «Литературная летопись», стр. 35—98) некий Пюблик-Султан Багадур заставляет двух девушек — Критикзаду и Иронизаду — читать ему русские литературные новинки в качестве надежного средства от бессонницы. И Филиппыч их стал провожать. Эта и последующая строка дополнены по публикации Гербея. Больница «Скорбящих» («Всех скорбящих») — психиатрическая больница около Петербурга.

Д. И. ХВОСТОВ
(1757—1835)

<Басни>. 1. Паук и гром. 2. Осел и заяц. 3. Комар и волк. Впервые — РС, 1904, № 3, стр. 553—556 (публикация Л. К. Ильинского); в другой публикации (В. В. Каллаша) — ИОРЯС, 1904, т. 9, кн. 2, стр. 289—291. Печ. по книге: И. А. Крылов. Басни. Под ред. А. П. Могилянского. М.—Л., 1956, стр. 576—577 (где приведены варианты по рукописям В. А. Олениной с поправками Крылова). Хвостов Дмитрий Иванович — поэт-архаист, член «Беседы». См. о нем во вступительной статье, стр. 35. Пародийные басни написаны Крыловым на даче А. Н. Оленина «Приютино», неподалеку от Петербурга, между 1812 и 1825 гг., когда Крылов неоднократно высмеивал Хвостова (басня «Демьянова уха», метящая в Хвостова, напечатана в «Чтениях в Беседе любителей русского слова», 1813, кн. 11). 5 сентября 1815 г. в «Приютино» Крылов принимал участие в постановке комедии Гнедича, содержащей выпады против Хвостова (Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. СПб., 1914, стр. 39). Комар и волк. Казар — хозар. Последние две строки в вариантах рукописи Олениной читаются:

Что так бывает с робкими во рати,
Что сильный слабого изволит жрати.

Приводим для сравнения полностью басню Хвостова «Лев и клоп» (по изданию: «Избранные притчи гр. Д. Хвостова». СПб., 1802, стр. 200):

Боятся сильного, гнушаются лжецом, страмцом.
Клоп гордый некогда, свирепа льва кусая
И вонь несносную вокруг себя бросая,
Кичился, чванился: «Смотри, каков мой гнев!
      Меня боится лев».
А лев сказал: «Пожалуй не хвались
      И льва к клопу не применяй;
      Как хочешь, так кусай и злись,
      Но только не воняй!»

«Серосска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он...»
Печ. по книге: М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 85. Пародийная «надпись» к портрету графа Хвостова является подражанием четверостишию Буало, написанному на поэму Жана Шаплена (1595—1674). Жанр надписей входил в традицию одического стиля и культивировался еще Ломоносовым. Над составлением «надписи» трудились четверо арзамасцев (В. А. Жуковский, Д. В. Дашков, А. Ф. Воейков, А. И. Тургенев), почтившие Хвостова каждой одной строчкой. Пародируется стиль Д. И. Хвостова — архаическая лексика, накопление односложных слов (также восходит к метрическим традициям Ломоносова и В. Петрова). Сохранилось известие, что Хвостов даже восхищался этой «надписью», составленной в его стиле (В. Бурнашев. Наши чудодеи. СПб., 1875, стр. 275).

Пародия датируется временем существования «Арзамаса». Флакк — Гораций (см. стр. 699). *Свистов* — Хвостов.

Притчи. Впервые — РА, 1866, т. 4, стлб. 479—489. Автором большинства этих пародий был П. А. Вяземский, который в предисловии к публикации в РА писал: «Эти притчи писаны в подражание, и, сказать можно без хвастовства, довольно удачно, притчам гр. Хвостова, особенно тем, которые заключаются в первом издании, явившемся в свет в первых двух-трех годах текущего столетия» (т. е. в изд. 1802 г.). Однако, по-видимому, пародийные «Притчи» были в той или иной степени результатом коллективного творчества «Арзамаса», где упомянутое выше издание было «настолярным и потешною книгою». Временем существования «Арзамаса» и датируются пародии. Необходимо отметить, что Д. И. Хвостов придерживался в баснях «среднего штиля» и часто прибегал к просторечию. Пародируя «язык скотов» в баснях Хвостова, арзамасцы подчеркивали просторечие как в лексике («воструха», «дурашка», «чебурах» и т. п.), так и в фонетике (окончание прилагательных на *-ой* вместо книжного на *-ый*). Тексты эпиграфов в общем соответствуют текстам Хвостова, однако ссылки не всегда точны. Так, «Ослу в рот не вложи разумны разговоры» и следующие три эпиграфа взяты не из «поэмы» и не из «притчи» Хвостова, а из его книги «Послания в стихах графа Дмитрия Хвостова» (СПб., 1814), а именно из его послания «О притчах», где он дает наставления сочинителям басен:

Ты пустословия прилежно избегай
И острого словца за диво не считай.
Ослу в рот не вложи разумных разговоров;
Сове и филину не дай прекрасных взоров.

...Любезна простота есть в притче превосходство,
Заставь меня забыть искусно стихотворство;
Уверь, что звери все перед моим крыльцом,
Что вижу въяве то, что пишешь ты пером.

Однако неоспоримо и следующий эпиграф — цитаты из примечаний к посланию «О притчах» (стр. 129). *Как хочешь, так кусай* и т. д. — из басни «Лев и клоп» (приведена на стр. 721). *Павлиным гласом петь* — из притчи Хвостова «Павлин» («Собеседник любителей русского слова», ч. 5. СПб., 1783, стр. 185—186). *Лафонтен Жан* (1621—1695) — французский баснописец.

И. И. ДМИТРИЕВ

(1760—1837)

Нравоучительные четверостишия. Впервые — 1—9 — «Невский альманах», 1827, стр. 167—170, и 10—12 — «Невский альманах», 1828, стр. 59—60. По свидетельству А. Н. Вульфа, четверостишия написаны Н. М. Языковым совместно с А. С. Пушкиным летом 1826 г. в Тригорском (РА, 1867, № 5—6, стлб. 741). Поводом к написанию пародий послужило появление книги И. И. Дмитриева

«Апологи в четверостишиях» (М., 1826, на обложке — 1825). В предисловии Дмитриев писал: «Предлагаемые здесь апологи почти все выбраны из четверостишных басен Мальво, известного французского поэта. Я не забочусь о том, признают ли их баснями или апологами, соглашаюсь даже и сам назвать их просто нравоучительными четверостишиями. Желая только, чтобы они достигли цели своей и сохранили достоинство поэзии». Это и дало повод назвать так пародии, в которых подчеркивается и доводится до абсурда наивная дидактика апологов Дмитриева. По своему алогизму «нравоучительные четверостишия» предваряют басни К. Пруткова. Некоторые пародии Языкова имеют в виду конкретные апологи Дмитриева, другие передают их общий тон, приближаясь к пародии на жанр. Приводим наиболее близкие к пародиям тексты апологов (по изд. 1826 г.):

Кн. 1, I. РАВНОВЕСИЕ

Сын севера! суров и хладен твой климат;
Ужасны льды твои, но счастлив ты стократ:
В Сицилии ж Вулкан; чума на бреге Нила.
В тебе и бодрый дух, и богатырска сила.

(Ср. пародию «Равновесие».)

Кн. 1, XXII. СВЕТЛЯК И ЗМЕЯ

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливае.
— Убийца! — он вскричал, — за что погибнул я?
— Ты светишь, — отвечает.

(Ср. пародию «Удел гения».)

Кн. 2, V. МЩЕНИЕ ПЧЕЛЫ

Обиду мстя, пчела
В обидчика вонзила жало.—
«И возгордилася?» — Нимало:
На язве умерла.

(Ср. пародию «Мстительность».)

Кн. 1, XVIII. ЧАДОЛЮБИВАЯ МАТЬ

Мартышка, с нежностью дитя свое любя,
Без отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? Наконец в объятьях задушила.—
Мать слабая! Поэт! остереги себя.

(Ср. пародию «Мартышка».)

Кн. 1, XIX. РЕПЕЙНИК И ФИАЛКА

Между репейником и розовым кустом
Фиалочка себя от зависти скрывала;
Безвестною была, но горестей не знала,—
Тот счастлив, кто своим доволен уголком.

(Ср. пародию «Закон природы».)

А. С. ПУШКИН

(1799—1837)

«Не за Людмилою Руслан...» Впервые — Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1912, стр. 106—107. *Каверин* Петр Павлович (1794—1855) — офицер, поэт-дилетант. Шуточная пародия, построенная на использовании третьей песни «Руслана и Людмилы». *Мильонная* — улица в Петербурге (ныне — ул. Халтурина). *Царская забава* — выражение Пушкина (о манеже).

Отрывок из поэмы «Иван Алексеевич, или Новый Евгений Онегин». Впервые — «Галатей», 1829, № 34, стр. 145—146. Подпись не раскрыта. Пародия вызвана появлением первой главы «Евгения Онегина». Пародируется заглавие и содержание пушкинского романа, подчеркивается «сумбурность» («винегрет») изложения.

Appus secundus. Впервые — «Галатей», 1830, № 26, стр. 294. Подпись не раскрыта. Пародируются общие мотивы поэзии Пушкина.

«Вот сердца горестных замет...» Впервые — МТ, 1831, № 21, НЖ, стр. 352—353, в очерке Н. А. Полевого «Беседа у молодого литератора». Печ. по изд. — «Новый живописец общества и литературы», ч. 4, М., 1832, стр. 195. Составлено из стихов «Посвящения П. А. Плетневу» в «Евгении Онегине». Стихотворение читает литератор Эпитетин в доказательство того, что «никогда поэзия русская не восходила на такую высокую ступень». В ответ слышатся голоса: «Это Пушкин, Пушкин! Соловей, чудо! Что Байрон перед ним!» Талантин: «Да ты прочитал стихи его задом наперед». Эпитетин: «Как? Ах! в самом деле». Ксенофонт Полевой наивно объяснял появление пародии Н. А. Полевого стремлением требовать от Пушкина «больше, нежели от какого-нибудь рядового писателя». «Он доказывал даже слабость его стихов, не находя в них связи, и для примера предлагал читать некоторые отрывки их с конца к началу, причем смысл почти не изменялся. За это будто бы Пушкин и «пылал гневом против него» (ПМ, стр. 305).

«Гляжу я безмолвно на белый султан...» Впервые — альманах «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов», ч. 1, М., 1831, стр. 51—53. Подпись не раскрыта. Пародия на стихотворение А. С. Пушкина «Черная шаль».

Поэт. Впервые — МТ, 1832, «Камер-обскура», № 8, «„Грудолобивый муравей“». Историко-политическо-литературная газета, издаваемая в городе N. N. Яковом Ротозеевым и Фомою Низкопклонным», стр. 153—154. Пародия на стихотворение А. С. Пушкина «Чернь» («Московский вестник», 1829, № 1). Появлению пародии предшествовали резкие выпады Полевого против стихотворения Пушкина «К вельможе» (обращенного к князю Н. Б. Юсупову), напеча-

танного в ЛГ (1830, № 30). В фельетоне «Утро в кабинете знатного барина» (МТ, 1830, № 10) Полевой допустил грубый выпад против Пушкина. Секретарь князя Беззубова подносит ему «листок печатный» со стихами, где восхваляется князь, который «умеет наслаждаться жизнью, покровительствует искусствам, ездил в какую-то землю только затем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин, пил кофе с Вольтером и играл в шашки с каким-то Бомарше». Князь велит пригласить стихотворца к столу, однако наказывает «не слишком вежливо обходиться с ним», так как «эти люди забывчивы». После запрещения цензурой перепечатки этого фельетона в отдельном издании «Нового живописца» Полевой повторяет свой выпад в конце пародии на «Чернь».

К н у т. Впервые — «Полярная звезда на 1859 год», кн. 5, Лондон, 1859, стр. 47. Сатирическое использование стихотворения А. С. Пушкина «Цветок засохший, безуханный...» О предполагаемом авторстве И. С. Тургенева см.: «Общее дело», 1885, март. № 71, и «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.», Л., 1960, стр. 714.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

(1800—1844)

К весне. Впервые — МТ, 1832, «Камер-обскура», № 6, «Трудолюбивый муравей», стр. 105—106. Пародируются общие мотивы элегий Е. А. Баратынского.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

(1805—1827)

Три рожы. Впервые — сборник «Раскрытый портфель». Вып. 1, СПб., 1859, стр. 238—240, где датировано 1827 г. *Великопольский Иван Ермолаевич* (1793—1868) — поэт и драматург, автор «сатиры на игроков» — «К Эрасту» (М., 1828). Шуточная пародия на стихотворение Веневитинова «Три розы», напечатанное в «Северных цветах» на 1827 г.:

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы. . .

В дальнейшем трем розам Веневитинова (цветку; утренней заре и девушке) противопоставляются три рожы (омонимы — растение «роза» (Alcea) с лапчатыми листьями, болезнь и уродливое лицо). В стихотворении «Три рожы» пародируется скорее сюжет, чем лирика Веневитинова, и потому пародия приближается к комическим использованиям.

ПАРОДИЙНЫЕ АЛЬМАНАХИ

Альдебаран

Впервые — «Сын отечества и Северный архив», 1830, № 17, стр. 305—310. Пародия на литературный альманах. Само название «Альдебаран» пародирует названия альманахов, заимствованные из астрономии: «Полярная звезда» (1823—1825), «Цефей» (М., 1829), «Сириус» (СПб., 1826), «Комета» (М., 1830). После появления в 1829 г. первых пародий «Нового живописца» в МТ за оружие литературной пародии схватились и издатели объединенных «Сына отечества» и «Северного архива» Н. Греч и Ф. Булгарин. В № 13 за 1830 г. (стр. 62—63) появилось объявление от издателей с письмом Ивана Петухова (вымышленное лицо), возвещавшим появление в журнале нового отдела: «Альдебаран». Письмо датировано 24 марта 1830 г. Первые статьи «Альдебарана» были написаны прозой: «Введение в биографию Патрикеича» (№ 14), «Я. Лекции Шеллинговой философии» (там же), статья «О происхождении имени руссов» (№ 15), «Справщик. Отрывок из нового романа в Скоттском роде, поступившего уже в печать» (там же). Во «Введении в биографию Патрикеича» было заявлено, что после поэтов «придворной славы» (Ломоносова, Петрова, Державина) и «поддельных стихотворцев идиллических» (Богдановича) появились поэты, которых автор именуется «стихотворными полотерами». Против поэтов этого круга, объединившихся вокруг «Литературной газеты», направлены пародии «Альдебарана», напечатанные отдельным циклом в № 17 СО. Греч и Булгарин хвастали, что их пародии приняты за серьезные произведения, что их противники не поняли шуток и т. д. В статье за подписью Барон Шнапс фон Габенихтс (намек на Дельвига) под заглавием «Опять литературный крючок» подробно разъяснялась литературная позиция Булгарина: «Г. Булгарин сущий литературный еретик! Он смело утверждает, что тот, у кого все стихи начинаются буквою и и все сочинения не что иное, как калейдоскоп, в котором переворачиваются баллады Бюргера, — не оказал большой услуги русской словесности, но испортил вкус введением в поэзию тошного мистицизма, а язык русский сделал непонятным неологизмами. По мнению этого г. Булгарина, восклицания там, там похоже на барабанные звуки трам-там-там и не выражают ничего, кроме недостатка чувства, а пошлые воспоминания о былом, о луне и звездах смешны до крайности... Этот г. Булгарин даже не любит неудачных подражаний Байрону» (СО, 1830, № 16, стр. 236—237). В том же номере помещено «Запоздалое предисловие к „Альдебарану“» в виде письма читателя П. Коврижкина, в котором говорилось: «Ничего нет легче, как писать гладкий вздор или темную нелепость; но у нас и этим ремеслом многие приобрели себе почтенное название сочинителей! Разоблачайте же их в своем „Альдебаране“, после чего следовало примечание издателей: «Тайна „Альдебарана“ открыта, итак, мы должны поневоле перенести его из „Изящной словесности“ в „Смесь“, в разряд литературных шуток». Фамилия Коврижкин была прозвищем П. А. Вязем-

ского (вяземский пряник), установившимся в журнальной полемике. В СО, 1830, № 17, был помещен также ответ мнимого издателя «Альдебарана» Ивана Петухова Коврижину с новым выпадом против ЛГ: «Я не надеялся такого успеха; не думал, что сообщенные мною издателям „Сына отечества“ шуточные пародии будут приняты за статьи серьезные. Могу сказать теперь, как сказал Парразий своему сопернику: „Ты обманул птиц, а я обманул живописца!“». Далее утверждалось, что статья «Объяснения некоторых современных вопросов литературных» (ЛГ, 1830, № 23) — это всего лишь «подражание, и весьма удачное», «Введению в биографию Патрикееча»: «Слог неправильный, тяжелый, темный; сравнения выисканные; шутки тупые; презрительный тон какого-то литературного полотера.— все это прилажено очень хорошо и приносит честь искусному подражателю. Я уверен, что вы, г. Коврижкин, и многие другие прямодушные читатели отныне будете смотреть на „Литературную газету“ как на продолжение „Альдебарана“».

1. Чудо в пещере. *Аполлон Зевесов* — пародийный псевдоним А. А. Дельвига, данный ему в «Альдебаране». Пародия на «Изобретение ваяния» Дельвига («Северные цветы» на 1830 г.):

«В кушу ко мне, пастухи и пастушки! В кушу скорее,
 Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу! . . .»
 . . . Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким
 Кликал мирно пасущих стада пастухов ионийских
 Ликидас юный. . .

Душегрейка унынья — пародийное использование выражения И. В. Киреевского, сказавшего о Дельвиге, что он на «классические формы» своей музыки «набросил душегрейку новейшего унынья» (статья «Обозрение русской словесности за 1829 год», альманах «Денница» на 1830 г.).

2. Изобретение стекла. *Пуд Скучалкин* — пародийный псевдоним Александра Федоровича Воейкова (1778—1839), писателя и журналиста, редактора «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“». Известен своим памфлетом «Дом сумасшедших» (с чертами пародии), над которым работал с 1814 г. до конца жизни, постоянно его дополняя и переделывая, черня и осмеивая своих современников. Пародируется дидактическая поэма о садоводстве французского поэта Жака Делиля (1738—1813), роскошно изданная в переводе Воейкова: «Сады, или Искусство украшать сельские виды». СПб., 1816. Поэма Делиля, пользовавшаяся большой популярностью (был еще перевод А. А. Палицына), представляла собой переложенное в стихи руководство по садовому и парковому хозяйству. Вот начало второй песни (в переводе А. Ф. Воейкова):

О, если б голосом и лирою моей
 Я двигать мог леса и горы, как Орфей,—
 Мне липа, яблонь, кедр и сосны все внимали;
 Но силу прежнюю поэты потеряли;

Не внемлют горы им, не движутся леса;
Искусство и труды творят лишь чудеса.
Искусство насаждать деревья научает,
Дарит им красоту, плодом обогащает.
Древа приятностью листов, цветов, плодов —
Роскошнейший убор и благодать садов —
Сколь много образов они приемлют разных.

Названием пародии «Альдебаран» метит также в стихотворении Дельвига «Изобретение ваяния» («Северные цветы» на 1830 г.). Пародия, как указывает предисловие к ней, является переложением следующей небольшой заметки в отделе «Ученые известия» в ЛГ — «Изобретение стекла» (1830, № 3, стр. 23—24): «Искусство делать стекло не относится к самой глубокой древности, хотя оно, по-видимому, известно было финикиянам за несколько веков до р. Х. Сказание Плинию об изобретении стекла весьма вероятно. Пловцы одного купеческого корабля, вошедшего в какую-то реку в Сирии, сошли на землю, развели огонь на песке и начали готовить себе пищу. Посуда, в которой варилась сия пища, стояла прежде на груде селитры, составлявшей часть корабельного груза; действие огня постепенно растопило селитру, а смешение оной с песком породило как-то прозрачное и жидкое вещество, которое именно и было стекло». Столь «близкое» переложение этой заметки в стихи должно было, по мысли пародиста, подтвердить критические утверждения СО о «прозаических поэтах». Запоздалое обращение к воейковскому переводу «Садов» Делиля было лишь поводом для выступления против возрождения описательной поэзии. *Плиний Гай* (23—79) — римский писатель и ученый.

3. Признание. *Фома Пищалин* — пародийный псевдоним Пушкина (от слова «пищаль»). Пародируются стихотворение Пушкина «Демон» («Мнемозина», 1824, ч. 3) и «Сцена из Фауста» («Московский вестник», 1828, № 8).

4. Песня. *Санрим-Санрезонов* — пародийный псевдоним А. А. Дельвига (от франц. *sans rimes, sans raison* — «без рифм, без смысла»). Пародия имеет в виду не только стихотворения Дельвига, но и литературные подражания безрифменной народной песне как особый жанр.

5. К моей мечте. *Африкан Желтодомов* — пародийный псевдоним Пушкина (с намеком на африканское происхождение его предков по материнской линии).

*Поэтическая чепуха, или Отрывки
из нового альманаха «Литературное зеркало»*

Впервые — МТ, в ряде номеров за 1829—1830 гг., как отдельные пародии, но под тем же общим заглавием. Как цельный пародийный альманах — в составе отдельного издания: «Новый живописец обще-

ства и литературы», ч. 2. М., 1832, стр. 181—240 (причем в ином порядке и не все ранее печатавшееся). Печ. по этому изданию с исключением прозаического произведения «Хранитель закона. Восточное предание» и «Эпиграммы» («Пришел поэт и пущен на Парнас...»), вошедшей также в цикл «Стихотворный пустоцвет», в составе которого она и печатается. Выход «Нового живописца» вызвал ряд отрицательных откликов, например в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», 1834, № 29—30. *Н. А. Полевой* — см. стр. 703. Эпиграф взят из «Эпиграммы» А. Я. Римского-Корсакова («Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И.»).

От издателей. Впервые — в отдельном издании «Нового живописца». *Ламаргин* Альфонс (1791—1869) — французский поэт, реакционный романтик. *Делавинь* Казимир (1793—1843) — французский поэт и драматург, эпигонски сочетавший классицизм и романтизм, «мнимый примиритель Расина с Шекспиром», как отозвался о нем В. Г. Беллинский (Собр. соч., т. 2, 1948, стр. 662). *Иван Выжигин* — роман Ф. В. Булгарина (1829). *История русского народа* Н. Полевого (первый том вышел в 1829 г.), книга, самим названием противопоставленная «Истории государства Российского» Карамзина, встретила ожесточенную критику с различных сторон. Полевой в МГ заявил, что «все привязки, крики и вопли критиков на «Историю русского народа» не будут удостоены с его стороны никаким ответом» (МГ, 1830, № 9, стр. 103). *Отец Иакинф* — Никита Яковлевич Бичурин (в монашестве Иакинф) (1777—1853), выдающийся востоковед, прославившийся знанием китайского языка и истории Китая. В 1828 г. вышли его «Записки о Монголии» в двух частях, которые и имеет в виду Полевой. *Гораций* — см. стр. 699. *Феокрит* — древнегреческий поэт III в. до н. э., создатель жанра «буколик» (пастушеских идиллий), особенно разрабатывавшегося в период классицизма и отчасти романтизма. *Шолье* Гильом (1636—1720) — французский поэт-эпикуреец, автор анакреонтических стихов. *Хиосские проказники* — турки, устроившие в 1822 г. чудовищную резню на острове Хиос, населенном греками. *Славянин* — журнал, издававшийся А. Ф. Воейковым в 1827—1830 гг. *Феокритов с товарищами* — издатели ЛГ и альманаха «Северные цветы». Феокритов — пародийный псевдоним, которым Полевой подписывал пародии, имевшие в виду Дельвига.

Русская песня («Ох вы, кудри, кудри черные...»). Ближайшим адресом пародии является стихотворение Дельвига «Русская песня» («Голова ль моя, головушка...») в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.

Эпиграмма («Поэт Оргон вдруг выдумкой задорной...»). *Шолье-Андреев* — пародийный псевдоним П. А. Взземского. Шолье — см. выше. «Кто подражал какому-нибудь известному французскому стихотворцу второго и третьего разряда, того за отличную и долгую выслугу начинали называть нашим Шолье», — писал Ксенофонт Полевой о московском «Обществе любителей российской словесности»,

членом которого был Вяземский (ПМ, стр. 145). См. эпиграмму Вяземского:

Какими нас морил несносными стихами
Вчерашний день Оргон! со скуки я дремал.
Уж на небе видна была луна с звездами,
А он... всё солнце призывал.

Сходство. Пародируется двестише Дельвига «Смерть» («Северные цветы» на 1828 г.):

Мы не смерти боимся, но с телом расстаться нам жалко:
Так не с охотою мы старый сменяем халат.

Судьба человека. Пародируются апологи Дельвига.

Отрывок из поэмы «Курбский». И. Пустоцветов — один из пародийных псевдонимов, придуманных Полевым для Пушкина. Н. И. Надеждин по поводу этой пародии писал в критическом фельетоне, посвященном разбору седьмой главы «Евгения Онегина»: «Мы хотя люди и темные, но понимаем довольно ясно, кто в Телеграфском райке освистывается под именем Пустоцветова, из поэмы коего, именуемой якобы «Курбский», предложены были нам такие занимательные отрывки... Это достойная награда тому, который, бывало, безоговорочно и безостановочно ставил на заказ приветные словечки для друзей и остренькие пикульки для неприятелей всего Телеграфского околотка» (ВЕ, 1830, № 7, стр. 190). Пародируются драматические картины и эффектные сцены романтической поэзии. Первая строфа — народ на Красной площади, по видимому, перед казнью (ср. сцену в «Полтаве»); вторая — сцена в темнице: юноша и дева-избавительница. Римские цифры — способ обозначать пропущенные строфы (ср. в «Евгении Онегине»).

Гроб юноши. М. Анакреонов — пародийный псевдоним поэта Павла Александровича Катенина (1792—1853). Пародируется стихотворение Катенина «Надгробие» (1830):

Древо весною увяло, и буря его преломила;
Сетуют вокруг поселяне: «Погибла надежда плода»...
...Други, утешьтесь о нем; земное земля поглотила.
Люди подобны древам: и цвести им и гибнуть чреда.

Эпиграмма («Зачем мою хорошенькую Музу...»). Гамлетов — пародийный псевдоним Е. А. Баратынского. Пародия на эпиграмму Баратынского (впервые в его сборнике 1827 г.):

Везде бранит поэт Клеон
Мою хорошенькую Музу...
Всё обернуть умеет он
В бесславье нашему союзу.

Первоначально эпиграмма Баратынского была направлена против автора пародий в «Благонамеренном» (см. примеч. к пародии «Союз поэтов», стр. 698).

В альбом княг <ине> Ф. Ф. Б. Г. Д. Пародируются альбомные стихи П. А. Вяземского:

Твои заслуживая пени,
Безмолвствую перед тобой. . .

Я проберусь по нитке до иголки. Ср. стихотворение П. А. Вяземского «Всякий на свой покрой» («Полярная звезда» на 1823 г.):

Портных у нас в столице много,
Все моде следует одной,
Шьют равной, кажется, яглой,
Но видишь, всматриваясь строго,
Что каждый шьет на свой покрой.

Аруэт — Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ).

Апологи («Стучат в окно. «Кто тут?» — хозяин вопрошает. . .» и «Лавровый лист один на ветке старой был. . .»). Пародии на жанр апологов.

Разуверение. Пародийный псевдоним И. Пустоцветов указывает на Пушкина. Однако пародия преимущественно имеет в виду элегические мотивы поэзии Е. А. Баратынского. Заглавие указывает на одноименную элегию Баратынского («Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 16), хотя текстуально пародия от нее далека. *И ветер на могилах братьев Листком полыни шевелит.* В «Эде» Баратынского:

Кругом всё пусто, всё молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит. . .

Отрывок из поэмы. С. К. Конфетин — пародийный псевдоним Андрея Ивановича Подолинского (1806—1886), подражавшего английскому поэту Томасу Муру (1774—1852). Начало пародии и примечание к ней имеет в виду поэму Подолинского «Див и пери. Повесть в стихах». СПб., 1827 (издано без имени автора). В поэме действительно около 600 строк. Приводим стихи из этой поэмы, перекликающиеся с пародией:

Из пределов Сегестана
К дальним рощам Хоросана
Пери легкая неслась. . .
. . . Мчится Пери, и дыханье
Пьет душистое она.

...Ей не в радость дня сиянье,
И невольное стенанье
Перси жаркие теснит...

В дальнейшем пародируются штампы романтической поэмы. *Туманский* Василий Иванович (1800—1860) — поэт, принимавший участие в альманахе «Полярная звезда».

Иголки. Пародия на П. А. Вяземского. Заглавие имеет в виду стихотворение Вяземского «Всякий на свой покррой». *Депрео* — Буало-Депрео Никола (1636—1711), поэт и теоретик французского классицизма, автор трактата «Поэтическое искусство» (1674). *Ферней* — деревня во Франции (в департаменте Эн), где с 1759 г. жил постоянно Вольтер.

Эпиграмма (На голос «Мое собрание насекомых»). *Обезьянин* — пародийный псевдоним Пушкина. Имеется в виду эпиграмма Пушкина, указанная в подзаголовке пародии (напечатана в 1830 г. в альманахе «Подснежник» и в ЛГ). *Чайльд-Гарольдия*, *Дон-Жуания* — намек на подражания Байрону русских поэтов. *Дидеротия* — от имени Дидро (1713—1784), французского философа и теоретика искусства. *Русской белены семья* — писатели пушкинского круга. *Пырей Ливонии* — Н. М. Языков, «дерптский студент». *Финский чертополох* — Е. А. Баратынский, служивший в Финляндии. *Мак Германии* — вероятно, А. А. Дельвиг или В. К. Кюхельбекер. *Древних Эллинов горох* — может быть, П. А. Катенин, подражавший античным поэтам.

Зимний вечер. Пародируется обращение к народной песне Дельвига и Пушкина. *Оссиан* — легендарный герой кельтского эпоса, с именем которого связаны различные сказания, дошедшие в поздних вариантах и записях. В XVIII в. на основе этих сказаний шотландский поэт Джон Макферсон создал самостоятельный цикл песен (1762), оказавших большое влияние на развитие романтической поэзии. *Кто сам чухна, а грек душою* — намек на А. А. Дельвига.

Сцены из трагедии «Стенька Разин». Пародия имеет в виду романтическую трагедию вообще, но метит и в «Бориса Годунова» А. Пушкина. Комический эффект достигается тем, что в уста казаков-разинцев вкладываются романтические тирады. *Демшиллеров* — Полушиллеров (от франц. demi — половина). Намек на увлечение Шиллером русских писателей-романтиков. *Вещественное, Бесконечное в Конечном* — типичная фразеология теоретиков романтизма, опиравшихся на немецкую идеалистическую философию (в частности, на Шеллинга). *Перун* — древнеславянский бог грома и молнии; в переносном смысле — удар. Перун вестовой — нечто вроде боя часов. Вычурное выражение казака-разинца пародирует обращение писателей-романтиков к псевдоисторической древнеславянской мифологии. *Всё суета*. Имеется в виду изречение из библейской книги «Екклезиаств» — «Всё суета сует и всяческая суета». *И я в Аркадии родился* — строка из стихотворения Ф. Шиллера

«Resignation» (1787) в переводе М. Дмитриева — «Покорность провидению» (1826). *Рейхенбах* — водопад в швейцарских Альпах. *Ордынец* — хан Золотой орды. *Герострат* — грек, сжегший в 356 г. до н. э. храм Артемиды в Эфесе с единственной целью прославиться. *Нерон* Клавдий Тиберий (37—68) — римский император, по преданию приказавший поджечь Рим, чтобы насладиться величественным зрелищем.

Паюсная икра. *А. Селедкин* — пародийный псевдоним А. Е. Измайлова, намекающий на его басню, в которой Фома накормил Кузьму селедкой и не дал пить, за что был им побит. Пародируется тщательно разработавшийся Измайловым бытовой план басен. *Кислые щи* — перебродивший шипучий квас, старинный прохладительный напиток.

А. Т. Х.—ву. *Безмыслин* — пародийный псевдоним Н. М. Языкова (применялся также и к А. С. Пушкину). До помещения в «Альманахе» пародия была напечатана в МТ, 1829, № 17, «Смесь», без пародийной подписи, в заметке «Опыт юного поэта» (одна из первых пародий Полевого). В заметке говорилось: «„Живописец“ получил следующие стихи от неизвестной особы. При них приложена была записка, в которой автор пишет: «Уверенный примером наших поэтов, что подражание есть единственное средство писать русские стихи, и видя, что одни подражают Пушкину, Баратынскому; что этим подражателям являются еще подражатели, этим подражателям — подражатели еще новые и что из этого составляется нынешняя русская поэзия, я, поэт юный, решился следовать общему примеру и прошу вас напечатать опыт трудов моих. Кому я подражаю — угадайте сами и по совести скажите: можно ли мне продолжать и мои стихи стоят ли других, помещаемых в альманахах и журналах стихов в этом роде? Утвердительный ответ ваш сердечно обрадует меня». «Живописец» не смеет решить вопросов поэта и предоставляет это решение публике». Пародируются дружеские послания Языкова. Ср. в напечатанном несколько позднее, чем эта пародия, послании Языкова «К. А. Н. Т.—ву» <Татаринovu> (ЛГ, 1830, № 15):

Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино.

Забубенная жизнь. *Буршев* — пародийный псевдоним Н. М. Языкова. Пародируются песни, написанные Н. М. Языковым в 1823 г. и получившие широкое распространение в рукописях. Пародируя «служение Бахусу» в стихах Языкова, Полевой словно не замечает содержащихся в них вольнолюбивых мотивов, которые и делали их запретными:

Мечта и сон — наш век земной!
Мечта?— Я с Бахусом мечтаю. . .

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали;
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Не отдам вина полгода За столетие воды. Ср. у Языкова:

Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной. . .

Русская песня («По улице, по улице. . .»). Пародия на песню Дельвига «Мой суженый, мой ряженный. . .». В. К. Кюхельбекер писал об этой пародии: «Чудным образом подшутила судьба над сочинителем пародии — песня вышла очень недурная, так что она скорее может назваться слишком близким, но довольно удачным подражанием, а не пародией песни Дельвига» (В. К. Кюхельбекер. Дневник. Л., 1929, стр. 170). В контексте пародийного альманаха это «подражание» служило пародийным целям.

<Эпиграмма> («Когда тебя свистком своим лихим. . .»). Назон — Овидий Назон (43 до н. э.—17 н. э.), римский поэт. Ювенал Децим Юний (60—127) — римский поэт-сатирик.

*Стихотворный пустоцвет, или Попурри,
составленное из рифм и бессмыслицы*

Впервые — МТ, 1830, № 13, стр. 228—231. Собрание пародий на камерные, салонные жанры «литературных аристократов» (выражение Полевого) — альбомные стихи и импровизированные эпиграммы.

Эпиграмма («Пришел поэт и пущен на Парнас. . .»). Появлению этой пародии (включенной не только в «Стихотворный Пустоцвет», но и в пародийный альманах «Литературное зеркало») предшествовали следующие обстоятельства. После многочисленных нападок Полевого на «литературных аристократов» и опубликования им резкого фельетона «Утро в кабинете знатного барина» (МТ, 1830, № 10), обвинявшего Пушкина в искательстве и низкопоклонстве, в ЛГ (№ 32) была напечатана эпиграмма Баратынского:

«Он вам знаком. Скажите, кстати,
Зачем он так не терпит знати?»
— Затем, что он не дворянин. . .

и т. д.

А в № 33 ЛГ — новая эпиграмма Баратынского, корившая Полевого происхождением из «необразованного» сословия: «Писачка в Фебов двор явился. . .» В ответ Полевой пародирует Баратынского, используя еще одну его эпиграмму из сборника 1827 г.:

Идиллик новый на искус
Представлен был пред Аполлона...

Пушкин отметил эту перестрелку пародиями и эпиграммами в черновой заметке: «Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое рассказано немного похуже с надписью: Сам съешы!» (А. С. Пушкин. ПСС, т. 11. 1949, стр. 151).

В альбом Б. П. Г. Д. X—вой. Ср. стихотворение П. А. Вяземского «Слезы» (альманах «Денница» на 1830 г.):

Сколько слез я пролил,
Сколько тайных слез
Скрыться приневолил
В дни сердечных гроз!

Гаафиц или Сади. Пародийный эпиграф, приписываемый сразу двум персидским поэтам — Хафизу (1300—1389) и Муслихаддину Саади (ок. 1184—1291). Пародируется дилетантское пристрастие к экзотике у поэтов-романтиков. *Перуанские узлы* — так наз. кипу, условное письмо с помощью системы узелков и шнуров, применявшееся в древнем Перу.

Чертополох

Впервые — отдельное издание: «Чертополох. Карманная книжица для любителей и любительниц галиматси, на XIX столетие». СПб., 1830, 46 стр. Автор не установлен. Приводится только стихотворная часть этого пародийного альманаха. В отличие от пародий на альманахи, написанных Н. Полевым против «литературных аристократов», «Чертополох» направлен против «рыночных» альманахов, которые, при всеобщей моде на этот тип изданий, стали выпускать малокультурные издатели, дилетанты и обыватели. Эти «мещанские» альманахи и пародирует «Чертополох». Включение в него «Писни» (в данном издании не печатается) и других материалов с намеками на Украину и южные города (Орел, Одесса) позволяет думать, что имелось в виду какое-то литературное предприятие в провинции. Одновременно проза альманаха, изобилующая нарочитыми орфографическими ошибками, подчеркивает малограмотность издателей, берущихся выпускать альманах и уснащающих его «для пушей важности» эпиграфами из иностранных писателей.

Литературный репейник

Впервые — отд. издание: «Литературный репейник. Брошюрка, изданная на 1834 год». СПб., 1834, 31 стр. Автор не установлен. Приводится только стихотворная часть. Пародия на литературные

альманахи «низкого пошиба». Предисловие указывает на выход в 1830 г. «Чертополоха» и таким образом устанавливает их «преемственность». В «Репейнике» также нашли место различные орфографические курьезы (употребление перевернутых восклицательного и вопросительного знаков впереди фразы, как в испанском языке, и др.). Не исключена возможность, что «Литературный репейник» был пародией не только на литературные альманахи, но и на пародийные альманахи Н. А. Полевого («Литературное зеркало»). Выход «Репейника» вызвал недоброжелательный отклик «Северной пчелы» (1834, № 157, 14 июля): «Эта книжка или книжечка, книжонка или книжоночка, вероятно, должна быть пародиею слога каких-то писателей. Вероятно, должна быть, говорим, потому что истинной ее цели, действительного толку и смыслу мы в ней не доискались». «Русская песня» с эпиграфом из стихотворения А. А. Дельвига («Северные цветы» на 1832 год) пародирует его песни. В МП указано на близость пародии «Ж а л о б а» к стихотворению Семена Егоровича Раича (1792—1855) «Друзьям»:

Я плыву и наплыву
Через мглу
На скалу
И сложу мою голову
Неоплаканную...

III

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Олег под Константинополем. Орывок из большой неоконченной трагедии. Действие первое. Явление первое. Впервые — «Молва», 1835, № 27—30, стлб. 3—9. Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — поэт и критик, один из вождей славянофилов. Автор примечания к тексту в «Молве» — В. Г. Белинский. Напечатано полностью отдельной книжкой: «Олег под Константинополем, драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах. Сочинение К. С. Аксакова. Издание любителя <Я. В. Писарева>, СПб., 1858, 97 стр. Орывок, напечатанный в «Молве», в отдельном издании занимает стр. 29—35 (Действие второе. Вид третий. Явление 1 и 2, не полностью). Предисловие «От автора» к отдельному изданию сообщает некоторые сведения из истории этой пародии: «В тридцатых годах русскую историю преподавал в Московском университете М. Т. Каченовский, имя которого навсегда останется в летописях русской исторической науки... Увлекаясь тогда, вместе с другими, скептическими мнениями профессора, я увидел потом их ошибочность. Тогда, под влиянием этого скептицизма, написал я, с одобрения товарищей, эту пародию, в которой преувеличил до крайности мнения противников, представив Олега государем эпохи развитой и просвещенной. Вместе с тем это была пародия и на стихотворные идеализации истории в появлявшихся тогда не-

которых патриотических драмах и вообще на звучность стихов, иными принимаемую еще и теперь за поэзию... Пародия эта потеряла современность, а вместе с тем, может быть, и занимательность, но я полагаю, что для иных будет любопытно знать, какого рода литературные пародии писались в 30-х годах нашего столетия». Пародируется ходульность и риторичность псевдоромантической и псевдо-исторической драмы Н. Кукольника (см. стр. 760) и его последователей. Этим и объясняется поддержка пародиста В. Г. Белинским, подчеркнувшим в примечании неприемлемые для него черты драматургии Кукольника и его подражателей. Обращает на себя внимание «Примечание издателя», где сообщается: «В этом издании вышла некоторая пестрота в правописании слов: «великий», когда оно входит в титул, имея смысл возвышенный, и «великой», когда относится к деяниям или служит прилагательным всякого другого значения» (стр. 97). Аксаков подчеркивает осязаемое еще в середине XIX в. стилистическое различие книжного (церковнославянского) окончания *-ый, -ий* и русского народного *-ой, -ей*.

<Из стихотворений И. Ордынина>

Впервые — Москв., 1841, № 1, стр. 131—218, в повести А. Вельмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице». Вельман Александр Фомич (1800—1870) — автор повестей и романов «Странник» (1831), «Кошей бессмертный» (1833), «Сердце и думка» (1838), «Генерал Каломерос» (1840) и др. Широкой известностью пользовалась серия романов Вельмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (начала выходить в 1849 г.). В повести «Приезжий из уезда» пародийные стихи читает приехавший из провинции юноша-недоучка, подражательный поэт И. Ордынин, который благодаря случайным обстоятельствам попал в моду (намек на появление Бенедиктова). После выхода отдельного издания «Повестей» Вельмана (СПб., 1843), куда вошла и повесть «Приезжий из уезда», она вызвала неодобрительный отзыв Белинского, указавшего на искусственность введения в нее этих пародий. «К слабым сторонам повести принадлежит еще изображение московского высшего общества: неужели где-нибудь может быть такое высшее общество? Дурак-мальчишка читает блистательному сборищу князей, графов и разных других знаменитостей преглупые стишонки, и все в восторге и изъясляют этот восторг самыми пошлыми фразами» (В. Г. Белинский. ПСС, т. 7, М., 1955, стр. 634).

2. Кастальский ключ. Стихи были приняты слушателями с неописуемым восторгом: «„Бесподобно, чудно! ах, как хорошо! Русский Юго!“ — кричали все, устремив глаза на поэта, как на дикого зверя. „Какой стих! как это ново: все поэты до сих пор сравнивали румянец с зарей, а monsieur сравнивает румянец зари с девственным румянцем“», — комментирует прозаик, введший новоявленного гения в общество в пику своему сопернику.

3. «Эпизод». Отрывок из большой романтической поэмы («вот как у Ламартина»), которую пишет, вернее, собирается написать Ордынин.

<Стихи Ивана Деревяшкина>

Впервые — СО, 1842, № 3, стр. 127—141, в пьесе «Луна и стихи. Китайская комедия в одном действии, основанная на истинном происшествии, написанная в Кяхте и доставленная в Петербург в чайном ящике». С подписью: «Писал сню комедию и в действительности события свидетельствует приложением своей руки Иван Иванов сын Деревяшкин». Автор не установлен. В комедии, действие которой якобы происходит в Китае, выведены три стихотворца — женихи прелестной Юй-Лани, которые соревнуются между собой в поэтическом искусстве. В конце комедии умная девушка Юй-Лань отдает свою руку капитану Минь-Джину, взяв с него торжественное обещание, что он в жизнь свою не станет писать стихов. Стихи, которые наперебой читают поэты-женихи, являются пародиями на русскую эпигонскую и дилетантскую романтическую поэзию конца 30-х — начала 40-х гг. Стихотворение «К ней» читает поэт Кон-Фу-Дзин (см. ниже). «Жалобу» читает поэт Миао-Миао, которого Юй-Лань перебивает репликами и наконец говорит: «Фи! фи! что за гадость!» «К луне» читает поэт Пху-Динь-Динь, пародируя эпигонов пушкинского стиля. «Разочарование» вложено в уста поэта Миао-Миао. Это пародия на «бenedиктовщину» — громкие уподобления и надуманные метафоры. В стихотворении «Поэт», которое читает Пху-Динь-Динь, как и в «Разочаровании», пародируется тривиальное противопоставление поэта и толпы (с намеком на Бенедиктова). Стихотворения «Мечта», «К деве» и «Тоска» читает поэт Кон-Фу-Дзин (от слова «конфуз»). Пародируется пристрастие романтических поэтов к отрывкам и неоконченным стихотворениям (как выражению непосредственного чувства). Поэт сперва читает стихотворение «Мечта», не может припомнить конца и конфузится. «Перси белелись снегами холмов... Кудри вились... Нет, не то!» (также намек на Бенедиктова). Со стихотворением «К деве» происходит то же самое: «Да вы, никак, хотите заставить нас выслушать свои неоконченные сочинения», — говорит ему его соперник.

«Олег сидел, раздумья полный...» Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 289, в повести И. И. Панаева «Тля». Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель и журналист, издававший и редактировавший вместе с Н. А. Некрасовым журнал «Современник» (с 1847 г.). В своих фельетонах и пародиях высмеивал эпигонов романтизма и представителей «чистого искусства» (см. вступ. статью, стр. 51—56). В повести «Тля» Панаев описывал три вида «литературных тлей»: юноши — «отчаянные романтики», «мужи-тли», которые за-

няты тем, что «примиряют классицизм с романтизмом», и «старцы-тли», которые подражают Петрову и Державину и воспевают в своих одах по большей части «предметы отвлеченные», как-то: Совесть, Мудрость, Добродетель и тому подобное. Изредка «старцы-тли» сочиняют эпистолы в стихах и в этих эпистолах рассуждают о том,

Что в свете нынешнем всё час от часу хуже,
Порокам шире жить, а доблестям поуже!

Пародия «Олег сидел...» приведена в повести как образец «русской баллады», ее сочинил некий «подслеповатый стихотворец», «который, впрочем, был более известен в кондитерских и трактирах, нежели в литературе».

<Стихотворение Николаши Гребешкова> («Когда ты розовой ручонкой...»). Впервые — там же, стр. 225. Мелкий чиновник Николаша Гребешков «незаметно получил страсть к сочинительству» и рассылает по редакциям свои стишки. Получив их, «издатель какой-то газеты» говорит: «Прелесть что за картина! И заметьте, какие неистасканные рифмы! Есть тут небольшие ошибки (издатель какой-то газеты усмехнулся): дамы в пеньюарах, убирая головы, не носят пелеринки. Ну, да это ничего!.. Эти стихи непременно надо поместить в следующем номере» (намек на ЛГ 40-х гг., где печатались эпигонские стихи Ф. Менцова и др.). В лице «издателя какой-то газеты» изображен Ф. А. Кони (см.: И. Г. Ямпольский. Из истории литературной борьбы начала 1840-х годов.— УЛГУ, вып. 20, 1954, стр. 156).

«Ты не прельстишь меня словами...» Впервые — там же, стр. 217. По словам пародиста, произведение типичное для «юношей-тлей»: «Они воспевают — и все в стихах: «луну», «звезды», «бури», «собутельных друзей», преимущественно же «дивных и коварных Дев», в таком роде...» Далее следует пародия. Направлено против дилетантской и эпигонской поэзии, салонного сочинительства. В связи с этим примечательно рассуждение о прозе, которую пишут «юноши-тли»: «В прозе, если они что-нибудь напишут, то это уже наверное святочную повесть из самого высшего круга».

Колыбель человечества. Впервые — «Финский вестник», 1845, № 2, стр. 39, в «Очерках литературной жизни», за подписью: Иван Вихрев. На принадлежность этого произведения Н. А. Некрасову указано в статье А. М. Гаркави «О новонайденном рассказе Н. А. Некрасова „Очерки литературной жизни“» (УЛГУ, вып. 16, 1949, стр. 125—136). Включено в ПССП Н. А. Некрасова, т. 6. М., 1950. Пародия на эпигонскую романтическую поэзию с ее ходульными «ужасами» и надуманной экзотикой. В «Очерках» стихи читает начинающий поэт Свистов. Слушатели обмениваются репликами: «—Страшно! У меня волосы дыбом становятся! — сказал актер, украдкой зевая в руку.— Вроде Дантова ада,— заметил Зубков, никогда не читавший Данте.— А ваше мнение? — спросил поэт

нетвердым голосом у фельетониста. — Нельзя не согласиться, что картина варварских восточных обычаев изображена с потрясающим сердце эффектом, — отвечал фельетонист значительно». Подобная же комическая фигура восторженного поэта в стихотворении Некрасова «Новости» (ЛГ, 1845, № 9).

Торжество супружеской верности, или Мексиканцы в Лапландии. Впервые — «Репертуар и Пантеон», 1846, кн. 12, стр. 585—604. Подпись не раскрыта. Пародия на оперные штампы, экзотику, псевдоисторизм, анахроничность. Пародируется также оперная условность: «Тише, тише, не шумите» (крича во все горло); «Бегите, бегите, бегите» (не трогаясь с места) и т. п., что делает эту пародию прямой предшественницей знаменитой «Вампуки». См. статью Зерефер «Бабушка „Вампуки — невесты африканской“ — „Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дарпертуго“» (изд. В. Э. Мейерхольда), 1916, кн. 2—3, стр. 140—143. (См. также примеч., стр. 806).

Requiem. Впервые — С, 1847, № 1, стр. 69. Пародируются подражания Гейне в русской поэзии 1840-х гг.

Современная поэзия. Впервые — РС, 1872, № 1, стр. 156. Печ. по изд. — Н. Ф. Щербина. ПСС. СПб., 1873, стр. 292. *Щербина* Николай Федорович (1821—1869) — поэт, убежденный сторонник «чистого искусства». Писал злобные эпиграммы на всех и вся, осмеивая реакционеров, но и нападая на передовые демократические круги. См. его «Альбом ипохондрика» (Л., 1930). Пародируется лирика, поэтизирующая будничные переживания героев и отчасти подражания Гейне.

Летняя ночь. Впервые — С, 1850, № 5, стр. 143.

Везде и всегда. Впервые — С, 1850, № 8, стр. 320—321, в цикле «Стихотворения новооткрытого поэта». *Павлова* Каролина Карловна (1807—1894) — поэтесса, жена писателя Н. Ф. Павлова (до замужества — Яниш). Печаталась в «Современнике», но потом сблизилась со славянофилами и перешла в «Москвитянин». Мастерски владела стихом, уделяя особое внимание звуковой форме. *Новооткрытый поэт* — пародийный псевдоним, противопоставленный Новому поэту (И. И. Панаеву). И. И. Панаев определяет это стихотворение как «пародию на поэтов, злоупотребляющих рифмами». Как пародию рассматривает его и сама К. Павлова. Авторство Каролины Павловой раскрыто ею самою (и подтверждено И. И. Панаевым) при следующих обстоятельствах. В № 9 С за 1854 г. Панаев поместил критический обзор урапатриотических книжек, появившихся в связи с Крымской войной. Наряду с лубочными брошюрками безвестных сочинителей, Панаев подверг критике «Разговор в Кремле» К. Павловой, вышедший отдельной брошюрой (СПб., 1854). Не имея возможности (по цензурным соображениям) подвергнуть критике содержание этого произведения, написанного со славянофильских

позиций, Панаев нападает на форму, упрекая К. Павлову в излишней «громкости» ее стихов, увлечении звучными рифмами и различными эффектами поэтической инструментовки, скрывающими бедность мысли. «Не завела ли страсть к новым рифмам далее, чем требование простоты, необходимое в хорошем литературном произведении?» — спрашивал Панаев. «Драма — Гама; Колумб — румб; щедро — Сааведра; гордо — Стратфорда — рифмы все богатые и редкие, новые, как их называют. . . но не слишком ли много придает им значения автор? . . . Придает ли усердное и постоянное стремление к громкозвучной и по возможности новой рифме силу произведению, увеличивает ли его поэтическое достоинство? или наоборот?» И в качестве ответа на этот риторический вопрос приведено полностью стихотворение «Везде и всегда» с таким замечанием: «Никто не станет спорить, что по богатству, оригинальности рифм это стихотворение не имеет себе подобного. . . Но какое впечатление оно производит? есть ли в нем поэзия? и в чем его достоинство? Оно может рассмешить как удачная шутка, но поэзии в нем нет и тени, и все достоинство его именно в том и состоит, что оно показывает, как легко подобрать множество богатых и необыкновенных рифм, которые, впрочем, не составляют еще поэзии». Статья Панаева вызвала негодующее письмо Каролины Павловой, протестовавшей против использования ее пародии против нее же самой: «Поймите же, каково мне было, когда я прочла стихи, приведенные вами в подтверждение вашей теории рифмы. . . Я принуждена, увы! вам напомнить, как мы с вами ходили по липовой аллее, восхищаясь природой, говоря о поэзии, и как я вам тогда прочла эти же стихи, мною в шутку написанные, и как вы были в восторге от этой пародии и выпросили ее у меня. И все это позабыв, вы теперь на меня же обращаете собственное мое оружие, вам мною данное!» Полемизируя с Панаевым, К. Павлова упрекает его в пристрастии к банальности: «Разделяя совершенно ваше мнение в том, что никакая рифма не увеличивает поэтического достоинства стихотворения, я не могу убедиться, что не натянутые, богатые и новые рифмы портят его». «Но у всякого свой вкус; вы, рифму уподобляя вину, находите, что чем она старше, тем лучше». К. Павлова приводит начало «Гасуба» и другие стихотворения Пушкина, где «рифмы все богатые и редкие, новые, как их называют; но не слишком ли много придает им значения автор, не слишком ли много в жертву им принесит», — пародирует она статью Панаева. Письмо К. Павловой и ответ на него И. И. Панаева были напечатаны в С (1854, № 11). См. отклик на эту переписку в ОЗ, 1854, № 12, и пародию Е. П. Ростопчиной (стр. 491). Е. П. Казанович считала, что пародия К. Павловой была направлена против Н. Языкова и имела в виду его послание к самой Павловой (К. Павлова. ПСС. Л., 1939, стр. 432). Соображения эти неубедительны. «Везде и всегда» — жанровая пародия с элементами автопародии, так как К. Павлову упрекали в пристрастии к богатой рифме в ущерб поэтическому содержанию. *Альбион* — Англия. *Тимбукту* — город в западном Судане. *Тамеа-меа-ма* — имя нескольких королей Гавайских островов. В 1850 г. царствовал Тамеа-меа-ма III. *Сен-Готард* — горный массив в Альпах. *Горе Теклы*. Имеется

в виду героиня трагедии Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна» Текла, жених которой Макс Пикколомини пал в битве со шведами. *Гекла* — действующий вулкан в Исландии. *Чимборасо* — гора в Кордильерах (Южная Америка). *Столица Помаре* — Папеете на о. Таити, где в XVIII — начале XIX в. царствовала династия Помаре.

Месть горца. Впервые — С, 1850, № 4, стр. 173, в рассказе Н. А. Некрасова «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К°». Стихи сочинил в «дороге» некий Леонард Лукич Хлыщев, который едет в Москву в почтовой карете с намерением жениться.

«Хотя уж догорает день...» Впервые — С, 1851, № 7, стр. 39—40, в «Заметках Нового поэта» — «Импровизация по случаю поездки на гулянье в Марьину рощу». Типичная для Нового поэта пародийная «игра с банальностью».

Серенада («Уж ночь, Акулина!..»). Впервые — С, 1851, № 3, стр. 14—15, в рецензии на книгу «Прогулка по Пассажу. Шутка П. Татаринова». СПб., 1851. Вместо традиционной Испании подставлено провинциальное захолустье, где под аккомпанемент балалайки исполняется романтическая серенада. Эта пародийная прозаизация разрушает эпигонский обывательский романтизм.

<Стихотворения Лиодора>

Впервые — С, 1852, № 7, стр. 125—130, и № 8, стр. 320—328, в романе-фельетоне «Камелия, чувствительный роман», без подписи. Автором этих пародий, написанных от лица пародийного персонажа — чувствительного поэта-неудачника Лиодора, был Михаил Ларионович *Михайлов* (1829—1865), революционный деятель, поэт и переводчик. «Стихотворения Лиодора» примыкают к пародиям Нового поэта. Михайлов обличает оторванность от действительности сторонников «чистого искусства», мелкотравчатость индивидуалистической лирики. В уста Лиодора Михайлов, по-видимому, вложил и свои ранние стихи, написанные не как пародии (в том числе явное подражание Г. Гейне — «Я видел во сне человечка...»). Но в контексте юмористического романа-фельетона, выдаваемые за творчество явно окарикатуренного персонажа, эти стихи также приобретают пародийный смысл (нечто аналогичное мы видели и в творчестве Нового поэта — см. вступ. статью, стр. 51—56).

1. «Опять налетают роями...» В романе «Камелия» сообщается предыстория этого стихотворения. Почувствовав «неожиданное вдохновение», Лиодор взялся за перо и стал писать:

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между темных ветвей;
То клонит ко сну, то очнется,
То мельница, то соловей...

«На этом стихе Лиодор остановился: ему вдруг показалось, что это не его стихи. И точно, подумав немного, он вспомнил, что читал начинающиеся этими строками стихотворение г. Фета» (речь идет о стихотворении Фета из цикла «Офелии», напечатанном в Москв., 1842, № 2). Опомившись, Лиодор «вычеркнул написанные им четыре стиха и написал следующую пьесу, принадлежащую уже вполне ему самому». Затем приводится стихотворение «Опять налетают роями...» с замечанием, что, сочинив это, Лиодор «глубоко вздохнул, не потому, конечно, что стихотворение оказалось не совсем удачным подражанием г. Фету, а потому, что грезы в самом деле мучили его».

4. «Был темен путь мой, бесприютен, глух...» В романе сообщались обстоятельства, при которых Лиодор написал это стихотворение, объясняющие его содержание. Лиодор сошел с пригородного парохода на берег. «Дорога до квартиры Лиодора была длинна, а ему не на что было нанять извозчика. Грустно побрел он по сырым тротуарам. По временам эта грусть вдруг отлетала от его души, как скоро припоминал он несколько приветливых слов, сказанных ему соседкой в каюте; но зато вслед за такими отрадными минутами грусть его разрасталась до пугающих размеров». Стихотворение, как указывает автор, «написано нерифмованным пятистопным ямбом (я не чувствую особенной любви к этому размеру, несмотря на то, что им г. Полонский написал свою „Дареджану“, а г. Данилевский свои „Степные сказки“)» (стр. 320). Я. П. Полонский. «Дареджана, царица Имеретинская. Историческая драма в стихах» (Москв., 1852, № 7). Г. Данилевский. *Степные сказки* (Стихотворения. СПб., 1852). О *Данилевском* см. стр. 778.

5. «Сердцу трудно, оку больно...» «Импровизация, происходившая у окна булочной, из-за которого глядела уже голова булочника в колпаке... Впрочем, минут через пять после этой импровизации Лиодор пришел вовсе не туда, куда идут все, а просто в небогатый угол, занимаемый им у почтенной и глухой немки» (стр. 321).

8. «Я видел во сне человечка...» В пародии используются мотивы Гейне и его русских подражателей.

Желание быть испанцем. Впервые — С, 1854, № 2, ЛЕ, № 1, стр. 15—16. Впоследствии в ПСС К. Пруткива (СПб., 1884) в это стихотворение было включено еще три строфы.

Осада Памбы. Впервые — С, 1854, № 3, ЛЕ, № 2, стр. 36—37. Пародируются русские переводы «Романсов о Сиде», обработанных немецким поэтом И.-Г. Гердером. Прежде всего имеют в виду переводы П. А. Катенина и отчасти В. А. Жуковского. Ср. у Катенина:

.. Четверик ему пшеницы
Дать, сказал король, а ты
Обойми его, Химена,
Он изрядно подшутил.

Путник. Впервые — С, 1854, № 4, ЛЕ, № 3, стр. 51. Пародия на эпигонскую псевдоромантическую балладу. Непосредственным «оригиналом» для этой пародии послужило стихотворение Платона Ч. (псевдоним не раскрыт), помещенное в журнале «Репертуар и Пантеон» (1845, № 8, стр. 477—479):

Кто-то с чудной быстротою,
Весь в оружьи, в серебре,
Промелькнул перед толпою,
На коне, коням царе...

и т. д.

«Было то давно, давно...» Впервые — С, 1854, № 7, стр. 69, в «Заметках и размышлениях Нового поэта». Пародия сопровождалась следующим комментарием: «—Прекрасно!— воскликнул приятель-литератор, когда я кончил.— На кого же это пародия? — Если хотите, чтобы это была непременно пародия,— сказал я,— то это пародия ни на кого собственно, а вообще на все так называемые грациозные стихотворения».

«Как луна, ты томна и прекрасна...» Впервые — С, 1855, № 2, стр. 225, в «Заметках и размышлениях Нового поэта». Пародия на стихи в «восточном духе». Приводится в заметках Нового поэта как «новое глубокомысленное стихотворение одного современного персидского поэта». Автору сообщил его «содержатель одного персидского магазина», у которого он купил халат из термаламы. И эта поэзия «так же пестра, затейлива и хитра, как узор купленной мной термаламы».

<Стихотворение Элейкина> («Вставайте... собирайтесь, народы...»). Впервые — Е. П. Ростопчина. Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Продолжение комедии Грибоедова «Горе от ума». СПб., 1865, стр. 101—102. Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — писательница консервативного лагеря. Ее первые опыты были встречены с большим сочувствием. Жуковский подарил ей после смерти Пушкина начатую им тетрадь. В ее стихах первоначально звучали свободолюбивые мотивы («Послание страдальцам», опубликовано впервые в сборнике «Декабристы», Л., 1926, и «Мечта» — впервые в статье Вл. Нейштадта «Неизвестные стихи Ростопчиной». — «Тридцать дней», 1938, № 2). Гнев Николая I навлекло ее стихотворение «Насильный брак» («Северная пчела», 1846, № 284), в котором увидели намек на Польшу, угнетаемую царизмом. Однако расплывчато-либеральные и фрондерские настроения быстро схлынули. Ростопчина сблизилась со славянофилами, а ее поэзия, по словам Белинского, целиком была отдана «служению богу салонов». Новый поэт с пер-

вых же своих дебютов в С сделал ее своей «любимицей», высмеивая в фельетонах и пародиях пристрастие Ростопчиной к описанию балов и переживаний светских красавиц. Эти насмешки сильно задевали самолюбие Ростопчиной. В 1850-х гг. она стала выступать с откровенно реакционными пародиями и памфлетами, в которые вносила большую долю личного озлобления. В 1858 г., за десять месяцев до смерти, Ростопчина, пародически используя строфику и размер «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова, сочиняет памфлет «Дом сумасшедших в Москве», в котором словно спешит расправиться как со ставшими ей ненавистными бывшими друзьями славянофилами, так, в особенности, с западниками и представителями демократического лагеря, к числу которых она относит «герценистов, социалистов... две-три школы прудонистов». Этой же цели служит и написанная несколько раньше (в 1856 г.) комедия-памфлет «Возврат Чацкого». Ростопчина едко высмеивает своих бывших единомышленников из редакции «Москвитянина», в особенности Хомякова, и злобно нападает на «Современник». Действие комедии происходит в Москве, в 1850 г., в доме Фамусова, где встречаются персонажи «Горя от ума». Жена Платона Михайловича Горячева (они оба убежденные славянофилы) вводит в дом Фамусова Мстислава Кирилловича Элейкина, идейного вождя славянофилов, в котором нетрудно угадать Хомякова. «Элейкин бледен и сухошав; выражение лица его строго и холодно; волосы длинные, подстриженные в кружок; борода, усы; одет он в черную бархатную поддевку, с красными шароварами в сапогах, а сапоги высокие, на подковах, с красным кантиком; в руке мурмолка. Голос его тих и кроток; глаза опущены вниз; походка осмотрительная; словом, это русский Тартюф, пока он спокоен, но, когда разгорячится, он переходит в состояние беснующегося; глаза его блестят, как у хищного зверя, голос гремит, движения быстры и судорожны, как у барса, и даже, рассердившись, он скрежещет нередко зубами, всегда его бросает из одной крайности в другую — то смотрит смиренным, то рвет и мечет» (стр. 91—92). Но, издеваясь над личностью Хомякова, Ростопчина, по существу, солидаризуется с его реакционными взглядами, осуждая лишь крайности и внешний маскарад славянофилов. Чацкий, который выступает единомышленником некой княжны Цветковой, выражающей взгляды самой Ростопчиной, говорит, обращаясь к славянофилам:

Да, я люблю в вас преданность к России,
Почтенье к старине, дух русский, русский ум...

Но нельзя идти вспять и «стрелку на часах времен переводить», ибо «мы усвоили уж плод трудов Петровых»:

Поверьте, господа,— я тоже патриот,
Не меньше вас люблю я Русь святую,
Хотя не облекусь в одежду шутовскую...

Чацкий солидаризуется с общественно-политическими взглядами славянофилов и предлагает служить

... пером, мечом иль словом,
На пашне — мужичок, в поместье — господин,
В Сенате и судах — полезный гражданин!

Идея. Впервые — там же, стр. 108—109. Реакционная пародия на гражданскую поэзию, которую Ростопчина стремится представить как набор риторических фраз. Ростопчина не жалеет черных красок для изображения молодого поколения. Темный интриган, пролезший в дом Фамусова в качестве воспитателя детей Скалозуба (за которого вышла замуж Софья Павловна), некий Петров, связан с кругом «Современника». Не успел он появиться, как девица Вера Скалозуб спрашивает: «Вы принесли нам „Современник?“». Петров вводит в дом Фамусова профессора-западника Феологинского, женатого на княжне Мими, которая, как и ее сестра княжна Зизи Тугоуховская, совершенно эмансипировалась; обе курят и обсуждают современные вопросы. Студент Цурмайер читает стихотворение, которое он посвятил «светилу и кумиру человека — Идею».

Серенада («Город спит в дали туманной ...»). Впервые — С, 1859, № 9, «Свисток», стр. 538. Аммосов Александр Николаевич (1823—1866) — поэт, писал также под псевдонимом «Последователь Кузьмы Пруtkова». Пародия примыкает к «Серенадам» Пруtkова, отличаясь от них более грубым применением гротескно-комического эффекта для снижения романтических шаблонов.

*Юное дарование, обещающее поглотить всю
современную поэзию*

Впервые — С, 1860, № 5, «Свисток», стр. 28—35. О Н. А. Добролюбе-пародисте см. вступ. статью, стр. 66—70. Цикл пародий, показывающий эволюцию дворянской поэзии 50-х гг. на примере вымышленного подражательного поэта, который последовательно на протяжении нескольких лет «отдает дань» идейным и художественным веяниям своего времени. «Юное дарование» сперва пускается в чистую лирику и подражает Фету (в пародии двенадцатилетний мальчик усваивает эротические мотивы лирики Фета), потом (как и большинство подражателей школы «чистого искусства») ударяется в квасной патриотизм во время Крымской войны, предается разочарованию, а позднее — либеральному беспочвенному восторгу, сочетающемуся с мнимой «общественной деятельностью» и «обличительством» (в духе Розенгейма). Это цикл пародий широкого плана, охватывающий общие мотивы дворянской поэзии в ее различных вариантах, а не пародии на какого-либо одного поэта (например, на К. Случевского, как это иногда считалось), хотя отдельные элементы поэзии Фета, Случевского и др. использованы при создании цикла. Стихи Карамзина, взятые из его «богатырской сказки» «Илья Муромец» («Аглая», 1795), приведены неточно. Последняя строка у Карамзина: «В чародействе красных вымыслов». Оказаться силою. Имеются в виду слова Ап. Григорьева в его статье «Беседы с Иваном

Ивановичем о современной нашей словесности. . .» (СО, 1860, № 6). «Это сила идет, новая, молодая сила. Она может разлететься прахом или создать новый мир, прекрасный мир, самобытный мир, что-нибудь одно из двух — среднего быть не может». *Лилиеншвагер* — пародийный образ поэта, созданный Добролюбовым (см. вступ. статью, стр. 68—69).

Первая любовь. Пародия на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье. . .» Возможно, что объектом для пародии послужило также стихотворение Случевского «Ночь», появившееся в № 3 ОЗ (см. Е. С. Ухалов. Загадочная маска.— Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 6. М., 1948, стр. 55—61).

Существенность и поэзия. Пародия на либеральные восторги и казенный оптимизм. Реформы сверху якобы превращают тоскливые и заунывные песни в радостно-бодрые напевы. Непосредственным поводом для пародии явилось стихотворение А. Н. Апухтина «Песни», напечатанное в № 9 С за 1859 г. в составе цикла «Деревенские очерки» (см. Н. Г. Леонтьев. Добролюбов-пародист.— УЛГУ, вып. 30, 1957, стр. 120).

Общественный деятель. Использованы две строфы из стихотворения Добролюбова «Встреча», введенные им в острый сатирический контекст. Направлено против либерально-филантропических мотивов в поэзии.

Рыцарь без страха и упрека. Пародируется стихотворение Некрасова из цикла «Последние элегии»: «Я рано встал, недолги были сборы. . .» Пародист комически переосмысляет метафору Некрасова, символизирующую трудности «жизненного пути», и переводит ее в реальный план («колючки», «крапива», «пыль»). Ср. у Некрасова:

Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря. . .

Упал я на траву. Ср. у Некрасова:

Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю? . . .»

Конец пародии относится к стихотворению Некрасова «Душа мрачна, мечты унылы. . .» (также в цикле «Последние элегии»), ср.:

Но поздно! Я как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь.
Не соразмерив сил с дорогой трудной. . .
и т. д.

Добролюбов выступает не против поэзии Некрасова в целом, а пародирует отдельные мотивы его творчества — уныния, душевной усталости и колебаний. Подробнее см. замечания Б. Я. Бухштаба в книге: Н. А. Добролюбов. Стихотворения. Л., 1941, стр. 15—17.

<Стихотворения Псевдонимова>

Впервые — «Время», 1861, № 1, стр. 70—82, в рецензии на четыре сборника переводов из Гейне, без подписи. *Д. Д. Минаев* — см. стр. 769. В фельетоне излагается биография «поэта трех звездочек» (т. е. печатавшегося анонимно под тремя звездочками вместо подписи), оставшегося безвестным, хотя он на протяжении нескольких десятилетий «успешно» подражал наиболее знаменитым и модным современникам. Он родился в Москве в то время, «когда „Вестник Европы“ пел вечную память престарелому классицизму и юный романтизм в лице „Бедной Лизы“ Карамзина принимался с восторгом всем молодым поколением». Еще в гимназии Псевдонимов выучил «все правила риторики» и однажды написал на заданную тему сочинение в стихах «Буря на море», в котором подражал Ломоносову. Проникшись сознанием своего таланта, окрыленный восторгами своего наставника, Псевдонимов «перестал выражаться презренной прозой, а все облекал в поэтическую форму». Вместо того чтобы попросить за столом передать ему кусок хлеба, он восклицал:

О школьный друг, подай мне ради Феба
Один кусок иль два ржаного хлеба.

«Переживая многие фазы нашей литературы, начиная с драм Кукольника, повестей Марлинского и кончая Случевским и Кусковым, — Псевдонимов постоянно воссоздавал чужие образы, вариировал чужие мотивы и наивно считал свои произведения плодом творческого самобытного дарования». Этот пародийный персонаж, по словам Минаева, «олицетворяет в себе тип поэтов, у которых впечатлительность заменяет творческую силу и фантазию, а наивное передразнивание, модулирование — всякое самобытное дарование». Выдержки из «дневника» Псевдонимова и его стихи показывают развитие поэзии «от Кукольника до Случевского», т. е. наиболее неприемлемых для критика-пародиста литературных явлений.

Буря на море. Псевдонимов в этом стихотворении еще «подражает» поэзии классицизма.

Монолог художника в драме «Джулиано Бертини, или Терновый венок гения». «Монологу» предшествует запись в «дневнике» Псевдонимова (от 27 октября 1836 г.), указывающая пародийный адрес: «Прочел драму Кукольника «Джулио Мости». Нужно быть гранитом, обросшим мохом бесстрастия, чтобы не растаять при чтении этого удивительного создания. Вчера вечером я был на именинах у нашего частного пристава. После

ужина меня почти насильно заставили прочесть некоторые сцены из моего «Джулиано Бертини»... Все были сильно пьяны и целовали меня за прочтение». Критик попутно дает характеристику мещанско-обывательской и чиновничьей среды, где были особенно популярны ходульно-романтические произведения Марлинского, Кукольника и Бенедиктова (см. вступ. статью, стр. 50—55).

Разрушение мира. Пародия предшествует запись в «дневнике» Псевдонимова (от 3 декабря 1840 г.), где он поясняет, что не печатает своих стихов, чтобы не «услышать брань глупца и ругательства какого-нибудь доморощенного московского критика, который какого-то Гоголя превозносит до небес, а нашего первого поэта, поэта мысли, как назвал его весьма справедливо г. Шевырев,— Бенедиктова — считает наборщиком громких фраз и звонких рифм» (намек на В. Г. Белинского). «Разрушение мира» — пародия не только на Бенедиктова, но и на родственных ему поэтов, в особенности А. В. Тимофеева (см. стр. 720), у которого было стихотворение «Последнее разрушение мира» (БдЧ, 1838, № 5):

Тихо зарево взыграло
По челу седых небес;
С неба на землю упало,
Озарило дол и лес,
Разостлалось багрянницей
По ковру широких вод
И летучею зарницей
Весь зажгло небесный свод.

... И вдруг все вздрогнули. Как черное знамя
Покрыло мгновенно багровое пламя,
Как грозная туча взвилась над землей...

Бал. Псевдонимов читает это произведение «петербургскому литератору», который иронически замечает: «Поздравляю вас, батюшка: вы самого Бенедиктова перешеголяли, и в вас он найдет достойного соперника» (запись в «дневнике» Псевдонимова от 12 февраля 1841 г.). Пародия на стихотворение Бенедиктова «Вальс» с включением мотивов из других произведений Бенедиктова («змеи кудрей», «кровный конь» и др.). *По щекам меня хлестали Ароматною волной.* Ср. у Бенедиктова в стихотворении «Напоминание»:

Русый локон незаметно
По щеке скользил моей...

Еврейская мелодия. Псевдонимов, перебравшись в Петербург, в письме к приятелю в 1850 г. уже пренебрежительно отзывался о Бенедиктове: «Гениальная прозорливость Белинского еще десять лет назад под блестящей формой произведений этого писателя умела заметить отсутствие всякой поэзии и содержания. Читай лучше Некрасова или Майкова — вот это поэты. А читал ли ты «Еврейские мелодии» Мея — это удивительные стихи». Мея Лев Алек-

сандрович (1822—1862) — поэт и драматург, примыкавший к школе «чистого искусства». Пародия на «Еврейские песни» Мея, представляющие собой переложение библейской книги «Песнь песней».

Чувство грека. Пародируется обращение Н. Ф. Щербины (о нем см. стр. 740) к античным мотивам, в частности его стихотворение «Пир»:

На пурпурных мы ложах сидели,
Рассыпали нам женщины ласки,
Ионийские песни мы пели
И милетские слушали сказки. . .

и т. д.

Гиматий — верхняя одежда древних греков. Минаев пародирует употребление Щербиной этого слова также в стихотворении «Фанты» (И, 1863, № 26). В стихотворении «Пир» поэт обращается к мальчику (который оказывается переодетой возлюбленной, брошенной поэтом):

Что ты спрятал на грудь под гиматий? . .
Что так выпукла грудь молодая? . .

«Раз проселочной дорогою. . .» Вошло в сборник Д. Д. Минаева «Думы и песни» (СПб., 1863) с добавлением строфы (между предпоследней и последней), пропущенной в журнальной редакции:

От его превосходительства
Слышал я — а он мне зять, —
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать. . .

Используя сюжетную схему стихотворения Некрасова «Школьник», Минаев высмеивает либеральные настроения предреформенных лет.

Две тени. Псевдонимов отмечает в своем «дневнике» под датой 16 июля 1858 г., что «ни на одного современного поэта так не нападают теперь, как на Фета. Его бранят даже те журналы, где прежде от него же приходили в восторг» (намек на С, где в 50-х гг. печатались стихи Фета).

«Подбоченьсь ходит месяц. . .» Пародия на стихи Константина Константиновича Случевского (1837—1904), представителя «чистой поэзии». Пародируются общие мотивы и образный строй поэзии Случевского, в том числе стихотворение, напечатанное в С (1860, № 1) и сделавшееся мишенью юмористов 60-х гг.:

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Рея, плавают в тумане. Используется строка из «Демона» Лермонтова («Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил»). *Лишь одни людские вздохи.* Намек на стихотворение Случевского «Людские вздохи» в том же номере С.

«Он не любил еще. В надежде благодати...» Впервые — И, 1860, № 36, стр. 384. Ломан Николай Логгинович (1830 — 1892) — поэт, специализировавшийся на пародиях, которые он вставлял в свои фельетоны в И, носившие общее заглавие «Литературные вариации». Пародийная контаминация мотивов двух стихотворений — К. Случевского и Каролины Павловой, приведенных в фельетоне Ломана. Случевский рисует образ юноши Мемнона, еще не испытавшего любви, «не зажигающего своей лампы в высоком служении», вкушающего «покой неведения», юноши, чьей «мечты еще никто не подстерг своим нескромным оком»:

Он не любил еще, в надежде благодати,
Он шел по жизни не спеша,
И в нем дремала сладким сном дитяти
Невозмущенная душа.

«Я читаю его обыкновенно вперемешку с произведением г-жи Каролины Павловой: «Люблю я вас, молодые девы». Эта пьеска изобилует также удивительно смелыми сравнениями и, сколько можно догадаться, выражает те же идеи, что и Мемнон г. Случевского; а потому от чтения вперемешку оба эти произведения выигрывают весьма много: чего не досказали «молодые девы», то объяснит «Мемнон», что ускользнуло бы от вашего внимания в «Мемноне», на то наведут вас „молодые девы“». Имеется в виду стихотворение К. Павловой:

Люблю я вас, молодые девы,
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясные напевы,
Еще не ведающей Евы
Люблю таинственные сны...

К солнцу. Впервые — РСл., 1861, № 12, стр. 21, в фельетоне Д. Д. Минаева «Дневник темного человека». Стихи получены фельетонистом от некоего «нового дарования» (разновидность Псевдонимова). «Все эти юные таланты,— замечает фельетонист,— воспитанные на переводных стихотворениях Гейне, на старых мотивах Фета, начали доводить свои лирические причитания до самых уродливых нот, и если бы «любезная природа», которую они постоянно воспевают, могла их слышать, то она бы сделала самую кислую мину». «Ученик» («новое дарование») — «пошел еще дальше своих наставников и красоты поэзии своих менторов довел до идеала безобразия».

Литературные ополченцы. Впервые — РСл., 1863, № 1, стр. 78—81, в критическом обзоре Д. Д. Минаева «Забутые уголки Парнаса». Осмеивается поток казенно-патриотических и монархических стихотворений, появившихся в связи с Крымской войной.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, видный представитель «чистого искусства», к этому времени скомпрометировавший себя верноподданническим стихотворением «Коляска», в котором возвеличивал Николая I. В демократических кругах получил насмешливое прозвище Коляскин. *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, друг А. С. Пушкина. В молодости находился под влиянием идей декабристов; к 40-м гг. перешел на реакционные позиции. *М. П. Розенгейм* — см. стр. 755. Пародист объединяет этих поэтов под одним стягом с малограмотными сочинителями лубочных псевдонародных книжек. *Татарин* Петр Петрович (ум. 1858) — плодovitый стихоплет и драматург. Ему принадлежат: «Фомушка в Питере, или Глупому сыну не в помощь богатство. Сказка в стихах» (книжка выдержала 24 издания), «Прогулка по Пассажу» (1850), «Турусы на колесах» (1851), «Муж в тисках у жены на Песках» и др. Во время Крымской войны выпустил, кроме указанной в пародии, еще брошюры в стихах: «Непир у Кронштадта, или Ехал, да не доехал», «Русское хлебосольство, или Чем богаты, тем и рады» и др. Был постоянной мишенью для насмешек Нового поэта в *С. Иван Семерихин* выпустил брошюру в стихах: «Высадка неприятелей в Крыму и сражение при Альме» (1854). *К. Козлов* — автор стихотворных листов «Пир Непира с Пальмерстоном» и «Непир ошибся в расчете» (вышли в 1854 г.). *В. Преснов* опубликовал стихотворение «Памяти П. С. Нахимова» (1855). Все эти поэты «майковского периода», пишет Д. Минаев, «воодушевленные одним и тем же благородным чувством, до такой степени спелись между собой, что все их произведения, взятые вместе, составляют нечто целое, что-то вроде русской «Илиады». Желая хоть сколько-нибудь познакомиться читателя с этим забытым уголком русского Парнаса, я пришел в уныние от мысли, что принужден буду делать сухие выписки, которые едва ли передадут вполне то впечатление, на которое я рассчитывал». Вместо этого он решил «сделать хоть слабый опыт эпической поэмы, где каждый из поэтов говорит «только свои собственные слова». Введено только одно новое лицо — вымышленный персонаж — *Михаил Бурбонов*, считающий себя «горячим приверженцем» «майковской школы». *Расплюев* — персонаж из пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». *Не полны воинские лавры* и т. д., а также все остальные реплики А. Майкова взяты из разных мест его стихотворения «Памяти Державина» (кое-где допущены неточности). *Мишле* Жюль (1798—1874) — французский историк, демократ и антиклерикал, автор семитомной «Истории французской революции». *Прудон* Пьер Жозеф (1809—1865) — французский экономист и социолог, один из основателей анархизма, подвергнутый уничтожающей критике в книге К. Маркса «Нишета философии» (1847). *Всё, чем живо государство* и т. д., а также следующие реплики М. Розенгейма взяты из его стихотворения «1 января 1854 года». *Засписавился турчонок* и т. д. — из стихотворения П. А. Вяземского, начинающегося этими строками (цикл «Дунайские песни» в сборнике «К ружью!»). «*Бедная Лиза*» — повесть Н. М. Карамзина. *Не отвык орел луке сшибать рога* — т. е. двуглавый орел (Россия) не отвык побеждать полумесяц (страны мусульманского Востока). *Пальмерстон* Генри

Джон (1784—1865)—английский государственный деятель, проводивший агрессивную захватническую политику, один из главных организаторов Крымской войны 1853—1856 гг. против России. *Вот в воинственном азарте* и т. д.— строки из стихотворения В. П. Алферьева «На нынешнюю войну» («Северная пчела», 1854, № 37), пользовавшегося широкой популярностью в годы Крымской войны. *Тень певца Екатерины* — т. е. Г. Р. Державина, автора оды «Фелица». *Эпиграммы Щербины*. Имеется в виду несколько эпиграмм Н. Ф. Щербины на А. Н. Майкова, относящихся к середине 1850-х гг. и вызванных рядом реакционных и ура-патриотических стихотворений Майкова в годы Крымской войны.

«Кто сия? Она склонилась...» Впервые — РСл., 1863, № 7, стр. 22, в фельетоне «Дневник темного человека». Пародия на псевдопатриотическую ходульную поэзию. Написано якобы в Парголово, под Петербургом, после купанья в тамошнем озере. По словам фельетониста: «Озеро имеет такое свойство: каждый, кто выкупается в нем, непременно, хотя бы на время, делается патриотическим поэтом». Желая убедиться в этом, автор отправился в Парголово, «запасясь на дорогу стихотворениями князя Вяземского, Бенедиктова и А. Майкова». Выкупавшись в чудодейственном озере, он почувствовал «позыв к импровизации» и по нантию свыше сочинил огромное стихотворение, из которого предлагает только начало. *Под пятой ее Кавказ*. Пародически используется образ Ломоносова в «Оде на день восшествия... Елисаветы Петровны» (1748 г.), в которой Россия, главой «коснувшись облаков», сидит, «возлегли лактем на Кавказ».

Жизнь сквозь разные очки

Впервые — И, 1865, № 34, стр. 464, и № 35, стр. 475. Пятое стихотворение («Мотив бешено-московский») печ. по сб.: Д. Д. Минаев. «Песни и поэмы», СПб., 1870, стр. 226.

Мотив мрачно-обличительный и Мотив слезно-гражданский. Пародируется либеральное «обличительство» и сентиментальная «гражданственность», ни к чему не обязывающая в политическом отношении.

Мотив ясно-лирический. Пародируется «Серенада» Фета («Тихо вечер догорает...») как образец «чистой лирики».

Юбилейный мотив. Пародируются стихи, произносившиеся на казенных юбилеях, в которых деятельное участие принимал А. Н. Майков.

Мотив бешено-московский. Стихотворение также предназначалось для И, но было запрещено цензурой. Пародия на казенно-патриотическое стихотворение Бенедиктова «К отечеству и врагам его».

Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов

Впервые — И, 1865, № 5, стр. 78—80, без подписи. Пародии в «альбоме» чередовались с карикатурами на картины известных русских художников (своего рода пародиями на их живописную манеру и излюбленные мотивы): «Гибель фрегата „Слава“» Айвазовского, «Этюд деревьев в виде грибов», вошедший в пейзаж «Сельский вид» барона Клодта, «Портрет 45-летней светской красавицы» Беллоти, «Завтрак льва» — эпизод из большой картины «Римские игрища» Флавицкого, эпизод из большой батальной картины «Окопная» Вилевальда.

«Вдали сверкают Апеннины...» Пародируются отдельные мотивы в цикле «Очерки Рима» Майкова, в частности стихотворение «Campana di Roma»:

Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края,
И Апеннин верхи снеговенчанны...

Капуцины. В стихотворении Майкова «Капуцин»: «Разутый капуцин, веревкой опоясан». «*Нива*» — стихотворение Майкова (см. стр. 69).

«Мы встретились с вами на бале...» Пародируются мотивы поэзии Я. П. Полонского с включением намека на то, что опубликованную его пьесу «Свет и тени» («Эпоха», 1865, № 1).

«Давно ли, безумный и праздный...» Пародируется стихотворение Фета «Давно ль под волшебные звуки...» *Семен* — намек на очерки Фета «Из деревни» (РВ, 1863), в которых он, жалуясь на то, как стало трудно помещикам без крепостного труда, рассказывает о нерадивом работнике Семене. В пародии используются мотивы «чистой лирики» Фета для разоблачения его крепостнических взглядов. «*Положеньье*» — «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

«Итальянских певцов-теноров...» Пародируются излюбленные мотивы Щербины. Ср. в стихотворении «Утро в горах Фокиды»:

Говорят мне и небо, и воды,
И я музыку слышу природы.
Я в оркестре миров
Слышу голос родной,
Полон девственных снов...

«Поздним летом, ночью тихой...» Пародируется стихотворение Ф. Тютчева «Тихой ночью, поздним летом...»

Из Саути. *Саути* (Соути) Роберт (1774—1843) — английский поэт-элегик. Указание на перевод из него носит пародийный характер. Пародируются «слезливые мотивы» поэзии Алексея Николаевича

Плещеева (1825—1893), поэт демократического лагеря, петрашевца, стихи которого нередко были пронизаны рассудочностью и унынием. Ср., например, в стихотворении «Тобой лишь ясны дни мои...»: «Бесплодной жизни повесть Слезами горькими не смыть».

Из Беранже. *Беранже* Пьер-Жан (1780—1857) — французский поэт-демократ. В России его творчество приобрело особую популярность благодаря переводам В. С. Курочкина. Здесь указание на перевод из Беранже пародийно и направлено против плоского понимания его поэзии как преимущественно фривольной и эпикурейской. В этом и следующем стихотворении пародируется Розенгейм Михаил Павлович (1820—1887) — поэт и журналист, редактор юмористического журнала «Заноза» (1863—1865), представитель трусливого либерального «обличительства» («с дозволения начальства»). О нем см. вступ. статью, стр. 68—69. Поводом для пародии послужил цикл стихотворений Розенгейма «Соседка». В одном из них описывается подсматривание за купальщицами («Шла соседка купаться с сестренкой...»), однако пародия по ритму ближе к другому стихотворению того же цикла:

Даль во мгле туманна,
Сыро, холодно;
По часам и рано,
А уже темно.

По случаю поступления в дом гувернантки из англичанок. Пародия направлена против казенной, ура-патриотической поэзии периода Крымской войны. Прежде всего имеются в виду стихотворения Розенгейма. «Фабриканты мятежей» — выражение из стихотворения Розенгейма «1 января 1854 года» (Стихотворения. СПб., 1858), цитируемое и в «Литературных ополченцах».

Из Гейне. Пародируются доморощенные переводчики Гейне. В подписи ошибочно — В. Греков. *Греков* Николай Порфирьевич (1810—1866) — поэт-переводчик Гейне, Мюссе и др.

«Я не рожден в альбомы дам...» *Дядя Пахом* — псевдоним поэта Ивана Павловича Можайского (1828—1893). В книге Д. Д. Минаева «Песни и поэмы» (СПб., 1870) подпись под этой пародией — *Один из многих*.

«На чужбине каждый жаден...» Пародия на стихи П. А. Вяземского в его книге «В дороге и дома» (СПб., 1862). См. примеч. к пародии «В гостях и дома», стр. 780. Рифма «каждый жаден — Баден-Баден» заимствована Минаевым из сатирического фельетона В. Курочкина, посвященного В. А. Соллогубу (ПИ, т. 1, стр. 109). Автор «Аси» — И. С. Тургенев. *Брюлевская терраса*. В последней главе «Отцов и детей» упоминается, что Павел Петрович Кирсанов, поселившись в Дрездене, в «самое фешенебельное время» прогуливается по Брюлевской галерее (названа так по имени саксонского министра Генриха Брюля).

Дуэт Фета и Розенгейма. Впервые — Б, 1865, № 71, стр. 281, в фельетоне Д. Д. Минаева «Дневник темного человека». «Мы все,— писал фельетонист,— с особенным любопытством должны останавливаться на новейших представителях того «чистого искусства», которому доступны одни голько „светлые явления жизни“». В «Дузте» строки из известного стихотворения Фета «Я пришел к тебе с приветом...» перемежаются с пародией на «гражданскую лирику» М. П. Розенгейма (см. стр. 795). Этим, в частности, объясняется и иронический подзаголовок.

<Русский Гейне>

Впервые — «Время», 1861, № 1, стр. 66—67, в статье (без подписи) о переводчиках Гейне. Пародия предварена замечанием: «Мы приведем здесь два стихотворения, которых немецкий поэт никогда не писал, но которые, по нашему мнению, совершенно характеризуют нашего переводного Гейне». Борьба за понимание и верную интерпретацию поэзии Гейне в 60-х гг. носила острый характер, чем и объясняется обилие пародий на переводы из Гейне и подражания ему. Прогрессивная критика и пародисты демократического лагеря осмеивали превращение Гейне в аполитичного лирика под стать проповедникам «чистого искусства» в русской поэзии. «Русский Гейне,— писал Д. Д. Минаев,— это альбомный певец, влюбчивый юноша, с розовой улыбкой и с розовыми мечтами, но который, впрочем, не прочь иногда и пострадать, и поплакать, и пожаловаться на судьбу. Поэтому у нас каждый юный поэт, преследуемый рифмами и вдохновением домашнего приговления, начинает пробовать свои силы на Гейне» (А. В. Федоров. Русский Гейне.— Сб. «Русская поэзия XIX века». Л., 1929). Минаевым написан также большой цикл пародий на переводы из Гейне (двенадцать стихотворений): «Рекреационные часы Михаила Бурбонова. Переводы из Гейне» (И, 1864, №№ 8, 9 и 10). См. также «Опыты переводов Гейне на русский язык» в сб. Минаева «Думы и песни» (СПб., 1864).

1. «Отчего ты чахнешь, роза...» Первая строка пародийно использует начало стихотворения Гейне «Warum sind die Rosen so bleich...» («Лирическое интермеццо» в «Книге песен»).

2. «Разуваясь, ходят в небе...» Использовано стихотворение Гейне из цикла «Новая весна»:

Sterne mit den goldnen Füßchen
Wandeln groben bang und saecht.

Стихотворения в гейневском духе. Впервые — И, 1861, № 49, стр. 733. Н. Л. Ломан — см. стр. 751. По словам пародиста, иной поэт попытается перевести Гейне, но не может совладать

с формой: «та черта плохо передается, другая в размер стиха не укладывается, для третьей рифмы не прибрать,— вот он и рассказывает содержание подлинника своими словами, называя это „подражанием“».

Интермеццо (Из Гейне)

Впервые — И, 1866, № 30, стр. 404. Подражает Гейне отставной майор Михаил Бурбонов — комическая «маска», созданная Д. Минаевым. Первая пародия имеет в виду прежде всего лирику Фета и его же как переводчика Гейне. Начальная строка («Я из слез моих... но, впрочем...») использует стихотворение Гейне «Aus meinen Tränen sprühen...» (из цикла «Лирическое интермеццо») в переводе Фета: «Из слез моих много родится Роскошных и пестрых цветов...»

«Ланитой к ланите моей приложись...» Первая строка использует стихотворение Гейне «Lehn deine Wang' an meine Wang...»

Под веткой сирени. Печ. по изд.— В. П. Буренин. Собр. соч., т. 4, Стрелы. П., 1916, стр. 267—268. Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и критик. Литературную деятельность начал в «Колоколе» Герцена. Печатал сатиры и пародии в С, И и других журналах. Приняв участие в либеральной газете А. С. Суворина «Новое время», переходит вместе с ним в правительственный лагерь и становится злейшим реакционером, преследующим малейшие проблески демократической мысли и литературного новаторства (см. вступ. статью, стр. 79—80). Пародия на эпигонов любовной лирики 1870—1880-х гг.

С. П. ШЕВЫРЕВ

(1806—1864)

Р и м. Впервые — МТ, 1832, № 7, «Камера-обскура», стр. 129—130. *Картофелин* — пародийный псевдоним Степана Петровича Шевырева, поэта, критика, профессора литературы Московского университета, впоследствии принимавшего близкое участие в издании органа официальной народности — журнала «Москвитянин». Пародируются «Стансы Риму» Шевырева («Телескоп», 1831, № 2):

На лестнице торжественной веков
Ты к славе шел, о древний град свободы,
Ты путь свершил при звоне тех оков,
Которыми опутывал народы...

Заключительные стихи пародии имеют в виду «Послание к А. С. Пушкину» Шевырева (альманах «Денница», 1831), предлагающее реакционное понимание поэзии как «пророчества», непонятого другим:

Из Рима мой к тебе несется стих,
Весь трепетный, но полный чувством тайным,
Пророчеством, невнятным для других,
Но для тебя не темным, не случайным.
Здесь, как в гробу, грядущее видней;
Здесь и слепец дерзает быть пророком;
Здесь мысль полна предания, смелей
Потьмы веков пронзает орлим оком.

А. С. ХОМЯКОВ

(1804—1860)

В альбом красивой чужестранке. Впервые — С, 1854, № 3, ЛЕ, № 2, стр. 37. Хомяков Алексей Степанович — поэт, драматург, теоретик и публицист славянофилов, занимавший крайне реакционные позиции. Пародируется стихотворение «Иностранке»:

Вокруг нее очарованье;
Вся роскошь юга дышит в ней. . .
. . . Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса,
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса!
. . . Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

В Полном собрании сочинений Козьмы Пруткова (СПб., 1884) добавлен подзаголовок: «Написано в Москве» и сделано примечание, поясняющее характер и значение пародии: «Это патриотическое стихотворение написано, очевидно, по присоединении Козьмы Пруткова к славянофильской партии, под влиянием Хомякова, Аксаковых и Аполлона Григорьева. Впрочем, Козьма Прутков, соображавшийся всегда с видами правительства и своего начальства, отнюдь не вдавался в крайности и по славянофильству: он сочувствовал славянофилам в перевознесении только тех отечественных особенностей, которые правительство оставляло неприкосновенными, как полезные или безвредные, не переделывая их на западный образец; но при этом он, следуя указаниям правительства, предпочитал для России: Государственный совет и Сенат — боярской думе и земским соборам; чистое бритье лица — ношению бороды; плащ-альмавиву — зипуну и т. п.».

Желанье поэта. Впервые — С, 1854, № 10, ЛЕ, № 6, стр. 98. Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Желание»:

Хотел бы я разлиться в мире;
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездой в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
и т. д.

Мой сон. Впервые — там же, стр. 99. В ПСС К. Пруткива (СПб., 1884) были добавлены две строфы, не вошедшие в журнальную редакцию. Пародируется стихотворение Хомякова «Вчерашняя ночь была так светла. . .»:

Вчерашняя ночь была так светла.
 Вчерашняя ночь все звезды зажгла
     Так ясно,
 Что, глядя на холмы и дремлющий лес,
 На воды, блестящие блеском небес,
 Я думал: о! жить в этом мире чудес
     Прекрасно!

Одновременно пародируются мотивы стихотворения Хомякова «Сон»:

Я видел сон, что будто я певец,
 И что певец пречудное явление,
 И что в певце на всё свое творенье
 Всевышний положил венец.

В пародии происходит комическая реализация общей мысли Хомякова о судьбе и назначении поэта на примере Козьмы Пруткива, упивающегося своей славой при жизни и за гробом. (См. статью Б. Я. Бухштаба, установившего конкретный адрес этой пародии, — «Эстетизм в поэзии 40—50-х гг. и пародии Козьмы Пруткива». — «Труды Отдела новой русской литературы Института литературы Академии наук СССР», т. 1. М. — Л., 1948, стр. 150—154).

Неаполю. Впервые — С, 1860, № 12, стр. 26—27, в цикле «„Неаполитанские стихотворения“». Сочинение Якова Хама, перевод Конрада Лилиеншвагера». Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «России», в котором воспеваются смирение и чувство «детской простоты», якобы свойственные русскому народу. *Святой Дженаро* — католический святой, особенно популярный в Неаполе.

И. С. АКСАКОВ
 (1823—1886)

Родное. Впервые — К. Прутков. ПСС, СПб., 1884, стр. 75. Аксаков Иван Сергеевич — поэт и публицист, редактор и издатель славянофильских газет. Пародия на поэму Аксакова «Бродяга». Написана, вероятно, в начале 1850-х гг. Создатели образа Козьмы Пруткива — Л. М. и А. М. Жемчужниковы — в 1848—1849 гг. посещали Аксакова и слушали чтение его стихов, в том числе и «Бродягу» (впервые напечатано в отрывках в «Московском сборнике», т. 1. М., 1852). См.: Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого, вып. 1. Л., 1926, стр. 81. Пародируются псевдонатродные идиллические картины в поэме Аксакова. *Смотреть, как зреет хлеб насыщенный*. У Аксакова:

Жаркого лета пришла половина,
Красные снова вернулись дни!
Нива безвредно дождем оросилась,
Высохла быстро, зерном налилась;
Рано ты ныне, о рожь, колосилась,
Пышно цвела ты, сам-десять далась. . .

Блестящий искрами гранит. В поэме Аксакова описание постройки шоссе:

Сняв зипун, его как знамень
Он раскинул на сучки,
Тяжким камнем бьет о камень,
Молотком дробит в куски.

На сходках родственную брань. В поэме Аксакова дано описание крестьянской сходки с горячей перебранкой.

Н. В. КУБОЛЬНИК

(1809—1868)

Стихотворение, *заимствованное* из Шиллера и Гете. Впервые — «Первое апреля». СПб., 1846, стр. 27—28. Автор не установлен. Кукольник Нестор Васильевич — поэт и драматург, представитель реакционного псевдоромантизма. Его драмы, обычно написанные белым стихом, были наполнены ходульными риторическими тирадами. В пародии обычный для Кукольника культ романтического героя и поэта, «стоящего над толпой», показан на фоне «богемного» образа жизни поэта (см. «Дневник» Кукольника в журнале «Баян», 1888, № 9, и «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, М.—Л., 1950). Указание на «заимствование» из Шиллера и Гете имеет в виду не этих конкретных писателей, а подражательный характер поэзии Кукольника и его пристрастие к западноевропейским образцам и темам. Ср. также ритмический строй пародии с одним из монологов в драме Кукольника «Доменикино в Риме» (1838):

Я кипящей смолой,
Черной гнусной смолой,
Твой портрет напишу;
На уста положу
Слово хуленья!

К***. Впервые — С, 1847, № 1, стр. 69. Пародия на стихи Кукольника 40-х гг. В частности, имеется в виду стихотворение, напечатанное в БдЧ, 1840, № 1:

Ленора! с страхом и слезами
Давно молюсь перед тобой
Моими тайными стихами,
Моею тайною мольбой. . .

В пародии тема романтической затаенной «любви издалека» комически разрабатывается в бытовом плане. *Твой каждый взгляд родит стихотворенье*. В повести «Белая горячка» (ОЗ, 1840, № 5) И. Панаев вывел писателя Рябинина и его друга художника Средневского, две картины которого — «Ревекка» и «Девушка на берегу Рейна» (намек на тематику художника Карла Павловича Брюллова) — могли «соперничать с лучшими картинами Тициана и Рубенса». Писатель Рябинин говорит о своей избраннице: «Бывало, идешь, она повстречается, взглянешь, и от этого взгляда рождается стихотворение».

Два отрывка из драматической грезы «Доменикино Фети, или Непризнанный гений». Впервые — С, 1847, № 1, стр. 164—170. С небольшими изменениями — в СНП, стр. 81—92. В журнальной редакции отсутствуют три строки после слов Фети «Художники! Сбирайтесь сюда»:

Коварное, слепое провиденье!
Зачем сей путь ты указало мне?
Обман и ложь — и на земле и в небе!

В С пародия предварена следующими словами: «Я, Новый поэт, имевший честь представить в первом номере «Современника» на суд публики несколько мелких моих стихотворений, отважился теперь на творение более строгое и обширное. . . приношу на суд публики плод долговременных трудов моих и глубокого изучения. Скажу смело: «Доменикино Фети» произведение гениальное, громадное, шедеврское. Однако ж на первый раз не решаюсь печатать его вполне: в нем с лишком сорок тысяч стихов. Странное дело! не могу писать коротко, а сократить жаль: свое, родное, вылившееся из сердца при священном наитии вдохновения!. . Читайте и судите!» Пародия на «драматическую фантазию в стихах» Кукольника «Доменикино» (ч. 1. «Доменикино в Риме», БдЧ, 1838, № 1; ч. 2. «Доменикино в Неаполе», БдЧ, 1838, № 4). В этой драме, как и в других произведениях Кукольника, посвященных жизни поэтов и художников, утверждается культ избранничества, высокого служения «божественному» искусству. Гений-творец противопоставляется толпе простых смертных и потрафляющих им художников-ремесленников. Кукольник посвятил «Доменикино» Карлу Брюллову, который на одной из своих гравюр изобразил сцену свидания Доменикино с Пуссенем на чердаке («Доменикино в Риме», акт 1, явл. 4.). Драма Кукольника посвящена Доменико *Зампьерри* (правильнее — Цампьерри), прозванному Доменикино (1581—1641), итальянскому живописцу, представителю Болонской школы, отличавшемуся холодной академичностью письма и классицистичностью, при великолепном колорите и обилии живописных эффектов (оказал влияние на Пуссена и Брюллова). В пародии в качестве главного героя фигурирует другой итальянский художник (также являющийся одним из персонажей пьесы Кукольника), Доменико Фетти (1589—1624), примыкавший к Болонской школе (у Кукольника и в пародии ошибочно — Фети, с неверной датой смерти).

Новый поэт последовательно снижает патетику драмы Кукольника, пародируя его тирады в защиту «высокого искусства». Вместо трагически гибнущего гения, не признанного толпой, в пародии выступает художник, погубивший свой талант излишней приверженностью к вину. В повести Панаева «Белая горячка» (1840), в которой дан карикатурный портрет Кукольника, герой «только и делал, что протягивал руку к бутылке», время от времени уверяя: «В этой голове... родится много поэтических замыслов и образов». Аналогичную пародию на драмы Кукольника из жизни художников позднее написал Д. Д. Минаев («Монолог художника в драме „Джулиано Бертини, или Терновый венок гения“», «Время», 1861, № 1). Джулио Романо (1499—1546) — итальянский художник, ученик Рафаэля Санти. *Что вижу я?.. Окрест меня собрались* и т. д. Пародируется интермедия-фантазия «Сон Доменико» во второй части («Доменико в Неаполе»). На «полночный суд великий» являются в храм, где пишет фрески Доменикино, тени великих художников — Рафаэль, Тициан, Микеланджело и другие. Они утешают и хвалят несчастного, затравленного завистниками Доменико. Буонаротти говорит, обращаясь к нему: «Прекрасно, друг! Тобой живет искусство!» *Божественный творец «Преображенья»* — Рафаэль Санти (1483—1520), великий итальянский художник. *Буонаротти* — Микеланджело Буонаротти (1475—1564), великий итальянский живописец и скульптор. *Гвидо Рени* (1575—1642) — итальянский художник академического направления. *Опять мечта* и т. д. Пародируется последняя сцена «Доменикино в Неаполе». Доменик, изверившийся в себе, разговаривает со своим двойником, который напоминает ему о днях юности и его творениях. Доменик пьет яд.

Душа уединенная не верит
Коварной клевете: горит сознание
Златой звездой на сердце человека,
Как месяц на челе Дианы.
Последний кубок!.. Vivat Доменик!..

К л а р а

(врываясь в двери)

Не пей вина, Доменикин, не пей!

Доменикино прощает толпу и умирает. *Кто не признает моего труда гениальным, громадным, шекспировским* — выпад против самомнения и гениальничанья Кукольника.

Н. М. ЯЗЫКОВ

(1803—1849)

О ж и д а н и е. Впервые — альманах «Северная звезда». СПб., 1829, стр. 94. А. Ф. Вельтман — см. стр. 737. Языков Николай Михайлович — поэт, в конце своего творческого пути примкнувший к славянофилам. Пародируется стихотворение Языкова «Дева ночи» («Невский альманах» на 1829 г.):

Как эта ночь, стыдлив и томен
 Очаровательный твой взор;
 Как эта ночь, прелестно-темен
 С тобою нежный разговор. . .

В статье «Русская литература в 1844 году» Белинский по поводу «Элегии» Языкова («Ночь безлунными звездами. . .») с аналогичными мотивами писал: «Когда муза г. Языкова прикидывается вакханкою, в ее бестелесном лице блестит яркий румянец наглого упоения, но худо то, что этот румянец, если взглядеться в него, оказывается толстым слоем румян» (ПСС, т. 8. М., 1955, стр. 455—457).

К д р у з ь я м. Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 54, без упоминания Нового поэта. Включено в СНП, стр. 6. В ОЗ пародия предварена замечанием: «„Романтическая“ поэзия не совсем умерла на Руси, она только заснула было, с большого поэтического разгулья, а теперь просыпается, а новый Эпименид, не зная, что писалось и читалось на Руси во время ее сна, снова запел свои удалые и хмельные песни». Пародируется «Прощальная песнь» Языкова:

В последний раз приволье жизни братской,
 Друзья мои, вкушаю среди вас;
 Сей говор чаш — свободной дружбы глас,
 Сей крик и шум — разлив души бурсацкой,—
 Приветствует меня в последний раз.

Пародия Нового поэта перекликается с суждением Белинского о подобных мотивах поэзии Языкова: «Рассказывая в удалых стихотворениях более всего о своих попойках, г. Языков нередко рассуждал в них и о том, что пора уже ему охмелиться и приняться за дело. . . Обещания эти продолжают до сих пор» («Русская литература в 1844 году», ПСС, т. 8. М., 1955, стр. 459). *Бурсацкий* — в смысле студенческий. Языков был студентом Дерптского университета (Тарту).

П о с л а н и е к с о с е д у. Впервые — ЛГ, 1844, № 28, 20 июля, стр. 484, в фельетоне «Падающие звезды», без подписи. Пародия на послание Языкова к историку М. П. Погодину с благодарностью за подаренную чернильницу (Москв., 1844, № 6). «Нашли мы редкость в высшей степени замечательную,— сообщает фельетонист,— редкость, какой ни в одном из других журналов никогда вы не встретите. Это «стакан стихов», поднесенный г. Н. Языковым «М. П. Погодину». . . В доказательство спешим представить самый «стакан», от первого стиха до последнего, или, правильнее, от первой капли до последней». Далее приведено послание Языкова (курсив Некрасова):

Благодарю тебя сердечно
 За подаренные твои!
 Мне с ним раздолье! С ним житье
 Поэту! Дивно, быстротечно,

Легко пошли часы мои
С тех пор, как ты меня *уважил!*
По-стихотворчески я зажил,
Я в духе! *Словно как ручьи*
С высоких гор на доли злачны...

и т. д.

Некрасов подчеркивает пристрастие Языкова к псевдонародным выражениям, вроде слова «уважил», которое можно встретить и в других его стихах, например, в «Песне балтийским водам». Белинский в статье «Иван Андреевич Крылов» (ОЗ, 1845, № 2), пародируя эти стихи Языкова, писал: «Они тщательно прячут свой фрак под смурый кафтан и, поглаживая накладную бороду, взапуски друг перед другом копируют язык гостинодворцев, лавочных сидельцев и деревенских мужиков: „О волны балтийские! — восклицает один из них, — важно и почтенно *уважили* вы меня, примчавши из *немецкой нехристи* к православным берегам пароход с моим другом!“» (ПСС, т. 8. М., 1955, стр. 566).

Послание к другу из-за границы. Впервые — ЛГ, 1845, № 5, 1 февраля, стр. 97. Пародия вызвана появлением в 1844 г. злобных памфлетов Языкова на весь прогрессивный и демократический лагерь русской литературы («К не нашим», «К Чаадаеву», «Послание Константину Аксакову»). Языков упрекал Белинского и Герцена в отсутствии патриотизма, преклонении перед «немецкиной» и желании «обнемечить Русь», под которой он понимал крепостническую Россию. Памфлеты Языкова вызвали негодование не только в кругах, близких к Герцену и Белинскому, но и в среде умеренных славянофилов. Пародия Некрасова отличается сложным «вторым планом» и подвергает осмеянию все творчество Языкова. (См. Б. Я. Бухштаб. Некрасов в борьбе со славянофильством. — «Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ», вып. 3. Л., 1951, стр. 55—69). Пародия Некрасова перекликается со статьей Белинского «Иван Андреевич Крылов». Белинский отвергает претензии Языкова на роль патриотического поэта и пародирует «буршикозный стиль» его хмельной поэзии: «Молодец ты, братец мой, дока и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь размычивую, пьяную любовью к родине...» (Белинский, ПСС, т. 8, стр. 566). Эпиграф взят из стихотворения Языкова «К Вульффу, Тютчеву и Шепелеву». *Будет дока и герой*. Это предвещание «у колыбели», возможно, восходит к пародии С. Н. Марина «На рождение молодого грека» (см. стр. 687). *Нас развившее питье*. В стихотворении Языкова «Малага»: «Сверкало золотом, кипело пеной белой Нас развивавшее питье...» *Девственника кровь*. Слово «девственник» — нередко в поэтическом лексиконе Языкова («Прекрасный девственник, надменный и суровый» — «Элегия», 1829). Здесь эпиграмматический намек на К. Аксакова. *Прям стоишь*. Славянофилы прославляли душевную прямоту и честность К. Аксакова. Некрасов парод-

дийно переосмыслил это, построив каламбур — герой «пряма» после штофа «водки пенной». *Не мирволь своим врагам*. Использование послания «Константину Аксакову», в котором Языков упрекает его в том, что он дружелюбно подает руку

Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой.

Послание кончалось словами: «Но не мирволь своим врагам». *Гордо мужеством с бутылкой*. «Мужествовать» — одно из любимых выражений Языкова («И с лирой мужествовал!» — «А. Н. Вульф»). *То ли дело, как бывало*. Пародируется начало стихотворения Языкова «Девятое мая» (Москв., 1843, № 7). *В нянином дому*. Намек на стихотворения Языкова «К няне А. С. Пушкина» и «На смерть няни А. С. Пушкина». В последнем вспоминается «удалая пирушка», на которой присутствует и няня Пушкина. *Мозет* — марка шампанского. *Как с подскоком жидконогой Немец мой*. Пародируется послание Языкова Гоголю «Благословляю твой возврат...», написанное на чужбине, где Языков видит единственное утешение в том, что наблюдает,

Как немец скользкою дорогой
Идет с подскоком жидконогой —
И бац да бац на гололедь!

Не сосукиваюсь чашей. В стихотворении Языкова «Пожар»: «Высоко над столом сосукивались чаши». Не отсюда ли и псевдоним пародиста — Стукотнин? *Конь звучнокопытый*. В стихотворении Языкова «Д. В. Давыдову» упоминается «скакун звучнокопытный». *Мигом к вам явлюсь на сходку* — т. е. в круг друзей. Ср. в послании к А. А. Елагину (Москв., 1842, № 2).

В. Г. БЕНЕДИКТОВ
(1807—1873)

Наполеон («Кто он? Гигант и Атлас новый...»). Впервые — Москв., 1841, № 1, стр. 131—132, в повести А. Вельтмана «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице». А. Ф. Вельтман — см. стр. 737. Это стихотворение читает в повести поэт И. Ордынин (см. стр. 737). Бенедиктов Владимир Григорьевич — эпигон романтизма, пользовавшийся шумной известностью (см. вступ. статью, стр. 50—53). Пародируется увлечение наполеоновской темой в поэзии 30-х годов и героизация Наполеона, лишенная конкретно-исторических черт. В частности, имеется в виду поэма Бенедиктова «Ватерлоо». В повести Вельтмана осмеиваются и другие подражатели Бенедиктова и их рыночный успех. Книгопродавцы сбывают покупателям, настойчиво требующим новую книгу Ордынина, дрянные стишки некоего Ольского, пользуясь тем, что на выпущенной им брошюрке выстав-

лены только инициалы И. О. В одном салоне с упоением читают и вовсе безграмотные стихи, посвященные Наполеону:

ОДА НАПОЛЕОНУ

Герой убивственный, Наполеон,
Не могший жить на свете без сражений!
Но где тепере он?
Под камнем сим лежит на острове Елене.

Взор грозный движет тьмы полков. У Бенедиктова:

Орлиный взор вождя сверкнул перед полками,
И взор тот поняли орлы
И бурю двинули крылами.
Светило брани вновь парит,
И мчагся в даль громов раскаты. . .

Пал гений, славою ведомый. У Бенедиктова: «Он пал, помазанник судьбины».

К чудной деве. Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 53. Первая пародия Нового поэта — И. И. Панаева. Вслед за пародией помещено следующее пояснение: «Юный поэт прочел нам сряду 24 свои стихотворения, не уступающие нисколько в достоинстве вышеприведенному. . . Та же звучность, та же мощь, тот же ослепительный блеск. Со временем надеемся сообщить некоторые из его созданий читателям. Если поэт решится издать эти стихотворения отдельною книжкою, — мы пророчим ей успех необычайный. Образованная публика раскупит ее в несколько дней и торжественно потребует второго издания». Незадолго до появления пародии Белинский писал в ОЗ (1842, № 12) о Бенедиктове: «Самые почитатели его согласятся, что он то же самое в стихах, что Марлинский в прозе». У того и другого лишь «блестящие, пестрые, узорчатые миражи образов, столь обольстительные для неопытных глаз, поражающихся одною внешностию» (ПСС, т. 6. М., 1955, стр. 493). Пародийная оценка поэзии Бенедиктова в стихах Нового поэта отвечает этой характеристике Белинского и перекликается с ней. Пародируются общие мотивы поэзии Бенедиктова. Ср., например, в стихотворении Бенедиктова «Две сестры»:

На устах любви приманка,
Огонь в очах, а в сердце лед. . .

Наполеон («Фосфорным светом вдохновений. . .»). Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 129—130, как отрывок из поэмы «Наполеон», со следующим замечанием: «Мы слышали всю поэму из уст самого автора и можем смело уверить читателей, что это произведение колоссальное, в котором чудно соединена глубина мыслей с ослепительным блеском поэзии». Пародия на поэму Бенедиктова «Ватерлоо» (см. выше). Новый поэт пародирует ходульный культ героя в поэме Бенедиктова, сохраняя нарочитые перемены ритма. *Фосфорным светом вдохновений. У Бенедиктова:*

И эта мысль заряжена
Огнем гремучих вдохновений. . .

Вперя в грядущее стрелы очей. Ср. у Бенедиктова:

И, долу бессонные очи склоняя,
С спокойствием диким на бледном челе,
Стоял он, с улыбкою взоры вперяя
На ратников, спящих на холодной земле. . .

К азиатке. Впервые — там же, стр. 130. Пародия на стихотворение Бенедиктова «К черноокой» (первоначально под названием «К Аделаиде» — в альманахе «Осенний вечер». СПб., 1835). В предисловии к СНП Панаев писал, имея в виду эту пародию: «Я воспевал. . . различных *чудных* и *азиатских дев*, пропитанных *мускусом*, с *косами*, которые билась до пят *воронеными каскадами*». Пародируется мишурный «экзотизм» Бенедиктова, который видит «тропическую бурю» и другие признаки неистой, «восточной» страсти у петербургской барышни:

Ты жемчужина Востока,
Поля жаркого цветок! . .
. . .Нет в лице твоём тумана,
Грудь не сжата у тебя,
И извив живого стана —
Азиатская змея. . .
. . .Фосфор в бешеном блистанье —
Взоры быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Веет мускусом любви.

Ревность. Впервые — «Первое апреля». СПб., 1846, стр. 11—13. Пародия вошла в СНП. Высказано предположение, что эта пародия принадлежит Некрасову (Б. Я. Бухштаб. Некрасов в стихотворениях Нового поэта. — «Некрасовский сборник», т. 2. М.—Л., 1956, стр. 438—444). Пародируются характерные мотивы различных произведений Бенедиктова, в особенности его стихотворения «Тост» (альманах «Метеор» на 1845 г.) и «Ревность» (сборник «Вчера и сегодня», т. 1. СПб., 1845). Рецензируя сборник «Первое апреля», Белинский особенно выделял «Ревность», иронически рассматривая это стихотворение как написанное всерьез и приводя его целиком «для восторга и удивления наших читателей». «Прочтя это стихотворение, кто не согласится, что сам г. Бенедиктов едва ли в состоянии возвыситься до такой образованности и силы в выражении неистою клочущей и бешено раздражающей грудь страсти» (ПСС, т. 9. М., 1955, стр. 607—608). *Ad sey.* В стихотворении «Ревность»:

Есть чувство адское: оно вскипит в крови
И, вызвав демонов, вселит их в рай любви,
Лобзанья отравит, оледенит объятья,
Вздых неги превратит в хрипящий вопль проклятья.

От Камчатки льдяно-реброй. У Бенедиктова в стихотворении «Тост»:

За здоровье всей земли —
Всей,— с Камчатки льдяно-реброй,
От отчаянных краев
До берегов Надежды Доброй
И Счастливых островов.

Но отчаяния спиртом Налит череп через край. В стихотворении «Тост»:

Буди налит череп наш
Соком дум и мысли спиртом. . .

«Те кудри черные. . . когда б отрезать их. . .»
Впервые — ОЗ, 1846, № 5, стр. 12, в неподписанной рецензии
Н. А. Некрасова на сборник «Новоселье», ч. 3, СПб., 1946 (см.
В. Е. Боград. Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским.—
«Некрасовский сборник», т. 2, М.—Л., 1956, стр. 418—423). Выписав
напечатанное в этом сборнике стихотворение Бенедиктова «Три
искушения», Некрасов вновь цитирует строки, которые служат ос-
новую пародии:

Та черная коса, те локоны густые,
Их волны, пряди их и кольца смоляные,
Когда б раскинуть их, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шар земли,
И целая земля явилась бы черницей
В глубоком трауре, покрыта власяницей.

«Каково? Что может быть сильнее, образнее, грандиозней?.. Но
позвольте!.. я что-то странное чувствую! Чувствую в себе страстное
желание, может быть, даже призвание воспеть. . . что бы вы думали?
кудри! Кудри, воспетые г. Бенедиктовым. . . Конечно, дерзость не-
слыханная. Но уже раздумывать поздно — я ничего не слышу, ни-
чего не вижу. . . я пою. . .» Затем следует пародия.

Могила. Впервые — С, 1847, № 1, стр. 67. Пародируются об-
щие мотивы поэзии Бенедиктова с комической реализацией его об-
разов («раскаленные плечи», на которые падают «смоляные локоны»).
Отдельные выражения имеют в виду стихотворение Бенедиктова
«К очаровательнице»:

Я близ тебя твой образ ненаглядный
Венцом мечты чистойшей окружал. . .

Поездка в Кронштадт. Впервые — С, 1854, № 2, ЛЕ,
№ 1, стр. 6—7. Пародируются путевые заметки в стихах, которые Бе-
недиктов писал в захватском стиле. Ср., например, его «Степи»:

Грудь свободна! Сердце — шире!
Есть где горе разнести!

Здесь не то, что в душном мире:
Есть чем вздох перевести!

Возвращение из Кронштадта. Впервые — С, 1854, № 3, ЛЕ, № 2, стр. 33—34. Пародируется (как и в предыдущем стихотворении) манера Бенедиктова перемешивать в стихах картины природы с наивными философскими рассуждениями. См. стихотворение Бенедиктова «Буря и тишь»:

.. Стихнул ропот непогоды.
Тишины незримый дух
Спеленал морские воды,
И, как ложа мягкий пух,
Зыбь легла легко и ровно,
Без следа протекших бурь,—
И поникла в ней любовно
Неба ясная лазурь.
Так смертный надменный, земным недовольный,
Из темного мира, из сени юдольной
Стремится всей бурей ума своего
Допрашивать небо о тайнах его.

Шея. Впервые — К. Прутков. ПСС, СПб., 1884, стр. 49—50. Примыкает к пародиям на Бенедиктова 50-х гг. Пародируется стихотворение Бенедиктова «Кудри», стяжавшее автору славу «поэта кудрей». Прутков пародирует нагромождение метафор, риторичку и вульгаризмы Бенедиктова («поцелуем пропечет»). Ср. у Бенедиктова:

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!

Не лишено вероятности, что пародия была написана в первой половине 1850-х гг. и стала известной Бенедиктову, который при издании своих стихотворений в 1856 г. заменил отмеченный в пародии стих «Поцелуем припекать» стихом «Поцелуем прижигать».

В альбом русской барыне. Впервые — «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», вып. 1. СПб., 1859, стр. 18. Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт-сатирик, близкий к революционным демократам, сотрудник С, РСл, И (о нем см. вступ. статью, стр. 74—78). Пародия на стихотворение В. Бенедиктова «К отечеству и врагам его». Посвященное Крымской войне и осаде Севастополя, стихотворение Бенедиктова содержало восхваление самодержавия и крепостных порядков, что вызвало негодование в демократическом лагере:

Я люблю тебя во всем...
...В нашем доблестном народе,

В нашем батюшке царе. . .
... В щедром барине вельможе
И смышленном мужичке. . .
В русской барыне широкой,
В русской бабе на печи. . .

Отсюда и название пародии. Стихотворение Бенедиктова было также осмеяно Некрасовым («Заметки о журналах». — С, 1855, № 10), где пародия появляется как продолжение цитаты из разбираемого автора: «Все сказанное в той же степени относится к другому стихотворению г. Бенедиктова — «Отечеству и врагам его», в котором между прочим есть стихи о любви автора к родине:

Я люблю тебя во всем. . .
... В русской сказке, в русской пляске,
В крике, в свисте ямщика,
И в хмельной с присядкой тряске
Казачка и трепака.

В пирогах, в ухе стерляжьей,
В щах, в гусином потрохе,
В няне, в тыковнике, в каше
И в бараньей тrefбухе. . .

Последних четырех строк нет у г. Бенедиктова, мы их сочинили, увлекшись примером поэта. Но не правда ли, они очень идут тут их как будто не доставало. Выражать любовь свою к отчизне любовью к трепаку или к няне и ботвинье (блюдам, впрочем, прекрасным)... Такой патриотизм давно достойно отмечен прозвищем: «квасного». *Феваль Поль* (1817—1887) — плодовитый французский бульварный романист.

«Мысль мне, мысль! Владея словом. . .» Впервые — там же, стр. 24—25. Пародия на стиль Бенедиктова, содержащая общую характеристику его поэзии.

Н. П. ОГАРЕВ
(1813—1877)

Воспоминание («Свеча едва мерцает в кабинете. . .»). Впервые — С, 1850, № 4, стр. 221—222. Пародия на стихотворение Н. П. Огарева «Фантазия»:

Свеча горит. Печальным полусветом
Лучи блуждают по стене пустой
Иль бродят по задумчивым портретам. . .

Мыслитель и женщина. Впервые — С, 1850, № 8, стр. 322—323. В СНП — под заглавием «Современный человек». Па-

родия на общие мотивы поэзии Огарева, в особенности имеются в виду его «Монологи» (С, 1847, № 3).

«В безумных оргиях уходит жизнь, как сон...»
Впервые — С, 1853, № 11, стр. 78, без двух последних стихов. Печ. по СНП, стр. 26. Пародируется стихотворение Н. П. Огарева: «В пирах безумных молодость проходит...» (отрывок из которого был напечатан в С, 1850, № 2).

К. К. ПАВЛОВА
(1807—1893)

Мое разочарование. Впервые — С, 1851, № 5, стр. 9—11, в рецензии на книгу «Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта». Издание Н. В. Сушкова, М., 1851, без подписи. Автор рецензии — Н. А. Некрасов. Пародия приписывалась И. И. Панаеву и была включена в собрание его сочинений (т. 5, М., 1912, стр. 762—764). О К. К. Павловой см. стр. 740. Публикуя отрывок из поэмы К. Павловой «Кадриль» («Рассказ Лизы»), Н. В. Сушков снабдил его примечанием, в котором указывалось: «Этот отрывок из повести в стихах «Кадриль» — не отрывок, а целая поэма, написанная пятистопным хореем, очень редко встречающимся у нас, особенно в целых пьесах». Рецензия Некрасова предваряет пародию ссылкой на приведенные слова Н. Сушкова о редкости избранного поэтесой размера. Автор рецензии представляет от имени Нового поэта стихотворение, «написанное мною при вас, здесь, в четверть часа. Я написал это стихотворение тем же трудным, по уверению издателя «Раута», размером, каким написана поэма г-жи Павловой, и пусть теперь публика будет судьей между моим «Разочарованием» и „Рассказом Лизы“». «Рассказ Лизы» посвящен истории скромной девушки, жившей у богатой тетки, жестоко ее притеснявшей:

Средь степей и я, сует не зная,
Провела развития лета,
Но судьба моя была иная:
С третьего уж года сирота.

Лиза без разбора читает множество книг самого пестрого содержания и соблюдает трогательную верность жениху, который ее бросил, узнав, что после смерти тетки она получила всего лишь «тысяч до шестидесяти» наследства. Пародия на стихи Каролины Павловой является вместе с тем своеобразным сатирическим фельетоном, в котором высмеивается тип дворянина, мечтателя и бездельника, «разочарованного» житейской прозой. Перечень писателей, которых он читает, пытаясь «развить» молодую девушку, насмешливо обрисовывает его дилетантскую разбросанность и верхоглядство. *Жан Поль* — псевдоним немецкого писателя Иоганна Пауля Рихтера (1763—1825), близкого к романтикам. *Демосфен* (384—322 до н. э.) — афинский оратор. *Галич Александр Иванович* (1783—1848) — русский философ-идеалист, последователь Шеллинга, автор книги «Опыт науки изящ-

ного» (СПб., 1825). *Глинка*. Вероятно, имеется в виду поэт Федор Николаевич Глинка (1786—1880) или его жена Авдотья Павловна Глинка (1795—1863), писательница, автор светских повестей («Домашняя знакомая», «Графиня Полина») и мистических сочинений. *Ричардсон* Самюэль (1689—1761) — английский писатель, автор семейно-бытовых романов в эпистолярной форме. *Декандоль* Огюстен (1778—1841) — швейцарский ботаник, автор «Физиологии растений» (1832). *Шамиссо* Адальберт (1781—1838) — немецкий поэт и путешественник, автор книги «Необычайные приключения Петера Шлемиля» (1814). *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Первые переводы их на русский язык появились уже в конце XVIII в. *Соутэй* — Соути Роберт (1774—1843), английский поэт-романтик. *Шеллинг* Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ-идеалист. *Клопшток* Фридрих (1724—1803) — немецкий поэт и драматург, автор поэмы «Мессиада» (1751—1773), приветствовавший в своих стихах Французскую буржуазную революцию. *Дидеро* — Дидро Дени (1713—1784), французский философ-материалист, писатель. *Ламартин* — см. стр. 729.

Поэт («В пределах дальней высоты...»). Впервые — С, 1851, № 11, стр. 86—87, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике». Пародия приводится как стихотворение «дамы-поэта», прочитанное в «блестящем литературном собрании» с большим эффектом. Фельетонист предпочитает прослушанному стихотворению своего «небритого гостя» — «К ней» («В суровой бедности, невежественно-дику...»). Таким образом, от имени разных лиц в фельетоне приведены две пародии, из которых первая объявлена стихами «дамы-поэта», что привело к недоразумению. К. И. Чуковский ошибочно принял пародию И. И. Панаева за подлинные стихи Каролины Павловой (см. Н. А. Некрасов. ПСС, т. 1. М., 1948, стр. 523). Пародируется роман К. Павловой «Двойная жизнь» (с обильными стихотворными вставками), вышедший впервые в 1848 г. отдельным изданием. В третьей главе молодой поэт читает в светском обществе свои стихи, в которых предложил вниманию слушателей «ряд волшебного сменяющихся картин: мирное детство, бурную юность и восторги любви, и спокойствие счастья, и беду, низверженную с неба — пламень пожара, мрак опустошения, — и смерть матери... радости жизни и бедствия, звучно провозглашенные тем молитвенным, роковым отзвон колокола, и наконец с горячих уст его слетели последние, вдохновенные слова:

И будь отныне таково
Предназначение его.
Там средь небесного объема,
Высоко над землей взнесен,
Пусть плавает, соседом грома,
И с миром звезд граничит он».

Е. П. РОСТОПЧИНА
(1811—1858)

«Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...»
Впервые — С, 1847, № 4, стр. 155. О Ростопчиной см. стр. 744. Пародируется стихотворение Ростопчиной «Она всё думает...»:

«Она всё думает!» — Так говорят и мне,—
И важной мудрости, приличной седине,
Хотят от головы моей черноволосой...
...«Она всё думает!» — Неправда! Разум мой
Не увлекается мышления тшетой,
Не углубляется в всемирные вопросы...

Село Фекла. Ростопчина иногда помечала свои стихи — «село Вороново».

«Он бледен был. Она была бледна...» Впервые — С, 1850, № 8, стр. 323. Пародируется салонный роман в стихах Е. Ростопчиной «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки», печатавшийся на протяжении почти всего 1850 г. в Москв. Этот необыкновенно распухший «дневник» в стихах (Ростопчина писала его в 1839—1841 гг). переполнен описаниями впечатлений и переживаний девушки, с мелочным вниманием к деталям быта и светской жизни:

Тихонько взял меня за руку, тот час
Я уклонилась... Гляжу, он бледен...
(Гл. 6)

...Вчера он спрашивал, зачем бледна я...
(Гл. 9)

...Он обещался быть, он обмануть не может,
Он будет... Я узрю кумира моего...
(Гл. 12)

Однообразие «событий» и переживаний — он приехал, он уехал, «любит — не любит», любит другую на протяжении двадцати длинных глав романа — и пародирует И. Панаев подчеркиванием слова «он», которое занимает в «дневнике», естественно, главное место. Постоянно упоминается его «бледное лицо»:

...Важный вид его,
И бледное лицо, и долгий взор...
(Гл. 4)

Было. Впервые — там же, стр. 322—323. Пародируется стихотворение Ростопчиной «Сказка» (1850):

Она полюбила его не за громкое, древнее имя,—
Простого он рода, невидного звания был...

Она полюбила его не за статность красы величавой,
За очи, улыбку иль шелк мягких кудрей его,—
Нет! Он не хорош и не мил, не высок, не красив и не строен.
... Она полюбила его, потому что всю душу, все мысли,
Все думы, мечты и желанья, без страха всё отдал он ей!

Весеннее чувство. Впервые — С, 1851, № 6, стр. 38, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике», с пояснением: «В № 9 «Москвитянина» напечатано стихотворение «Весенний гимн», содержание которого и даже некоторые стихи совершенно подходят на мое «Весеннее чувство», приведенное выше и импровизированное мною в Выдропуске». Стихотворение Е. П. Ростопчиной «Весенний гимн» (Москв., 1851, № 9—10) было помечено: «Импровизировано в Петровском парке во время одинокого катанья, ночью, 10 мая 1851».

Я знаю бль: давно, в степи далекой,
Была весна... цветущая весна...
... Был божий мир хорош, как пир желанный,
Где гости все на славу убрались!
И двое там... он и она... сошлись...
... Кто передаст, кто повторит нам вновь
Поэму их восторженного счастья?..

М. А. СТАХОВИЧ

(1819—1858)

Сельская тишина. Впервые — С, 1853, № 11, стр. 77—78. Стахович Михаил Александрович — поэт и драматург, богатый орловский помещик, убитый своим бурмистром с целью грабежа. Был близок к «молодой редакции» Москв. Им издано «Собрание русских народных песен» (три выпуска, 1851—1858). Его пьеса «Ночное» (СПб., 1860) неоднократно переиздавалась (последнее изд.— М., 1924). Пародируются стихи М. Стаховича, напечатанные в Москв. в 1853 г.: «Пальна» (№ 15, август, кн. 1) и «Осень» (№ 19, октябрь, кн. 1). Пародия предварена следующими словами Нового поэта: «Заговорив о стихах, я, кстати, не могу удержаться, чтобы не сообщить моему благосклонному читателю, что я сочиняю теперь поэму. В поэме этой будет до 115 глав. Вот небольшой отрывок из главы 48 <далее следует «Сельская тишина»>... О, счастливы, тысячу раз счастливы обитатели деревень, созерцающие природу и курящие Жуков табак! Мы, обитатели шумных городов, столичные снобсы, сравнительно с сельскими снобсами, самые жалкие создания. У нас...» <следует пародия на Н. П. Огарева: «В безумных оргиях проходит жизнь, как сон...»>. Пародия Панаева остро раскрывает социальный смысл помещичьей пейзажной лирики. Ср. в стихотворении «Пальна»:

... Часто я летом сижу на гумне на омете один;
Дорога чернеет, по ней и пешком и верхом селянин.
Идут; на возах, на конях ребятнишки; а солнце зашло;

Слышней на закате колеса, шумнее волну понесло
 Со скрины крупчатки; и ожил прохладой народ,
 В саду господя, а ребята на речке, в селе хоровод.
 Отрадное время! Темнеет зеленой дубровы вершина,
 И вот занялася заря, и роскошна заката картина,
 И музыкой чудной ее довершает, гремя, соловей,
 И пахаря песня, и топот коня, и бегущий ручей.

А. А. ГРИГОРЬЕВ

(1822—1869)

Roma l'antica. Впервые — И, 1859, № 4, стр. 40. Печ. по изд.—Н. Ф. Щербина. ПСС, СПб., 1873, стр. 317. В тексте И подзаголовок: «Отрывок из „Одиссеи последнего идеалиста“». Н. Ф. Щербина — см. стр. 740. Григорьев Аполлон Александрович — поэт и литературный критик, был с 1851 г. членом «молодой редакции» Москв. Пародируется поэма Григорьева «Venezia la bella» (С, 1858, № 12). В начале 1859 г. Щербина послал редактору Р, поэту Ф. Б. Миллеру, небольшой сатирический фельетон «Патологический факт», в который была включена эта пародия: «Читая это стихотворение, я слышал то будто стук топора, то стук и грохот пустой бочки, катящейся по кочкам, то, наконец, мне казалось, что выступает и заливают меня вода со всех венецианских лагун и canaletti. Мне чрезвычайно понравились и особенно поразили меня эти стихи г. Аполлона Григорьева в его превосходной поэме:

Из тех ночей особенно одна
 Мне памятна дождливая.— Проклятья
 Достаточные от меня она
 Терпела. В этот вечер увидеть я
 Тебя не мог — была увезена
 Куда-то ты, — но дверь отворена
 В твой уголок, дышавший благодатью,
 В приют твой девственный была, и платье
 Забытое иль брошенное там
 Лежало на диване. . . С замираньем
 Сердечным, с грустью, с тайным содроганьем
 Я прижимал его к моим устам,
 И ночь потом — сколь это ни обидно —
 Я сам, как пес, выл глупо и бесстыдно!

Еще и прежде и после этой строфы г. Григорьев частенько прибегает ко *псу*, так, например, говоря:

То пса тоска, то мука злых духов!

и потом в следующей строфе подтверждает это, восклицая:

Да! пса тоска. . . и проч.

Или на той же странице он опять говорит о своем таинственном, неизбежном псе:

*Глядишь как сын, бывало, сердце ноет,
А пес так глупо, дико, жалко воет.*

В конце своего произведения, что весьма замечательно, наш глубоко-мысленный поэт выразил следующую, как видно, субъективную истину:

Глуп иногда бывает человек.

Читая эту поэму, я после каждой строфы ее ощущал в себе что-то похожее на *водобоязнь* (гидрофобию), а по прочтении всей поэмы почувствовал, что во мне тотчас возобновился старый болезненный припадок, называемый у медиков *spasmus scriptatoria* <писчая судорога.— А. М.>, и я невольно принялся писать поэму, и думаю, что „песен в двадцать пять“» (Н. Ф. Щербина. ПСС, СПб., 1873, стр. 434—436). Заметка датирована 14 января 1859 г. Но уже в письме к Миллеру от 27 января того же года Щербина просил не печатать «Патологический факт». «Он написан в минуту ипохондрии и, может быть, помимо меня вышел злым,— между тем как я люблю А. А. Григорьева сердечно, а эта статейка будет клеветою на мое нормальное чувство, тем более, сколько сознаю теперь, в ней есть обидные выражения и намеки». К письму сделана приписка: «Да притом эта пародия явилась уже в „Искре“» (ПСС, СПб., 1873, стр. 436—437). *Чухонские Афины*. Щербина так называл Петербург.

Н. В. БЕРГ

(1823—1884)

К Ф а н н и. Впервые — С, 1850, № 11, стр. 97. Берг Николай Васильевич — поэт и переводчик преимущественно славянских поэтов. Известен составленной им антологией «Песни разных народов» (М., 1854) и книгой «Записки об осаде Севастополя» (2 тома, М., 1858). Примыкал к славянофилам. Пародируется стихотворение Берга «Фанни Эльслер (в день отъезда ее из Москвы)» (Москв., 1850, № 12, кн. 2). *Фанни Эльслер* (1810—1884) — австрийская танцовщица, гастролировавшая в 1850 г. в России. Была восторженно встречена славянофилами, приветствовавшими ее стихами (см. также стихотворение А. С. Хомякова «Жизель», Москв., 1850, № 11) и на свой лад знакомившими ее с Москвой. Ср. в стихотворении Н. В. Берга:

Будто сон воображенья,
Сон роскошный наяву —
Мимолетное виденье —
Вы явились на мгновенье
В нашу матушку Москву. . .

. . . На горе, отколь в дни оны
Подошли к стенам Москвы,

Распустив свои знамены,
Грозных галлов легионы,
Бонапартовские львы. . .

Там, свои покинув дрожки,
Вы смотрели на Москву,
Там и ваши чудо-ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву. . .

и т. д.

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

(1825—1889)

«Друг неизменный. . .» Впервые — С, 1853, № 11, стр. 76. В СНП не вошло. Хвощинская Надежда Дмитриевна (по мужу Зайончковская) — поэтесса, автор многочисленных повестей и романов, печатавшихся преимущественно в ОЗ и ВЕ в 60—80-х гг. («Встреча», «В ожидании лучшего», «Обязанность», «Большая медведица» и др.) Беллетристические произведения печатала под псевдонимом В. Крестовский (не смешивать с поэтом и автором «Петербургских трущоб» Всеволодом Крестовским). Поэтическую деятельность начала в «Пантеоне» и Москв., выступив сторонницей «чистого искусства», что и привлекло к ней внимание Нового поэта, неоднократно упоминавшего ее в своих фельетонах. Непосредственным поводом для пародии «Друг неизменный. . .» послужили стихи Хвощинской в Москв. (1853, № 15, кн. 1):

Крадется по ветке
Вешняя букашка —
И не гнется ветка,
Тень не пробегает;
Полетит, раскинув
Пурпурные крылья, —
В воздухе просторном
И в потоках света
Тонет. Дом ей — листик,
Пища ей — пылинка. . .

Но для того, чтоб она родилась,
Должен был пробудиться весь мир.

Тесен кров твой, забыт он и семен;
Беден твой круг и ничтожно
Назначенье земное твое. . .

Значение пародии не исчерпывается пародированием одного стихотворения Хвощинской. Новый поэт осмеивает подражателей Гете. В С пародия предложена от лица «задушевного друга» Нового поэта. Это — «человек с удивительным поэтическим даром, написавший

несколько поэм и бесчисленное множество стихотворений греческих, антологических во вкусе Данта, Гете и проч., предполагавший

Свои невинные затей
Издать в формате Одиссеи.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

(1829—1890)

<Из поэмы «Досужество мужчины»>. Впервые — «СПб. ведомости», 1853, № 90, 26 апреля, в фельетоне «Русская журналистика», без подписи. Принадлежность фельетона М. Л. Михайлову устанавливается на основании письма к нему А. А. Краевского от 22 апреля 1853 г.: «Нужна-с Журналистика для СПб. ведомостей. Пожалуйте ее, если можно, сегодня же или никак не позже завтрашнего утра» (ЦГАЛИ, Ф. 1111, оп. 1, № 8. Сообщено нам Ю. Д. Левиным). Пародия завершала критический разбор «Эпизода из поэмы „Адвокатство женщины“» Евгении Сарафановой («Пантеон», 1853, кн. 4). Под именем «Сарафановой» скрывался Григорий Петрович Данилевский, впоследствии известный исторический романист. Михайлов, по-видимому, знал об этом; он писал: «... Мы думаем, что «Евгения Сарафанова» есть не более как псевдоним какого-нибудь охотника строчить стихи и, главное, подражать Пушкину», а в конце пародии прямо назвал Данилевского. Непосредственным объектом пародии являлся цитировавшийся в фельетоне отрывок из поэмы, в котором автор ее, как писал Михайлов, «рисует свой идеал комфорта» (курсив в отрывке Михайлова):

Люблю портреты я Зырянки,
Высоких комнат теплоту,
И пух ковров, и оттоманки,
И камелечек у лежанки, (?)
И блеск и всюду чистоту!
Люблю я кресла кабинета,
Рабочий стол, рояль в углу,
И нежный трепет полусвета,
И мех медвежий на полу...
и т. д.

Палкин — владелец фешенебельного ресторана в Петербурге. *Жорж Санд* — псевдоним французской писательницы Авроры Дюдеван (1804—1876). *Беггров* Карл Петрович (1799—1875) — известный рисовальщик и литограф. *Борель* — владелец ресторана в Петербурге. *Статейки Шарля Сен-Жюльена*. Имеется в виду французский журналист Сен-Жюльен, писавший в «Revue de deux mondes» статьи о русской литературе; в 1853 г. объявил в «Journal de Saint-Petersbourg», что готовит этюд о Г. Данилевском, «ученике Гоголя, поэте, стоящем во главе современной русской поэзии».

НОВЫЙ ПОЭТ

Песня по поводу переписки ученого мужа с не менее ученой женой. Впервые — «Письма к А. В. Дружинину (1850—1863)». М., 1948, стр. 279—280. Приведена в письме Е. П. Ростопчиной к А. В. Дружинину от 24 ноября 1854 г. Новый поэт — см. вступ. статью, стр. 51—56. *Ростопчина* — см. стр. 744. Ростопчина злорадствует по поводу обмена письмами между К. Павловой и Панаевым на страницах С (см. примечание к пародии «Везде и всегда», стр. 740). Ростопчина вспоминает забавный случай с пародией Нового поэта «Густолиственных кленов аллея...». Композитор Дмитриев положил эту пародию на музыку, приняв за подлинный романс. «Этот романс превосходно пела покойная Рябинина, и каждое его слово врезалось в память моих ушей и в память моего сердца. Оттого-то и подействовала так на меня липовая аллея, где... (Продолжение спросите у счастливица, находившегося там, в тени и tête à tête с поэтической женой, говорящей на семидесяти семи языках, с ирокезским включительно, которому она научилась, прислушиваясь к французским фразам своего велеречивого супруга)». Упомянутый «романс» Нового поэта Ростопчина и использует для пародии. *При-Невский Лорд* — И. И. Панаев, отличавшийся наклонностью к щегольству. *Свой санскритский с нее ж перевод*. К. Павлова писала стихи не только на русском, но и на французском и немецком языках, а также знала ряд других европейских языков.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792—1878)

Плач и утешение. Впервые — С, 1860, № 12, стр. 31—32, в цикле «„Неаполитанские стихотворения“. Сочинение Якова Хама, перевод Конрада Лиленшвагера». Как установлено Н. Г. Леонтьевым, пародируются стихи П. А. Вяземского «Плач и утешение», посвященные смерти Николая I и воцарению Александра II, вышедшие в 1855 г. отдельной брошюрой (впоследствии печатались под заглавием: «18 февраля. 17 апреля» (Н. Г. Леонтьев. Добролюбов-пародист.— УЛГУ, вып. 30, Л., 1957, стр. 121). Ср. у Вяземского:

Обрушилась скала, твердыня русских сил,
Приют и всем оплот, когда, в разливе яром,
Поток свирепых волн мир затопить грозил...

По поводу некоторых дипломатических советов неаполитанскому правительству. Французское и русское правительства старались склонить неаполитанское правительство к союзу с Пьемонтом, чтобы избежать присоединения Неаполитанского королевства к Пьемонту. *Король Франциск* — Франциск II (1836—1894), последний король «Обеих Сицилий»; вступил на неаполитанский престол в 1859 г., бежал в 1860 г., после начала победоносного похода Гарибальди.

В гостях и дома. Впервые — И, 1862, № 39, стр. 509—513, без подписи. *Куручкин* Василий Степанович (1831—1875) — поэт-сатирик, переводчик, редактор и один из активнейших сотрудников «Искры». Пародия вызвана появлением книги стихотворений П. А. Вяземского «В дороге и дома» (М., 1862). В предисловии к пародии между прочим говорится: «Мы садимся в *стихоподаатливую* коляску князя и предпринимаем с ним мысленно поэтическое путешествие, без всякой определенной цели, как путешествуют все поэты». И далее: «Жаль только одно: наш поэт несколько длинен в своем творении. По нашему мнению, весь заграничный отдел книги, составляющий добрую сотню страниц, можно бы поместить на каких-нибудь четырех-пяти страничках, в десяти-двенадцати строфах, вроде строф «Евгения Онегина». И писать-то превосходно выработанным размером «Онегина» легче, и самый строй стихов ближе подходит к содержанию книги. Попробуем сделать опыт». В подзаголовке перечислены стихотворения из третьего отдела книги Вяземского («Германия»), которые и пародируются. *Гумбольдт* Александр (1769—1859) — великий немецкий ученый-естествоиспытатель, философ и путешественник. *Фарнгаген фон Энзе* Карл (1785—1858) — немецкий дипломат и писатель. В стихотворении «Берлин» Вяземский писал:

Фарнгагена уж нет, ни Гумбольдта в Берлине!
Давно ль их дружеским приемом на чужбине
Мог убедиться я, что, темный рядовой
Им чуждого полка,— и я им не чужой. . .

Снежок в Берлине показался. В стихотворении «Масленица на чужой стороне» Вяземский в сусальных выражениях воспевал зиму как свою соотечественницу, пожаловавшую на чужбину:

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима. . .

Рьяное винцо. В том же стихотворении:

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное винцо. . .

Немец на морозе плох. Ср. строки Вяземского:

Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец, воля ваша, плох.

Прости меня, немецкий бог. Пародийный намек на стихотворение Вяземского «Русский бог», написанное им в молодости (было

напечатано впервые в 1854 г. отдельной листовкой в Вольной русской типографии в Лондоне). *Фрейберг* — город в Саксонии, где в 1739—1740 гг. у горного советника И. Генкеля обучались трое русских студентов — Ломоносов, Виноградов и Рейзер. Вяземский ездил во Фрейберг, надеясь обнаружить там документы о пребывании Ломоносова. *Соллогуб* Владимир Александрович (1814—1882) — писатель, автор повести «Тарантас», друживший с П. А. Вяземским. На чествовании Вяземского в Академии наук в 1861 г. спел посвященные ему куплеты (см. «Северная пчела», 1861, № 55). Этому эпизоду посвящены сатирические стихи Курочкина «Стансы на будущий юбилей Бавия» (И, 1861, № 10). *Жив Белинский*. Имеются в виду злобные выпады Вяземского против Белинского и революционных демократов в стихотворении «Когда Карамзина не стало...»: «Белинский умер; жив Белинский! Его непресекаем род» и т. д. *Прозабательно, животно*. Эти и следующие, подчеркнутые в тексте курсивом слова взяты из стихотворения Вяземского «Очерки Карлсбада» (очерк второй):

Жизнь в Карлсбаде беззаботно
Льется тихим ручейком;
Прозабательно, животно,
По-карлсбадски здесь живем.
...Рано ляжешь, встанешь рано
И пойдешь на водопой...

Мильбрун, Шпрудель — названия минеральных вод. «*День*» — славянофильская газета, издававшаяся в Москве И. С. Аксаковым (с октября 1861 г.). *О Праге*. Стихотворение Вяземского «Русская беседа» (1858, № 3). *Ехал из Карлсбада по железной дороге*. Описанию этой поездки посвящен третий стихотворный очерк, нарочито переданный в пародии прозой. «*Крылатая русская дружина*». Так названо одно из стихотворений цикла, посвященное русским красавицам, наезжающим в Карлсбад. *Портрет при стихах*. Намек на стихотворение Вяземского «При посылке двух моих портретов». «*Наше время*» — реакционная газета (1860—1863), существовавшая на правительственную субсидию (редактор — Н. Ф. Павлов). *Я помню Киссингена тени*. Эта и следующая строка — цитаты из стихотворения «Киссинген», содержащего описание добродетельного баварского мельника, противопоставленного герою комической оперы А. А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779). *Приятно, если мы встречаем* и т. д. Пародируется стихотворение Вяземского «Самовар», посвященное семье русского посланника во Франкфурте П. Я. Убри. Пародийный цикл заканчивался следующим обращением фельетониста: «Довольно, читатель. Далее продолжать стихами как-то неловко... Далее следуют стихи на смерть банкира Ротшильда, в которых поэт удивляется, что Ротшильд, при всем его богатстве, умер как какой-нибудь поденщик. Далее следуют похвалы Баден-Бадену, юмористическая заметка вообще о немецкой природе,

воспеваётся Рейн, и поэт переселяется в Швейцарию. В Швейцарии точно тем же порядком воспеваётся Женевское озеро, Рона, Альпы, Арва (Монблана автор не видал вследствие дурной погоды) и т. д.»

Ф. И. ТЮТЧЕВ.

(1803—1873)

Перед Милютиными лавками. Впервые — И, 1860, № 8, стр. 94. *Н. Л. Ломан* — см. стр. 751. Пародия на стихотворение Тютчева «Пошли, господь, свою отраду. . .»:

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой

и т. д.

Пародия сопровождается ироническим комментарием: «В трудную же минуту жизни попало мне стихотворение г-на Тютчева, в котором он жалеет идущих по жаркой местности. Мне часто приходится совершать подобные путешествия, и потому немудрено, что сердце мое горячо отозвалось на голос поэта». Метафорическое уподобление «жизненного пути» у Тютчева в пародии реализовано в социально-бытовом плане. *Милютинны лавки* — гастрономические магазины в Петербурге. *Вьюшин* — владелец фруктового и кондитерского магазина в Петербурге. *Гомар* — омар.

Утешение. Впервые — И, 1860, № 39, стр. 419. Пародия на стихотворение Тютчева «Успокоение» (1856), представляющее собой вольный перевод из немецкого поэта Н. Ленау. Цитаты из пародируемого произведения выделены пародистом курсивом.

А. А. ФЕТ

(1820—1892)

«Ты мне всё шепчешь: «Постой!..» Впервые — С, 1850, № 5, стр. 142. Пародия на стихотворение Фета «Ты говоришь мне: прости. . .».

Nocturno. Впервые — С, 1850, № 8, стр. 323. Пародируются мотивы лирики Фета (ср. стихотворение «Тихая звездная ночь. . .» и др.). *Nocturno* — заглавие одного из стихотворений Фета.

На дороге. Впервые — С, 1854, № 2, ЛЕ, № 1, стр. 24. Пародируется стихотворение Фета «Степь вечером», напечатанное в том же номере С, что вызвало ироническое замечание в журнале «Пантеон»: «Пародия на стихи г. Фета, помещенные в той же книге, где напечатано его стихотворение. Факт любопытный и первый раз являющийся в русской литературе» («Пантеон», 1854, т. 3, стр. 11—

12). Объяснение этому следует искать в том, что, приняв к напечатанию десять стихотворений Фета, С вместе с тем хотел выразить свое отношение к общей эстетической позиции Фета как представителя «чистого искусства». Созерцательной пейзажной лирике противопоставлена насмешливая имитация Нового поэта с грубоватыми реалистическими деталями (каркающая ворона на срубленной сосне и т. п.). Ср. у Фета:

... И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пыливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

Подражание XIV идиллии Биона. Впервые — И, 1859, № 46, стр. 468, в цикле «Антологические стихотворения». Сниткин Алексей Павлович (1829—1860) — поэт, сотрудник И, пародировавший элегии и идиллии представителей «чистого искусства». Пародия на стихотворение Фета «Подражание XVI идиллии Биона»:

Прекрасная звезда Венеры светлоокой!
Пока свое чело за рошею далекой
Диана нежная скрывает, освети
Кустарник тот и холм для моего пути.
Я оставляю кров не для ночных хищений,
На путников в душе не крою покушений.
Нет, я люблю и жду возмездия забот
От нимфы молодой, красы между красот,—
Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
Краса ночных небес, горит твой луч любимый.

Бион (II век до н. э.) — греческий поэт-идиллик.

Воспоминание («Когда в ночной тиши я вспоминаю вдруг о ней...»). Впервые — И, 1859, № 50, стр. 524, в цикле «Элегии». Пародия на стихотворение Фета:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной...

В Павловске. Впервые — там же. Пародия на стихотворение Фета:

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...

Штраус Иоганн (1825—1899) — австрийский композитор, скрипач и дирижер, неоднократно гастролировавший в России; дирижировал летними концертами в Павловске.

«Я долго стоял неподвижно...» Впервые — André Mazon. *Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguenev*. Paris, 1930, p. 94. Предположительно относится к 1850-м гг. Пародируется стихотворение Фета «Я долго стоял неподвижно...». Впоследствии Фет, протестовавший против плоско-рационалистического толкования его поэзии, вспоминал в одном из своих писем некоего предводителя дворянства, говорившего на бале об этом стихотворении: «„Я думал... не помню, что думал“.— Если не помнишь, так нечего и говорить» (см. А. А. Фет. ПССт., Л., 1937, стр. 699).

Осень. С персидского, из Ибн-Фета. Впервые — С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 46. В подзаголовке пародируется обычное для переводных стихов указание на переведенного поэта (здесь с намеком на переводы Фета с персидского — «Из Гафиза»). Пародируется стихотворение Фета (из цикла «Осень»):

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтение
Подвигается так вяло.

Серенада («Воздух майский негой тает...»). Впервые — И, 1860, № 14, стр. 156. Пародируется «Серенада» Фета:

Тихо вечер догорает,
Горы золотая;
Знойный воздух холодает, —
Спи, мое дитя...

«Шептали листья, „звезды рдели“...». Впервые — И, 1860, № 49, стр. 562. Пародия на стихотворение Фета «Молчали листья, звезды рдели...» (РВ, 1860, № 1). Пародист взял в кавычки выражение, представлявшееся ему особенно нелепым. Курсивом отмечены несколько измененные строки из того же стихотворения: «Когда всё небо так глядится В живую грудь...».

Старый мотив. Впервые — «Гудок», 1862, № 3, стр. 23. Пародия на стихотворение Фета «Я пришел к тебе с приветом...»

В антологическом роде («Картину чудную сегодня видел я...»). Впервые — «Гудок», 1862, № 36, стр. 288. *Страннолюбский* Николай Николаевич (1836—1868) — морской офицер, поэт. Пародируется методом последовательной прозаизации стихотворение Фета:

С корзиной, полною цветов, на голове,
Из сумрака аллея она на свет ступила, —
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила
И т. д.

«Топот, радостное ржанье...» Впервые — И, 1863, № 44, стр. 645. Пародия сопровождается следующим издательским комментарием автора: «Все знают его стихотворение «Шепот. Робкое дыхание», но никто не знает первобытного состояния этого стихотворения, уже переделанного после». Следует пародия, после чего майор Бурбонов объясняет: «В иное время г. Фет по настоянию И. С. Тургенева переделал эту похвалы достойную песню на статский манер, и тогда уже явились в печать его известные стихи». Сочувствуя Фету, майор Бурбонов выражает сожаление, что поэт «изменил своему настоящему направлению». «Служа в уланах, г. Фет должен был придать непременно песням своим боевой, военный характер, званию его свойственный, а он сделался статским стихотворцем, явился штафиркой на Парнас». Следует отметить, что это стихотворение Фета десятки раз служило поводом для пародий и пародических (чаще всего юмористических) использований.

«Пусть травы на воде русалки колыхают...» Впервые — И, 1863, № 44, стр. 645. Пародия представляет собой стихотворение Фета «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...», прочитанное в обратном порядке, т. е. от конца к началу. «Положа руку на сердце,— уверяет Бурбонов,— можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается последовательнее и художественнее. Кто же упрекнет меня теперь, что я не сочувствую высоким способностям г. Фета». Ср. аналогичную проделку Н. Полевого со стихотворениями Пушкина в пародии «Вот сердца горестных замет...» (стр. 724).

Лирические песни с гражданским отливом

Впервые — РСл., 1863, №№ 6 и 7, в фельетоне «Дневник темного человека», без общего заглавия. Печ. по сб.— Д. Д. Минаев. «Думы и песни», т. 2. 1864, стр. 383—387. Пятое стихотворение в журнальной редакции имеет заглавие «Серенада». Пародии сатирически заострены против статей Фета «Из деревни» (см. примеч. к стихотворению «Давно ли, безумный и праздный...», стр. 754). Высмеиваются мелочные жалобы Фета на крестьянских гусей, едва не потравивших посевы (Фет их вовремя поймал), на нерадивого работника Семена, которого он уволил (однако взыскав выданный ему задаток) и т. п.

1. «— Сядем здесь, под этим кленом!..» Пародист использует стихотворение Фета «Ива» («Сядем здесь, у этой ивы...»).

2. «Когда наплыв противных мне идей...» Используется стихотворение «Когда мечты за гранью прошлых дней...» (см. примеч. к пародии «Воспоминание», стр. 783).

4. «Холод, грязные селенья...» Пародируется стихотворение «Шепот. Робкое дыханье...»

5. «Солнце спряталось в тумане...» Использована «Серенада» Фета (см. стр. 784).

Авдотье Кукшиной. Впервые — РСЛ., 1863, № 9, стр. 27, в статье «Лирическое художество». Авдотья Никитична Кукшина — персонаж из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», напечатанного в 1862 г. в РВ. В романе Кукшина ходит «в шелковом, не совсем опрятном платье», стучит «плоскими ногтями по клавишам расстроенного фортепьяно», пьет шампанское с нигилистом Базаровым. Этот образ был воспринят как карикатура на демократическую молодежь 60-х гг. Михаил Бурбонов «посвящает» Кукшиной стихи, пародируя стихотворение Фета из цикла «К Офелии»:

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг? ..

<Лирические песни без гражданского отлива>

Впервые — там же, стр. 29—31, без общего заглавия, которое дано впоследствии в сборнике «Думы и песни» (т. 2, 1864). В статье описан пародийный персонаж — юнкер *Звонкобрюхов*, который, находясь в «гошпитале», сочинял стихи в «припадке ипохондрии и временного умопомешательства». Он даже пытался подражать стихотворению Фета «Буря на море вечером...» и «сделал опыт подобного мычания» (инструментовки на «у» и «м»):

Дума и буря,
Брови нахмурия,
Смел по натуре,
Еду я к дуре.
Слушаю бури.
Сидя на фуре,
И, балагурия,
В каждой фигуре,
Как на лазури,
Вижу я бури... .

Прочитав с пафосом эти стихи, юнкер «разбил окно и из третьего этажа выскочил на двор гошпиталья». «Через неделю,— продолжает Бурбонов,— попалась мне статья Фета, и можете представить мое удивление, когда я нашел у него следующую мысль: „Поэтом может себя назвать только тот, кто вниз головой выпрыгнет из четвертого этажа на улицу“» (имеется в виду статья Фета «О стихотворениях

Ф. Тютчева», напечатанная в РСл., 1859, № 2). Подобные заявления Фета, которыми он декларировал свое понимание поэзии как выражения иррационального чувства, случайного и индивидуального в эмоциональной жизни человека, осмеивались в фельетоне.

1. «Ты предо мною сидишь...» Пародируется стихотворение Фета «Не отходи от меня, Друг мой, останься со мной!..»

3. «Что это: ночь или день?..» Пародируется стихотворение Фета «Ты говоришь мне: прости! Я говорю: до свиданья!..»

4. «Тихая звездная ночь...» Пародируется стихотворение Фета, начинающееся теми же словами.

«Гоняйся за словом тут каждым!..» Впервые — РСл., 1863, № 9, стр. 24, в статье «Лирическое художество». Пародируется стихотворение Фета «Как мошки зарею...», кончающееся признанием: «О, если б без слова Сказаться душой было можно!»

«Чудная картина!..» Впервые — там же, стр. 33. Пародист приводит стихи Фета:

Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И на волне ликующего звука
Увлечься в даль, во мраке потонуть...

Для пародирования используется ритмическая схема другого стихотворения Фета: «Чудная картина, Как ты мне родна...».

Весенние мелодии. Впервые — Р, 1864, № 24, стр. 383. *Вормс* Николай Александрович (ум. 1870) — поэт. Печатался также в РСл. и «Деле».

Блестки во тьме. Впервые — ПСС К. Пруткина. СПб., 1884, стр. 77—78. Пародия на стихотворение Фета «В дымке-невидимке...»

А. Н. МАЙКОВ

(1821—1897)

«Жизнь мировую понять я старался...» Впервые — Сочинения Н. А. Добролюбова, т. 4. СПб., 1862, стр. 595—596. Пародия направлена против творчества Майкова в целом. Характеризуя Конрада Лилиеншвагера, Добролюбов писал: «Природа со всеми своими красами для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусственным приноровлениям и ображениям, почерпнутым из высшей жизни духа». Применение идеалистической философии к природе и жизни, дидактизм и резонерство, наивный аллегоризм и поверхностность многих произведе-

ний Майкова в сочетании с его верноподданничеством и услужливостью делали этого поэта совершенно неприемлемым для Добролюбова. При создании этой синтетической пародии Добролюбов черпал материал из многих произведений Майкова. *Вот прохожу я по вспаханной ниве* и т. д. Имеется в виду стихотворение «Нива» (см. ниже). *На лето летят журавли*. Пародируется стихотворение Майкова «Журавли» *По небу чистому тучки гуляют* и т. д. Пародируются «Облачка»:

В легких нитях белой дымкой,
На лазурь склоняясь,
Облачка бегут по небу,
С ветерком резвясь...

с надуманно-философским заключением:

И вся жизнь тогда —
Сил слепых, законов вечных
Вечная вражда.

Точно золоты арфы молчат. Пародируется стихотворение Майкова «Золоты арфы»:

Засуха!.. Воздух спит... и небеса молчат...
И арф золотых безмолвен грустный ряд...

Виден подснежник над рыхлым снежком. Пародируется стихотворение «Весна»: «Голубенький, чистый Подснежник-цветок» и т. д. *Коляску мчат кони вдаль*. Имеется в виду раблепное стихотворение Майкова «Коляска», посвященное Николаю I.

Л е т о. Впервые — С, 1859, № 4, «Свисток», № 2, стр. 359—360, в цикле «Четыре времени года. Стихи Конрада Лилиеншвагера» (о нем см. вступ. статью, стр. 68). «Лето» пародирует стихотворение Майкова «Нива», о котором Добролюбов писал: «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения г. Майкова «Нива»? Взгляд на работы поселян на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это — поэзия!» (Н. А. Добролюбов. ПСС, т. 3. М., 1936, стр. 501). Ср. у Майкова в стихотворении «Нива» (РВ, 1857, № 2):

О боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святого неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!

Б р а т ь я м - в о и н а м. Впервые — С, 1860, № 12, стр. 27, в цикле «„Неаполитанские стихотворения“». Сочинение Якова Хама, перевод Конрада Лилиеншвагера». Пародируются верноподданнические, казенно-патриотические стихи А. Н. Майкова, написанные им во время Крымской войны, в особенности «Послание в лагерь» (1854):

Меж тем как вы, друзья, в рядах родных полков
Идете божьею грозою на врагов,
О, как хотелось бы хоть знак подать вам, братья,
Чтоб видели вы к вам простертые объятия...

Фердинанд II (1810-1859) — неаполитанский король («Обеих Сицилий»), прозванный «король-бомба» за жестокое подавление революции в Неаполе и Сицилии в 1848 г. Добролюбов сравнивает его с Николаем I. Их «идеал законного порядка» — легитимная абсолютная монархия. У Майкова в пародируемом стихотворении:

Тот гордый идеал, который, окрыляя
Любовию наш дух в годину горьких бед,
Всё осязательней и ярче тридцать лет
Осуществляется под скиптром Николая...

Франческо — Франциск II (см. примеч. к пародии «Плач и утешение», стр. 779).

Д в у с т и ш и я. Впервые — РСл., 1864, № 5, стр. 7, в фельетоне «Дневник темного человека». Пародируется плоская рассудочность «Двустыший» Майкова (РВ, 1864):

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сеются разом, и вместе растут.

Тащит свой невод рыбак — рвется из невода рыбка.
Дева! на волю я рвусь — и за тобою иду.

В и д е н ь е. Впервые — БВ, 1878, № 74, 16 марта, в фельетоне «Чем хата богата». Пародируется стихотворное переложение отдельных эпизодов «Апокалипсиса», сделанное Майковым («Виденье было мне: внезапно небо...»). *Бояне* — пародийное обращение к Майкову (по имени древнего поэта Бояна, упоминаемого в «Слове о полку Игореве»).

Н. Ф. ЩЕРВИНА

(1821—1869)

Греческое стихотворение («Я лежал на Марафонских полях...»). Впервые — С, 1851, № 9, стр. 42—43. *И. И. Панаев* — см. стр. 738. Пародируются «античные» мотивы Щербины (см. о нем на стр. 740) в его сб. «Греческие стихотворения» (1850). *Марафонские поля* — равнина на восточном берегу Аттики, прославленная победой, которую в 490 г. до н. э. одержал Мильтиад над вторгшимися в Грецию персами. *Еврипид* (ок. 480—406 до н. э.), *Софокл* (ок. 497—406 до н. э.) и *Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческие поэты-трагики. *Аркадия* — горная область в Пелопоннесе, изобилующая реками, озерами и лесами. *Эримантос* — горы на западе Пелопоннеса. *Беотийский* — от названия области в средней Греции. Беотия

славилась своими флейтистами и певцами. Родина поэта Пиндара. *Лесбийские жены* — с острова Лесбос, родины поэтессы Сафо. *Парфенон* — храм Афины-девы (Парфенос), построенный в V в. до н. э. *Элены* — т. е. эллины, древние греки.

Письмо из Коринфа. Впервые — С, 1854, № 2, ЛЕ, № 1, стр. 14. В журнальной редакции отсутствует последняя строфа, включенная в ПСС Пруткова:

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюся елеем.

Пародируется стихотворение Щербины «Письмо», кончающееся стихами:

Здесь от речи отвыкли уста:
Только слухом живу я да зреньем...
Красота, красота, красота! —
Я одно лишь твержу с умилением.

Пластический грек. Впервые — С, 1854, № 4, ЛЕ, № 3, стр. 50. Впоследствии печаталось под заглавием «Древний пластический грек».

К Дию. Впервые — СНП, стр. 65—66. Пародируется стихотворение Щербины «Тантал»:

С трепетом юного сердца мучительно-сладким
Ждал я мгновенья, когда моя милая скажет
Слово «люблю», чтоб вкусить обаянье блаженства
Первому мне на земле далеко от Олимпа...

Просьба художника. Печ. по книге: «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», вып. 1. СПб., 1859, стр. 7. Пародия слово в слово преследует стихотворение Щербины «Просьба художника»:

О, не стыдись, не бойся, не красней
Своих одежд, изорванных и бедных:
От пурпура и льна не будешь ты милей,
Не нужно лилии для персей темно-бледных.
Боишься ль ты, что я не полюблю
Твою красу под этой епанчою?
О нет, дитя! . . . Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:
Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтоб не была ничем краса твоя покрыта,
Как вышла некогда богиня Афродита
Из пены волн, блистая наготой.

Прозаические «бурнус», «корсет» и другие «будничные» слова снижают и разоблачают напускной эстетизм стихотворения Щербины.

С м е р т н о м у. Печ. по книге: «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», вып. 1. СПб., 1859, стр. 32—33. Пародируется стихотворение «Мир», в котором возвещается уход поэта от волнений жизни и социального зла в мир космической вечной красоты:

Светом миров облитой,
 Весь я природой объят,—
 Волны со мной говорят,
 Бури мне песни поют,
 Травы цветущие льют
 Свой для меня аромат...
 ...Смолкните ж, стоны страдания,
 Жалобный вопль человека!
 Нет в мироздании горя:
 Горе — то призрак от века.

Ф и л о с о ф в б а н е. Впервые — С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 48. Пародируется стихотворение Н. Ф. Щербины «Моя богиня» (Москв., 1851, № 22), начинавшееся следующими строками:

Члены елеем натри мне, понежь благородное тело
 Прикосновением мягким руки, омоченной обильно
 В светло-янтарные соки аттической нашей оливы.
 Лоснится эта рука под елейною влагой, как мрамор,
 Свеже-прохладной струей разливаясь по мышцам и бедрам,
 Иль будто лебедь касается белой ласкающей грудью...

Так как в «Собрании стихотворений» Щербины (СПб., 1857) эти строки были исключены, то это заставляет предположить, что пародия была написана вскоре после появления «Моей богини» в Москв.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

(1820—1898)

О н а («Вчера, в пустом и длинном переулке...»). Впервые — С, 1850, № 5, стр. 142. В СНП без заглавия. Пародийный, нарочито прозаичный пересказ стихотворения Полонского «Встреча»:

Вчера мы встретились — она остановилась —
 Я также — мы в глаза друг другу посмотрели.
 О, боже, как она с тех пор переменилась;
 В глазах потух огонь, и щеки побледнели
 и т. д.

Погибшее, но чудное созданье — перефразированная цитата из «Пира во время чумы» А. С. Пушкина: «погибшего, но милого созданья».

Солнечный свет. Впервые — И, 1859, № 47, стр. 483. А. П. Сниткин — см. стр. 783. Пародия на стихотворение Полонского «Лунный свет». Пародируются лирические и философские размышления «на лоне природы» в стихах Полонского. Ср.:

Всё, что близко, что далеко,
Всё, что грустно и смешно,
Всё, что спит в душе глубоко,—
В этот миг озарено.
Отчего ж былого счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего бывшая радость
Безотраднa как печаль...

и т. д.

Разочарование. Впервые — С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 46—47. Пародируется стихотворение Полонского «Финский берег»:

Лес да волны — берег дикий,
А у моря домик бедный...

и т. д.

В стихотворении фигурирует «дочь хозяйки», с которой заговаривает путник.

Отрывок из романа, который никогда не напечатается. Впервые — РСл., 1861, № 7, стр. 20—21, в фельетоне Д. Д. Минаева «Дневник темного человека». Пародия на роман в стихах Полонского «Свежее предание», печатавшийся в 1861—1862 гг. в журнале «Время», но так и оставшийся незаконченным. Эпиграф взят из этого романа. Излер Иван Иванович (1811—1877) — владелец увеселительного заведения (сада и кафешантана) «Минеральные воды» в Петербурге. *Нарвская часть* — одна из полицейских частей в Петербурге. *При звездах и при луне* — цитата из «Полтавы» Пушкина.

«Поэт понимает, как плачут цветы...» Впервые — И, 1873, № 19, стр. 3, в фельетоне «Праздничные подарки „Искры“». Пародия на стихотворение Полонского «Жалобы музы» и вместе с тем на «чистую поэзию» вообще.

На взморье. Впервые — БВ, 1878, № 74, 16 марта, в фельетоне «Чем хата богата». Пародия на стихотворение «На закате» («Пчела», 1877, № 3).

Л. А. М Е Й

(1822—1862)

Еврейско-русская мелодия. Впервые — «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», вып. 1. СПб., 1859, стр. 19. Печ. по книге: Д. Д. Минаев. «Думы и песни», кн. 1. 1863, стр. 205.

Пародируются стихотворные переложения Мея (см. о нем на стр. 749) библейской «Песни песней». Ср. первое стихотворение этого цикла (СО, 1857, № 7), кончающееся словами:

Милый мой, возлюбленный, желанный,
Где, скажи, твой одр благоуханный?..

(Г. Пр. Преображенскому). Впервые — И, 1860, № 39, стр. 421. Это стихотворение является своеобразным ответом Н. Л. Гнута (Ломана) на дружеское послание к нему Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина), написанное как «подражание» Н. М. Языкову «с четырьмя благоприобретенными у него стихами» (И, 1860, № 37). В послании говорится о деятельности Ломана, который колет своими пародиями «чад незаконных Аполлона» и полет сорную траву с Геликона:

Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков!
*Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.*

Последние четыре строки и заимствованы из стихотворения Языкова «Элегия» («Поэту радости и хмеля...»). Ломан ответил на это послание также пародией, избрав для нее стихотворение Мея «Знаешь ли, Юленька...» (СО, 1860, № 24), полностью приведенное в И:

• Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилось?
Будто живется опять мне, как смолоду жилося:
Будто мне на сердце веет бывальными вёснами,
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
Тальными зорьками, пеночкой, Невкой, березками,
Нашими детскими... нет, уж не детскими грезами!
Нет, уже что-то тревожно в груди колотилось...
Знаешь ли, Юленька?... глупо... А всё же приснилось...

Ершов Петр Павлович (1815—1869) — поэт, автор сказки в стихах «Конек-горбунок». *Трилуный* — псевдоним поэта Дмитрия Юрьевича Струйского (1806—1856). Ершов и Трилуный упомянуты здесь как эпигоны лирической поэзии 30-х гг.

Г-н у Л ю б á. Впервые — И, 1860, № 49, стр. 563. Пародия на стихотворение Мея «Любе» (СО, 1860, № 43), со строкой: «Ты знаешь ли, Любá, я думаю о чем?..» Это шутовское неправильное ударение дало повод пародисту переадресовать пародию мужчине с французской фамилией Любá. Пародия предварена обращением к читателю: «Во-первых, вы, вероятно, не можете решить, есть ли во всем этом стихотворении смысл, во-вторых, вам кажется странным слово «Любá», так как до сих пор вы слышали только Любовь.

Любинька, Любушка, Люба. Эти сомнения я надеюсь рассеять в вас следующим своим посланием к одному моему доброму знакомому, г-ну Любá. Несмотря на свое иностранное происхождение (г. Любá — австрийский подданный), он хорошо говорит по-русски (даже в ударениях никогда не ошибается!), сочувствует успехам нашей литературы и знает наизусть почти все стихотворения г. Мея». *Небывалый гений* — К. К. Случевский. *Григорьев* — см. стр. 775. *Кусков* — см. стр. 801.

Н. А. НЕКРАСОВ

(1821—1878)

«Если кроткий, как вол, в трезвом виде...» Впервые — Москв., 1851, № 19—20, стр. 279—280. *Алмазов* Борис Николаевич (1827—1876) — поэт и критик, входил в «молодую редакцию» Москв. Пародия на стихотворение Некрасова «Если мучимый страстью мятежной...»

Кофеи. Впервые — там же, стр. 286—287. Пародия на стихотворение Некрасова «Буря» (С, 1850, № 9).

Пропойца. Впервые — там же, стр. 288. Пародия на стихотворение Некрасова «Пьяница».

На Невском. Впервые — И, 1866, № 26, стр. 333—334, под общим заглавием: «Фельетоны в стихах. Слабое подражание сатирам г. Некрасова». Под этим заглавием В. П. Буренин опубликовал еще ряд пародий на стиль Некрасова: «На „Минерашка“ и в „Шато“» (И, 1866, № 31) и др. *«Инвалид»* — газета «Русский инвалид», орган военного министерства. *Генерал Дитятин* — собирательный пародийно-сатирический тип, созданный актером и писателем И. Ф. Горбуновым, иногда выступавшим в этой роли на юбилеях и литературных обедах. *Подвиги в Азии*. Имеются в виду военные операции генерала М. Г. Черняева на территории Кокандского ханства: взятие Чимкента (1864) и Ташкента (1865). *Кач* — владлец петербургского универсального магазина. *«Библиотека»* — «Библиотека для чтения», журнал, выходивший в 1863—1865 гг. под редакцией П. Д. Боборыкина. *«Беседа»* — «Домашняя беседа», реакционный журнал, издававшийся в Петербурге под редакцией В. И. Аскоченского в 1858—1877 гг. *«Листок»* — «Петербургский листок», газета «городской жизни и литературная», носившая бульварный характер. Начала выходить с 1864 г. *Доменик, Дюссо, Борель* — владельцы петербургских ресторанов.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

(1825—1893)

«Учились, бедные, вы в жалком пансионе...» Впервые — Сочинения Н. А. Добролюбова, т. 4. СПб., 1862, стр. 594—595. Пародия на стихотворение А. Н. Плещеева (1858),

в связи с ожидаемой реформой в либерально-восторженных тонах восхвалявшее «царя-освободителя». По словам поэта, крестьяне якобы смиренно и безропотно сносили иго крепостного права:

Трудились, бедные, вы, отдыха не зная,
Судьбе покорные, трудились день и ночь
И думали: знать, доля уж такая
Нам богом суждена — и горю не помочь. . .

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

(1820—1887)

П о р а! Впервые — С, 1858, № 11, стр. 80, в рецензии Н. А. Добролюбова «Стихотворения Михаила Розенгейма» (СПб., 1858). Пародия на поэта Михаила Павловича Розенгейма, представителя либерального «обличительства» 60-х гг. (см. вступ. статью стр. 68—70). Добролюбов пародирует риторику Розенгейма, сочетавшего трусливую критику с изъявлениями верноподданнических чувств. Ср. стихотворение, которым открывается рецензируемый Добролюбовым сборник:

Когда в нас снова жаждой дела
Огонь сознания запылал,
Во мне душа не утерпела,
И я, что чувствовал, сказал,—
Сказал по праву гражданина,
Во имя прав мне дорогих,
Отчизны преданного сына,
Престола верного слуги.

«Злой приятель» рецензента уверяет, что произведения Розенгейма «не более как переложение в стихи очень прозаических фраз» и в доказательство приводит аналогичные стихи начинающего поэта Конрада Либлиншвагера, который с «собачьей верностью подлиннику» пересказал в стихах тираду Надимова в комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (1857). В рецензии приведен и прозаический текст: «Нет, графиня, шутить тут нечего. Тут ничего нет смешного, и смеяться я не в силах. Мне кажется, что тут, напротив, надо плакать и каяться, и слезами покаяния стереть пятно, наложенное на нас веками. Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора, и действительно она пришла, искоренить зло с корнями. (В переложении эта тавтология исправлена.) Теперь словами не поможешь, надо действовать. . . и лучшее порицание дурному — пример хорошего. Надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, пожертвовал собой и, не гнушаясь мелких должностей, в себе показывал бы другим образец».

Pia desideria. Впервые — там же, стр. 81. Эта пародия является «переложением» в стихи прозаического отрывка из статьи за подписью Х. Д. <Х. С. Даскалов> «Несколько мыслей о судопроиз-

водстве» (РВ, 1858). «Злой приятель» (см. стр. 795) сочиняет эти стихи, воспользовавшись следующим местом статьи: «В стране, где устраивают железные дороги и пароходное движение, где поощряется устройство и развитие всяких промышленных предприятий, где сняты с народа оковы, препятствующие его свободному труду, где возвышают уровень народного воспитания, где вызывают к деятельности и движению все живые силы, в стране, которая громко просится на полезный и свободный труд,— можно ли еще сомневаться, что в такой стране необходима адвокатура, как неперемнная часть преобразованного судопроизводства, как вернейшее средство в одно и то же время обеспечить правильность и быстроту суда и открыть народной деятельности новый источник к умножению частного богатства, к полезному занятию множества юных сил?»

В альбом поборнику взяток. Впервые — там же, стр. 82. Стихи эти также пишет «злой приятель». Имеется в виду либерально-обличительное стихотворение Розенгейма «Ну, уж времечко, ей-богу. . .», в котором взяточник говорит о себе:

Не берем же мы насильно,
Не с ножом из-за угла;
Принимаем, что посылно
Нам причтется за дела
и т. д.

Моему ближнему. Впервые — там же, стр. 84. «Я не вижу,— писал Добролюбов,— отчего бы г. Розенгейм, говоря, что „к богатству есть пути, кроме краж и взяток“, заслуживал за это более почтения, нежели г. Лилиеншвагер, утверждающий, что „грех и стыдно красть“». Добролюбов подчеркивает «безымянность» обличений либеральных стихотворцев, не только не упоминавших конкретных виновников зла, но и замалчивавших глубокие социальные причины, порождающие это зло. В статье «Русская сатира в век Екатерины» Добролюбов писал: «Большей частью нападали на взяточника так, как будто бы все зло взяточничества зависело единственно от личной наклонности таких-то к обдиранию просителей. Никогда в сатирах наших вопрос о взятках не переходил к рассмотрению общего вреда бюрократии и тех обстоятельств, которыми сама бюрократия порождена и развита» (Н. А. Добролюбов. ПСС, т. 2. М., 1935, стр. 138). Эпиграф взят из сатиры А. Кантемира «К музе своей».

Уличенный мздоимец. Впервые — там же, стр. 87—88. «Злой приятель» критика замечает по поводу этого стихотворения: «По-моему, Лилиеншвагер дошел до такой отчетливости в самых ничтожных мелочах, до которой никто еще не доходил из русских поэтов-обличителей. И притом стихотворение его имеет важное общественное значение: в нем показывается, на каком мелочном, вздорном обстоятельстве можно иногда поймать человека и открыть злоупотребление».

Литературные попытки Михайлы Бурбонова. Впервые — И, 1863, № 1, стр. 14. Цикл состоит из пяти пародий (помещаем две из них). Эпиграфы взяты из стихотворений Розенгейма. «Заноза» — юмористический журнал, издававшийся в 1863—1865 гг. Розенгеймом.

Последний дуэт. Впервые — РС, 1863, № 1, стр. 87—88, в фельетоне Д. Д. Минаева «Забутые уголки Парнаса». Этой пародией заканчивается фельетон, в котором были объединены «под общей пломбою» реакционные поэты «майковского периода» (см. примеч. к пародии «Литературные ополченцы», стр. 751). Реплики Розенгейма взяты из его стихотворения «Современная дума», содержащего выпады против революционно-демократического лагеря. Пародия Минаева возымела свое действие, и Розенгейм не включил этого стихотворения в последующее издание «Стихотворений» (1864). *Кукельван* или *кукольван* — растение, семя которого употреблялось как отравы для рыб. В 1861 г. некоторые петербургские пивовары были изобличены в том, что они подмешивали в пиво кукельван. В Курочкин посвятил этой истории поэтический фельетон «Легенды о кукельване» (И, 1862, № 1). *По улицам невским не жги папирос*. Курение на улицах в Петербурге, где были в то время деревянные мостовые и тротуары, — запрещалось.

Вильяму Шекспиру от Михайла Бурбонова. Впервые — там же, стр. 85. Пародия на «послания» Розенгейма к Лермонтову, написанные в 1840—1841 гг. «Г. Розенгейму, — пишет Минаев, — пришла гениальная мысль распесть поэта-покойника за то отрицательное направление, которого он держался в жизни, и живой стихотворец распек мертвого самым положительным образом. Уподобив Лермонтова — черепахе (Лермонтов — черепаха! Не смелое ль сравнение?), г. Розенгейм гневается на него за то, что будто бы он «клеветал на жизнь», чем и „оскорбил дар прекрасный небес“». Минаев приводит стихи Розенгейма:

Без веры, Лермонтов, бесплодно и призванье:
Ни песен от души, ни искренней мольбы!
Да, страшно и тебя коснулось отрицанье,—
И духом ты упал в виду святой борьбы.

Включая «послания» в сборник своих стихотворений 1858 г., Розенгейм полемизировал с Лермонтовым в целях борьбы с современными «отрицателями», т. е. революционными демократами. Высмеивая Розенгейма, Минаев пишет от лица Бурбонова послание к Вильяму Шекспиру, тоже наставляя его уму-разуму. *Ефремовские камелии*. Имеются в виду танцовщицы из танцкласса, который содержал в Петербурге некий Ефремов, устраивавший «открытые балы». «Камелия, батюшка, это цветок такой. Цветками называли! Настоящим-то манером стыдно назвать, так по цветку название придумали» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Господа ташкентцы»). Прозвище привилось в связи с появлением драмы А. Дюма-сына «Дама с камелиями» (1852).

«Жизнь наша вроде плац-парада...» Впервые — РСл., 1864, № 6, стр. 35, в фельетоне «Резервные стихотворцы». Пародия на стихотворение Розенгейма «Не вспоминай о бурном прежде...»:

Иду спокойно, равнодушно,
Куда судьба ни поведет,
Как, воле старшего послушный,
Солдат свой делает поход...
и т. д.

Нашим пессимистам. Впервые — И, 1873, № 20, стр. 7, в фельетоне «Вчера, сегодня и завтра».

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ
(1887—1904)

На кладбище. Впервые — И, 1860, № 8, стр. 94, в фельетоне «Литературные вариации». О Случевском см. стр. 750. Пародируется стихотворение Случевского с тем же заглавием (С, 1860, № 1). Это стихотворение полностью приведено в том же номере И. в фельетоне Пр. Знаменского (В. С. Курочкина) «Критик, романист и лирик», со ссылкой на пародию Н. Л. Гнута (Ломана):

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной...
и т. д.

Содружество идей — выражение А. Григорьева, восторженно отозвавшегося о стихах Случевского. *Вспомнил нищего* — намек на непристойные стихи «На кладбище ветер свищет...»

«Рассвело. Глаза открыты...» Впервые — И, 1860, № 25, стр. 272. Пародируется стихотворение Случевского «Ночь. Темно. Глаза открыты...» (ОЗ, 1860, № 3):

Ночь. Темно. Глаза открыты
И не видят, но глядят,
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят
Мягкий волос, набегаю,
На лице моем лежит,
Грудь тревожная, нагая
У груди моей дрожит.
Недошептаные речи,
Замирающие жадных рук,
Холодеющие плечи
И часов тяжелый стук...

«Тут уже нет никаких намеков,— пишет пародист,— все так определенно и точно, что от себя не прибавлено ни одной черты. Развитие страсти поэт довел до того момента, который воспроизводится в рукописных сборниках. Я не отказываюсь варьировать самое стихотворение; но после темы делаю некоторую паузу, которую можно изобразить, пожалуй, хоть точками».

Коварство и любовь. Впервые — И, 1860, № 25, стр. 271—272. Пародируется стихотворение К. Случевского «Мемфисский жрец» (ОЗ, 1860, № 3). В пародии довольно близко воспроизводится ритмико-синтаксическая и сюжетная схема стихотворения Случевского, с прозаической заменой египетского верховного жреца — простым квартальным, а первой жрицы — скромной обывательницей, явившейся в полицию по делу о денежном взыскании. *Насчет билета сочиненье* — т. е. предписание получить «желтый билет» зарегистрированной в полиции проститутки.

Мои желанья. Впервые — С, 1860, № 12, «Свисток», № 6, стр. 44. В издании Н. Г. Чернышевского отнесен к № 7 «Свистка», что, по-видимому, отвечало композиционному замыслу самого Добролюбова. Пародия на стихотворение Случевского (С, 1860, № 3) под таким же заглавием. К моменту появления пародии Случевский уже не был сотрудником «Современника». Пародия довольно близко придерживается своего «оригинала», ср., например, у Случевского:

..Прежде всего мне для счастья сыскать себе женщину надо.
Женщина вся в нежном сердце и в мягкости линий;
Женщина вся в чистоте, в непорочности чувства;
Мне не философа, мне не красавицу нужно, мне нужны
Ясные очи, коса до колен и подчас поцелуи.
С этакой женщиной труд будет легче и радость полнее...

Звезды и Случевский. Впервые — «Молва», 1879, № 175, в фельетоне «Чем хата богата», с подписью — М. Д. Печ. по сборнику Д. Минаева «Не в бровь, а в глаз». СПб., 1883, стр. 347—348. Пародируются стилистические особенности поэзии Случевского, вернувшегося к поэтической работе после долгого перерыва. В частности имеется в виду его перевод стихотворения немецкого поэта Людвиг Тика «Ночь», помещенный в хрестоматии Н. В. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1877).

В. [В. КРЕСТОВСКИЙ

(1840—1895)

«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь...» Впервые — И, 1860, № 39, стр. 419. Крестовский Всеволод Владимирович — поэт и беллетрист. Известен своим романом «Петербургские трущобы». Написал также два реакционных антиинигилистических романа: «Панургово стадо» и «Две силы». Пародируется

стихотворение Крестовского «А весна, как струна, занывает в груди...» из цикла «Весенние ночи» (ОЗ, 1860, № 4), вызвавшего град пародий. Приведено в И полностью, причем отдельные слова и выражения выделены курсивом:

...А как *глянет* с весной *ночи ясная тень*,
Подждать меня выйдет подруга;
Загремит соловей да запахнет сирень —
И пойдем мы вдоль сонного луга...
И уж бог весть куда забредем без следа,
Нацелуемся с ней до рассвета,
И забудемся вновь так истомно тогда
Над весенней страницей Фета...

«А х, взгляните: закрывает тучкой боязливо...»
Впервые — там же, стр. 420. Пародия на стихотворение из того же цикла (курсив И.):

О, взгляни ты: голубые звезды *робко* блещут,
Бледно-палевою лентой даль okayмлена...
Листья кленов, осребренные, *едва* тремещут,
Осребренные, змеяся, волны *робко* плещут,
Робкой негой молодая ночь истомлена —
Но той неги обаятельной лилась бы сила,
Если б робость детскую ты отогнала прочь
И, откинув занавес, окошко растворила,
И, дрожа, безмолвная, стыдливо подарила
Тихо, всю в одно лобзанье слившуюся ночь...

«Появилась головка в окне...» Впервые — там же, стр. 420. Пародия на стихотворение Крестовского «И в саду тишина...» из того же цикла. Кончается это стихотворение словами о «влюбленной головке», заглядевшейся,

Как играет река осребренная.
И не знает, она ль
Эту ночь разожгла, сладострастная —
Иль сквозь белый вуаль
Ночь ее озаряет прекрасная.

Résumé весенних стихотворений г. Крестовского. Впервые — там же, стр. 420. Сообщив три пародии на отдельные стихотворения цикла «Весенние ночи», пародист предлагает читателю «резюме» всех остальных: «Все они, при замечательном разнообразии поэтических красот, запечатлены одним общим тоном: во всех них слышится тот же основной мотив». Основой пародии послужили стихи Крестовского:

Здесь-то, боже! сколько ягод,
Сколько спелой земляники!

Помнишь, как мы, ровно за год,
Тут сошлись без улики...
и т. д.

«В самом деле, шли бы вы на взморье...» Впервые — И, 1861, № 49, стр. 734. Пародия на стихотворение Крестовского «Я б ушел от вас на берег моря...» («Светоч», 1860, № 2). «Искра» приводит следующие стихи пародируемого оригинала:

Я набрал бы ракушек прибрежных
И, из горсти в горсть пересыпая,
Заигрался б в трелях ночи нежных,
Детский смех вдоль по морю пуская.

«Я лежал в камышах на спине...» Впервые — «Гудок», 1862, № 3, стр. 18, в фельетоне «Вчера и сегодня», без подписи. Печ. по книге: Д. Минаев. «Думы и песни». СПб., кн. 2, 1864, стр. 398. Пародия на стихотворение Крестовского (РСл, 1861, № 5):

Я лежал на прибрежном песке,
А струю обгоняла струя,
И дробилась вдоль по реке
Раздражительно трель соловья.
.. Вдруг выносит на берег волна
Белоснежной красавицы труп...
и т. д.

Пародию на то же стихотворение, принадлежащую Александру Николаевичу Иволгину (ум. 1869), привел П. В. Быков («Фигуры литературной колоды». — «Новая жизнь», 1914, № 2, стр. 117).

П. А. КУСКОВ
(1834—1909)

Вариации на старые мотивы

Впервые — И, 1860, № 24, стр. 264. *Жулев* Гавриил Николаевич (1836—1878) — поэт и актер, писавший под псевдонимом «Скорбный поэт», сотрудник сатирических журналов 60-х гг. Сборники его стихов — «Песни скорбного поэта» (СПб., 1863) и «Ба! знакомые всё лица!!!» (СПб., 1871). Кусков Платон Александрович — поэт и переводчик, начавший литературную деятельность в 1854 г. в С. Вскоре стал выступать как наивный эпигон «чистого искусства», за что подвергался насмешкам пародистов.

Возвращение. Пародируется одноименное стихотворение Кускова (С, 1860, № 4):

Поздно ночью, в злую бурю,
Возвратившись в край родной,
Я помчался вихрем в дом свой,
Чтоб увидеться с женой.

Предостережение. Пародируется стихотворение Кускова (С, 1860, № 4):

Комары да мухи
Всё меня кусают,
Мошки да букашки
Жизнь мне отравляют...
и т. д.

Сон. Пародируется стихотворение Кускова «Мне снилась ты в лесу, дитя мое...» (С, 1860, № 4).

«Жарко, душно на перине...» Впервые — И, 1861, № 21, стр. 315, в фельетоне «Весенняя выставка лирических произведений русских поэтов». Пародия на стихотворение Кускова «Ночь». — «Время», 1861, № 5 (приведено в И, курсив пародиста):

Ничего не слышит ухо,
Ночь безмолвна, как в пустыне;
Всё уснуло, только муха
Где-то бьется в паутине.

Да еще среди молчанья
У меня во мраке ночи
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.
И во мгле, в ночном покое,
Никому, увы! нет дела,
Что на сердце на больное
Пауком любовь насела.
И ни шелеста, ни звука —
Ничего не слышит ухо;
Только в сердце скорбь и мука,
И один товарищ — муха.

«В это стихотворение,— замечает пародист,— уложилось все мирозерцание г. Кускова, и я думаю теперь о том: о чем бы пел этот поэт-мухоловец, если бы не существовало насекомых? Вот была бы беда!»

Н. Н. СТРАХОВ

(1828—1896)

«Душа моя будто в застое...» Впервые — И, 1860, № 49, стр. 562, в фельетоне «Литературные вариации». Страхов Николай Николаевич — реакционный критик, публицист, философ-идеалист, идеолог так называемого почвенничества, вел борьбу с революционно-демократическим лагерем. Ему принадлежит также ряд стихотворений. Пародируется стихотворение Н. Страхова (РВ, 1860, № 15), приведенное в И (курсив И):

В тиши моей жизни ничтожной,
В досаде пустых огорчений
И в шуме пустого веселья
Дремлю я душою тревожной.

Но, полный тяжелой дремоты,
Я чувствую, сердце тоскует,
И спится, и грезится вечно
Ему непонятное что-то.

*Какие-то дни золотые,
Какие-то дивные речи,
Какие-то крепкие силы,
И мысли, и чувства святые;*

И месяц, и звезды, и розы,
Какая-то грусть без предела,
И ласки, безумные ласки...
И слезы, горячие слезы...

Е. Ф. ЗАРИН

(1829—1892)

«Во всю ночь надо мною тень милая...» Впервые— И, 1861, № 49, стр. 732. Зарин Ефим Федорович — поэт и реакционный критик, сотрудник БдЧ и ОЗ 60-х годов. Другая пародия на Зарина написана Д. Минаевым (И, 1861, № 21). Пародируется стихотворение Зарина в БдЧ (т. 164, 1861), приведенное в И (курсив И):

Над кроватью мою тень грозная
Во всю ночь не отходит — стоит;
Ты в дороге, мой друг; ночь морозная
Твое нежное тело знобит.

...Страх мечтой овладел суеверною,
И ты видишь вдали пред собой —
Через снежную степь непомерную
Придорожник шатает ночной.

А. К. ТОЛСТОЙ

(1817—1875)

Баллада с полицейской тенденцией. Впервые — И, 1872, № 8, стр. 120—121, в пародийной повести В. П. Буренина «Пирожница с берегов Рейна, или Русский дворянин за границей». В. П. Буренин — см. стр. 757. Вставная пародия на «Балладу с тенденцией» («Порой веселой мая...») А. К. Толстого в повести Буренина, пародийно направленной против тургеневской прозы. Пародия

сопровождается замечанием: «На этой строфе листок был оборван... для пирожков, и потому конец удивительной баллады гр. Толстого остается неизвестным». После чего следует сноски — «Примечание корректора: «Любопытные читатели, однако ж, могут отыскать сию балладу в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1871 год, где она напечатана, очевидно, в позднейшей переделке под именем „Баллады с тенденцией“». *Сканцони* фон Лихтенфельс Фридрих (1821—1891) — немецкий гинеколог, автор руководств по акушерству.

А. Н. АПУХТИН

(1841—1893)

«Посреди журнальных погремущек...» Впервые — РС, 1862, № 3, стр. 6, в фельетоне «Дневник темного человека». Пародируется стихотворение Алексея Николаевича Апухтина «Современным витязям», носившее характер поэтической декларации. Апухтин возмещал отход от обличительной и гражданской поэзии, которым он противопоставлял индивидуалистическую лирику душевных переживаний:

Посреди безмолвных и послушных,
Посреди доверчивых глупцов
Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов! ..

Вурм Василий Васильевич (1826—1904) — виртуоз на корнет-а-пистоне. С 1862 г. — профессор петербургской консерватории. *Бушек* — чешская певица, выступавшая в Москве. В 1861 г. гастролировала в Петербурге (ОЗ, 1861, № 10, «Заметки празднующающегося», стр. 45). *Лагруа* Эмми (род. 1836) — певица итальянской оперы в Петербурге. Ею восхищался молодой Чайковский. Русская музыкальная критика защищала Лагруа от нападок французской буржуазной прессы (см. В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, стр. 240—249). *Чтоб глаза слипались дремой*. Ср. в указанном выше стихотворении Апухтина:

Чтоб глаза слипались от дороги,
Чтоб сгорали жаждою уста,
Чтоб мои подкашивались ноги
Под тяжелым бременем креста.

IV

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Таинственный пономарь. Впервые — «Новое время», 1886, № 3608, 16 марта. Жанровая пародия типа прутковских баллад.

Осенняя прогулка рыцаря Ральфа. Впервые — там же.

Поэт и грачи. Впервые — в книге: Вл. Соловьев. Письма. П., 1923, стр. 67. Из письма Вл. Соловьева к М. М. Стасюлевичу от 30 сентября 1894 г. К стихам приписка Вл. Соловьева: «Это, впрочем, только в стихах, а в прозе я довольно здоров и сейчас еду в санях сдавать это послание на почту». Подражание К. Пруткову (см. вступ. статью, стр. 56—66).

Пан Зноско. Впервые — в книге: В. Л. Величко. Владимир Соловьев. СПб., 1902, стр. 174—176, без двух последних строчек, восстановленных по книге: А. Амфитеатров. Эхо. М., 1913, стр. 27 (в фельетоне «Эзопова линия»), где пересказано содержание «Пана Зноско» и приведено окончание. *Столыпин* Александр Аркадьевич — сотрудник НВ. «Пан Зноско» примыкает к поэзии комического алогизма и прутковщине, отчасти пародирует жанр баллады; несомненно сходство ритмического строя, а также некоторых сюжетных деталей пародии и стихотворения А. К. Толстого «Вонзил кинжал убийца несчастный...» Пародийность достигается игрой неожиданными нелепыми ситуациями и еще более неожиданной комической развязкой. Пародия, вероятно, написана в конце 90-х гг. XIX в. *Пылала Речь*. Имеется в виду польское восстание против русского самодержавия в 1863—1864 гг. Речь Посполита — старинное наименование польского государства.

Жестокий барон. Впервые — отдельное издание: «Жестокий барон». Трагедия в двух картинах и притом в стихах (сюжет заимствован). Юношеское произведение неизвестного автора. Издание В. Г-ва, М., 1892. *Гиацинтов* Владимир Егорович (1858—1933) — историк и литератор, профессор Московского университета по кафедре теории и истории искусств (с 1900 г.), специалист по истории искусства итальянского Возрождения. В молодости — участник московского «Шекспировского кружка» при гимназии Л. И. Поливанова, где ставили пьесы Шекспира. В этой среде культивировались шутка и пародия, поэзия комического алогизма и прутковщина. В. Е. Гиацинтов писал шуточные пьесы для домашних спектаклей, в том числе: «Альсим», в составлении которой принимал участие В. С. Соловьев (см. книгу «Шуточные пьесы Вл. Соловьева», М., 1922); «Разбойники»; драматическая пародия «Разоблаченный злодей» (сыграна в 1909 г. на домашнем спектакле с участием С. В. Гиацинтовой, исполнявшей роль «злодея» — трактирщика Боба). «Жестокий барон» написан В. Е. Гиацинтовым в конце 1880-х гг. как пародия на французскую мелодраму. Эту пародию заметил А. П. Чехов, который весной 1893 г., приехав на вокзал провожать писателя П. П. Гнедича (1855—1925), сунул ему на дорогу брошюру: «Вот, почитайте; это доставит вам несколько забавных минут. А может, и вздумаете это сыграть в крещенский вечер» (П. Гнедич. Из моей записной книжки. — «Театр и искусство», 1917, № 48, стр. 803). Пьесу действительно сыграли в следующем, 1894 г., в «крещенский вечер», в доме П. П. Гнедича. Исполнителями были: пушкинист П. О. Морозов, писатель В. А. Тихонов и др. В. А. Тихонов впоследствии приписал, по недоразумению, авторство пародии А. П. Чехову, что вызвало оживленную полемику. См.: Аббадона <А. В. Амфитеат-

ров>. Отклики.— «Русь», 1904, 10 июля; Влад. Тихонов (Мордвин). «Жестокий барон». — «Русь», 1904, 11 июля; А. Гнедич. Письмо в редакцию.— «Русь», 1904, 15 июля; Влад. Тихонов. Еще о «Жестоком бароне». — «Русь», 1904, 4 августа. (Приведенными сведениями обязан народной артистке СССР С. В. Гиацинтовой и А. Ю. Наркевичу.)

Принцесса Африканская. Впервые — НВ, 1900, № 8812, 8 сентября. Волконский Михаил Николаевич (1860—1917) — беллетрист и драматург (его пьеса «Рабыня» шла в Александринском театре), автор поверхностных исторических романов «Мальтийская цепь», «Кольцо императрицы» и др. Сотрудник НВ, где писал фельетоны и пародии (см., например, пародийный цикл «Образцовая словесность» за подписью Анчар Манценилов — НВ, 1900, 6 октября). Ему принадлежит также остро пародийная пьеса «Гастроли Рычалова» (в репертуаре театра «Кривое зеркало»). Псевдоним *Манценилов* образован от названия дерева манценил, растущего на Антильских островах и обладающего наркотическими свойствами. Заснувший под его тенью умирает в сладких грезах. У В. И. Туманского есть стихотворение «Манценил» (перевод из Мильвуа). Либретто, напечатанное в НВ, послужило основой для создания знаменитой пародии на оперное либретто «Вампука», само название которой стало нарицательным. Впервые «Вампука» (муз. В. Г. Эренберга) была поставлена труппой «Кривое зеркало» под руководством А. Р. Кугеля в январе 1908 г. Осенью 1911 г. состоялось уже 300-е представление (ставилась до 1929 г.). На тот же сюжет была сочинена «Вампука африканская» (муз. В. Шаа, цензурное разрешение от 16 ноября 1909 г.). Успех «Вампуки» привел к разным тяжбам, связанным с нарушениями авторского права, что вызвало появление новых пародий. См. Недотыкомка (Мих. Пустынин). Суд над «Вампукой». — «Новая Русь», 1909, 23 марта. Существует свидетельство, что название «Вампука» найдено случайно. Якобы однажды воспитанницы Смольного института подносили цветы принцу Ольденбургскому и при этом пели на мотив из «Роберта» — «Вам пук, вам пук, вам пук цветов подносим» (см. П. Гнедич. Из моей записной книжки. О «Вампуке». — «Театр и искусство», 1917, № 48, стр. 802). В пародии соединены различные оперные нелепости и обнажена условность самого жанра оперы. См. Ното povus <А. Р. Кугель>. Заметки. — «Театр и искусство», 1909, № 5; Н. Евреинов. Несмешное «Вампуки» — в его книге «Театр как таковой», 2-е изд. М., 1923, стр. 77—81; «Ежегодник петроградских государственных театров», 1923, № 8, стр. 9. Робертс Фредерик (1832—1914) — главнокомандующий английской армией во время англо-бурской войны. Чемберлен Джозеф (1836—1914) — в 1895—1903 гг. министр колоний в консервативном кабинете Солсбери, один из главных организаторов англо-бурской войны, которого Ллойд Джордж открыто обвинял в личной заинтересованности в военных заказах. Посвящение «Принцессы Африканской» носит иронический характер, так как русская пресса была на стороне буров. *Строфокамил* — старинное название страуса. *Благодарю — не ожидал!* — рефрен из стихотворного экспромта (1860-х гг.) В. А. Соллогуба.

<Три пародии>

Впервые — в статье В. С. Соловьева «Еще о символистах». — ВЕ, 1895, № 10, стр. 850—851. Три пародии Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900), поэта, философа-идеалиста, — самые знаменитые и самые значительные пародии на символистов, вскрывающие характерные особенности их ранней поэтики (см. вступ. статью, стр. 78—79). В сборнике «Русские символисты. Лето 1895» (М., 1895) был высказан упрек Соловьеву, который ранее сам писал символические стихотворения (ВЕ, 1892, № 10, «Зачем слова...»), что он в своих статьях умышленно искажил смысл стихотворений символистов. В ответ Соловьев приводит целиком несколько произведений, помещенных в сборнике. Далее он пишет: «„Синее дыхание“ символистов вызвало во мне только оранжевую охоту к лиловому сочинению желтых стихов, а пестрый павлин тщеславия побуждает меня поделиться тремя образчиками моего гри-де-перлевого, вер-де-мерного и фель-мортного вдохновения». Затем следуют пародии.

1. «Горизонты вертикальные...» Соловьев высмеивает пристрастие символистов к логически противоречивым (оксюморонным) метафорам и сравнениям, изысканным эпитетам модернизма. Цитируя стихотворение В. Я. Брюсова «Тень несозданных созданий...», где имеются строки: «Всходит месяц обнаженный При лазоревой луне...», Соловьев спрашивал: «Если я замечу, что обнаженному месяцу всходить при лазоревой луне не только неприлично, но и вовсе невозможно, так как месяц и луна суть только два названия одного и того же предмета, то неужели и это будет „умышленным искажением смысла?“».

2. «Над зеленым холмом...» «Некоторые символисты, — писал Соловьев в той же статье, — облегчают себе труд сочинения бессмысленных стихов довольно удачным приемом: написавши один стих, они затем переворачивают его наизнанку — выходит другой». В качестве примера приведено стихотворение малоизвестного поэта В. Хрисонопуло (умер до 1914 г.) в том же сборнике:

Над темной равниной,
Равниною темной,
Нескромной картиной,
Картиной нескромной,
Повисли туманы,
Туманы повисли...
и т. д.

3. «На небесах горят паникадила...» Пародия высмеивает пристрастие к метафорам, построенным на соединении абстрактного и конкретного. Возможно, Соловьев имел в виду подражания русских символистов Метерлинку, цитируя перевод его стихов (подписанный в сборнике тремя звездочками):

Во глубь забывчивых лесов
Лиловых грез несутся своры,
И стрелы желтые — укоры —
Казнят оленей лживых слов. . .

Биография декадента. Впервые — В. К — шев. Из записной книжки друга Владимира Галактионовича. Первая годовщина смерти В. Г. Короленко. Полтава, 1922, стр. 18. В этой публикации пародия отнесена к 1907 г. Печ. (в другой редакции) по книге: «Описание рукописей В. Г. Короленко». Составила Р. П. Маторина. М., 1950, стр. 129, где отнесена к 1906 г. Там же приведено четыре варианта этой пародии. Хотя поводом для написания пародии послужило стихотворение поэта-символиста Г. И. Чулкова, «Биография декадента» направлена против всей модернистской поэзии.

Анкета о войне на Ближнем Востоке. Впервые — СМ, 1908, № 40, 11 февраля. *Сергей Горный* — Оцуп Александр Авдеевич (1880—1949), поэт-юморист, писавший стихотворные фельетоны для петербургских газет. Сотрудничал в Сат. и Нов. Сат. По образованию — горный инженер, чем и объясняется взятый им псевдоним. Умер в эмиграции. «Анкета» — типичный образец газетного стихотворного фельетона, получившего особенно широкое распространение в 1907—1909 гг. (см. вступ. статью, стр. 81—84). Пародисты, имитируя стиль различных писателей, как бы заставляют их «высказываться» по самым различным вопросам. Так, например, Ф. Ф. Благов, писавший под псевдонимом Фрицхен, использовал стиль поэтов-символистов А. Блока и К. Бальмонта для написания фельетона по поводу дебатов в Московской городской управе о запрещении тотализатора («Руль», 1908, 2 февраля). Особенный успех выпал на долю пародии-анкеты Lolo (Л. Г. Мунштейна) — «О браке» в газете «Утро России» (1907, 21 сентября). На анкету «отвечали» В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, М. Кузмин и др. Газета «Руль» также поместила два цикла пародий «Брак или свободный союз?» — один за подписью Ш. (вероятно, Н. Г. Шебуев) в номере от 22 февраля 1908 г. и другой — Ф. Благова (Фрицхена) в номере от 23 февраля. «Вена» — ресторан в Петербурге, где собирались писатели. *С. Городецкий* — см. стр. 817. *Осман* — здесь: турок. *В. Г. Тан* — Владимир Германович Тан-Богораз (1865—1936), ученый-этнограф и писатель, примыкавший по своим воззрениям к народникам. *Эренталь Алоиз* (1854—1912) — австрийский дипломат, вдохновитель захватнической политики Австро-Венгрии на Балканах. *Абдул Гамид II* (1842—1918) — турецкий султан, получивший прозвище «кровавого».

<Стихотворения Смертяшкина>. Впервые — «Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря, в цикле «Сказки». Пародия на декадентский культ смерти. «Автор» стихов — обыватель и не-

удачник, Евстигней Закивакин, сочинитель стихотворных рекламных объявлений для «Анонимного бюро похоронных процессий». Под псевдонимом Смертяшкин он начинает сотрудничать в модернистском журнале «Жатва смерти» и на короткое время становится модным поэтом. После появления сказки в печати поэт-декадент Ф. Сологуб, считая, что сказка направлена против него и его жены, А. Чеботаревской, написал Горькому письмо с протестом. В ответном письме 23 декабря 1912 г. Горький отверг предположение, будто сказка имеет в виду какое-либо определенное лицо, и указал, что образ Смертяшкина вобрал в себя черты, свойственные декадентам вообще, в том числе и Ф. Сологубу.

Е. М. Ф О Ф А Н О В

(1862—1911)

«Птичка ходит петь на ветку...» Печ. по МК, 1910, стр. 58. *Евгений Венский* — псевдоним Пяткина Евгения Осиповича (1885—1943), поэта, печатавшего юмористические стихи и пародии в Нов. сат., «Синем журнале» и др. изданиях. Его пародии собраны в книге «Мое копыто» (СПб., 1910; 2-е изд. — СПб., 1911). Фофанов Константин Михайлович — поэт, мастер пейзажной лирики. Поэты-символисты считали его своим предшественником. Его книги — «Стихотворения» (5 ч., 1896), сб. «Иллюзии» (1900) и др. Пародист иронически имитирует наивность и «непосредственность» стихов Фофанова.

С. Г. Ф Р У Г

(1862—1916)

Поэтическая задача. Впервые — Р, 1899, № 49, стр. 9. Подпись не раскрыта. Фруг Семен Григорьевич — поэт 1880—1900-х годов. Его ПСС в трех томах вышло в 1913 г. в Одессе. Пародируется лирика Фруга, отличающаяся некоторой рассудочностью. Фругу принадлежит стихотворение, поставленное в задаче справа: «Мысли свет и сердца жар. . .»

Д. М. Р А Т Г А У З

(1868—1937)

«Без четверти в семь я ее полюбил...» Впервые — СМ, 1907, № 18, 17 сентября. *Василевский* Лев Маркович (р. 1876) — журналист, сотрудник сатирических журналов «Зритель» (1905), «Серый волк» (1908), Сат. и др. Ратгауз Даниил Максимович — типичный представитель эпигонской поэзии конца XIX в. Умер в эмиграции. Многие из его стихотворений положены на музыку русскими композиторами, в том числе П. И. Чайковским. Большое число его стихотворений написано в форме писем женщин (чаще всего к покинувшему их любовнику); см. «Из писем женщин»

(Собрание стихотворений. СПб., М., 1900), «Из писем мечтающих», «Письмо», «Из одного письма» и др. (ПССт. СПб.—М., 6. г., тт. 2 и 3).

Б. Д. БАЛЬМОНТ

(1867—1943)

XVI. «Мое призвание». Впервые — Р, 1900, № 3, стр. 10. Одна из первых пародий на поэта-символиста Константина Дмитриевича Бальмонта. Пародируются стихи Бальмонта в журнале «Жизнь» за 1899 г., № 11. *Шебуев* Николай Георгиевич (1874—1937) — писатель-сатирик. Литературную деятельность начал в Казани. Был сотрудником Б. Прославился изданием сатирического журнала «Пулемет» (с ноября 1905 г.) со знаменитым рисунком: царский манифест с опечатавшейся на нем кровавой рукой. Весь текст журнала принадлежал одному Шебуеву, единственным художником этого журнала был Иван Михайлович Грабовский (1878—1929). В годы реакции Шебуев скатывается в обывательщину и бульварщину. Издавал журнал «Весна», принципиально не плативший гонорара, а иногда даже взимавший деньги с авторов.

«Я испанец, я в болéro, шпагой мой украшен бок...» Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. Пародируется стихотворение Бальмонта «Как испанец ослепленный...» («Горящие здания». М., 1900). Датируется пародия приблизительно 1900 г.

Корреспонденция Бальмонта из Мексики. Впервые — в статье К. Чуковского «Последние годы Блока». — «Записки мечтателей» № 6, П., 1922, стр. 176 (не полностью). Печ. по изд.: Александр Блок. ПССт в двух томах, т. 2. Л., 1946, стр. 528—529. Бальмонт был в Мексике в 1905 г. (см. «Весы», 1905, № 4, стр. 5) и потом долго носился со своими мексиканскими впечатлениями. Известен сокращенный вариант этой пародии под тем же заглавием (А. Блок. Собр. соч., т. 4. Л., 1932, стр. 228—229).

«Я плавал по Нилу...» Впервые — СМ, 1907, № 2, 28 мая. *Измайлов* Александр Алексеевич (1873—1921) — литературный критик и беллетрист. Сын дьякона Смоленской кладбищенской церкви в Петербурге. «Детство провел в тяжелых материальных условиях, лишившись отца по четвертому году и оставшись четвертым у матери. В раннем детстве и отрочестве вкусил самой настоящей нужды». (Автобиография. Рукописный отдел ПД. Архив Венгерова). Литературную деятельность начал в 1895 г. при поддержке А. К. Шеллер-Михайлова в журнале «Живописное обозрение». С 1898 г. писал еженедельные критические обозрения в БВ. Выпустил книги рассказов: «Черный ворон» (СПб., 1901), «Рыбье слово» (СПб., 1903), автобиографическую повесть «В бурсе» (СПб., 1903). Как критик выступал против «модернизма» с обывательских позиций (см. вступ. статью, стр. 81—85). Сборники пародий — «Кривое зеркало» (4 издания) и «Осиновый кол». П., 1915. Пародируется.

стихотворение Бальмонта «Испанский цветок» («Северные цветы на 1901 год». М., 1901).

«Всё равно мне, человек плох или хорош...» Впервые — «Руль», 1908, № 47, 5 марта. *Благов* Федор Федорович (род. 1883) — поэт-юморист. В 1908—1916 гг. — сотрудник Б. Писал стихотворные фельетоны и пародии для газет РУ, «Руль», «Столичное утро», «Наша мысль» и др. Автор одноактных комедий-шаржей: «Подходящая наружность (на роль Наполеона)», «Фантазеры (Охотничьи рассказы)» (обе в 1912 г.). После Октябрьской революции много писал для эстрады. Пародируется приведенное в эпиграфе стихотворение из книги Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903).

«Зовы древности» Бальмонта в кратком изложении. Впервые — РУ, 1908, № 248, 14 сентября. Пародируется «экзотизм» поэзии Бальмонта в его книге «Зовы древности. Гимны, песни, замыслы древних. Египет. Мексика. Майя. Перу. Халдея. Ассирия. Индия. Иран. Китай. Океания. Скандинавия. Эллада. Бретань. Костры мирового слова». СПб. <1908>. «Звукопись» Бальмонта, неумеренно пользовавшегося экзотическими словами, приобрела характер зауми, как например:

Змеестебли Кветцалякоатля,
Краски, павшие вниз с облаков.
Йянталя, йантанта, айяо.
Айяо, айяв, тилили. . .

«Бальмонт пахнет? — Это вздор...» Печ. по НП, стр. 11. Датируется приблизительно концом 1908 г. Пародия на стихотворение Бальмонта «Запах солнца? Что за вздор! . . .» в сб. «Горящие здания» (М., 1900). *Куприн* Александр Иванович (1870—1938) был автором и нескольких прозаических пародий (на И. А. Бунина, М. Горького, Скитальца и др.).

«Я буду ждать тебя мучительно...» Печ. по НП, стр. 8. Подпись *Иван Рукав-ов* является выпадом против поэта-символиста Ив. Рукавишников, а не указывает на него как на автора пародии, как это иногда ошибочно утверждалось. Датируется приблизительно концом 1908 г. *Титикака* — большое озеро в Андах.

В «Зоологии». Впервые — Б, 1913, № 20, стр. 5. Пародируется стихотворение из цикла «В белой стране» в книге Бальмонта «Хоровод времен» (М., 1909).

В. Я. БРЮСОВ

(1873—1924)

На себя. Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. Автопародия имеет в виду стихи Брюсова, посвященные древнему миру. Датируется приблизительно началом 1900-х гг.

Школа Брюсова. Впервые — СМ, 1908, № 36, 14 января. Сергей Горный — см. стр. 808. «Вена» — ресторан в Петербурге.

«Дрожи, бесславный Иловайский...» Впервые — СМ, 1908, № 38, 28 января. Пародируется нагромождение исторических имен у В. Брюсова в книге «Венок», СПб., 1906. Приведенные в эпиграфе строки были в «Венке» напечатаны впервые. Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк, автор труда «Разыскания о начале Руси» (1876), составитель казенных учебников русской истории для средней школы.

Осень. Впервые — Сат., 1914, № 3, стр. 8. В. Пяст — Владимир Алексеевич Пестовский (1866—1940), поэт-символист и переводчик. Пародируется стихотворение «Холод» («Золотое руно», 1906, № 11—12), вошедшее в книгу Брюсова «Пути и перепутья», т. 3 (М., 1909).

А. БЕЛЫЙ

(1880—1934)

«Вижу на западе вспышки я...» Впервые — «Руль», 1908, № 28, 12 февраля. Пародируется стихотворение «Гроза на закате» в книге Белого «Золото в лазури» (М., 1904), первоначально под заглавием «Гроза на западе» в альманахе «Гриф» (М., 1903), откуда и взят эпиграф.

«Час утра. Больница. Не спится. Скрипит половица...» Впервые — «Колосья». Литературный альманах, кн. 1. СПб., <1909>, стр. 159—160. Печ. по КЗ, изд. 4, СПб., 1914, стр. 46. Пародия на стихотворение «Утро» (цикл «Безумие») из книги А. Белого «Пепел» (СПб., 1909), которое приведено в эпиграфе полностью.

«Тили-тили-тили-бом...» Впервые — там же, стр. 157—158. Печ. по КЗ, изд. 4-е, СПб., 1914, стр. 44—45. А. А. Измайлов — см. стр. 810. Пародируется «Хулиганская песенка» в книге А. Белого «Пепел», которая приведена в эпиграфе полностью.

А. А. БЛОК

(1880—1921)

Жертва трамвая. Впервые — «Столичное утро», 1907, № 108, 7 октября. Пародируются мотивы и интонации Блока. Пародия приближается к комической стилизации, используемой для газетного фельетона.

«Луна в белом чепчике с узором...» Впервые — СМ, 1907, № 2, 28 мая. Печ. по КЗ, изд. 4-е, СПб., 1914, стр. 41—42. *Вскую шаташася, язцы?* — Почто блуждаете, народы? (выражение из Псалтыри).

«Ты слышишь признания, признания первые?..» Впервые — «Сегодня», 1907, № 278, 21 июля, «Из альбома автографов». С. Горный — см. стр. 808. Чулковская *соборность*. Высмеивается мистико-декадентское понятие «соборности» как некой сверхличной свободы, развитое Вяч. Ивановым во вступительной статье к книге Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме» (М., 1906).

<Шаги командора>. Впервые — «Новое время», 1912, № 13184, 23 ноября. По свидетельству К. И. Чуковского, Блок одобрительно отзывался об этой пародии: «У него <Буренина> была хорошая пародия на мои „Шаги командора“» (К. Чуковский. Последние годы Блока.— «Записки мечтателей» № 6, П., 1922, стр. 173).

И. А. БУНИН

(1870—1953)

<Три пародии> («Прочитан Бунин. Как тяжелый куль...», «Луны светло-зеленой острый вырез...», «Ассаргадон свершил свою судьбу...»). Печ. по книге: А. Амфитеатров. Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. СПб., 1912, стр. 208—209. Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938)— плодовитый писатель и фельетонист. В 1902 г. за фельетон «Господа Обмановы», в котором он высмеял царскую семью, был выслан в Минусинск. В 1905 г. уехал за границу, где издавал беспринципный буржуазно-либеральный журнал «Красное знамя» (1906—1910). Известен своими романами «Восьмидесятники», «Марья Лусьева», «Жар-цвет» и др. Собрание его сочинений в 38 томах вышло в 1911—1918 гг. В начале первой мировой войны вернулся в Россию, после Октябрьской революции эмигрировал. Время написания пародий не установлено. Пародируется эстетизм Бунина в стихах 1903—1907 гг., написанных во время путешествий на Восток, экзотические рифмы. Ср. у Бунина: Геллеспонт — горизонт («Гробница Сафии»), Геджас — угас («Зеленый стяг»), Номада — колоннада («Храм солнца») и др. Бедекер Карл (1801—1859)— составитель и издатель широко распространенных на многих языках путеводителей. Имя его стало нарицательным. *Бул-буль* (турецк.) — соловей. *Маразли* Григорий Григорьевич — одесский богач и филантроп; на его средства были построены городская публичная библиотека, лечебница, бактериологическая станция и другие учреждения. *Абдул-Гамид* — см. стр. 808. *Крамольные Салоники*. Имеется в виду греческий город и порт Салоники, находившийся под властью турок. *Аника-воин* — герой русских народных «духовных стихов», сражавшийся со смертью. *Ассаргадон* (ум. в 668 г. до н. э.) — ассирийский царь. *Кир*. Здесь имеется в виду персидский царь Кир старший (VI в. до н. э.), убитый царицей скифов-массагетов Томирисой.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

(1866—1919)

Полынь. Впервые — «Столичная молва», № 1, 1907, 12 марта, в статье: Леонид Галич. О декадентстве старом и новом. *Габрилович Леонид Евгеньевич* (1878—1953) — литературный и театральный критик. Умер в эмиграции. Иванов Вячеслав Иванович — поэт и теоретик символизма, филолог и историк античной культуры. С 1924 г. жил в Италии, где и умер. Пародируется пристрастие Вяч. Иванова к архаической лексике и увлечение античностью, что подчеркнуто и в пародийных примечаниях.

«Истомных сред моих яд чарый проливав...» Впервые — СМ, 1907, № 2, 28 мая. Печ. по КЗ, изд. 4-е, СПб., 1914, стр. 31—32. Пародируется стихотворение «Целящая» в книге Вяч. Иванова «Эрос» (СПб., 1907). *Среды* — литературные собрания писателей-символистов, происходившие по средам в доме Вяч. Иванова в середине 1900-х гг. *Китоврас* — персонаж из средневекового сказания «О Соломоне и Китоврасе». *Кюхельбекер* Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт, друг А. С. Пушкина. Широко пользовался церковнославянизмами.

«Эрота выпренних и стремных крыльях на...» Впервые — БВ, 1907, № 10055, 19 августа. Печ. по КЗ, изд. 4-е, СПб., 1914, стр. 30. Архаический, нарочито затрудненный синтаксис и лексика Вяч. Иванова сравниваются со стилем Третьяковского.

Косметика. Впервые — «Отдых», 1908, № 3, 30 марта. Подпись не раскрыта. Все библиографические указания в примечании носят пародийный характер.

Пол и потолок. Печ. по изд. — А. Измайлов. Осинный кол. П., 1915, стр. 41. Эпиграф взят из стихотворения «Спор» (Вяч. Иванов. *Сог ardens*, ч. 2. М., 1911).

З. Н. ГИППИУС

(1864—1945)

«Я знаю удовольствие смерти...» Впервые — «Вечерняя Москва», 1934, № 229, 4 октября. Датируется предположительно 1900 г.

Обои. Печ. по изд. — Бенедикт. На жизненном базаре. СПб., 1903, стр. 38. *Бенедикт* — Вентцель Николай Николаевич (1855—1920). Участник юмористического журнала «Словцо». Впоследствии — нововременец. Его пьеса «Лицедейство о г-не Иванове» была в репертуаре пародийного театра «Кривое зеркало». Пародируется стихотворение реакционной поэтессы-символистки Зинаиды Николаевны Гиппиус «Цветы ночи», вошедшее в ее книгу «Собрание стихов 1889—1903». М., 1904. Пародия пользовалась большим успехом

в 1900-х гг.; приведена в антологии «Русская муза», составленной П. Я. (Якубовичем-Мельшиным). Эпиграф взят из строфы, начинающейся строками:

Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги за мною следят,
Всё, что думаю, знают, слышат
И меня отравить хотят.

«Углем круги начерчу...» Впервые — БВ, 1907, № 10055, 19 августа. Пародируется стихотворение Гиппиус «Боль» («Весы», 1907, № 5), откуда и взят эпиграф.

Ф. СОЛОГУБ

(1863—1927)

«Пламенный круг» Ф. Сологуба. Впервые — РУ, 1908, № 264, 3 октября. Ф. Сологуб — псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова, поэта и романиста, в творчестве которого проявились наиболее реакционные стороны символизма (культ смерти, физической боли и пр.). Пародируются стихи Сологуба в одноименной книге (СПб., 1908) — «Последнее утешение», «Только в жилах торопится кровь...», «Любовью легкою играя...», из которых и приведены эпиграфы. «Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба (1902).

«Ради немца - распрохвоста...» Впервые — «Журнал журналов», 1915, № 1, стр. 9. С цензурными пропусками и искажениями вошло в книгу — Евгений Венский. В тылу. Сатиры. Юмор. Лирика. П., 1916, стр. 66—67 (с подзаголовком: «Из книги „Жарь, Кузьмич! Слопают!“»). Пародируются шовинистические стихи Сологуба, перешедшего во время войны в нововременский журнал «Лукоморье». Четвертая строфа взята из стихотворения Ф. Сологуба «Утешение Бельгии» (Ф. Сологуб. «Война», изд. журнала «Отечество». П., 1915, стр. 20). Издаваясь над «квасным патриотизмом» и шовинистическим угаром, охватившим русскую поэзию, Евг. Венский сам не удержался от него и выпустил книжку «О немцах, извините за выражение» (П., 1915).

«Не презирай общественных наук...» Впервые — Б, 1915, № 33, стр. 5. Подпись не раскрыта. Пародируется стихотворение «Хозяйственные заботы» (1915), вошедшее впоследствии в книгу Ф. Сологуба «Алый мак». М., 1917. Рикардо Дэвид (1772—1823) — английский экономист, создатель теории трудовой стоимости.

М. А. КУЗМИН

(1875—19.6)

Куранты любви. Впервые — БВ, 1907, № 10235, веч. вып., 4 декабря. Подпись не раскрыта. Кузмин Михаил Алексеевич — поэт и прозаик, критик и композитор. Один из теоретиков акмеизма.

В своих стихах стремился к смысловой ясности и живописной конкретности. В то же время прибегал к стилизации, имитируя поэзию и прозу XVIII в. Пародируется стилизация «галантной поэзии» XVIII в. в произведениях Кузмина. Отдельной книгой «Куранты любви» Кузмина вышли в 1910 г. (с нотами).

«О Евдокия, Евдокия...» Впервые — СМ, 1907, № 7, 4 июня. Л. М. Василевский — см. стр. 809. Пародируются стихи в пьесе Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» («Цветник „Ор“. Кошница первая». СПб., 1907).

Г. И. ЧУЛКОВ

(1879—1939)

«Я на качелях высоко летаю...» Впервые — «Руль», 1908, № 28, 12 февраля. Ф. Ф. Благов — см. стр. 811. Чулков Георгий Иванович — поэт, романист и литературовед. В молодости за участие в студенческих волнениях был выслан в Якутию. Написал книгу «О мистическом анархизме» (1906). Известность получила его драма «Тайга» (1907). Его сочинения в шести томах вышли в 1909—1912 гг. Книга воспоминаний — «Годы странствований» (М., 1930). Пародируется стихотворение «Качели» (вошло в изд. — Г. Чулков. Сочинения, т. 4. СПб., 1910), откуда и взят эпиграф.

П. С. РУКАВИШНИКОВ

(1877—1930)

«Сплю или проснулся? Ночи час, утра ли?..» Впервые — СМ, 1907, № 3, 4 июня. Рукавишников Иван Сергеевич — поэт и прозаик, эпигон символизма, автор романа «Проклятый род» (СПб., 1912), в котором показывает разложение старого купеческого рода. В последние годы жизни пытался воскресить напевный «скомо-роший стих» («Сказ о Степане Разине» и др.). Пародируется стихотворение «Нет» (Стихотворения, т. 4. СПб., 1906), полностью приведенное в эпиграфе.

«Я мужик иль баба? Еду иль иду я?..» Впервые — «Руль», 1908, № 28, 12 февраля. См. предыдущее примечание.

«У моей невесты Доры...» Печ. по МК, СПб., 1910, стр. 109. Пародируются стихи в шестой книге «Стихотворений» Ив. Рукавишникова (СПб., 1909):

... У моей невесты Доры
Золотые были волосы,
У моей невесты Доры
Гроб был белый...

Пирамида биллиарда в «Белграде». Печ. по МК, СПб., 1910, стр. 49. Пародируются «фигурные стихи» Ив. Рукавишников, которые он писал, в подражание средневековой схоластической поэзии, в виде чаши, ромба, креста, кубка и пр. (см. «Стихотворения», кн. 4. СПб., 1909). Юмористические журналы и бульварные газеты часто перепечатавали стихи Рукавишников как курьезы. Н. Шебуев в пародийной газете «Еженедельные комплименты» в РУ, 15 января 1909 г. пародирует фигурные стихи Рукавишников («Треугольник — акrostих»). «Белград» — ресторан в Петербурге, при котором была биллиардная. *Удельная* — станция под Петербургом, где находилась психиатрическая больница. *Гурлянд* Илья Яковлевич — реакционный журналист, с 1907 г. — редактор официальной газеты «Россия». *Фердинанд*. Имеется в виду Поприщин — герой «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

Бокал из «Вены». Печ. по МК, СПб., 1910, стр. 50. «*Давидка*» — ресторан в Петербурге.

Кочерга. Печ. по МК, СПб., 1910, стр. 50.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

(род. 1884)

«Тучи в кучу взбаламучу...» Впервые — СМ, 1907, № 3, 4 июня. Печ. по КЗ, 4-е изд. СПб., 1914, стр. 33—34. Городецкий Сергей Митрофанович — поэт. В молодости был близок к символистам. Увлекался славянской мифологией. Пародируется стихотворение Городецкого «Я под солнцем беспечальным...» из его книги «Ярь» (СПб., 1907), откуда и взят эпиграф.

«Всё сменилось, всё упало...» Впервые — «Руль», 1908, № 22, 5 февраля. *Ф. Ф. Благов* — см. стр. 811. Пародия на стихотворение «Млечный Путь» в книге «Ярь» (приведено в эпиграфе полностью).

«Недовольный миром бранным...» Впервые — «Колосья», литературный альманах, кн. 1. СПб., <1909>, стр. 153—154. Пародия на стихи Городецкого в книге «Ярь». *Ярила*, *Удрас*, *Барыба* — псевдомифологические божества древней Руси. Ср. в книге «Ярь»:

Дубовый Ярила
На палке высокой
Над деревом стал,
Глазами сверкал.
Удрас и Барыба —
Две темные глыбы
Уселись рядом...

В. А. САДОВСКОЙ

(1881—1915)

«Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев...» Печ. по КЗ, изд. 4-е. СПб., 1914, стр. 48—49. Садовской Борис Александрович — поэт и беллетрист, критик, историк русской поэзии. Пародируются дворянские родовые воспоминания в стихотворении Садовского «Прадед» («Русская мысль», 1911, № 9).

С. М. СОЛОВЬЕВ

(1885—1911)

«О вы, властители всех наций и всех стран...» Впервые — Б, 1913, № 17, 23 апреля. Соловьев Сергей Михайлович — поэт-символист. Эпиграф взят из «Московской поэмы» С. Соловьева в его сборнике «Цветник царевны» (М., 1913). Пародируются интимно-бытовые ассоциации и пристрастие к топографической точности в стихах Соловьева. Ср. в том же сборнике в стихотворении «Письмо»:

Мечта летит, как мост Кузнецкий.
В высоких ботиках Качалов
Проходит у дверей Ралле...

В пародируемом стихотворении перечислены «вывески», возникающие перед глазами поэта по пути следования его по московским улицам — Кузнецкому мосту, а затем Мясницкой. В пародии — нагромождение названий различных фирм и магазинов: *Вольф* — книжный магазин фирмы М. О. Вольфа; «*Геодор*» — парикмахерская «Теодор и Мишель»; *Шанкс* — мануфактурный магазин; *Дациаро* — антикварный и художественный магазин; *Ралле* — парфюмерный магазин. *Л. Ф. Пло* — владелец технической конторы на Мясницкой, неподалеку от почтамта; *Эйнем* — шоколадная фабрика, имевшая несколько магазинов в Москве; *Аванцо* — магазин художественных изделий на Кузнецком мосту; *Фраже* — магазин металлических изделий; *Зейванг* — нотный магазин А. Ф. Зейванга; *Циммерман* — рояльный фабрикант; *Сиу* и *Яни* — шоколадные фабриканты и кондитеры; *Фаберже* — ювелир и гравер; *Select* — гостиница на Большой Лубянке; *Тихомиров* — известный булочник; *Брокер* — парфюмерная фабрика; *Бландов* — владелец многочисленных молочных в Москве; *Шустов* — ликерно-водочный фабрикант; *Дяюшка Михай* — Сергей Аполлонович Короткий, автор курьезной книжки в стихах «Путешествие за табаками на Восток» (П., 1915), писал рекламные стихи для табачных фирм.

А. С. РОСЛАВЛЕВ

(1883—1920)

Метла веков. Впервые — СМ, 1907, № 26, 12 ноября. *Л. М. Василевский* — см. стр. 809. Рославлев Александр Степанович — поэт петербургской богемы, эпигон символизма, подражавший

Брюсову, но решавший его темы («страшный город») крайне поверхностно. Пародируются анархо-символистские мотивы в стихах Рославлева. Ср. в стихотворении «Огонь» («В башне». СПб., 1906): «Разрушим всё во имя разрушенья...» и т. д.

«В башне». Впервые — «Серый волк», 1908, № 4, стр. 48. *С. Горный* — см. стр. 808. Пародируются мотивы одноименной книги стихов Рославлева. «*Квисисана*» — ресторан в Петербурге. *Апраксин ряд* — торговые ряды в Петербурге. Пилюли «*Ара*» — патентованное слабительное.

СКИТАЛЕЦ

(1869—1941)

«Мне вместо головы дала природа молот...» Впервые — БВ, утр. вып., 1907, № 10005, 19 августа. Скиталец — псевдоним Степана Гавриловича Петрова, поэта и прозаика демократического лагеря, участника горьковских сборников «Знание». Пародия на стихотворение «Кузнец» (1901), откуда и взят эпиграф. *Бей вдрызг!* Пародируются строки:

Лучше молот кузнеца
Подними в руке твоей
И в железные сердца
Бей!

«Я колокол! Я пламя! Я таран!...» Печ. по НП, стр. 42. Пародируется риторичность стихов Скитальца.

П. П. ПОТЕМКИН

(1886—1926)

«Писал, ста...» Печ. по МК, изд. 2-е, СПб., 1911, стр. 36. Потемкин Петр Петрович — поэт и шахматист, автор гротескных, нарочито неуклюжих стихов, вошедших в его книги «Смешная любовь» (СПб., 1908) и «Герань» (СПб., 1912). Эпиграф ложный (пародийный); пародируются стихи в книге «Смешная любовь»: «Ночью», состоящее из пяти строк:

Ночью серая улица...
Слепые дома...
Папироска моя не курится
Не знаю сама,
С кем мне сегодня амуриться?

и стихотворение «Дьявол». Строчки, заимствованные Потемкиным из городского фольклора:

Ты ль меня, я ли тебя иссушила,
Я ли тебя, ты ли меня извела?

«В Красков е...» Впервые — Б, 1915, № 30, стр. 3. Ф. Ф. Благов — см. стр. 811.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(1887—1943)

Интуитивные краски. Печ. по МК, изд. 2-е, СПб., 1911, стр. 72. Игорь Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарева (см. вступ. статью, стр. 85). Первые две строки — цитата из стихотворения И. Северянина «Хабанера» (сб. «Интуитивные краски». СПб., 1909).

Перевод Пушкина на язык эгофутуристов. Впервые — Сат., 1913, № 52, стр. 7. Подпись не раскрыта. В литературных кругах приписывалось Тэффи (псевдоним Надежды Александровны Бучинской (1876—1952), писательницы-юмористки).

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора (римск.)— богиня утренней зари (соответствует греч. Эос).

Адонис — финикийское божество растительности, перешедшее в греческие мифы. Возлюбленный Афродиты; погиб во время охоты на вепря; по милости Зевса ежегодно воскресает весной, а осенью возвращается в царство мертвых.

Аквилон (римск.)— бог северного ветра (соответствует греч. Борею).

Актеон (греч.)— юноша охотник, увидевший купающуюся Артемиду, которая, разгневавшись, превратила его в оленя, после чего он был растерзан собственными собаками.

Алфей (греч.) — речной бог, влюбившийся в нимфу Арегузу, которая, спасаясь от его преследований, превратилась в источник, но Алфей стал рекою и их воды слились.

Амброзия или Амвросия (греч.) — пища олимпийских богов, дающая бессмертие и вечную юность.

Амур (римск.)— см. Эрот.

Амфион (греч.)— сын Зевса и фиванской царевны Антиопы. Близнецы Амфион и Зет были брошены на произвол судьбы и воспитаны пастухами. Амфион пристрастился к искусству, пел и играл на лютне. Его имя стало употребляться для обозначения искусного певца.

Анубрис, правильно — Анубис (егип.) — сын Озириса, бог могил, помогавший Изиде бальзамировать тело Озириса. В греческой мифологии с ним был сопоставлен Гермес Психопомп, провожавший души умерших в Аид.

Аполлон или Феб (греч.) — сын Зевса и Латоны, брат Артемиды; бог поэзии и искусства, предводительствовал хором муз. Считался также богом солнечного света.

Артемиды или Артемис (греч.)— сестра Аполлона, владычица зверей (соответствует римской Диане).

Астрея (греч.)— богиня справедливости, олицетворение «золотого века».

Атлас или Атлант (греч.)— титан, державший на своих плечах небесный свод в наказание за участие в борьбе титанов против богов; брат Прометея.

Ахилл или Ахиллес (греч.) — герой Троянской войны. Сын царя Пелея и морской богини Фетиды. Мать окунула Ахилла в Стикс, от-

чего его тело стало неуязвимым, кроме пятки, за которую она его держала.

Бахус (римск.) — бог вина и веселья (соответствует греч. Дионису — Вакху).

Беллона (римск.) — богиня войны.

Борей (греч.) — бог северного ветра.

Вакх (греч.) — одно из имен Диониса.

Венера (римск.) — богиня любви и красоты (соответствует греч. Афродите).

Вулкан (римск.) — бог огня и кузнечного ремесла (соответствует греч. Гефесту).

Ганимед (греч.) — прекрасный юноша, виночерпий Зевса.

Гебея или *Геба* (греч.) — дочь Зевса и Геры, богиня юности.

Гектор (греч.) — герой Троянской войны, образ мужественного защитника родного города.

Геликон (греч.) — гора в Беотии, почитавшаяся обиталищем муз.

Геракл или *Иракл* — герой греческих народных преданий, совершивший многочисленные подвиги.

Геркулес (римск.) — латинская форма имени Геракла (см.).

Гиганты (греч.) — исполины, сыновья Геи (земли) и Урана (неба), восставшие против олимпийских богов, но побежденные ими после жестокой битвы.

Гидра (греч.) — многоголовое чудовище с телом змеи.

Гипербореи (греч.) — жители сказочной страны на крайнем севере.

Грации (римск.) — три богини, олицетворявшие женскую красоту (соответствуют греч. харитам).

Дафна (греч.) — нимфа; преследуемая влюбленным в нее Аполлоном, обратилась за помощью к богам, которые превратили ее в лавр (священное дерево Аполлона).

Диана (римск.) — богиня луны, а также охоты, покровительница диких зверей (соответствует греч. Артемиде).

Дий (греч.) — одно из наименований Зевса.

Дионис (греч.) — бог вина и веселья; сын Зевса и Семелы.

Евтерпа (греч.) — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии.

Елисейские поля или *Элисий* (греч.) — долина на крайнем западе земного круга, где обитали и вели счастливую жизнь герои, получившие бессмертие от богов.

Зевс (греч.) — верховный бог греков, управлявший громом и молнией («Громовержец»).

Зефир (греч.) — бог западного ветра; теплый, приятный ветер.

Зимцерла — псевдомифологическое божество древних славян. Появилось в результате не критических поисков остатков славянской

мифологии в XVIII в. Из книги Мавро Орбини «Мир славян», вышедшей на итальянском языке еще в 1601 г. и переведенной в 1722 г. на русский язык, где упоминается это божество, оно попало в составленную М. И. Поповым «Описание древнего славянского языческого баснословия» (1768) и в «Краткий мифологический лексикон» М. И. Чулкова (в журнале «И то и сѣ» в 1769 г.). В русской поэзии конца XVIII и начала XIX в. отождествлялось чаще всего с Флорой, а иногда с Авророй (в «Бове» А. Н. Радищева).

Изида или *Исида* (егип.) — богиня плодородия; сестра и жена Озириса. Изображалась в виде женщины с головой коровы.

Иохера Эфесская (греч.) — «сыплющая стрелы», эпитет Артемиды, главный храм которой находился в Эфесе.

Иппокрена (греч.) — ключ на вершине Геликона (в Беотии), забивший от удара копытом Пегаса и обладавший свойством вдохновлять поэтов.

Ирис или *Ирида* (греч.) — златокрылая девушка, олицетворение радуги, соединяющей небо с землей, посланница богов.

Камены (римск.) — нимфы, впоследствии отождествлялись с музами.

Кастальский ключ (греч.) — источник на Парнасе, посвященный Аполлону и музам.

Киприда (греч.) — одно из прозвищ Афродиты (от имени острова Кипр, где она пользовалась особым почитанием).

Климена (греч.) — одна из океанид (нимф). Имя, часто встречающееся в различных мифах (жена Прометея, мать Фаэтона и др.) и перешедшее как условное имя в поэтику классицизма.

Клио (греч.) — муза истории.

Клото или *Клото* (греч.) — одна из трех мойр (богинь человеческой судьбы), прядущая нить человеческой жизни.

Крон или *Кронос* (греч.) — один из титанов; сын Урана (неба) и Геи (земли); отец Зевса.

Купидон (римск.) — бог любви; сын и посланец Венеры (Афродиты), пускающий золотые стрелы, которые воспаляют чувство любви.

Лада (слав.) — в русской поэзии XVIII—XIX вв. псевдомифологическое божество древних славян; мать Леля.

Латона или *Лето* (греч.) — дочь титана Кэя; возлюбленная Зевса. Преследуемая ревностью Геры, укрылась на скалистом острове Делос, где родила Аполлона.

Лахеза, точнее *Лахесис* (греч.) — одна из трех мойр, богинь человеческой судьбы. Вплетает нить человеческой жизни в общий узор судьб, пока Атропа не оборвет ее.

Леда (греч.) — дочь царя Этолии; жена спартанского царя Тиндора. Зевс, плененный ее красотой, явился к ней в виде лебедя, когда она купалась.

Лель (слав.) — в русской поэзии XVIII—XIX вв. псевдомифологическое божество древних славян; приравнивалось к Купидону.

Лета (греч.) — река забвения, протекавшая в Аиде (царстве мертвых).

Марс (римск.)— бог войны (соответствует греч. Арею).

Медуза (греч.)— ужасное чудовище, одна из трех сестер — Горгон, голова которой обращала в камень всех на нее смотревших. Из сестер она одна была смертной (убита Персеом).

Миртил (греч.)— сын Гермеса, служивший возницей у царя Эномая. С помощью Миртила Пелоп одержал победу в беге на колеснице над Эномаем.

Мом (греч.)— сын Ночи; олицетворение злословия и насмешки.

Морфей (греч.)— бог сновидений.

Музы (греч.)— богини искусств и наук. (Муз насчитывалось девять — Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания и Каллиопа.)

Навзикая или *Навсикая* (греч.)— дочь царя феаков Алкиноя, принявшая потерпевшего кораблекрушение Одиссея.

Нарцисс или *Наркисс* (греч.)— прекрасный юноша, сын наяды Лириопы. Увидев в реке свое изображение, влюбился в него и умер от любви.

Нектар (греч.) — напиток богов, как и амброзия, дававший бессмертие и вечную юность.

Немезида или *Немесиды* (греч.)— богиня возмездия, каравшая не только за преступления, но и за нарушение установленного порядка вещей (например, за излишнее счастье).

Нептун (римск.)— бог морей; сын Крона-Сатурна (соответствует греч. Посейдону).

Нимфы (греч.)— низшие божества, олицетворявшие различные силы и явления природы; различались нимфы морских волн (океаниды), ручьев и источников (наяды), гор (ореады), деревьев (дриады) и т. д.

Нод или *Нот* (греч.)— бог южного ветра, брат Борей.

Озирис (егип.) — бог Нила, растительности и загробного мира. Убит своим братом Сетом, погребен Изидой, после чего воскрес. Культ Озириса — умирающего и воскресающего бога — характерен для всех земледельческих народов Востока.

Олимп (греч.) — священная гора в Северной Греции, местопребывание богов.

Омфалия или *Омфала* (греч.)— лидийская царица, которая всячески унижала отданного ей в рабство Геракла, заставляя его выполнять домашние женские работы (прясть и пр.).

Орфей (греч.)— мифический певец, укрощавший своей музыкой даже диких зверей.

Пантеон (греч.)— храм всех богов. Знаменитый храм под этим названием был сооружен в Риме во II в. н. э.

Парки (римск.)— богини судьбы (соответствуют греч. мойрам).

Парнас (греч.)— горный хребет, считавшийся местом обитания Аполлона и муз.

Пафа или *Пафия* (греч.)— одно из прозвищ Афродиты (Пафосская богиня).

Пегас (греч.)— крылатый конь, живший на Олимпе; символ поэтического вдохновения.

Пенелопа (греч.) — жена Одиссея. Во время его двадцатилетнего отсутствия множество знатных женихов добивались ее руки. Чтобы избавиться от их домогательств, она дала обещание избрать себе нового мужа после того как закончит ткать покрывало на гроб своего свекра, отца Одиссея, Лаэрта, но по ночам Пенелопа распускала все, что успевала наткать днем.

Пентезилея или *Пентесилея* (греч.) — царица амазонок.

Персей (греч.) — сын Зевса и аргосской царевны Данаи, убивший Горгону Медузу.

Перун (слав.) — бог грома и молнии.

Пиериды (греч.) — музы, покровительницы пения.

Пинд (греч.) — горный хребет, отделяющий Фессалию от Эпира; одно из мест, которым владел Аполлон. *Пиндский народ* — музы.

Пифия (греч.) — жрица-прорицательница священного оракула Аполлона в Дельфах.

Плутон (греч. и римск.) — бог подземного царства.

Полимния или *Полигимния* (греч.) — одна из девяти муз, муза гимнов.

Приам (греч.) — последний царь Трои.

Прометей (греч.) — титан. Из сострадания к людям похитил для них огонь с Олимпа.

Психа или *Психея* (греч.) — олицетворение человеческой души, обычно изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки.

Сатурн (римск.) — бог посевов; олицетворение времени; отождествлялся с Кроном; с именем его связано представление о «золотом веке» — веке вечного изобилия и счастья.

Семела (греч.) — дочь фиванского царя Кадма, возлюбленная Зевса, родившая ему Диониса. По коварному совету ревнивой Геры попросила у Зевса обещания явиться к ней во всем величии. Молнии Зевса испепелили смертную.

Стикс (греч.) — река в подземном царстве мертвых.

Тантал (греч.) — царь Аргоса; был осужден богами томиться вечной жаждой, стоя по горло в воде, и голодом, видя свисающие ветви с плодами, которых он не мог достать.

Тартар (греч.) — преисподняя, в которой находятся низверженные титаны (в отличие от Аида, где обитают тени).

Телемах или *Телемах* (греч.) — сын Одиссея и Пенелопы; после отъезда отца, принявшего участие в Троянской войне, был воспитан другом Одиссея Ментором.

Титаны (греч.) — дети Урана и Геи (неба и земли), предшествовавшие владычеству олимпийских богов.

Титон или *Тифон* (греч.) — сын троянского царя Лаомедонта. Зевс в угоду Эос дал ему вечную жизнь, но она не попросила вечной юности, и он вскоре превратился в иссохшего старика.

Фавн (римск.) — божество лесов и полей, покровитель стад и пастухов.

Фазтон (греч.) — сын Гелиоса (солнца) и океаниды Климены. Упросил отца дать ему на один день управлять солнечной колесницей, но не справился с конями, погиб сам и едва не сжег землю.

Феб (греч.) — см. Аполлон.

Филомела (греч.) — греческая царевна, превращенная богами в соловья.

Флора (римск.) — богиня цветов.

Фортуна (римск.) — богиня счастья, случая, удачи.

Фурии (римск.) — богини мщения (соответствуют греч. эриниям).

Хариты (греч.) — богини красоты, олицетворившие женскую прелесть, — Евфросина (радость), Талия (цвет) и Аглая (блеск).

Харон (греч.) — перевозчик через реку подземного царства (Ахеронт) душ умерших.

Химера (греч.) — чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона. В переносном смысле — несбыточная фантазия.

Хронос (греч.) — олицетворение времени.

Центавры или кентавры (греч.) — лесные демоны, полулошади-полулюди, отличавшиеся диким нравом и пристрастием к вину.

Цербер или Кербер (греч.) — трехглавый пес подземного царства (Аида), куда он впускал каждого, но никого не выпускал.

Цитерея или Кифера (греч.) — прозвище Афродиты.

Эак (греч.) — сын Зевса и нимфы Эгины; вместе с Посейдоном и Аполлоном воздвиг стены Трои; после смерти за свое благочестие был поставлен одним из трех судей в Аиде. Синоним справедливого судьи.

Эвмениды (греч.) — эриннии, богини мщения, преследующие клятвopеступление и убийства, лишая преступника рассудка и навлекая на него всяческие несчастья.

Эол (греч.) — владыка ветров. **Эолова арфа** — струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра.

Эрот или Эрос (греч.) — бог любви, посланник Афродиты; соответствует Амуру и Купидону у римлян.

Эхо (греч.) — нимфа. Влюбилась в Нарцисса и от тоски по нему так высохла, что от нее остался только голос, повторяющий произнесенные слова.

Юпитер (римск.) — верховный бог древнего Рима (соответствует греч. Зевсу).

Язон или Ясон (греч.) — герой сказаний об аргонавтах, отправившийся в Колхиду за золотым руном.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ПОНЯТИЙ

Абие — опять, тотчас, немедленно после чего-нибудь.

Авктор — автор.

Агора — площадь, иногда рынок, где происходили народные собрания (в древней Греции).

Адамант — алмаз.

Аз — я.

Акафист — церковная молитвенная песнь или молитвословие, обращенное к Христу, богородице или святым.

Альдебаран — звезда первой величины в созвездии Тельца.

Альмэ — танцовщица (в Египте и Индии).

Амбра — амбра, благовонное вещество.

Амфора — у древних греков сосуд для хранения вина, оливкового масла и т. п.

Анафема — проклятие, отлучение от церкви.

Архистратиг — в христианской мифологии начальник небесных сил (ангелов) в их борьбе с воинством сатаны.

Аспид — ядовитая змея.

Аще — если, когда.

Бард — певец-поэт у древних кельтов; вообще — поэт.

Бельведер — вышка на каком-либо здании.

Берилл — минерал, прозрачные разновидности которого образуют драгоценные камни (аквамарины, изумруды).

Благодей, благодעי — благодетель, благодетели.

Богатель — роскошь, достаток.

Бонмо (от франц. *bon mot*) — меткое, удачное словечко, острота.

Брегет — старинные часы с боем, показывавшие также числа месяца (по имени французского мастера конца XVIII — начала XIX в.).

Вежды — веки.

Вериги — железные оковы или цепи, носившиеся в целях самостязания некоторыми монахами и юродивыми.

Вертоград — сад.

Виссон — тонкая драгоценная ткань, из которой в древности изготовлялись одеяния царей и жрецов.

Ворожица — ворожея, гадалка, колдунья.

Герольдия — герольдия, учреждение, ведавшее делами о дворянских титулах и гербах.

Голомо — очень, много.

Горé — вверх, ввысь.

Гудок — народный смычковый инструмент, сохранившийся до конца XVIII в.

Дедирированный — посвященный кому-либо (о книге с посвящением).

Денница — утренняя заря, рассвет.

Десница — правая рука; рука.

Диксионер — словарь.

Днесь — теперь, сегодня.

Долгие (в выражении «на долгих») — путешествие на дальнейшее расстояние на одних и тех же (бессменных) лошадях.

Дольний — нижний, долинный; земной, человеческий.

Ектенья — молитвенное прошение, возглашаемое с амвона священником или дьяконом.

Епанча — старинный плащ.

Желна́ — черный дятел.

Жлуди — одна из карточных мастей, то же, что трефы.

Жупел — горящая смола или сера.

Забобоны — суеверия; враки, вздор.

Зане — так как, потому что.

Зерцало — треугольная призма с написанными на ее гранях указами Петра I; выставлялась в присутственных местах.

Изгага — изжога (иногда в значении — тошнота).

Илот — земледelec в древней Спарте, находившийся на положении раба. В русский язык вошло как обозначение бесправного, эксплуатируемого человека.

Ипостасный — обладающий ипостасью, неразрывным единством с чем-либо (от христианского понятия ипостаси — одного из трех лиц божественной троицы).

Канарейка — золотая монета (от названия птицы ярко-желтого цвета).

Каплан — капеллан, священник при домашней католической церкви.

Капуцин — монах нищенствующего католического ордена.

Кафизма — название каждого из двенадцати отделов, на которые разделена Псалтырь для чтения во время церковных служб.

Качуча — испанский танец, приобретший особенную популярность в середине XIX в. благодаря исполнению Тальони и Фанни Эльслер.

Кейф — блаженный отдых (обычно в послеобеденное время).

Кеньги — сапоги из оленьих шкур, шерстью наружу.

Кифара — струнный инструмент древних греков, родственник лире.

Кичка — старинный головной убор замужних женщин.

Колет — короткая куртка из лосиной кожи или белого сукна, надевавшаяся поверх мундира.

Копейный — караульщик, будочник, солдат, вооруженный копьем.

Крипта — род склепа.

Крок — грог, крепкий спиртной напиток.

Купина — куст. Неопалимая купина — упоминаемый в Библии чудесный куст, который ярко горел, но не сгорал.

Ланиты — щеки.

Лепо, лепый — красиво, красивый.

Лик — церковный хор.

Лилея — то же, что лилия (в поэтическом языке начала XIX в.).

Ловитва — ловля, охота.

Люди — старинное название буквы «л».

Мамон — утроба, желудок; грубые чувственные наслаждения.

Мандрил — обезьяна из семейства павианов.

Матлот — матросский танец, вошедший в моду в начале XIX в.

Меч-кладенец — в русской народной поэзии богатырский меч, обладавший чудесными свойствами.

Миро — благовонное масло, употреблявшееся при различных религиозных обрядах.

Монополька — казенная винная лавка.

Муся — мозаика.

Муэдзин — служитель при мечети, возглашающий часы, установленные для молитв и обрядов (намаза).

Мыслете — старинное название буквы «м». Переносно: о нетвердой походке пьяных («выписывает мыслете»).

Навь — умерший неестественной смертью (утопленник, удушенник и пр.), по суеверным представлениям, не находивший себе покоя и выходивший из могилы.

Нард — ароматическое вещество, добываемое из одноименной пахучей травы.

Нужа — нужда.

Одалиска — рабыня или прислужница в гареме. В художественной литературе нередко (ошибочно) — наложница в гареме.

Одноворец — служилый дворянин, владевший мелким земельным участком и фактически приравненный к свободным крестьянам.

Ошую — по левую сторону кого-либо или чего-либо.

Паки — опять.

Паникадило — подвесный светильник с большим числом свечей (обычно о церковных люстрах).

Перси — груди.

Перуны — молнии.

Петиметр — шеголь.

Пикет — название карточной игры.

Повытье — отделение в приказах и судах, ведавшее письменной частью.

Полба — крупа из одноименного злака, а также похлебка или каша из этой крупы.

Полимент — особый сорт глины, которой покрываются предметы перед золочением.

Понт — море.

Посхимить — возложить на кого-либо схиму (высшую монашескую степень), требующую выполнения особо строгого аскетического обета.

Притараканить — причалить, притащить.

Притоманный — настоящий, неподдельный, исконный.

Прокимен — стихи, произносимые с амвона и повторяемые на клиросе перед чтением «Апостола» или «Евангелия».

Просвирня — женщина, которая пекла просфоры (или просвирки), хлебцы, употребляемые при совершении богослужения (литургии).

Рамена — плечи.

Рахманный — хилый, вялый, нерасторопный, увальень.

Репетиция — пружина в старинных часах с боем, которые званивали время, после того как она была приведена в действие. Репетиционная стрелка засекала время.

Росхмель — состояние буйного опьянения.

Руда — кровь.

Салтык — склад, образец, лад, норв.

Сарынь — ватага, сборище (чаще всего применялось к бурлакам).

Сице — так, таким образом.

Скудельный — глиняный, также в значении: непрочный, глennyй.

Смурый — темный, бурый. Смурое сукно — некрашеное, домотканое сукно из темной шерсти.

Содетель — помощник, покровитель, соучастник.

Соколок — ямка между большим и указательным пальцами руки, куда насыпали нюхательный табак (отсюда выражение — «понюхать на соколок»).

Съезжий дом — полицейская часть, куда доставляли задержанных полицейей.

Тетрахорда — музыкальный инструмент древних греков (разновидность лиры), а также название звукоряда из четырех нот.

Тирсофор — носящий тирс (род жезла) на празднествах Диониса.

Толмач — переводчик.

Тропарь — песнопение в честь празднуемого события или воспоминания о святом.

Тулумбас — большой турецкий барабан с колотушкой.

Убо — итак, посему, следовательно.

Узетить — высмотреть, заприметить, зорко оглядеть что-либо.

Фанданго — старинный испанский танец в сопровождении кастаньет.

Фимиа — благовонное курение.

Форейтор — верховой на одной из передних лошадей при упряжке цугом.

Фуражировать — (в старой армии) выезжать на добычу или для заготовки овса и сена для лошадей.

Хаос — по библейским представлениям, начальное состояние мира.

Хожалый — рассыльный, служитель, который разносил бумаги.

Цевница — свирель, дудка.

Целовальник — присяжный сборщик, хранитель казенного имущества, чаще всего в значении: сиделец в казенном питейном доме.

Чело — лоб.

Чресла — поясница, бедра.

Чуфариться — важничать, чваниться, надуваться от спеси и гордости.

Шильник — мошенник, жулик, плут.

Эскулап — прозвание врачей и вообще медиков по имени греческого бога врачевания Асклепия (в латинской форме: Эскулапа).

Эфоры — правители в древней Спарте.

Ям — в старину почтовая станция, где обычно меняли лошадей.

УКАЗАТЕЛЬ ПАРОДИРУЕМЫХ АВТОРОВ¹

- Аблесимов А. А.— 112—114
Аксаков И. С.— 446
Анакреонов М.— см. Катенин П. А.
Апухтин А. Н.— 409, 573—574
Аркадин — см. Панаев В. И.
- Бальмонт К. Д.— 613—614, 621—627
Баратынский Е. А.— 314—315, 326 (Гамлетов), 349 (Гамлетов), 350 (Гамлетов)
Безмыслин — см. Пушкин А. С. и Языков Н. М.
Белый Андрей — 631—633
Бенедиктов В. Г.— 367—369, 371—373, 414—415, 429, 462—465, 466—467 (Владимир Бурнооков), 467—473
Берг Н. В.— 487
Бессмыслов — см. Пушкин А. С.
Блок А. А.— 615, 634—636
Брюсов В. Я.— 615, 628—630
Бунин И. А.— 616, 637—638
Бурнооков Вл.— см. Бенедиктов В. Г.
Буршев — см. Языков Н. М.
- Веневитинов Д. В.— 316—317
Воейков А. Ф.— 319—320 (Пуд Скучалкин)
Вяземский П. А.— 324 (Шолье-Андреев), 326—327 (Шолье-Андреев), 331—332 (Шолье-Андреев), 351 (Шолье-Андреев), 420—425, 434, 493—498
- Гамлетов — см. Баратынский Е. А.
Гиппиус З. Н.— 643—645
Городецкий С. М.— 614, 659—661

---

¹ В указатель включены все установленные пародируемые авторы, в том числе их пародийные псевдонимы и прозвища, данные им пародистами. Персонажи, в уста которых вложены пародии (если их имена не являются пародийными прозвищами), в указатель не включены (напр., Псевдонимов, Лиодор и др.). Объекты пародий, устанавливаемые предположительно, сопровождаются знаком вопроса. Пародирование отдельных строчек, выражений и метафор в указателе не учтено.

Греков Н. П.— 434
Григорьев А. А.— 486

Данилевский Г. П.— 392—393, 490
Дельвиг А. А.— 318—319 (Аполлон Зевесов), 320—321 (Санрим-Сан-резонов), 322—325 (А. Феокритов), 333—337 (А. Феокритов), 348—349 (А. Феокритов), 357—358

Демишиллеров Ф.— см. Пушкин А. С.

Державин Г. Р.— 115—120

Дмитриев И. И.— 303—305

Дядя Пахом — см. Можайский И. П.

Елагин И. П.— 107—108

Желтодомов Африкан — см. Пушкин А. С.

Жуковский В. А.— 150—153 (Фиалкин), 244—290, 396—397

Зарин Е. Ф.— 570

Зевесов Аполлон — см. Дельвиг А. А.

Иванов В. И.— 639—642

Измайлов А. Е.— 345—346 (А. Селедкин)

Карамзин Н. М.— 193—198

Картофелин — см. Шевырев С. П.

Катенин П. А.— 326 (М. Анакреонов), 396—397

Конфетин С. К.— см. Подолинский А. И.

Кошанский Н. Ф.— 199

Крестовский В. В.— 560—564

Кузмин М. А.— 651—652

Кукольник Н. В.— 363—367, 413—414, 447—455

Кусков П. А.— 565—568

Ломоносов М. В.— 97—104, 130—133

Майков А. Н.— 420—425, 428—429, 430, 517, 519—522

Мей Л. А.— 416, 533—534

Можайский И. П. (Дядя Пахом) — 434

Некрасов Н. А.— 411—412, 417, 535—542

Новый поэт — см. Панаев И. И.

Обезьянин — см. Пушкин А. С.

Огарев Н. П.— 474—476

Озеров В. А.— 203—243

Олин В. Н.— 170—172

Павлова К. К.— 387—388, 419, 477—480

Панаев В. И.— 160—162

Панаев И. И. (Новый поэт) — 491—492

Петров В. П.— 109—111, 126—127 (?)

Пищалин Фома — см. Пушкин А. С.

Плещеев А. И.— 432, 543

Подолинский А. И.— 329—331 (С. К. Конфетин)

- Полонский Я. П.— 392—393, 430, 528—532
Потемкин П. П.— 669—670
Пустоцветов И.— см. Пушкин А. С.
Пушкин А. С.— 306—310, 311—312 (Бессмыслов), 312—313, 320
(Фома Пищалин), 321 (Африкан Желтодомов), 325—326 (И. Пустоцветов), 328—329 (И. Пустоцветов), 332—333 (Обезьянин),
338—345 (Ф. Демишиллеров), 347—348 (Безмыслин)
- Ратгауз Д. М.— 620
Розенгейм М. П.— 422—424, 432—433, 435, 544—553
Рославлев А. С.— 665—666
Ростопчина Е. П.— 481—483
Рукавишников И. С.— 616, 655—658
- Садовойской Б. А.— 662—663
Северянин Игорь— 671—672
Селедкин А.— см. Измайлов А. Е.
Скиталец — 667—668
Скучалкин Пуд — см. Воейков А. Ф.
Случевский К. К.— 418—419, 554—559
Соловьев С. М.— 664
Сологуб Федор — 646—650
Стахович М. А.— 484—485
Страхов Н. Н.— 569
Сумароков А. П.— 105—106
- Тая В. Г.— 614—615
Татаринов П. П.— 422
Тимофеев А. В.— 414
Толстой А. К.— 571—572
Тредиаковский В. К.— 91—96
Тресотиниус — см. Тредиаковский В. К.
Тютчев Ф. И.— 431—432, 499—500
- Феокритов А.— см. Дельвиг А. А.
Фет А. А.— 404—405, 418, 420, 428, 431, 435, 437—438, 501—516
Фиалкин — см. Жуковский В. А.
Фофанов К. М.— 618
Фруг С. Г.— 619
- Хвостов Д. И.— 168—169, 291—302
Хвошинская Н. Д.— 488—489
Хомяков А. С.— 400—401 (Элейкин), 442—445
Чулков Г. И.— 612—613, 654
- Шаликов П. И.— 200—202
Шевырев С. П.— 440—441
Шолье-Андреев — см. Вяземский П. А.
- Щербина Н. Ф.— 416, 431, 523—527
- Элейкин — см. Хомяков А. С.
- Языков Н. М.— 347—348 (Безмыслин), 348 (Буршев), 456—461

УКАЗАТЕЛЬ ПАРОДИСТОВ¹

- Авель — см. Василевский Л. М.
Аксаков К. С. (К. Эврипидин) — 363—367
Аксаков С. Т. (Подражаев) — 158—160
Алмазов Б. Н. (Эраст Благодрагов) — 535—539
Альвич (псевд.) — 641—642
Аммосов А. Н. — 402—403
Амфитеатров А. В. — 637—638
- Барков И. С. — 94—95 (?), 96 (?)
Батюшков К. Н. — 244—251
Бахтурин К. А. — 286—290
Бенедикт — см. Вентцель Н. Н.
Благов Ф. Ф. (Фрицхен, Человек без., Человек-бес, Экс-Фрицхен) —
624—627, 631, 634, 646—648, 654, 656, 660, 664, 670
Благодрагов Эраст — см. Алмазов Б. Н.
Блок А. А. — 622—623
Брюсов В. Я. — 622, 628, 643
Булгарин Ф. В. — 318—321 (?)
Бурбонов Михаил — см. Минаев Д. Д.
Буренин В. П. (Опасный соперник г. Тургенева, Современный сатирик) — 438—439, 539—542, 571—572, 636
- Василевский Л. М. (Авель) — 620, 652, 665
Великопольский И. Е. — 316—317
Вельтман А. Ф. — 367—369, 456, 462—463
Венский Евгений — 618, 648—649, 656—658, 669—671
Вентцель Н. Н. (Бенедикт) — 643—644

---

¹ В указатель включены все авторы пародий и их псевдонимы. Указания на авторов, сделанные предположительно, сопровождаются знаком вопроса. Сокращенные подписи и инициалы, в случае наличия в тексте книги указания на полную фамилию автора, не приводятся. Раскрытые псевдонимы сопровождаются ссылкой на автора, после фамилии которого они даются в алфавитном порядке. Нераскрытые псевдонимы сопровождаются пометкой: псевд.

Вихрев Иван — см. Некрасов Н. А.
Воейков А. Ф. — 293
Волконский М. Н. (Анчар Манценилов) — 603—610
Вормс Н. А. — 514—515
Врс — в Д. — см. Федоров Б. М. (?)
Вяземский П. А. — 293—302 (?)

Габрилович Л. Е. (Леонид Галич) — 639—640
Галич Леонид — см. Габрилович Л. Е.
Г. Е. — 671—672
Гиацинтов В. Е. — 582—602
Гнут Н. Л. — см. Ломан Н. Л.
Горный Сергей — 613—616, 628—630, 635, 666
Горький М. — 617
Граф Бенгальский — см. Шебуев Н. Г.
Греч Н. И. — 170—172, 318—321 (?)
Грибоедов А. С. — 156—158

Дашков Д. В. — 293
Дельвиг А. А. — 199, 252—253
Деревяшкин Иван Иванов (псевд.) — 369—375
Дмитриев И. И. — 126—127, 139—140, 145—147, 200
Добролюбов Н. А. (Аполлон Капелькин, Конрад Лилиеншвагер) —
403—412, 444—445, 493—494, 517—520, 543—548, 557—558

Житель Васильевского острова — см. Цертелев Н. А.
Жуковский В. А. — 293
Жулев Г. Н. (Скорбный поэт) — 565—568
Жулевинов (псевд.) — 377—385

И. Г—ч — 651—652
Измайлов А. А. — 623—624, 632—635, 640—642, 644—645, 655, 659—
663, 667
Измайлов А. Е. — 251, 253—254

Каверин П. П. — 306
Кайсаров А. С. — 140—141, 193—198
Капелькин Аполлон — см. Добролюбов Н. А.
Катенин П. А. — 156—158
Киевский И. (псевд.) — 200—201
Князь Гелиотропов — см. Соловьев В. С.
Короленко В. Г. — 612—613
Крылов И. А. — 126—127, 291—292
Куприн А. И. — 626, 667—668
Курочкин В. С. — 495—498

Лилиеншвагер Конрад — см. Добролюбов Н. А.
Лилит (псевд.) — 649—650
Литературное домино — см. Минаев Д. Д.
Ломан Н. Л. (Н. Л. Гнут) — 419, 437, 499—500, 505—506, 533—534,
554—557, 560—563, 568—570
Ломоносов М. В. — 105
Людоедова Аграфена (псевд.) — 186—187

Манценилов Анчар — см. Волконский М. Н.
Марин С. Н. — 115—117, 130—133
Мельгунов Н. А. (Z...Z...) — 191—192
Минаев Д. Д. (Михайло Бурбонов, Михаил Бурбонов, Литературное домино, Обличительный поэт, Юнкер Звонкобрюхов) — 413—438, 472—473, 505—514, 520—522, 526—527, 530—533, 549—553, 558—559, 563—564, 573—574
Михайлов М. Л. — 390—394, 490

Нартов А. А. — 93
Нахимов А. Н. — 137—138, 147—149, 149—150 (?)
Неизвестный (псевд.) — 307—308
Некрасов Н. А. (Иван Вихрев, Н. Стукотнин, Новый поэт) — 376, 388—389, 457—461, 467, 477—479
Не... Рол... — 167
Н. М. — 173—184
Новизнин (псевд.) — 169—170
Новооткрытый поэт — см. Павлова К. К.
Новый поэт — см. Панаев И. И. и Некрасов Н. А. (в одном случае — стр. 477—479)

Обличительный поэт — см. Минаев Д. Д.
Омега Николаки — см. Щербина Н. Ф.
Опасный соперник г. Тургенева — см. Буренин В. П.
Остолопов Н. Ф. — 141—142 (?), 164—165 (?), 203—204 (?)

Павлова К. К. (Новооткрытый поэт) — 387—388
Панаев И. И. (Новый поэт) — 375—376, 385—387, 389—390, 399—400, 447—457, 463—468, 474—476, 479—485, 487—489, 501—503, 523—525, 528
Пермский М. — 121—122
Подражаев — см. Аксаков С. Т.
Полевой Н. А. (И. Пр...н) — 185, 189—191, 309, 311—312, 314—315, 322—351, 440—441
Попов М. И. — 122—123
Половский Н. Н. — 107—108 (?)
Пр...н И. — см. Н. А. Полевой
Проташинский В. А. — 254—278
Прутков Козьма — 395—398, 442—444, 446, 468—471, 504—505, 515—516, 524—525, 527, 529—530
Пушкин А. С. — 168—169, 252, 303—305 (?)
Пяст В. — 630

Ростопчина Е. П. — 400—402, 491—492
Рукав-ов Иван (псевд.) — 626—627

Семенов П. Н. — 117—120, 205—243
Скорбный поэт — см. Жулев Г. Н.
Сниткин А. П. (Амос Шишкин) — 503—504, 528—529
Современный сатирик — см. Буренин В. П.
Соловьев В. С. (Князь Гелиотропов) — 577—580, 611—612
Срезневский И. Е. — 153—155
Станкевич Н. В. (Z...Z...) — 191—192

Столыпин А. А.— 580—582
Страннолюбский Н. Н.— 506
Стукотнин Н.— см. Некрасов Н. А.
Сумароков А. П.— 91—104, 109—111
Сумароков П. П. (N. N.) — 128—130

Тростин Х. (псевд.) — 308—309
Тургенев А. И.— 293
Тургенев И. С.— 312—313 (?), 504

У. и А.— 162—163

Федоров Б. М.— 160 (?), 163—164 (?)
Фрицхен — см. Благов Ф. Ф.

Цертелев Н. А. (Житель Васильевского острова) — 165—167

Человек без. . . — см. Благов Ф. Ф.
Человек-бес — см. Благов Ф. Ф.

Ш.— 187—189
Шаховской А. А.— 138—139, 150—153
Шебуев Н. Г. (Граф Бенгальский) — 621
Шишкин Амос — см. Сниткин А. П.
Шишков А. С.— 142—144

Щербина Н. Ф. (Николаки Омега) — 386, 486

Эврипидин К.— см. Аксаков К. С.
Экс-Фрицхен — см. Благов Ф. Ф.
Эмин Ф. А.— 105—106

Юнкер Звонкобрюхов — см. Минаев Д. Д.

Языков Н. М.— 303—305
Яковлев П. Л.— 150

N.— 309—310
N. N.— см. Сумароков П. П.
Nicolo— 619

Z. . . Z. . . — см. Станкевич Н. В. и Мельгунов Н. А.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 192 и 193.* П. И. Шаликов. Карикатура неизвестного художника.
2. *Между стр. 288 и 289.* Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч. Карикатура Н. А. Степанова.
3. *Между стр. 304 и 305.* Д. И. Хвостов. Лубочная картинка. Гос. историч. музей в Москве.
4. *На обороте.* А. С. Пушкин и Д. И. Хвостов. Карикатура неизвестного художника.
5. *Между стр. 320 и 321.* Н. А. Полевой. Карикатура В. Ф. Тимма. «Листок для светских людей», 1844, № 9.
6. *На обороте.* Н. А. Полевой танцует вприсядку на обеде, данном А. Ф. Воейковым в день открытия его типографии (6 ноября 1837 г.). На первом плане (слева направо)— А. Ф. Воейков, Н. А. Полевой, Н. В. Кукольник и Е. Ф. Розен. Карикатура Н. А. Степанова из альбома Е. П. Гребенки («Русский библиофил», 1913, № 7).
7. *Между стр. 336 и 337.* П. А. Вяземский. Рис. А. С. Пушкина.
8. *Между стр. 400 и 401.* Козьма Прутков. Портрет Л. М. Жемчужникова, при участии А. Е. Бейдемана и Л. Ф. Лагорно.
9. *Между стр. 448 и 449.* Н. В. Кукольник. Скульптура Н. А. Степанова. Русский музей.
10. *Между стр. 464 и 465.* В. Г. Бенедиктов. Карикатура Н. А. Степанова. ПД.
11. *Стр. 519.* А. Н. Майков. Карикатура С. В. Максимова. «Искра», 1868, № 1.
12. *Между стр. 528 и 529.* Н. Ф. Щербина. «Искра», 1865, № 48.
13. *Между стр. 544 и 545.* М. П. Розенгейм. Карикатура Н. В. Ивлева. «Искра», 1865, № 7.
14. *Стр. 567.* П. А. Кусков. «Заноза», 1863, № 18.
15. *Между стр. 640 и 641.* Вяч. Иванов. Шарж Добужинского. Русский музей.
16. *На обороте.* Игорь Северянин. Шарж Ре-ми. «Новый сатирикон», 1916, № 6.
17. *Стр. 653.* М. А. Кузмин. Шарж Ре-ми. «Сатирикон», 1908, № 5.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русская стихотворная пародия. <i>Вступительная статья</i> А. А. Морозова	5
---	---

I

В. Б. ТРЕДНАКОВСКИЙ

Тресотиниус (Комедия). Явление 3	91	679
Вывеска	93	680
Сонет, нарочно сочиненный дурным складом для показа- ния, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении всё то сочинителю никакого плода, кроме по- смешства, не принесет	94	680
Сатира на Самохвала	94	680
Песня («О приятное приятство...»)	95	680
Надгробная надпись	96	680

М. В. ЛОМОНОСОВ

Дифирамв	97	681
Ода вздорная I («Превыше звезд, луны и солнца...»)	98	681
Ода вздорная II («Гром, молнии и вечны льдины...»)	100	682
Ода вздорная III («Среди зимы, в часы мороза...»)	101	682
Обезьяна-стихотворец	103	683

А. П. СУМАРОКОВ

«Женился Блез, старик без мочи...»	105	683
Элегия («Пришел желанный час! Прошло уж время злоел...»)	105	683

И. П. ЕЛАГИН

Возражение, или Превращенный петиметр	107	684
---	-----	-----

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

В. П. ПЕТРОВ

Дифирамв Пегасу	109	685
---------------------------	-----	-----

А. А. АБЛЕСИМОВ

Ода похвальная автору «Мельника», соч<иненная> в Туле 1781 года	112	686
--	-----	-----

Г. Р. ДЕРЖАВИН

«Каша золотая...»	115	687
На рождение молодого грека	115	687
«О ты, пространством необширный...»	117	688

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Элегия («Когда не тронул я, терзаясь...»)	121	689
Элегия («Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне...»)	122	689
Ода («Хочу к бессмертью приютиться...»)	123	689
«Сколько пчел ни налетает...»	126	690
«В полночь ночи мрак восстал...»	126	690
Гимн восторгу	126	690
Песня Рифмохвата	127	691
Ода в громко-нежно-нелепо-новом вкусе	128	691
Пародия на оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова	130	691

II**ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ**

Ода («Умолкни всё! — внимай, вселенна!...»)	137	694
Новый Стерн. Комедия в одном действии. Явление 4	138	694
Песня («Я москью быть желаю...»)	139	694
Ответ Фекле на ее любовь	140	695
Открытие в любви духовного человека	141	695
Морская песня, в которой мореплаватель изъясняет любов- ную страсть свою морским языком	142	695
Изъяснение в любви одного приказного	144	695
План трагедии с хорами	145	696
Песнь луже	147	696
Элегия на потерю рожка	149	696
<Песенка Эраста Чертополохова> («Всё служит кра- соте...»)	150	696
Урок кокеткам, или Липецкие воды. Действие второе, яв- ление шестое	150	697
Рыцарь	153	697
Студент. Комедия в трех действиях. Действие третье. Яв- ление 10	156	697
Элегия в новом вкусе	158	698
Правила нынешних молодых поэтов	160	698
Элегия («Напрасно изливал я миро пред богами...»)	160	698
Увы и ах. Прозаическая галиматья	162	698

Союз поэтов	163	698
К баловню-поэту	164	700
Немногое для многих:		
1. Непостоянство	165	700
2. Знакомый незнакомец	166	700
3. Кладбище	166	700
4. Страница	166	700
5. Тайна	166	700
К ново-школьным пиитам	167	700
Ода его сият<ельству> гр<афу> Дм. Ив. Хвостову	168	700
Вдохновенность ночи	169	701
Калейдостихон. Отрывчатые стихи	170	701
Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки Классицизма	173	702
Эпиграмма («Шалун, Гораций наших лет...»)	185	703
Наставление стихотворцу, которому поручено было написать надгробную для некоторой особы	185	704
Девушка-гастрономка. Романс	186	704
Баллада («Замок Альфа чудесами...»)	187	704
Хлое <Мадригал поэта Мыслинского>	189	704
<Монолог из трагедии Мыслинского «Артаксеркс»>	189	704
Ода на свирепствовавшую в Москве болезнь, Холеру	190	704
Эпиграмма («Корчи харю философа...»)	190	704
Воспоминания («Безумства юного бескрылые желанья...»)	190	704
Калмыцкий пленник. Отрывок из романтической поэмы	191	705

Н. М. КАРАМЗИН

Описание бракосочетания г-на К<арамзина>	193	705
--	-----	-----

Н. Ф. БОШАНСКИЙ

На смерть кучера Агафона	199	706
------------------------------------	-----	-----

П. И. ШАЛИКОВ

Эпитафия («Любовь любовью пленилась...»)	200	707
Шарада	200	708
<Песенка Эраста Чертополохова> («Клюйте, галки!...»)	201	708

В. А. ОЗЕРОВ

Прелеста	203	708
Митюха Валдайский. Зрелище в трех действиях	205	709

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Певец в Беседе славянороссов. Эпико-лиро-комико-эпородический гимн	244	710
Еще пародия	251	714
«Послушай, дедушка, мне каждый раз...»	252	714
«До рассвета поднявшись, извозчика взял...»	252	715

Русская баллада	253	716
Двенадцать спящих бутошников. Поучительная баллада. Сочинение Елистрата Фитюлькина	254	717
Волшебная гитара. Пародия «Эоловой арфы» В. А. Жу- ковского	279	719
Барон Брамбеус. Баллада	286	719

Д. И. ХВОСТОВ

<Б а с н и>:

1. Паук и гром	291	721
2. Осел и заяц	291	721
3. Комар и волк	292	721

«Се росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он...»	293	721
---	-----	-----

П р и т ч и:

Посвящение при следующих притчах	294	722
1. Собака	295	722
2. Мышь	295	722
3. Осел	296	722
4. Танцовщик	297	722
5. Обжорство	297	722
6. Дождь	298	722
7. Охотник и плотник	298	722
8. Лисица, волк и медведь	300	722
9. Просвирия и шорник	300	722
10. Кончина коровы	301	722

И. И. ДМИТРИЕВ

Н р а в о у ч и т е л ь н ы е ч е т в е р о с т и ш и я:

1. Равновесие	303	722
2. Удел гения	303	722
3. Верное предсказание	303	722
4. Справедливость пословицы	303	722
5. Мстительность	304	722
6. Непокколебимость	304	722
7. Сила и слабость	304	722
8. Лебедь и гусь	304	722
9. Мартышка	304	722
10. Общая судьба	304	722
11. Безвредная ссора	305	722
12. Закон природы	305	722

А. С. ПУШКИН

«Не за Людмилю Руслан...»	306	724
Отрывок из поэмы «Иван Алексеевич, или Новый Евгений Онегин»	307	724
Annus secundus (Отрывок)	308	724
«Вот сердца горестных замет...»	309	724
«Гляжу я безмолвно на белый султан...»	309	724
Поэт («Самовластительный губитель...»)	311	724
Кнут	312	725

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

К весне 314 725

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Три рожи 316 725

ПАРОДИЙНЫЕ АЛЬМАНАХИ

Альдебаран:

1. Чудо в пещере (Древняя греческая идиллия) . . . 318 727
2. Изобретение стекла 319 727
3. Признание 320 728
4. Песня («Стелется густой туман...») . . . 320 728
5. К моей мечте 321 728

Поэтическая чепуха, или Отрывки из нового альманаха «Литературное зеркало»:

От издателей 322 729

Русская песня («Ох вы, кудри, кудри черные!..») . . 323 729

Эпиграмма («Поэт Оргон вдруг выдумкой задорной...») 324 729

Сходство (Двустипшие в древнем вкусе) 324 730

Судьба человека 325 730

Отрывок из поэмы «Курбский» (Песнь III) 325 730

Гроб юноши 326 730

Эпиграмма («Зачем мою хорошенькую Музу...») . . 326 730

В альбом княг<ине> Ф. Ф. Б. Г. Д. 326 731

Апологи 328 731

Разуверение (Элегия) 328 731

Отрывок из поэмы («...Нет, нет! Под небом Хоразана...») 329 731

Иголки 331 732

Эпиграмма («На ниве, бедной и бесплодной...») . . . 332 732

Зимний вечер 333 732

Сцены из трагедии «Стенька Разин» 338 732

Паюсная икра. Басня 345 733

А. Т. X — ву 347 733

Забубенная жизнь 348 733

Русская песня («По улице, по улице...») 348 734

<Эпиграмма> («Когда тебя свистком своим лихим...») . 349 734

Стихотворный пустоцвет, или Попурри, составленное из рифм и бессмыслицы:

Эпиграмма («Пришел поэт и пущен на Парнас...») . . 350 734

В альбом А. Б. В. 350 734

В альбом Б. П. Г. Д. X — вой 351 735

В альбом К. Д. Е. Ж. 351 734

Чертополох. Карманная книжица для любителей и любительниц галиматши, на XIX столетие:

Вот терпение 352 735

Соловей 354 735

Мечты 354 735

Роза 355 735

К Даше 356 735

Литературный репейник. Брошюрка, изданная на 1834 год:

1. Русская песня («Как тужила, горевала долго я...»)	357	735
2. Жалоба	358	735
3. Романс («Нет! не должно радостно...»)	358	735

III

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Олег под Константинополем. Отрывок из большой неоконченной трагедии	363	736
<Из стихотворений И. Ордынина>:		
1. «На холме, миртами венчанном...»	367	737
2. Кастальский ключ	368	737
3. «Эпизод»	368	738
<Стихи Ивана Деревяшкина>:		
К ней	369	738
Жалоба	370	738
К луне	370	738
Разочарование («В пустыне сумрачной и дикой...»)	371	738
Поэт («Гремящей песни слышен глас...»)	372	738
Мечта	373	738
К деве	373	738
Тоска	374	738
«Олег сидел, раздумья полный...»	375	738
<Стихотворение Николаши Гребешкова> («Когда ты розовой ручонкой...»)	375	739
«Ты не прельстишь меня словами...»	376	739
Колыбель человечества	376	739
Торжество супружеской верности, или Мексиканцы в Лапландии. Оперное либретто, составленное по новейшим образцам и в самом модном вкусе	377	740
Requiem	385	740
Современная поэзия. Пародия	386	740
Летняя ночь	386	740
Везде и всегда	387	740
Мсть горца <Стихи Леонарда Лукича Хлыщева>	388	742
«Хотя уж догорает день...»	389	742
Серенада («Уж ночь, Акулина!..»)	389	742
<Стихотворения Лиодора>:		
1. «Опять налетают роями...»	390	742
2. «Месяц в тумане вставал...»	391	742
3. «О мой призрак далекий...»	391	742
4. «Был темен путь мой, бесприютен, глух...»	392	743
5. «Сердцу трудно, оку больно...»	393	743
6. «Мой нежный друг, мой чистый гений!..»	393	742
7. «Друг мой! мне довольно полуслова...»	393	742
8. «Я видел во сне человека...»	394	743
Желание быть испанцем	395	743
Осада Памбы. (Романсеро. С испанского)	396	743

Путник. Баллада	398	744
«Было то давно, давно...»	399	744
«Как луна, ты томна и прекрасна...»	399	744
<Стихотворение Элейкина> («Вставайте... собирайтесь, народы...»)	400	744
Идея <Стихотворение Цурмайера>	402	746
Серенада («Город спит в дали туманной...»)	402	746
Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию:		
Первая любовь	404	747
Родина великая	405	747
Куда деваться?	406	746
Причина мерцания звезд	408	746
Существенность и поэзия	409	747
Общественный деятель	410	747
Рыцарь без страха и упрека (Современная элегия)	411	747
<Стихотворения Псевдонимова>:		
Буря на море	413	748
Монолог художника в драме «Джулиано Бертини, или Терновый венок гения»	413	748
Разрушение мира (Стихотворение, которое найдено неконченным)	414	749
Бал	415	749
Еврейская мелодия («Я приду к тебе с цевницею...»)	416	749
Чувство грека	416	750
«Раз проселочной дорогою...»	417	750
Две тени	418	750
Весенняя песня	418	748
«Подбоченясь ходит месяц...»	418	750
«Он не любил еще. В надежде благодати...»	419	751
К солнцу. (Эротическое стихотворение)	420	751
Литературные ополченцы (Опыт эпической поэмы)	420	751
«Кто сия? Она склонилась...»	425	753
Жизнь сквозь разные очки. Параллели.		
Мотивы русских поэтов:		
1. Мотив мрачно-обличительный	426	753
2. Мотив слезно-гражданский	427	753
3. Мотив ясно-лирический	428	753
4. Юбилейный мотив	428	753
5. Мотив бешено-московский	429	753
Альбом светской дамы, составленный из произведений русских поэтов:		
«Вдали сверкают Апеннины...» (А. Майков)	430	754
«Мы встретились с вами на бале...» (Я. Полонский)	430	754
«Давно ли, безумный и праздный...» (А. Фет)	431	754
«Итальянских певцов-теноров...» (Н. Щербина)	431	754
«Поздним летом, ночью тихой...» (Ф. Тютчев)	431	754
Из Саути (А. Плещеев)	432	754
«Хотелось мне для вашего альбома...» (А. Плещеев)	432	754
Из Беранже (М. Розенгейм)	432	755
По случаю поступления в дом гувернантки из англичанок (М. Розенгейм)	433	755
Из Гейне (В. Греков)	433	755

«Я не рожден в альбомы дам...» (Дядя Пахом) . . .	434	755
«На чужбине каждый жаден...» (Кн. Вяземский) . . .	434	755
Дуэт Фета и Розенгейма (Бессознательное ликование и бессознательное хуление)	435	756
<Русский Гейне>:		
1. «Отчего ты чахнешь, роза...»	436	756
2. «Разуваясь, ходят в небе...»	436	756
Стихотворения в гейневском духе	437	756
Интермеццо (Из Гейне):		
«Я из слез моих... но, впрочем...»	437	757
«Ланитой к ланите моей приложись...»	438	757
«У ящичка с деньгами ночью в ломбарде...»	438	757
Под веткой сирени (Бесконечное стихотворение)	439	757

С. П. ШЕВЫРЕВ

Рим	440	757
---------------	-----	-----

А. С. ХОШЯКОВ

В альбом красивой чужестранке	442	758
Желанье поэта	442	758
Мой сон	443	759
Неаполю (По поводу некоторых манифестаций в Сицилии).	444	759

И. С. АКСАКОВ

Родное (Из письма московскому приятелю)	446	759
---	-----	-----

Н. В. БУКОЛЬНИК

Стихотворение, заимствованное из Шиллера и Геге	447	760
К*** («Почтительно люблюю тобою...»)	447	760
Два отрывка из драматической грёзы «Доменикино Фети, или Непризнанный гений»	448	761

Н. М. ЯЗЫКОВ

Ожидание	456	762
К друзьям	456	763
Послание к соседу	457	763
Послание к другу из-за границы	458	764

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

Наполеон («Кто он? Гигант и Атлас новый...»)	462	765
К чудной деве	463	766
Наполеон («Фосфорным светом вдохновений...»)	463	766
К азиатке	465	767
Ревность	466	767
«Те кудри черные... когда б отрезать их...»	467	768
Могила	467	768
Поездка в Кронштадт	468	768

Возвращение из Кронштадта	470	769
Шея (Моему сослуживцу г-ну Бенедиктову)	471	769
В альбом русской барыне	472	769
«Мысль мне, мысль! Владея словом...»	472	770

Н. П. ОГАРЕВ

Воспоминание («Свеча едва мерцает в кабинете...»)	474	770
Мыслитель и женщина	475	770
«В безумных оргиях уходит жизнь, как сон...»	475	771

К. К. ПАВЛОВА

Мое разочарование. Поэма	477	771
Поэт («В пределах дальней высоты...»)	479	772

Е. П. РОСТОПЧИНА

«Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...»	481	773
«Он бледен был. Она была бледна...»	482	773
Было	482	773
Весеннее чувство	483	774

М. А. СТАХОВИЧ

Сельская тишина	484	774
---------------------------	-----	-----

А. А. ГРИГОРЬЕВ

Roma l'antica (Отрывок из «Одиссеи последнего сумасброда»)	486	775
--	-----	-----

Н. В. БЕРГ

К Фанни	487	776
-------------------	-----	-----

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

«Друг неизменный...»	488	777
--------------------------------	-----	-----

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

<Из поэмы «Досужество мужчины»>	490	778
---	-----	-----

НОВЫЙ ПОЭТ

Песня по поводу переписки ученого мужа с не менее ученой женой	491	779
--	-----	-----

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Плач и утешение. (По поводу некоторых дипломатических советов неаполитанскому правительству)	493	779
В гостях и дома	495	780

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Перед Милютинными лавками	499	782
Утешение	499	782

А. А. ФЕТ

«Ты мне всё шепчешь: «Постой!..»	501	782
Nocturno	501	782
На дороге	502	782
Подражание XIV идиллии Биона	503	783
Воспоминание («Когда в ночной тиши я вспоминаю вдруг о ней...»)	503	783
В Павловске	504	783
«Я долго стоял неподвижно...»	504	784
Осень. С персидского, из Ибн-Фета	504	784
Серенада («Воздух майский негой тает...»)	505	784
«Шептали листья, „звезды рдели“...»	505	784
Старый мотив	506	784
В антологическом роде	506	784
«Топот, радостное ржанье...»	507	785
«Пусть травы на воде русалки колыхают...»	507	785
Лирические песни с гражданским отливом:		
1. «— Сядем здесь, под этим кленом!..»	508	785
2. «Когда наплыв противных мне идей...»	508	785
3. «Лежу я на скошенном сене...»	509	785
4. «Холод, грязные селенья...»	510	786
5. «Солнце спряталось в тумане...»	510	786
6. На ниве	511	785
Авдотье Кукшиной	511	786
<Лирические песни без гражданского отлива>:		
1. «Ты предо мною сидишь...»	512	787
2. «Я — на диване сидел...»	512	786
3. «Что это: ночь или день?..»	512	787
4. «Тихая звездная ночь...»	513	787
5. «На дворе мычит корова...»	513	786
«Гоняйся за словом тут каждым!..»	514	787
«Чудная картина!..»	514	787
Весенние мелодии (Подражание Фету):		
1. «Звуки музыки и трели...»	514	787
2. «Всё весною дышит...»	515	787
Блестки во тьме	515	787

А. Н. МАЙБОВ

«Жизнь мировую понять я старался...»	517	787
Лето	518	788
Братьям-воинам (После апрельских происшествий в Си- цилии)	520	788
Двустушия	520	789
Виденье	521	789

Н. Ф. ЩЕРБИНА

Греческое стихотворение («Я лежал на Марафонских полях...»)	523	789
Письмо из Коринфа. Греческое стихотворение	524	790
Пластический грек	525	790
К Дню	525	790
Просьба художника	526	790
Смертному	526	791
Философ в бане. С древнего греческого	527	791

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

Она	528	791
Солнечный свет	528	792
Разочарование («Поле. Ров. На небе солнце...»)	529	792
Отрывок из романа, который никогда не напечатается	530	792
«Поэт понимает, как плачут цветы...»	531	792
На взморье	532	792

Л. А. МЕЙ

Еврейско-русская мелодия («Приходи, моя желанная!...»)	533	792
(Г. Пр. Преображенскому)	533	793
Г-ну Люба	534	793

Н. А. НЕБРАСОВ

«Если кроткий, как вол, в трезвом виде...»	535	794
Кофей	536	794
Пропойца	537	794
На Невском (Фельетон 89)	539	794

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

«Учились, бедные, вы в жалком пансионе...»	543	794
--	-----	-----

М. П. РОЗЕНГЕЙМ

Пора!	544	795
Pia desideria	545	795
В альбом поборнику взяток	545	796
Моему ближнему (Обличительное стихотворение)	546	796
Уличенный мздоимец	547	796
Литературные попытки Михайлы Бурбонова:		
1. «На реке, если б были деньжонки...»	549	797
2. Признание в любви	549	797
Последний дуэт	550	797
Вильяму Шекспиру от Михайлы Бурбонова	551	797
«Жизнь наша вроде плац-парада...»	552	798
Нашим пессимистам	553	798

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

На кладбище	554	798
«Рассвело. Глаза открыты...»	555	798
Коварство и любовь	555	799
Мои желания	557	799
Звезды и Случевский	558	799

В. В. КРЕСТОВСКИЙ

«Вот и жду не дождусь, чтобы глянула ночь...»	560	799
«Ах, взгляните: закрывает тучкой <i>боязливо</i> ...»	560	800
«Появилась головка в окне...»	561	800
Résumé весенних стихотворений г. Крестовского	562	800
«В самом деле, шли бы вы на взморье...»	562	801
«Я лежал в камышах на спине...»	563	801

П. А. БУСКОВ

Вариации на старые мотивы:		
Возвращение	565	801
Предостережение	566	802
Сон	566	802
«Жарко, душно на перине...»	568	802

Н. Н. СТРАХОВ

«Душа моя будто в застое...»	569	802
--	-----	-----

Е. Ф. ЗАРИН

«Во всю ночь надо мною тень милая...»	570	803
---	-----	-----

А. Е. ТОЛСТОЙ

Баллада с полицейской тенденцией (Стихотворение генерала Алексея Толстого)	571	803
--	-----	-----

А. Н. АНУХТИН

«Посреди журнальных погрешек...»	573	804
--	-----	-----

IV

ЖАНРОВЫЕ И СТИЛЕВЫЕ ПАРОДИИ

Таинственный пономарь. Баллада	577	804
Осенняя прогулка рыцаря Ральфа. Полубаллада	579	804
Поэт и грачи (Краткая, но грустная история)	580	805
Пан Зноско	580	805

Жестокий барон. Трагедия в двух картинах и притом в стихах	582	805
Принцесса Африканская. Образцовое либретто для оперы .	603	806
<Три пародии>:		
1. «Горизонты вертикальные...»	611	807
2. «Над зеленым холмом...»	611	807
3. «На небесах горят паникадила...»	612	807
Биография декадента	612	808
Анкета о войне на Ближнем Востоке:		
К. Бальмонт («Хочу быть смелым... хочу быть храбрым...»)	613	808
С. Городецкий («Яры, яры, янычары...»)	614	808
В. Г. Тан («Грознее слухи всё. Пылает даль пожаров...»)	614	808
А. Блок («Вдали, над Турцией таинственной...»)	615	808
В. Брюсов («Я вижу камни. Вижу город...»)	615	808
И. Бунин («Как четки тополи в Константинополе!...»)	616	808
Ив. Рукавишников («Не хочу я идти на войну!...»)	616	808
<Стихотворения Смертяшкина>:		
1. «Бьют тебя по шее или в лоб...»	617	808
2. «В жизни мы — как будто на вокзале...»	617	808
3. «Маленькая девочка ходит среди сада...»	617	808

К. Ш. ФОФАНОВ

«Птичка ходит петь на ветку...»	618	809
---	-----	-----

С. Г. ФРУГ

Поэтическая задача	619	809
------------------------------	-----	-----

Д. М. РАТГАУЗ

«Без четверти в семь я ее полюбил...»	620	809
---	-----	-----

К. Д. БАЛЬМОНТ

XVI. «Мое призвание». Стихотворение К. Бальмонта	621	810
«Я испанец, я в болéro, шпагой мой украшен бок...»	622	810
Корреспонденция Бальмонта из Мексики	622	810
«Я плывал по Нилу...»	623	810
«Всё равно мне, человек плох или хорош...»	624	811
«Зовы древности» Бальмонта в кратком изложении	625	811
«Бальмонт пахнет? — Это вздор...»	626	811
«Я буду ждать тебя мучительно...»	626	811
В «Зоологии»	627	811

В. Я. БРЮСОВ

На себя	628	811
Школа Брюсова	628	812
«Дрожь, бесславный Иловайский...»	629	812
Осень	630	812

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

«Вижу на западе вспышки я...»	631	812
«Час утра. Больница. Не спится. Скрипит половица...»	632	812
«Тили-тили-тили-бом...»	632	812

А. А. БЛОК

Жертва трамвая	634	812
«Луна в белом чепчике с узором...»	634	812
«Ты слышишь признания, признания первые?..»	635	813
<Шаги командора>	636	813

И. А. БУНИН

<Три пародии>:		
«Прочитан Бунин. Как тяжелый куль...»	637	813
«Луны светло-зеленой острый вырез...»	637	813
«Ассаргадон свершил свою судьбу...»	638	813

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Полынь	639	814
«Истомных сред моих яд чарый проливав...»	640	814
«Эрота выпренных и стремных крыльях на...»	641	814
Косметика	641	814
Пол и потолок	642	814

З. Н. ГИППИУС

«Я знаю удовольствие смерти...»	643	814
Обои	643	814
«Углем круги начерчу...»	644	815

ФЕДОР СОЛОГУБ

«Пламенный круг» Ф. Сологуба:		
1. «Елисавета, Елисавета...»	646	815
2. «Затаился в траве и лежу...»	647	815
3. «Пила, пила, пила, плясала...»	648	815
«Ряди немца-распрохвоста...»	648	815
«Не презирай общественных наук...»	649	815

М. А. БУЗМИН

Куранты любви	651	815
«О Евдокия, Евдокия...»	652	816

Г. И. ЧУЛКОВ

«Я на качелях высоко летаю...»	654	816
--	-----	-----

И. С. РУКАВИШНИКОВ

«Сплю или проснулся? Ночи час, утра ли?..»	655	816
«Я мужик иль баба? Еду иль иду я?..»	656	816
«У моей невесты Доры..»	656	816
Пирамида биллиарда в «Белграде»	657	817
Бокал из «Вены»	657	817
Кочерга	658	817

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

«Тучи в кучу взбаламучу..»	659	817
«Всё сменилось, всё упало..»	660	817
«Недовольный миром бранным..»	660	817

Б. А. САДОВСКОЙ

«Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев..»	662	818
--	-----	-----

С. М. СОЛОВЬЕВ

«О вы, властители всех наций и всех стран!..»	664	818
---	-----	-----

А. С. РОСЛАВЛЕВ

Метла веков	665	818
«В башне». Сборник стихов	666	819

СКИТАЛЕЦ

«Мне вместо головы дала природа молот..»	667	819
«Я колокол! Я пламя! Я гаран!..»	667	819

П. П. ПОТЕЖКИН

«Писал, ста..»	669	819
«В Краскове..»	670	820

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Интуитивные краски	671	820
Перевод Пушкина на язык эгофутуристов	671	820
Примечания	675	
Словарь мифологических имен и названий	821	
Словарь устаревших и малоупотребительных слов и понятий	827	
Указатель пародируемых авторов	832	
Указатель пародистов	835	
К иллюстрациям	839	

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский (заместитель
главного редактора)*

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ ПАРОДИЯ
(XVIII — НАЧАЛО XX В.)

Редакторы *С. А. Рейсер* и *И. В. Исакович*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *О. К. Ковалева*

Сдано в набор 29/VI 1960 г. Подписано в
печать 31/X 1960 г.

Бумага $84 \times 103^{1/32}$. Печ. л. $27^{1/16}$ (45)
Уч.-изд. л. 43,17. Тираж 20 000. Заказ № 1268.
Цена 15 р. 35 к. С 1/1 1961 г. — 1 р. 54 к.

Ленинградское отделение издательства
Советский писатель

Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 4 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Социалистическая, 14

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Стро- ка	Напечатано	Следует читать
18	17 св.	воссылать . .	воссылать . .
38	12 св.	приведения	привидения
162	8 сн.	пролетела	пролетело
205	1 св.	Валдаиский	Валдайский
248	4 св.	Ошую	Ошую
251	13 сн.	Милорадович	Милорадович,
384	5 св.	освобожд	освобожденна
562	1 св.	стихотворении	стихотворений
571	3 св.	тенденцией	тенденцией
577	3 св.	таинственный	таинственный
733	13 сн.	«К. А. Н. Т-ву»	«К. А. Н. Т-ву»
762	14 св.	Доменико	Доменкино

Русская стихотворная пародия